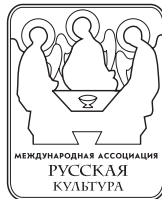

БОРИС БЬЁРКЕЛУНД

Путешествие в страну
ВСЕВОЗМОЖНЫХ
НЕВОЗМОЖНОСТЕЙ

В бедах мы Бога зовём,
В горестях мать призываем.
Весело если живём;
Бога и мать забываем.

Санкт-Петербург
«Русская культура»
2014

Альманах «РУССКИЙ МИРЪ»
Пространство и время русской культуры
ISSN 2072-9456
Приложение к 9-му выпуску альманаха

Бьёркелунд Б. В.

Путешествие в страну всевозможных невозможностей/подготовка текста к публикации, научная редакция, вступительная статья и комментарии С. А. Манькова. — СПб.: Международная Ассоциация «Русская Культура», 2014.

Книга воспоминаний лейтенанта Русского Императорского флота Бориса Бьёркелунда (1893–1976), рассказывает о самом сложном и драматичном периоде в его жизни, о десятилетии, проведённом в застенках сталинского ГУЛАГа.

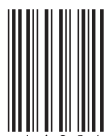
Интересно и живо написанные мемуары, содержащие множество наблюдений и размышлений автора, заставят окунуться в эпоху и будут, несомненно, интересны самому широкому кругу читателей, увлекающихся прошлым России и историей Русского Зарубежья.

Издание осуществлено при поддержке
Председателя Попечительского совета
НП «Русская культура»
Александра Анатольевича Евневича

ISSN 2072-9456

9 772072 945008

1 4 0 9 1

© НП «Международная ассоциация
„Русская культура“», 2014
© Маньков С. А., научная редакция,
вступительная статья и комментарии, 2014
© Ивашинцов Д. Д., оформление, 2014

Борис Бьёркелунд и его «Путешествие в страну всевозможных невозможностей»

Пёстрый ковер истории состоит из множества разноцветных нитей человеческих судеб. Нить жизни автора представленных воспоминаний не была прямой и одноцветной, она то и дело запутывалась в немыслимые узлы, рискуя оборваться в самый неожиданный момент, но затем вновь выпрямлялась.

Во многом эти воспоминания можно назвать уникальными, поскольку их автор был защитником Самодержавия в дни Февральской революции 1917 года, и жителем голодного Петрограда времён «военного коммунизма» и, наконец, в течение десяти лет узником сталинского ГУЛАГа, — и всё-таки выжил, несмотря ни на что, и сумел донести до нас правду о пережитых им событиях.

Борис Владимирович Бьёркелунд родился в Санкт-Петербурге 8 сентября 1893 года и был единственным сыном в семье финляндских шведов. Его дед Гавриил (Густав) Петрович Бьёркелунд (? — 01.02.1900), происходивший из мелких землевладельцев прихода Киркконулина Нюландской губернии (Великого Княжества Финляндского), стал первым представителем рода, поселившимся на берегах Невы. Отец, Владимир Гаврилович (Вольдемар Густавович) Бьёркелунд, служил в петербургских компаниях стивидором — подрядчиком, осуществлявшим контроль за морскими перевозками. Мать, Валентина Ивановна (1867–1936), дочь инженера фирмы «Нобель» И. Стенберга, служила по Ведомству учреждений Императрицы Марии и была преподавателем, а затем смотрителем приютов данного ведомства.

Брак родителей не был счастливым, и они разошлись, когда их сыну было три года, но их положение в обществе обеспечило Б. В. Бьёркелунду возможность получить хорошее образование и сделать карьеру. После окончания в 1911 году реального училища Бьёркелунд избирал стезю морского офицера и поступил в Морской Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Корпус, из которого он был выпущен в 1915 году с производством в чин мичмана.

Патриотический настрой, охвативший русское общество со вступлением России в Первую мировую войну, не мог не отразиться на восприятии новоиспечённого русского офицера, идеалистически верящего в победу своей родины и незыблемость самодержавной власти, которой он присягал.

С большим энтузиазмом мичман Бьёркелунд поступает во 2-й Балтийский флотский экипаж и на линкоре «Петропавловск» в 1916 году участвует в боях с германцами, где получает лёгкую контузию. Его отправляют на лечение в Петроград, где он становится участником драматических событий

начала Русской Смуты в феврале 1917 года. К изумлению мичмана Бьёркелунда, все попытки предупредить и слаженно подавить беспорядки со стороны офицерства разбиваются о полное равнодушие и преступную инертность высшего командного состава, итогом чему становится зримое превращение 2-го Балтийского флотского экипажа из лояльной части в мятежную и революционную, идущую 1 марта 1917 года во главе со своим командиром генерал-майором Александром Константиновичем Гирсом (1859–1917) извъявлять готовность служить бунтарской Государственной Думе.

Развязка не заставила себя ждать: в ту же ночь командир экипажа был убит матросами, вместе с ним пострадали и другие морские офицеры, в том числе и дежурный офицер казарм мичман Борис Бьёркелунд, которого матросы пытались убить, тогда он и получил черепно-мозговую травму. Придя в себя, Бьёркелунд узнал об отречении Императора Николая II.

Он так описывает перелом, произошедший в сознании царского морского офицера, оставшегося верным присяге и внутренне не принявшего революции:

«Одним из столпов всех установок был Царь. Это была личность для нас символическая, и за неё любой из нас должен был быть готов отдать всё, вплоть до жизни. И вдруг этот Царь отказался быть Царём, и в то же время жизнь у нас стали отнимать за то, что мы готовы были отдать её за Царя, и именно тогда, когда Царю она была совершенно не нужна. Были генералы, адмиралы, сановники; все они были ставленниками Царя и поэтому имели авторитет в наших глазах. И вдруг все они, или большинство из них, стали изменниками, заговорщиками против того, кому присягали, с невероятной лёгкостью они надели красные банты, правда, не всегда спасавшие их от самосуда толпы, но зато вполне подтверждавшие их сущность. Люди, в силу революции вышедшие в министры и представители власти, говорили и делали вещи, совершенно не укладывавшиеся в понятие и представления морского офицера, а матросы — «команда» — оказались не „христолюбивым воинством“, а разбойниками, убийцами и трусливыми спекулянтами».

Бьёркелунд с ужасом наблюдал за всем происходящим вокруг. Его воспоминания содержат немало ценных зарисовок и наблюдений о тех кардинальных изменениях, которые происходили в поведении русского общества того времени. Люди христосовались на улице, несмотря на Великий пост. Дядя Бьёркелунда, лейб-хирург Р.Р. Вреден, и мать, начальница одного из приютов Ведомства Учреждений Императрицы Марии, до того считавшиеся сверхблагонадёжными, ходили с красными бантами. Многие были всерьёз убеждены, что наступила «новая эра свободы», которая поможет выиграть России в войне и в одночасье разрешит все проблемы. Все попытки возразить и привести более реалистичные доводы, вспоминал Бьёркелунд, приводили к тому, что «на меня смотрели, как на дурака, и объсняли мои взгляды старой закваской».

Пережитые травмы, разочарование и крушение идеалов вкуже с предвкусением большой беды, которая не преминула грянуть через несколько

месяцев, заставили Бьёркелунда оставить службу во флоте, выйти в отставку в чине лейтенанта, а последовавшие за февралем 1917 года события нещадно разбили иллюзии русской общественности и доказали правоту Бориса Владимировича.

Взгляды, высказываемые Б.В. Бьёркелундом, не явились единичными, и их наличие, несомненно, служит доказательством тому, что если не бо́льшая, то существенная часть предреволюционного офицерства была готова встать на защиту пошатнувшегося монархического режима, но, к сожалению, этот потенциал был не использован рухнувшей властью.

Все последующие месяцы рокового 1917 года Бьёркелунд ощущает всю степень обречённости и трагичности, в которой оказалась его родина. Ненавидя думских и советских революционеров (А.Ф. Керенского, А.И. Гучкова, П.Н. Милюкова, В.И. Ленина), Бьёркелунд не менее глубоко презирает «революционеров в погонах», олицетворением которых для него был генерал Л. Г. Корнилов. Негативное отношение к последним предопределяет последующее неучастие Бьёркелунда в Белом движении. Сам автор говорил об этом периоде так: «Многие могут объяснить мой уход с поля брани в личную жизнь трусостью, но это неверно. Я руководствовался не этим чувством, а сознанием бесполезности жертвовать собою с вероятностью почти стопроцентной гибели за дело, которое спасти нельзя, особенно под начальством и руководством лиц, которые всю эту обстановку создали, и которых я всей душой презирал». В этом смысле октябрь 1917 года и захват власти большевиками был для него ужасным, но вполне ожидаемым событием.

В 1918 году Петроград опускается в мрачную атмосферу «красного террора», военного коммунизма, трудовых повинностей, топливного и продовольственного голода, облав, обысков, бандитизма и пр. Единственным желанием русского морского офицера в этот страшный для Петрограда период становится желание «выжить». Для этого Борису Владимировичу приходится изобретать разные способы и ухищрения, вплоть до когда-то немислимой для него спекуляции, альтернативой которой была лишь голодная смерть.

В 1921 году Бьёркелунд, испытывавший отвращение ко всему происходящему в РСФСР и желавший, даже находясь в Петрограде, принести пользу Финляндии (которую от всего сердца не хотел видеть «красной»), оказался вовлечён в финскую разведывательную сеть на северо-западе Советской России. Имея возможность часто перемещаться по региону в качестве служащего системы советского снабжения, Борис Владимирович доставляет финской разведке немало ценной информации, как военного, так и социально-экономического характера, а также организует переправку в Финляндию вооружения. В конце своего пребывания в России ему удаётся сколотить небольшую группу лиц, помогавших ему в этом деле.

В конце 1921 года после относительной нормализации отношений между Советской Россией и Финляндией финский гражданин Б. Бьёркелунд получает возможность выехать на родину своих предков. Радостная

и долгожданная новость была омрачена известием о том, что советские функционеры отказываются выпустить его супругу Марию Александровну Бьёркелунд (урождённую Боричеву) и дочь из страны. По приезде в Финляндию Б. Бьёркелунд, используя свои нелегальные контакты с представителями финской разведки, получает место дипломатического курьера Финляндского МИД в Советской России. Это открывает ему возможность часто бывать в Петрограде, навещать семью, а также вести работу по развитию Петроградский разведывательной сети в интересах его новой отчизны. Но осенью 1922 года чекистам удалось раскрыть «группу Бьёркелунда», имя которого, впрочем, на процессе даже не упоминалось. Большинство из участников группы были позже отпущены, так как органы ОГПУ не смогли доказать в Ревтрибунале их причастность к финской шпионской сети, но личной драмой Бориса Владимировича стали арест и осуждение в качестве соучастницы его супруги, которая вместе с малолетней дочерью (вскоре умершей) была отправлена в тюрьму.

Провал «группы Бьёркелунда» в Петрограде в 1923 году закрыл ему возможность въезда в Советскую Россию в качестве дипломата. В этот период благодаря родственным связям (двоюродный брат Бориса Владимировича, Георгий Яльмарович Хеккерт (1886–1969), был командующим финским флотом) он получает предложение от полковника К. Мальмберга, возглавлявшего разведку Финского Генерального Штаба, о поступлении в качестве чиновника в это ведомство. Это предложение было принято Бьёркелундом. В его задачи на новом месте входит анализ советской партийной и военной прессы и открытых изданий на предмет выявления в них данных о возможности агрессивных действий против Финляндской республики. С этой задачей Бьёркелунд справляется успешно, и его отчёты высоко ценились начальством. В тот период он использовал своё укрепившееся положение для того, чтобы вызволить супругу из заключения. Но вернувшаяся после долгих хлопот в 1927 году жена оказалась человеком замкнутым, с совершенно расстроенной психикой, делавшей их совместную жизнь невозможной. Даже совместное увлечение благотворительным любительским театром, где семья Бьёркелунд выступала в качестве режиссёров-постановщиков и актёров, не спасла положение. В 1930 году по взаимному согласию брак между Борисом Владимировичем и Марией Александровной был расторгнут.

Судьба послала Борису Бьёркелунду новую спутницу жизни, коей стала дочь полковника Русской Императорской армии Ирина Романовна фон Раупах (21.04.1908–14.07.2010); с ней в ноябре 1931 года Борис Владимирович сочетался узами брака, который оказался прочным и счастливым.

Живя в Финляндии, Бьёркелунд был хорошим гражданином и патриотом этой страны. Оставаясь по убеждениям правым консерватором и даже формально числясь членом военизированной национально-патриотической организации «Шюдскор», он тем не менее не участвовал в политической борьбе внутри русской эмиграции, от активной части которой в вопросах, не связанных со службой, старался держаться подальше.

Выйдя в отставку со службы в Генеральном Штабе в 1938 году, Бьёркелунд полностью отдался своему антикварному и рекламному бизнесу, который давно уже кормил его семью больше, нежели госслужба.

Начавшиеся войны с СССР (сперва «Зимняя» 1939–1940 гг., а затем «война продолжение», как в Финляндии называют участие во Второй мировой войне в 1941–1944 гг.) никак не затронули супружескую чету Бьёркелунд, взрывающую на всё происходящее с позиции простых граждан. Но в апреле 1945 года скромный гражданин Финляндии Б. В. Бьёркелунд неожиданно для себя отправился в «путешествие», из которого ему было суждено возвратиться только через 10 лет. Он был арестован у себя на квартире финской полицией и вместе с девятнадцатью другими несчастными отправлен в СССР. Как выяснилось позже — по требованию Советской контрольной комиссии, находившейся в Финляндии после её выхода из войны. По приказу министра внутренних дел Финляндии, коммуниста Ю. Лейно, 20 лиц, среди которых были и финские граждане (в том числе Б. Бьёркелунд), без суда и следствия передавались в СССР в качестве «военных преступников». В финской историографии они известны как «узники Лейно». Вся нелепость обвинения в военных преступлениях Бориса Бьёркелунда, кот орый даже не принимал участия в войне, была очевидна для всех, но только не для всемогущей сталинской карательной машины, после полугодичного следствия в Москве в мгновение ока обрётшей его на десятилетнее существование в лагерях.

В лагерной эпопее Бориса Бьёркелунда было многое: несколько раз он был на краю гибели из-за голода и болезней, но оптимизм, вера в будущее и любовь верной супруги позволили преодолеть всю душевную и физическую боль, а также невзгоды судьбы.

Вырвавшись в конце 1955 года из советского плена, больной, разбитый, но несломленный шестидесятидвухлетний Борис Бьёркелунд наконец вернулся в Финляндию, где его ждала преданная жена.

Итогом этой трагедии стало то, что из двадцати вывезенных в 1945 году «узников Лейно» обратно вернулись только одиннадцать человек. Финляндские власти, желая хоть как-то загладить вину перед ними, назначили уцелевшим скромную пенсию. Будучи не в силах продолжать рекламное и антикварное дело, вынужденно оставленное после ареста, Борис Владимирович ушёл в быт, то есть к образу жизни простого обывателя с его скромными радостями, к каковому так долго стремился. В этот период Борис Владимирович старается больше времени проводить в обществе своей супруги и друзей; увлекается разведением собак; часто живёт в дали от столичной суеты на даче в небольшом городке Оталампи.

В начале 1960-х гг. Бьёркелунд, желая донести до мира всю правду о пережитом, приступает к написанию воспоминаний. В 1966 году на финском языке выходит его книга о десяти годах пребывания в СССР (Boris Björkelund. Stalinille menetetyt vuoteni: elämäni vaiheet 1945–1955. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1966). Она имеет большой резонанс, и издатели выпустили

два дополнительных тиража по 15 000 экземпляров. Одновременно Борис Владимирович работает над русским вариантом этой книги под весьма характерным названием «Путешествие в страну всевозможных невозможностей» и ведёт обширную переписку с российскими эмигрантскими издательствами в Европе и Америке на предмет возможного её опубликования. Но скромные возможности русских зарубежных книгоиздателей не дали осуществиться замыслам автора. Только в 1971–1972 годы издающаяся в Калифорнии газета «Русская жизнь» на своих полосах взялась опубликовать газетный вариант этого исключительного по содержанию и правдивости труда, отражающего всю боль и трагическую судьбу сотен тысяч узников ГУЛАГа; труда, достойного встать в один ряд с «Россией в концлагере» И. Л. Солоневича, «Архипелагом ГУЛАГом» А. И. Солженицына и «Колымскими рассказами» В. Т. Шаламова. Но так называемый «железный занавес» и ограниченный тираж эмигрантской газеты не позволили познакомиться с этими воспоминаниями российским читателям.

Одновременно Бьёркелунд ведёт работу над воспоминаниями о своём беззаботном детстве, проведённом в неохваченной потрясениями Императорской России и о суровом времени, пережитом в Петрограде в 1917–1922 годах. Увы, тяжёлая болезнь, возникшая вследствие подорванного в лагерях здоровья, остановила труды Бориса Владимировича.

25 апреля 1976 года в первый день Святой Пасхи в г. Оталампи лейтенант Российского Императорского флота Бориса Владимирович Бьёркелунд скончался.

В архиве автора в Хельсинки остались лишь две неоконченные рукописи: «Детство» и «Революция 1917 года». При его жизни увидел свет только отрывок из рукописи «Революция 1917 года», опубликованный в 1970 году в № 107 парижского журнала «Русская быль», который издавался однокашником автора по Морскому Корпусу лейтенантом Алексеем Алексеевичем Герингом (1895–1977), и повествующий о трагедии русского морского офицерства в первые месяцы после Февральской революции. Только в 2008–2011 года на страницах петербургского альманаха «Русский Миръ» (№№ 1–5), выходящего стараниями Международной ассоциации «Русская культура», эти рукописи были полностью напечатаны, а в 2013 году изданы в виде отдельной книги издательством «Алетейя».

Публикация неоконченных произведений Бориса Бьёркелунда, равно как и выход его книги «Путешествие в страну всевозможных невозможностей», стали возможны благодаря стараниям его вдовы Ирины Романовны Бьёркелунд, бережно хранившей память о своём ушедшем супруге. В 2004 году она передала в Россию его наследие в виде бесценных, интересно и живо написанных воспоминаний, содержащих много наблюдений и размышлений автора, которые заставят окунуться в сложную и трагическую эпоху и будут, несомненно, интересны самому широкому кругу читателей, увлекающихся прошлым России и историей Русского Зарубежья.

С. А. Маньков

ВСТУПЛЕНИЕ

При слушании рассказа или при чтении книги наше восприятие всегда бывает точнее, когда известно, кто повествователь и что он из себя представляет. В данном случае вопрос идёт о пересказе того, что глаза мои видели и что уши мои слышали, и мне кажется, что для читателя ещё важнее знать, кому же эти глаза и уши принадлежали. Исходя из этих соображений, я считаю необходимым дать мою краткую биографию.

Я родился в 1893 году в городе Санкт-Петербурге на Васильевском Острове, являвшемся родиной многих проживавших в Петербурге иностранцев, ибо Васильевский Остров Петербурга был своего рода немецкой слободой Москвы петровских времён.

Родители мои с обеих сторон были финляндские шведы, или финляндцы, как их тогда называли в просторечии; официально же они именовались «уроженцами Великого Княжества Финляндского¹». Отец происходил из Ньюландской губернии², где у его родителей было довольно бездоходное имение около Черкслета, а мать была дочерью инженера Стенберга из Або, находившегося в России на службе в фирме «Нобель»³ в Баку. Бабка со стороны матери была по происхождению полька — Розинская.

Из всего этого явствует, что я ни с какой стороны не являюсь русским в отношении кровном, но, учитывая то, что мои детство и юность протекали в России, что учился я сперва в реальном училище в Петербурге, а затем окончил там же Морской Корпус, после чего служил в Царском флоте, а также и то, что моим воспитанием занимались бабка и мать, обе в прошлом петербургские институтки, я, естественно, не задумывался о своих «кровях» и «иностранцем» себя не считал.

Морской Корпус я окончил в 1915 году. Когда разразилась революция со всеми её последствиями, для меня выразившимися, кроме всего остального, в пробитии головы, я принуждён был переменить как свою жизнь, так и свои установки, а после окончательного воцарения большевиков в 1921 году покинул Россию и переселился в Финляндию.

Этот период — с весны 1917 года по весну 1921 года, когда совершилось моё переселение, — был для меня очень важным и решающим в смысле формирования моего мировоззрения, взглядов и убеждений. До того я был просто Царским морским офицером, ничем не отличавшимся от своих товарищей. Наши интересы были ограничены службой, средой, отчасти семьёй; вне этого было что-то вроде пустого пространства. На все жизненные вопросы существовали готовые ответы и установки, не было сомнений и колебаний, как подобает морскому офицеру поступать в данном случае.

И вдруг всё полетело к чёрту, все понятия сместились в пустое пространство, никаких заранее другими обдуманых ответов на неожиданно возникшие вопросы не оказалось, надо было искать их самому и в случае неудачного решения платить головой.

Одним из столпов всех установок был Царь. Это была личность для нас символическая, и за неё любой из нас должен был быть готов отдать всё, вплоть до жизни. И вдруг этот Царь отказался быть Царём, и в то же время жизнь у нас стали отнимать за то, что мы готовы были отдать её за Царя, и именно тогда, когда Царю она была совершенно не нужна. Были генералы, адмиралы, сановники; все они были ставленниками Царя и поэтому имели авторитет в наших глазах. И вдруг все они, или большинство из них, стали изменниками, заговорщиками против того, кому присягали, с невероятной лёгкостью они надели красные банты, правда, не всегда спасавшие их от самосуда толпы, но зато вполне подтверждавшие их сущность. Люди, в силу революции вышедшие в министры и представители власти, говорили и делали вещи, совершенно не укладывавшиеся в понятия и представления морского офицера, а матросы — «команда» — оказались не «христолюбивым воинством», а разбойниками, убийцами и трусливыми спекулянтами. Было от чего прийти в отчаяние и потерять всякое представление о масштабах и о реальности.

С приходом к власти большевиков положение стало ещё более запутанным. Отовсюду вылезли негодяи, прохвосты, уголовные элементы, наконец, местечковые евреи. Пошёл красный террор, массовые убийства, расстрелы, но на месте ликвидированных людей сейчас же появлялись новые. Люди делали в какие-нибудь полгода головокружительную карьеру и так же головокружительно исчезали в подвалах Че-Ка.

Рядом с этим громадным сумасшедшим домом появилось маленькое демократическое государство с прекрасным порядком, справившееся с анархией, с большевизмом и со всем тем, что возбуждало во мне отвращение и ужас. И я был полноправным членом, гражданином этого государства, и государство это было — Финляндия. Моё решение, подсказываемое обстоятельствами, было вполне естественно: я отряхну прах с моих ног и еду в эту мою страну, страну, которую я ещё мало знаю, но которая своим поведением возбудила во мне преклонение, уважение и любовь.

И было вполне естественно, что мне захотелось помочь этой моей стране, помочь активно в её стремлении отбиться от красного спрута. В силу этого я вступил в связь с активными финскими элементами и начал помогать им, переправляя через красный фронт в Финляндию полевые телефоны, бинокли, пулемёты. По не зависящим от меня обстоятельствам мне самому в это время ещё не удалось перебраться в Финляндию, я смог туда переехать лишь в 1921 году. К этому времени я уже был женат, но, по некоторым соображениям, жена не смогла вместе со мною переехать в Финляндию и временно осталась в Петербурге.

В Финляндии я поступил на службу в Министерство иностранных дел и в течение целого года ездил в Москву в качестве дипломатического курьера Министерства. Однако осенью 1922 года эта моя работа неожиданно прекратилась: большевики отказались визировать мой дипломатический паспорт. Одновременно с этим в Петрограде была арестована моя жена. Через несколько месяцев в Петрограде в помещении бывшего ресторана «Контан»⁴ начался большой показательный процесс «финляндских шпионов».

Моя личность в этом процессе не фигурировала. Провал произошёл с другим дипломатическим курьером, а именно с Вернером Парвийненем, но одной из центральных фигур процесса оказалась моя жена; обвинённая по статье, предусматривавшей недоносительство, она была приговорена к 5-летнему тюремному заключению.

Во время пребывания жены в тюрьме умерла наша малолетняя дочь⁵. Это горе, пребывание в тюрьме и всё пережитое так отразилось на психике моей жены, что, когда через два с половиной года мне удалось устроить обмен её на двоих пойманных в Финляндии советских агентов и таким образом добиться её освобождения и репатриации в Финляндию, она была издёрганной, полунормальной, пристрастившимся к наркотикам и, по существу, погибающим человеком.

Моя работа по оказанию помощи Финляндии связала меня с финскими военными. С течением времени связь эта становилась интенсивнее и крепче, и, несомненно, что за последнее время моего пребывания, а также во время моих дипломатических поездок мне удалось оказать довольно много услуг финляндской разведке. Большой круг знакомых в Петрограде сильно облегчал мою работу в этом направлении, но в 1923 году, когда я был лишён возможности сам посещать Советский Союз, и в особенности после шумного процесса, на котором фигурировала моя жена, продолжать там работу стало очень трудно. По своей работе я был связан с Финским Генеральным штабом, исключительно с ним. Отношение ко мне там было хорошее, покидать его ряды мне не хотелось, и потому, когда моя работа, выполняемая для Штаба, поневоле должна была прекратиться, я взял на себя другую обязанность — организацию отдела русской печати при Финском Генеральном штабе. Сущность этой работы заключалась в прочтении всего печатного, что выходило в Советском Союзе по вопросам, которые могли интересовать Штаб, выписках из этой литературы соответствующих материалов, в систематизации их и составлении архива из собранных выдержек. Моя компетенция для такого рода ответственной работы была, конечно, недостаточна, вследствие чего мне пришлось привлечь к ней соответствующих специалистов. На этом посту я проработал до весны 1938-го, после чего окончательно перешёл к другой деятельности: используя мои скромные художественные способности, я посвятил себя рекламе, которой я интересовался и раньше, и которой занимался параллельно с работой в Штабе ещё с 1929 года.

За время моей работы в Генеральном штабе произошли два случая, которым я тогда не придавал значения, но которые впоследствии сыграли большую роль в моём следственном деле.

Чтобы сделать более понятным то, о чём я сейчас буду рассказывать, я принуждён прибегнуть к небольшому отступлению. В своё время русские белоэмигранты организовали антисоветскую и антикоммунистическую организацию «Русский Обще-Воинский Союз»⁶, в общежитии сокращённо называвшийся «РОВС». После смерти организатора Союза генерала Врангеля⁷ во главе организации стоял генерал Кутепов⁸, а его ближайшим сотрудником, можно сказать, правой рукой был некий генерал Скоблин⁹, который был из прапорщиков военного времени, в период Гражданской войны добравшихся до генеральского чина. С некоторого времени эта организация РОВС, расширяя рамки своей деятельности, стала стремиться перенести её и на территорию Советского Союза. Для этой цели была создана специальная организация, получившая название «Внутренней линии»¹⁰, возглавление которой было поручено генералу Скоблину. Позже выяснилось, что этот генерал был агентом Государственного Политического Управления (ГПУ) и вся его деятельность была чисто провокационной. Но в 1928 году, к которому относится моё повествование, это ещё не было известно — провал и разоблачение Скоблина произошли позже. К концу же 20-х годов деятельность РОВС была в полном разгаре, и возглавлявший РОВС генерал Кутепов усиленно искал путей в Советский Союз. Естественно, что почти все эти пути шли через так называемые «лимитрофные государства», в том числе и через Финляндию, причём путь через Финляндию был кратчайшим, так как Ленинград, (как к тому времени был переименован Петербург) был под боком.

Это обстоятельство в силу если не общих целей, то общих интересов, заставило возглавителя РОВСа генерала Кутепова и начальника Финского Генерального штаба генерала Валлениуса¹¹ войти в контакт друг с другом и, в конце концов, привело к идее предоставить финские этапы агентам РОВСа, за что последние должны были доставлять Штабу материалы разведывательного характера. Было решено, что для окончательного оформления соглашения генерал Кутепов приедет в Финляндию, для чего Генеральный штаб предоставил ему фальшивый паспорт на чужое имя, с которым генерал Кутепов и приехал, остановившись в окрестностях города Гельсингфорса.

Эта линия поведения Генерального штаба не соответствовала видам и планам тогдашнего Финского правительства, по возможности избегавшего каких-либо осложнений с советским соседом. Не имея возможности непосредственно воздействовать на генерала Валлениуса, а также учитывая его взбалмошный характер, правительство поручило находившейся в его распоряжении Политической полиции¹², возглавлявшейся господином Риекки¹³, следить за деятельностью как самого Генерального штаба, так и его агентуры.

Такое положение привело к обострению отношений между Государственной политической полицией и Генеральным штабом, вылившихся в конце концов в форменную войну. Старая русская поговорка «Паны дерутся, у хлопцев чубы летят» в данном случае осуществилась полностью: мы, работники Генерального штаба, почувствовали за собой слежку, а одновременно на нас посыпались доносы, подчас самого фантастического характера, на которые мы были вынуждены давать письменные разъяснения.

Все эти обстоятельства в полном объёме стали мне известны позже, а именно: когда разразился открытый дипломатический скандал в связи с взрывом бомбы в Деловом клубе в Ленинграде. Оказалось, что бомба в клубе была брошена агентом РОВСа, проникшим в Советский Союз из Финляндии по путям, договоренным между генералами Валлениусом и Кутеповым. Фамилия этого агента была Ларионов¹⁴, и о своём походе и террористическом акте он издал небольшую брошюру, из которой явствует, что всё им совершённое было задумано и проведено чрезвычайно легкомысленно.

Как раз в период, когда велись вышеупомянутые переговоры между генералами Валлениусом и Кутеповым и строились планы будущих действий, ко мне явился неизвестный мне молодой человек по фамилии Бугаев. Отрекомендовавшись убеждённым противником большевиков, он просил меня содействовать переходу его в Советский Союз для ведения там антибольшевистской работы среди населения. В благодарность за оказанную помощь он обещал давать сведения, могущие быть интересными Финскому Генеральному штабу.

Я выразил недоумение, почему он обратился с этой просьбой ко мне, незнакомому ему человеку. Он ответил, что обратился ко мне, так как знал, что я работаю в Генеральном штабе; сведения об этом, а также совет обратиться ко мне получил от лица, имярек такое-то. Должен сказать, что названное им лицо я знал довольно хорошо, но больших симпатий к нему не имел, доверия он во мне не возбуждал. Поэтому я ответил примерно так: в Генеральном штабе я работаю в отделе прессы и отчасти в архиве; к переброскам агентуры в Советский Союз никакого отношения не имею и даже полагаю, что Штаб вообще сам этим не занимается, предоставляя подобную работу своим резидентам на границе; поэтому я считаю, что г. Бугаеву лучше всего искать дорогу к ним.

К этому я добавил, что, по моим представлениям, вести антибольшевистскую пропаганду непосредственно в Советском Союзе невозможно и бессмысленно. Невозможно в силу бдительности органов ГПУ, бессмысленно — потому, что население лучше, чем пришедший из-за границы человек, знает, как ему плохо живётся, и может привести ему, Бугаеву, значительно больше вопиющих примеров из жизни советских людей, чем может дать он сам. Если же г. Бугаев, прибавил я, собирается идти в Россию по поручению какой-либо русской антисоветской организации,

то он должен учесть, что, по моему опыту, все эти организации и в центре и на периферии насыщены провокаторами и агентами ГПУ.

Бугаев мне ответил, что он ни с какой русской организацией связей не имеет, наоборот, именно бездеятельность, по его мнению, этих организаций и побуждает его самого взяться за дело. При этом он заверил, что хорошо подготовлен, опасности не боится и не думает, что ему в Советском Союзе может угрожать неожиданность «поленом по голове». В Ленинграде у него есть родня и на первое время он сможет там устроиться.

Эти разговоры сильно пахли провокацией, и я категорически отказался помочь ему в его просьбе, сославшись на отсутствие у меня к тому каких-либо возможностей.

Я не придавал большого значения посещению Бугаева. В связи с той межведомственной войной между Генштабом и Политической полицией, о которой я уже упоминал, я рассматривал посещение Бугаева как интригу полиции и потому доложил о произошедшем моему непосредственному начальнику полковнику Мальмбергу¹⁵.

В этом своём предположении, как оказалось, я ошибся. Впервые Бугаев посетил меня, если память мне не изменяет, летом 1928 года. Приблизительно через месяц визит повторился. За это время я навёл справки, которые выяснили, что полицейским агентом он не был, чего нельзя было сказать о человеке, который его ко мне направил. В связи с этим я ещё более настойчиво подчеркнул ему опасность и ненужность его замысла. Однако он вновь выразил убеждение в правильности своего решения, которое, как он говорил, мои сомнения поколебать не могут.

В дальнейшем разговоре я указал, что задуманное им дело требует исключительной конспирации, а между тем он обратился к лицу, направившему его ко мне, видимо, не зная, что оно является агентом Политической полиции; для меня, знающего это, было несомненно, что человек этот направил его ко мне с провокационной целью. Всё это показывает легкомыслие, неосторожность и простодушие господина Бугаева.

Вначале он несколько растерялся, но затем объяснил своё обращение к этому человеку тем, что тот в своё время ходил в Советский Союз по поручению Генерального штаба, был там арестован, приговорён к расстрелу и спасён вмешательством того же Генерального штаба, добившегося обмена его на пойманных в Финляндии советских агентов. В силу этого он думал, что у этого человека сохранились связи и знакомства с штабными работниками. Приведённые им данные были верны, и потому его объяснение показалось мне правдоподобным. На этом мы с ним расстались.

Через две недели после этого разговора моё штабное начальство спросило меня о Бугаеве. Они им заинтересовались и со своей стороны навели о нём необходимые справки, оказавшиеся положительными. В связи с этим было выражено желание, чтобы я направил Бугаева резиденту Штаба в Выборге¹⁶ для дальнейшей переброски за границу.

Выполняя поручение, я вызвал к себе Бугаева, дал ему Выборгский адрес, деньги на дорогу и сказал, что все дальнейшие указания он получит от лица, к которому явится в Выборге. В заключение я повторил, что ему необходимо соблюдать конспирацию, просил лицо, направившему его ко мне, ничего не говорить о наших переговорах, и подчеркнул, чтобы он соблюдал осторожность, покидая свою квартиру. Бугаев заверил меня, что всё будет сделано как нужно, что, задумав давно свой поход, он всё обдумал, предусмотрел и подготовил так, чтобы исчезнуть совершенно незаметно. Единственно чего у него нет, это револьвера, а последний ему абсолютно необходим. Это было естественно и понятно, и потому я нашёл возможным снабдить его револьвером.

Едва только Бугаев успел меня покинуть, как в передней раздался звонок. Я открыл дверь и увидел перед собой лицо, направившее ко мне Бугаева.

— Можно с тобой поговорить? — спросил он.

— Пожалуйста. — сказал я. — Чем могу быть полезен?

— Так это ты отправляешь Бугаева в Россию?

— Чепуха! — говорю я. — Откуда ты это взял?

— Мне это совершенно ясно!

— Если тебе это ясно, то зачем же ты ещё меня об этом спрашиваешь?

На этом закончился наш разговор, а также и наше знакомство. Судьба Бугаева была такова: по приезде в Выборг он явился по данному мною адресу; там он узнал, что переход через границу будет возможен только через 5–6 дней. Эти дни он прожил в Выборге и за это время посетил нескольких лиц, в том числе представителя Русского монархического объединения капитана Иосельяни¹⁷. Не знаю почему, он нашёл возможным посвятить Иосельяни в свои планы и попросить у него револьвер. Иосельяни револьвер дал, но тут же написал на Бугаева донос в ГПУ и отнёс его советскому консулу в Выборге. Почему? Да просто потому, что почтенный капитан Иосельяни, возглавлявший Выборгских русских монархистов, был большевистским агентом.

Бугаев через несколько дней благополучно перешёл границу, но, дойдя до одной из станций Мурманской железной дороги, был схвачен и арестован уже поджидавшими его там агентами ГПУ. Несмотря на имевшиеся у него три револьвера (третий он, видимо, взял у резидента Штаба), он сдался без боя и после почти годового следствия был расстрелян.

В 1948 году в кабинете следователя мне пришлось читать донос Иосельяни на Бугаева, составленный в весьма лирических тонах, а через год, в 1950 году, уже у другого следователя, я имел возможность ознакомиться со всем делом Бугаева. Прочитав это дело, я узнал, что Бугаев покаялся в своём белогвардействе, объясняя его растлевающим влиянием эмиграции, а на меня он указал как на человека, уговорившего его поступить осведомителем в Финский Генеральный штаб и давшего ему определённые задания шпионского характера. Естественно, что в деле осталось невыяс-

ненным — каким образом Бугаев должен был переправлять результаты этих заданий обратно в Финляндию.

Второй случай, который я считаю нужным рассказать, произошёл несколько раньше только что описанного. То же лицо, которое направило ко мне Бугаева, сообщило мне, что со мной хочет познакомиться некий господин Толь¹⁸. Настоящая фамилия его была Антонов, по имени же он был Анатолий, откуда и создалась фамилия Толь. Мне он был известен как сотрудник резидента Генерального штаба в Выборге, с которым он в начале 20-х годов работал по вербовке курьеров для посылки в Советский Союз. Я слышал, что после нескольких довольно неприятных провалов Толь отошёл от этого и стал заниматься коммерческими делами. Я его никогда не видел, но слышал, что он процветает и рассматривается как энергичный и состоятельный человек.

Знакомство наше состоялось в церкви, и Толь тут же выразил желание побеседовать со мной с глазу на глаз, почему я пригласил его зайти ко мне на квартиру. В руках у Толя был довольно объёмистый пакет, с которым он ко мне и явился.

В начале разговора Толь сообщил, что находится в чрезвычайно затруднительном положении: финская Политическая полиция высылает его из Выборга, а это его не устраивает и путает все его карты и расчёты. Он сообщил, что является представителем одной крупной русской антисоветской организации и что для своей деятельности ему необходимо жить в Выборге. Тут он упомянул, что мне должно быть известно о тех переговорах, которые в это время велись между генералом Кутеповым и Генеральным штабом, а также и о той отрицательной позиции, которую в это время занимала Политическая полиция. Именно это косвенно и отразилось на нём в форме высылки из Выборга.

Я спросил его — куда же его высылают? Он мне ответил: «В Гельсингфорс».

Я удивился как такого рода высылке (обыкновенно высылают из столицы в провинцию, а не наоборот), так и тому обстоятельству, что г. Толь обратился с этим делом ко мне, и я, право, не знаю, чем я могу быть ему полезен. Никакого отношения к полиции я не имею и изменить отношение её к нему не могу, тем более, как я себе представляю, установка эта сделана финским правительством, а полиция в данном деле является лишь исполнительной инстанцией. Что же касается переговоров, которые ведёт генерал Кутепов, то я об этом слышу впервые. Фактически это так и было.

На это Толь сказал мне, что я как служащий Генерального штаба могу составить ему протекцию и способствовать тому, чтобы постановление о его высылке было отменено. Я поблагодарил его за доверие, но указал, что он переоценивает моё значение и роль в Генеральном штабе: фактически я являюсь очень незначительным работником Бюро Печати и оказать ему какую-либо протекцию возможности не имею.

Тогда Толь перешёл на другую тему, стал говорить о русском патриотизме, о долге офицера бороться с большевизмом, о работе антибольшевистских организаций в Советском Союзе и в заключение попросил меня переправить в Советский Союз антибольшевистскую литературу, издаваемую той организацией¹⁹, которую он представлял в Финляндии и которая возглавляется генералом Красновым²⁰. На всё это я ответил примерно так: просьба его вызвана переоценкой моего влияния и моей роли в Финском Генеральном штабе. Как сказано, я являюсь лишь незначительным служащим Бюро печати, или, если хотите, архива; переброски же чего-либо и кого-либо лежат вне пределов моих возможностей, кроме того я принципиально не вмешиваюсь ни в какие русские организации, так как по опыту убедился в том, что все они пропитаны провокационными элементами — это раз, а два — «я не считаю себя русским и не считаю, что я имею какие-либо обязательства по отношению к этой стране».

На этом наш разговор закончился, но Толь попросил разрешения оставить у меня на квартире имевшийся при нём пакет, говоря, что ему затруднительно таскать его с собой, но через пару дней перед своим отъездом в Выборг он зайдёт ко мне и возьмёт его. Против этого я возражений не имел, и на этом мы расстались.

Однако ни через два дня, ни через неделю никто за пакетом не приходил. Вместо этого я был вызван к моему начальнику, который сообщил мне, что Политическая полиция известила Штаб, что я взял для переправки в Советский Союз 350 брошюр Братства Русской правды и дал согласие быть представителем этой организации в Гельсингфорсе. Пришлось дать в письменной форме подробное объяснение по этому поводу, что же касается пакета с брошюрами, то за ним был прислан агент полиции, которому я сдал оставленные Толем в пакете брошюры по счёту и под расписку.

На этом дело и кончилось. В то время я думал, что был спровоцирован Толем и только значительно позже узнал, что душою этого дела и его инициатором было то лицо, которое меня познакомило с Толем, а несколько позднее направило ко мне Бугаева.

Всё это происходило в 1928 году, и произошедшее после этого времени почти изгладил из моей памяти эти события, тем более, что и тогда я не придавал им большого значения.

Весной 1938 года я окончательно закончил свою работу в Генеральном штабе и целиком посвятил себя рекламной работе, которой, параллельно с работой в Штабе, занимался с 1929 года. Война 1939 года положила предел моей деятельности в качестве «рекламиста». Окна сперва заклеили бумагой, потом забили досками и, наконец, завалили щебнем и камнями. Свет погасили, и потребности в рекламе больше не было: за каждым куском мыла, за каждым метром ткани (не говоря уже о предметах питания) стояли очереди.

Но каждому человеку нужно есть, и я не составляю в этом отношении исключения, и потому на небольшие средства, которые у меня были отло-

жены, я открыл комиссионный антикварный магазин. Момент, по крайней мере в коммерческом смысле, был выбран удачно, дело пошло, и к осени 1944 года я мог считать себя хорошо обеспеченным человеком, причём состояние было помещено в золото, серебро и драгоценности.

Старость и семья — к тому времени я был уже вторично женат²¹ — казалось, были обеспечены. Однако собирались новые тучи, и притом не только на горизонте, но и над самой головой. Политическая обстановка была, мягко сказать, тревожная, и простому обывателю разобраться в ней было трудно.

В августе 1944 года Финляндия после войны с Советским Союзом заключила перемирие на условиях чуть не капитуляционных²². Страна оказалась набита советскими контролёрами всех чинов и рангов. Правительство находилось под наблюдением так называемой Союзной контрольной комиссии, состоявшей, как и во всех отданных союзниками большевикам странах Восточной Европы, из одних русских. Правда, в Гельсингфорсе в одном из отелей жили несколько английских офицеров, но в счёт они не могли идти, так как себя никак не проявляли и ни во что не вмешивались.

Непосредственно русских войск в стране видно не было, но они были под боком — в Порккала, в 25–30 километрах от Гельсингфорса.

Примеры Эстонии, Латвии, Литвы были у нас в свежей памяти. Короче сказать — было плохо.

На этом я кончаю свой автобиографический очерк, который и так получился длиннее, чем я предполагал.

ПОЛЁТ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Финская баня завоевала себе известность если не во всём мире, то во всяком случае, в Европе. Кажется, теперь во всех главных городах имеются финские бани, фигурирующие под названием «Sauna».

Русские считают эту баню своим изобретением, но, как и во многом другом, они в данном случае не пользуются авторитетом. Познакомились они с ней у карелов и в своём продвижении на северо-запад освоили её. Южная Россия и по сей день не знает парной бани.

В пятницу 20 апреля 1945 года я вместе с одним моим другом отправился в такую баню, не подозревая, конечно, что в течение одиннадцати лет, полных опасностей, страданий и тяжёлых переживаний в Советском Союзе, она будет моим последним воспоминанием о Родине. После бани я пошёл пить чай к моему другу и вернулся домой около 12 часов ночи.

Должен сознаться, что мои мысли в тот момент отнюдь не были заняты вопросами высокой политики или судьбами моей Родины. Нет, я был озабочен тем, что на другой день был день рождения жены, и я не был уверен, что заказанные торты будут готовы вовремя. Обсудив ещё раз с женой вопрос приёма и угощения гостей, я перед сном мельком просмотрел газету, где моё внимание привлекла заметка на первой странице о том, что в ближайшие дни ожидаются крупные аресты ряда лиц, замешанных в валютных спекуляциях. Хотя я никакими валютными спекуляциями не занимался, но эта заметка отвлекла мои мысли от тортов и заставила задуматься.

Сообщение было несколько необычно, в особенности его конец, в котором говорилось, что детективы уже находятся по дороге из Стокгольма. Никогда раньше я не встречал в печати таких предупреждений: обыкновенно сведения такого рода сообщаются *post factum*. Позже я много раз вспоминал эту заметку и думал: не являлась ли она предупреждением по моему адресу?

Около половины второго я погасил свет и только что хотел заснуть, как резкий звонок вернул меня к действительности. Накинув халат, я отправился открыть дверь, спросив ради предосторожности о личности столь поздних гостей. Ответ последовал немедленно: «Откройте, здесь полиция!».

В нормальное время эти слова подействовали бы на меня успокоительно, но во времена, нами тогда переживаемые, они заставили моё сердце сжаться в предчувствии чего-то дурного, тем более, что незадолго перед тем министром Внутренних Дел был назначен коммунист Лейно²³, и после его назначения все руководящие посты в полиции были заняты его партий-

ными товарищами и лицами, если не состоящими в партии, то близко к ней примыкающими.

Всё это быстро промелькнуло в моей голове, но двери всё же нужно было открыть, что я и сделал, невольно попятившись при виде как количества ворвавшихся в мой дом людей, так и их воинственного вида. Во главе всей компании был небольшого роста штатский господин довольно приятного вида; он предъявил мне своё удостоверение личности, из коего явствовало, что он старший детектив Государственной полиции. За ним следовал высокий полицейский офицер местного полицейского участка, за ним двое штатских весьма невзрачного вида, по-видимому, русского происхождения; шестие замыкалось двумя полицейскими констеблями, из которых один был вооружён автоматом.

Когда все эти люди ввалились в мою маленькую квартиру и рассыпались по ней, я почувствовал себя потерянным и как бы прижатым к стене. Предполагая в господине приятного вида лицо, возглавлявшее ворвавшуюся ко мне компанию, я обратился к нему с вопросом: чем я обязан такому позднему визиту и что собственно они от меня хотят.

— Да, это немного неприятная история, но мы принуждены произвести у вас обыск, — сказал он.

На мой вопрос, имеется ли на этот предмет соответствующий ордер, детектив, слегка поморщившись, сказал:

— Ну, конечно, есть, вы же видите, что мы лица официальные, не будем терять времени.

С этими словами он открыл мой письменный стол и погрузился в рассмотрение его содержимого. Двое штатских сосредоточили своё внимание на моей библиотеке, в то время как один из полицейских констеблей с интересом ревизовал наш продуктовый шкаф, вслух недоумевая, откуда у нас 5 кило сахара и 2 кило кофе (в это время в Финляндии все продукты были ещё на учёте и раздавались населению в очень скромных размерах по продовольственным карточкам). Полицейский офицер ходил по всей квартире, бросая подозрительные взгляды во все углы и вначале никак себя не проявлял. Примерно через полчаса стало выясняться, что ничего заслуживающего внимания производивших обыск не нашлось, за исключением охотничьего ружья и револьвера, но на право иметь и хранить у себя и то и другое я имел официальное разрешение.

Я не знал тогда, как не знаю и теперь, какое распределение ролей было у этих людей, но во всяком случае вскоре выяснилось, что всю дальнейшую инициативу взял на себя не детектив, а полицейский офицер. В прихожей под стулом стоял большой кожаный портфель с ценностями из магазина. Обнаружив его, полицейский офицер принёс его в кабинет, высыпал содержимое на диван и стал задумчиво вертеть в руках вещи. Все остальные участники обыска собрались вокруг, с явным любопытством глядя на происходящее.

— Что это такое? — наконец зловещим голосом произнёс офицер.

Глаза всех остальных обратились на меня. Я разъяснил, что эти вещи принадлежат моей фирме, находящейся в доме № 16 по Анненской улице, и я каждый день беру их на ночь с собой домой, так как времена сейчас спокойные, а в случае взлома и кражи страховые общества платят только за часть застрахованного имущества и товара. В портфеле в этот день находилось вещей приблизительно на два с половиной миллиона марок.

— Ну, это нужно будет выяснить, — сказал на это полицейский офицер, складывая вещи обратно в портфель. — Заодно мы возьмём и это, — добавил он, кладя в портфель пачку денег в 250 000 финских марок, вынутых из письменного стола. В тот же портфель детектив вложил ещё мешочек с золотом, а также золотой портсигар, оставленный одним клиентом для починки.

— Вы дадите расписку на эти вещи? — спросила моя жена.

— Это лишнее, он (показывая на меня) пойдёт с нами и, по выяснении, вернётся с вещами обратно, — заявил полицейский офицер.

Распорядительный констебль, изумлявшийся наличию у нас 5 кило сахара, заметив на туалете мои золотые часы — подарок моего тестя²⁴, — немедленно решил, что и эти часы следует присоединить к вещам, уложенным в портфель, но жена решительно этому воспротивилась, каким-то образом ей удалось отбить их, и часы остались в её руках. Труднее оказалось разрешить вопрос о семейных фотографиях, однако и с этой задачей жене удалось как-то справиться, фотографии также остались дома.

Много позже, подвергаясь в Советском Союзе многочисленным допросам, во время которых мне предъявляли для опознания массу фотографий известных и неизвестных мне гельсингфорских лиц, я часто вспоминал старательного полицейского офицера — то упорство, с каким он хотел захватить наши семейные снимки, и ту энергию, с которой жена их защищала, и, как это ни удивительно, спасла.

В конце концов портфель с драгоценностями, охотничье ружьё и револьвер были уложены в один из моих чемоданов, и полицейский офицер предложил мне отправиться с ним в Политическую полицию, помещавшуюся на Банской улице; жене же он бросил успокоительно:

— Через час-полтора он будет обратно, мы только выясним происхождение вещей.

— Они, вероятно, искали валюту, — тихо сказала мне жена.

— Я думаю, что они искали персонально меня, — ответил я также тихо.

Было около 3 часов ночи, когда мы вышли на улицу. Светало. Автомобиль стоял в другом квартале, мы сели в него и поехали. Я думал... О чём я думал?.. Я думал, что прежде чем передать меня большевикам, наши власти будут сами меня допрашивать и выяснять степень моей виновности; в силу же того, что я за собой не чувствовал никакой вины, я полагал, что, если даже дело с большевиками не уладится, то, во всяком случае, у меня будет время, чтобы сориентироваться и предпринять некоторые шаги. Какие? Это покажет будущее. Ведь в конце концов мы ещё не Народная

демократия и не инкорпорированы в Советский Союз. Хотя откуда я это знаю? Может быть, сегодня ночью... Нет... чепуха...

А, может быть, бежать? Вот в этом доме есть проходной двор, и, перемахнув затем через пару заборов, я выскочу в другой квартал. Но, во-первых, все двери и ворота ночью закрыты, а во-вторых, бегство как бы подтверждает мою какую-то виновность. Если уж так вышло — нужно действовать легальными путями, тем более, что я имею дело с собственной полицией и собственными властями. Жалко, что я не догадался снять дома кольца с пальцев и вынуть из кармана золотые часы, ну что же? Попаду в тюрьму — смогу оттуда переслать их жене. Воображаю, как она, бедняга, сейчас волнуется.

Мы остановились недалеко от полиции, и когда шли наискось через улицу к её выходу, то встретили радостно улыбающегося, знакомого мне Дмитрия Владимировича Бастамова.

— Отпустили; оказывается, недоразумение, — крикнул он мне.

Мы поднялись вверх на несколько этажей и вошли в помещение, где царило большое оживление. В коридорах стояли многочисленные чины внешней полиции; взад и вперед шныряли штатские, появляясь из различных дверей и туда же исчезая. Вышедший нам навстречу пожилой человек, видимо, детектив, заглянув предварительно в пару комнат, где я мельком увидел несколько взволнованных людей без галстуков и воротничков, провёл меня в большую комнату. В этой комнате за американским письменным столом сидел господин с усталым от бессонницы лицом и разряжал револьвер. Справившись с этим делом, он убрал его в ящик письменного стола, положил ключ в карман и, громко вздохнув, вышел.

Я остался один. На полу стояли несколько папочных картонок из-под бананов, туго чем-то набитых и с привешанными деревянными бирками, какие употребляются на железной дороге для багажа; на бирках размашистым почерком стояло «Пушкарёв». Эта фамилия озадачила меня ещё больше. Я знал этого человека давно и знал также, что добрых 25 лет он служил в Русском Отделе Политической Полиции и был там на хорошем счету. Как же он попал сюда? Мои размышления прервал вошедший детектив, внёсший мои вещи, тоже снабжённые бирками и скреплённые сургучными печатями.

— У вас продовольственные карточки с собой? — спросил он, и на мой отрицательный ответ укоризненно покачал головой. — Надо было обязательно взять их.

Я решил, что необходимо выяснить положение.

— Полицейский офицер, который привёз меня сюда, сказал, что он хочет выяснить происхождение драгоценностей, находящихся в этом портфеле, и что через пару часов я буду дома. Сейчас я вижу, что вы опечатали мои вещи; мне абсолютно непонятно, что здесь происходит. Не могу ли я переговорить с начальником полиции или с кем-либо из ответственных лиц?

— Это всё скоро выяснится, с вами будет говорить комиссар, а пока вот подпишите эту бумагу, — сказал успокоительным тоном мой собеседник, — это простая формальность.

Бумага содержала распоряжение о моём аресте, а расписаться я должен был в том, что с таковым распоряжением ознакомлен. Взяв подписанную мною бумагу, детектив, помахав ею в воздухе, вышел, навсегда исчезнув из моей жизни.

Тем временем окончательно рассвело, и, подойдя к окну, я увидел на дворе закрытый полицейский автомобиль, около которого стоял молодцеватый полицейский офицер; в этот самый момент в автомобиль через заднюю дверь садились два человека, скованные друг с другом наручниками, со спины сильно напоминавшие известных датских кинематографических артистов — длинного и короткого. В этих «персонажах» я сразу опознал Владимира Бастамова и Андрея Сумбарова. Первый служил во время войны переводчиком, а второй был просто биржевым шофёром. Но и эта картина определённой ясности в положение не вносила. Мои дальнейшие размышления были прерваны вошедшим в комнату парнишкой с явно криминальным лицом. Он наклонился над пушкарёвскими картонками, прочёл бирки и, радостно расхохотавшись, воскликнул:

— Чёрт, вот здорово! — после чего, пихнув ногой одну из них, пригласил меня следовать за ним.

В результате этого приглашения я через пару минут оказался во внутренней тюрьме Политической полиции, находившейся в том же доме. В углу камеры, куда я был введён, стояла кровать с подушкой и большим серым одеялом. То и другое было ещё тёплым от только что здесь лежавшего неизвестного мне человека.

Усталость давала себя чувствовать, я лёг и натянул одеяло на голову, но в этот же момент вошёл человек, имевший в руках несколько листов бумаги, исписанных в два ряда фамилиями. Спросив, как меня зовут, он стал водить пальцем по списку и, видимо, найдя мою фамилию, отметил её птичкой. Я лёг, но снова был поднят, на этот раз тем же субъектом, который привёл меня в эту камеру; субъект пригласил меня следовать за ним.

Мы вышли на площадку лестницы, где стоял господин в кожаном пальто, в мягкой фетровой шляпе, с небольшой бородкой на подбородке. Я почему-то решил, что это полицейский комиссар, и хотел уже обратиться к нему с вопросом, как приведший меня детектив схватил мою руку, и я оказался скованным наручниками с предполагаемым комиссаром, который, как потом оказалось, был финским лётчиком, лейтенантом Парвилахти-Буманом, служившим в финских отрядах SS в Германской армии²⁵.

Сопровождаемые тем же сыщиком, мы стали спускаться по лестнице, испытывая затруднения и от узости лестницы, и от нашей скованности, стеснявшей наши движения. На дворе стоял тот же чёрный автомобиль с полицейским шофёром, который я видел в окно, и тот же франтоватый

улыбающийся полицейский офицер услужливо отворил нам дверцы автомобиля.

Ни в каких разъяснениях мы больше не нуждались, всё стало ясно само собой: в автомобиле в форме Комиссариата государственной безопасности, с автоматами в руках, сидели два советских солдата, а в дверях стоял лейтенант в такой же форме. Этот лейтенант часто бывал у меня в магазине, покупая часы, и я даже знал его фамилию, его звали Муравейко.

— Садитесь, — сказал он.

Автомобиль начал наполняться скованными попарно знакомыми лицами; тут были Игорь Веригин, скованный с Быстреевским, генерал Добровольский в паре с Володей Кузнецовым и мы двое. Детектив, тот самый, который укорял меня в том, что я не взял с собой из дома продовольственные карточки, передал лейтенанту ряд вещей, среди которых был и мой чемодан.

Дверь захлопнулась, мы поехали. Куда? В принципе это было ясно, но оставались детали. Куда нас повезут? В оккупированное большевиками Порккала или в Рихимяки, где, как я слышал, в это время собирали так называемых военных преступников? Я обратился с вопросом к Буману, спрашивая, кто он, и как он понимает наше положение? Но он не успел мне ответить, как Муравейко заявил:

— Никаких разговоров! — и добавил более примирительным тоном: — Во избежание недоразумений предупреждаю, что всякие разговоры воспрещены, при попытке к бегству конвой применяет оружие без предупреждения. Ясно?

Всё это, конечно, было ясно, но будущее всё же было туманно. По маршруту я старался вывести заключение, куда нас везут, но это тоже не удавалось: во всяком случае, одно из предположений, что нас везут в оккупационную зону, не подтверждалось, так как мы ехали в противоположную сторону.

Было уже около 8 часов утра. Город проснулся и находился в движении. Люди шли на работу, гудели трамваи, ехали автомобили, всё было как всегда, как обычно, и наша машина была обычная полицейская машина с полицейским шофёром, машина, к которой люди привыкли с начала войны, она обычно забирала пьяных и забывших дома удостоверения личности.

Всё было обычно. Необычны были только мы и наше положение людей, которых, так сказать, украли среди белого дня. Но по внешнему виду мы все были спокойны, мы даже раз-другой улыбнулись друг другу, а генерал Добровольский покачал мне головой. Я его не видел лет 15 и нашёл, что он очень постарел.

Проехав Сернес (восточная часть г. Гельсингфорса), автомобиль свернул на дорогу, ведущую в Борго (город на юго-востоке от Гельсингфорса), и меня сразу осенило — ну, конечно, нас везут на Мальмский аэродром, оккупированный советскими войсками. Значит, путь лежит в Москву.

«В Москву, в Москву», — как говорили три сестры в пьесе Чехова того же наименования, мелькнуло у меня в голове. Я бросил взгляд на мой чемодан, стоявший в ногах одного из конвоиров, и сразу понял всё, чего до сих пор не понимал: украли не только меня самого, но меня к тому же и обокрали, и притом при помощи и посредничестве моих собственных властей.

День был сырой и пасмурный. Аэродром, обнесённый колючей проволокой на высоких столбах, закамуфлированный вспаханной и изрытой землёй, отчасти ещё покрытой снегом, походил на поле боя. Со всех сторон окружавшие нас советские солдаты в разнообразных формах с винтовками и автоматами наперевес ещё более придавали ему этот вид. Группа офицеров окружала невысокого роста, необычно полного генерала, в котором я узнал председателя Советской контрольной комиссии генерала Жданова²⁶. Когда нас проводили мимо него в небольшой, наскоро сколоченный домик, Жданов обратился к сопровождавшему нас офицеру с вопросом:

— Ну, как прошла операция в целом?

— Хорошо, — ответил офицер.

«Для кого хорошо, а для кого и плохо», — подумал я, входя в помещение караулки. Там мы уселись на пол вдоль стен, и приведший нас офицер по списку сделал переключку, при которой я услышал ряд знакомых мне фамилий. Когда очередь дошла до моего компаньона, последний начал громко протестовать и требовать предоставить ему возможность связаться с его адвокатом, на что получил ответ:

— Никакие адвокаты больше не помогут.

Остальные знали или понимали это без объяснений и, очевидно, потому молчали. Подавленность и растерянность среди нас была такова, что мы даже не пытались разговаривать между собой, хотя здесь нам этого никто не запрещал. Вскоре нас стали вызывать небольшими группами и, окружив многолюдным конвоем, повели к самолётам. В самолёте нас оказалось 6 человек плюс два конвоира с автоматами и два советских офицера, из которых один, майор артиллерии, был, видимо, начальником конвоя.

Как только мы сели, аппарат поднялся и полетел. Куда? С этим вопросом мы и обратились к майору, который в ответ сообщил, что путь лежит в Ленинград, но, возможно, что оттуда мы полетим в Москву, а в общем он ничего не знает, ему поручено нас конвоировать при перелёте, и это всё, что он может нам сказать. Это было немного, но по существу достаточно.

Мы стали обмениваться впечатлениями, не вдаваясь в подробности; все держали себя спокойно и старались подбодрить друг друга путём улыбок и шуток. Самолёт был Дуглас, и при том сильно потрёпанный, клёпки на крыльях болтались и прыгали, а один из моторов с моей стороны подозрительно покачивался. Невольно подумалось, что свалиться по дороге к ожидавшему нас впереди, было бы неплохо. Но этого не случилось, мы снизились на Ленинградском аэродроме и, простояв там часа два, продолжали полёт в Москву, куда внизу под нами открылся аэродром с как бы

игрушечными самолетами. Быстреевский осенил себя широким крестным знаменем.

На аэродроме было грязно; грязно и серо было и в воздухе. Несколько советских генералов стояли группой и нас обозревали. Были ли они там случайно или явились нас встречать — не знаю.

С нас сняли наручники и сунули в маленький, почти герметически закрытый автомобильчик — и снаружи, и внутри невероятно грязный. Небольшого роста шофёр, в каких-то лохмотьях и тоже грязный, захлопнул дверь, машина принялась чихать, кашлять, дёргать и, наконец, двинулась вперёд. Было темно; по звукам, доносившимся к нам извне, можно было судить, что мы ехали по городу. Не знаю, что было плохо — автомобиль или дорога, но нас подкидывало, качало, трясло и, вдобавок ко всему, стало отчаянно вонять скверным бензином. По счастью, путь был недолог. Мы остановились. Были слышны какие-то переговоры, звук открывающихся железных ворот: машина поехала несколько вверх, потом — пара поворотов, толчок, и мотор остановился.

Слыша много раз эти же звуки позже, я всегда вспоминал мой первый приезд сюда, когда я ещё не знал, куда меня привезли. Это была Лубянка. Все прибывающие в Москву политические арестованные сперва направляются на Лубянку и лишь затем, если не оставляются там, то переправляются в другие тюрьмы. Таким образом, Лубянка является входом, или воротами в Советское Чистилище, именовавшееся в то время Народным Комиссариатом государственной безопасности, а позже переименованное в таковое Министерство²⁷. Это чистилище располагало в Москве целым рядом собственных тюрем, число которых к 1950 году ещё увеличилось.

Главнейшими из тюрем, бывших в распоряжении МГБ, было две лубянские тюрьмы и Лефортовская. Лубянские тюрьмы²⁸ № 2 и № 8 помещались в центре Москвы, в одном и том же квартале, и для сидящих в них различались лишь тем, что в одной из них, а именно № 2, заключённых выводили на прогулку во дворик, находившиеся на крыше тюрьмы, а в № 8 заключённые гуляли во дворе на земле.

Лефортовская тюрьма²⁹ имела 240 камер, расположенных в четырёх этажах старинного, петровских времён дома, в Лефортовском районе Москвы. Тюрьма эта унаследовалась от Царских времён; в то время там тоже была военно-следственная тюрьма. Камеры были одинаковые, рассчитанные на одного заключённого, но в моё время она была так переполнена, что в каждой камере помещалось три человека, и было очень тесно.

Двери всех камер Лефортовской тюрьмы выходят в громадный, в высоту всего дома, коридор, вдоль стен которого проложены металлические ходы, соединённые между этажами металлическими же лестницами. На уровне каждого этажа через весь коридор протянута металлическая сеть, чтобы последственный не мог, бросившись вниз, покончить жизнь самоубийством. Если смотреть снизу вверх, всё это вместе напоминает колоссальную паутину. Так как в советских тюрьмах существует правило, согласно

которому заключённые не должны видеть друг друга, что легко может случиться при движении к следователю и обратно, то на перекрёстке буквы «К» — в месте пересечения её линий — имеется специальный пост, откуда белыми и красными флажками регулируется всё движение.

Помещение, где производится допрос, примыкает к прямой палочке буквы «К» как буква «П», но с длинной верхней перекладиной и коротенькими ножками. В этом помещении имеется свыше 100 комнат разной величины, расположенных в двух этажах вдоль длинных коридоров. Некоторые из этих комнат столь велики, что невольно думается, не служили ли они в прошлом залами судебных заседаний, другие же всего в 5–6 кв. метров; на дверях каждой комнаты имеется номер. Комнаты обставлены мебелью разного типа, но более или менее одинаково: письменный стол, за которым сидит следователь, перед ним два глубоких кресла, у стены большой диван, в углу стул и столик, за которым сидит допрашиваемый. В больших комнатах этот стул со столом вынесены на середину комнаты, так как иначе расстояние до следователя было бы очень велико.

Заключённого ведёт на допрос специальный солдат в форме Министерства внутренних дел. Заключённый должен держать руки за спиной, а ведущий, идя сзади, должен держать его за руку. Последнее правило соблюдается редко. По приходе в следственный корпус конвоир сдаёт имеющуюся у него записку с фамилией и данными вызываемого подследственного дежурному старшине, сидящему за столом и отмечающему в журнале фамилию приведённого и время его прибытия. Когда допрос окончен и подследственного уводят обратно в тюрьму, то он собственноручно расписывается в журнале, отмечая, сколько времени он провёл в кабинете следователя. Чтобы заключённый, расписываясь, не видел других фамилий, страница журнала покрывается металлическим листом с прорезью, где и приходится расписываться. Здесь же, в помещении, имеется пустой шкаф, в который запирается подследственный в случае необходимости избежать его встречи с другим заключённым, вводимым в помещение или выводимым из кабинета следователя.

В 1949–1950 годах помещение для производства следствия было значительно увеличено надстройкой ещё одного этажа.

Вызов из камеры заключённого во всех тюрьмах Советского Союза производится одинаково, вне зависимости от цели вывоза. В дверях открывается так называемая кормушка, и появляется солдатская физиономия в васильковой фуражке с красным околышем Министерства внутренних дел. В руках у него бумажка, в которую он смотрит. Если в камере несколько человек, то он шёпотом говорит: «Кто на Б» или «Кто на К»? — в зависимости от начальной буквы фамилии заключённого. Вызываемый подходит к двери и сообщает свою фамилию, имя, отчество и год рождения. Так как во время моего пребывания в тюрьмах Советского Союза там находилось очень много иностранцев, то фамилии и имена их очень затрудняли вызывающих. Действительно, ничего удивительного в этом нет, если в виде

примера привести такую комбинацию: Солон Аристотелевич Калогеропулос — так звали одного сидевшего со мною грека. И моя фамилия часто вызывала замешательство.

В таких случаях на помощь вызывался дежурный «вертухай», как по тюремному и лагерному именуется надзиратель, и уже две головы, имея бумажку посередине, решали вопрос фамилии. По выяснении его следовало:

— Приготовьтесь.

Примерно через минуту дверь приоткрылась и следовал вопрос:

— Готовы?

На утвердительный ответ дверь снова закрывалась, и начиналась «сигнализация» — щёлканье пальцев или удары ключа о пряжку с целью выяснить, свободен ли путь; если он был свободен, то дверь открывалась окончательно и сопровождающий говорил:

— Проходите.

Следующая по значению после Лубянки и Лефортовской тюрем была Бутырская тюрьма³⁰. В 1945 году эта тюрьма только частично обслуживала МГБ, а именно последнее располагало в ней так называемый «Специальный Корпус» и пользовалось ею для своих целей как пересыльной тюрьмой. Как следственная тюрьма она употреблялась только для политических преступников, с советской точки зрения менее значительных, или же туда переводили людей в случаях, когда кульминационный пункт их следствия был уже пройден. В 1950 году Бутырская тюрьма целиком перешла в распоряжение МГБ, и там начали делать перестройки для увеличения количества более мелких камер. По величине Бутырская тюрьма одна из самых больших: она может вместить до 5000 человек.

Дом этот строился в екатерининское время и предназначался для казарм Бутырского пехотного полка. Я не знаю, стоял ли этот полк там когда-либо или нет, но построено здание было очень солидно и хорошо, с большими окнами, светлыми комнатами и просторными коридорами. Видимо, до постройки казарм на этом месте тоже была тюрьма, о чём свидетельствуют сохранившиеся по её углам четыре старинных башни, в одной из которых в своё время содержался Степан Разин³¹.

Из достопримечательности Бутырской тюрьмы могу упомянуть хорошо оборудованную библиотеку, которой одно время заведовала стрелявшая в Ленина Каплан³², а также превосходную баню. На одном из многочисленных дворов, в помещении бывшей церкви, была устроена пересылка.

Как сама тюрьма, так и прилегающие к ней дворы, рассчитанные при постройке на ротные ученья, закамуфлированы со стороны города большими корпусами мебельной и колбасной фабрик, которые в 1945 году обслуживались уголовными заключёнными, отбывавшими свой срок в отдельных помещениях тюрьмы. В 1946 году мне говорили, что директором этих предприятий был опальный в то время маршал авиации Новиков³³.

Далее имелась ещё тюрьма, расположенная примерно в 40 километрах от Москвы в сторону Рязани в бывшем женском Сухановском монастыре³⁴. Официально это учреждение называлось «Специальный объект МГБ № 238». Эта тюрьма имела около 120 камер, по большей части одиночных, и пользовалась очень дурной репутацией. Следователи имели обыкновение пугать ею, говоря: «Вот отправим в Сухановку, там не так заговорите».

Режим в Сухановке был, так сказать, индивидуальный, то есть кому очень плохо, кому ничего, а кому и прекрасно — смотря по обстоятельствам. Тюрьма эта от внешнего мира была замаскирована полями, огородами и рощами, обнесёнными колючей проволокой. Решётки на окнах помещались между рамами, а наружные стёкла окон были матовые.

Режим же во всех тюрьмах был одинаков и распорядок дня тоже. В 6 часов утра была побудка, в половине седьмого выдавали 600 граммов хлеба (когда я попал в тюрьму в 1945 году, то паёк выдаваемого хлеба был только 450 граммов). Затем через некоторый промежуток времени выдавались кипяток и кусок сахара или же чайная ложка сахарного песка. Между 12 часами и часом дня выдавался обед, состоявший из 500 граммов капустного супа, а в 5–6 часов вечера выдавался ужин, состоявший из крупяного супа с мучной подболткой. В 10 часов — отбой, и можно было ложиться спать.

Выдаваемая пища была до крайности водяниста и мало питательна, так что после месячного пребывания в заключении человек начинал испытывать голод, а вскоре наступали и неизбежные последствия недоедания. Правда, при всякой тюрьме имеется ларёк, и каждые 10 дней тот, кому это разрешает следователь и кто имеет деньги, может купить себе некоторое количество табаку и съестных припасов. Но, во-первых, следователь даёт разрешение на пользование ларьком только тогда, когда подследственный соглашается подписать то, что следователь ему подносит (что бывает далеко не всегда), во-вторых, у заключённых редко бывают деньги. В моё время большинство заключённых и подследственных были иностранцы, которые деньгами не обладали. И, наконец, количество отпускаемых из ларька продуктов было так рационировано, что то, что заключённый мог купить в ларьке, могло ему хватить всего на три-четыре дня. В Лефортовской тюрьме, когда я там был, можно было на 10 дней купить: 1) один белый батон в 300 граммов, 2) колбасы чайной 300 граммов, 3) масла сливочного 300 граммов, 4) сыра сливочного 300 граммов, 5) леденцов или конфет 500 граммов. Табак рационированию не подлежал, за исключением махорки, которая бывала далеко не всегда; в тех случаях, когда она была, её можно было купить максимум 200 граммов (4 пакета).

Заключённые не имели права держать деньги на руках; деньги находились на личном счёту заключённого в канцелярии тюрьмы и при каких-либо покупках перечислялись с личного счёта на счёт ларька. При этом следует внести ещё одну очень существенную поправку. Из находившихся в камере трёх человек в лучшем случае деньги были у одного из них, и, естественно,

что, покупая что-либо съестное в ларьке, этот счастливчик делился своими приобретениями с товарищами по камере. Таким образом, всё сводилось к паре пышных чаепитий.

Как я уже сказал, в моё время большинство заключённых были иностранцы или люди, взятые из самых разнообразных и отдельных мест; семьи, которые ничего не знали об их местонахождении, помогать им не могли, и поэтому все голодали довольно сильно. Мы, привезённые из Финляндии, не составляли в этом отношении исключения. Это обстоятельство было весьма на руку следователям, так как сопротивляемость голодных людей, естественно, понижается.

Следователи использовали тоже и режим тюрьмы. Зная, что в течение всего дня, от 6 утра до 10 вечера, заключённые не имеют права не только спать, но и лежать на кровати, и что такой проступок рассматривается, как нарушение режима, и потому наказывается карцером, они систематически вызывали подследственных на допрос по ночам, нередко задерживая их у себя в кабинете от половины одиннадцатого вечера до 5 часов утра. После трёх-четырёх суток таких допросов голова находится в тумане и человек буквально засыпает на ходу. В коридоре на каждые 10–15 камер имелся надзиратель, ходивший взад и вперёд и ежеминутно заглядывавший в так называемый глазок, имевшийся в двери каждой камеры. В силу этого он обнаруживал всякую попытку заключённого заснуть или даже просто закрыть от усталости глаза, и после двух-трёх предупреждений или замечаний провинившийся получал трое суток карцера за «нарушение тюремного режима».

Карцеры имелись двух родов: холодные и горячие. При помещении в холодный карцер у наказываемого отбирали верхнее платье и ботинки, оставляя его в нижнем белье и босиком. Температура в таком помещении колебалась между +4 и +8 градусов; пол был асфальтовый. На ночь выдавалась дощатая подстилка в три доски, на которой он должен был спать, если мог заснуть, конечно. Хлебный паёк в карцере был 300 граммов в день, к нему выдавался литр воды; горячая пища, то есть суп в 500–600 граммов, выдавалась через день.

Через «горячий» карцер проходили центральные трубы парового отопления, вследствие чего температура там была между +30 — +40 градусами, раздеваться же в этих карцерах разрешалось только на ночь. Если в холодном карцере человек страдал только от холода, то в горячем он страдал ещё и от жажды, так как литр воды не возмещал потери влажности через потение.

По отбытии наказания начиналась та же история: следователь возобновлял курс ночных допросов, пока заключённый опять не провинится и опять не попадёт в карцер. Обыкновенно после двух-трёх таких повторных процедур подследственный подписывал любое показание, составленное от его имени следователем.

Другим способом нажима на подследственного являлось лишение его книг. В каждой тюрьме имелась библиотека, в некоторых случаях даже совсем неплохая. Порядок выдачи книг из библиотеки был разный; в некоторых тюрьмах можно было выбирать желаемую книгу по каталогу, в других — выдача книг сводилась к передаче их из предыдущей по местоположению камеры в последующую. Но во всех случаях для получения книг требовалось разрешение следователя. Когда в камере находилось несколько человек и одного из них лишали права на книги, то его обыкновенно переводили в другую камеру, где сидели лица, как и он, лишённые права пользоваться библиотекой.

Необходимо сказать несколько слов о медицинском надзоре. Ежедневного обхода в следственных тюрьмах врачами не было, но ежедневно было определённое время, когда можно было заявить надзирателю о желании показаться врачу. В таком случае последний либо сам приходил в камеру, либо заявившего о болезни выводили в санчасть.

Как правило, врачи были внимательны и выдавали нужные лекарства. Те же медикаменты, выдача которых не требовала специального разрешения врача, выдавались дежурной сестрой милосердия; она же приносила в камеру прописанные врачом лекарства. Ввиду того, что заключённые получали более чем спартанскую пищу, мало кто из подследственных страдал желудком, но малое количество витаминов и белков давало себя чувствовать в отношении сердечных заболеваний и общего истощения.

Возвращаюсь к моим личным переживаниям и приключениям

Итак, мы прибыли на Лубянку. Какими-то коридорчиками и проходами вышли на парадную лестницу и остановились перед дверью с надписью: «Приём ареста». Звонок. Короткие переговоры, нас пускают и ведут дальше. Недлинный коридор с расположенными по обеим сторонам нумерованными дверями, ведущими в среднего размера шкафы, вроде тех гардеробных шкафов, которые можно найти в большинстве гельсингфорских квартир. Нас заводят в один из таких гардеробов, и двери за нами запираются. В шкафу имеется один стул и тумбочка. Учитывая, что нас было 6 человек, которых втиснули в этот гардероб, мы сразу почувствовали себя сардинками и стояли, тесно прижавшись друг к другу... По времени года мы все были одеты в ульстеры³⁵, и нам становилось жарко.

— Интересно, сколько времени они будут держать нас в этом шкафу, — сказал я.

— Ну, в этом шкафу нас долго не продержат, — ответил инженер Веригин, — а вот в прочих местах продержат, вероятно, до смерти, поэтому ни торопиться, ни беспокоиться нам нечего. Мы попали в машину, кото-

рая будет нас переваривать и обрабатывать в конвейерном порядке. Единственно, чем нам необходимо запастись, — это терпением.

Слова его оказались пророческими, и терпения от нас потребовалось больше, чем мы имели в запасе.

Из последовавшего обмена мыслями выяснилось, что все мы держались одного мнения, а именно: мы не знаем, что с нами здесь будет, но вернуться домой нам никогда не удастся.

— Я не совсем доволен финским правительством, — заявил Веригин, — оно сделало со мною подлость. Я сам русский, хотя, правда, бесподданный; однако, живя в Финляндии, я счёл долгом помочь финскому народу в борьбе с моими соотечественниками, с моей точки зрения нападшими вероломно на Финляндию, а между тем они выдали меня с головой моим и своим смертельным врагам. И взяли меня довольно подло, обманом, прямо из кровати. Финский полицейский офицер, производивший у меня обыск, уговаривал меня накинуть пальто на пижаму, так как будто бы было очень спешно, и что меня сейчас же после выяснения пары вопросов привезут на автомобиле обратно. Хорош бы я был сейчас в пижаме. А? Хотя сейчас не до туалетов, с нас всё, что на нас есть, так или иначе всё равно снимут. Обидно только, что я не простился с женой и дочерью, фактически уйдя из их жизни навсегда.

— Я думаю, что ты не совсем прав, — возразил я, — финский народ винить нельзя, правительство же, которое сидит сейчас, совершенно бес- сильно, всем орудуют большевики, Контрольная комиссия, почему-то называемая Союзнической; и вот эти-то советские союзники нас и продали, так же как и наши собственные коммунисты. Практически нас выдал Министр внутренних дел, а он, как тебе известно, коммунист и к тому же женат на Херте Куусинен³⁶, дочери советского «идеолога». Сердиться и обижаться мы имеем право только на самих себя за то, что сплеховали. Мы должны были уехать в Швецию, как это сделали люди, у которых была голова на плечах. А раз мы этого не сделали — по причинам этического ли или практического характера, это значения не имеет, — то и высечь нам нужно самих себя. Мне только непонятно: зачем мы большевикам понадобились? Ведь все те, кого я до сих пор видел, и в политике, и в войне являются величинами, близкими к нулю.

— Привезут и значительных, — ответил на это Веригин. — Вот из Прибалтики они выслали 50% населения, поди большинство тоже были незначительные люди. Впрочем, ты не учитываешь особой коммунистической психологии: для них все люди, не разделяющие их мировоззрения, являются «значительными», они считают, что эти люди, если и не опасны им сейчас, то могут стать опасными позже, когда они начнут распатронировать завоеванную страну.

— Да, всё это может быть и так, — сказал Кузнецов, — но мне всё это совершенно непонятно. Вы, может быть, всё же где-нибудь и служили или

что-то делали, а вот я взят, хотя нигде не служил, нигде не состоял и абсолютно ничего не делал, если не считать моей службы в частных фирмах.

Веригин окинул его ироническим взглядом:

— Ну, это ты врешь, борода.

В дружеских кругах Кузнецов носил кличку «Борода» за небольшую бородку.

— Как это ты нигде не служил? Во-первых, ты служил в фирме «Фреста», а эта фирма принадлежала барону Штакельбергу³⁷, а он, во-первых, «барон», а во-вторых, дальний родственник того барона Штакельберга³⁸, который был председателем Русской колонии³⁹, затем — ты сам офицер Царской армии, в-третьих, твой отец принадлежал к купеческому сословию, и, наконец, жена твоя 20 лет служила машинисткой в японском посольстве! Чего ты ещё хочешь? Для большевиков этого совершенно достаточно, чтобы повесить тебя вверх ногами. Ну да всё это одни разговоры, — добавил он, — скоро мы узнаем всё, хотя должен сказать, что касается меня, то я с этим не так уж тороплюсь, а вот есть хочется ужасно, ведь я со вчерашнего дня ничего не ел.

— В этом отношении ты тоже не являешься исключением, — парировал я.

Мы действительно все были голодны, ночь мы не спали, усталость, усиленная жарой и духотой, давала себя чувствовать, кроме того, мы как-то потеряли представление о времени: нам казалось, что мы были в дороге уже двое суток, хотя на самом деле часы показывали лишь около 8 часов вечера.

— Я попрошу воды попить, они, вероятно, дадут, — с этими словами Веригин постучал в дверь. Дверь совершенно неожиданно для нас открылась, и перед нами стояла опрятно одетая женщина в переднике и с косынкой на голове; перед собой она держала поднос с шестью алюминиевыми мисками, наполненными какой-то кашей.

— Покушайте, пожалуйста, — сказала она, улыбаясь нашим обалдевшим при её появлении физиономиям.

— Каждый берёт по одной, — добавил открывший дверь надзиратель. Мы быстро поели, и дверь закрылась.

— Каша а ля Лубянка, — резюмировал Веригин. — Немного, но питательно, а главное — какая быстрота сервировки: не успел я сказать, что хочу есть, как еда тут как тут. А вот с питьём ничего не получилось.

После еды стало ещё жарче. Веригин стал стучать в дверь.

— Чего ты хочешь? — спросил я.

— Хочу, чтобы открыли дверь в коридор, а то мы тут преждевременно задохнёмся.

— Может быть, ты хочешь погулять по воздуху? — сыронизировал я.

— По воздуху летают, а не гуляют, и мы это уже имели, а гулять мы тоже будем: в каждой тюрьме полагается полчаса прогулки в день. Любопытно, нет ли здесь микрофона? — и Веригин стал осматривать камеру.

— Я хотел бы увидеть батюшку, — неожиданно сказал Кузнецов.

— Какого батюшку? — удивились мы.

— Ну священника, советского священника, — пояснил Кузнецов и застенчиво улыбнулся.

Веригин рассмеялся.

— Советского священника ты увидишь там, куда попадёшь потом, если тебя, конечно, не расстреляют. Я хочу сказать, что ты встретишь священника в лагере, там их много. Причаститься тебе вряд ли удастся, а вот исповедоваться — почему бы и нет? Но я думаю, что в отношении исповеди советские следователи дошлие всякого священника, и после их исповеди у тебя грехов никаких не останется, во всяком случае — антикоммунистических. А если тебя расстреляют, то ты попадёшь прямо в рай, так как чистилище ты пройдёшь здесь, на земле, я подразумеваю чистилище советских тюрем и допросов.

Разговоры были прерваны старшиной, открывшим дверь.

— Не разговаривайте так громко, — тихим голосом сказал он и добавил:

— Кто из вас Бьёркелунд — выходите.

Я попрощался с товарищами и вышел в коридор. Путь был недалёкий, всего несколько шагов. Обстановка небольшой ярко освещённой комнаты, куда меня привели, состояла из средней величины стола, стула и небольшого коврика. У стола стоял солдат, окинувший меня быстрым взглядом.

— Все деньги и ценности, которые вы имеете при себе, — сказал он, — положите на стол, также как и все режущие, колющие и пилящие предметы, если вы их имеете.

Я снял и вынул всё ценное, что было при мне, а относительно режущих и пилящих инструментов сказал, что таковых не имею. Надзиратель раскрыл мой бумажник и стал внимательно просматривать его содержимое, отсортировал деньги от бумаг, квитанций и записок; всё это он аккуратно разместил на столе.

— Иголки с собой не носите? — спросил он.

— Нет.

— На вещи и ценности вы получите расписку, а сейчас раздевайтесь догола и вещи кладите на стол.

Я стал раздеваться, а надзиратель каждую снятую мною вещь немедленно расстилал на столе, прощупывая все швы, распарывая острым ножом подкладку и исследуя «внутренности» рукой. Полуботинки привлекли его особое внимание; они ему, видимо, очень понравились, он даже прищёлкнул языком, осматривая их, однако это не помешало ему отодрать от них всю подкладку. Со шляпы была спорота лента, и она сразу потеряла свой вид. Посмотрев на ощупь и на свет нижнее бельё, он отодвинул всю образовавшуюся из одежды и белья кучу в сторону и, обернувшись ко мне, сказал:

— Откройте рот.

Исследовав рот, ноздри, уши, анальное отверстие и заставив меня сделать несколько приседаний с разведёнными в сторону руками, он подвинул ко мне моё платье и умиротворённо произнёс:

— Одевайтесь поскорее, однако имейте в виду, что галстук, подтяжки, подвязки, ленту от шляпы и шнурки с ботинок вам иметь у себя нельзя, вы их получите потом. На деньги же и ценности вы получите расписку.

После того, как я оделся, меня провели в соседнюю комнату, где я увидел военного весьма отталкивающей наружности, сидевшего за столом, на котором лежали только что отобранные у меня вещи.

— Это ваши вещи? — буркнул он, не глядя на меня.

— Да, — ответил я.

Тогда, спросив мою фамилию, имя, отчество и год рождения, он стал писать расписку, на которой предложил мне затем расписаться. После этого он убрал её вместе с моими вещами в свой письменный стол.

— На руки мы квитанций не даём, — пояснил он, — она будет находиться при вашем деле.

— У меня есть ещё портфель с драгоценностями, — заметил я.

— Где?

— Я не знаю, — заметил я.

— Ну и я не знаю. Я даю вам квитанцию на вещи, отобранные здесь, а на вещи, о которых вы сами не знаете, где они, я квитанции дать не могу. Ясно?

Я попытался было объяснить ему, в чём дело, но он не пожелал меня слушать, и я был отведён обратно в шкаф, но уже в другой, где я оказался один. Моё одиночество длилось недолго, так как понемногу все мои товарищи по несчастью, пройдя тот же искус, что и я, один за другим стали появляться в моём закутке, но уже в несколько потрёпанном виде.

Едва был введён последний из нас, как вновь появился старшина, приказавший нам построиться по двое. Сделать это, конечно, было нетрудно, и в сопровождении двух чекистов мы замаршировали в баню. «Баня» в сущности было лишь громкое слово: в узкой длинной комнате было штук 10 душей, из которых жиденькими струйками текла чуть тёплая вода; она нас, если не помыла, то, во всяком случае, освежила.

Вместе с предшествующей бане стрижкой волос эта операция в Советском Союзе называется «санобработкой». Платье и бельё наши мы перед баней должны были уложить в картофельные мешки для «отпарки» — как было сказано. Эта операция тоже относилась к санобработке: такой мешок помещают в камеру, где температура достигает 120–130 градусов, в результате чего является гибель вшей, но после нескольких таких обработок гибнут и вещи. Веригин был верен себе и попробовал и теперь отшутиться:

— Мои вещи отпаривать не надо, я их третьего дня в Гельсингфорсе отпаривал в «Американо», а вот сапоги необходимо почистить.

— Этого мы не делаем, почистите потом сами, — серьёзно ответил солдат.

Мыла нам в бане не дали, полотенец тоже не было.

— «Бедность», — резюмировал Веригин.

После бани вместо нашего платья нам выдали, правда, чистые, но зала-
танные и частично рваные предметы красноармейского обмундирования:
гимнастёрки, бумажные брюки, совершенно несуразно большие и разно-
шенные ботинки и пилотки на голову. Облечившись в это тряпье, мы сразу
стали похожи на бравого солдата Швейка⁴⁰; в таком виде, строем, мы были
отведены обратно в наш шкаф. Эти шкафы называются в советском госу-
дарстве «боксами», и в дальнейшем рассказе я буду употреблять это слово.

Вероятно, процедура водворения в тюрьму во всех странах более или
менее одинакова и в том, что я сейчас описываю, нет ничего удивительного
для человека, уже однажды где-либо сидевшего в тюрьме. Но мы все были
в этом деле новички, кроме того условия и обстоятельства, при которых мы
сюда попали, были необычны, да и само учреждение, куда нас привезли,
было не что иное, как пресловутая «Лубянка», пользовавшаяся всемир-
ной известностью отнюдь не положительного характера. Позже мне при-
шлось слышать такой анекдот: какой-то советский гражданин, не знаю-
щий Москвы и впервые туда приехавший, обратился на улице к прохожему
с вопросом: «Скажите, пожалуйста, где здесь Госстрах?» (Так называется
в советском государстве Страховое общество). Дело происходило в центре
Москвы, на площади имени Дзержинского⁴¹, где находится Лубянка. Спро-
шенный гражданин пожал плечами и ответил: «Где «Госстрах» я не знаю,
а «Госужас» — вот» и указал на Лубянку.

Исходя из этого, не приходится удивляться тому, что двое наших това-
рищей пережили несколько неприятных моментов, которые, хотя, быть
может, и закаляют характер, но оставляют неприятные воспоминания. Их,
так же, как и нас, отвели в баню, так же отобрали платье и одели в лохмо-
тья. Когда на обратном пути их вели через тёмный двор, они увидели при-
ближающуюся к ним группу людей и одновременно услышали звуки, напо-
минающие лязг открываемого ружейного затвора, когда в ствол вводится
патрон. В тот же момент ведущий их солдат скомандовал:

— Становись лицом к стенке.

Всё вместе создало у них впечатление, что их сейчас будут расстрели-
вать. Они поспешили перекреститься и пожать друг другу руки. Однако
ничего не произошло, группа людей прошла мимо и раздалась команда:

— Следовать дальше.

Удары ключа о пряжку пояса они приняли за звуки заряжаемой вин-
товки.

Вскоре по водворении в боксе нам принесли наше платье, горячее,
влажное и смятое от пара. Переодевшись в него, мы сразу приняли вид лиц,
потерпевших кораблекрушение и вытасненных из воды. Отросшая щетина,
бледность усталых от бессонницы лиц ещё более увеличивали это впечат-
ление. Представление о времени было окончательно потеряно, мы вторые
сутки не спали. Всякие разговоры кончились, и в самых неудобных позах
мы клевали носами, как вдруг я услышал свою фамилию и:

— Выходите.

Быстро простившись с товарищами, я вышел. Опять лестницы, переходы, коридорчики, тёмный двор, опять небольшой, герметически закрытый автомобиль, в котором для пущей верности было устроено три шкафа с каждой стороны. Я поместился в один из этих шкафов, дверь за мной закрылась и после нескольких сильных припадков астмы машина покатила.

Всякая практика создаёт опыт. Впоследствии, сидя в такой двойной изоляции, по доносившимся извне звукам, поворотам, остановкам и по времени переезда я знал, куда и в какую тюрьму меня привезли ещё до того, как я выходил из машины. Но в тот момент я был ещё неопытен. Переезд был нелёгкий, в шкафу было очень тесно, мало воздуха и потому быстро сделалось душно; московская же мостовая, по крайней мере, по нашему пути, оставляла желать лучшего. Однако всему бывает конец, мы остановились и, услышав приказ выходите, я поспешил покинуть душный шкаф и с удовлетворением втянул в себя свежий ночной воздух.

Прямо передо мной виднелась освещённая небольшой лампочкой дощечка, на которой я прочёл малоутешительное слово «СМЕРШ»⁴². Тогда я не знал значения этого слова, фактически же это было официальное название контрразведки во время войны и расшифровывалось просто — «смерть шпионам». Тюрьма же, куда меня привезли, была Лефортовская.

Большая, выкрашенная в зелёную краску комната, с очень большим окном и столь же большой массивной решёткой, чёрный асфальтовый пол и небольшой столик с полочкой — было первое, что я увидел в этой тюрьме. Я ничему не удивлялся, ни на что не реагировал — мне лишь смертельно хотелось спать, а потому, надвинув на лицо шляпу и завернувшись в ульстер, я лёг на грязный асфальтовый пол, но не успел закрыть глаза, как в комнату вошла девушка лет 20 в чёрном пальто с большим вязаным белым платком на голове и в высоких сапогах.

— Спустите брюки, — сказала она мне.

В первый момент я подумал, что ослышался, и, вскочив на ноги, глупо уставился на вошедшую.

— Вы по-русски говорите? — спросила девица.

— Да! — ответил я.

— Так спустите брюки.

Это показалось мне несколько нелогично, но я повиновался.

— Поднимите рубашку!

Я выполнил и это требование, девица повернулась и вышла.

Сознаюсь, что сцена эта произвела на меня сильное впечатление, я недоумевал. Практически дело было просто: это была представительница санчасти, и её обязанностью было определить, не являюсь ли я переодетой женщиной и не болею ли я какой-нибудь болезнью. Должен при этом сказать, что вторую часть своей обязанности она выполнила более чем поверхностно.

Быстро приведя свой туалет в порядок, я улёгся на прежнее место с твёрдым намерением заснуть, но опять неудачно: дюжий рыжий надзиратель открыл дверь и предложил мне «выходить в баню». Мои уверения,

что я только что мылся на Лубянке, а вчера дома — не помогли. Пройдя какими-то закоулочками и коридорчиками, я очутился под очень горячим и сильным душем, дувшим дуплетом из двух кранов; платье же моё, будучи уложено в мешок, опять отправилось в «отпарку». По окончании этой процедуры два надзирателя, громко щёлкая пальцами перед каждым поворотом, ввели меня в помещение Лефортовской тюрьмы.

Предводимый и сопровождаемый ими я поднялся по металлической лестнице, напминавшей судовые трапы, на четвёртый этаж, где был введён в небольшую, окрашенную до половины в коричневый цвет, с высоко, почти под потолком, расположенным окном. В щель между окном и так называемом «намордником» (железный лист, расположенный наискось к окну) было видно, что светало. Я огляделся. В камере стояла железная кровать, вернее, её остов, так как середина, на которой можно было лежать, отсутствовала.

Теперь у меня была только одна мысль — спать, и как только дверь закрылась за моим провожатым, я быстро улёгся на пол вдоль стены, но так же быстро открылась кормушка в дверях (форточка, через которую подавалась пища — отсюда и название), и солдат сообщил мне, что на полу лежать воспрещается и что для этой цели есть кровать. Я недоумевающе показал ему на пустую середину кровати, на что получил ответ:

— Постельные принадлежности будут вам выданы.

Я сел, как птичка, на железную полосу кровати и, положив руки на её спинку, начал было уже засыпать, как дверь открылась, и в камеру вошёл генерал Добровольский. Его благородное красивое лицо носило следы сильного утомления, но живые тёмные глаза сверкали улыбкой, и он приветствовал меня так, как будто мы встретились в гостинной. За исключением короткого времени совместного проезда на аэроплане в Москву, я не видел его с 1928 года. За этот срок он постарел, волосы стали совсем белые, но присущий ему шарм он сохранил вполне. Мы поделились впечатлениями и предположениями — они не были радужными.

Оказалось, что он с Лубянки попал сперва в Бутырскую тюрьму, а оттуда был переведён в Лефортовскую, так что ему пришлось ещё лишний раз вымыться в бане и отпариться. Почти вслед за ним в камеру внесли кровать, пару совершенно сбитых в лепешку ватных тюфяков, пару тощих подушек, набитых пером, по невероятно грязному одеялу и по латаной простыне на человека.

Быстро оборудовав «спальное место», мы, скинув ботинки и верхнее платье, бросились на кровати, натянули на себя одеяла и наши ульстеры, так как в камере было более чем прохладно, закрыли глаза и, наконец, заснули. Не знаю, сколько времени мы спали — минуту или час, — но дверь опять открылась и явился претендент на третью кровать, в камеру вошёл инженер Веригин, приветствовавший нас радостным голосом и выразивший своё удовлетворение в том, что в дальнейшем, видимо, мы будем сидеть вместе.

Мы одновременно заснули, но, увы, спать нам пришлось недолго, так как в 6 часов утра был подъём, а после подъёма до 10 часов вечера спать

не разрешалось, за чем рачительно следил надзиратель, заглядывавший в «глазок» двери каждые 2–3 минуты.

Невыспавшиеся, в помятых костюмах и с отросшей щетиной, мы имели весьма непрезентабельный вид. Мы стали обсуждать вопрос, что же произошло в Финляндии, и как случилось, что мы оказались в Москве. Попытались установить, кого мы видели, и общими усилиями насчитали до 20 человек. Далее мы определили, что все эти 20 человек в социальном, общественном, политическом и, наконец, в военном отношении были личностями более чем незначительными. Мы пришли к заключению, что кроме нас арестовано и уже вывезено или же будет вывезено ещё много людей, а что мы — это только начало.

Невесёлые выводы получились и при обсуждении положения, в котором после нашего исчезновения оказались наши близкие. Не говоря уже о путанице, которая, несомненно, должна была образоваться в наших делах при столь внезапном исчезновении, мы знали, что если большевики действительно овладели Финляндией, то их немилость распространится и на наши семьи. Эти опасения угнетали нас долго, пока, уже позже, в ходе следствия нам не удалось установить, что большевики Финляндией не завладели и что кроме нас никого оттуда в Москве нет.

Веригин, как всегда не унывая, говорил:

— Ну, думай не думай, а мы ни до чего не додумаемся, да и делу помочь ничем не можем. Лучше, воспользовавшись тем, что мы вместе, будем беседовать о прошлом. Северин Цезаревич (Добровольский. — Б.Б.), наверное, сможет нам рассказать много интересного. А что касается будущего, то самое худшее, что с нами могут сделать, — это расстрелять, но, по совести говоря, я не думаю, что это случится, по крайней мере, в отношении меня, между тем мы лично переживём и увидим много такого интересного, о чём до настоящего времени мы только читали в книжках. Самое главное для нас — сохранить нервы. Нервы в нашем положении решают всё, ведь и на войне побеждает тот, у кого крепче нервы. Плохо только то, что кормить нас будут скверно, а аппетит у меня хороший.

В правоте его слов мы убедились очень скоро, если не в смысле нервов, то во всяком случае в смысле еды, получив около 7 часов утра 450 граммов очень плохого хлеба и миску довольно хлористой воды.

В дальнейшем, за всё время моего пребывания в Лефортовской тюрьме — а это длилось до 14 сентября 1945 года, когда закончилось моё первое следствие — пища состояла, главным образом, из воды: к обеду она была с капустой, а к ужину с небольшим количеством крупы. Из чего пёкся хлеб — я не знаю, но цвет его варьировал от светло-песочного до землисто-чёрного. За эти пять месяцев следствия мы обратились в скелеты, обтянутые кожей. Небольшое брюшко генерала Добровольского висело в виде передника до колен. Веригин походил на человека, умершего третьего дня от голода. Что же касается меня самого, то я себя не видел, но думаю, что вид у меня был тоже неважный.

Глава вторая

ДОПРОС

Небольшого роста брюнет с румянцем во всю щёку, с кудрявыми расчёсанными на пробор волосами, в весьма потрёпанном обмундировании, на котором блестели новенькие майорские погоны, встретил меня, буквально «скаля зубы».

— А-а, Бьёркелунд, — с ударением на последнем слоге сказал он, указывая мне головой на стул в углу, около которого стоял небольшой столик с полочкой, закапанный анилиновыми чернилами. — Мы много о вас слышали ещё до вашего приезда, любопытно посмотреть на этакую птицу, это не каждый день бывает, что в руки попадает такой прохвост. Ну, старая проститутка, выворачивайся наизнанку — рассказывай, как ты нас продавал.

Я решил сделать «весёлое лицо при плохой игре» и парировал его вступление словами:

— Если я попробовал бы торговать вами, то не думаю, чтобы много на этом заработал.

— Что? — закричал Рюмин (так звали этого майора)⁴³, вскакивая со стола, и из его уст посыпались площадные ругательства. — Я научу вас разговаривать подобающим образом, — закончил он своё выступление.

— Судя по вашим словам, я не думаю, что ваша педагогическая деятельность в отношении меня будет успешной, — возразил я.

Наступила небольшая пауза. Рюмин собирался с мыслями, но я решил взять инициативу в свои руки:

— Я, конечно, ко многому себя подготовил, но должен сказать, что я не представлял себе, что офицер, хотя бы и советский, может вести себя так, как вы это делаете. Мне стыдно.

Рюмин просиял.

— Ага, совесть заговорила!

— Нет, моей совести говорить нечего, мне стыдно за вас, вернее, за ваши погоны.

Рюмин, стоявший в этот момент передо мной, при этих словах размахнулся кулаком, но от удара воздержался.

— Я не имею привычки бить моих подследственных, но, если вы будете вести себя так, то я смогу не удержаться и дам вам по морде.

— Для вас это совершенно безопасно, вы знаете, что я вам дать сдачи не могу в силу моего положения, так что вы будете бить лежащего. Но раз вы говорите, что вам неприятны мои слова, то это делает вам честь, показывает, что у вас есть совесть. Как бы там ни было, я вас должен предупредить,

что я старый военный, вас я не боюсь и запугать себя я вам не дам и допрашивать меня в таком тоне, как вы начали, я не позволю. Вы можете спросить, каким образом я этого не позволю? Очень просто — я буду молчать!

Рюмин сел за письменный стол, находившийся от меня на расстоянии примерно 10 шагов, немного помолчал и сказал:

— Это будет вам невыгодно, так как у нас есть средства и методы заставить вас говорить, — это раз, — а, во-вторых, ваше чистосердечное раскаяние облегчит вам приговор, когда вы предстанете перед судом.

— Раскаиваться мне не в чем, и я плохо себе представляю, за что вы меня собираетесь судить.

— Как так? Что вы играете в невинность! (Он сказал резко). Ведь вам известно, что сейчас идёт война, война не на жизнь, а на смерть, и что вы находитесь в руках контрразведки, и какой контрразведки! — советской. А она всё знает, всё видит и, как вы можете судить сами по себе, извлекает своих врагов отовсюду. Вы думаете, что нам неизвестно, что вы — немецкий шпион и работали в Гельсингфорсе в бюро Целлариуса?

Должен сказать, что я никогда с немцами не работал и в тот момент понятия не имел, что это за учреждение — «бюро Целлариуса»⁴⁴. Лишь когда я был отведён обратно в камеру, я узнал от генерала Добровольского, что действительно в Гельсингфорсе существовало бюро Целлариуса, и что оно действительно было органом немецкой разведки. Но из слов Рюмина я видел, что какое-то обвинение мне предъявлено. Я понимал, что это обвинение — абсурд, и это давало мне некоторое облегчение, но, с другой стороны, я знал большевистскую тактику и знал, что они будут заставлять меня признаваться в том, чего я не делал. Для них это является вопросом престижа, они ни в коем случае не признаются в своей ошибке, и именно это затруднит моё положение. Сейчас мне нужно всячески отбиваться, ведь не исключено, что это просто пробный шар со стороны следствия.

— Целлариус! — сказала. — О такой фирме я в Гельсингфорсе не слышал, а если ваша разведка дала вам обо мне сведения как о немецком шпионе, то это сильно колеблет мою уверенность в её эффективности. Простите, но это просто вздор!

— У нас имеются против вас улики. Мы не сумасшедшие, чтобы тащить в Москву людей, на которых у нас нет исчерпывающих данных. Кроме того, вам должно быть ясно, что ваши друзья из Финской политической полиции, где вы, кстати, тоже работали не менее 20 лет, вынужденные выдать вас нам, не смогут, да и не собираются вам помочь, так что вы находитесь всецело в нашей власти и в ваших интересах с нами договориться.

Это второе обвинение было столь же абсурдно, как и первое: я никогда не имел никакого отношения к Политической полиции, что я не замедлил сказать Рюмину.

— Ну, вы действительно фрукт! — воскликнул он. — Вы мне напоминаете карманного воришку, который, будучи пойман за руку, когда он залез в чужой карман, говорит — это не я! А рука-то чья? И рука не моя! Ведь

в нашем распоряжении архивы и политической полиции, и вашей разведки, так что мы имеем на вас материал от вашего же начальства.

— Знаете, что я вам скажу, гражданин следователь: если бы эти материалы действительно находились в ваших руках, то таких обвинений, какие вы мне сейчас предъявляете, вы, несомненно, не предъявляли бы, так как в наших архивах этого не могло быть. Это абсурд!

Тон Рюмина стал как-то менее уверенным, но он всё же не сдавал позиции.

— Что же вы и англичан будете отрицать? — спросил он.

— Каких англичан? — удивился я.

— Английскую разведку.

На этот раз я рассмеялся совершенно искренно.

— Гражданин следователь, вы, очевидно, считаете меня за дурака. Сейчас вы, вероятно, скажите, что я служил в японской разведке, потом — во французской и т. д. До сих пор я считал, что со мной случилась очень трагическая вещь, между тем то, что сейчас происходит здесь, скорее напоминает комедию или фарс, а ещё более какой-то нелепый сон. Вот вы представьте себе, что вас ночью выхватят из кровати, привезут на аэроплане в Лондон или Берлин и будут обвинять в том, что вы брат Михаила Архангела и сын японского Императора. Что вы в таком случае будете думать об обвинителе, о вашей ситуации и о всём с вами произошедшем?

В дальнейшем Рюмин перешёл на более миролюбивый тон. Он старался меня уверить, что очень мне сочувствует и что в конце концов моя судьба находится в моих же руках; стоит мне покаяться в своих преступлениях против Советской власти, как срок моего наказания будет сокращен наполовину и я смогу вернуться домой к семье и моим делам. Я поблагодарил его за хорошие советы, но указал, что последовать им не могу, так как в Советском Союзе не жил и уже в силу этого никаких преступлений против Советской власти совершить не мог. Что же касается сокращения наказания наполовину, то, конечно, это звучит очень заманчиво, но если, скажем, половина эта от ста, то это неутешительно.

Всё это продолжалось примерно часа три, после чего я был водворён обратно в камеру. Теперь, после допроса, мне было более или менее ясно, в чём меня обвиняют; однако обвинения были настолько абсурдны, что, казалось, разбить их не представит больших затруднений. Но в этом я очень ошибался. В камере я был забросан вопросами товарищей: что, как, вежлив ли следователь или груб, бьют ли, угрожают ли и т. д. Я рассказал всё и высказал свои соображения. Но мнение генерала Добровольского относительно моих рассуждений о лёгкости опровергнуть предъявленные мне обвинения было пессимистическое.

— Видите ли, — сказал он, — мы находимся в таком учреждении, где предположительное обвинение считается абсолютным. Не столько вы будете опровергать и доказывать абсурдность обвинения, сколько следователь будет доказывать его реальность и убеждать вас всеми мерами,

вплоть до репрессивных, с этим обвинением согласиться. Принцип всей этой системы заключается в её безошибочности, если ошибка и сделана, то в ней никогда не сознаются, а при таких условиях вы должны быть виноваты и оправдаться вам невозможно.

Нарисованная генералом перспектива выглядела неважно, я, правда, с ним не совсем согласился тогда и решил защищаться до последнего. Но в скором времени сам Рюмин подтвердил правоту взгляда генерала. Как-то раз в ходе следствия у меня возникло пререкание с Рюминым по поводу выражений: «выразил согласие» и «выразил желание». Я доказывал, что смешивать эти два понятия нельзя, что юридически они прикрывают разные поступки, так как согласие высказывают в ответ на какое-то предложение, а желание выражают без всякого предложения, и что лицо, которому высказано какое-то желание, не может нести за него ответственность, тогда как ответственность лежит на том лице, которое делает предложение. На основании этих соображений я отказывался подписать протокол допроса в той форме, как он был сформулирован Рюминым.

После долгих убеждений и требований моей подписи Рюмин отложил в сторону перо и, откинувшись в кресле, сказал:

— Неужели вы, Бьёркелунд, не понимаете, что всё, что мы здесь пишем, не имеет никакого значения в вашей судьбе? Важно то, что о вас думает наше руководство, а оно думает о вас плохо — это я вам наверное говорю, ведь оттого вас сюда и привезли. Моя обязанность юридически оформить вас на 10 лет заключения, и я это сделаю, как я это делал с десятками других. Даже если вы действительно не виноваты в том, в чём мы вас обвиняем, то всё же вы безусловно враг — это явствует из всей вашей жизни. Вы отрицаете, что вы были в антикоммунистических и антисоветских русских организациях, — допустим, что это так, но вы были в финской антикоммунистической организации, а именно в Шюдскоре⁴⁵, и вы 18 лет работали в Финском Генеральном штабе, в его информационном отделе, а ведь этот Штаб вёл две войны против нас и их подготавливал. Вы отрицаете непосредственное отношение к шпионажу, вы говорите, что в Бюро печати вы обрабатывали наши журналы и газеты, но ведь вы обрабатывали их с целью добычи сведений о нас, вы искали, где мы проговаривались, в конце концов это тоже шпионаж. Вы делали это хорошо, ибо, если бы вы делали эту работу плохо, то вас не держали бы столько времени на службе. Кроме того, это нам тоже известно, вы работали идейно, так как вы хорошо зарабатывали вашей рекламной работой и вашим магазином, и в том, что вам платил Штаб, вы не нуждались. Следовательно, вы наш «идейный враг», а таких врагов мы уничтожаем или «изолируем» — в зависимости от момента и необходимости. В общем вы сами виноваты в постигшей вас беде, вам надо было выскочить из сферы нашего влияния, и у вас было для этого достаточно и времени, и возможности.

По существу это была другая редакция того, что сказал генерал Добровольский. Если бы я тогда всё это понял и сделал надлежащие выводы,

мне, вероятно, удалось бы избежать многого, что мне пришлось пережить и перестрадать. Тогда я не знал того, что сейчас знаю, а именно, что всё это возможно не только в Советском Союзе, «у большевиков». Германия тогда ещё не была побеждена, ещё не было Нюрнбергского процесса⁴⁶ и мир ещё не знал всех тех гнусностей, которые учиняли представители и великих, и невеликих держав — победительниц. Короче говоря, я ещё был идеалистом, тем самым, с открытым забралом... и «долго его ноги торчали из придорожной канавы, пугая прохожих...».

Но возвращаюсь к тогдашней действительности. На следующий день после моего допроса вызвали к следователю генерала Добровольского. Отсутствовал он 6–7 часов и вернулся лишь к ужину в полном восторге от своего следователя Симонова. Вежлив, культурен, любезен. Говорил только на отвлечённые темы. Сообщил, что Берлин, вероятно, будет взят на днях, и тогда война кончится. На вопрос генерала, что означают артиллерийские залпы, которые мы, сидя в камере, слышим каждый день, разъяснил, что это салюты, означающие взятие советскими войсками немецких городов. Чем значительнее взятый город, тем больше дается салютных залпов.

На четвёртый или пятый день вечером вызывали Веригина. Вернулся с допроса он ночью, часа в два, совершенно жёлтый и сильно хромя.

— Ну как? — спросил я.

— Плохо, дерётся, — ответил он.

— То есть как это дерётся?

— Да так: сразу ударил каблуком по ноге, а у меня нога больная, рана — зашиб дома, а потом взял за горло и несколько раз ударил головой о стену.

Мы стали допытываться от него подробностей. Они оказались таковы: следователь предъявил ему обвинение в террористической деятельности, направленной против «вождей Советского Союза», а когда он стал отрицать таковую, следователь стал его бить.

— Если он будет продолжать так драться, то я на него пожалуюсь, — закончил свой рассказ Веригин.

— Интересно, кому ты будешь жаловаться? — спросил я.

— Этого я и сам не знаю, но думаю, что и у него тоже есть начальство.

На этом наш разговор прекратился, и мы уснули.

В дальнейшем у Веригина с его следователем — (его знали) Кузнецовым⁴⁷ — создались вполне приличные отношения, и Веригин не только никогда не пожаловался, но даже на вопрос врача, где он повредил ногу, ответил, что ещё до ареста упал с велосипеда.

Много позже, в 1949 году, когда я в третий раз проходил следствие, то получил следователем этого же Кузнецова. Со мною он был очень вежлив, и я как-то выразил ему по этому поводу недоумение, объяснив ему, что знаю его как мордобоя. Он этому удивился. Я напомнил ему инцидент с Веригиным в 1945 году. Кузнецов рассмеялся и сказал, что тогда произошло глупое недоразумение.

— Видите ли, — пояснил он, — я тогда только что приехал с фронта и был горяч, а у Веригина та же манера говорить, что и у меня, в нос и немного растягивая слова. Мне показалось, что он меня передразнивает, и я его слегка стукнул. Потом я понял, что ошибся, и мы были с ним в наилучших отношениях. Я сохранил о нём самое хорошее впечатление, славный, видимо, парень.

Мой второй визит к следователю не внёс ясности в положение. Рюмин был вежлив, разговор у нас на этот раз вёлся на общие темы, главным образом, семейные. Я узнал, что майор женат, жена преподаёт английский язык, что у него двое детей, сын и дочь, что жалования он получает 3500 рублей в месяц, но что на эти деньги жить трудно — всё очень дорого, да и в магазинах почти ничего нет, а на чёрной бирже можно купить всё, что угодно, но для этого надо иметь деньги, а где их взять? У населения денег много, все спекулируют; спекулируют и приезжающие с фронта военные, один фронтовик привёз чемодан с миллионом иголок и продал их по рублю — заработал миллион.

У меня он осведомился о моём семейном положении и, узнав, что жене 38 лет, рассмеялся и сказал:

— По освобождении вам придётся искать новую жену. Вы должны считаться с тем, что получите минимум 10 лет, ну а жена столько времени ждать не будет!

В середине разговора он, как бы между прочим, предложил мне подписать бумагу о моём аресте. Бумага была составлена весьма любопытно: из неё вытекало, что я был арестован в Москве 24 апреля 1945 года каким-то Кречетовым по приказанию начальника СМЕРШ'а генерала Леонова⁴⁸ с разрешения прокурора комиссариата Государственной безопасности Баринава. Я расписался, что содержание документа до моего сведения доведено.

На этот раз я провёл в кабинете следователя 5–6 часов, но разговаривали мы фактически не более двух часов, да и то с перерывами, во время которых мой следователь читал газеты.

Примерно через неделю по прибытии в Лефортово я был представлен начальнику следственной части СМЕРШ'а полковнику Кузнецову⁴⁹; в тот момент я не знал, что имеется таковой начальник и что его зовут Кузнецовым, и поэтому вся церемония представления произвела на меня сильное впечатление, на что, видимо, и брался расчёт.

В этот вечер меня разбудили около полуночи, и я был введён в громадную комнату, метров 20 в длину и в 6–7 метров в ширину, ярко освещённую целым рядом ламп, плюс большой люстрой в центре. В конце комнаты стоял письменный стол, за которым сидел хорошо, я бы даже сказал, франтовато одетый господин в штатском. Перед столом стояло два клубных кресла; на одном сидел мой следователь, а на другом — тогда мне ещё неизвестный господин в дурном штатском платье; как позже выяснилось, это был заместитель начальника отдела Хорьков⁵⁰. На столе лежало несколько откры-

тых коробок папирос «Казбек», которые они безостановочно курили. В комнате было холодно, и все трое были в пальто и шинелях, кроме меня, поэтому я дрожал и щёлкал зубами.

За всё время последующего разговора мой следователь не открыл рта, Хорьков раза два произнёс по моему адресу — «сволочь» и «проститутка».

Зато Кузнецов говорил много. Он начал с вопроса, отдаю ли я себе отчёт в своём положении и знаю ли, почему здесь нахожусь? Я ответил, что в положении своём отчёт себе отдаю, также мне известно, куда я попал, но зачем я здесь понадобился — это мне неизвестно, непонятно, и я могу объяснить это лишь каким-то недоразумением. Кузнецов деланно засмеялся и сказал, что я начинаю плохо и что, если буду так продолжать, то и кончу плохо. Кроме того, мой ответ показывает, что я своего положения не понимаю и что он должен мне его объяснить.

Согласно условиям перемирия Финляндия, также как и другие страны, обязана была выдать Советскому Союзу военных преступников для их наказания — этим и объясняется моё присутствие здесь. Но Советский Союз не кровожаден, и людей, которые раскаиваются в совершённых преступлениях, милует или, во всяком случае, облегчает их судьбу. Поэтому, если я не хочу быть расстрелянным, то должен откровенно рассказать о своей преступной деятельности, в противном случае меня растянут на полу и будут драть резиновыми батоном так, что я потом сесть не смогу. Если же я не буду упираться, то года через три, вероятно, смогу вернуться к жене и детям.

Дальше разговор принял сбивчивый и бестолковый характер. Мне было ясно, что Кузнецов не знаком с моим делом; он говорил общие места и ставил такие обвинения, что возражать на них было бессмысленно. Ясно было, что задача, которую Кузнецов себе поставил, — это запугать меня. Обиднее всего, что по внешним признакам это ему вполне удалось: от нервности, слабости, бессонницы и холода в комнате я дрожал и щёлкал зубами.

Вся эта процедура длилась примерно часа два. В камеру я вернулся в очень тяжёлом настроении. Положение было трагичное. Всю войну я просидел у себя в магазине, не имея ни к чему никакого отношения, и теперь выдан в качестве военного преступника и должен под угрозой избиений и мучений в чём-то сознаться.

На другой день, я посоветовался с генералом Добровольским: от него я мог ожидать дельного совета, он сам был военный юрист и прокурор. Генерал, выслушав меня, сказал, что он не видит для меня другой возможности, как ожидать предъявления конкретных обвинений. Любому человеку можно сказать — «вы шпион», но для того, чтобы осудить человека, конечно, необходимо иметь какие-то факты, без чего обвинение не будет юридически обосновано.

Через пару дней я был опять вызван к Рюмину, объяснившему мне значение разговора с Кузнецовым и роли принимавших в нём участие персонажей. На этот раз беседа наша велась в весьма дружеском тоне и касалась

моего дореволюционного прошлого, моего финляндского происхождения и ряда биографических данных. Однако в ту же ночь мне пришлось пережить ещё одну неприятную встречу. Около полуночи я был вызван вторично. На этот раз я очутился лицом к лицу со святочным чёртом в форме советского майора. Он прыгал вокруг меня, делал какие-то пасы руками, требовал, чтобы я немедленно рассказал ему о своих переходах через польскую границу, называл «братчиком»⁵¹, говорил о какой-то Марье. Я серьёзно испугался, предполагая, что имею перед собой внезапно сошедшего с ума человека. Бывали моменты, я думал, что он вот-вот ударит меня стулом, но в тот же момент он сел на этот стул и требовал от меня немедленного рассказа о тех террористических актах, которые я пытался осуществить. Всё это представление длилось часа два, и после этого я был в таком состоянии, что когда по пути обратно в камеру проходил мимо санчасти и почувствовал сильный запах эфира, то запах этот связался в моём представлении с истязаниями и тем явно сумасшедшим собеседником, с которым я только что расстался.

Страшен чёрт, но милостив Бог. Собеседник, показавшийся мне ненормальным, оказался начальником следственного отдела майором Герасимовым. Он вызвал меня к себе, чтобы познакомиться с моим делом и с тем, в чём меня обвиняют. По совести говоря, я думаю, что в то время вообще никаких конкретных обвинений и не было; их ещё только искали, но область, в которой мои преступления должны были быть найдены, была уже очерчена — это должны были быть шпионаж и террор. Только через месяц обвинение стало обрисовываться.

Вначале оно стало выявляться так:

Следователь: — Вы, конечно, бывали в Гельсингфорсе в Клубе Русской Колонии?

Я: — До войны не бывал, а во время войны бывал и даже довольно часто.

Следователь: — Чем вы там занимались?

Я: — Тем же, чем и все остальные, то есть ел и пил; это же был ресторан, и во время войны там довольно недорого и прилично кормили.

Этот разговор в протоколе допроса записывался так:

Вопрос. «*Следствие* располагает неопровержимыми данными, что вы являлись активным членом террористической антисоветской организации в Финляндии, скрывавшейся под названием «Клуб Русской колонии».

Ответ: «Да, я чистосердечно сознаюсь, что являлся активным членом этой антисоветской террористической организации, принимал участие в её деятельности».

Или так:

Следователь: — Мы слышали, что на Царском флоте было много финляндцев. Правда ли это?

Я: — Да, финляндцы были представлены на флоте довольно многочисленно. Это объясняется наличием в Морском корпусе финляндских вакан-

сий, которые оплачивались покойным Государем из его личного финляндского гражданского листа⁵².

Следователь: — Ну, а после революции они, очевидно, все уехали в Финляндию. Много ли их там оказалось?

Я: — Не так много, в 20-х годах вся Кают-компания моряков в Финляндии насчитывала 50–60 человек, из которых, я думаю, половина была русскими.

Следователь: — Вот вы сказали — Кают-компания. Что вы под этим словом подразумеваете? Кроме того, мы слышали, что у вас среди моряков была Касса взаимопомощи. Расскажите мне о ней.

Я: — Под Кают-компанией я подразумеваю всякое совместное пребывание нескольких морских офицеров, хотя бы для чаепития или просто для разговоров. Что же касается Кассы взаимопомощи, то таковая действительно была, но она как-то сама скончалась в начале 30-х годов. Надобность в ней к тому времени перестала ощущаться, то есть большинство морских офицеров сумело материально устроиться довольно хорошо.

Следователь: — Расскажите, в чём выражалась деятельность этой Кассы?

Я: — Мы вносили в кассу ежемесячный взнос в размере 10 марок, кроме того, раз в год устраивали большой благотворительный бал, доход с которого шёл в Кассу. В случае смерти кого-либо из морских офицеров, в том случае, если в этом ощущалась необходимость, семье покойного оказывалась денежная помощь; кроме того, из денег Кассы приобретался венок на гроб скончавшегося и покрывались похоронные расходы.

В протоколе допроса это оформилось так:

Следователь: «Следствие располагает неопровержимыми данными, указывающими, что вы являлись активным членом антисоветской террористической организации в Финляндии, скрывавшейся под названием „Кассы взаимопомощи бывших морских офицеров“».

Я: «Я чистосердечно сознаюсь, что в течение ряда лет был активным членом антисоветской террористической организации в Финляндии, скрывавшейся под названием «Кассы взаимопомощи бывших морских офицеров», и из личных средств поддерживал эту организацию».

Остальное шло в этом же роде, и никакие протесты по поводу извращений в протоколе не помогали. Большого значения я этому не придавал, считая предъявляемые мне в таком виде обвинения абсурдными; каких-либо конкретных обвинений мне долго не предъявляли. Приблизительно месяца через два положение изменилось, и дело стало принимать нежелательный для меня оборот. Произошло это так. В числе привезённых вместе со мною в Москву людей был человек, который в своё время направил ко мне Бугаева, и о котором я упоминаю во вступлении к этому рассказу. Человек этот, попав в руки большевиков, сразу занял благожелательную для органов следствия позицию⁵³, и когда следователь спросил его обо мне, немедленно и охотно сообщил, что я являлся агентом Финского Генерального штаба и занимался вербовкой и переброской людей в Советский

Союз и в качестве примера этой моей деятельности привёл случай с Бугаевым. Но вначале он не мог вспомнить фамилию Бугаева, и из-за этого следствие долгое время не могло ухватиться за это дело. В конце концов, на моё несчастье, он всё же вспомнил фамилию Бугаева, и, как только эта фамилия стала известна, был сделан запрос в архивы ГПУ, и всё «дело Бугаева» было доставлено Рюмину.

Бугаев в своих показаниях указывал, что я всячески его убеждал отправиться в Россию и там заняться шпионажем в пользу Финляндии. Когда Бугаева арестовали, то при нём было найдено три револьвера; при допросе он показал по поводу этих револьверов, что один из них получил от меня, другой дал ему донесший на него советским властям капитан Иосельяни, третий же ему был дан тем представителем Финского Генерального штаба, который переправлял его через границу. Все три револьвера были засняты и к делу Бугаева были приложены их фотографии. Получив бугаевское дело в свои руки, Рюмин стал донимать меня вопросом: который из трёх револьверов был мой? За прошествием большого времени я, естественно, не мог вспомнить, какой именно револьвер я мог дать Бугаеву, но Рюмин настойчиво требовал от меня опознания в фотографии моего револьвера, и мы неоднократно возвращались к этой теме, хотя я до сих пор не понимаю, для чего следствию нужно было это пистолетное опознание.

Показания Бугаева дали следствию материал против меня, но доказательства моей виновности были найдены, так сказать, «на месте», и я продолжал оставаться в недоумении — какой была действительная причина моего привоза в Москву?

Тут будет уместно сказать, что то же лицо, которое рассказало следователю о моей роли в деле Бугаева, указало, что я был членом финляндского Шюдскора. Большого значения этому обвинению я тогда не придавал, да и сам Рюмин мне сказал, что это не обвинение, а лишь «характеристика», но между тем в дальнейшем это дало мне лишний обвинительный параграф, а именно 58.4, гласящий: «помощь международной буржуазии в борьбе с коммунизмом»⁵⁴.

Пока всё это происходило между Рюминым и мной, дела моих товарищей тоже начинали выкристаллизовываться. Веригин предполагал, что его будут обвинять в антисоветской радиопропаганде во время первой Финско-советской, так называемой «Зимней войны». Но этого не случилось. Вместо этого ему предъявили обвинение в принадлежности к антисоветской террористической организации «Союз нового поколения»⁵⁵, к коей примыкала Русская Гельсингфорсская молодёжная организация «Звено»⁵⁶, членом которой он был. Обвинение было сложно и запутанно, но, видимо, ничего другого ему приписать не смогли.

С генералом Добровольским дело обстояло скверно. Финская Политическая Полиция передала большевикам много материалов о нём, действительно сильно его компрометирующих, а именно: о его деятельности в Финляндии в качестве представителя генерала Миллера⁵⁷, о его работе

в финской контрразведке и, наконец, об его связях с немцами. Генерал был в отчаянии, он не имел возможности отрицать ни одного из предъявленных ему обвинений, ибо данные против него были исчерпывающими.

Надо сказать, что, несмотря на все наши огорчения и неприятности, мы не падали духом и чувствовали себя, до некоторой степени, в Гельсингфорсе. Мы были одни в камере, говорили о гельсингфорских людях, Москва же, если не считать раздававшихся постоянно победных залпов, ощущалась слабо. Война кончилась; всё, что было связано с ней, было позади, а что нас ожидало впереди — мы в точности предугадать не могли. Конечно, мы много и часто говорили на эту тему, и постепенно Веригин и я приготовились к тому, что будем приговорены к 10-летнему заключению, и как-то на этом успокоились. Генерал Добровольский рассматривал своё положение более пессимистически, он приготовился к мысли, что ему не избежать расстрела и — на этом тоже успокоился.

Тут я как-то вспомнил о привезённых со мною драгоценностях. Когда я сказал о них Рюмину, то тот так и подскочил.

— Что же вы, чёрт вас побери, молчали! — воскликнул он. — Пишите скорей список вещей, а то они там всё растащат и реквизируют, пишите сейчас же.

Я попытался вспомнить, что могло быть вывезено вместе со мной, и стал по памяти составлять список. Он оказался неполным, как в силу того, что я не мог всего вспомнить, так и потому, что увезёнными оказались не только вещи, бывшие в портфеле, принесённые мною в день ареста из магазина, но также и вещи, лежавшие в моём письменном столе. Об этом я узнал, только вернувшись через 10 с лишним лет на родину, но по существу тот факт, что мой список был неполным, никакого значения не имел. Хотя это и заняло добрый месяц, но вещи были разысканы и на моё имя выписана масса квитанций, приобщённых к делу. При этом Рюмин объяснил мне, что если я буду приговорён к заключению без конфискации имущества, то по отбытии срока наказания мне будет выплачено по государственной расценке.

Я уже указывал, что Рюмин, составляя протоколы допросов, прибегал к фальсификации и писал совершенно не то, что я говорил; после того, как заменял одни слова другими, от моих показаний оставалось очень мало. Я пытался бороться с этим, но без всякого успеха, спорил, доказывал, отказывался подписать протокол, пока Рюмин однажды не сказал мне следующее:

— Знаете что, Бьёркелунд, я хочу вам сказать по-дружески: бросьте вы ломать копыя из-за пустяков и ссылаться на юридическое значение того или другого, всё это у вас не играет никакой роли. Вас сюда привезли, и вы должны быть виноваты, мы ошибаться не можем. Я лично должен вас оформить по статье 58, параграфы 4, 6 и 8⁵⁸, то есть обвинить вас в помощи международной буржуазии в борьбе с советской властью, в шпионаже и в участии в террористической организации. Я это задание выполняю. По существу

первые два пункта уже готовы, остаётся террор, его тоже не так уж трудно будет провести. Тех ваших показаний, которые я пишу во время допросов, никто и читать не будет, прочтут лишь обвинительное заключение прокурора, которое он напишет на одной страничке, и на основании которого вам дадут 10 лет — и всё. О чём разговор? Ваше дело пойдёт не в трибунал, а в Особое совещание, а там выносят приговор в 5 минут. Так что вы зря создаёте и себе и мне лишние затруднения. Ещё раз предупреждаю — ваша судьба уже predetermined!

Я ответил ему, что, по всей вероятности, он прав, но я всё же не нахожу нужным соглашаться со всем, что ему вздумается написать, а тем более подписывать это, и что, если всё написанное в настоящее время и не имеет значения, то оно сможет иметь таковое впоследствии.

— Не верите мне? — сказал на это Рюмин. — Ну что же, я ничего не могу сделать. Рано или поздно это до вас всё же дойдёт, и вы убедитесь тогда, что зря себя мучили.

Между прочим, и меня, и моих товарищей очень удивляло, что наши следователи, вызывая на допрос, держали нас у себя по шесть, а то и по восемь часов, абсолютно ничего при этом не спрашивая. Они, сидя за письменным столом, читали газеты и книги, иногда даже уходили на несколько часов из комнаты, оставляя вместо себя дежурного надзирателя в качестве наблюдающего за нами сторожа. Позже это объяснилось очень просто: следователям платили за часы допроса, и вызывная записка с соответствующей пометкой о времени допроса прилагалась к следующему делу, свидетельствуя, с какой трудностью следователю удалось обличить преступника. Были следователи, которые почти все допросы производили ночью, а ночные допросы оплачивались выше дневных. На моё счастье, Рюмин вызывал меня ночью только тогда, когда у него было суточное дежурство и он всё равно всю ночь должен был провести в Лефортовской тюрьме.

Иногда бывали ударные дни, или, вернее, ночи, когда все 100 с лишним комнат допросов функционировали часов до 4 утра. Обыкновенно это совпадало с посещением следственной части кем-либо из начальства. Один раз я присутствовал при таком представлении; посетителем следственного корпуса был в тот раз сам начальник СМЕРШ'а генерал-лейтенант Леонов. Практически мой следователь никакого допроса в этот вечер не вёл; он просто сидел за своим столом и о чём-то думал, время от времени перелистывая какие-то бумаги. Так мы просидели, ни слова не говоря, около трёх часов. Вдруг дверь в кабинет открылась, и в комнату вошла группа в несколько человек. Среди вошедших я узнал начальника следственной части Кузнецова, начальника отдела майора Герасимова и его помощника Хорькова; возглавлял же всю компанию генерал-лейтенант Леонов, ни на что не похожий по своей толщине человек. Лысая, начисто выбритая голова, бритое лицо с висящими через воротник щёками и колоссальный колыхающийся живот придавали ему вид карикатуры. Войдя в кабинет, он бросил взгляд на меня и сказал:

— Ага, тут тоже фриц сидит? Ну как, сознаётся?

— Сознаётся, да не очень, — ответил ему на это Рюмин.

— Ну, ничего, ничего, во всём сознается, во всём покается. И не таких мы ломали.

Герасимов, склонившись перед тушей, что-то тихо ему сказал, после чего, устремив на меня свои водянистые глаза, Леонов процедил сквозь зубы:

— Ах, финн, а выглядит, как немец, — и, повернувшись к двери, бросил следователю: — Продолжайте допрос, — и вышел, сопровождаемый всей свитой.

После этого Рюмин продержал меня у себя в кабинете ещё около часа, а затем отпустил, закончив тем допрос, которого не было.

Наконец выплыло и обвинение меня в участии в террористической организации, и при том в такой форме и с такой стороны, откуда я этого никак не ожидал. То же лицо, которое вспомнил Бугаева, вспомнил и о моём знакомстве с Толем, о котором я упоминал в своём вступлении, и довело это до сведения своего следователя, который одновременно был и моим, то есть Рюмина. Как уже говорено, в своё время я не придавал значения знакомству с Толем, никогда о встрече с ним не вспоминал и давно забыл все подробности этого знакомства. Но, к моему удивлению, Рюмин знал всё, вплоть до просьбы Толя продать черную лисицу его жены. И когда он заговорил со мной по этому поводу, то я убедился, что сведения Рюмина соответствовали действительности, за исключением его утверждения о выраженном мною согласии быть представителем Братства Русской Правды в Гельсингфорсе.

Ещё более я был ошеломлён, когда передо мной очутился мой собственный рапорт по этому поводу, то есть о посещении меня Толем, в Генеральный штаб от 1928 года. Рюмин разъяснил моё недоумение, сказав, что все эти бумаги они получили от Финской политической полиции. Но нет худа без добра: из моего рапорта явствовало, что я никакого согласия содействовать Толю не давал, оставленные им у меня брошюры Братства Русской правды передал полиции с письменным разъяснением, что я рассматриваю всё это дело как провокацию. На этот раз Рюмин записал всё так, как я говорил, и даже не применил обычной для него стилистики, искажавшей смысл сказанного мною.

В конце августа 1945 года Рюмин составил сводный протокол всех моих допросов; он уместился на шести страницах, тогда как весь допросный материал составил к этому времени объёмистый том приблизительно в 300 страниц. Когда мне дали этот сводный протокол для подписи и я прочёл его, то не счёл нужным сопротивляться тому, как он был составлен, ибо там не было никакого фактического материала, на основании которого меня можно было бы обвинить в шпионаже, если не считать моей службы в Генеральном штабе, которую я отрицать не мог. Ещё меньше можно было приписать мне участие в террористической организации, скорее наоборот,

ибо тот материал, который был получен следственной частью из Гельсингфорса от Политической полиции, свидетельствовал о моём абсолютном нежелании в чём-либо содействовать Толю.

Собирая и вшивая бумаги в обложку, на которой стояли мои данные и большими буквами напечатанная надпись ДЕЛО № ..., Рюмин улыбнулся и сказал:

— Теперь вы увековечены, Бьёркелунд, видите: на деле стоит «ХРАНИТЬ ВЕЧНО».

Я рассмеялся и ответил:

— Гражданин майор, через 10 лет уцелеет обложка, а дела никакого не будет, так как вы все допросы писали анилиновыми чернилами, которые вы сами приготавливали из карандаша и воды из графина для питья; всё написанное такими чернилами исчезнет, останется лишь жёлтая бумага.

Через несколько дней после подписи сводного протокола меня вызвал Прокурор Министерства государственной безопасности для того, чтобы подписать так называемую 206 статью; этой статьёй предъявляется уже формальное обвинение, после чего дело передаётся дальше для судопроизводства.

Я подчеркиваю, что это был прокурор «министерства», так как к этому времени все комиссариаты были переименованы в министерства, СМЕРШ был упразднён, и дела его переданы в третий отдел МГБ — контрразведку.

Прокурор был молодой человек в артиллерийской форме и с лицом, которое трудно вспомнить сегодня, если видел его вчера. Разбирая папку с моим делом, он обратил внимание на вшитые в дело квитанции, и он предложил мне дать объяснение по этому поводу. Я объяснил ему происхождение вещей.

— Ага, значит, эти вещи принадлежат фирме, где вы были директором, — сказал он на это. — Они попали сюда явно по недоразумению, и это дело вашего посольства запросить о них, и на основании этого они будут выданы для отправки обратно по назначению.

Я выразил сомнение в заинтересованности нашего посольства в этом вопросе и сказал, что вряд ли оно предпримет для этого необходимые шаги. На это прокурор сказал мне, что я смогу сообщить о вещах из лагеря, куда я попаду после приговора, в письме посольству с просьбой позаботиться об отправке вещей обратно в Финляндию.

Далее он разъяснил мне, что вещи, отобранные непосредственно от меня на Лубянке, будут сохранены, и в случае, если приговор будет без конфискации имущества, то по окончании срока я получу их обратно.

При этом он подчеркнул, что ввиду моей неопытности мне лучше по пути в лагерь не иметь при себе квитанции на отобранные у меня вещи. Лучше, посоветовал он, оставить все квитанции при деле, по прибытии же на место в лагерь обратиться к лагерному начальству с просьбой затребовать из Москвы мои квитанции, которые незамедлительно и будут мне высланы.

Для абсолютной верности он предложил Рюмину учинить мне дополнительный допрос о вещах и их происхождении и внести в протокол полное и подробное перечисление вещей с тем чтобы они вошли, так сказать, «в дело». При таких условиях это «увековечится» и ничто не сможет пропасть.

Всё было выполнено по его указанию: Рюмин составил протокол, из лагеря я неоднократно писал с просьбой выслать мои квитанции, но ни на одно из своих заявлений я ответа не получил. О судьбе этих вещей я расскажу позже, так как она очень характерна для Советского Союза.

Итак, прокурор составил «обвинительное заключение», которое в свою очередь поместилось на одной страничке. В нём было сказано, что из моего дела явствует, что я изобличён в следующих преступлениях: в помощи международной буржуазии в борьбе с Советской властью, в шпионаже и в участии в антисоветской террористической организации (без упоминания её названия). В силу этого прокурор предъявляет мне обвинение на основании статьи 58-й Уголовного Кодекса СССР по параграфам 4, 6, 8 и 11 (последний параграф относится к 8-му и означает сообщество или коллективное преступление).

После этого мне был вручён для прочтения толстый том моего «дела». Просматривая его, я обратил внимание на приложенные к нему два показания свидетелей из числа лиц, привезённых вместе со мной в Москву. Один из свидетелей, видимо, в ответ на поставленный обо мне вопрос указал, что я служил в Генеральном штабе, подчеркнув, что он не знает, какие функции я там выполнял.

Второе показание исходило от лица, о котором я говорил раньше. В нём было всё, что легло в основу моего обвинения, и кроме того, была дана отрицательная характеристика моей личности как прохвоста, способного за небольшое вознаграждение продать кого и кому угодно.

Я расписался в прочтении всего дела и сказал прокурору, что § 4 можно предъявить буквально каждому лояльному гражданину любого несоветского государства; относительно § 6 — что его применение — это дело взгляда, но что я категорически протестую против 8-го пункта, так как из дела явствует как раз обратное, то есть что я ни в каких организациях не состоял. На это прокурор мне ответил, что всё это я буду иметь возможность заявить на суде, где у меня будет защитник, который даст указания, как мне следует всё юридически оформить.

Происходило это в начале 1945 года, значит, я пробыл под следствием в Лефортовской тюрьме несколько больше четырёх месяцев. Срок, казалось бы, не такой большой, но нервное напряжение, нездоровый спёртый воздух тюрьмы и исключительно плохое питание, в котором доминировала вода, подорвали мои силы, и когда я однажды, будучи на допросе, длившемся очень долго, попросился в уборную и взглянул на себя в имевшееся там зеркало, то буквально остолбенел: на меня смотрело чужое белое, как бумага, лицо с большими, обведёнными синими кругами, глазами и с совер-

шенно седьми волосами. Если бы мне показали это лицо и спросили — кто это? — я, право, не смог бы ответить иначе как: «Не знаю, я никогда этого человека не видел!»

Но, как бы то ни было, дело подошло к концу, и я чувствовал большое облегчение: больше не надо ходить на допросы, часами сидеть в кабинете Рюмина, смотреть, как он читает газеты или препираться с ним из-за формулировки протокольных записей. На прощание Рюмин, закрывая моё дело, сказал:

— Да, дела у вас тут на три копейки, а придётся вам 10 лет деревянной ложкой щи хлебать. Так вышло, но вы не унывайте, ведь вы ещё не так стары, через 10 лет выйдете, найдёте себе новую бабу и снова заживёте. А может, и домой отпустят.

Разговоры прокурора и Рюмина о суде были просто ложью. И вот почему. Всякое дело, проводимое следственным аппаратом министерства Государственной Безопасности, по его завершении направляется к прокурору — военному или гражданскому. Прокурор просматривает дело и, если находит его юридически достаточно оформленным и доказанным согласно требованиям законов СССР, то направляет его для судопроизводства в соответствующий трибунал. Но большинство дел, исходивших от МГБ, юридически не соответствовали требованиям закона и возвращались прокуратурой в Следственную часть обратно.

Для МГБ было важно, чтобы попавший в его цепкие руки человек был наказан, а были ли для этого юридические основания, было не так важно. В силу этого для разрешения вопроса о наказании лиц, которых по отзыву прокурора трибунал судить не мог, был создан особый орган, именованный Особым совещанием, сокращённо ОСО. Он состоял из представителя министерства Государственной безопасности, представителя Центрального Комитета партии и прокурора того же МГБ. Совещание это заседало по мере надобности несколько раз в неделю, и начальник Следственной части МГБ зачитывал обвинительное заключение и делал предложение наказания, которое обыкновенно Совещанием и принималось. Таким образом, за какую-нибудь пару часов пропускалось несколько сот дел. ОСО являлось органом не судебным, а административным, вследствие чего его приговор не был абсолютным или окончательным. Это означало, что если Трибунал приговаривал человека к определённому наказанию, скажем, к 10 годам пребывания в исправительно-трудовых лагерях, то по отбытии этого наказания человек этот отпускался на свободу. Но если человека к тому же наказанию приговаривало ОСО, то по отбытии срока ОСО могло продлить ему срок на 5 или 10 лет, что довольно часто и случалось.

Кроме того, Трибунал был связан определёнными юридическими нормами, например, кодекс предусматривал необходимость наличия не менее двух свидетелей, показание обвиняемого на самого себя считалось для вынесения обвинения недействительным. ОСО ничем таким связано

не было, оно хотя и упоминает в своих приговорах статьи Кодекса, но фактически руководствуется в вынесении приговора лишь политической целесообразностью и внутренним убеждением.

Кроме того, ОСО могло изменять свой приговор в отношении любого осуждённого в любое время и притом заочно. Так оно поступило летом 1947 года и с нами, лицами, привезёнными из Финляндии, постановив заменить всем нам заключение в исправительно-трудовых лагерях заключением в тюрьме. Судебный приговор, то есть приговор Трибунала, так заменить было невозможно: для этого потребовалось бы найти новый состав преступления и новый суд.

Плюсом осуждения ОСО (если вообще можно говорить в таких случаях о плюсах) было то, что за человеком, приговорённым к наказанию по ОСО, не числилось судимости, но это имело лишь теоретическое значение, так как практически человек, однажды осуждённый ОСО, в дальнейшей своей жизни всегда оставался под опекой и надзором МГБ.

Если учесть, что в каждом советском учреждении, на каждом предприятии, заводе и т. д. находится представитель министерства Государственной безопасности, именуемый оперативным уполномоченным, или в обывательском наречии опер, а на жаргоне «КУМ», следящий при помощи секретных сотрудников, вербуемых из среды работающих на данном предприятии, за политической благонадёжностью всех и каждого, и санкция которого требуется при назначении на ту или другую должность, то пометка, сделанная на документе данного лица представителем МГБ, отражается на всей его дальнейшей карьере и жизни.

В такое ОСО попало и моё дело. Никаких протестов и поправок к заключению прокурора МГБ мне сделать не пришлось, так как суд Особого Совещания заочный.

14 сентября 1945 года меня вызвали из камеры с вещами. Я распростился с моими товарищами (их дела ещё не были окончены) и был отправлен в Бутырскую тюрьму, где и должен был ожидать вынесения приговора.

Первый этап был пройден.

ОЖИДАНИЕ ПРИГОВОРА

В общих чертах я описал Бутырскую тюрьму раньше.

Везли меня туда в закрытом автомобиле, в котором было 6 боксов; в один из них я и был помещён.

В Бутырке меня поразили размеры так называемого «вокзала», то есть помещения, через которое проходят все поступающие в тюрьму и из неё выбывающие. Фасон этого помещения действительно напоминает вокзал. Во второй половине его вдоль стен помещается ряд боксов.

Дело подходило к вечеру, и когда я прошёл все полагающиеся при привозе в тюрьму церемонии, как то: опрос медицинской сестры, на что я жалуюсь в смысле здоровья, проверку личности и сверку её с документами, наконец, баню — то наступила уже ночь, и эту первую ночь в Бутырке мне пришлось провести, сидя в боксе. Очень плохо дело обстояло с уборной, куда просились люди из всех боксов и куда очень сердитая и нахальная надзирательница пускала только после долгих и упорных пререканий. Я специально упоминаю об этом, так как люди, ослабленные недоеданием в тюрьме, гонят из себя исключительно много жидкости и из-за ослабления всего организма удержать её не могут.

Утром после так называемого завтрака я был отведён в общую камеру. Это была громадная светлая комната с мокрым потолком и сырими пятнами на стенах. В комнате помещалось 25 человек. Для спанья от стен откидывались прикрепленные к ним одним концом рамы, сделанные из газовых труб; на них натягивались выдаваемые для этой цели чехлы из парусины. Кроме этих чехлов никаких спальных принадлежностей не выдавалось, и тем, у кого не было тёплых вещей, приходилось плохо, так как температура помещения не превышала 14 градусов, а с потолка капало.

Представился моим новым товарищам, которые первым делом осведомились о моей национальности и как я попал в заключение. Я задавал аналогичные вопросы и выяснил, что нахожусь в очень смешанной интернациональной компании. Русских было всего пять человек. Один инженер, сидевший уже два года под следствием и, по его словам, отбивавшийся уже два года от § 1058-й статьи⁵⁹, предусматривавшей антисоветские высказывания. Полковник советской армии Ярославский из прапорщиков Царской армии, в прошлом сельский учитель. Он работал в военном издательстве Красной Армии и составлял брошюры патриотического характера о Суворове, Кутузове и т. д. По его словам, он обвинялся в перегибе патриотических настроений: в каких-то его трудах были отмечены тенденции к троцкизму и критика Сталина⁶⁰. Он сидел под следствием уже около двух лет. Оба эти заключённые о своём деле говорили очень мало, а если и говорили, то неясно. Остальные русские сидели за плен у немцев, куда попали

в начале войны. Среди них был интересный субъект, говоривший про себя, что «глупому человеку Бог дал голову». Судьба его действительно была не совсем обычна.

Это был матрос Гвардейского экипажа, в 1908 году находившийся в заграничном плавании в качестве электрика на крейсере «ОЛЕГ». Во время стоянки крейсера в Копенгагене он был изобличён в распространении среди команды нелегальной революционной литературы, которую он получил на берегу от русских эмигрантов.

В тот момент в Копенгагене этот его поступок не имел иных последствий, как только трёхдневное пребывание в карцере, но он опасался, что по возвращении на родину он будет предан суду; поэтому, когда крейсер, совершая дальнейшее заграничное плавание, стоял в Порт-Саиде, он дезертировал. Имея специальностью электротехнику, он устроился на амплуа электрика в Каире. Со временем он женился, научился английскому языку и стал работать в английской фирме по продаже водяных оросительных помп. Но это его не удовлетворило.

На вечерних курсах он пополнил пробелы в своём образовании и на таких же курсах расширил свои знания по электротехнике, сдал экзамены на электромеханика и получил очень хорошее место на Каирской электрической станции. Всё было хорошо — хорошее место, хорошее жалованье, хорошие сбережения в твёрдой валюте, но в 1927 году он затосковал по родине и вместе с женой, ликвидировав всё, вернулся через Одессу в Россию.

Страшного с ним по приезде ничего не произошло, если не считать того, что привезённые им доллары ему пришлось обменять на советские рубли по казённому курсу так, что фунт хлеба стоил ему два доллара. Он получил место заведующего электростанцией где-то около Харькова с таким окладом, что жить он мог, только продавая вещи, которые он и его жена привезли с собой.

Вскоре ему стало ясно, что он сделал глупость, но исправить совершённое у него возможности не было. С глазу на глаз с женой они обсуждали возможность эмигрировать, но официальным путём осуществить это было невозможно, а попытаться перейти границу нелегально они боялись. В 1942 году на помощь им пришли немцы, заняв то местечко, где была электростанция, на которой он служил. Его жена оказалась фольксдойч⁶¹, и когда немцы стали отступать, то они уехали вместе с ними в Германию. Сам он устроился по специальности на завод и хорошо зарабатывал, но по окончании войны, на своё несчастье, попал в английский сектор, и англичане выдали его вместе с другими большевикам. Последние обвинили его в измене Родине; теперь он ожидал приговора.

Один из сидевших в камере представился мне — «Нерусский». Такое представление меня несколько озадачило, так как я принял его заявление буквально, но оказалось, что это был румынский военный прокурор поль-

ского происхождения, и Нерусский была его фамилия. Он уже прошёл следствие и, также как и я, незадолго до этого прибыл из Лефортова.

Польский офицер в чине капитана тоже ожидал приговора. Он путался в Советском Союзе с 1939 года, когда попал в плен при неожиданном нападении советских войск на Польшу. Вместе с другими пленными поляками он работал на лесных разработках на севере, когда же распоряжением советской власти в Центральной Азии началось формирование союзной Советам польской армии⁶², он стал всеми мерами стремиться в ряды этой армии: не получая ожидаемого разрешения и желая возможно скорее попасть туда, он дезертировал из лагеря, где работал, и за это теперь его ожидал 10-летний срок.

Был в камере один румын в теннисной рубашке с короткими рукавами, фланелевых брюках и парусиновых туфлях: его взяли летом, когда было жарко. Он был довольно болтлив и объяснял всем, кто только хотел его слушать, что он не шпион, а член национального народного движения; под этим названием он подразумевал румынскую фашистскую партию⁶³, к которой принадлежал. Позже он променял теннисную рубашку на рубашку с рукавами, а имевшуюся у него кепку — на фуражку с козырьком. Мне он объяснял, что сделал обмен в целях подготовки побега из лагеря. Насколько рубашка и фуражка могли ему помочь бежать, я не знаю, но в камере он мёрз и после операции обмена не меньше, чем до того, так что однажды бедняга, не выдержав, расплакался.

Тут же в камере были два здоровых украинских парня; они обвинялись в измене Родине и, по совести, небезосновательно. Один из них, красноармеец, попав в плен к немцам, был пропущен последними через шпионско-диверсионную школу и затем вместе с несколькими товарищами был сброшен с самолёта на советскую территорию среди белого дня на площади какого-то села при большом стечении народа, причём при нём имелся сундук, набитый антисоветской литературой и советскими деньгами.

Второй украинец, попав в плен, поступил офицером в немецкую армию и в Берлине женился на немке. В камеру он прибыл из лазарета и поэтому был более других осведомлён в тюремных новостях. Он рассказал нам, что с ним в палате лежали старый генерал Краснов, его племянник и сын последнего, а также какой-то князь Оболенский⁶⁴. Генерал Краснов был известный антибольшевик, также как и вся его семья. П. Н. Краснов — талантливый писатель — описывал главным образом офицерскую жизнь в Царской России; он пользовался большой известностью в эмиграции. В 20-х годах он создал антисоветскую организацию «Братство Русской Правды», позднее, пользуясь авторитетом среди казаков, был вождём всей казацкой эмиграции. Красновы были захвачены англичанами в северной Италии весной 1945 года и выданы в Лиенце большевикам. Старшие Красновы позже были по приговору показательного суда повешены; младший Краснов был приговорён к заключению в лагере, в 1955 году ему удалось вместе с немцами выехать из Советского Союза. Он написал очень инте-

ресную книгу под названием «Незабываемое», где описал всё пережитое им в советской России. Как я слышал, он умер в Аргентине в 1959 году⁶⁵.

Этот же украинец рассказал нам интересный эпизод, о котором он узнал от немецких генералов, бывших одновременно с ним в тюремной больнице. Попав в плен, эти генералы были привезены в Москву. В один прекрасный день по окончании войны им были выданы их ордена, нашиты снятые с них погоны, и в таком виде их заставили промаршировать через всю Москву во главе нескольких тысяч немецких военнопленных. В хвосте процессии ехали городские поливальные и очистительные машины, поливавшие улицы водой и подметавшие их после шествия. По окончании церемонии генералы и офицеры были доставлены обратно в тюрьму и выданные им вещи отобрали⁶⁶. Несколько позже эти генералы были публично повешены на площадях Москвы и Ленинграда.

Молодой и весёлый красноармеец, бывший всегда в хорошем настроении, составлял резкий контраст со всеми остальными, сидевшими в камере. Попав в плен ещё в самом начале войны, он, не знаю какими путями, был зачислен в воинские части, укомплектованные украинцами, но находившимися под начальством немецких офицеров. Его часть была во Франции и там попала в плен к американцам; они после их высадки поместили пленных в специальный лагерь и предложили желающим вернуться на родину. Большинство колебалось. Тогда в лагерь были высланы советские пропагандисты, уговаривавшие пленных вернуться в Россию под лозунгом: «Родина ждёт и всё прощает». Слушая заманчивые лозунги и скучая по оставшимся в России родным, большинство пленных в конце концов согласилось на добровольную репатриацию.

Американцы выдали каждому полное обмундирование, и они в количестве нескольких тысяч человек поехали через Средиземное море, Суэцкий канал, Индийский океан, Персидский залив в Персию. Там советскими представителями им была устроена торжественная встреча. Затем поездами их перевезли на советскую территорию и поместили в лагерь, где от них, передев во второсортное красноармейское обмундирование, отобрали всё, что им дали американцы. Затем над ними был организован суд, на основании постановления которого всех их распахали по Исправительно-Трудовым лагерям. Некоторые же, в том числе и наш собеседник, были отправлены на следствие в Москву. Теперь он ждал суда Военного Трибунала.

Его оптимистическое настроение объяснялось надеждой — вне зависимости от того, на какой срок он будет осуждён — на скорое освобождение в силу того, что он ожидал в ближайшее время войну между Советским Союзом и Америкой, а в быстрой победе последней он не сомневался.

Бывшие в камере два немца — один военный, а другой штатский — были не людьми, скелетами. Кроме костей и кожи они ничем не обладали и даже среди нас, весьма истощённых, они вызывали сочувствие и ужас. Непонятно было даже, как они могли двигаться, разговаривать, вообще жить.

Штатский по фамилии Микаэлис, журналист, был привезён из Германии после войны. Военный был врач, по фамилии Иешке, а история его такова. При отступлении какая-то немецкая часть попала в окружение. По радио оттуда просили прислать врача, так как их врач был убит. Доктор Иешке был тем врачом, которого послали вместо убитого. Совместно с одним радиотелеграфистом с аппаратурой, снабжённый медикаментами и некоторым количеством амуниции, доктор Иешке с помощью парашюта был сброшен в место расположения окружённой части. Так как между просьбой о высылке врача и выполнением этой просьбы прошло двое суток, в течение которых окружённая часть капитулировала, то доктор со своей поклажей попал в руки русских, а наличие радиостанции дало повод обвинить его в шпионаже.

С доктором я очень подружился и много времени проводил с ним. Микаэлиса голод довёл до очень тяжёлого психического состояния. Как я уже сказал выше, кормили нас плохо, существенной частью нашей пищи был суп, состоявший из мелких рыбных косточек, какая-то тюря из круп и не знаю ещё чего. Всё это было водянисто до крайности. Желая продлить удовольствие от еды, Микаэлис сливал жидкость в кружку и медленно ел её ложкой, затем оставшуюся в миске тюрю разводил тёплой водой и ел эту комбинацию, завершая свою трапезу костями и остатками тюрю. При этом он обещал, вернувшись домой, научить свою жену делать столь вкусный суп — это уже граничило с безумием.

Имевшиеся в камере москвичи получали иногда передачи, весьма спартанские; состояли они из хлеба, картошки, плюс некоторого количества махорки. Получавшие передачи обязательно отделяли от каждой некоторое количество сокамерникам, это было каплей в море, но было благородно. Один из москвичей, инженер, имел иголку, это был запрещённый в тюрьме инструмент, но почти все заключённые имели их, не знаю откуда. Так вот, инженер этой иголкой очень ловко делил получаемые им спички на две части, увеличивая таким образом своё количество спичек вдвое. Спички на воле были дефицитным товаром, а потому нужно было, чтобы пары полученных в передаче коробков хватило на две недели.

В камере было ещё трое или четверо московских рабочих; все они сидели за неосторожные разговоры. Был ещё один западный украинец, попавший, по его словам, за спекуляцию мясом. Для него это была не спекуляция, а продолжение его довоенной деятельности: убойщик скота по профессии, он ходил из деревни в деревню, где бил и расфасовывал туши крестьянам. Появившимся в Галиции представителям советской власти такая деятельность показалась, однако, криминальной, и он был арестован.

Дни текли уныло, скучно и голодно. Большим развлечением и настоящей радостью была баня. Само помещение бани в Бутырской тюрьме, отделанное кафелем, было тёплое и комфортабельное. Горячая вода в неограниченном количестве; можно было вымыться и прогреться как следует; кроме того, была возможность выстирать бельё (большинство имело одну

смену на себе), хотя сушка его вызывала затруднения: в бане оно не успевало высохнуть, а принесённое в полумокром виде в камеру не высыхало совсем, ибо в камере царила тропическая сырость при северной температуре. Что мы особенно ценили в бане — это отсутствие спешки, никто не торопил.

В камере я вёл длинные беседы с полковником Ярославским. Как я уже упоминал, он работал в издательстве Красной Армии. До 1938 года Советская власть ко всем русским военным национальным героям Царского времени относилась отрицательно, и в советском Энциклопедическом Словаре они назывались «дворянами-эксплуататорами» и «царскими холоуями». Теперь же они стали обрисовываться как люди, близкие по духу декабристам, с весьма революционными устремлениями и тесно связанные неразрывными узами с массами.

Рассказал мне также Ярославский, что ему по делам военного издательства пришлось столкнуться с графом Игнатьевым⁶⁷, бывшим Царским генералом, кавалергардом и русским военным атташе в Париже во время Первой мировой войны. Игнатьев заслужил благоволение Сталина тем, что передал советскому правительству находившиеся в его распоряжении крупные денежные суммы, в своё время переведённые на его имя в Париж для оплаты заказов военных материалов, которые Царское правительство во время войны делало во Франции. Вернувшись после этого в Советский Союз, Игнатьев получил назначение декоративного характера, но с приличным окладом. Ярославский мне рассказывал, как необычно для московской действительности звучал полученный им однажды ответ по телефону от старой, привезённой из Парижа, графской прислуги; на вопрос, можно ли поговорить с генералом, она ответила: «Графа нет дома, они гуляют, а графиня отдыхают и подойти не могут».

До своего назначения на должность военного агента в Париже Игнатьев был военным агентом в Стокгольме, в то время, когда морским агентом там был граф Келлер⁶⁸, которого я в 1948 году встретил на 5-м лагпункте (пересылка) Интинского лагеря. Келлер служил в Румынской армии и, будучи захвачен большевиками в Симферополе, где он был комендантом, получил 15-летний срок.

Так по-разному сложилась судьба этих двух графов.

Из внешнего мира к нам в тюрьму сведений не поступало, и вновь прибывавшие к нам в камеру люди в большинстве случаев находились уже давно в заключении и никаких новостей с собой принести не могли.

Плохое питание и большое количество жидкости в пище приводили к тому, что в любое время дня и ночи у параша стоял оправляющийся человек. Однажды, проснувшись ночью для очередной прогулки к параше, я увидел на перекладине, поднятой к стене кровати, висевшего человека. Я поднял шум, и общими усилиями мы освободили его из петли, сделанной из пары полотенец. Надзиратели тоже всполошились и унесли его в лазарет. Личность его, так же как и судьба, осталась для нас неизвестна; в камеру

он поступил накануне вечером, когда мы уже лежали в постелях и большинство из нас спали.

Примерно через месяц после моего перевода в Бутырку туда поступил из Лефортова редактор русской газеты «Новый путь»⁶⁹, выходящей в Берлине и имевшей очень большой тираж в оккупированных областях России. Это был Владимир Михайлович Деспотули⁷⁰. В дальнейшем наши пути несколько раз скрещивались, и по возвращении на Родину в 1955 году я получил от него письмо, повествующее об его злоключениях на том отрезке времени, который был мне неизвестен.

Любопытно, что большевики дали ему только один параграф 58-й статьи и притом самый невинный, а именно — 10-й, говорящий об антисоветской пропаганде; но от этого легче ему не было. Владимир Михайлович был взят в Берлине, где он переживал ужасы занятия города советскими войсками и был свидетелем грабежей и насилий, чинимых там русскими.

После кратких прогулок, которые мы имели в Лефортовской тюрьме, притом в ограниченном пространстве маленьких закутков на дворе тюрьмы, где мы могли лишь топтаться, просторные дворы Бутырки показались нам чрезвычайно роскошными; здесь мы могли совершать большие марши, и свободное движение во время прогулок доставляло удовольствие. Между прочим, я помню такой случай во время одной из прогулок: пролетающая ворона уронила к моим ногам кусок белой булки, намазанный маслом; я поднял его, но не решался взять в рот, тогда полковник Ярославский, видевший мои колебания, сказал:

— Если вы не будете есть, дайте мне.

Что я и сделал. Ещё через год я, безусловно, съел бы эту булку сам.

Находясь в Лефортовской тюрьме в одной камере с моими Гельсингфорскими товарищами, я чувствовал себя как бы в Гельсингфорсе. Мы говорили о гельсингфорских делах и людях, Москва нас как-то не касалась. В Бутырке же это чувство исчезло; я был, безусловно, в Москве. Но, с другой стороны, в Бутырке мои нервы стали приходить в порядок; отсутствие допросов и связанного с ними напряжения и настороженности немало этому способствовало.

Говорят, что человек ко всему привыкает. Это, безусловно, верно. Но к голоду привыкнуть трудно, это я испытал на себе. Однако здесь мы получили некоторое облегчение: в начале ноября 1945 года хлебный паёк для заключённых был поднят с 450 граммов до 600 граммов в сутки. Мы это получили в виде подарка к октябрьским торжествам. Любопытно, что особенно сильное впечатление это произвело на русский элемент, хотя, казалось бы, для них это было менее важно, чем для нас, так как они время от времени получали передачи. Объясняется это тем, что люди в этом факте почему-то увидели больше того, что в нём было: они стали рассчитывать на изменение нашей судьбы к лучшему и заговорили об амнистии. Как этот вывод получился — не знаю, но надежда эта преследовала и в дальнейшем именно русских. Заключённые иностранцы не были склонны верить

в добросердечие московских заправил. Должен оговориться, что амнистия действительно была pompезно объявлена и даже дважды: один раз в 1946 году и один раз в 1953-м, но оба раза она не коснулась статьи 58-й, то есть политических заключённых.

Правда, оба раза эта статья в амнистии была упомянута: в первый раз в амнистии говорилось, что она касается и осуждённых по 59-й статье⁷¹, имеющих срок не выше 3 лет, но таких сроков в то время ни у кого не было. Были люди, имевшие 5 лет, но таких было мало, большинство имело 10 лет и больше.

Амнистия 1953 года охватила главным образом, и даже очень широко, уголовный элемент. Ворошилов⁷² в указе об амнистии прямо говорил, что весь этот элемент исправился и держать его дольше в Исправительно-Трудовых лагерях ни к чему. Относительно политических в амнистии было сказано, что она касается и приговоренных по 58-й статье, за исключением осужденных по § 6 (шпионаж) и § 8 (террор), но распространяется лишь на лиц, имеющих срок не свыше 5 лет. А к этому времени у большинства были сроки не 10 или 15, а 25. На лагпункте, где я был в то время, из 3000 человек пятилетний срок имели лишь 6 человек.

Надо указать, что 25-летние сроки стали даваться с 1947 года. Советский Уголовный Кодекс 25-летнего срока вообще не имел, по Кодексу максимальный срок был 10 лет, но советская власть для обхода ею же написанных законов применяет Указы. Летом 1947 года был издан специальный Указ, разрешающий поднять максимальный срок наказания до 25 лет⁷³. При этом для сохранения видимости законности приговор формулировался так: «По статье Уголовного Кодекса такой-то, параграфа такого-то, с применением Указа от такого-то числа такого-то года, приговаривается к 25 годам Исправительно-Трудовых лагерей».

Тем, кто будет говорить, что Указы вызывались военной необходимостью, я должен сказать, что 25-летний срок был введён в 1947 году, то есть после войны. Указы издавались и значительно раньше войны, так, например, повышение наказания по бытовой статье, предусматривающей расхищение казённого имущества до 10 лет, было разрешено указом, выпущенным, если не ошибаюсь, в середине 30-х годов. Этот указ был датирован 7-м августа и поэтому в просторечии назывался указом от 7-го — 8-го⁷⁴.

Однако, несмотря на все разочарования, надежда на амнистию всё же жила у людей, принимая время от времени актуальную форму. Меня это поражало в особенности потому, что не было никаких предпосылок для подобного рода надежд. Наоборот, с каждым годом режим, применявшийся к политическим заключённым, делался всё строже, а срок наказания повышался. Кроме того, по окончании срока никто из политических заключённых не мог рассчитывать на возвращение на родину или к своим родным, так как по освобождении их отправляли на специальное поселение, по большей части в Красноярский край или же на Алтай и Колыму.

Второй утешительной мечтой заключённых были надежды на новый Уголовный Кодекс, в котором все наказания будут смягчены, а такие органы, как, например ОСО, уничтожены. За 11 лет моего пребывания в советских лагерях и тюрьмах разговор об изменении Кодекса выплывал много раз в надеждах людей, находившихся в безнадёжном положении. В действительности новый Кодекс появился только в 1956 году.

23 ноября 1945 года я был вызван из камеры «с вещами». Выйдя в коридор, я увидел человек 10 заключённых, выстроенных в два ряда прямо против моей двери. Мне было предложено занять место на левом фланге этого маленького строя, после чего мы, под предводительством нескольких надзирателей, замаршировали к следующей камере, где церемония повторилась, и к нам присоединилась ещё пара товарищей по несчастью.

Обойдя там коридор, мы спустились этажом ниже и проделали то же путешествие в обратном направлении, так что в результате нас оказалось около 50 человек. Большую радость я испытал, когда среди пополнения увидел моего хорошего знакомого по Гельсингфорсу барона Макса Лаудона. С ним из камеры вышел высокий видный господин, которого Макс представил мне: «Печковский»⁷⁵.

Мне вспомнился маленький домик в окрестностях Гельсингфорса, простой столик, на котором стоял самодельный радиоаппарат с бумажным рупором, и восторженная художница Людочка Платан⁷⁶, говорящая: «Боже, какое наслаждение! Я только что слушала Печковского — Германа пел».

Это было, вероятно, в 1926 году — детство радиотехники. Фамилию Печковского я тогда услышал впервые. Здесь, в коридоре тюрьмы, она прозвучала, как дуновение прошлого. Да, это был он, первый тенор Мариинского театра, лучший Герман в России. Что же привело его сюда?

Печковский имел недалеко от Ленинграда дачу; когда немцы подходили к городу он, несмотря на предупреждение, поехал на эту дачу и, таким образом, попал в оккупацию. Вместо того, чтобы, как вменяется в обязанность каждому советскому гражданину, попавшему в оккупацию, взять ружьё и идти в лес к партизанам, Печковский подписал контракт на ряд концертов в Риге, Вене, Варшаве, Будапеште, Бухаресте, Белграде и т. д. Когда война кончилась, певец добровольно вернулся на родину, где был немедленно арестован и ввержен в темницу с обвинением в измене родине. Получил он за это 10 лет, которые, как мне известно, провёл в лагерях в Воркуте, Инте и Анбезе.

Нас привели в какое-то тюремное помещение, не слишком тесное, но и не слишком просторное, объявив, что мы сейчас услышим приговоры. Это «сейчас» продлилось 5–6 часов.

Церемония была примерно такая: человек, которого вызывали по фамилии, входили в комнату, разгороженную пополам длинным столом, за которым сидели несколько офицеров в форме МВД. Один из них, запросив фамилию, имя, отчество и год рождения вызванного, зачитывал по бумажке

размером 6 на 15 сантиметров приговор ОСО, для меня лично звучавший так: «Рассмотрев дело Бьёркелунда, Бориса Владимировича, 1893 года рождения, Особое Совецание в заседании от 14 ноября 1945 года постановило дать ему по статье 58-й §§ 4, 6, 8 и 11 десять лет исправительно-трудовых лагерей, считая с 24 апреля 1945 года».

Коротко и ясно; под этим предложено было расписаться; некоторые упрямылись и расписываться не хотели. Офицер спокойно и вежливо объяснил, что расписка означает не одобрение приговора, а лишь подтверждение ознакомления с ним, и что, в случае недовольства, каждый имеет право и возможность опротестовать постановление в течение 48 часов, на что каждому может быть выдана бумага и чернила в камеру.

Большинство иностранцев не протестовали, но почти все русские писали жалобы и протесты. Насколько это им помогло, не знаю, но во всех известных мне случаях они через продолжительное время получали письменное извещение о том, что они приговорены правильно, иногда же вообще ничего не получали — так тоже бывало.

Когда всем 50 лицам были объявлены приговоры, то нас, вновь построив парами, повели в баню. В Советском Союзе все тюремные и лагерные изменения ознаменуются баней. После бани мы собрались в одном из прилегающих к ней помещений; отсюда нас по очереди вызывали по фамилиям для перемещения наших особ в другой конец комнаты, причём, проходя мимо вызывавшего нас начальства, каждый должен был громогласно объявить: «Осуждён».

Зачем была нужна эта церемония, мне до сих пор непонятно. Многие это «осуждён» произносили весьма патетическим тоном. Затем нас провели на пересылку, помещавшуюся во дворе тюрьмы в бывшей тюремной церкви.

Там нас ожидал сюрприз, и притом неприятный. Перед нами открылись двери пересыльной камеры, и мы вошли в неё в количестве, вероятно, 25 человек, остальные были отведены в другую камеру. Войдя, мы остановились, столпившись у двери. Картина, открывшаяся перед нами, производила ошарашивающее впечатление. Громадная комната была набита людьми до такой степени, что казалось невозможным сделать хотя бы шаг вперёд, не наступив на какого-нибудь сидящего или стоящего индивида. Несмотря на время года, пара больших церковных окон была открыта настежь, и это совсем не ощущалось. Со стен текла вода, и воздух был влажен, как в оранжерее. Вся эта масса людей безостановочно говорила, повышая и понижая голоса; при нашем входе наступила на минуту тишина, но через пару минут шум возобновился.

Постояв у дверей некоторое время, мы стали понемногу продвигаться в разных направлениях вперёд, стараясь где-нибудь приткнуться, но это оказалось невозможным: если где и было свободное место, то при нашем приближении оно немедленно заполнялось раздвинувшимися людьми, явно не желавшими нашего соседства. Наконец в эту игру вмешался чело-

век с бородой, оказавшийся старостой камеры. Переругиваясь с заключёнными, он ухитрился заставить кое-кого настолько посторониться, что мы получили возможность присесть на край нар. Двигаться дальше и завоевывать себе право лежать было предоставлено нам самим.

Какого-либо режима здесь, в пересыльной камере, не существовало. Мы были предоставлены сами себе, существовал лишь казённый распорядок дня, то есть утром и вечером нас выводили в уборную и раз в сутки — на прогулку. Пищу приносили в камеру в больших чанах, и её раздавал выбранный заключёнными так называемый «баландер», название которого происходило от наименования на воровском жаргоне тюремного супа — «баланда». Паёк хлеба здесь тоже перестал называться «пайкой» или хлебом, а сделался «горбушкой». Пайки по весу были все одинаковы, но различались друг от друга в зависимости от места отреза от буханки: крайние куски, действительные горбушки расценивались выше и считались более желательными, и всё население камеры, сядя при раздаче хлеба на места, строго следило за тем, чтобы пайки раздавались действительно по праву, то есть так, как они лежат в хлебном ящике, а не «по блату» или протекции.

Из всех подробностей жизни в камере самыми неприятными были утренняя и вечерняя «оправка». В уборной было 10 мест, а в камере 200 человек, так что у каждого места образовывалась очередь человек в 20, заблаговременно приготавливавших свой костюм для занятия соответствующего положения и всеми мерами торопящихся предыдущего. Надзиратели, приведшие заключённых в уборную, в свою очередь торопили всех — сидящих и стоящих, — что способствовало созданию атмосферы, отнюдь не способствовавшей быстрому выполнению естественных надобностей.

Что же касается порядка и режима в камере, то там, по существу, никакого режима не было: спать можно было сколько угодно, вставать и ложиться мог каждый, когда ему заблагорассудится, можно было даже петь; последнее обстоятельство давало возможность слушать арии и романсы в исполнении Печковского.

Состав заключённых был смешанный в полном смысле этого слова. Примерно 25% были уголовные, а 75% — политические. По национальному составу здесь были представители почти всех государств и народов Европы и Азии. Запомнились два итальянских и один французский католический патеры, из которых одного звали Ангелом; они были взяты в Одессе, куда были присланы Папой со специальной миссией организации в Одессе католической церкви. Большевики рассматривали их как шпионов папского престола и как таковых приговорили к заключению на 10 лет. Тут же были болгарские дипломаты, аккредитованные в Венгрии, и венгерские дипломаты, аккредитованные в Болгарии; был даже болгарский посланник из Константинополя, но перечислить всех невозможно.

Из своих старых знакомых я встретил здесь компаньона по путешествию в Москву Парвилахти-Бумана. Он уже успел вполне акклиматизироваться,

неплохо говорил по-русски, обменял своё европейское платье на военное советское и находился в наилучших отношениях чуть ли не со всеми многочисленными и разношёрстными обитателями камеры. Мы встретились с ним, как старые друзья, и он сумел устроить и мне, и себе спальные места на единственном столе, стоявшем посреди комнаты и получившем поэтому название «Скандинавского полуострова».

Здесь я встретился ещё с одним своим товарищем по несчастью, с Ф. Ф. Пира, женатом на сестре инженера Веригина. Пира работал в Гельсингфорсе радиотехником и был членом молодёжного кружка «Звено». Обвинённый в участии в террористической организации Пира, так же как и я, получил 10 лет. Парвилахти-Буман получил 5 лет по § 4, то есть помощь международной буржуазии в борьбе с коммунизмом. Макс Лаудон, о котором я упоминал выше, получил от ОСО 10 лет за то, что в 1922–1923 годах принадлежал к монархической организации, лансировавшей на Российский престол Великого Князя Кирилла Владимировича, ныне давно умершего.

Любопытно отметить, насколько мои товарищи по-разному реагировали на постигшее их несчастье. Парвилахти-Буман был полон энергии и говорил, что главное в нашем положении — спокойствие и хорошие нервы; это гарантирует здоровье в большей мере, чем питание, которое, хоть и плохое, но достаточное, чтобы не умереть. В дальнейшем заглядывать не стоит, надо думать о настоящем и стараться его пережить. Пира был в отчаянии, главным образом из-за жены, которую он, по-видимому, очень любил, но вместе с тем не допускал мысли, что она будет ожидать его возвращения, которое он считал невозможным. Барон Лаудон был совершенно спокоен, он ни о чём не задумывался и, с улыбкой глядя на помещение, набитое гудящими людьми, говорил:

— А ты совершенно уверен, что это не кошмарный сон?

На что я отвечал:

— Я уже щипал себя много раз, и было больно — так что, к сожалению, это действительно или, если хочешь, сон наяву.

Относительно себя и своего будущего Макс отзывался вполне определённо:

— Мне 56 лет, у меня уже были два удара, несомненно, будет третий и — конец; никаких полученных 10 лет я отсиживать не буду.

Так с ним и произошло.

Что касается меня самого, то я считал, что видел слишком мало, чтобы вывести какие-либо заключения. Кроме того, мне казалось, что наша судьба в большей мере связана с международными событиями, а они в силу нашей изоляции нам неизвестны. Когда я думал о них, то представлял себе всё совершенно неверно из-за полного непонимания американской политики.

Я не мог себе представить, что буржуазное государство Америка выводит на первое место в Европе и Азии коммунистический Советский Союз

и собственными руками создает себе сильного и коварного противника. О всех гнусностях Нюрнбергского процесса, где наши палачи сидели судьями, в то время мы не знали; и, наконец, об американской атомной бомбе, сброшенной на женщин и детей⁷⁷, мы также имели лишь смутное представление. В общем и целом это было даже хорошо, потому что, если всё это было бы известно, то наше моральное настроение было бы ещё хуже. У нас оставались какие-то иллюзии.

Парвилахти-Буман занялся моей экипировкой, объяснив невозможность путешествовать по советским этапам и лагерям в моём костюме, который воры, в среду которых я попаду, незамедлительно с меня снимут, дав мне взамен рваньё. Хлопоты его увенчались успехом, и взамен моего платья я получил офицерские ватные брюки, такие же летние, гимнастёрку, две смены советского белья, валенки, шапку-ушанку и ватную телогрейку. Ценность этой услуги я понял и оценил только впоследствии.

Вскоре мои соотечественники один за другим были вызваны с вещами и исчезли из моего окружения. Взамен их всплыли другие люди. Однажды ко мне подошёл не известный мне молодой человек и спросил, действительно ли я в прошлом был морским офицером. Я несколько удивился, откуда это могло быть ему известно, но ответил утвердительно; тогда он мне сообщил, что в камеру прибыл адмирал Саблин⁷⁸, и возможно, я смогу помочь уложить его где-нибудь на нарах, а это очень желательно, так как он человек старый и очень уставший.

Я познакомился с адмиралом; он был привезён из Румынии, ему было тогда 68 лет, но он был бодр и держал себя спокойно. Брат адмирала Саблина был последним Царским послом в Лондоне⁷⁹, сам же он во время войны 1914–1917 годов исполнял должность флаг-капитана Великого Князя Кирилла Владимировича на так называемой Сатакунтской флотилии в Таммерфорсе в Финляндии, которой Великий Князь номинально командовал. Адмирал получил 10 лет исправительно-трудовых лагерей; он не думал, что сможет перенести это наказание, однако он пережил заключение и в 1955 году был отправлен обратно в Румынию к семье.

Из лиц, встреченных мною в это время, вспоминаю ещё советского майора Маркова, получившего 5 лет за критику советской власти. Милейший майор получал передачи в виде варёной картошки и пшённой каши, которыми он делился с нами. Дай ему Бог здоровья! Всё ещё находившегося в камере Печковского разыскал брат, и стал время от времени снабжать его хлебом и картошкой, часть которой тот тоже уделял нам.

В центре залы, или камеры, помещалось человек 20 бывших русских эмигрантов, привезённых из Праги, все они были чешские подданные. Среди них выделялся некий профессор Постников⁸⁰, бывший социал-революционер, Владимир Николаевич Быстровский⁸¹, служивший в Чешском министерстве иностранных дел, всерьёз считавший себя чехом. В 1955 году он попал домой в Прагу. Фамилий остальных лиц этой группы не помню; всё это интеллигенты, державшие себя обособленно и, видимо, брезговавшие

остальной массой, заполнявшей камеру, которую они рассматривали как «немецких наёмников», а немцев они ненавидели, что громко подчеркивали в разговорах.

В один прекрасный день вся эта компания попала в довольно неприютное и глупое положение; воры, сгруппировавшиеся в одном углу камеры, «сорганизовались» и принялись делать вылазки в различных направлениях, причём одним из центров их внимания оказались наши пражские интеллигенты. Сперва представители преступного мира изругали интеллигентов и подчеркнули их некультурность, основывая свои обвинения, главным образом, на желании профессора Постникова мыть свой зубной протез в миске, из которой мы ели; потом они стали просто отбирать от них рубашки, кальсоны, полотенца и т. п. вещи, обещая в дальнейшем отобрать всё остальное.

Однако неожиданно воровским планам был положен предел появлением в нашей камере советского инженера Громова с двумя большими чемоданами. При виде этих чемоданов воры немедленно потеснились и пригласили новоприбывшего располагаться как дома, что тот и сделал. Мы с интересом ждали, когда начнут потрошить его чемоданы, но, к общему недоумению, ничего подобного не произошло. Наоборот, через пару часов Громов открыл один из своих чемоданов, оказавшимся набитым продуктами, и пригласил воров принять участие в своей трапезе. Сцена была мирная, полная идиллии. Я решил всё же предупредить Громова о грозившей ему опасности и, выждав, когда он отделился, обрисовал ему в кратких словах положение.

Выслушав меня, он рассмеялся и сказал, что очень тронут и благодарен за мои предупреждения, но он стреляный воробей, который сидит уже второй срок, и что воров он не боится, и тут же спросил, не обируют ли воры кого-нибудь в камере. Я рассказал ему о чехах. На этом наша беседа кончилась.

Ночью мы проснулись от шума, криков и стонов. В первый момент я ничего не мог понять. Громов стоял на нарах среди чешской группы и мотал одной рукой в воздухе небольшого парнишку, нанося другой рукой по его телу увесистые удары. Парнишка испускал дикие крики.

— Не воруй, не воруй, — назидательно говорил Громов, — отдай сейчас же рубашку, а то изобью, — и тыкал кулаком по его физиономии.

Сорвав с воришки рубашку и бросив его на каменный пол, Громов отправился в свой угол, где немедленно учинил «избиение младенцев», при котором отобрал и возвратил все украденные ворами вещи чехам по их принадлежности. После этого в камере настали относительная тишина и порядок.

Примерно в середине декабря, ближе к вечеру, из камеры было вызвано с вещами так много народу, что нас осталось всего человек 25. Мы очень обрадовались простору и разместились поудобнее с тем, чтобы не изображать больше из себя сардинок в консервной коробке. Но радость наша была

кратковременной: на другой день нас перевели в камеру напротив, оказавшуюся набитой пуще нашей, и мы довольно долго были вынуждены стоять на одной ноге, пока нам не удалось опустить и вторую на землю. Путешествие ночью к параше обратилось в этой камере в невероятно сложное похождение, требовавшее массу находчивости и ловкости.

Из старых товарищей я сохранил только Печковского, но в новой камере завелись и новые знакомые. Здесь сидела большая часть состава Софийского драматического театра во главе с режиссёром, несколько немцев с ухватками газетных корреспондентов, которые всех интервьюировали и, видимо, обладая прекрасной памятью, представляли собой формульную энциклопедию всех тюремных персонажей, их судей и приговоров. От них я узнал, что Веригин находился в одной из соседних камер, что он получил от ОСО 10 лет и на днях уехал в лагерь, и что генерала Добровольского судил военный трибунал и дал ему высшую меру наказания. Ему было предложено написать просьбу о помиловании, но генерал отказался последовать этому предложению; тогда за него эту просьбу подал казённый защитник и, кажется, ему заменили расстрел десятью годами. Вечером немцы перестукивались со всей тюрьмой и время от времени объявляли нам различные новости о событиях и лицах, полученные ими путём тюремного телеграфа.

Коллектив Болгарского театра, приобщив к делу Печковского и ещё двух русских артистов, стал по вечерам устраивать эстрадные концерты. Директор и режиссёр театра выступал в качестве конферансье и высказывал полное удовлетворение, доказательством чего служил каждодневно переполненный зал.

Через несколько дней после перехода в камеру появилась новая личность, поместившаяся рядом со мной и немедленно пригласившая меня принять участие в его трапезе. По внешнему виду господин производил очень солидное и внушительное впечатление. Я не знал, куда мне следовало его поместить в советских условиях жизни, но в старой России я принял бы его за торговца средней руки или сидельца ресторана второго разряда. Перед каждой едой и после неё он осенял себя крестным знаменем, а перед сном читал короткую молитву. Велико же было позже моё удивление, когда выяснилось, что он был крупным вором, пользовавшимся очень солидной репутацией в воровском мире: он был главой шайки разбойников с разветвлениями по всему Союзу.

На некоторый промежуток времени судьба свела наши пути вместе, и около 20 декабря 1945 года меня, его и вместе с нами ещё около 30 других заключённых вызвали с вещими и стали запикивать в так называемый «воронки» — крытый чёрный автомобиль. Так как объём воронки оказался меньше того, что требовалось для помещения 30 человек, то шофёр стал нас утрамбовывать, давая газ и немедленно тормозя. В результате такой тактики мы действительно утрамбовались и поехали на «Красную Пресню».

КРАСНАЯ ПРЕСНЯ

Пресня⁸² — это старинное название одного из районов Москвы. Я не знаю, появилось ли название «Красная Пресня» в честь крупных беспорядков, происшедших в Москве в этом районе в 1905 году, или оно существовало и раньше, но хорошо знаю, что у советских людей по всей территории Союза Красная Пресня известна, главным образом, как крупнейшая центральная пересыльная тюрьма. За год через неё проходит около миллиона людей, не говоря уже о том, что 6–7 — миллионная Москва выбрасывает сюда всё то, криминальное и политическое, от чего она хочет избавиться. Через неё проезжает с юга на север и с запада на Дальний Восток также и то, что направляют туда крупные пересыльные тюрьмы других городов и областей Центральной России. Через Красную Пресню проходят люди, перебрасываемые и в обратном направлении, то есть с севера на юг и с востока на запад, но такое движение весьма незначительно.

Когда я в конце 1945 года был доставлен сюда из Бутырской тюрьмы, то само помещение этой крупнейшей пересылки не показалось мне уж так велико: это были три трёхэтажных каменных флигеля, окружавшие довольно большой двор, покрытый снегом и грязью. Со всех сторон, насколько видел глаз, к району тюрьмы примыкали бесконечные железнодорожные пути Московской кольцевой окружной дороги; на всех путях стояли бесчисленные составы и отдельные вагоны. В этих вагонах сидят (или во всяком случае сидели тогда) перебрасываемые люди, не помещившиеся в отдельных камерах. Эти люди, так сказать, проходят пересылку, не заходя в неё, туда попадают только их бумаги.

«Социалистическое строительство» не прошло мимо Красной Пресни, и когда я попал туда снова в 1952 году, то вместо незначительных флигелей я нашёл там колоссальный комплекс пятиэтажных бетонных домов.

Этапирование, или переброска заключённых, производится в Советском Союзе двумя способами. Во-первых, индивидуально в так называемых «столыпинских» вагонах, а во-вторых, массово, путём составления целых поездов (до 70 и больше вагонов), идущих часто несколько тысяч километров, с отцепкой в пути трёх вагонов, пассажиры которых предназначены в лагерь, лежащие по дороге. Поэтому все заключённые, которые должны быть доставлены в тот же самый лагерь, помещаются в один вагон. Это «оптовое дело». В «столыпинских» же вагонах могут быть посажены заключённые, имеющие «путёвки» в разные лагеря; это «розничное дело».

Для большей ясности я поясню это примером. Скажем, на Краснопресненской пересылке скопилось много заключённых, предназначенных в различные лагеря, расположенные вдоль Сибирского пути. Составляется эшелон в 70 вагонов, который направлялся предварительно, напри-

мер, на Горький (Нижний Новгород). По дороге Москва–Горький лежат два крупных лагеря: один на станции Сухо-Безводная, другой — на станции Буреполом⁸³; и в том, и в другом отцепляются вагоны, в которые были погружены заключённые, назначенные в эти лагеря. Следующая инстанция — станция Яр; здесь отцепляются вагоны, с людьми, предназначенными для Вятского лагеря⁸⁴; последний лежит на станции Верхнекамск, в стороне от главного Сибирского пути, но вагоны туда будут отправлены со станции Яр по боковой железнодорожной ветке на Верхнекамск. Поезд же продолжает свой путь на восток, оставляя соответствующие вагоны в омских лагерях⁸⁵, в Мариинске⁸⁶, Красноярске, в Тайшете (для двух лагерей Озерлаг и Ангарлаг)⁸⁷ и т. д. вплоть до Владивостока, куда, быть может, придут только 5–6 вагонов.

Здесь не лишнее будет рассказать о самих вагонах и как они оборудуются для перебросок заключённых. Обыкновенно берутся четырёхосные товарные вагоны, в обоих концах которых устанавливаются нары в четыре этажа. По обе стороны дверей, находящихся в середине вагона, под потолком устраивается ещё один ряд нар. Ширина вагона позволяет разместить на этих нарах 6 человек в ряд, но без возможности лежать на спине. Остальные размещаются на полу вагона. В центре вагона устанавливается небольшая железная печка; дверь, выходящая на полотно дороги, забивается снаружи доской таким образом, что остаётся небольшая щель сантиметров в 10, в которую выводится желобок для стока из уборной, сколоченной из досок. С другой стороны устанавливается бочка с питьевой водой. В такой вагон помещают обыкновенно 70 человек.

Снаружи вагона, над буфером, набивается из досок площадка; на ней располагается конвойный солдат. По крышам вагонов делается электрическая проволока, ведущая к освещающим поезд снаружи прожекторам и к небольшим лампочкам, расположенным внутри в середине каждого вагона. В голове и хвосте поезда установлены пулемёты.

Я сам никогда не видел снаружи такого поезда ночью, но думаю, что ярко освещённый прожекторами, с пулемётами на крышах и со стрелками, вооружёнными автоматами на площадках, он должен был производить довольно жуткое впечатление.

Несколько вагонов в таком составе отводится под конвой, для администрации, кухни. Наличие последней абсолютно необходимо, так как путешествие бывает обыкновенно очень продолжительным — месяц или даже больше, а, по закону, этапники должны получать в пути горячую пищу два раза в сутки. Надо при этом отметить, что обыкновенно как качество, так и количество пищи в дороге значительно лучше и выше тюремных, а иногда и лагерных.

Я не знаю, сколько раз в сутки сменяется конвой. Смены, вступающие утром и вечером, производят счёт заключённых и проверку целостности вагонов для пресечения возможности побега. Для этого в вагон влезает несколько конвоиров, этапники все перегоняются в один конец, а в освободившемся

конце солдаты деревянными молотками остукивают пол и стены вагона. Когда осмотр этой половины окончен, заключённые должны по одному перебежать в обследованную половину; в это время их считают. После этого производится обследование другой половины.

Когда рассказываешь, как это происходит «по правилам», то впечатление получается вполне сносное, практически же почти всегда, как при посадке, так и в пути, случаются непредвиденные обстоятельства, делающие этапное путешествие весьма мучительным. Например, при посадке в вагоны может быть дурная, дождливая погода, или время года — весна, в обоих случаях грязь стоит непролазная, и вследствие этого на ногах образуются форменные глиняные чехлы. Люди, влезшие в вагон с мешками и деревянными ящиками, заменяющими чемоданы, бросаются занимать места на нарах, и в одну минуту нары делаются так же грязны, как и дорога, по которой эти люди только что шли. Бочки с водой бывают рассохшиеся, и вода заливают пол вагона, на котором люди сидят и лежат со своими вещами. Зимой для отопления печурки выдаются дрова, но сплошь и рядом бывает, что выданные дрова по размерам не влезают в печку, а между тем топора или пилы нет и получить их нельзя. Или же вместо дров высыпают на пол вагона кучу разбитых угольных брикетов, которые, загадив всё кругом, не горят, так как в печке нет колосников. При летних этапах и в хорошую погоду крыша вагона раскаляется до предела, и люди, сидя голыми, обливаются потом.

Сам этап берёт всегда очень много времени в силу того, что поезд идёт вне расписания, так называемым маршрутным порядком, то есть его пропихивают, когда путь свободен, в ожидании же этого он часами, а иногда и днями, стоит на запасных путях в тупиках.

Другой способ этапных перебросок — «стольпинские вагоны». Надо сказать, что Столыпин⁸⁸ был одним из крупнейших государственных деятелей последней Царской эпохи. Путём ряда реформ он пытался спасти Россию от революции. Он был убит в Киеве в 1911 году неким евреем Богровым⁸⁹, бывшим одновременно членом партии социал-революционеров и секретным агентом Охранного отделения.

По иронии судьбы, современным массам СССР Столыпин известен только как создатель этапных вагонов. Несомненно, что, вводя эти вагоны для перевозки заключённых, Столыпин руководствовался гуманными соображениями. Вагоны эти являются четырёхосными Пульмановскими вагонами третьего класса, в которых 11 спальных купе, расположенных вдоль всего коридора вагона, отделённых от этого коридора решёткой с дверью, ведущей в каждое купе. Окна в коридоре — это нормальные вагонные окна с решёткой снаружи, а окна в купе — небольшие, в 30×40 сантиметров; они расположены под потолком и снабжены решёткой внутри вагона.

Купе трёхнарной системы, причём в каждом купе имеется восемь сидячих мест внизу, четыре лежащих во втором, можно сказать, этаже и два лежащих места на верхних полках, то есть расчёт взят максимум на четырнадцать

человек. Но в советских условиях, по крайней мере до 1950 года, в такое купе запросто набивали 20, а то и 25 человек. Можно себе представить, что там происходило, в особенности в летнюю жару. Горячей пищи в таких вагонах не полагается, вместо этого перед посадкой каждому заключённому выдается на руки так называемый «сухой паёк», состоящий из хлеба, до 1950 года весом в 800 граммов, а с 1950 года — в один килограмм на сутки, 30 граммов сахара на сутки и по одной селедке на человека в день.

Паёк выдавался на три дня, так как по закону, не всегда выполнявшемуся, переброска заключённых в таких вагонах производилась по этапам с тем, чтобы заключённые находились в пути не более двух суток подряд; на третий день им должны быть предоставлены сутки отдыха и горячая пища. И то, и другое они получали на пересыльных или этапных пунктах.

Для ясности приведу пример: заключённого из Москвы отправляют в лагерь в Сибирь в «стольпинском» вагоне. После двухдневного нахождения в пути поезд на третьи сутки подходит к станции города Киров (Вятка); вагон отцепляется, и в то время как остальной состав идёт дальше, заключённые со станции направляются в местную пересыльную тюрьму. Там они ночуют, получают горячую пищу, баню, а через день или два они вновь погружаются в вагон, который прицепляется к составу поезда, идущего на восток; с этим составом они на третьи сутки прибывают в Свердловск, там повторяется та же история, а через день их везут уже дальше, в Новосибирск и т. д.

Несчастья этого рода передвижения заключаются: во-первых, в тесноте, во-вторых, в затруднениях с выводом в уборные. Туда выводили три раза в сутки: утром в 6 часов, днём в 3 часа и вечером около 8; в другое время конвой в уборную не выводил. Часто бывали затруднения и с водой, так как конвою не всегда удавалось достать на станциях кипячёную воду, а выдавать сырую воду они не имели права. Но самым неприятным фактором в этих этапных перебросках было то, что вплоть до 1950 года в одном и том же купе помещались и политические, и уголовные; последние грабили и политических и бытовых заключённых и найти защиту при этих ограблениях не было возможности в силу того, что в большинстве случаев уголовники поддерживались конвоем, выменивавшим отобранные у политических вещи на водку и закуску.

Кроме двух описанных способов переброски заключённых, был ещё один, применявшийся очень редко и лишь в специальных случаях, он так и назывался «со спецконвоем». В этом случае человека везли в обыкновенном поезде, в обыкновенном вагоне вместе с остальной едущей публикой. Конвой состоял из одного офицера и двух старшин и внешне никому в глаза не бросался. Один старшина шёл где-то далеко впереди, а другой сзади, тоже на большом расстоянии, офицер же шёл рядом с заключённым с видом хорошего знакомого. В вагоне они занимали отдельное, заранее резервированное купе, и тоже никому на глаза не попадались.

Когда меня 20 декабря 1945 года высадили на грязном, покрытом лужами и талым снегом, дворе Красной Пресни, я этого не знал и чувствовал себя пионером международных путешествий на Марс без всякого для такого положения необходимого снаряжения. В узком коридорчике спросили наши фамилии, имена, отчества, годы рождения, а затем загнали в какие-то камеры, вплоть до потолка набитые людьми. Около меня был мой король воров с большим мешком, набитым продуктами, и пражанин Быстровский. Последний рассказал мне, что его три раза привозили сюда из Бутырок, но каждый раз возвращали обратно после медицинского осмотра, где состояние его здоровья признавалось недостаточно удовлетворительным для этапа.

В камере, куда нас ввели, было так тесно, что нам с трудом удалось приткнуться в углу, где стояла параша, — соседство не из приятных. Я думаю, что в камере на площади менее 50 квадратных метров было около 250 человек. Король воров успокаивал меня тем, что в таком случае нам нужно всё время держаться друг около друга; если же судьба нас разделит, то, уверял он, он меня поручит старшему вору в моём этапе, который присмотрит за тем, чтобы уголовники меня не обижали. Я благодарил его за внимание, но в душе не очень верил, что всё пойдёт так, как он обещает.

Нас в полном составе вызвали на выход и шумными коридорами, набитыми людьми, перевели в другую камеру, где немедленно предложили всем раздеваться догола. «Шмон», — заговорили кругом. «Шмон» на тюремном диалекте означает обыск. Такой обыск заключается в том, что человек шесть надзирателей стоят за длинным столом, на который заключённые кладут кучей свои вещи. Надзиратели просматривают довольно поверхностно эти вещи и затем перегоняют заключённых в соседнюю комнату, где те, стоя на грязном полу, пытаются как можно скорее надеть свои просмотренные вещи.

Как только весь наш состав был пропущен через «шмон» и мы закончили наш туалет, нас небольшими группами стали выводить на медицинский осмотр. Опять пришлось раздеваться, на этот раз в ещё более неудобной, узкой комнате, откуда мы должны были по очереди входить в помещение врача. Врачей было несколько, все женщины. Собственно никакого осмотра не было, врачи лишь спрашивали:

— На что жалуетесь?

Затем что-то записывали в какой-то журнал и провозглашали:

— Можете идти.

После того, как вся наша камера прошла медицинский осмотр, нас повели в баню. Баня была тесная, но ещё теснее было в «раздевалке». Как обычно, наши вещи забрали в пропарку, и когда мы стали их разбирать, то в тесной раздевальной комнате происходило вавилонское столпотворение. Вещи были навалены бесформенной кучей на полу; бельё, рубахи, мокрые шинели — всё было в одной груде, из которой каждый стремился выудить своё имущество, что при общей толкотне, чуть не переходившей

в драку, осуществить было непросто. Когда мы наконец всё же оделись, нас отвели в новую камеру.

Эта камера представляла собою комнату среднего размера с частично трёхэтажными нарами. Когда мы туда втиснулись, то создалось впечатление, что мы заполнили камеру до самого потолка. Стены были выкрашены в розовую краску, и на них был какой-то рисунок, к которому я всё присматривался и никак не мог его разобрать. В какой-то момент я очутился вплотную у стены, и тогда оказалось, что рисунок получался от миллионов раздавленных клопов.

Мы с трудом утряслись, кое-как разместились и уже стали располагаться на ночь, как опять пошли вызовы небольшими группами. Ряды наши поределели, стало свободно, и мы радовались, что сможем выспаться в сносных условиях, но вдруг вызвали и меня одновременно с моим новым приятелем. Теперь нас перевели в первый этаж и привели в довольно просторную комнату с невероятно грязными нарами. Там нам удалось найти место на нарах, мы закусили и улеглись на покой, подложив мешки под головы. Напротив нас, на верхних нарах, разместились небольшая компания шпаны (мелкие воры и жулики), игравшей самодельными картами в штос.

Мы с соседом уже начали дремать, когда были разбужены отчаянными криками в коридоре. Были слышны наносимые удары, падение тел на пол и продолжительные вопли; всё это закончилось тем, что дверь нашей комнаты вдруг открылась и в неё двумя надзирателями был буквально брошен человек, с криком растянувшийся на полу. Вид этого человека был необычен. На нём был зелёный костюм баварского образца, с короткими штанами и длинными чулками, на голове красовалась зелёная фетровая шляпа. Лицо его напоминало циркового клоуна, оно было искажено гримасой боли, а в середине лба была рана, создававшая впечатление, что его застрелили из пистолета. Вошедшие за ним надзиратели дали ему папиросу, он начал улыбаться и мычать от удовольствия. Как выяснилось, он был глухонемой и ненормальный. Ночь он проспал на полу посередине камеры, а утром его увели.

Те три дня, которые я провёл тогда на Красной Пресне, были какой-то каруселью: меня переводили из одной камеры в другую, двух ночей я не ночевал в одном и том же месте. Во время этих путешествий я потерял моего приятеля. Теперь я был один, находился в состоянии совершенного обалдения и ни на что больше не реагировал. Хотя это не совсем так, ибо было ещё одно переживание, произведшее на меня сильное впечатление.

При выдаче нам пищи, для того, чтобы не было злоупотреблений, нас всех выводили в коридор; здесь мы становились в очередь и, подходя к выдававшему пищу, получали похлёбку, с которой проходили обратно в камеру. Как-то раз в ожидании очереди я стоял, прислонившись к дверям одной из камер, и был поражён доносившимся из этой камеры шумом и гомоном детских голосов, но ещё более я был ошеломлён, когда двери камеры

открылись и её обитатели вышли в коридор для получения пищи. Это были дети в возрасте от 8 до 15 лет.

— Малолетки, — пояснил мне стоявший передо мной на одной ноге инвалид, видимо, заметивший выразившееся на моём лице недоумение.

Ребята были полуголые, большинство из них имело весьма истощённый вид, но это не мешало им находиться в весьма весёлом настроении; кроме непрерывной ребяческой трескотни и крика, в их среде то и дело были слышны взрывы дружеского хохота. Здесь их было человек 200.

— Их из Москвы каждую неделю тысячами отправляют в колонии — так называются лагеря для малолетних — но, видимо, Москва их производит в таком количестве, что всех вывести не удаётся, — пояснил мне тот же инвалид.

— Я думал, что это наследие революции и Гражданской войны давно изжито, — сказал я.

— Какое изжито! То, что было в начале революции и во время Гражданской войны, это — игрушки в сравнении с тем, что произошло теперь. Тогда, быть может, погибла пара миллионов людей — это для России и незаметно было, и всё же с оставшимися после них беспризорными мы не могли справиться до самой Отечественной войны. А сейчас несколько миллионов людей уложили, да к тому же пол-России в зону военных действий попало, так что можно себе представить, сколько этих беспризорных опять развелось. А в лагерях они сидеть не хотят, бегут оттуда, научились воровать. По существу, их надо всех перетопить, ничего из них никогда не получится, гнилые они насквозь.

ЭТАП

24 декабря меня вызвали на этап. Прежде всего нам выдали отобранные ещё на Лубянке принадлежности туалета, как-то: шнурки от ботинок, подтяжки, галстук, подвязки и ленту от шляпы; затем нас вывели в какой-то коридор, причём выходящие в него двери камер не были закрыты. Движение в этом коридоре было очень оживлённое: люди циркулировали во всех направлениях, переговаривались о чём-то, расстилали на полу какие-то вещи, передавали друг другу деньги. Вначале я ничего не мог понять, но потом сообразил, что попал на импровизированный базар; в особенности это стало для меня ясно, когда ко мне обратилось несколько человек с предложением продать мой ульстер за 300 рублей, обещая в придачу дать корявое чёрное пальто. Когда я отказался от этого предложения, то один из них сказал:

— Зря не соглашаетесь, воры у вас всё равно пальто отберут и в лагерь вы приедете в одной телогрейке, да и без денег.

Торговля шла вовсю. Заглянув в одну из камер, я заметил там группу татар, с интересом рассматривавшую чье-то жёлтое ватное одеяло, но,

по-видимому, не могли договориться о цене. Как я ни был неопытен, я всё же заметил, что купленные вещи, пройдя пару рук, исчезают из помещения и, видимо, «выходят на свободу».

Мои наблюдения были прерваны надзирателем, выкликнувшим мою фамилию. Опять «шмон», который на этот раз производил тот конвой, который будет сопровождать наш этап. При обыске отбирались вещи, которые только что нам были выданы обратно, причём на этот раз их отбирают уже окончательно. Солдату, который меня обыскивал, понравились мои галстук, подтяжки и прочие вещи; видя, что я заметил, как он любит ими, он вдруг налился злобой и заорал:

— Повернись лицом к стене! Повернись, я тебе говорю, а то я тебя сам поверну, да так, что ты там и останешься! Забирай своё барахло! — командует он. Я взял в охапку своё имущество — бельё и платье — и в этот момент получил такой удар в спину, что пролетел метров пять и голый упал, сбив с ног ещё двух человек. Одежда я, уже стоя в коридоре.

Около двух часов нас вывели на грязный двор. Погода была неприятная: оттепель, временами шёл снег с дождём. Народу на дворе набралось уже около двух тысяч, а из тюрьмы всё выводили новые партии. Началась перекличка: вызванные должны были строиться в колонны по шесть человек. Слышу, как несколько раз выкликают «Петриченко». Наконец чей-то голос откликается:

— Петриченко в лазарете, болен.

Петриченко был привезён вместе со мною из Гельсингфорса. Это — матрос, бывший руководитель Кронштадтского восстания в 1921 году⁹⁰, после подавления которого он бежал в Финляндию. Здесь он женился, организовал малярную артель и разбогател на подрядах. Во время войны он вдруг сделался коммунистом и советским патриотом и вёл себя так, что финские власти посадили его в тюрьму. После войны он сделался вице-председателем образовавшейся организации «Советский патриот», но это ему не помогло и, по требованию большевиков, он был арестован вместе с другими моими товарищами по несчастью и привезён в Москву.

Один из моих будущих следователей, майор Новосёлов, вёл его дело и характеризовал его так:

— Я был очень заинтересован получить дело Петриченко; ведь Кронштадтское восстание в случае удачи изменило бы всю судьбу России и руководители его оказались бы во главе государства. Я думал, что буду иметь дело с крупной личностью, и вдруг увидел, что он... — и Новосёлов выразительно постукал согнутым пальцем по крышке стола.

Я рассмеялся в ответ и сказал:

— Вот потому-то из восстания ничего и не вышло, что во главе его был Петриченко. Но меня интересует другое: за что вы судили его? Во время войны он у нас, в Финляндии, сидел в изоляции из-за его симпатии к вам, а ведь участникам Кронштадтского восстания в 1923 году была объявлена амнистия.

Новосёлов несколько замялся, но потом сказал:

— Мы его обвиняли не за восстание, а за то, что во время него он арестовал Ворошилова⁹¹.

Между тем колонна выкликаемых росла, постепенно образуя длинную чёрную змею. Неожиданно в толпе я увидел Владимира Михайловича Деспотули и не мог удержаться от улыбки. Милый Владимир Михайлович был наряжен в длинную до полу красноармейскую шинель, шлем-будёновку и несуразно большие ботинки. При его небольшом росте он смахивал на маскарадный персонаж.

Наконец всё было готово, и мы тронулись, окружённые со всех сторон конвоем, который, осыпая нас площадной руганью, пытался заставить двигаться быстрее и не растягиваться. Мы шли вдоль железнодорожных путей, около которых стояли кое-как выброшенные из вагонов машины для укатки строящихся дорог, на которых мелом было написано «брать», мимо целых составов, гружённых алюминиевым ломом аэропланов, металлическим ломом, состоящим из выломанных ванн, водопроводных труб, броневых колпаков и т. д. Видимо, всё это было выкрадено из Германии.

Наконец мы остановились у какого-то состава, и конвой стал распределять нас по вагонам. Вагоны были обыкновенные двухосные товарные. Нас разместили по 40 человек в каждый. Стены вагонов были покрыты инеем в сантиметра четыре толщины; в середине вагона была маленькая железная печка, но дров не было — их обещали дать, как только мы тронемся, а пока предупредили, что будут наказывать, если мы будем жечь нары. Нары были только на одной стороне вагона.

Контингент в вагоне оказался таким: человек 15 были воры, которые немедленно заняли верхние нары, они были, так сказать, представителями русского народа, тогда как все остальные были если не иностранцы в точном смысле слова, то во всяком случае не русские — это были литовцы, эстонцы и латыши.

Уже стемнело, мы стали устраиваться на ночь. Я лёг рядом с каким-то полицейским из Литвы; прижавшись друг к другу и завернувшись в мой ульстер и его одеяло, мы заснули. Когда мы утром проснулись, то поезд уже шёл, иней на стенах растаял, и вода стекла на пол, на котором мы лежали, а так как к утру неожиданно ударил мороз, то мы все, лёжа на полу, примёрзли к нему. Ночью были даны дрова, но это были какие-то ледяшки, и все попытки их разжечь не увенчались успехом. Мы ещё не успели отъехать от Москвы на большое расстояние, но погода изменилась, и мороз дал себя чувствовать. Чтобы как-нибудь согреться, люди прыгали, и это скаканье на одном месте нескольких десятков истощённых людей производило впечатление «*dance macabre*»⁹².

Кто-то стал ломать на дрова нары. Если бы мне сказали, что можно без топора и пилы разломать и расщепить трёхдюймовые доски, то я этому никогда бы не поверил, однако здесь это происходило на моих глазах. Люди прыгали на доске, били досками об пол, ставили их наискось и опять пры-

гали на них. Шум был невероятный, и я искренно удивлялся, что конвой не вмешивался, особенно учитывая то строгое предупреждение, которое было нам сделано перед отъездом относительно неприкосновенности нар. Когда доска была расщеплена, люди начинали отдирать резиновые подмётки от сапог для разжигания. Мне до этого не было известно, что резина является горючим материалом.

Когда печурка таким образом была заправлена, то наступила последняя стадия этой операции — добывание огня. Дело в том, что спичек ни у кого не было и быть не могло, в лагерях спички вообще появились только после 1950 года. До этого огонь добывался кремнем и трением клочка ваты, выдернутой из ватных штанов или телогрейки, о нары, пол или доску. В результате всех этих дружных усилий печка была разожжена и в вагоне стало теплее.

Раздачу хлеба и супа явочным порядком взяли на себя воры, они же, разместившись на верхних нарах, на уровне которых в каждом товарном вагоне имеется небольшое окно, вели наблюдение за внешним миром. Наблюдения эти были неудовлетворительными и выражались словами вроде: «Где-то стоим, как будто в поле» или «Ничего не видно, какие-то склады».

Выдача хлеба была удовлетворительна только в первый день, а дальше воры решили, видимо, создать собственный «хлебный фонд» и стали раздавать хлеб по произволу, одним недодавая причитающийся им паёк, других оставляя совершенно без него. Горячую пищу выдавали раз в день, это была капуста, варёная в воде. Ежедневно полагался нам также и сахар, но из него «сахарный фонд» создал уже конвой: количество выдаваемого нам сахара уменьшалось с каждым днём, а последние два дня нашего путешествия мы вообще сахара не получили.

С отоплением вагона вопрос стоял тоже неудовлетворительно. Выдаваемые дрова, совершенно обмёрзшие, не горели; правда, вместо них нам как-то насыпали угля, вернее, угольного порошка, но он, загадив весь вагон и всех нас, не горел вовсе. Оставались одни нары, и скоро они были сожжены без остатка.

На третий день нашего путешествия ночью умер, вернее, покончил с собой молодой красивый латыш в немецкой форме. Он разделся ночью догола и замёрз; мы его везли с собой два дня и потом выгрузили на какой-то станции. Латыши, знавшие его, рассказывали, что его родители были зажиточные люди и имели в Риге гастрономический магазин. В 1940 году они были арестованы большевиками и высланы в Сибирь. Сыну удалось скрыться и позднее он поступил на службу к немцам и был в частях SS. Когда Красная армия была уже под Берлином, латышские и эстонские части ещё держались в Курляндии. Видя безнадежность своего положения, они в конце концов должны были сложить оружие. При этом большая часть из них, не желая оказаться в плену, забрав всё, что можно было найти для передвижения по воде, перебралась в Швецию. По настоя-

нию Москвы они были выданы шведским правительством обратно большевикам. Парнишка получил 20 лет и, увидев такое начало, не захотел жить.

Во время этого путешествия я впервые ознакомился с воровской связью и организацией. На нарах, немного в стороне от других, помещался субъект с длинной бородой, чисто выбритыми щеками и головой. Лицо его было красиво, в особенности хороши были голубые глаза, оттенённые длинными ресницами. Я заметил, что остальные воры относились к нему с подчёркнутым уважением.

На второй день пути он подозвал меня к себе и вежливо стал расспрашивать — кто я, откуда и т.д. В заключение он мне сообщил, что я нахожусь под его покровительством. Заметив мое недоумение, он рассмеялся и сказал, что «Николай Иванович» просил его позаботиться обо мне. «Николай Иванович» был тот вор, о знакомстве с которым в Бутырской тюрьме я упоминал раньше.

На третий день путешествия мы на какой-то станции неожиданно получили хорошие дрова, отлично горевшие, и смогли согреться, не прыгая. В эту ночь мы хорошо выспались.

1 января 1946 года мы прибыли на место назначения, каковым оказался Вятский исправительно-трудовой лагерь, расположенный на расстоянии 175 километров от станции Верхнекамск, на запад в направлении к Котласу. Я говорю «мы», но от всего состава, который вышел 24 декабря из Москвы, в Вятлаг прибыло лишь два вагона, остальные имели другое направление. Состояние прибывших в лагерь было настолько плохое, что через пару дней большинство оказалось в стационаре (больнице).

ЛАГЕРЬ

Взвейтесь, соколы, орлами,
Полно горе горевать,
То ли дело под шатрами
В поле лагерем стоять.

Из старой солдатской песни

Концентрационный лагерь является изобретением англичан и впервые применялся ими в Бурскую войну⁹³. Общественность всего мира бурно протестовала тогда против английской бесчеловечности, но без видимого успеха. В Советской России концентрационный лагерь так таковой возник в 1922 году первоначально на Соловецких островах Белого моря⁹⁴, а оттуда стал распространяться по Русской Карелии. Мне неизвестно, были ли уже в то время лагеря и в других частях Советского Союза. По-видимому, для первых Соловецких лагерей ещё не было точно установленных форм их организации, и лишь около 1925 году советский лагерь принял ту форму, в которой он сохранился до сих пор; эту форму разработал один из заключённых, еврей по фамилии Раппопорт⁹⁵.

По существу, всякий труд в социалистическом государстве принудителен, ибо «кто не трудится, тот не ест», и каждый «обязан» работать. Однако, независимо от этого, советское государство должно было прибегнуть к организации специальных трудовых лагерей в силу двух совершенно разных обстоятельств. Во-первых, никакое государство не имело бы чисто материальной возможности изолировать по социальным и политическим причинам и признакам многомиллионные массы населения, не заставив их самих оплачивать своё существование и содержание себя своим же трудом. Во-вторых, даже при абсолютной доминантности государства и при наличии громадного полицейского аппарата принуждения перед советским государством возникли такие задачи, для выполнения которых всего этого было недостаточно, и был необходим не только «принудительный», но и «рабский» труд. Намеченные стройки, которые и были произведены, возможно было выполнить только бесплатным, рабским трудом, так как при нормальной оплате труда и нормальной вербовке рабочей силы ни у какого государства, даже социалистического, не хватило бы ни финансовых средств, ни аппарата принуждения.

Поэтому период начала развития лагерной системы относится к эпохе коллективизации и ликвидации «Новой экономической политики», или НЭП'а, как эта политика называлась. «Раскулачивание» деревни дало миллионное пополнение рабской рабочей силы, и лагеря росли во всех районах Советского Союза, как грибы после дождя. Практически дело производилось так: после того как по тем или иным причинам было решено создать в определённом районе лагерь, набирался контингент осуждённых людей и отправлялся в намеченный район. Как правило, ничего для создания лагеря в этом районе приготовлено не было, людей привозили этапами, выгружали и гнали прямо в лес, где предполагаемый лагерь должен был возникнуть.

Здесь начиналась работа. Создавались руками заключённых бараки, заборы, вахты, склады и т. д., то есть всё то, что носит название лагпункта. Одновременно создавалось 5–10 таких лагпунктов и строился «социалистический городок», где помещалось Управление лагеря. Затем каждый лагпункт основывал в 10–15 километрах от себя подкомандировку, на этот раз более организованно, путём постройки нескольких землянок, куда откомандировывалась плотничья бригада, которая и начинала строить новый лагпункт. Одновременно строилась железнодорожная ветка, при помощи которой, как только она вступала в эксплуатацию, начиналась и эксплуатация лесных богатств.

На пространствах, где лес уже был сведён, устраивались лагерные советские хозяйства — «совхозы», снабжавшие в дальнейшем лагерь овощами. Таким образом, создавались сперва строительные лагпункты, потом лесоповальные и, наконец, совхозные лагпункты. Если лагерь предназначался для угольных шахт, то после постройки лагпунктов приступали к оборудованию шахт, а затем начиналась их эксплуатация.

Нет ни одной произведённой в Советском Союзе более или менее крупной работы, которая не была бы осуществлена с помощью лагерей. Для примера я могу указать несколько наиболее известных строителей: Беломорско-Балтийский канал, или «ББК»⁹⁶, Воркутинские⁹⁷ и Интинские угольные разработки⁹⁸, обслуживаемые соответствующими лагерями; «Севжелдорлаг», или Северный Железнодорожный Строительный лагерь⁹⁹, построивший железнодорожную линию от Котласа на Ухту (Ухтинский нефтяной лагерь — «Ухтлаг»¹⁰⁰), Печору¹⁰¹, Воркуту; 504-я стройка, пробившая туннели и строившая железную дорогу через Урал к порту Диксон; 509-я стройка, прокладывавшая автостраду через Улан-Батор в Китай¹⁰²; Ангарлаг, раскинувшийся от Тайшета до Лены, то есть на 500 километров, и имевший до 400 лагпунктов, строивший Ангарскую гидротехническую станцию. Наконец, такие громадные работы, как каналы Волга–Москва и Волга–Дон. Я затрудняюсь назвать в цифрах количество лагерей в Советском Союзе вообще, но оно очень большое — фактически нет такого места, где бы не было лагеря¹⁰³. Небольшие лагеря с заключёнными были даже при отдельных заводах, которые в основном

обслуживались свободными людьми. Размеры лагерей весьма различны и подвергаются изменениям; например, Вятлаг в 1946 году имел 20 лагпунктов с количеством заключённых в 50 000 человек, а в 1954 году он имел уже до 40 лагпунктов с населением до 80 000 человек. Интинский лагерь, зарабатывавший уголь в районе Инты, имел всего 7 лагпунктов с населением в 35 000 человек, а в его отделении на станции Абезь было 15 000 заключённых. Эти данные относятся к 1948 году...

Озерлаг и Ангарлаг находились оба более или менее в одном районе с исходной точкой в Тайшете (300 километров не доезжая Иркутска). Озерлаг был спецлагерь, то есть исключительно для политических заключённых; он имел 53 лагпункта, раскинувшихся от Тайшета до Братска с населением до 100 000; управление Озерлага находилось в Тайшете, там же находился и пересыльный пункт всех этих лагпунктов. Ангарланг был преимущественно уголовным лагерем с пересыльным пунктом в том же Тайшете и управлением лагеря в Заярске (между Братском и Леной); в Ангарлаге насчитывалось до 400 лагпунктов с населением до 800 000 человек.

На станции Потьма Сибирской железной дороги лежит Красноярский лагерь¹⁰⁴, имеющий 25 отделений в среднем с 4 пунктами в каждом, то есть 100 лагпунктов; среднее количество заключённых на этих лагпунктах — 2000 человек, что составляет 200 000 для всего лагеря.

Но кроме бесконечного количества лагерей в советском государстве имеются ещё иные формы организации принудительного труда, скрывающиеся под названием «Строительные батальоны». Это воинские части, комплектуемые элементом с точки зрения советских властей не вполне надёжным, а именно: дети раскулаченных крестьян, молодёжь национальных меньшинств, известных своим национализмом, наконец просто молодёжь, навлекшая на себя неудовольствие властей как до своей военной службы, так и во время неё. Строительные батальоны имеют двойную нагрузку: они обучаются несколько часов в день военному делу, а остальное время производят различные строительные работы для государства в порядке отбывания воинской повинности. Сколько таких батальонов имеется в Советском Союзе, я не знаю, но те, на которые мне пришлось натолкнуться, все носили номера свыше ста.

Всё это, так сказать, грубая сила, но имеются учреждения для принудительного труда интеллектуального характера¹⁰⁵. Их несколько, но мне известно лишь одно, которое находится в Ярославле. В такие места отправляются осуждённые советским судом так называемые научные работники, которые под надзором чекистов продолжают работать для государства, но уже даром, искупая тем свою «вину» перед социалистическим государством.

Возвращаюсь к рассказу о лагерях. Центральное Управление Лагерьей находится в Москве и называется Главным Управлением Исправительно-Трудовых Лагерьей, или сокращённо «ГУЛАГ»¹⁰⁶. В распоряжении и на учёте этого учреждения находится многомиллионная масса советских

рабов. Бумаги осуждённого на ИТЛ направляются в ГУЛАГ, и он определяется согласно имеющимся инструкциям и указаниям, куда данное лицо направить. Главную массу осуждённых составляет криминально-уголовный элемент. Нужно сказать, что в Советском Союзе он невероятно многочислен и всё время растёт, а не уменьшается. Следующую группу составляют бытовики, то есть лица, осуждённые за бытовые преступления, как например — растраты, хулиганство и прочее; и, наконец, третью группу составляют политические, то есть осуждённые по 58-й статье.

До 1947 года все эти элементы находились вместе, но с конца 1947 года начали создавать для политических специальные лагеря, которым и было присвоено название «Спецлагерей». Вначале вокруг этих лагерей происходила ведомственная борьба: Министерство государственной безопасности хотело получить их целиком в своё распоряжение, оттягав их от Министерства Внутренних Дел в вопросе контроля и политической опеки и от ГУЛАГА в хозяйственном отношении. Но из этого ничего не получилось: слишком дорого было держать две параллельные организации. Спецлагеря были созданы на Инте, в Воркуте, Норильске¹⁰⁷, Тайшете, Караганде¹⁰⁸, Потьме. Однако в них были переведены далеко не все политические заключённые, а только признанные руководством наиболее серьёзными, а также все иностранцы.

Пленных немцев держали в отдельных лагерях, но кроме этого в ряде лагерей были вкраплены лагпункты, укомплектованные немецкими военнопленными. Из этих лагерей МГБ понемногу выживали отдельных лиц и, предъявляя им разного рода обвинения, переводили в спецлагеря. В большинстве случаев они обвинялись в военных преступлениях, но, как правило, статьи, им даваемые, этому определению не соответствовали. Со мной сидел немецкий офицер, осуждённый на 25 лет по статье 58-й § 4, то есть помощь международной буржуазии в борьбе с коммунизмом. Другой был переводчиком при допросе пленных и имел 56-ю § 6, то есть шпионаж, так как при допросах пытался выяснить военные тайны и т. д.

Заполнение спецлагерей закончилось к концу 1949 года. Период с 1946 по 1946 годы был самый, так сказать, урожайный в отношении политических — их везли со всей Европы.

Англичане из своей зоны выдавали русских эмигрантов и всех немцев, которых большевикам заблагорассудилось потребовать; кроме того, англичанам удалось обманым путём, под предлогом перевооружения, обезоружить русские антибольшевистские части генерала Власова, они и их передавали большевикам. Во Франции людей просто выкрадывали и через один из аэродромов Парижа, находившихся в распоряжении большевиков, вывозили в советскую зону оккупации, а оттуда в Москву. Нежелательных людей везли из Румынии, Болгарии, Польши, Чехословакии, Венгрии. Одновременно доканчивали чистку прибалтийских стран. Оттуда ещё в 1940 году вывезли администрацию, полицию, интеллигенцию; в 1946 году

вывозили зажиточное крестьянство, а в 1950 году забирали и отправляли на восток молодых рабочих.

Кроме того, большое поступление в лагеря шло за счёт русского, украинского, молдавского, белорусского и других групп населения из районов, оккупированных во время войны немцами. Наконец лагеря и тюрьмы пополнялись из Маньчжурии, откуда вывезли всех антибольшевистски настроенных русских; особенно много было вывезено из Мукдена и Харбина. Трудно с точностью, даже приблизительной, определить количество людей, населявших советские лагеря; указывали разные цифры, вплоть до 20 миллионов. Советское правительство категорически опровергало все эти цифры, не называя, правда, своих собственных. Я думаю, что цифра 14 миллионов не является преувеличенной, но большинство этих миллионов падает на советский уголовный элемент. Учесть количество политических заключённых очень трудно, потому что часть их находилась за пределами спецлагерей, но если охватить только спецлагеря, то в них в 1950 году их должно было быть около трёх миллионов людей.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЛАГЕРЯ И ТРУДА В НЕМ

Труд в СССР есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства.

Сталин

Во главе лагеря стоят начальник управления лагеря и его заместитель. Управление состоит из следующих отделов: снабжения, санитарного, надзора, производственно-планового, культурно-воспитательного, оперативно-чекистского, бухгалтерского. Управлению лагеря подчинены лагерные отделения с теми же отделами; каждому такому отделению подчинено несколько лагпунктов.

Лагпункт подчиняется начальнику лагпункта, но в производственном отношении начальник делит власть с производителем работ (прораб). Соответственные отделы управления отделений представлены в лагере частями со своими начальниками. Так, например, санотделу отделения подчинена санчасть лагпункта, отделу интендантского снабжения — часть интендантского снабжения лагпункта и т. д. Лица, стоящие во главе этих частей, должны быть вольными. Таким образом, группа вольных, возглавлявших лагерь, состоит из следующих лиц:

- 1) начальник лагеря,
- 2) его заместитель,
- 3) производитель работ (прораб),
- 4) начальник санчасти,
- 5) начальник ЧИС'а,
- 6) начальник КВЧ,
- 7) начальник спецчасти,
- 8) начальник надзора,
- 9) оперуполномоченный,
- 10) заведующий складом,
- 11) бухгалтер,
- 12) начальник производственно-плановой части (часто по совместительству прораб).

Кроме того, имеется целый штат административно-технического персонала из заключённых. Здесь первую роль играет нарядчик. Это — человек, распределяющий заключённых по бригадам, назначающий на работы и должности. Как правило, нарядчик связан с оперуполномоченным и со спецчастью; последняя следит за сроками заключённых, ведает их переброской и хранит их формуляры. Кроме того, на нарядчике лежат

административно-хозяйственные функции лагерной зоны. Нарядчик получает накануне каждого дня от прораба и начальника лагеря разнарядку на работы и, согласно ей, наряжает рабочую силу на следующий день. При утреннем разводе он находится у ворот зоны и несёт ответственность за выход бригады в полном составе. Самостоятельно назначая заключённых на мелкие лагерные должности, он обыкновенно вербует их на обязанности осведомителей для оперативного уполномоченного. На более ответственные, крупные должности заключённые назначаются начальником лагеря. Подобные назначения должны быть санкционированы и согласованы с оперуполномоченным.

Наиболее видные и влиятельные персонажи из заключённых после нарядчика — это плановик, бухгалтер, врач, культорг, заведующий пекарней, заведующий кухней, заведующий инструментальной, заведующие различными мастерскими, заведующий баней, хлеборез, каптёр, комендант, заведующий изолятором, пожарный. Помимо этих лиц имеется ряд более мелких служащих из заключённых, так что общее количество их достигает 30–35 человек. Обыкновенно они помещаются в отдельном бараке, называемом «Барак АТП».

Лагерь делится на две зоны; одна — жилая, где помещаются жилые бараки, столовая-клуб, стационар и амбулатория, баня-прачечная, вещевая каптёрка и дезинфекционно-прожарочная камера, а также кабинет начальника лагеря, контора и кабинет оперуполномоченного. Вторая зона — рабочая. В ней находятся инструментальная камера, слесарная мастерская, кузница, столярная мастерская, сапожная мастерская, пекарня, продуктовый склад, овощехранилище. Изолятор находится в особо выгороженной зоне и называется часто барак «усиленного режима». За зонами находится «Штаб лагпункта», где работает «вольный» персонал; тут же находятся конюшни, «вольная» баня, ларёк и бараки с квартирами для вольных, а также конвоя и офицерские квартиры — целый городок.

Обе зоны лагеря обнесены тыном в четыре метра высоты над землёй. По обе стороны тына пропахана и проборожена мягкая дорожка, называемая «бровкой»; она обнесена густой колючей проволокой высотой в два метра с косыми скатами из той же проволоки. Тын на расстоянии в 20 метров освещён электрическими лампочками и прожекторами с вышек, находящихся на углах. В тех случаях, когда сторона зоны длиннее 700 метров, в середине дорожки имеется ещё одна вышка. На вышках стоят часовые, сменяющиеся каждые два часа. Ночью с внешней стороны зоны бегают собаки на цепи по проволоке. Эта пропаханная мягкая дорожка, на которой отпечатывается каждый шаг, с проволочными ограждениями, вышками и собаками, называется «запретной зоной».

Рабочая зона отделена от жилой зоны тоже тыном, без бровок, но с проволокой поверх тына. Из жилой зоны в рабочую пропускает дежурный надзиратель. При выходе из зоны лагеря находится «вахта», небольшой

домик, где сидит дежурный контролёр, ведущий счёт всем заключённым, выходящим из лагеря и входящим в него.

Для производства работ люди распределены по бригадам, каждая бригада разбита на звенья. Бригадир отвечает за бригаду, распределяет рабочую силу, учитывает работу, произведённую всей бригадой и каждым бригадником в отдельности. Выполнение установленной нормы высчитывается в процентах, 100% означает выполнение задания.

Когда питание заключённых было связано с выполнением и перевыполнением нормы, то каждый лишний процент выражался 100 граммами хлеба и 200 граммами каши. При выполнении нормы на 100% давалось 750 граммов хлеба, полтора литра супа и 400 граммов каши в день. При невыполнении дневного задания давался «гарантийный» паёк, состоящий из 600 граммов хлеба, полутора литров супа и 400 граммов каши. Если же выполняемая норма была ниже 75%, то заключённого переводили на штрафной паёк, состоящий всего из 300 граммов хлеба и одного литра супа. В случае неисправляемости, то есть систематического невыполнения нормы, заключённых перечисляли в штрафную бригаду и помещали в «барак усиленного режима», в котором их держали под замком и выводили только на работу.

Нормы для заключённых применялись общесоюзные, но, так как рабочее время на воле было 8 часов, а в лагере 10, суточная норма, например, на дранку под штукатурку за восемь часов работы была на воле — 32 квадратных метров, в лагере же за лишние два часа нужно было сделать ещё 8 квадратных метров, поэтому лагерная норма была 40 квадратных метров.

Это было так в теории, а на практике всё было иначе. Всесоюзные нормы были рассчитаны на здоровых и сильных людей и притом специалистов своего дела или профессии, в лагере же были, так сказать, любители, не имевшие понятия о работе, которую они вынуждены были выполнять, и раньше этой работой не занимавшиеся. Кроме того, питание в тюрьмах и лагерях было очень плохое, поэтому люди были истощены и малосильные. Даже если человек прибывал в лагере в удовлетворительном состоянии, то он очень скоро делался, по лагерной терминологии, «доходягой», то есть совершенно вымотанной личностью. В дальнейшем его путь определяла санчасть; если он был настолько плох, что нуждался в лечении, его помещали в лагерную больницу, если же болезни как таковой доктор у него не обнаруживал, но констатировал истощение, то его на время направляли в ОП — оздоровительный пункт, тут же в лагере. В один из барачков собирали всех ослабевших и в течение двух недель, освобождая от всех работ, подкармливали несколько улучшенной и более обильной пищей.

Обыкновенно результат достигался хороший, а так как на такой «пункт» переводили только молодой элемент, то заключённые, подкормившись и отдохнув, вновь в течение полугода могли работать, после чего они опять «доходили», и операция повторялась. В особенности широко применялась система ОП в лагерях, где не вели самостоятельной работы, а «торговали» рабочей силой. В такие лагеря «покупатель» являлся за рабочей силой

с собственным врачом, он не брал себе на работу ни пожилых, ни ослабевших молодых людей. Перед таким приездом покупателя организовывался ОП, на которых людей «накачивали», после чего их можно было «продать покупателю».

Положение заключённых было хуже, если лагерь сам являлся производителем работ; в этих случаях эксплуатация людей была беспощаднее. За каждого работоспособного заключённого лагерь выплачивал ГУЛАГ'у 7 рублей 50 копеек суточно, а за каждого неработоспособного заключённого ГУЛАГ платил лагерю 14 рублей.

На хозяйственное обслуживание лагеря полагалось определённое количество штатных работников из работоспособных заключённых, но штаты эти были невелики, и потому администрация лагеря в помощь хозяйственникам давала инвалидов, работавших даром. После 1952 года предприятие, купившее в лагере рабочую силу, оплачивало её труд по всесоюзным ставкам, часть платы выдавалась работавшим заключённым на руки. В силу этого каждый лагпункт желал иметь возможно большее количество инвалидов для самообслуживания, а также для работ, которые оплачивались лагерю, но за которые он сам ничего не платил.

Одежда состояла из ватной телогрейки, выдаваемой на два года, ватных брюк, выдаваемых на один сезон, летней бумажной блузы, таких же брюк на лето, шапки-ушанки на зиму и летней фуражки на лето. Кроме того, каждый заключённый получал две простыни, одну наволочку, две смены белья на год и две пары портянок (летние и зимние). Бригадам, работавшим под открытым небом, сверх того выдавались ещё бушлаты или полупальто (ватные, стеганые).

С наступлением либерального времени, после смерти Сталина, заключённый мог отказаться от общего стола и кормиться в «буфете» — нечто вроде ресторана, где он получал блюда несколько лучшего качества: например, макароны, гречневую кашу, борщ за плату на месте. Тогда у него не вычитали денег за стол, а давали их на руки.

В спецлагерях так стало только после 1953 года. До того никто ничего на руки не получал, и работники, выполнявшие норму или даже перевыполнявшие её на несколько процентов, получали только большее количество пищи. Для этой цели была целая система «котлов»: котёл № 1 — гарантийный, затем каждый котёл прибавлял 100 граммов хлеба и 200 граммов каши, то есть тот, кто имел, скажем, 3-й котёл, получал 900 граммов хлеба и 600 граммов каши; 4-й котёл был уже больничным и выдавался по распоряжению врача больным, находившимся в стационаре.

Административно-технический персонал из заключённых теоретически получал 2-й котёл, но практически не был ограничен в еде и получал лучшие куски из тех, что были на кухне. Для распределения котлов и хлебного рациона в лагере имелся «пайкодатчик» с целым штатом помощников; в его обязанности входило вычислять на основании выработки, сколько

кому полагалось пищи и хлеба. С введением денежной оплаты работы должность «пайкодатчика» отпала.

Каждому работающему заключённому полагался один выходной день в неделю или четыре дня в месяц. Но до 1953 года это правило выполнялось плохо; например, если на неделе был день, когда из-за дурной погоды работа не производилась, то он засчитывался как выходной день, а в действительный выходной день людей выгоняли на работу. Кроме того, процветали «воскресники», когда под предлогом трудового энтузиазма, которым якобы был охвачен контингент заключённых, на работу выгоняли весь состав лагеря с административным персоналом и хозяйственной службой из заключённых.

Как я уже упоминал, производившиеся в лагерях работы были, как правило, физически тяжёлыми: копка каналов, прокладывание дорог, стройка железнодорожных путей, лесоповал, шахты. Работа утяжелялась холодным или жарким климатом, насекомыми — комарами на севере или мошкаррой в тайге. Люди, назначенные производить эти работы, были к ним непривычны, непривычны были для них и климатические условия, в которых они работали. Помощь «техники», которой так хвастаются большевики, была минимальная, всё было основано на валовой силе или, как это называется в Советском Союзе: «Давай! Давай!» да «раз — взяли!».

Всё усложнялось также наличием инструментов дурного качества: плохие топоры, скверные пилы, которыми непривычным к такой работе людям надо было пилить деревья с метровым диаметром, лопаты, складывавшиеся в обратную сторону при малейшем трудном грунте и т.д. Сам десятичасовой рабочий день был таковым лишь номинально, так как от двух до двух с половиной часов уходило ещё на ходьбу до места работы и обратно, включая в это время развод, смену, распределение конвоя на месте работ и получасовой перерыв в полдень на обед.

Из рассказа о моих личных похождениях читатель поймёт яснее все трудности, возникавшие на пути каждого заключённого, так как за исключением нескольких деталей мой путь мало чем отличался от пути миллионов других моих товарищей по несчастью.

Итак, возвращаясь к прерванному рассказу. Новый 1946 год я встретил на 5-м лагпункте Вятского трудового лагеря в его пересыльном бараке, куда два дюжих латыша помогли мне «дотащить» мою ослабевшую особу. Расположившись на нарах, я стал обозревать просторный барак и его обитателей. Большинство находившихся здесь были уголовные, и публика отличалась от той, которую я видел в Бутырке и в этапном вагоне. Моё первое знакомство состоялось с неким Уразаевым, интеллигентным татаринком-бухгалтером, попавшим во время войны к немцам и, видимо, в дальнейшем работавшим с ними, что следует из того, что, по его рассказам, он свободно разгуливал по Берлину.

С первых же слов Уразаев предложил свои услуги в качестве посредника по продаже моего ульстера нарядчику лагпункта, который в качестве уплаты

озаботился бы устройством моей дальнейшей судьбы в лагере наилучшим для меня образом. Отклонив это любезное предложение, как я сказал «временно», я попытался выяснить, куда я попал и что собою представляет этот лагерь. Уразаев оказался в курсе дела и сообщил мне, что Вятлаг был организован одновременно с большинством лагерей, то есть во время коллективизации, что в его задачу входит постройка железной дороги из Верхнекамска на Котлас, откуда другой лагерь тянет железнодорожную ветку ему навстречу; кроме того, в задачу лагеря входит освоение местности вдоль железнодорожного пути шириной в 2–5 километров, то есть здесь необходимо вырубить тайгу, создать на её месте совхозы, заводы, предприятия и построить населённые пункты, где будут жить люди, отбывшие свой срок в лагере и оставленные в данной местности на поселении.

План этого грандиозного строительства рассчитан на 50 лет. В настоящее время дорога была проведена на 200 километров, весь же путь должен быть протяжением в 1000 километров. Местность кругом освоена ещё недостаточно, и гражданским властям передан для заселения «вольными» только 1-й лагпункт около Верхнекамска; 2-й лагпункт находится в 16 километрах от Верхнекамска, и там помещается настоящая лагерная пересылка. 5-й лагпункт в отношении пересылки является вспомогательным пунктом, но вообще он считается «штабным», так как в двух километрах от него, в посёлке, раньше называвшемся «Лесной», находится Управление лагеря. Начальником лагеря является полковник Кухтиков¹⁰⁹, очень интересный и влиятельный человек, имеющий большие связи в Москве как член Верховного Совета.

Посёлок Лесной теперь называется «Социалистическим городком» и, по идее Кухтикова, весь построен в русском петушковом стиле. Кроме того, полковник Кухтиков большой любитель театра, и потому в Соцгородке функционирует оперетка, укомплектованная артистами-заключёнными; примадонна этой оперетки — эстонка, бывшая примадонна Ревельского театра. Среди мужского персонала имеются крупные силы, например, бас Московской оперы Сердюков¹¹⁰, а также руководитель музыкальной части Марсель¹¹¹. Про последнего следует сказать, что он не Марсель, а Быстровский, в прошлом работник Комиссариата по иностранным делам, точнее, секретарь Парижского советского посольства, попавший в «чистку» 1936–1937 годов.

Здесь в лагере очень много бывших советских дипломатов, большинство из них евреи; Марсель — тоже еврей, но очень милый человек. За время пребывания в лагере он написал массу композиций, шлягеров, фокстротов и романсов.

Кухтиков ничего не жалеет на оперетку. Специальная швальня обшивает артистов, и на сцене их туалеты не хуже, чем в Москве, а может быть, даже и лучше. Все выступающие на сцене записаны в центральную культбригаду, они живут у нас в лагпункте, в театр на репетиции и спектакли их водит конвой.

Всё это впоследствии подтвердилось, и я сам неоднократно имел возможность любоваться на утренних разводах, как среди грязных и рваных «работяг» и «доходяг» «топали» на французских каблучках подмазанные и приодетые «примадонны», сопровождаемые субъектами с артистическими физиономиями и матерящимися конвоирами. Как раз в первый год моего пребывания в лагере, особенно для меня тяжёлый в моральном отношении, я смотрел «Весёлую вдову»¹¹², «Графа Люксембурга»¹¹³, «Принцессу цирка»¹¹⁴, «Ярмарку невест»¹¹⁵, и даже чуть сам не попал в эту труппу; от этого меня удержали §§ 6 и 8 моей «контрреволюционной» статьи. Это, по мнению начальства, не подходило для «блатной» деятельности в культбригаде.

Кухтиков оказался «приятным» начальником, если вообще таковые могут быть в лагере. К сожалению, он покинул этот лагерь вместе со мной через пару лет, получив назначение начальником комбината «Воркута-Уголь», под сим названием скрывались Воркутинские угольные лагеря. Период его царствования там ознаменовался расцветом Воркутинского театра, пополнявшегося весьма крупными артистическими силами Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова и Ростова, имевшими неосторожность продолжать свою артистическую деятельность во время немецкой оккупации.

Как я слышал позже, карьера Кухтикова закончилась неожиданной опалой и лишением всех благ в связи с выяснившимися подробностями деятельности его сына, занимавшего в Москве видное положение и оказавшегося, без малого, американским агентом. Возможно, что он был в такой же связи с американскими империалистами, как я с международной буржуазией, но падение Кухтикова было фактом, а Берия¹¹⁶ был мастером своего дела.

В Вятском лагере в тот момент было 18 лагерных пунктов, в среднем по 3000 человек в каждом; два других лагпункта ещё только строились и были подкомандировками. Большинство пунктов были лесопильные. Наш 5-й, как исключение, имел только одну лесоповальную бригаду, валившую лес для нужд лагеря. Остальной состав обслуживал лесозавод в две рамы. Этот «остальной состав» включал около 2000 человек, и я был совершенно поражён диспропорцией двухрамного завода и двухтысячной службой. На территории лесозавода был ещё дрожжезавод, выпускавший пару сотен килограммов чёрных дрожжей, сделанных из опилок, обработанных кислотами. Дрожжи эти добавлялись в суп, делая его, правда, почти несъедобным, но повышая наше недостаточное белковое питание.

В распоряжении лагпункта был ещё какой-то завод № 3; он гнал скипидар и вырабатывал сапожную вакуу такого рода и характера, что, намазав ею сапоги, удалить её с них не было никакой возможности, а сапоги становились чем-то вроде липкой бумаги для мух. Позже я сам попал на завод № 3 и убедился, что никакого завода там не было, а была небольшая будка, где восседал «директор» завода, сам заключённый, а человек б доходят жгли в ямах уголь и гнали жёлтый скипидар.

Любовь русских к громким названиям приводила часто к разочарованиям, так позже я попал на завод «Газ-Чурка», предварительно познакомившись с его «директором». Этот завод представлял собою навес, под которым «директор» с двумя помощниками пилили на циркулярной пиле чурку для автомобилей, за недостатком бензина ходивших на газогенераторах.

Вторым моим лагерным знакомством были две латышских дамы, посещавшие пересылку для выяснения, кого привезли из их соотечественников и какую помощь хлебом и советами они могут им оказать. Это были очень славные интеллигентные женщины, помогавшие, безусловно, очень многим; помогли они и мне — я получил от них в подарок «пайку хлеба», столь ценную в то время и для меня и для других.

Дня через три по приезде я был помещён в стационар. Прикрытый грязным одеялом, я штудировал здесь ежедневно выпускаемое на данный день «меню» и поражался изобретательности заведующего хозяйством на названия блюд, совершенно не соответствующих действительности. Так, в меню обеда вы читаете: суп крестьянский, гуляш украинский, чай. Но «суп крестьянский» — это листья такой капусты, которую я никогда ни до того, ни после не видел, вареные в воде. «Гуляш украинский» представлял собой несколько кусочков вареной картошки, брюквы, моркови и кусочек мяса в 10 граммов. На десерт анонсировался «чай», но чая на самом деле не было: это был стакан кипятка, в котором было разведено граммов 10 коричневого неочищенного сахара.

Несмотря на громкие названия блюд, с едой в стационаре дело обстояло хуже, чем в тюрьме, и я быстро сообразил, что поправиться и набраться сил мне здесь не удастся. Своими соображениями я поделился с нашими милейшими докторами из заключённых, хирургом Шнейдером из Риги и детским врачом Бушем из Ревеля. Они со мной согласились и сказали, что я должен, отдохнув с дороги недели две, попытаться устроиться на какую-нибудь должность, связанную с возможностью получать больше каши, и таким образом встать на ноги. Для начала же надо поговорить со стационарным фельдшером, который до некоторой степени являлся министром иностранных дел санчасти и связан с кухней и подобными учреждениями, могущими облегчить моё положение.

Этот фельдшер был замечательно милый господин. Он был еврей, занимавший крупный пост в большевистской провинциальной иерархии. Одна из проведённых Сталиным чисток привела его в лагерь, где он, вспомнив свою дореволюционную профессию, стал фельдшером. Таким образом, для него круг замкнулся. Он принял во мне тёплое участие, и я был назначен «хвоеваром» санчасти. Когда мне это объявили, то я не сразу понял, что кроется под этим названием и каковы будут мои функции, но вскоре я всё это усвоил на практике.

В лагере свирепствовала цинга. Единственной мерой борьбы с ней было извлечение из еловой хвои имеющихся в ней витаминов путём зали-

вания хвои 40-градусной тёплой водой и держанием её в воде в течение 12 часов. После этого настой процеживался через марлю и выдавался каждому заключённому в количестве 50 граммов. Вкус этого напитка идентичен с тем, которым обладает хвойная ванна, поэтому заключённые пить его не хотели, и им наливали его в суп, что не повышало его вкусовых качеств. Общее неудовольствие этим заключённых косвенно отражалось на мне, и когда я проходил по лагерю, мне грозили кулаками и награждали весьма нелестными эпитетами как меня самого, так и моё искусство.

А между тем «искусства» требовалось много, и не так в процессе приготовления напитка, как в добывании нужных составных частей. Во-первых, я сам и моя «фабрика» помещались в кое-как сколоченном дощатом домике, обмазанном глиной. Отопление состояло из печной колонки от ванны, но без водяного бака; вместо него колонка была закрыта сверху съёмным железным листом. Фактически это был костёр, который грел, пока горел. Через час после того, как он кончал гореть, в помещении стояла та же температура, что и на улице, то есть градусов 20–25 ниже нуля.

Дров для отопления не отпускалось, их нужно было «доставать самому». Из лагеря в лес сам не пойдёшь. Эта дилемма разрешалась следующим образом. Для борьбы с цингой хронически страдавшим ею выдавалось кроме хвои так называемое «цинготное»; это была нарубленная сырая капуста с прибавлением к ней немного брюквы, иногда моркови, в количестве 150 граммов на человека. Это дополнительное питание прописывалось врачом; таких порций выдавалось в день около 300. Здесь я должен объяснить, что такое 150 граммов. В лагере только хлеб и сахар выдаются по весу, остальное выдаётся объёмно, то есть если я говорю 200 граммов каши или 150 граммов цинготного, то это означает, что и то и другое выдаётся черпаком, объёмно вмещающим 200 или 150 граммов. Заготовление этого цинготного и выдача его тоже находились в моих руках. Продукты для его изготовления я получал по весу, а выдавал цинготное по объёму, отчего у меня оставалось некоторое количество «лишнего» цинготного питания. Часть его я давал заключённому, привозившему в зону топливо, и за это получал от него нужное мне количество горбылей с лесозавода, а часть давал женщине, мывшей у меня пол, деревянную посуду, в которой я это заготавливал, и бочки для хвои.

Чтобы приготовить хвойный напиток в нужном количестве, мне надо было привезти сорокаведёрную бочку кипятка от кипятилки до моего помещения. Это было расстояние в 150 метров. Наполненную до краёв и поставленную на салазки бочку я просил кого-нибудь помочь сдвинуть с места, а дальше путь шёл под горку и бочка катилась сама, но на половине дороги был поворот и притом крутой; здесь надо было проявлять большую ловкость и, вовремя дёрнув верёвку, прикреплённую к салазкам, — дать другое направление. Если это удавалось, то оставалось только затормозить бочку у входа в мой дом.

В первый день я вылил в снег две бочки кипятка и чуть не потонул в том море ругательств, которые вылились на меня из уст озверевших кипятильщиков. Но вскоре я так наловчился, что без всякой помощи давал моей бочке ход, летел вместе с нею вниз, делал ловкий поворот и подъезжал к месту, сам внутренне любуясь своей ловкостью.

Я должен был разрешить ещё один вопрос. Он касался доставания самой хвои, в просторечии еловых сучков, что тоже лежало на мне. Здесь выручало цинготное, и ассенизатор за миску капусты привозил мне воз сучков, которого хватало на целую неделю. Рабочей силой, нащипывавшей эту хвою, меня обеспечивала санчасть, присылая десятка два так называемых «поносников».

Приблизительно в это же время я решил предпринять шаги для налаживания связи с моей женой, оставшейся в Гельсингфорсе. Письмо, написанное мною, я отправил с одним вольным инженером из бывших заключённых; он ехал по делам лагеря в Москву и согласился опустить письмо в почтовый ящик в Кирове. Я сделал это не по собственной инициативе, а по совету приятелей, сказавших, что они всегда так поступают, так как письма, посылаемые прямым путём из лагеря, часто пропадают в цензуре. В письме я сообщил, что получил 10 лет заключения и что совершенно безнадежно рассчитывать на моё возвращение. Я писал, что она должна с этим считаться и устраивать свою жизнь без меня, как ей будет удобнее и лучше. Я писал, что если она возьмёт развод, то я это пойму и не обижусь, ведь ей всего 38 лет, и она, несомненно, сможет найти себе подходящего человека. Пока же я буду очень благодарен, если она пришлёт мне некоторые указанные мной вещи и что-нибудь съестное.

В феврале моя деятельность расширилась: я получил задание варить обед на 50 человек, которые по болезни получали на несколько дней освобождение от работ. Не выходя на работу, они автоматически переходили на гарантийный паёк, и чтобы они не ослабели, им давали дополнительное питание от санчасти. Это улучшило моё собственное питание. Одновременно появились возможности заработка, правда, очень незначительных: находившиеся на нашем лагпункте женщины начали заказывать у меня открытки, которые я рисовал акварелью; кроме того, я делал им рисунки для вышивок и прошивок. Создавались знакомства, заводилась дружба, налаживалось что-то вроде общественной жизни.

Конечно, эта общественная жизнь была очень относительная: вечерами в помещении КВЧ играли в шахматы и домино, готовили постановки пьесок и концертов. Культургом был некто Мельников, он досиживал свой десятилетний срок и был в ужасе от приближающегося освобождения. Я никак не мог его понять, но он мне объяснил, что не представляет себе, что он будет делать на воле, так как кроме верховой езды — он был кавалерийский офицер — ничего не умеет делать. Его несколько утешало обещание лагерного начальства устроить его по окончании срока в КВО лагеря на какую-нибудь должность при условии, конечно, что на это не будет

возражений начальника оперчекаотдела. Мельников ещё в Царское время кончил Елизаветградское кавалерийское училище и служил в Изюмском гусарском полку. После революции продолжал служить у большевиков, с 1935 года занимал должность курсового офицера в Тамбовской кавалерийской школе. В этой должности за антисоветские высказывания в 1936 году по статье 58-й § 10 он попал в лагерь.

Осталась в памяти примадонна нашей самодеятельности Шурочка Бузова, впоследствии ставшая примадонной центральной культбригады, а в то время работавшая полумойкой в бараках. Редко можно встретить столь красивую и одарённую женщину; она прекрасно пела романсы и песни, неплохо танцевала и имела незаурядный драматический талант. Преступление её состояло в том, что она ушла с венграми из России; после окончания войны её арестовали в Будапеште и, привезя обратно, обвинили в измене Родине и на основании 2-го пункта 58-й статьи дали 10 лет лагерей. Она должна была просидеть в лагере лучшую часть своей жизни: когда её арестовали, ей было 27 лет. Отец её был провинциальный актёр; он передал ей весь репертуар песен и романсов 1913–1918 годов, периода моей молодости. Шурочка исполняла их под аккомпанемент гитары, заходя вечером в комнату Мельникова или в мою хибарку. Шурочка и Мельников были движущими силами, старавшимися протянуть меня в центральную культбригаду, но, как я уже сказал, моих статей и параграфов одолеть им не удалось.

По субботам в столовом зале устраивались концерты, а после них — танцы. В этих случаях весь женский персонал лагпункта не жалел никаких сил и средств, чтобы улучшить свою наружность и туалет. В большинстве случаев им это удавалось плохо, и, пожалуй, было бы лучше, если бы они не предпринимали этих попыток.

У мужчин наибольшим шиком считалось наличие казачьей кубанской папахи с красным или зелёным верхом, остальное было не так важно; они танцевали, не снимая папахи с головы, и ничуть не затруднялись выделять па танго в валенках.

Должен сказать, что когда я в первый раз попал на такой «бал», то, учитывая место и положение танцующих, а также их вид, был совершенно подавлен и угнетён до крайности. Это был злой и страшный шарж на жизнь, какой-то *dance macabre*. Позже я привык к этому и больше не испытывал чувства угнетения, так как пришлось увидеть вещи и хуже, и страшнее, а кроме того, человек привыкает ко всему.

Мой друг по Бутырской тюрьме Деспотули, попав по приезду в стационар, засел там крепко и никуда не пытался устраиваться. Правда, его здоровье было действительно плохо, да и моральное состояние было весьма неважное.

Контингент заключённых был преимущественно уголовный; «политические» состояли главным образом из «вредителей» и «болтунов», то есть из лиц, обвинённых по § 7¹¹⁷ и § 1058-й статьи. «Изменники родине»,

то есть люди, имевшие соприкосновение с войной, пробывшие в плену или так или иначе сотрудничавшие с немцами и их союзниками, частично были ещё на свободе, а частично находились под следствием в разных тюрьмах. Большая часть заключённых на нашем лагпункте попала в лагерь ещё до войны, исключение составляли эстонцы, латыши и литовцы; их было много, и рассказ каждого из них о выпавших на их долю испытаниях был драмой, способной вызвать слёзы на глазах самого сурового по натуре человека. История разгрома и ликвидации маленьких государств не производит такого угнетающего впечатления, как эти истории разгрома и уничтожения миллионов семейств и человеческих жизней.

Среди заключённых особую группу составляли советские дипломаты, попавшие в «чистку» 1936–1937 годов. Их было довольно много, они держались в стороне от прочих заключённых, числясь на каких-то фальшивых должностях, но фактически ничего не делали и ночи напролёт играли в домино, устроив в бараке своего рода Монте-Карло.

В апреле я получил от жены первое письмо. Это была громадная радость. Жена писала, что любит меня, как всегда, и будет ждать моего возвращения; она извещала, что выслала мне посылку с продуктами и вещами и, кроме того, деньги. Но в этом же апреле лопнуло моё благополучие и притом совершенно неожиданно.

В прекрасный солнечный день в моё помещение явилась начальница санчасти в сопровождении очень элегантно одетой дамы, оказавшейся представительницей санотдела лагеря. Осмотрев помещение, посуду и всё прочее с гигиенической точки зрения, дама заговорила со мной и стала расспрашивать, кто я такой и какова была моя профессия на воле. Узнав, что я художник и имею высшее образование, дама эта сказала, что считает моё настоящее занятие совершенно неподходящим. Это дело кухарки, а не художника — резюмировала она и распорядилась снять меня с этой должности.

— Вам надо работать в КВЧ, а не на кухне, — сказала она.

На следующий день я лишился всех благ и сел на гарантийный паёк. Однако мои друзья не дремали, и я через два дня получил назначение комендантом оздоровительного пункта. Пришёл этап с ленинградскими воришками, и их надо было подкормить и подправить для работы. На месяц я мог считать себя обеспеченным питанием и кровом.

В мае я получил первую посылку и тут же был основательно обворован моими воровскими подчинёнными; но кое-что из присланного всё же осталось и среди этого мои финские сапоги-«лапки». Из санчасти меня выписали с категорией инвалида. Заботу обо мне переняла культурно-воспитательная часть в лице Мельникова, и я был устроен заведующим столовым залом.

Столовый зал представлял собой большое помещение с раскрашенными масляной краской трафаретами на занавесках, с 50 квадратными столами, покрытыми салфетками, сделанными из простыней; вокруг каждого —

четыре табуретки. В одном конце зала была устроена сцена, а по стенам были развешаны картины-копии, написанные лагерными художниками.

Перед каждой едой помещение выглядело очень чисто и даже аппетитно, но после посещения зала заключёнными едоками вид его был ужасный.

Дело в том, что суп и каша разливались в глиняные и деревянные миски. На 3000 человек мисок имелось только 150–200; было необходимо споласкивать их прежде чем передать новому едоку. К повару, раздававшему пищу, они поступали мокрыми, а он, в свою очередь, наполнял их весьма небрежно. Такая миска, поставленная на стол, оставляла на скатерти мокрое зелёное пятно. Кроме того, выдавалась солёная рыба, которую заключённые чистили руками, вытирая после этого руки о скатерть; о неё же вытирались и ложки после еды.

Моя обязанность заключалась в том, что я должен был следить за чистотой и порядком, а также за поведением посетителей, в особенности в отношении выноса мисок из помещения. День, полный беготни и ругани, оплачивался супом и кашей, как в лагере говорили — «от пуза».

Фактически я уже шесть месяцев находился в лагере, но ни разу не сталкивался ни с одним из лагерных начальников, если не считать низших начальников из заключённых; о самом лагере я имел представление довольно смутное. Я отъелся, поправился, получил спальное место в административно-хозяйственном бараке между моим первым знакомым Уразевым и каким-то бывшим крупным служащим водного транспорта, он был еврейского происхождения.

Но моему довольству положила предел появившаяся у меня на лице «рожа». Я попал в стационар, а когда через две недели вышел оттуда, то место моё было занято другим, и я вылетел на общие работы на лесозавод. Инженер из заключённых, живший со мной в бараке, поставил меня вывозить тачки с опилками, обещая в дальнейшем подыскать мне более приятное занятие. Но работа была нетрудная, и я не рвался к тому, чтобы получить другую.

В этот период я вошёл в контакт с общей массой заключённых, а не только административно-хозяйственным персоналом, и неожиданно выяснил, что среди них имеется большое количество финнов. Это были финские коммунисты, уехавшие нелегально из Финляндии в 1930 и 1933 годы. До 1938 года они жили в советском государстве более или менее благополучно, рассеянные в Карелии, близкой им по климатическим, языковым и бытовым условиям, но в 1938–1939 годах в их положении произошла большая перемена: их стали переселять на Амур, а тех, которые высказывали неудовольствие этим переселением, арестовывали и сажали в лагерь. Кроме этих коренных финнов в лагере было много ингерманландцев и карел из числа тех, которые во время войны попали в Финляндию и были зачислены в финскую армию; все они получили по 10 лет по обвинению в измене родине.

Много было и финских женщин; это были жены бежавших в советский рай финских коммунистов; они оплакивали свою родину и жалели, что покинули её. Такое поведение считается в Советском Союзе криминальным, хотя это не есть какое-либо действие, а лишь разговор.

После того, как я приблизительно неделю покатал опилки, я был вызван к директору завода по фамилии Коган. Он сообщил мне, что им получено распоряжение свыше организовать «технический уголок», в котором на моделях должно быть представлено, что и как завод производит, и что всё это должно быть представлено соответствующими плакатами и лозунгами и что старший инженер рекомендовал ему меня как художника, который сможет справиться с этой задачей. В этом задании было обстоятельство, с одной стороны, осложнявшее его, а с другой — делавшее его более интересным и заманчивым: в устройстве этого «уголка» мы вступали в соревнование с Унжлагом¹¹⁸, и мне было объявлено, что, если мы в состязании выйдем на первое место, то, во-первых, я буду награждён премией, а во-вторых, мне будет поручено организовать «технические уголки» по всем лагпунктам. В помощь мне были даны два работника, а от инженера я получил технические данные и нужные материалы, в том числе столь дефицитные в лагере краски.

В две недели работа была окончена. Я сделал наглядную модель завода размером три метра на три, несколько рельефных плакатов гатей и подъездных дорог и с десятков различных плакатов и лозунгов. Приехавшая комиссия всё это рассмотрела. Через неделю выяснилось, что мы заняли первое место, вследствие чего мне была вручена продовольственная посылка от управления лагеря, состоявшая из пяти кило картофеля, двух больших брюкв, килограмма сахара и двухкилограммового каравая подового чёрного чая, украшенного разводами из моркови и ягодами клюквы. Кроме того, всё это было зачитано в приказе по лагерю на разводе.

Несколько дней спустя я был вызван к начальнику лагпункта, очень симпатичному еврею, сообщившему мне, что приказом Управления я должен быть отправлен на другие лагпункты для устройства там «технических уголков». Когда это произойдёт — ему неизвестно, но в ожидании этого он назначает меня бригадиром 35-й бригады. Я выразил сомнение, что сумею справиться со столь ответственной задачей, но начальник успокоил меня, что 35-я бригада смешанная, мужская и женская, что люди этой бригады разбросаны на разных работах и что мне ничего учитывать не придётся. Мне придётся только принимать меры против тех, кто не выходит на работу, да там таких и нет.

Через пару дней нарядчик поручил мне, взяв из моей бригады десять женщин, идти на лесозавод и озеленять там зону. Я выразил недоумение двумя обстоятельствами: во-первых, в инструкциях, полученных мною при устройстве «технического уголка», было указано, что на территории лесозавода не полагается деревьев, а во-вторых, — пересаживать деревья в июне месяце поздно, так как листва уже полностью развилась.

Нарядчик, видимо, интеллигентный русский грек, рассмеялся и сказал, что я плохо понимаю лагерную действительность: ожидается приезд какого-то начальства из центра, и желательно, чтобы въезд к лесозаводу был окаймлён аллеей. После отъезда начальства вся насаженная аллея может завянуть, она больше уже не будет нужна. На мой вопрос, где я возьму деревья, нарядчик ответил, что зона завода занимает 4 квадратных километра и что она наполовину заросла березняком: при этих условиях достать деревья никаких трудностей не представляет.

На другой день, взяв из моей бригады восемь женщин, я отправился с разводом на лесозавод. Мои дамы шли с недовольными лицами и сперва молчали, а потом начали обмениваться ироническими репликами относительно предстоящей работы, вставляя в промежутке отборные нецензурные слова. Меня это с непривычки коробило, и, кроме того, я не мог понять, что именно вызывает недовольствие женщин? Работа, нам предстоявшая, казалось, была лёгкая, а потому я обратился к ним за разъяснением. Большинство из них мне ничего не ответило, но одна, презрительно скривив рот, сказала:

— Ты, старик, здесь новичок, а мы уже восемь лет сидим и за это время четыре раза ходили «зеленить зону». Кому это нужно, спрашивается? Что касается меня, то я пальцем не пошевелю, да и вам, девушки, советую поступить также, пусть старик сам озеленяет.

Это заявление было встречено молчанием. Не нашёлся, что сказать, и я.

В зоне лесозавода мы получили из инструментальной камеры лопаты и кирки. Заключённый, отпускавший их нам, был сама любезность и рассыпался передо мной, как расторопный приказчик в старое время. Выдав всё, что нам полагается, он отвёл меня в сторону и сказал, что слышал о моём финском происхождении, а также о моих похождениях, в силу чего ему очень хотелось бы побеседовать со мною на «международные темы».

Предупреждённый чуть ли не всеми встречавшимися со мною заключёнными о наличии в лагерьях доносителей и «стукачей», я, естественно, насторожился и сказал, что с удовольствием удовлетворю его просьбу, но как-нибудь в другой раз, так как сейчас мне придётся заняться посадкой деревьев с моими дамами, которых, я подозреваю, мне не удастся заставить работать. Попутно я высказал мнение, что, вероятно, большинство из них криминальные и проститутки, так как разговор их совершенно нецензурен. Заведующий рассмеялся и ответил, что такого элемента в лагере, конечно, много, но моих женщин он знает по работе и знает, что все они простые колхозницы. Что касается способа их выражений, то я должен к нему привыкнуть: женщины в лагере все так говорят — это они переняли от криминального контингента.

Женщины сидели на том месте, где я их оставил и где мы должны были сажать деревья. Те же, которых я взял с собой за лопатами и кирками, во время моего разговора с заведующим успели присоединиться к подру-

гам, и мне пришлось самому тащить инструменты на всех восьмерых человек.

Наметив колышками место посадки деревьев, я предложил разделить таким образом, что три женщины пойдут со мной за деревьями, а пять будут копать ямы для посадки их. Кто будет копать и кто пойдёт со мной — я предложил им решить самим. Решением этого вопроса занялась самая резкая и грубая из них.

— Куда тебе трёх девок, — заявила она, — ты, поди, и с одной-то с трудом справишься. Вот бери Груню и с ней иди в кусты дерева подыскивать, а мы тут пока ямок накопаем, а ты, Груня, старика-то не умори, полегче с ним.

Груня, миловидная девушка небольшого роста, встала с серьёзным лицом и сказала мне:

— Пойдёмте, только носилки надо где-нибудь взять.

Носилки вскоре были найдены, и мы отправились в дальний конец зоны за деревьями. Там я разговаривал со своей спутницей и выяснил, что она замужем и имеет двух маленьких детей. Сама она колхозница, муж убит или пропал на войне, дети у матери. Срок у неё пять лет, из которых она два года уже отсидела, три осталось. Вина её — кража картошку с колхозного поля; объяснение этому — голод: двое детей, мать-старушка и ещё мужнина тётка на руках. Как их прокормить? И так трудно, а тут война, ничего нет, голод.

— Не знаю, как они там и живут!

— А разве не пишут?

— Вначале два раза писали, а теперь нет. Ребят, тех в детский сад отдали, там их запросто воровать научат, при родителях это не так опасно, а одни с беспризорниками — пропадут ребята. Вот вы образованный господин, скажите — неужели на Сталина никакой управы не будет?

Я быстро уклонился от столь щекотливой темы и в ответ спросил, отчего её подруги так враждебно ко мне отнеслись и не хотят делать такую, казалось бы, лёгкую работу.

— Видите ли, девушка, которая меня с вами послала, она воровка и сожительствует с нашим бригадиром, она его лагерная жена, а тут вдруг его сняли и вас назначили, ему это, может, и всё равно, а ей обидно, она всем у нас распоряжалась; как теперь будет — неизвестно, конкурентки у неё были, те тоже на Ваньку целились, ну, они теперь головы подняли, а Манька боится, вот она вам саботаж и устраивает.

— Я, конечно, глупая колхозница, — продолжала она, — но только так полагаю, что вы человек образованный и к нам в бригадиры не годитесь, а если всерьёз думаете бригадирствовать, то Маньку вам нужно в жёны взять. Ваня-то от неё с удовольствием откажется, только вот Манька может на это не пойти — говорит, стары вы, а по-моему, пожилой человек куда приятнее: солидность есть и не так на девок кидается.

Я несколько растерялся от таких перспектив и от неожиданных потрясений, внесённых моим назначением в среду неизвестных мне людей. Однако я поблагодарил Груню за советы и информацию.

Когда мы с ней, нагруженные молоденькими берёзками, пришли к оставленным нами копальщицам, то были встречены массой скабрёзных замечаний и вопросов. Одновременно я обнаружил, что ни одна яма не вырыта. В это время раздался отбой на обед, и я использовал обеденный перерыв для переговоров с моим предшественником, Ваней. Он заведовал сушилкой для досок, предназначенных для тут же находившейся мебельной мастерской. Ваня, выслушав меня, сказал:

— Пойдёмте, — и направился к моим подчинённым.

Я поотстал от него и отошёл в сторону, чтобы дать ему возможность переговорить с женщинами без меня. После пятиминутного разговора Ваня подошёл ко мне и, бросив мимоходом:

— Порядок, — удалился в свои владения.

Дальше всё прошло как по маслу; в течение пяти дней мы «озеленили» зону, женщины работали без протестов, хотя весьма неприслужно, а площадная ругань в их разговорах значительно приутихла.

Я нарочно описал этот случай так подробно, потому что он заставил меня задуматься о моём положении и о моих лагерных впечатлениях. Я понял, что являюсь «Алисой в стране чудес», что совершенно не знаю и не понимаю обстановки, что мои впечатления поверхностны и что предстоящие мне 10 лет в лагере я не смогу провести около санчасти, занимаясь ерундой. Мне стало ясно, что я должен придумать себе какую-нибудь лагерную специальность, и я остановился на «художнике», хотя бы потому, что не знал никаких других специальностей, и также потому, что эта специальность стояла в моём формуляре.

Полученные от жены посылки несколько улучшили мой туалет. Казённого платья не выдавали: оно было дефицитно. Контингент «работяг», пользовавшийся казённым обмундированием, ходил в каком-то грязном тряпье. В денежном отношении я тоже был в плохом положении. То немногое, что я зарабатывал своими открытками и прошивками, выражалось 15–20 рублями в месяц; при цене на пайку хлеба (650 граммов) в 15 рублей это не могло повлиять на улучшение моего питания. Но я всё же более не голодал, хотя однообразие пищи было поистине ужасающее. Шесть месяцев подряд я ел изо дня в день суп из капустных листьев и ячневую кашу «сечку» — 95% размола. Разнообразие вносил лишь хлеб: он каждый день был другого цвета, в зависимости от суррогатов, из которого он пёкся. Лагерные старожилы рассказывали ужасы о голодовках военного времени, о «пелагре», являющейся высшей формой дистрофии, которая и сейчас ещё свирепствует на рабочих лагпунктах. Я это слушал, но полностью до меня всё это не доходило.

Если бы я в этот момент был отправлен на родину, то, вероятно, рассказывал бы о своих впечатлениях и переживаниях в стиле туристов и корре-

спондентов, описывающих советскую действительность так, как «их глаза её видели».

Случай с женщинами моей бригады показал мне кусочек «настоящей» лагерной жизни и заронил во мне много сомнений. После шести месяцев пребывания в лагере я не знал, например, что есть начальник режима и «надзор-группа» надзирателей, которые за нами «надзирают», и когда начальник КВЧ послал меня как-то в «надзор-группу», чтобы принести ему какую-то справку, то он был поражён, что я не знал ни где она помещается, ни что она из себя представляет.

Однако жизнь является лучшим учителем, и практика даёт лучшие результаты, чем теория, а потому я понемногу стал вникать в лагерную действительность. Началось с того, что я был вызван к оперуполномоченному, то есть представителю оперчекаотдела, который был филиалом политической полиции. Что такой господин существует — это я слышал, но в точности род его занятий был мне неизвестен, поэтому я предстал перед ним не без внутреннего волнения, предполагая, что я где-то что-то неосторожно сказал. Однако на деле всё оказалось иначе: высказывался не я, а другой человек, я же был лишь слушателем высказываний.

Дело в том, что в бытность хвоеваром, я жил в домике вместе с моим предшественником в этой роли, сделавшимся возчиком дров; это был грузин по имени Аполлон, фамилию его я забыл, назовём его Чачаношвили. Так вот, оперуполномоченный, напомнив мне это обстоятельство, осведомился, присутствовал ли я при разговоре моего сожителя с неким Цинцадзе 6 февраля этого года в обитаемом нами помещении. Я ответил, что к моему сожителю очень часто приходили его соотечественники, и я, право, не помню, был ли у него Цинцадзе 6 февраля. Я считал эти визиты естественными и не придавал им такого значения, чтобы запоминать какого числа кто именно из них заходил.

На это оперуполномоченный мне ответил, что разговор между Цинцадзе и Чачаношвили в этот день был такого рода, что я должен был обратить на него внимание и его запомнить. Тут оперуполномоченный сделал страшные глаза и почти прошептал:

— Цинцадзе выражал сожаление, что в Грузии органами государственной безопасности был расстрелян Гоберидзе. Вы понимаете, что это значит и чем это пахнет? Откровенно говоря, я совершенно не могу понять, как вы это пропустили и немедленно мне об этом не донесли? Я положительно боюсь, что вам это будет стоить дорого. Тем более, что и Чачаношвили и Цинцадзе оба подтверждают, что в этот момент вы находились в комнате и притом на таком расстоянии, что не могли не слышать их разговора. Ведь это означает, что вы являетесь соучастником, и для такого рода преступлений у нас имеется специальная статья, гласящая о «недоносительстве»¹¹⁹.

Я был буквально огорошен происходящим. Цинцадзе хотя и редко, но заходил к моему сожителю, но о чём они говорили, я не знал, так как они

говорили по-грузински, и тут я неожиданно для моего собеседника рас- смеялся.

— Гражданин оперуполномоченный, — сказал я, — я мог не только находиться в комнате, но сидеть рядом с разговаривающими грузинами и не знать, о чём они говорят, так как я ни слова не понимаю по-грузински. Но даже если бы они говорили по-русски, то я и то не обратил бы внимания на их разговор, так как не имею представления, кто такой Гоберидзе.

На этом история закончилась для меня, грузины же были напуганы до смерти, боясь получить второй срок, но и для них всё кончилось благо- получно и ограничилось лишь испугом. При встрече они мне разъяснили, что расстрелянный грузин Гоберидзе был коммунист, который проявил какой-то уклон, что они действительно о нём говорили, но «сожаления» не высказывали; донёс же на них третий грузин, также присутствовавший при разговоре, и что они оба ссылались на меня, как бывшего при разгово- ре в помещении и могущего подтвердить, что они никакого «сожале- ния» не высказывали.

Два дня спустя я встретил одного латыша, вместе со мной ехавшего из Москвы. На мой вопрос, почему он среди лета такой бледный и не был ли он болен, латыш рассказал мне следующую историю: в Латвии до войны он состоял в «айсаргах»¹²⁰ — организация, соответствующая Финляндскому Шюдскору, — поэтому после присоединения Латвии к Советскому Союзу он был арестован и приговорён к 10 годам ИТЛ, но ему был зачтён срок пребывания под следствием, таким образом, он сидел уже четыре года.

В январе он вместе со мной прибыл в Вятский лагерь и здесь встретил одного русского заключённого, до войны жившего в Риге и прекрасно вла- деющего латышским языком. Этот человек помог ему хлебом и устроил у себя (он был бригадиром) на относительно нетяжёлую работу. В разго- ворах латыш вспоминал с ним старую Ригу, у них даже нашлись общие зна- комые, но... «друг» оказался «стукачом» и донёс на латыша, что тот восхва- ляет буржуазные порядки и бывший строй своей родины. Бедняга просидел три месяца под следствием в изоляторе, был судим и снова получил 10 лет: 4 года сидения пропали зря.

Эти два случая заставили меня задуматься. В начале июля начались лесные пожары, и я со своей бабьей бригадой был отправлен на их тушение. Тушение заключалось в хлопании лопатами по горящему торфу и проры- тии предохранительных канав. До настоящих больших пожаров мы вначале не дошли, так как они, на наше счастье, происходили в 20–30 километров от нас.

Здесь опять произошёл весьма интересный случай. Как-то, выйдя на тушение очередного пожара, возникшего по неосторожности жгущих костры, я предоставил женщинам хлопать лопатами, а сам лёг в тени дерева и заснул. Конвой в то время состоял из старых запасных, негодных для фронта даже в то время, когда для последнего годилось всё и вся. Теперь война кончилась, эти старики мечтали о демобилизации и о возвращении

домой, поэтому к своим обязанностям они относились очень халатно, никаких неудобств нам не причиняли.

От своего мирного сна я был разбужен какими-то разговорами. Я оглянулся и увидел, что на пригорке совсем около меня стоит верховная группа, состоящая из начальника лагпункта, начальницы санчасти и ещё двух-трёх неизвестных мне лиц. Начальник лагпункта рассматривал в бинокль поднимавшийся на горизонте к небу столб белого дыма дальнего лесного пожара. Я вскочил на ноги и подошёл к группе. Начальник, увидев меня, поздоровался и спросил, как обстоят дела. В сущности я этого не знал, так как спал, но ничтоже сумняшеся стал, водя руками по воздуху, объяснять схему борьбы с огнём: там, мол, прорываются кюветные преграды, там произведено тушение лопатами и песком, и в общем и целом можно рассчитывать на ликвидацию пожара, по крайней мере, в моём районе, сегодня к вечеру. Начальник спросил меня: могу ли я после этого вести бригаду на дальний пожар, который виднеется на горизонте. Я сказал, что сомневаюсь, так как люди устали, а дальний пожар наверняка находится от нас в 30–40 километрах (впоследствии это подтвердилось). На этом разговор кончился, начальство удалилось, а я снова занял горизонтальное положение.

Дня через три после этого жители нашего административно-технического барака поздравляют меня с наградой. «Какой?» — недоумевал я. Оказывается, на утреннем разводе в этот день был зачитан приказ о премировании 35-й бригады Бьёркелунда Бориса «пирогом с начинкой» с выражением ему благодарности за «распорядительность и находчивость» при тушении лесного пожара.

Пирог, которым я был премирован, представлял собой круглый ржаной хлеб с капустной начинкой, украшенный сверху ягодами клюквы и морковным пюре. Таких пирогов пекли каждый день 4–5 штук, они вручались отличившимся за день в проявлении трудовой ревности. Свой пирог я поднёс моим бригадным дамам, которые ответили мне 10 маленькими ржаными булочками, выдававшимися им ежедневно как дополнительное питание к обеду.

Этот случай показал мне, что в лагере также легко попасть в беду, как и отличиться. Хуже всего, что и то, и другое ни в коей мере не зависит от тебя самого, а может произойти автоматически, помимо твоей воли и желания.

Наконец наступил день моей отправки на 6-й лагпункт для устройства там «технического уголка». Меня предупредили, что брать с собой никаких вещей не надо, во-первых, потому что я еду всего на пару дней, а во-вторых, брать с собой вещи просто опасно в силу того, что я еду в одном вагоне с воровской шпаной, которая оберёт меня как миленького.

Вагон был обыкновенный, товарный, разделённый пополам сплошной продольной перегородкой на дамское и мужское отделения и отделённый поперечной решёткой от сопровождающего конвоя. 6-й лагпункт, куда я ехал, был в 20 километрах от станции Брусничная, и моё путешествие

должно было быть весьма непродолжительным. Таковы были теоретические расчёты, практически же конвой, который должен был меня встретить на станции Брусничная и проводить в лагерь, на станцию не явился, и я уехал на противоположный конец трассы, на 13-й лагпункт, находившийся от нас в 150 километрах; путешествие это заняло 12 часов, и мы прибыли туда уже утром.

На 13-м лагпункте не знали, что со мной делать. На моё предложение устроить им «технический уголок» администрация лагпункта ответила, что не знает, насколько им это необходимо, и вместо этого пообещала при первой возможности и оказии отправить меня на 6-й пункт, как у меня значилось в препроводительной бумаге. Оказия случилась через 6 дней. Я поехал, но опять промахнулся из-за конвоя и, проделав на этот раз 270 километров в противоположный конец трассы, прибыл на вторые сутки на 2-й лагпункт.

Там я прожил дня четыре, и после бесконечных разговоров и переговоров мне удалось уговорить начальника спецчасти отправить меня, так сказать, «домой», на 5-й лагпункт, куда я на следующий день и прибыл. В общем я проездил почти две недели, не сделав ничего, но весьма устав от кочевой жизни и всяких связанных с ней неудобств.

О «технических кабинетах» все забыли. Нарядчик, прослушав рассказ о моих злоключениях, рассмеялся и сказал:

— Хорошо, что вам удалось так скоро вернуться, у нас один человек так два месяца ездил. А относительно «техкабинетов» — это больше не актуально, это уже прошло. Завтра отдохнёте, а послезавтра придётся вам на общие работы идти; я думаю послать вас опять на опилки — это работа нетрудная, а вы будете иметь второй котёл и 800 граммов хлеба, ну а там, может, что и наклюнется.

Однако на общие работы мне идти не пришлось: к вечеру у меня поднялся жар, я был взят в санчасть, а на другой день на носу и щеках сделался рецидив «рожи». На пятый день я выздоровел и получил от санчасти освобождение от работ на четыре дня.

За эти четыре дня я нашёл себе новое занятие. Как я упоминал раньше, на территории завода находился дрожжевой завод, изготовлявший дрожжи из древесных опилок путём обработки их химическими препаратами. Получалась тёмная масса; если её поджарить на растительном масле, она принимала вид печёнки, и я слышал, что во время войны в Германии из такой массы делали суррогатную колбасу. Но в лагере не было жиров, на которых можно было бы её поджаривать, потому здесь массу выливали в тот же многострадальный суп, в результате чего в супе повышалось количество белков, но зато он делался отвратительным на вкус. К счастью, завод делал этих дрожжей всего 200 килограммов в день, бывали дни, когда завод не выпускал и ни одного килограмма. Обслуживать же он должен был 18 лагпунктов, так что в среднем каждый лагпункт получал свою порцию лишь один раз в месяц.

Директором завода была еврейка лет 38–40, а её муж — азербайджанец Алиев — был главным инженером-химиком. Эта пара только что отбыла десятилетний срок заключения в лагере по статье 58-й § 10 и, по освобождению, сочла за благо остаться при лагере. В ближайшее время пара ожидала прибавления семейства.

При заводе была химическая лаборатория, которой заведовала дама не первой молодости. Её все называли Александра Ивановна, на самом деле её имя было Суламифь. Она была еврейка, жена не то полпреда, не то торгпреда в Германии или Франции, после чистки 1936–1938 годов севшего, так сказать, всей семьёй. Сам он находился в другом лагере, а Суламифь с дочкой сидела у нас. Дочка жила с Марселем, о котором я упоминал как о капельмейстере оркестра, и в бытность мою хвоеваром я предоставлял им моё помещение для супружеских тет-а-тет. Видимо, Марсель рассказал Суламифи, что я ищу работу, и она предложила устроить меня заведующим хозяйством завода, что через несколько дней и осуществилось.

Я принял склады «химических препаратов». Приём был более чем поверхностный: они состояли из 10 вагонов известкового камня, наваленного вдоль подъездного пути; имелись ли действительно 10 вагонов — ни я, ни кто другой определить не могли. Далее в очень большом и хорошо построенном сарае с пятью большими двухстворчатыми дверьми, украшенными висячими замками, хранились 5 тонн суперфосфата и столько же мыльного камня. Количество тоже принималось на слово. Плохо было то, что у сарая не было задней стены, и потому двери с замками представляли собой лишь декорации. Как бы то ни было, я расписался в том, что указанное количество препаратов принял и тем вступил в исполнение своих обязанностей. Они были несложные: завод работал в две смены, и в 8 часов утра я выдавал химикаты на дневную смену, а в 3 часа дня — на ночную. В промежутке я отпуская на очередной лагпункт выпущенную заводом продукцию, и вот в этом был залог моих успехов.

Завод работал с невероятным убытком. Поставленное ему дневное задание — 200 килограммов — никоим образом не покрывало расходов по заводу, но благодаря неопытности химиков даже эти 200 килограммов не всегда удавалось получить, и бывали дни, когда вместо дрожжей на фильтрах оставался только незначительный налёт, напоминающий простую грязь. Учитывая, что на лагпунктах к нашим дрожжам относились презрительно и что за дрожжи с них денег не брали, я выписывал им накладные на 300 кг, которые они подписывали. Продукцию из фильтров принимал только я и взвешивал её только я один, поэтому на мой трюк никто вначале не обращал внимания, когда же по окончании месяца учли нашу производительность, то выяснилось, что мы перевыполнили план на 125%.

Директор завода и главный инженер-химик получили от Кухтикова благодарность, и в случае, если и дальше дело пойдёт столь успешно, им была обещана премия. Странно было то, что никто не сообразил моей комбинации и руководство завода серьёзно верило в перевыполнение

нормы. Что касается остального персонала, то успехи окрылили их, и они действительно повысили продукцию килограммов на 50 в день. Но так как случались пустые дни, то я решил ликвидировать и этот пробел.

— Послушайте, — сказал я Суламифь, — я не химик и мало понимаю в этом деле, но мне кажется, что сущность нашего процесса заключается в извлечении из древесины глюкозы для образования сусла, в котором могут размножиться дрожжевые грибы. Верно это?

— Да, — сказала Суламифь.

— Ну, в таком случае в те дни, когда в фильтрах ничего не остаётся, значит, сусло слабо и не имеет достаточно питательности. Не знаю, виноваты в этом наши химики-лаборанты или есть другие причины, например, в оборудовании завода, но мне кажется, что мы можем устранить эти явления, пуская в сусло овсяную лузгу. Лузга ведь тоже древесина, но она содержит в себе сахара безусловно больше, чем простые опилки.

Суламифь задумалась и сказала, что я, вероятно, прав, но только где взять эту лузгу?

— Но позвольте, основой нашего питания является каша, следовательно, в лагере имеется или должна иметься круподёрка. Ячмень она дробит с шелухой, но овёс она принуждена чистить от лузги — это раз, а два — я сам видел здесь на заводе сарайчик, в котором хранилось мешков 50 с овсяной лузгой; как выяснилось, ею кормили коз.

Мой совет был принят, и результат был положителен. Директорша говорила мне комплименты, а Кухтиков похвалил. Одновременно у меня завязывались знакомства с разного рода другими начальниками, имевшими огороды и нуждавшимися в суперфосфате, а жены их приходили ко мне с просьбой получить немного мыльного камня для варки мыла, которое было настолько дефицитным товаром, что нам для мытья давали глину с содой.

Несмотря на эти успехи и кажущееся упрочнение моего положения в лагере, моё моральное состояние было тяжёлое. Чувство погребённого заживо не покидало меня, вздорность моей гибели продолжала меня угнетать. Погибнуть за дело, в которое веришь и которому служишь, не обидно, но погибнуть по недоразумению, за компанию — это обидно. В разговорах с Деспотули я, правда, выражал надежду, что рано или поздно мы вырвемся на свободу, если только переживём войну с Америкой, в которую я, как большинство заключённых, свято верил. Нас нельзя осуждать за наивность, так как трудно было предположить, что Америка серьёзно, как это оказалось позже, сделает всё, чтобы самым добросовестным образом способствовать усилению своего главного и смертельного врага — Советского Союза. Деспотули в войну с Америкой не верил, а потому не верил и в возможность нам когда-либо вырваться из того положения, в котором мы очутились.

Был уже конец июля. Погода стояла роскошная, что несколько сказывалось на настроении. В это же время я получил письмо от жены. Трудно себе

представить, какую бурю чувств пробудило во мне это письмо. Во-первых, само письмо было на редкость красиво: это не была открытка, исписанная вдоль и поперёк, какие я получал до того; это был большой красивый конверт с красивыми марками и с наклейками «Express» и «Luftpost». Само же письмо на шести страницах было написано так, как пишет человек, желающий побеседовать на темы текущей жизни. Жена писала, что живёт на старой даче, что она купила себе маленькую собственную дачку, на которую хочет переехать на следующее лето, что её верховая лошадь поживает хорошо, и что она каждый день часа 2–3 ездит верхом. Дальше описывала, кто был у неё в гостях и к кому она сама ездила и т. д.

От этого письма на меня пахнуло моей старой «нормальной» жизнью. Одновременно я почувствовал близость жены, как будто я с ней поговорил. Всё это так меня взволновало, что я расплакался. Поуспокоившись, я через пару дней стал читать это письмо всем, кому было не лень слушать, и почему-то очень им гордился.

Впрочем всем этим переживаниям был быстро положен конец следующим обстоятельством. Идя после ужина в КВЧ, я остановился у витрины с «Правдой», чтобы ознакомиться с событиями. Вдруг ко мне подходит помощник нарядчика и говорит:

— Вы знаете, что вы завтра едете на 18-й лагпункт художником?

— Каким художником? — удивился я, забыв, что совсем недавно я думал выбрать в лагере именно эту специальность.

— Очевидно, художником КВЧ, — ответил собеседник, — на вас наряд пришёл.

Это был для меня удар. Я никак не мог разобраться в происходящем со мной. Мне казалось, что я так прочно устроился, что никто не мог быть заинтересован в моей переброске. Я тогда ещё не знал того, чему научился позже, а именно, что в советском лагере, как и во всём Советском Союзе, абсолютно ничего зря не бывает и что в каждом явлении или перемещении, кажущемся случайным, кроется задняя мысль. Была она и здесь, но я узнал об этом только полгода спустя.

Начальство моего завода попыталось сделать всё, чтобы удержать меня, но из этого ничего не вышло: полковник Кухтиков сперва обещал уладить этот вопрос в положительном для нас смысле, но потом заявил, что решение вопроса находится вне его компетенции, так как переброска предложена оперчекаотделом, так как еду по спецнаряду и, следовательно, меня не могут послать на общие работы, художники же везде живут неплохо.

Примерно через неделю я сдал свои «воздушные склады» из того, что я успел накопить в кладовой завода, после чего я распростился с друзьями и был помещён в тот же товарный вагон, в котором катался по трассе для устройства «технических уголков».

На этот раз поездка была для меня менее удачна, так как я ехал с вещами, которые жена прислала мне в паре посылок: большую часть этих вещей воры в дороге выкрали, разрезав мешок, на котором я для верности сидел.

Наутро я приехал на 13-й лагпункт, с которого нужно было ждать okazji, чтобы попасть на 18-й, недавно построенный и находящийся в 9 километрах в сторону от главной магистрали. Туда была проведена железнодорожная ветка, но движение совершалось случайно, когда подавали состав под погрузку. Дней пять пришлось мне дожидаться этой okazji.

Погода была дождливая, лагпункт лежал в низине и был настолько сырой, что всюду были проложены мостики. Бараки были старые, отчасти покосившиеся. Бригады были лесоповальные, и весь день люди проводили на работе; придя с неё и наскоро поев, они отправляли совершенно промокшее платье в просушку, а сами заваливались спать. Питание было хуже, чем на 5-м лагпункте, и вид людей отнюдь не радовал глаз. Это были какие-то тени, небритые, рваные и мокрые.

На шестой день мне дали солдата-конвоира, и я отправился в путь вместе с двумя женщинами, возвращавшимися на 18-й пункт после прохождения курса лечения сифилиса, и с длинным верзилой, только что освобождённым от лагеря и тотчас же по выходе укравшим на базаре кило масла, за что получил новый срок в один год. Своей неудачей он был несколько сконфужен, в особенности стеснялся своего возвращения на тот же лагпункт, с которого он месяц назад был освобождён.

— Засмеют, как пить дать засмеют, — говорил он.

НА НОВОМ МЕСТЕ

(18-й лагпункт)

Если моё прибытие на 5-й лагпункт прошло незаметно, то прибытие на 18-й было сенсацией. Сам лагпункт был новый, «с иголочки». Бараки были хорошие и комфортабельные, столовая и санчасть были весьма импозантные, постройки с колоннами в стиле ампир и сами по себе удобные и просторные. Весь состав «придурков», или административно-технического персонала, был давно сработавшийся, прибывший сюда вместе с начальником лагпункта Макаренко с 8-го лагпункта, где они вместе проработали четыре года. Из них я хотел бы особо отметить четырёх человек, ставших за короткий срок моего пребывания на 18-м лагпункте близкими мне людьми.

Первый из них — начальник производственно-плановой части, заключённый Григорий Иванович Лозовский. Лозовский был сыном последнего Царского вице-губернатора Эстляндской губернии¹²¹, он остался после революции во вновь образовавшейся Эстонской республике и организовал там фабрику искусственного шёлка. С течением времени он основал такие же предприятия в Гельсингфорсе, Праге и Белграде. Война положила предел развитию его дела. В 1940 году после присоединения Эстонии к Советскому Союзу он был арестован, получил 10 лет и попал в лагерь. Во время войны всюду был большой недостаток в людях, поэтому многие лагерные должности были замещены заключёнными без дублировки их вольными. Таким образом, Лозовский сделался начальником производственно-плановой части.

Бухгалтером вещесклада был Ицексон¹²². Он был рижский адвокат и домовладелец, в прошлом очень богатый человек. Он, как и его родители, был видным сионистом, и по присоединении Латвии он был арестован за принадлежность к буржуазной еврейской организации и награждён 5 годами ИТЛ, которые незадолго до моего приезда были ему заменены новыми 10 годами за восхваление буржуазного строя. Пока он бился в щупальцах советского спрута, немцы ликвидировали в Риге его жену и двоих детей. Отец и мать его, высланные как «капиталисты» из Риги в Сибирь, не выдержали испытаний и умерли в ссылке. Лола Ицексон был очаровательный человек, приятный во всех отношениях, и мы с ним очень сблизились.

Александр Сергеевич Голанков был по должности лесотехник, поскольку окончил Лесной техникум. По социальному положению был

сын видного коммунистического «пампа». Мне неизвестно, что привело его в лагерь, да ещё во время войны, но осуждён он был по 58-й статье. С Сашей Голанковым я прожил в одной комнате во всё время пребывания на 18-м пункте и сохранил об этом молодом человеке самое приятное воспоминание.

К нашей компании принадлежал ещё один довольно необычный молодой человек, богато и разносторонне одарённый. Будем звать его Колей. Он был сын раскулаченного крестьянина, погибшего в лагерях. В деревню, где он жил с матерью и сестрой, были высланы две классные дамы какого-то Петербургского института; они дали ему и его сестре первоклассное воспитание и образование. Он прекрасно владел французским и немецким языками, отлично знал русскую и мировую классическую литературу, играл на скрипке и обладал незаурядными художественными способностями. Кроме этого обладал большой физической силой и великолепным аппетитом, удовлетворить который мы старались общими силами. Спал он у нас в комнате на полу под столом, подкладывая тонкую подстилку. Днём он работал для лесотехника Голанкова, а по вечерам помогал пайкодатчику.

Нарядчиком на лагпункте был ленинградец Алексей Алексеевич Егоров. Он ходил в полуматросском обмундировании, и я его вначале принял за матроса, но это оказалось недоразумением. Мы с ним хорошо ладили, и я пользовался его особым покровительством по двум причинам: во-первых, я привёз ему рекомендацию от нарядчика с 5-го лагпункта, а во-вторых, он увлёкся самодеятельным театром в качестве режиссёра, а я творил ему декорации для его постановок. По лагерной и тюремной фразеологии он был «бытовик» — так называются люди, не принадлежащие к воровскому сословию, но совершившие такие уголовные преступления, как растрата, преступление по должности и пр.

Наконец, последний персонаж в нашей компании был художник КВЧ, до лагеря старший лейтенант службы снабжения, «махнувший» (продавший) на сторону два вагона сахара и севший за это на 10 лет по указу от седьмого-восьмого (7 августа).

В это время на командные должности в лагере стали назначаться демобилизованные офицеры военного времени, и в течение одного года все лагерные должности оказались замещёнными ими. Нужно отметить, что вначале они не совсем разбирались в обстановке и держали себя с нами на приятельской ноге, но позже высшее начальство обратило на это внимание, и их отношение к нам сильно изменилось. Незадолго до моего прибытия на 18-й лагпункт приехала целая плеяда демобилизованных офицеров во главе с начальником лагпункта капитаном Вяткиным¹²³, инвалидом Отечественной войны и кавалером многих орденов. Живущие вокруг лагеря и обслуживающие его люди были все немцы с Поволжья, разосланные после ликвидации автономной республики Немцев Поволжья во все концы Сибири¹²⁴.

Партийная зазонная ячейка тоже состояла из немцев, а председатель её был одновременно нашим вольным бухгалтером или, если хотите, наоборот. Конвой состоял из старых людей, рвавшихся демобилизоваться и не поддерживавших никакой дисциплины ни в своей, ни в нашей среде.

Лагпункт был на 100% лесоповальный, поэтому питание было лучше, чем на 5-м лагпункте, но в смысле одежды дело обстояло ещё хуже. Зона лагпункта занимала около одного квадратного километра и была покрыта тысячами пней от вырубленной тайги. Контингент заключённых состоял из 2000 мужчин, преимущественно криминальных, и около 800 женщин, в большинстве политических. Последнее указание требует разъяснения: среди женщин доминировали 18–20-летние деревенские девушки из присоединённой к Советскому Союзу Галиции, или Западной Украины, население которой было пропитано сепаратистскими тенденциями и ненавидело «москалей», как оно называло русских. Там свирепствовала партизанщина¹²⁵; в борьбе с ней советские власти выкачивали в ссылку и в лагеря всю молодёжь. В Вятский лагерь, когда я ещё был на 5-м лагпункте, прибыл маршрут, привёзший 2400 молоденьких украинок, обвинявшихся в помощи партизанам, в большинстве их братьям, отцам и женихам. Мораль этих девушек резко отличалась от морали лагерных женщин имевшихся там национальностей, не говоря уже о воровском контингенте женщин, способных заткнуть за пояс самого распущенного мужчину.

К счастью или несчастью, уже не знаю, большинство мужского лагерного населения было настолько истощено, что о женщинах и не мечтало и дальше сальных шуток и невероятно гнусных ругательств ни на что не было способно. Это не касалось лагерных «придурков» и лиц «командного состава» из заключённых, бригадиров, нарядчиков и пр. Эти позволяли себе большие вольности в отношении женского пола, и хотя официально сожителство с женщинами было воспрещено, но фактически, согласно неписанным лагерным законам, каждое такое лицо имело право на «лагерную жену», которую они часто меняли. Естественно, что в лагерных условиях, без всяких предохранительных мер, это вело к беременности, поэтому при каждом лагере имелся детский дом для рождающегося молодого поколения. Наши украинки держались довольно долго, но вскоре и они, во всяком случае, самые красивые и видные из них, пошли по рукам.

Особенно плохо было то, что в лагере свирепствовал сифилис и санчасть никак не могла найти источника новых заболеваний, пока совершенно случайно не обнаружилось, что таковым был заведующий кухней. Он брал к себе на кухню женщин для уборки и награждал их своим вниманием, а так как последствия сказывались через месяц, то он успел заразить около 20 женщин, которые в свою очередь заразили ещё несколько мужчин. Венерическая больница для всего лагеря находилась при 7-м лагпункте, который обслуживал мастерские музыкальных инструментов, гитар, балалаек, баянов, шарманок.

Таков был лагпункт, куда меня привели часам к 10 утра. По дороге нас захватил летний тёплый дождик, но когда мы подошли к громадным новым воротам лагеря, он прекратился, и воздух был наполнен ароматом свежей берёзовой листвы. У ворот пришлось довольно долго ждать, чтобы нас пропустили в зону.

Я присел на скамейке у ворот и почувствовал себя, как на даче. Откуда-то доносилось радио, играл вальс. Примерно через час я был впущен в зону и принят на вахте нарядчиком Егоровым, которому незамедлительно передал рекомендацию от нарядчика с 5-го лагпункта. Прочтя записку, Егоров представился и предложил мне пройти в баню для санобработки и отдыха, пока он меня куда-нибудь устроит на житьё.

По дороге к бане мы разговорились, и мой собеседник спросил, зачем меня прислали на 18-й. Я сказал, что не имею об этом понятия, но, насколько мне известно, я послан по спецнаряду художником. На это Егоров заметил, что художник на лагпункте есть и здесь что-то не то, но так как я послан по спецнаряду от Управления, то они занять меня другим не имеют права, но, конечно, работа для художника на лагпункте всегда найдётся, и он думает, что мне здесь будет неплохо.

Мне действительно, было неплохо, если принять во внимание, где я находился. При помещении столовой было две комнаты, из которых одна была для занятий с лесоповальщиками и обучения их повальному делу, а вторая была обозначена как комната для занятий с бригадирами. Если первая комната соответствовала своему назначению, то вторая была фактически квартирой лесотехника Голанкова, к которому в виде компаньона поместили меня.

Работы тоже нашлось достаточно. Мастер леса Смородинов откуда-то знал о моих «технических кабинетах», и начальник лагпункта поручил мне оборудовать таковой в комнате для лекций и в моей комнате. Кроме того, начальник приказал мне расписать в его кабинете потолок и изобразить в центре орден победы¹²⁶.

От кухни я получил задание расписать столовый зал и самую кухню, а нарядчик в качестве режиссёра заказал декорации для следующего спектакля. Всё это было бы хорошо, но ни у меня, ни у моих заказчиков не было красок для выполнения этих работ. Из этого затруднения меня вывел художник лагпункта Женя (фамилию его я забыл). Он попросил меня помочь сделать плакат, популяризовавший первую Сталинскую послевоенную пятилетку, так как сам он не художник и умеет только текстовать. (Это он делал тоже неважно, но быстро). Этой работы у него была масса, и вот по какой причине. Каждый день по телефону давалась сводка выполнения работ, или «плана», по советской терминологии, и указывались бригады и отдельные лица, перевыполнившие этот план. В ответ на это на другой день управление давало «телефонограммы» с объявлением благодарности отличившимся, которые Женя немедленно текстовал на щитах, сколоченных из неструганных и забелённых известью досок. Перед конторой лаг-

пункта, переименованной новыми военными начальниками в «Штабное помещение», был целый забор таких телеграмм, причём из управления их получали около 12 часов дня, а готовы они должны были быть к 6 часам вечера, к возвращению бригад с работ. За мою помощь Женя предоставил в моё распоряжение если не краски, которых у него было минимальное количество, то во всяком случае «красящие вещества»: сажу, медный и железный купорос, марганцовый калий, оранжевый стрептоцид — последние два из аптеки санчасти, а также красную глину, добываемую в одной из ям на самом лагпункте. Кроме того, он посвятил меня в секрет изготовления кистей из хвостов и грив лошадей и специально акварельных кистей из беличьих волос.

Я располагал акварельными красками и несколькими приличными кистями для них, присланными моей женой в посылке. К сожалению, присланные ею цветные карандаши были признаны «химическими» и были конфискованы при передаче посылки.

Почти сейчас же начались «портретные» заказы со стороны надзирателей и начальства. Заказчики не так гнались за сходством в лице, как за хорошим изображением орденов и медалей, украшавших грудь модели. Но «дающими» были только мои произведения для кухни и в столовом зале, так как за них я получал лучшие куски из имевшихся для раздачи.

В лагере существовало понятие, что «придуркам» неприлично самим ходить к окну, через которое выдавалась пища. За ней посылался дневальный с котелком, покрывавшимся миской или крышкой, дабы не было видно, что туда положено и сколько. «Придурок» ел сколько ему хотелось, а остальное отдавал дневальному в виде вознаграждения за его труд. На такой способ получения пищи должна была иметься санкция заведующего пищеблоком, санкция, которую просить, по этике лагеря, было нельзя. Повар или заведующий пищеблоком любезно говорил:

— Что вы себя затрудняете, посылайте дневального с котелком, я распоряжусь.

Такое заявление означало укрепление вашего положения в лагере и часто являлось следствием рекомендации начальства, говорившего заведующему пищеблоком при случае:

— Ты не обижай такого-то — имярек.

Официально система «котелков» не разрешалась, и об этом по временам делались распоряжения и напоминания, но они действовали в течение одного-двух дней, после чего всё шло по-старому.

Вторым «дающим» был нарядчик: за мои декоративные работы он распорядился выдавать мне через день пайку хлеба из хлебозрезки. Пайка была в 800 граммов, и если её продать, то можно было получить не 15 рублей, как на 5-м лагпункте, а 30. Этот послевоенный период был за зоной (на воле) настолько голодный, что хлеб (при условии, что остальные члены семьи не работали) выдавался, и то в ограниченном количестве, лишь одному человеку на семью. Поэтому хлеб продавался за зону жившим там «воль-

ным». По лагерной этике, нельзя было продавать этот хлеб самому, это делал дневальный и за это получал свою часть. На вырученные деньги ничего нельзя было купить кроме картошки, которая продавалась в свою очередь «вольными» по 12 рублей за килограмм. Переброска этих продуктов в зону и за зону производилась расконвоированными заключёнными и надзирателями. Через них можно было продавать и носильные вещи.

После того как я в так называемом гарнизоне, то есть помещении конвоя, расписал потолок знаками воинских отличий с орденами победы в центре, я окончательно прославился, и меня стали приглашать на квартиры офицеров для отделки в них стен и потолков. Плата за такие работы выражалась в угощении обедом.

Начальник ЧИС (части интендантского снабжения) был, видимо, великий пьяница и попросил все стены его двух комнат расписать бутылками всех известных мне сортов вина с надписью между ними: «Веселие Руси есть пити, не можем без того быти», что я выполнил и был награждён обедом с водкой.

Благодаря всему этому я имел возможность без конвоя выходить за зону и свободно передвигаться по всему посёлку. Длилось это с месяц и кончилось для меня неожиданно тем, что в то время, как я работал в казарме над каким-то лозунгом, ко мне подошёл неизвестный мне офицер и спросил, какая у меня статья и как я пришёл в казарму. Не подозревая, что спрашивающий был начальником конвойных войск Вятлага подполковник Матушкин, я сказал, что хожу без конвоя и пришёл в казарму сам. Матушкин мне ничего не сказал, но больше меня за пределы зоны не выпускали. Дело в том, что разрешения такого рода выдавались конвоем и имелись двух родов: первое, так называемое «расконвоирование», которому подлежали лица, срок которых подходил к концу, или род работы которых требовал свободы передвижения; и второе — «проход по доске», когда имя такого лица записывалось начальником режима на доску, находившуюся на вахте с отметкой на ней каждого выхода за зону и возвращения обратно. В первом случае требовалось разрешение от высшего командования конвоя, а во втором — согласие командира конвоя на данном лагпункте.

Вследствие того, что за последнее время конвой и режим в лагере распустились, Матушкин старался навести порядок и всё и всех подтянуть. Строгости вводились особенно в отношении осуждённых по 58-й статье, хотя как раз эта категория заключённых очень редко бежала, тогда как уголовный элемент постоянно делал попытки к побегу, правда, в большинстве случаев неудачные. Причина неудач заключалась в географическом положении Вятлага. Он был расположен в тайге, пересечённой бесчисленными реками, ручейками и болотами, территория лагеря была растянута на 175 километров, где все проходимые места охранялись конвойными пикетами. Местного населения было очень мало, а там, где оно было, оно очень враждебно относилось к бежавшему, потому что те, не имея никаких продовольственных резервов, занимались «самоснабжением», грабили

и крали на своём пути. Кроме того, жители, способствовавшие поимке «бегуна», получали вознаграждение — 300 рублей деньгами и мешок муки, что при существовавшем в стране недостатке продуктов было весьма заманчиво.

Зимой конвой вообще не сопровождал рабочих бригад; вместо этого делалось сторожевое оцепление, то есть в местах, где зимой можно было бы пройти, устанавливались пикеты, район работ обходился на некотором расстоянии по несколько раз в день лыжниками, которые в случае побега немедленно замечали следы на снегу и без всякого труда на лыжах нагоняли бежавшего.

Мне рассказывал один уголовник, как он при побеге плыл на бревне по одной из рек и в течение двух суток не встретил ни одного человека и не видел никакого жилья. Он считал себя уже вне опасности и «всплыл» прямо в руки пикету, стоявшему по обоим берегам реки, загороженной на этом месте связанными брёвнами.

По кодексу, за побег из лагеря давался срок по соответствующей статье с максимальным сроком в 5 лет, но для усиления наказания применялась 58-я статья § 14 о «саботаже», карающая сроком до 10 лет. Вследствие этого, когда были организованы специальные лагеря для «политических», в нашу среду попала масса уголовников, сидевших за побег по § 14. Наказание это кроме большого срока усугублялось тем, что по отбытии его такое лицо не могло вернуться на родину, а направлялось как осуждённое по политической статье в ссылку в Красноярский край, на Алтай или на Колыму.

Потеря мною прав выходить за зону меня особенно не огорчала, так как мне надоело раскрашивать у начальства стены и потолки, в особенности последние, потому что, проработав несколько часов с задранной головой, я начал страдать головокружением и головными болями.

Я уже упомянул, что на каждом лагпункте имеется «комендант» из заключённых, на обязанности которого лежит хозяйственно-административная задача внутри зоны. Это своего рода полицейский, следящий за порядком и чистотой. Как правило, это здоровый верзила с «большим горлом» и такими же кулаками, и если нарядчик был правой рукой оперуполномоченного, то комендант был таковым у начальника режима.

У нас на 18-м лагпункте комендантом был некий Саенко¹²⁷, обладавший всеми данными для своей должности, но по существу бывший весьма добродушным человеком. Он был племянником известного своей свирепостью начальника Харьковского ГПУ, слава которого как палача до сих пор живёт на Украине, но наш Саенко был похож на него только своей наружностью.

Как я говорил, в его распоряжении находились 10 поломоек, которых он сам выбирал и обкладывал любовной податью. Он рассказывал, что для этой цели им разработано расписание на каждый день, причём за день его обслуживали пять девушек, каждая в определённый час дня, когда она выполняла работы по мойке полов в бараках, а Саенко эту работу «контролировал». По воскресеньям у него и у его поломоек был «выходной день».

Вторым донжуаном, если можно в данном случае применить это наименование, был заведующий кухней. Это был старый лагерник, проведший в лагерях добрых 15 лет с небольшими перерывами. Он использовал свои привилегии набирать среди заключённых женщин судомоек и уборщиц на кухню. Таким постоянством, которое проявлял Саенко к своим полойкам, он не отличался, и состав его работниц был текучий, как и его романы. Как я уже упоминал, он оказался больным сифилисом и поэтому его избранницы несли тяжёлые последствия своего легкомыслия. Странно, что это обстоятельство не было открыто санчастью своевременно, хотя принимались все меры, чтобы открыть «очаг заразы». Производились медицинские осмотры разных заподозренных лиц, но он проскальзывал между пальцами, а заболевшие женщины, по непонятным причинам, его не выдавали.

Но в один прекрасный день правда открылась, виновный был отправлен на излечение, а начальник санчасти, вольный врач, лишился своего места за халатность, ибо лагерные правила вменяли ему в обязанности делать тщательный медицинский осмотр персонала кухни каждую неделю, и все назначения по пищеблоку должны были им санкционироваться.

Вновь прибывший начальник лагпункта капитан Вяткин, до сведения которого дошли шашни Саенко, решил положить им предел, для чего виновный был вызван для объяснений и увещеваний. Разговор, которого я случайно был свидетелем, был довольно бурным. Вяткин указал Саенко, что даже на воле предосудительно иметь десять любовниц, что это, с одной стороны, доказывает половую распущенность, недопустимую у советского человека, а с другой стороны — является злоупотреблением по должности и использованием служебного положения. То и другое карается советскими законами, и он, Вяткин, не может допустить такого явления в подчинённой ему части.

Саенко заявил, что на воле у него было больше десяти любовниц, так как он всегда обладал незаурядным темпераментом, а относительно законов, он никогда не слышал, чтобы ими карались связи такого рода. Относительно использования служебного положения — тоже неверно, так как он никого не насилует, а всё происходит по обоюдному согласию, и Вяткин может опросить поломоек, имеют ли они какие-либо претензии в отношении своего начальства. В заключение Саенко подчеркнул, что поломоек он вербует среди воровок, а не среди столь любезных Вяткину украинок, в отношении которых, учитывая их невинность и патриархальные взгляды, может быть, действительно это было бы плохо.

Вяткин на это возразил, что не собирается дебатировать по этим вопросам, но предлагает Саенко наметить себе «лагерную жену», как это делают другие «придурки», ибо он понимает, что молодой человек в его возрасте не может 10 лет обойтись без женщины, не впад в пучину других пороков. Саенко пытался выторговать себе двух жен, но начальник был

непреклонен. Проконтролировать, выполнил ли Саенко свои обещания, было трудно, и дело как-то заглохло.

За лето я получил ещё одну посылку от жены и пару открыток. Жена свои письма нумеровала, и потому я видел, что приблизительно половина писем до меня не дошла; кроме того, в своём последнем письме она сообщила мне, что получила обратно три посланных ею посылки.

Была уже осень. Зима в тех широтах наступает рано, и в конце октября выпал снег. По лагерным правилам, мы получали каждую неделю кинематографический сеанс, для чего в лагерь приезжала кинопередвижка. Фильмы по большей части были старые, главным образом захваченные в виде военной добычи в Германии. Однажды вечером, когда в столовом зале шёл такой сеанс, я пошёл в гости к Григорию Ивановичу Лозовскому, пригласившему меня на чашку чая с вишнёвым вареньем, которое он получил в посылке от жены. Мой сожитель Голанков пошёл смотреть фильм, и мы закрыли наше помещение на ключ. В лагере на ключ закрываются только служебные помещения — контора, хлеборезка, склады и т. д. Но мы пользовались этим правом, так как жили в «техническом кабинете», в комнате для занятий с бригадами, то есть как бы в служебном помещении.

Пока один смотрел фильм, а другой пил чай, пара воров выставила наши окна, один залез в наше помещение и стал передавать другому, стоявшему снаружи, всё наше имущество. Вероятно, они успели бы ограбить нас начисто и унести то немногое, что у нас было, если бы один из наших товарищей не вышел покурить во время антракта и не увидел эту операцию. Бросившись обратно в зал, он поднял тревогу, и через несколько минут несколько сот человек во главе с начальником лагпункта были на месте преступления. Воры были схвачены, вещи отобраны, и начался самосуд: их принялись избивать, били ногами. Я тоже прибежал, не зная, в чём дело, на отчаянные крики избиваемых, вопивших:

— Караул! Убивают!

Наконец Вяткин остановил избиение и велел отвести воров в изолятор. Стали проверять вещи; выяснилось, что всё в общем было цело, пропали только деньги, бывшие в кармане летних брюк Голанкова. По его словам, их было рублей 200. Тогда начальник приказал привести воров обратно. Стали допытываться, где те спрятали деньги. Воры не могли этого указать (я думаю, что деньги были украдены кем-то другим во время наведения порядка), тогда начальник разбил им физиономию в кровь, в то время как наиболее ретивые из толпы наносили им удары сзади руками и ногами в поясницу и спину. Экзекуция длилась минут десять, после чего воров уже унесли в изолятор.

На другой день их передали в санчасть, где один из них умер от «отёка лёгких», как гласил официальный акт вскрытия, нигде не упоминавший об избиении. Это обстоятельство помогло второму вору выйти сухим из воды, так как начальство, учитывая обстановку, не сочло возможным отдать его под суд.

На меня этот случай произвёл очень тяжёлое впечатление, тем более, что через несколько дней таким же образом искалечили дневального украинца по фамилии Однорог за пайку украденного им хлеба. В обоих случаях в избиении принимали участие главным образом лица административно-технического персонала из заключённых.

Наличие замка на нашем помещении имело не только положительные, но и отрицательные стороны. Дело в том, что вольные, обслуживающие наш лагерь, заводили шашни с заключёнными женщинами. До приезда Вяткина они брали их к себе на квартиры в качестве прислуги, но Вяткин, вступив в должность, разрешил это делать только женатым. Холостые нашли выход для встреч со своими пассиями, используя наше помещение: они просто заходили к нам и, попросив ключ от комнаты, предлагали нам пойти погулять на полчаса, что мы и делали безропотно. В особенности часто использовал эту возможность секретарь партийной ячейки, приволжский немец, бывший вольным бухгалтером.

В октябре месяце на лагпункт прибыл новый оперуполномоченный — капитан Зайцев. Он был переведён с другого лагпункта по собственной просьбе ввиду несколько комической причины, заключавшейся в том, что жена его, носившая ту же фамилию, была начальница санчасти лагпункта. Врач из заключённых был тоже Зайцев, и Зайцев же был нарядчик. Считая, что такая комбинация фамилий роняет его престиж, капитан Зайцев попросил о переводе его с «Заячьего» лагпункта на какой-нибудь другой и попал к нам.

По прибытии он согласно с существовавшим порядком стал вызывать к себе для знакомства всех лиц административно-технического персонала из заключённых и всех сидящих по статье 58-й. Был вызван и я. Осведомившись как я попал в советские лагеря, и побеседовав о Финляндии, о жизни в ней и о моей работе в качестве рекламиста, он спросил, не могу ли я скопировать ему картину Васнецова¹²⁸ «Три богатыря». Я ответил, что могу, но не имею достаточного количества необходимых красок. Зайцев сказал, что едет на днях в Киров и краски мне привезёт. Он это сделал, я засел за картину, а Зайцев стал ежедневно в разное время посещать мою комнату, чтобы, по его словам, посмотреть, как продвигается работа.

Такие визиты были мне крайне неприятны, они создавали у других заключённых впечатление какой-то моей близости с чекистом и могли заставить их подозревать во мне «стукача», что в лагере могло не только испортить отношения, но даже оказаться опасным для жизни. Я искренно думал, что движущим началом в визитах Зайцева была его заинтересованность моим художеством, тем более, что при своих посещениях он обыкновенно беседовал об искусстве, художниках, художественных школах и т. д.

На деле это оказалось не так. Однажды, когда моё помещение было занято секретарём партийной организации, а я гулял по главной дороге лагеря с Ициксоном в ожидании возможности попасть домой, ко мне подошел оперуполномоченный:

— Ну, как? Картина готова? Пойдемте-ка, посмотрим.

Я несколько растерялся и, замявшись, ответил, что помещение закрыто и, видимо, ключ взял с собой Голанков, ушедший на зону.

— Голанков? — сказал Зайцев. — Голанков дома. Он, вероятно, изнутри заперся, пойдёмте постучим.

Ситуация для меня была не из приятных: явившись к дому вместе с чекистом, я явно должен был дать повод подумать, что привёл его туда сам. Однако выхода у меня не было. Подойдя к крыльцу, Зайцев приказал мне стучать в дверь, а сам остался в стороне. На мои стуки никто не откликнулся, и я, обернувшись, заявил:

— Никого нет.

— Есть, — спокойно сказал Зайцев и стал барабанить в дверь кулаками, — откройте, здесь оперуполномоченный.

Дверь приоткрылась, мимо нас прошмыгнула женская фигура, закутанная в платок, и побежала в женскую зону. За ней вышел несколько сконфуженный секретарь.

— Отдайте художнику ключ и пойдёмте со мной прогуляться, — любезно промолвил Зайцев.

На этом визиты прекратились. Секретарь партийной организации был снят со своей должности, освобождён от работы и исчез с нашего горизонта. Что с ним стало потом, мне неизвестно, но на мне это никак не отразилось, ключей больше никто не просил, и мы с Голанковым избавились от неприятной обязанности быть хозяевами «дома свиданий начальствующего состава». К сожалению, сам Саша Голанков был большой донжуан, и мне часто приходилось быть свидетелем его любовных приключений, когда он на ночь приводил свою очередную «невесту».

Меня очень удивляла беззастенчивость этих дам, из которых одна была вольная и занимала должность начальницы культурно-воспитательной части. Очевидно, её увлечение тоже стало известно оперуполномоченному, и она была переведена в другой лагпункт, а к нам вместо неё явился очень молодой и очень симпатичный младший лейтенант Лебедев, лет, вероятно, девятнадцати.

Расставаясь с Голанковым, начальница плакала и причитала:

— Саша, Саша, как я без тебя буду.

Сам Саша был очень рад от неё избавиться и привёл на следующую ночь дебелую волжскую немку, которую, по его словам, он отбил от хлебопека, жуликоватого еврея, работавшего на воле в торговом аппарате. Свою должность в лагере он, видимо, тоже рассматривал, как торговое предприятие, так как при его освобождении, происшедшем при мне, у него обнаружилось тысяч пятьдесят денег, обстоятельство, несколько задержавшее его освобождение. Однако начальство не могло или не хотело доказать его злоупотребления, и дело ограничилось конфискацией этих денег, а сам он уехал безнаказанно продолжать свою деятельность на воле.

ЗАКОНЫ СОВЕТСКИЕ И ЗАКОНЫ ВОРОВСКИЕ

ВОРЫ И ИХ ОРГАНИЗАЦИИ

Как я уже упоминал, мне самому не пришлось присутствовать на советском суде, так как я был осуждён заочно Особым совещанием. Следователи, ведшие моё следствие, даже не были юристами и о юриспруденции не имели никакого представления, это были рядовые офицеры, откомандированные в распоряжение СМЕРШ'а и позже МГБ. В лагере мне пришлось видеть представителей судебного ведомства в лице прокуроров, ревизовавших наши места заключения, и слышать их разъяснения, которые отличались краткостью и невразумительностью. Я сам был свидетелем такого диалога между прокурором и одним заключённым, обратившимся к первому с каким-то вопросом:

— У вас какой срок? — спросил прокурор.

— 25 лет, — ответил вопрошаемый.

— За что дали?

— Да ни за что!

— Ну, это вы врёте, у нас ни за что 10 дают.

Поэтому меня не удивляло, что и заключённые и начальство говорили:

— Здесь закон — тайга, прокурор — медведь.

Тем более, что те прокуроры, которых мне пришлось видеть, производили впечатление малокультурных и необразованных людей и стояли по своему уровню даже ниже нашего лагерного начальства, состоявшего за малым исключением из офицеров военного времени, бывших до войны простыми обывателями с образованием ниже среднего.

Рассказы заключённых о судах над ними не были достоверными, так как они были до некоторой степени пострадавшими и потому пристрастными. Поэтому понятно, что когда на нашем лагерном пункте был устроен в назидание показательный суд, я очень им заинтересовался и просидел на нём от начала до конца.

Причиной устройства такого суда было убийство бригадира Мамаева одним из бригадников, топором расколовшим голову своего начальника. К этому делу было присоединено дело заведующей вольным ларьком за зоной, обвинявшейся в растрате 1200 рублей ларёчных денег, и одновременно совпавшим с этой растратой ограбление ларька расконвоированным заключённым. Некоторую пикантность придавало этому делу то обстоятельство, что заведующая ларьком была женой бывшего оперуполномоченного лагпунктом.

Прежде чем перейти к описанию суда и моих впечатлений, я должен коснуться советских воров в целом, а также их организации и законов. Я думаю, что не будет преувеличением сказать, что воровская организация фактически охватывает весь Советский Союз, является в этом Союзе единственной несоветской организацией, которая там существует и с которой власть, несмотря на все усилия, до сих пор не в силах справиться.

Большое количество криминального элемента обыкновенно свидетельствует об экономическом неблагополучии. Люди, не могущие удовлетворить свои потребности в рамках существующих законов, очень легко выскакивают за их пределы. Поэтому наблюдается сильное увеличение преступности во времена войны и экономических потрясений. Преступность по отношению к чужой собственности замечается во всех странах, но я думаю, что нигде она не достигает таких размеров, как в Советском Союзе, и в то же время нигде преступный элемент не ведёт такой отчаянной борьбы с государством, как там. Революция, Гражданская война, экономическое переустройство государства, коллективизация и связанные с ней депортации, ссылки, заключение людей в лагерь, наконец, война создали громадное количество беспризорных, справиться с которыми советское государство было до сих пор не в силах, хотя оно и предпринимало немало грандиозных и, по существу, разумных мер.

По иронии судьбы, как раз те организации, которые создавались для борьбы с этими явлениями, были школами и рассадниками преступности. Ещё Дзержинским были созданы приюты и колонии, куда направлялись сотни тысяч выброшенных на улицу детей; там они должны были обучаться ремёслам и получать образование, дабы затем вступить в ряды сознательных советских граждан. В большом масштабе туда поступали дети, прошедшие школу улицы и научившиеся воровству и разврату с самых ранних лет, и эти знания они распространили среди массы ребят, их ещё не освоивших. Колонии охранялись слабо, и ребята массами убегали оттуда, пополняя пробелы своего образования в воровском деле у взрослых преступников. Они вылавливались милицией и через тюрьмы и пересылки возвращались обратно в исправительные учреждения.

Как во всяком коллективе, создавалась своя этика, свои законы, свои понятия о чести, образцом коих служили соответствующие понятия взрослых воров. Воровской жаргон был разговорным языком этих ребят, и часто незнакомому с их жаргоном человеку было трудно понять, о чём они говорят. Чемодан назывался угол, костюм — блин, обыск — шмон и т. д. Такие слова искажали весь смысл рассказа в понятии слушавшего. Конечно, главную роль в моральном разложении играло отсутствие семьи, могущей дать какие-нибудь основы и понятия этики.

Этот процесс длился не год и не два, а 40 лет, создавались воровские поколения, связанные между собой школой и этикой детских колоний и воровского коллектива. «Вор» в понятии обывателя есть человек, что-то укравший. В воровском коллективе «вор» — звание почётное и присваиваемое

только лицу, имеющему солидный воровской и тюремный стаж, лицу, строго блюдущему законы и традиции воровской организации и называющему себя поэтому «честным вором-законником». Вор идёт только на «большие» дела, предоставляя мелкие «блатным», то есть молодым и незаслуженным воришкам. Чтобы именоваться «вором», он должен иметь за собой ряд крупных дел, дающих ему авторитет у блатной массы. Необходимой принадлежностью такого вора является жилетка, носящая название «правилки», которую он одевает, когда творит суд над своими однокашниками, в чём-либо нарушившими «воровские законы» и традиции. Производство такого суда, выносящего смертные приговоры особо провинившимся, называется «качать права», откуда, вероятно, и название жилетки — «правилка». Смертный приговор формулируется словами «поступить как с курвой». Распределение добычи производится также «вором».

Одним из основных положений воровских законов является абсолютное запрещение производить в лагере работу физического и административного характера, могущую быть полезной государству. Но должность бригадира рабочей бригады он занимать может, так как в противном случае имеющиеся в бригаде воры могут оказаться в зависимости от бригадира не вора, а это с воровской точки зрения недопустимо. Бригадир-вор не принуждает к работе имеющихся в бригаде воров, он даёт им должность счётчика или вовсе не даёт никакой должности, записывая им проценты, которые он вычитает из работ, произведённых бригадниками-«мужиками», то есть не ворами.

В тюрьме и в лагере вор — хозяин; он располагает и распоряжается всем имуществом «фраеров» и «мужиков». Воры обыкновенно очень азартные игроки в карты и кости. Карты у них самодельные, и играют они в штос. Игра идёт на «интерес», на деньги или предметы одежды, причём казенное обмундирование не котируется. Если у самих воров «тряпок» нет, то они играют на вещи «фраеров» и «мужиков», причём вы и не знаете, что в банке воров, играющих в стороне, находятся ваши брюки или ботинки. Вор, проигравший ваши вещи, должен их от вас отнять и передать выигравшему. Если ему это не удастся, то его дело поступает на суд старшего вора, надевающего для этого случая правилку и «качающего права».

На первый раз приговор бывает довольно снисходительный, ему могут заменить проигранную вещь другой, которую он обязан «достать», но в дальнейшем приговор может быть очень жестоким, так, например: провинившегося ведут к запретной зоне, он должен прыгнуть в неё и пройти по ней. Учитывая, что запретная зона находится под неусыпным контролем и что каждый обнаруженный на ней заключённый обстреливается без предупреждения конвоем с вышек, наказание это опасно для жизни и часто кончается смертью провинившегося.

В случае неисполнения этого приговора провинившегося просто убивают. Такие убийства обыкновенно остаются нераскрытыми; человека находили утром с перерезанным горлом, и свидетелей не находилось.

Разными мерами принуждения, а также поблажками лагерному начальству удалось расколоть воров и заставить некоторых из них работать. Таких воров «законники» окрестили «суками» и начали их убивать за «нарушение воровских законов и традиций»¹²⁹. Начальству пришлось разделять воюющие группы и следить за тем, чтобы «суки» и воры не очутились на одном лагпункте, ибо такая комбинация влекла за собой кровавую поножовщину.

Когда какой-нибудь этап подводили к лагпункту, то принимающее лицо спрашивало: «Враждующие есть? Воры, отходи направо, суки — налево!» По выполнении распоряжения начальство говорило: «Здесь сучий лагерь, конвой веди законников обратно» — или наоборот.

Позже воровская организация разбилась на кланы — «польские воры»¹³⁰, «синие ноготки»¹³¹ и др. Они то воевали с основной группой законников, то вступали с ними в соглашения, но все эти группы в равной мере уничтожали «сук», и наоборот.

Для борьбы с этой поножовщиной была введена смертная казнь за лагерное убийство, но это воров не останавливало, и кровавая расправа продолжалась. Убийство Мамаева было как раз произведено по приговору воровского суда, и поэтому мне было интересно видеть, как суд будет на это реагировать.

В столовом зале были установлены ряды скамеек, и почти весь наличный контингент лагеря с начальством и их женами в первом ряду заняли там места. Суд разместился на сцене. Судьёй была женщина интеллигентного вида, рядом с ней в качестве представителей народа сидели с двух сторон наши надзиратели. Прокурор был в судейской форме, а полагающийся казённый защитник напоминал персонаж из чеховских рассказов. Обвиняемый сидел на табуретке, так сказать, в партере, и отнюдь не пытался что-либо отрицать или оспаривать.

На вопрос судьи, чем он мотивирует свой поступок, подсудимый сказал, что совершил его по приговору воровского суда, присудившего Мамаева как «ссучившегося» вора к смерти, от которой он бегал 2 года, но теперь «правосудие» осуществилось. Слово было предоставлено прокурору, не отличавшемуся красноречием. Он счёл почему-то нужным процитировать передовицу из газеты «Правда», призывавшую к социалистическому восстановлению разрушенной войной родины. Поступок обвиняемого он связал с этой передовицей тем, что таковой поступок никак нельзя связать с содержанием этой статьи.

Выступивший после него защитник в очень короткой речи признал, что такое убийство не соответствует политике и установке коммунистической партии и советского правительства, и поэтому трудно оправдываемо, но он как защитник просит суд учесть недостаточное развитие подсудимого, на которого с юных лет оказывала отрицательное влияние среда, в которой он рос и развивался; эта среда дала ему неверную оценку социалистической действительности; он просил суд отнестись, учтя всё это, к подсудимому снисходительно.

Суд на совещание не удалился, а удалил из зала всех присутствовавших, предложив нам пойти покурить на свежем воздухе. Примерно через 5 минут мы были приглашены обратно, судья зачла приговор, согласно которому подсудимый был приговорён к смертной казни через расстрел. Его увезли в тот же вечер в Киров, где производились такого рода экзекуции.

Второе дело началось с допроса заключённого, произведшего взлом и кражу в ларьке. На вопрос судьи, признаётся ли он в совершённом преступлении, и если да, то что побудило совершить его, обвиняемый неожиданно заявил, что во взломе он признаётся, но кражи никакой не совершал. Судья спросила, как же он объясняет наличие у него пропавших из ларька продуктов, которые он ел, сидя на обочине канавы в 40 шагах от ограбленного ларька, где был захвачен. На это обвиняемый сказал, что взлом его попросила сделать заведующая ларьком, когда он был послан из лагеря для починки в ларьке двери; она желала спасти себя от обвинения в растрате, которую она совершила, продукты же, найденные у него, были не украдены, а даны ему заведующей в виде вознаграждения за учинённый взлом.

Заведующая ларьком не отрицала растраты, ссылаясь на неумелое ведение дела, но категорически отрицала сговор со взломщиком. Должен сказать, что женщина-судья повела в дальнейшем дело очень политично и умело и рядом вопросов привела подсудимого к явным противоречиям в его показаниях, из которых вытекало, что дверь он чинил, когда дело о растрате было уже официально зафиксировано и взлом не мог избавить заведующую от ответственности. Кроме того, судье удалось выяснить, что, когда, по словам подсудимого, заведующая договаривалась с ним о взломе, ларёк был уже сдан другому лицу, и она никак не могла наградить подсудимого товаром из ларька.

Второй процесс затянулся, настало время ужинать, что и было сообщено судье влезшим на сцену начальником лагпункта. Судья быстро закончила судоговорение и предоставила слово прокурору, который быстро и коротко заявил, что он считает доказанным и взлом, и кражу, и сговор, и растрату, и требует наказания виновных по статьям таким-то с назначением им 5 лет исправительно-трудовых лагерей.

Защитник, собирая свои бумаги в портфель, в столь же коротких словах сказал, что считает доказанным кражу со взломом и растрату, но совершенно недоказанным сговор и побуждение ко взлому со стороны заведующей ларьком и просил отнестись к подсудимым снисходительно, учитывая, что подсудимого толкнул на преступление голод, а подсудимую — неопытность и легкомыслие.

На этот раз суд сам удалился на совещание за кулисы сцены, на которой сидел, и, вернувшись через 5 минут, вынес приговор, по которому взломщик получил 3 года исправительных лагерей, а заведующая — 6 месяцев тюрьмы, условно, с обязательством выплатить растроченные деньги.

КАТАСТРОФА

Кровью моего сердца
Пишу я эти строки.

В начале ноября начальник КВЧ младший лейтенант Лебедев спросил меня, не хочу ли я проехать на 7-й лагпункт, чтобы привезти из музыкальной мастерской отпущенные нам по наряду балалайки, гитары и баян, для какой-то цели со мной, кроме конвоира, поедет наш баянист. Баянист этот был горе-баянист: он умел играть две-три вещи, которые исполнял и при разводе, и во время обеда в столовом зале. Злые языки говорили, что это не три вещи, а одна, и называется «Каши мало, я не сыт».

Я согласился, желая проветриться после монотонной лагерной жизни. В одно пригожее морозное утро я, сопровождаемый баянистом и косоглазым неказистым старым солдатом, проделал девятикилометровый путь до 13-го лагпункта; там мы сели на поезд и к 3 часам дня были на 7-м. Инструментов нам дали больше, чем мы рассчитывали, — штук 15, а баяна не дали, сказав, что сейчас готовых нет.

Мы нагрузились гитарами и балалайками, которые, хоть и были лёгкими, но очень неудобными для носки, и отправились обратно. По трассе за сутки в каждый конец проходил только один поезд, имевший арестантский вагон, и нам пришлось взгромоздиться на товарный поезд, вёзший брёвна. Ехать, правда, нужно было только два часа, но мы на свежем воздухе сильно промёрзли, в особенности старик-конвоир.

На станции 13-го лагпункта было жарко натоплено, мы проголодались и разморились. Нам не хотелось идти пешком ещё 9 километров, и мы стали ждать okazji. Баянист попросил конвоира свести его на 13-й, где, по его словам, лежали две посылки из дома. Конвоир согласился, и они ушли, оставив меня одного со всей музыкой на станции.

Было часов 9 вечера. Через час мои компаньоны вернулись с большим мешком продуктов, и баянист, дав денег, попросил конвоира купить водки. Конвоир удалился и вернулся через полчаса с бутылкой водки, половину которой он выпил по дороге в виде вознаграждения за труды. Мы тоже отпили немного, закусив из посылки хлебом с маслом и колбасой, угостили и дежурного по станции, обещавшего нам паровоз в 3 часа ночи.

Пока мы закусывали, вели переговоры и т. д., конвоир заснул богатырским сном, и когда часа в 2 ночи мы его растолкали, он попросил опохмелиться для «бодрости», но, допив оставшееся в бутылке, оказался окончательно и безнадежно пьян. В это время подали паровоз с составом под погрузку, находившуюся в двух километрах от нашего лагпункта. Благодаря

этому мы могли проехать почти всю нашу дорогу, но тут создались трудности, предвидеть которые мы могли бы, но не предвидели, а именно — так как наш конвоир оказался пьян, как стелька, то нам, кроме гитар с балалайками и мешками с посылкой баяниста, пришлось волочить ещё и конвоира с винтовкой. С большим трудом мы взгромодили наш товар на тендер, и нам удалось уговорить машиниста подвезти нас к самому лагпункту. Тут мы сдали нашего конвоира вахтёру и благословили судьбу, что добрались до лагпункта.

Более двух месяцев я не имел сообщений из дома и сильно скучал. Раньше хоть половина писем доходила, а теперь — ничего. Я написал письмо в Москву в Финляндскую миссию, хотя знал, что это довольно ненадёжное дело, так как в Москве посланником сидел некий Сундстрём¹³², которого я хорошо знал по Гельсингфорсу.

Сын богатых родителей и сам очень состоятельный человек, он вначале пытался сделаться врачом, но, видя, что это требует больших усилий, решил заняться политикой, а так как и для политики нужны мозги, то он избрал лёгкий путь многих ренегатов, примкнув к самым крайним элементам, но предусмотрительно в коммунистическую партию не вступил. Расчёт оказался верным, он прошёл в Риксдаг¹³³ и там повел себя так, что властям во время войны пришлось посадить его в тюрьму. После капитуляции Финляндии негодяй сразу занял видное положение, сделавшись тальманом (председателем) Риксдага. Находившееся тогда у власти прокоммунистическое правительство вскоре назначило его посланником в Москву. Позже его перевели в Китай, где он, на счастье своей родины, и скончался.

Он был известен мне с молодых лет и часто бывал у меня в доме, но зная, что он из себя представляет, я не рассчитывал на его помощь, хотя думал, что, кроме этого господина, в Финляндской миссии должны быть и приличные люди, могущие передать мою весточку жене. Но эта надежда оказалась тщетной.

Как я уже упоминал, наш доктор-колонист в связи с сифилитической историей исчез с нашего горизонта, и санчасть возглавила жена оперуполномоченного Зайцева, смазливая подкрашенная женщина, имевшая звание фельдшерицы. Врачом был заключённый, доктор Надеждин из Белоруссии, человек милый и симпатичный. Он был собственно не заключённый, а подследственный, но ввиду затянувшегося следствия был отослан в лагерь, так сказать, авансом. Позже он был реабилитирован и освобождён.

В санчасти я красил по его просьбе инструментальные шкафы в белый цвет мелом с клейстером. Закончив работу, я пришёл сообщить ему об этом, он поблагодарил меня и сказал, что предоставляет мне койку в стационаре, которую я должен немедленно занять. Мое недоумение такой «любезностью» он разъяснил:

— У вас, мой друг, эпидемическая желтуха, я вижу это по глазам, дня через два-три вы и весь пожелтеете.

Так и случилось, я весь пожелтел, даже зубы стали жёлтые. Лекарств, требующихся при этой болезни, видимо, не было, я получил лишь уротропин как мочегонное и 300 граммов сахара в день. Я пролежал в стационаре дней пять, когда ко мне явился нарядчик и несколько смущённо сообщил, что из Управления пришёл на меня наряд, предписывающий немедленно отправить меня в штрафную тюрьму при 15-м штрафном лагпункте.

Я должен сделать отступление и объяснить, что из себя представляло это учреждение. В Вятлаге в то время было около 50 000 заключённых, из них было отобрано около 2000 наиболее закоренелых и отчаянных, они не работали, крали, грабили и т. д. Начальство не могло с ними справиться. Таких отправляли на 15-й штрафной лагпункт. Женщины попадали туда главным образом за проституцию, или за «сожительство», как это звучало на официальном языке. Лагпункт постоянно находился на «военном положении» во избежание бунтов и для подавления анархических настроений его обитателей. До этого лагпункта новое офицерское начальство ещё не добралось, и он возглавлялся довоенными лагерными «специалистами» заплечного дела, малоинтеллигентными людьми. Из 24 жилых бараков — были бараки усиленного режима с решётками на окнах и железными дверями на тяжёлых засовах и замках. Бригады выводились на работы и по возвращении с них запирались в эти бараки на замок. Туда же им приносили еду в соответствующей посуде. Путно работать эти люди даже при желании не могли, так как были до крайности истощены и в большинстве были дистрофики, поэтому положение, связанное в лагере с выполнением плана, было отчаянное. Попытки побегов, как правило неудачные, были очень часты, а начальник гарнизона был известен тем, что пристреливал всех бегунов. Иногда побеги совершались вдвоём или втроём, и после них в лагерь привозили два или три трупа, которые в голом виде клались при утреннем разводе около вахты, и весь контингент, выводимый на работу, маршировал под звуки баяна, игравшего на платформе, построенной для баяниста, мимо этих трупов, лежавших с перебитыми пулями руками и ногами и простреленными головами.

Затем в санчасти производилось вскрытие трупов, причём вынутый мозг и вырезанные внутренности закладывались в живот, и продольный разрез через труп зашивался кишками вскрытого.

Как раз в это время был изменён способ вывозки трупов убитых или умерших в лагере. До этого вскрывались трупы только тех лиц, установить причину смерти которых врач не мог. Поэтому для избежания вывоза за зону живого человека под видом трупа вахтёру на вахте вменялось в обязанность прокалывать труп штыком в нескольких местах. Теперь при каждом случае смерти делалось вскрытие с составлением акта в присутствии оперуполномоченного. Кроме того, больше не разрешалось хоронить трупы голыми: на них стали надевать рваные трусики и тельняшки, а ящик из горбылей, в котором ассенизатор увозил труп в лес, чтобы его там закопать, был заменён гробом или ящиком из досок.

При штрафном лагпункте функционировала штрафная тюрьма, официально именованная «Штрафные бригады 15-го лагпункта». Это был отдельный длинный деревянный барак, стоявший в собственной отдельной зоне и вмещавший 28 камер размером три метра на три с половиной, из которых два метра занимали двухъярусные сплошные нары. Кроме того, в этом бараке было два карцера, представлявших собой длинные коридоры в метр шириной с полами, крытыми кровельным железом, и с дыркой в наружной стене размером в 10 сантиметров на 15, прикрытой снаружи стёклышком на гвоздях. Зимой температура в этих карцерах была 4–5 градусов тепла, а людей туда сажали в нижнем белье и босиком. Стараясь спастись от холодного пола, они становились на бревна стен, растопырив ноги, но, простояв так несколько часов, обессилев, падали на пол. Особенно тяжело переживали этот ледяной карцер уроженцы юга, они часами кричали, пока не теряли голоса. Иногда люди буянили, тогда их зашнуровывали в смирительные рубашки и затыкали рот кляпом, оставляя сутками лежать на железном полу неподвижными и затёкшими. В такой карцер заключённый мог попасть за отказ от работы, за грубость по отношению к начальству, за закуренную в камере папироску и т.п. Больше как на трое суток в такой карцер не сажали, но могли повторять наказание через несколько дней, после чего человека приходилось на носилках отправлять в санчасть.

В штрафную тюрьму сажали на срок от одного до трёх месяцев; после этих трёх месяцев человек становился инвалидом, в особенности, если, как это случалось, он отрубал себе на работе топором пальцы или всю кисть руки. Такие люди назывались «саморубами» и на 15-м лагпункте были сведены в одну бригаду. За этот поступок лагерный суд карал их 10 новыми годами лагерей, но им, по существу, это было безразлично, потому что их как инвалидов больше не принуждали к тяжёлой работе.

Начальником этой тюрьмы был младший лейтенант Шиврин¹³⁴, выслужившийся из простых надзирателей своей исключительной жестокостью. Отсюда эта тюрьма называлась «Шивринской академией», и человек, прошедший её, пользовался у блатных и воров исключительным уважением, что я позже испытал на себе.

Всё это я слышал до моего поступления в это учреждение. Но слушал я и воспринимал примерно так, как воспринимали обыватели рассказы о гитлеровских газовых камерах для евреев: это, конечно, нехорошо, это даже возмутительно, но я сам не еврей, и непосредственной опасности мне лично нет. Так и я в данном случае считал, что я не грабил, не воровал, от работы не отказывался и ни с кем не «сожительствовал». Скажу больше, я даже думал, что с преступным элементом другими мерами и справиться трудно. Поэтому понятны мои замешательство и растерянность, которые я испытал, услышав такую неожиданную для меня новость, притом мне была непонятна причина, могущая вызвать такую меру.

И начальница санчасти и врач сказали мне, что, вероятно, им удастся отсрочить мою отправку на «штрафняк» ввиду моей болезни, но чекисты проявили достаточно жестокости, потребовав моей немедленной отправки и распорядившись, что если я не в состоянии идти, снести меня туда хотя бы на носилках. Это распоряжение было скреплено начальником оперативного отделения Управления Вольским¹³⁵. Фамилию Вольский он взял во время войны; до войны его фамилия была, как это ни странно, Хитлер¹³⁶. Это был матерый старый чекист, еврей, всю свою жизнь проработавший в Че-Ка, ГПУ и затем МГБ. Санчасть спасовала перед его приказом, и в ближайший день я должен был быть отправлен по назначению.

Товарищи мои, не говоря этого прямо, прощались со мной, как с человеком, идущим на гильотину. Даже начальство было смущено и смотрело как-то в сторону. Милый Лола Ицексон забрал у меня всё моё имущество и сдал его в каптёрку. Брать с собой ничего не рекомендовалось, так как там всё отнимут или украдут. Взамен моих вещей на меня была надета всякая рвань, имевшаяся в распоряжении моих товарищей, главное, чтобы было тепло, так как неизвестно, какая температура царит в тюрьме. По прямой линии 15-й лагпункт находился от 18-го километра в десяти, и этот путь я проделал лесными тропинками с двумя конвоирами в два с половиной часа.

Глава десятая

АД

Оставь надежду
всяк сюда входящий.

Был апрель 1947 года. Стояла оттепель. Длинное деревянное здание тюрьмы было серо и мокро, небольшое пространство окружающей её земли было обнесено четырёхметровым забором с тремя рядами колючей проволоки и с вышками для охраны по углам. Вывеска на воротах гласила: «Штрафная бригада 15-го лагпункта». На большом пространстве от забора тюремной зоны виднелись чёрные пни, вылезавшие из талого снега, слева в полукилометре возвышался тын 15-го лагпункта с доминирующими над ним вышками. Всё было пасмурно, серо и грязно.

Конвоиры свели меня в комнату, изображавшую контору тюрьмы. За столом сидел человек в одежде заключённого, каковым он и был. Это был комендант тюрьмы Сергей Николаевич Прокопенко.

— Ага, привели! — воскликнул он, увидя меня. — Постановление на вас пришло уже две недели назад, сейчас я вам его зачитаю: «За нелегальную связь из лагеря с границей заключённый Бьёркелунд Борис Вольдемарович, 1893 года рождения, водворяется на 3 (три) месяца в штрафную тюрьму». Всё, расписываться не надо.

Конвоир, получив расписку в моём приёме, удалился, и вместо него около меня оказался надзиратель в форме МВД с небольшой бородкой и ястребиными глазами. Позже выяснилось, что он был заместителем начальника тюрьмы с удивительно подходящей для его должности фамилией — Каторгин (интересно, что этой игры слов ни он сам, ни заключённые не замечали).

— Пойдём, — сказал мне этот гражданин и сильным толчком выпихнул меня в тёмную прихожую с полом мокрым и грязным от многих прошедших здесь ног.

— Раздевайся!

Я был слаб от болезни и от десятикилометрового марша, меня фактически качало, и я оглянулся — нет ли где табуретки, чтобы сесть для раздевания. Но Каторгин был нетерпелив:

— Раздевайся, я тебе говорю, разуйся и снимай платье, всё догола и живо!

После этих слов он наградил меня основательным подзатыльником. Я упал на пол и растерянно стал расшнуровывать советские ботинки, зашнурованные сыромятными ремешками.

Трудно себе представить более жалкую фигуру, чем ту, которую я представлял собой, стоя босиком на грязном полу, дрожа от холода и собирая с пола разбросанные в разные стороны предметы моего туалета.

— Забирай всё так, идём в камеру!

Идти было недалеко, камера, в которую привёл меня Каторгин, была прямо у двери прихожей, где я раздевался. Окованная железом дверь с «глазком» вела в помещение в три метра на три с половиной, из которых два метра в длину занимали двухэтажные нары, покрытые ватными грязными и рваными тюфяками, сделанными из старых ватных телогреек и штанов. У самой двери стояла деревянная кадка-параша, правда, пустая, но издававшая сильную аммиачную вонь. Печь была огорожена на некотором от неё расстоянии сваренными в местах перекрещивания железными полосами, из них же была решётка на маленьком мутном и затянутом паутиной окне.

Нижние нары были пустые, на верхних валялось несколько рваных бушлатов, видимо, служивших одеялами. Внизу было холодно, а на верхних — тепло. Я натянул на себя платье и влез наверх. Была мёртвая тишина, я прикрылся бушлатом и, обессиленный, стал дремать. У меня явно поднималась температура, в голове гудело, и я впал в забытё. Оно было нарушено шумом шагов и разговором многих людей, расходившихся по коридору. Послышались стуки открываемых дверей, какие-то выкрики, лязганье засовов и ключей. Это штрафные бригады пришли с работы.

— Ого, новенький! Откуда? Кто? За что?

Мы познакомились. Четверо сейчас же по приходе отправились с надзирателем на лагпункт за ужином. Это являлось привилегией: из 70 человек, сидевших в тюрьме, только четверо пользовались этим правом, а так как они были воры, то через них шло всё снабжение остальных воров новостями, хлебом и табаком, которые пересылались им товарищами с лагпункта, где достать и хлеб, и табак было легче, чем в тюрьме.

Мне не нужно было объяснять, что четверо моих новых товарищей по камере были ворами: у всех у них на шее были кресты на коротком шнурке. Это тоже представляет своего рода протест: власть безбожная и креста не признаёт — воры надевают кресты. На теле у блатных и воров вытатуированы целые картинные галереи, причём рисунки повторяются одни и те же: орёл с развёрнутыми крыльями, держащий в когтях нагую женщину, на груди, несколько нагих женщин, на спине или на руках почти всегда могила с крестом и надпись: «Не забуду мать родную». У воров и воровок бывали, конечно, надписи и менее невинного содержания. Я сам был однажды весьма ошарашен, когда одна из «артисток» самодеятельности 15-го лагпункта, которую я почитал за вполне приличную женщину, явилась ко мне летом в пляжном костюме, одной из принадлежностей коего были довольно короткие трусики, дававшие возможность прочесть у неё

на ляжке вытатуированную надпись «Умру за горячую любовь», причём последнее слово было наиболее циничное. Весьма излюбленным мотивом были также бабочки¹³⁷. На пересылках татуировка воров заносилась в их формуляры, и я сам был свидетель того, что воров, обменявшихся документами или располагавших фальшивыми, изобличали по их татуировкам.

В тот момент мне было не до татуировок и ни до чего вообще, у меня был жар, и я плохо соображал, что со мной происходит. Я закутал голову в бушлат и погрузился в забытьё.

— Бьёркелунд, идите к врачу, — неожиданно услышал я, и кто-то потянул меня за ногу — это был Прокопенко. Я слез с нар и последовал за ним по слабо освещённому коридору. Врача, правда, не оказалось, а был фельдшер, который спросил меня, на что я жалуюсь, и когда я сообщил ему, что у меня эпидемическая желтуха, он свистнул и сказал, что завтра меня переведут в стационар. На другой день меня действительно перевели в стационар на лагпункте, и очень милый пожилой врач-заключённый, осмотрев меня, сказал:

— Это, конечно, очень неприятно, но нет худа без добра: у вас трёхмесячный тюремный срок — вы проведёте его здесь. Правда, у нас ничего кроме уротропина нет, чтобы давать вам, но у вас здоровое сердце, и вы, я уверен, кризис переживёте. Большинство погибает при этой болезни от высокой температуры, бывает до 41 градуса, что при слабом сердце нехорошо.

Должен сказать, что в стационаре мне понравилось ещё меньше, чем в штрафной тюрьме. Там было, по крайней мере, тепло, во всяком случае на верхних нарах, здесь же царил жестокий холод, так как лагпункт переживал постоянно топливный кризис. В тюрьме можно было вернуться в свой и чужой бушлат, в стационаре все вещи отобрали и дали бумажный мешок со стружками, одну простыню и стёртое, совсем не гревшее одеяло из ватных ниток. В тюрьме еда была отчаянная, но и здесь было не лучше.

Впрочем примерно через неделю всё начало образовываться: где-то достали дров, меня перевели к печке и дали второе одеяло. Приближалось Рождество, самый большой праздник у нас в Финляндии, и при этом семейный. Это обстоятельство, конечно, отразилось на моём моральном состоянии, было тяжело на душе. Кто-то принёс пару еловых веточек, взятых у хвоевара, и я воткнул одну из них между брёвен около моей кровати. «Ёлка»... Как много воспоминаний заключалось в этом слове... Однако на другой день надзиратель, пришедший нас считать, отобрал веточки, сказав:

— Не допускается!

24 декабря в виде рождественского подарка было приказано перевести меня обратно в тюрьму. Приказание исходило от оперчекаотдела, и врач, смущённо сообщивший мне эту новость, заметил:

— Конечно, это незаконно, но у нас в настоящий момент нет вольного начальника санчасти, который мог бы отстоять вас, а я, сами понимаете, ничего не могу сделать. Однако обещаю, что буду следить за вашим здоровьем в тюрьме.

Я поблагодарил и, переодевшись, отправился обратно в тюрьму. Советский Хитлер оказался мстительным и, видимо, хотел меня доконать, да это было и нетрудно. Продолжительный пост (я почти ничего не ел: от одного запаха капустного супа меня тошнило), постоянно повышенная температура сделали своё дело, и, добравшись до тюрьмы, я, обессиленный, рухнул на нары, подумав почти с облегчением, что конец мой, вероятно, очень близок.

Это было другая камера, почти вдвое больше. На верхних нарах восседало 6 человек. Они сидели по-турецки и солидно беседовали друг с другом. В виде служащего при них состоял молодой блатной, услуги которого заключались в выполнении вещей, запрещённых в тюрьме и влекущих за собой наказание карцером, как, например, добывание огня путём трения доской куска ваты об пол, а также в выносе дважды в день параши. Сами воры себя этим не утруждали. Все они чистые, имели ватные одеяла, покрытые ситцем, и даже такие же подушки. Все они получали ежедневно с лагпункта дополнительные хлебные пайки, махорку и были освобождены от работ. Надзиратель никогда не делал им никаких замечаний.

Между тем по утрам, когда бригады выводились на работы, в коридоре почти ежедневно происходили избиения «отказников» от работы, раздавались вопли и просто крики «убивают!». Бывали дни, когда люди, посаженные в карцер, сутками выли и кричали благим матом, но если этого не случалось, то в тюрьме было тихо.

Мои товарищи по камере имели нормальные фамилии, значащиеся в их формулярах, но почти никому неизвестные, тогда как их воровские клички были известны не только в самом лагере, но и за его пределами. Со мной сидели «Санька-Слон», «Петька-Сопля», «Заика», «Лёнька-Шоколад» и т.д. У меня с ними установились хорошие отношения, и я развлекал их различными рассказами. Они никогда не употребляли в разговорах ругательств, так распространённых среди блатных вообще.

В смысле общего образования пробелы были колоссальные. Они почти ничего не читали, хотя все были грамотны, довольствуясь изустными рассказами, называемыми ими романами с ударением на первом слоге.

Между прочим, как-то в разговоре «Санька-Слон» высказал мнение, что Ленин был, несомненно, разносторонне одарённым человеком, так как кроме «новой социальной системы» (под ней он подразумевал НЭП), совершенно искажённой его последователями, он придумал электрическую лампочку. На моё возражение, что лампочка является изобретением Эдисона¹³⁸, а не Ленина, Санька-Слон выразил недоумение, почему же тогда в Советском Союзе она называется «лампочкой Ильича»?

Когда разговор у нас коснулся фамилий моих сокамерников, то они, смеясь, сказали, что их фамилии фальшивые, и что, выходя из лагеря, они почти каждый раз обзаводятся новыми документами. Дальше выяснилось, что и сроки их наказаний не всегда верные, так как сроки можно проиграть и выиграть в карты; иногда люди на этом попадают, но в большинстве случаев это удаётся безболезненно.

В начале января произошёл столь долго ожидаемый мною «кризис». Какая у меня была температура — я не знаю, но дня три я лежал без сознания. Я не знаю также, была ли мне оказана за это время какая-либо медицинская помощь. Когда я пришёл в себя, я лежал в той же камере и той же компании, сообщившей мне, что они не рассчитывали на возможность моего выздоровления и несколько раз вызывали надзирателя вынести мой труп.

Фельдшер, посещавший тюрьму, сказал, что опасность для жизни миновала и теперь мне нужно больше есть, чтобы набрать сил. Это я знал и без него, но вопрос заключался в том — чем питаться? Кроме капустной воды, 400 граммов ячневой сечки и 600 граммов отчаянно тяжёлого и неизвестно из чего выпеченного хлеба ничего не было. Я был истощён до крайности. Теперь появился аппетит, и я был всё время голоден.

В конце февраля меня вызвал начальник тюрьмы Шиврин и спросил, не шокирует ли меня компания, с которой я сижу. Когда я ответил отрицательно, он сказал, что получено распоряжение перевести меня в отдельную камеру.

— Другими словами, вы хотите посадить меня в одиночку? — спросил я.

— Нет, отнюдь нет, я дам вам более приличных сокамерников, а кроме того я назначаю вас дворником — не пугайтесь этого слова — вы будете иметь возможность выходить из камеры, когда захотите, будете чистить снег на дворе и колоть дрова, пильщик же будет другой. За это вы будете получать днём дополнительно суп и кашу.

Мне ничего не оставалось, как поблагодарить. Как ни странно, с работой дворника я справлялся, несмотря на истощение, но, по совести сказать, она была нетрудная: вычистить от снега дорожку длиной метров в 20 и шириной в 5 было не штука, тем более, что снегопады были редки. Хуже обстояло дело с колкой дров, но нам привозили сухостойные деревья, которые кололись легко. Труднее для меня было развести их по 20 печкам, но в этом деле мне помогал дневальный.

Каторгин и другой надзиратель достали бумаги, карандашей, немного акварельных красок и попросили меня нарисовать их портреты. Это я должен был делать по ночам. Трудности были большие: бумага была скверная, не лучше были карандаши, в виде резинки для стирания употреблялась прокладка из вагонного тормоза Вестингаузена. Но в целом я с заданием справился; особенно хорошо вышел Каторгин, который как раз демобилизовался. Он меня очень благодарил и говорил, что благодаря портрету будет помнить меня всю жизнь. Не знаю, исполнил ли он это обещание, но я его запомнил если не на всю жизнь, то на конец её, и не столько благодаря портрету, как избияниям, которыми он занимался почти ежедневно.

После него пришёл надзиратель-хохол, немедленно посадивший меня изобразить его личность. После нескольких ночных сеансов он пропитался таким доверием ко мне, что посвятил меня в свою семейную жизнь, а она не была удачной. Война разбросала супругов в разные концы России, и пока он сражался с немцами, жена попала в район их оккупации. Трёхлетняя раз-

лука привела к тому, что она обзавелась новым сожителем (как она позже объясняла мужу, чтобы пропитать их двоих детей). Война кончилась, сожитель исчез, супруги встретились и порешили ради детей не разрушать семьи и вычеркнуть из памяти произошедшее, продолжая свой брак. Однако здорové рассуждения — это одно, а чувство — другое и, несмотря на свою любовь к жене, супруг испытывал припадки ревности, во время которых на глазах детей происходили безобразные сцены с руганью и избиениями провинившейся половины.

— Вы вот человек интеллигентный, может, даже учёный — как вы посоветуете выйти из этого положения? — закончил он свой рассказ.

Я ответил ему, что ревность, хотя и недостойное, но сильное чувство, а где замешано чувство, там разум молчит, поэтому советы в таких случаях недействительны. Если они сошлись, чтобы дать своим детям семью, то, учитывая производимые им избиения супруги и сцены ревности на глазах детей, приходится признать, что взятая ими на себя задача не выполнена, и дети только выиграли бы, если бы такового папаши не было. Если же дети были только упомянуты для оправдания их взаимного чувства друг к другу, то тем глупее бить свою любимую жену за то, что было и что прошло. В обоих случаях вина в неладах лежит на нём, а не на жене, поэтому следовало бы бить его самого, и если жена не может это сделать сама, то пусть попросит Шиврина, он мужик большой, сильный, и может одним щелчком наладить супружеские отношения.

С уходом Каторгина избиения прекратились, в тюрьме стало тише. Скандалы при разводах и «физподготовка», как блатные называли выступления Каторгина, стали редкостью и обуславливались действительным буйством и непослушанием заключённого. Шиврин, несмотря на свою грозную репутацию среди воров, лично никого не бил и был всегда вежлив, но когда кто-нибудь из его подчинённых рукоприкладствовал на его глазах, он только улыбался и никак на это не реагировал.

Срок моего наказания кончался 6 марта, после чего я, согласно существовавшей практике, должен был вернуться на 18-й лагпункт, на что я рассчитывал. Однако за время моего сидения в штрафной тюрьме порядки были изменены, и при каждом освобождении теперь требовался новый наряд, куда отправлять освобождённого. Из-за отсутствия на меня такого наряда я просидел в тюрьме на месяц больше положенного мне срока, то есть до 6 апреля.

Последнее время со мной в камере сидел лагерный парикмахер Ибрагимов, очень красивый азербайджанец, попавший на штрафняк за какие-то романы. Он был спокойный и милый человек, но, к сожалению, страдавший эпилепсией — это было неприятно и очень беспокойно.

Вторым моим компаньоном был ингуш, бывший комендантом на 15-м лагпункте. С ворами он был свиреп до беспощадности, и те решили его убить. Ингуш каким-то образом узнал о их намерении и предупредил событие: из пяти человек, собравшихся его убить, он сам убил троих, а двоих

тяжело ранил; одновременно он ранил ещё двух или трёх человек, хотевших заступиться за товарищей. Его должны были судить в лагере, но начальство было на его стороне и всячески его выручало; через некоторое время он был отправлен за пределы лагеря, и его дальнейшая судьба мне неизвестна. В лагере этот ингуш уже сидел несколько раз, и каждый раз за убийство. Убийства не были связаны с грабежами, он убивал в драке, в припадке «запальчивости и раздражения». Как сокамерник он был очень вежливый и обязательный и ни на убийцу, ни на «запальчивого» человека похож не был.

В последний месяц моего пребывания в штрафной тюрьме на 15-й лагпункт приехала центральная культбригада, и я получил записку от Горского, мужа Шурочки Бузовой, с просьбой выйти на лагпункт, так как они хотели бы со мной поговорить и выяснить, чем можно было бы мне помочь. Комендант Прокопенко это мне устроил. Свидание было очень трогательное: меня целовали, обнимали и снабжали хлебными пайками. Мой вид произвёл удручающее впечатление, и все мои друзья, отведя меня в сторону, спрашивали, что со мною делали, и этим напоминали мне иностранных корреспондентов. Я объяснял им, что особенного ничего не делали, а просто не кормили и держали больным в штрафной тюрьме. Шурочка Бузова сообщила мне, что она ждёт ребёнка от Горского, а Горский жаловался на то, что Шурочка так отдалась своему будущему ребёнку, что совершенно не обращает внимания на его личное несчастье: у него качается зуб и, вероятно, скоро выпадет, а это положит предел его артистической карьере, ибо какой же опереточный премьер без переднего зуба? На моё предложение обратиться к зубному врачу в центральной больнице он объяснил мне, что такового там не имеется.

Хлеб, подаренный мне друзьями, чуть не оказался для меня роковым: я не удержался и в ближайшую ночь съел килограмма два, отчего у меня чуть не сделался заворот кишок.

Между тем наряд на меня всё не приходил. 6 апреля, так и не дождавсь его, Шиврин вызвал меня к себе и сказал, что дольше держать меня в тюрьме не может и выписывает на лагпункт, где я буду дожидаться этого наряда. Это было ударом для меня. Во-первых, я в таком случае терял возможность вернуться на 18-й лагпункт, где я знал, что получу необходимую мне поддержку со стороны моих тамошних друзей. Во-вторых, была весна, всё текло, а я был в рваных валенках; рассчитывать на получку ботинок или сапог на 15-м лагпункте у меня не было надежды и основания; я знал, что за отсутствием именно обуви и одежды многие работоспособные люди не выводились вообще на работу. Что мне удастся получить свои вещи с 18-го — было тоже более чем проблематично.

Как бы то ни было, я оказался на 15-м лагпункте и от нарядчика — жуткого господина грузинской национальности — узнал, что в нём и останусь.

15-й ШТРАФНОЙ ЛАГПУНКТ

Была ужасная пора,
О ней свежо воспоминанье,
Об ней, друзья мои, для вас
Начну своё повествованье;
Печален будет мой рассказ.

Всё дурное, что я слышал об этом лагпункте, вполне подтвердилось. Грязь и голод царили повсюду. Истощённые, озлобленные люди в невообразимо грязном тряпье, грязная загаженная зона, чему способствовало то, что, несмотря на наличие уборных, люди оправлялись где придётся, кошмарные разводы под гармошку, когда «отказников» волокли за ноги по грязи, избивая их при этом ногами, отчаянно дурное питание, еженедельные убийства и т.п. создавали ужасающую атмосферу. Систематическое невыполнение плана приводило к тому, что не было выходных дней и по воскресеньям вместо них были «воскресники».

Трудно себе представить, что делали с собой люди, дабы избежать работы. Один прибил себя гвоздём через мошонку к нарам, что не остановило нарядчика сорвать его оттуда за ногу и, таким образом, разорвать мошонку. Держа в руках вывалившиеся мужские атрибуты, он был отправлен в санчасть, где всё было водворено на место и зашито самым зверским образом. Люди втирали керосин в сделанные на ноге или руке порезы, результатом чего было заражение крови с последовавшим иногда «летальным» исходом. Втирали махорку в глаза и т.д. и т.п. Такие действия назывались «мостырками» и практиковались широко. Одним из самых «невинных», но и самым распространённым способом «мостырки» было пожирание громадного количества чистой соли и запивание её водой. В результате раздувались ноги и делалась водянка.

«Отказники» бывали на всех лагпунктах, но их было немного, здесь же они насчитывались ежедневно десятками.

Это были люди, отчаяния которых никакие зверства не могли сломить. После применения всех возможных и невозможных мер, дабы побудить к выходу на работу, их вели после развода в культурно-просветительскую часть, где начальник последней, 20-летний младший лейтенант Перминов, должен был, согласно инструкции, «культурно увещевать». Этот господин плохо понимал свою задачу и фактически лишь издевался над ними. От него их вели в надзор-службу, где шивринские молодцы валили их

на землю и били ногами. После этого их отправляли в изолятор, где здоровенный грузин из заключённых, занимавший должность «коменданта» изолятора, избивал их «индивидуально», как он выражался, так что после пары часов такой «работы» выходил сам весь в поту и, смеясь, говорил:

— Ну и поработал я сегодня.

Весь начальствующий состав во главе с начальником лагпункта Беловым мало отличался в своей озлобленности и некультурности от контингента заключённых. Было просто страшно.

Первую ночь я провёл в каком-то бараке, где лежал на скамейке, слишком узкой, чтобы можно было заснуть. Несмотря на это, у меня за ночь украли всё, что можно было украсть, а именно пайку хлеба и единственные имевшиеся у меня чулки. На другой день я был вызван к Белову и назначен «художником КВЧ» с правом жить в конуре при «сцене» и «питаться при кухне», как он выразился.

Мой новый «начальник» Перминов дал мне огрызок химического карандаша, кусок старой газеты и приказал немедленно нарисовать ему эскиз декорации для «клубной сцены» и, кроме того, немедленно же нарисовать на сцене КВЧ «картину» с открытки, изображавшей павильон в Летнем саду в Ленинграде. На мой вопрос о красках и кистях он ответил, что я получу их от художника Оглоблина, бывшего до меня. Последний оказался довольно приличным человеком; он дал мне два котелка — один с сажей, а другой с красной глиной, разведённой на клейстере, и пару никуда не годных стёртых кистей из конского хвоста.

При этом он выразил большое удовлетворение по поводу перехода на новую работу в качестве ассенизатора: это даёт ему возможность выходить за зону и зарабатывать лучше, чем «художником», работа которого на этом лагпункте, по его словам, была незавидная — никаких «красящих веществ» достать было невозможно и никаких «заработков» не было. На мой вопрос о Перминове он ответил, что Шиврин в сравнении с ним ангел.

В конурке при сцене было двое нар, но «спальных принадлежностей» не было, так что лежать надо было на досках, подложив под голову рваные и мокрые валенки. Класть под голову их было необходимо, иначе их ночью могли украсть. Валенки у меня не украли, но на второй день исчезло одеяло, которым меня снабдил Прокопенко; я апеллировал к Сашке-Слону, который был на лагпункте «главным вором», и в тот же день вечером мне принесли одеяло, правда, не моё, но всё же одеяло; при этом мне было дано разъяснение, что моё одеяло ушло за зону, но что и принесённое неплохое.

Есть русская пословица: «Пришла беда — отворяй ворота». Она полностью оправдалась на мне: всё было неладно, всё было плохо. Появился второй начальник КВЧ, видимо, назначенный к нам по недоразумению, оказавшийся не лучше первого. После ряда происшедших между ними столкновений они поделили между собой работу так, что я попал под

начальство обоих, и оба требовали от меня того, чего за отсутствием красок и кистей я сделать не мог.

После ряда скандалов, руготни, неприятностей и т.д. мне всё же удалось достать кое-какие краски, и я, с грехом пополам, начал выполнять свои функции художника. Я расписал столовую залу, намазал плакаты «наглядной агитацией», которые новый начальник поставил всё в одно место перпендикулярно к дороге, так что читать их можно было только ходя между ними, а этого, конечно, никто не делал. Расписал я и кухню, что было необходимо для «усиления моего питания», но от обоих моих начальников я получил за это головомойку с запрещением впредь что-либо делать без их разрешения.

Здоровье моё окончательно скисло. У меня сделался дистрофический понос, а ноги налились водой и распухли, как брёвна. Ночью я должен был раз десять выскакивать на двор по нужде, а «усиленное питание», выражавшееся в 600 граммах ячневой сечки, проскакивало насквозь без задержки. Мне пришлось обратиться в санчасть.

За это время там произошли благоприятные для меня перемены: во-первых, появился «вольный» начальник санчасти, именовавший себя лейтенантом медицинской службы и носивший соответствующие погоны, но не имевший никакого понятия о медицине. Должность статистика санчасти исправлял прибывший к нам на лагпункт Деспотули, и, наконец, появились два врача — один азербайджанец Ахундов, получивший 10 лет за работу у немцев в лагерях для военнопленных, и доктор Зайцев, прибывший к нам с «Заячьего» лагпункта. Благодаря посредничеству Деспотули, Ахундов обещал устроить меня в стационар и подлечить, выговорив предварительно обещание «оформить» помещение санчасти лозунгами и картинами на стенах. К сожалению, стационар был переполнен, и мне пришлось ждать очереди.

К этому времени я потерял всякую надежду поправиться, так как чувствовал себя ужасно. Совершенно истощённый поносом, я ходил на распухших ватных ногах, в ушах шумело и голова кружилась, я почти падал. Естественно, что мои начальники были мною недовольны и подали на меня рапорт начальнику лагпункта, обвиняя меня в саботаже их распоряжений и в лени. Начальник вызвал меня к себе, обложил площадной бранью и распорядился посадить в изолятор; начальник изолятора сообщил мне, что когда я отправлюсь «сидеться», то я должен взять с собой кисти и краски и написать столь необходимые ему лозунги и номера на камерах.

На мой вопрос, когда мне перебираться в изолятор, он сказал, что в этом необходимости нет: начальник велел посадить меня с выходом на работу, а это означает, что сидеть в изоляторе я должен лишь ночью, а днём выполнять свою работу; поэтому он ничего не имеет против того, чтобы я спал и жил, как и до сих пор, а в изоляторе только числился.

Когда я изумился такому положению вещей, то заведующий изолятором объяснил мне, что начальник лагпункта каждый день сажает в изолятор

кого-нибудь из «придурков», но никто из «придурков» фактически в изолятор не садится, а только в нём числится. Таких «числящихся в изоляторе» у него сейчас трое: бухгалтер вещестола, диспетчер и младший нарядчик.

Совершенно неожиданно мне не пришлось даже числиться там, так как меня вызвал к себе Шиврин, выполнявший на лагпункте обязанности начальника режима, и сообщил, что он получил приказание посадить меня на трое суток в изолятор, но что выполнить это распоряжение он не считает возможным в силу того, что я числюсь за санчастью, а врач сказал, что я болен и жду свободного места в стационаре.

Это обстоятельство ускорило мой приём в стационар. Я получил там отдельную койку — я говорю «отдельную», так как за недостатком мест в это время всегда лежало по три человека на двух сдвинутых койках — подавляющее большинство были больны дистрофией и водянкой.

Одна палата называлась «хирургической». Вследствие отсутствия перевязочных средств и антисептики там всегда воняло трупом. Перевязки делались редко, бинты стирались просто мылом и шли снова в употребление. С лекарствами дело обстояло тоже плохо, но Ахундов утверждал, что это не так существенно, так как главный контингент больных — дистрофики, которым нужно малороссийское сало, а не лекарство; к сожалению, и этого необходимого для них сала тоже не было.

В дальнейшем всё моё пребывание на 15-м лагпункте я из стационара не выходил, а если и выходил, то всё же числился за санчастью. Это обстоятельство не дало лагерному начальству возможности окончательно меня доконать и, по существу, спасло мою жизнь. Но поправлялся я очень медленно. Двухнедельное лежание в кровати согнало воду с ног, но с поносом дело было хуже, и, несмотря на все старания Ахундова и сестры Нины Пашкевич, кормивших меня рисовым отваром, я избавился от поноса только в середине июля и притом совершенно неожиданным образом.

На лагпункте в это время кончился капустный лист и вместо него стали варить суп из «иван-чая». Это растение в изобилии растёт в наших широтах вдоль железных дорог и на лесных вырубках. Суп из него чёрный, ложки, миски, рот — всё становилось чёрное, а вкус был отвратительный, так что, несмотря на царивший голод, мало кто соглашался его есть. Наш стационарный повар варил этот «иван-чай» пополам с кислой капустой, в таком виде он был более или менее съедобен, и это обстоятельство меня выручило. Растение это содержит в большом количестве танин и дубильную кислоту; то и другое благотворно подействовали на мой желудок.

После этого я стал поправляться и в октябре месяце почувствовал себя окрепшим и поправившимся, хотя следы дистрофии остаются на всю жизнь: ткани желёз не восстанавливаются, и они остаются высохшими. У молодых людей это ведёт к импотенции или к бесплодию.

СТАЦИОНАР

Я говорил в начале моих воспоминаний о беспризорниках, о колониях для них и о попытках власти перевоспитать их, дать им техническое образование, чтобы они могли стать полноценными гражданами с обеспеченным куском хлеба. В большинстве случаев из этого ничего не получилось, наоборот, колонии превратились в своего рода университеты воровского дела. Насколько мне известно, аналогичное явление происходит со всеми учреждениями такого рода и в капиталистических странах. Разница только количественная.

Однако в стационаре 15-го лагпункта я неожиданно наткнулся на исключение из этого общего правила. Таким исключением был врач Ахундов. Он был из тех немногих беспризорников, которые не пошли по криминальному пути, а использовали предоставленные им возможности. Пребывание в плену и работа в немецких больницах расширила, по его словам, его кругозор и медицинские знания. На меня он произвёл впечатление знающего врача; как человек же он был весьма отзывчивый и культурный.

Воспитавшая его школа для беспризорных дала ему хорошую подготовку для того, чтобы стать врачом на таком отчаянном лагпункте, как наш. Он хорошо понимал психологию окружавшего нас разбойного элемента, знал их законы и правила и пользовался любовью и авторитетом — а это была задача очень и очень нелёгкая. Другой наш врач — Зайцев — с ней справиться не мог: несколько раз его жизнь висела на волоске, и только решительное и смелое вмешательство Ахундова спасло его от ножа недовольных.

Однажды нам пришлось выдержать ночью форменную осаду стационара, когда 5–6 человек ломали камнями и кольями двери, чтобы расправиться с неудобным им доктором Зайцевым. К счастью, одной из сестёр удалось выскочить через окно, выходившее на задний двор, и пробраться в находившийся рядом изолятор; оттуда прибежали заведующий и дневальный, отбившие нападение и задержавшие двоих из нападавших.

Если бы посторонний человек видел, как доктор Ахундов поддерживает порядок во вверенном ему стационаре, то он наверняка вынес бы превратное о нём мнение. Главное нарушение порядка заключалось в разного рода мелких кражах друг у друга. Ахундов никогда не передавал этих дел начальству, а сам производил следствие и, определив виновного, крепко бил его по физиономии, часто в кровь.

Один раз мне пришлось быть свидетелем любопытного происшествия. Доктор вывез из Германии два или три костюма, которыми очень гордился

и которые очень берёт. Один из них был ленч-каут с полосатыми брюками, которые он одевал в торжественных или парадных случаях. Оба доктора жили в маленькой комнатке, расположенной рядом с перевязочной, и по утрам по очереди ходили на амбулаторный приём, на котором в это время дня народа было немного, так как приём главной массы происходил по вечерам, утром же осматривались только те, кто заболел ночью и не мог из-за этого выйти на работу.

В этот день очередь идти в амбулаторный пункт была Зайцева, потому Ахундов мирно спал в своей койке и проснулся лишь от какого-то лёгкого шевеления в комнате. Открыв глаза, он увидел стоящего около него заключённого, который на вопрос, что ему надо, ответил, что пришёл спросить, будет ли доктор сегодня утром на амбулаторном приёме. На это доктор ему сказал, что амбулаторный приём уже идёт и принимает там доктор Зайцев, а если раннему посетителю желательно показаться ему, Ахундову, то пусть придёт вечером.

Сказав это, только Ахундов собрался заснуть снова, как увидел, что его полосатые брюки, висевшие на спинке стула, находятся не на своём месте, а на вопрошавшем. Моментально вскочив из койки, доктор устремился за похитителем, успевшим выскочить в коридор, и одним ударом кулака поверг его на пол. Дав ему несколько хороших тумаков, он снял с него брюки и, выволочив за ногу на крыльцо, кинул вниз с лестницы, после чего вернулся в кровать досыпать свой сон.

Не менее решительны и энергичны на кулачную расправу были и обе сёстры милосердия, в особенности одна, очень миловидная Нина Пашкевич. Кроме того, она виртуозно ругалась нецензурными словами, ставя своими выражениями в тупик самых заматерелых преступников. Любопытно, что никто за это на неё не обижался, скорее наоборот: и пострадавший, и окружающие искренно восхищались такими её способностями и за глаза говорили:

— Ну и баба, чёрт-баба! Эк, как кроет!

Преступный мир ценил в таком обиходе, что «сор из избы не выносят» и жалоб начальству со стороны администрации стационара не поступало, а всё улаживалось «домашними средствами».

Вторая причина популярности Ахундова была та, что он время от времени давал не больным, а уставшим людям освобождение от работ на сутки, а иногда и на двое — когда они просили его о том «по-честному». Но к «мостырмам» он был безжалостен; в этом отношении обмануть его было трудно: он знал все возможные виды их и безошибочно определял, какая «мостырка», чем сделана и разносил провинившегося на все корки, обещая в следующий раз донести о таковой по начальству, а это пахло новым сроком наказания.

На приёме блатных женщин он говорил им комплементы и отпускал такие шутки, от которых покраснел бы изощрённый боцман, но на женщин он производил впечатление салонного льва, и они отвечали серией ска-

брезностей не меньшей, а иногда и большей силы. Весёлый смех наполнял амбулаторию, и воровки были в восторге от него. Должен отметить, что, несмотря на это, доктор жил анахоретом¹³⁹ и дальше слов не шёл.

Примерно через месяц я расписал все стены стационара трафаретами и картинами, у которых рамы были тоже нарисованы на стене, а в коридоре у каждой двери появились надписи, гласившие:

Палата № 1 — женская

Палата № 2 — хирургическая

Палата № 3 — терапевтическая

Перевязочно-манипуляционная

и лозунги вроде: «В здоровом теле — здоровый дух» и т. д.

В середине лета у нас появился зубной врач. По моему представлению, зубные врачи были самыми лояльными гражданами Советского Союза, так как в лагерях за всё время моего десятилетнего там пребывания они встречались чрезвычайно редко, а если и встречались, то в большинстве случаев это были самозванцы или в лучшем случае зубные техники. Не представлял из себя исключения и рижанин по фамилии Лурье. Кроме всего прочего, он был до такой степени враль, что мог затмить самого Хлестакова. Среди его маловероятных рассказов я помню, как он старался уверить меня, что был женат на известной шведской артистке Гите Альпар¹⁴⁰.

Вначале его приняли всерьёз и, устроив ему зубоврачебный кабинет соорудили самодельную бор-машину и достали кое-какие зубоврачебные инструменты, из которых он употреблял только щипцы для выдёргивания зубов. Но когда после недели практики его чуть два раза не убили пациенты, после удаления зуба катавшиеся с воплями на лужайке возле стационара, начальство решило проверить его квалификацию. Выяснилось, что он был просто вор из Риги, и притом мелкий, а в Ригу попал после присоединения её к Советскому Союзу. Карьера его как зубного врача на этом кончилась, и он попал в лесоповальную бригаду, где после недельной работы, не знаю нечаянно или нарочно, разрубил топором ступню так, что его отправили в лагерную больницу на излечение.

К концу лета 1947 года я справился с моим желудком, утолил хронический голод дистрофика, но избавиться от серии трофических язв на ногах не мог. Эти язвы в то время были настолько распространены среди заключённых, что из десяти человек ими страдали девять. Впоследствии они, правда, прошли, но следы остались на всю жизнь.

Коснусь здесь работы лагерных стационаров вообще, чтобы не возвращаться к этому вопросу позже. Санчасть обязательно возглавлялась «вольным» врачом или фельдшером; в случае недостатка таковых начальником санчасти бывали медицинские сёстры, но редко. Материально такой врач был обставлен плохо: его оклад колебался между 800 и 1000 рублями в месяц. Ему предоставлялась двухкомнатная квартира с отоплением и освещением, но за это делались кое-какие вычеты. В помощь ему давались один или два врача из заключённых, которые числились фельдшерами. Был и фельдшер,

но он числился старшим санитаром и часто замещался лицом из заключённых, не имеющим специального медицинского образования. Кроме того, при санчасти состоял «статистик» из заключённых со специальными функциями, о которых я скажу ниже. Пара санитаров тоже из заключённых числилась дневальными. «Вольный» врач, а в его отсутствие заключённый врач, ежедневно отчитывался по телефону перед отделением санотдела, сообщая туда, сколько больных, чем они больны, сколько амбулаторных больных и сколько за день умерших, а также указывая, сколько за последние сутки больных было отправлено в центральную больницу. Начальник отделения санотдела ежедневно передавал все эти сведения в сануправление лагеря.

В некоторых лагерях мне пришлось видеть аптекарей, вернее, фармацевтов, но они встречались редко. В распоряжении санчасти имеется стационар на количество коек, могущих удовлетворить потребности данного лагпункта. Количество это было весьма относительным: как только в лагере распространялась какая-нибудь эпидемия, например, гриппа или дизентерии, количество больничных коек увеличивалось за счёт жилых барачных бараков, население которых выселялось в другие бараки. После ликвидации эпидемии стационар возвращался к своим старым нормам. На население лагеря в 2000 человек в стационаре было обычно 20–30 коек.

При более серьёзных заболеваниях больных отправляли в лагерную больницу, занимавшую целый лагпункт и обычно называвшуюся сангородок. Так как туда списывали всех, у кого можно было предполагать «летальный» исход, то смертность на лагпунктах была небольшая, главным образом в силу несчастного случая или внезапности (разрыв сердца и т.д.). Какова была смертность в больницах, мне неизвестно.

Больница держала у себя только акутных больных¹⁴¹, а хроников отправляли на инвалидные лагпункты, где для наиболее слабых создавался «полустационар» в какой-нибудь секции обыкновенной барака.

При поступлении в стационар заключённый должен был сдать дневальному, исполнявшему обязанности заведующего хозяйством, всю одежду и получать нижнее бельё от санчасти. На другой день по поступлении он перечислялся на «лазаретный паёк», который был несколько лучше общего питания. Разница в столе варьировалась в зависимости от обстановки и наличия продуктов. Обыкновенно стационар обслуживался общей кухней, но в отдельных случаях, например на 15-м лагпункте Вятлага, санчасть имела свою кухню и своего повара, а так как по штату такового не полагалось, то он числился больным.

Заключённый, попавший в стационар, даже если ему не было нужно всё время лежать в постели, не имел права выходить из стационара и двигаться по зоне.

Обыкновенно при стационаре было помещение для амбулаторного приёма, который производился в большинстве случаев заключёнными врачами. Утром перед разводом на приём могли явиться только заключённые,

которые заболели ночью, и при наличии уважительных причин врач освобождал их от выхода на работу. На вечерний приём мог прийти кто угодно, но для этого он должен был записаться у «статистика санчасти»; последний вносил его в специальный журнал и доставал его личную карточку, в которой были отмечены такие данные, как фамилия, имя, отчество, год рождения, статья, а также все заболевания и посещения амбулатории с отметкой врача о роде болезни и лечении её.

Мне казалось странным, что карточка эта не сопровождала заключённого, когда его перебрасывали на другой лагпункт, там он начинал всё сначала. Это вызывало иногда недоразумения, весьма неприятные для заключённого, так как у него могли быть повреждения, трудно определяемые при обыкновенном осмотре.

Примерно один раз в месяц санчасть производила осмотр всех бригад, а один раз в четыре месяца приезжала комиссия от управления, производившая так называемую «квартирную комиссовку» для определения категорий работоспособности или инвалидности. Эта категория отмечалась в формулярах заключённого, хранившихся в спецчасти. Эти формуляры списывались спецчастью Управления лагеря с дела заключённого, которое хранилось в спецчасти и оставалось в лагере в случае выбытия за пределы лагеря. Если заключённый возвращался обратно в лагерь, то формуляр писался заново. В этом формуляре, кроме всего прочего, был указан и срок наказания и его конец. Когда после длительного перерыва опять ввели «зачёты», то есть сокращение срока за перевыполнение норм выработки, то спецчасть была завалена работой, ежемесячно высчитывая сокращение срока и отмечая это в формулярах.

Я уже отмечал раньше, что как вольные врачи и фельдшера, возглавлявшие санчасть, так и их товарищи из заключённых проявляли высокую гуманность и товарищескую корпоративность; очень многие заключённые обязаны им своей жизнью. Несмотря на безапелляционное положение санчасти, их задача была по многим причинам нелёгкая. Во весь послевоенный период ощущался недостаток в лекарствах, некоторых из них, как, например пенициллина, вообще не было, а другие, как аспирин или стрептоцид, получали с большими перебоями.

Исключением среди гуманных врачей являлся доктор Барский, в моё время — старший врач Озерлага в Тайшете. Он давал I категорию безруким, безногим и слепым, говоря, что для пилки дров, например, глаз не надо, и что с одной рукой можно и пилить, и рубить. Когда люди протестовали против такой оценки, он говорил, что прежде всего он чекист, а потом уже врач.

В функции санчасти входили отборка людей для «оздоровительных пунктов», проба пищи на кухне и хлеба в пекарне и наблюдение за санитарным состоянием всего лагпункта.

Инвалидность по возрасту, а не по состоянию здоровья давалась мужчинам по достижении 60 лет, а женщинам — 55 лет. Это, конечно, не означало,

что человек, достигший этого возраста, мог покоиться на лаврах, нет, работать его всё равно заставляли, но нормы выработки были для него необязательны и в рабочие бригады он не попадал. Позже, в гуманные хрущёвские времена, после 1954 года, инвалиды должны были работать 4 часа в сутки. В описываемые мною времена облегчения для инвалидов существовали только на бумаге, в особенности на таком лагпункте, как 15-й.

Помещение заключённого в изолятор должно было также сопровождаться осмотром врача, но эта проформа сводилась лишь к тому, что проверялось, нет ли у подлежащего наказанию повышенной температуры.

Смерть заключённого фиксировалось актом санчасти, скреплённым оперуполномоченным (оперчека) отдела, при этом врачи часто кривили душой, указывая, например, что смерть наступила от отёка лёгких или почек, в то время как в действительности она была результатом побоев.

Из событий моей личной жизни за этот период пребывания на 15-м лагпункте я упомяну вкратце следующее. Во-первых, я обратился к оперуполномоченному отдела, младшему лейтенанту Князеву, с просьбой отправить телеграмму моей жене в Гельсингфорс, тот согласился на это и взял у меня деньги и текст телеграммы, когда ехал по служебным делам в Управление. По возвращении он вернул мне и то и другое, сказав, что переписка из лагеря с границей не разрешается, и добавил, что ему это было неизвестно. Во-вторых, я получил от жены перевод на несколько сот рублей. В тот момент я не знал, что деньги выслала мне жена, так как переводной бланк остался в Управлении, и отправитель был неизвестен. Лишь позже, по возвращении домой, я узнал, что жена воспользовалась любезностью одного чиновника Министерства иностранных дел Финляндии, ехавшего по делам в Москву, и дала ему 45 долларов, которые он мне и передал. Реальная помощь была, конечно, незначительна, так как 700 граммов хлеба стоили 30 рублей, а кило картофеля 12, но морально это было большой поддержкой, и она произвела на меня большое впечатление. Конечно, я догадывался, что полученные деньги были от жены, но известить жену о получении их я не мог, в силу чего она больше не пробовала повторить подобной попытки, тем более, что посланные мне вещевые посылки ей вернули обратно.

Я долго размышлял, как и откуда получить краски для рисования. Приобрести их нормальным путём не было никакой возможности, потому что в лагере не было красок и потому что не было денег. Рассчитывать на получение красок из дома больше не было возможности, так как опыт показал, что в этом направлении пути были отрезаны. В силу этого я стал обдумывать, к кому бы в советском государстве я мог обратиться с соответствующей просьбой. Я знал, что у меня должны были быть родственники в Советском Союзе, но с 1918 года я не имел с ними сношений и судьба их была мне неизвестна. Хотя я употребил слово «родственники», но, по существу, лицом, которое могло меня помнить, была только моя троюродная сестра, дочь лейб-хирурга Вредена¹⁴², ещё до революции вышедшая замуж за сына

известного каллиграфа Гербача. Вопрос был в том, как её найти? Лейбхирург Вреден был видный учёный, пользовавшийся почётом и у большевиков, что явствует из того, что созданному им в Ленинграде Ортопедическому институту было присвоено название «имени профессора Вредена».

Можно было предположить, что теперешний директор Института должен что-нибудь знать о судьбе Вреденской семьи, и я написал ему соответствующее письмо, но ответа на него никогда не получил.

Второе лицо, которое я вспомнил, была жена профессора Павлова¹⁴³, сына знаменитого биолога Павлова, создателя теории условных рефлексов, всячески при жизни и после смерти чествуемого в Советском Союзе. Я хорошо знал её в Финляндии, где она жила до встречи и своего замужества с Павловым-младшим; я был в дружеских отношениях не только лично с ней, но и со всей её семьей. Мне было известно, что в материальном отношении Павловы, как все научные работники в советском государстве, обставлены хорошо и что, хотя я и не был знаком с её мужем, Таня, как звали эту даму, не откажет в моей просьбе, если только она получит мое письмо.

Я написал ей соответствующее письмо, написал очень осторожно, только намеками давая понять, где я нахожусь и, до некоторой степени в виде камуфляжа, описал ей подробности гибели её сестры с двумя детьми во время бомбардировки Гельсингфорса в 1943 году. Я побоялся послать это письмо по обыкновенной лагерной почте и потому попросил одного вольного врача, окончившего свою службу в лагере и ехавшего, как он выразился, «приземлиться» в Ленинград, передать это письмо профессору Павлову, знакомство с которым, быть может, будет ему полезно в смысле «приземления». Я только не знал тогда, что сын Павлова не пошёл по стопам отца и не был профессором медицины, а был профессором Технологического Института и инженером.

Как бы там ни было, а письмо доехало, но ответа и на это письмо никогда не последовало. Конечно, оба эти мои послания были результатом моего непонимания и незнания советской действительности, и если судьба письма директору Ортопедического института осталась мне неизвестна, то письмо к Тане Павловой попало в меня рикошетом в 1951 году на моём четвёртом по счёту следствии в Москве на Лубянке, послужив причиной долгих и упорных допросов с попытками связать всё это с Финляндским Генеральным штабом. До сведения Лубянки это письмо довёл сам профессор Павлов, который немедленно по получении его супругой моего письма поспешил отнести его в комиссариат Государственной безопасности.

Заместитель начальника 3-го отдела (контрразведка) следователь майор Новосёлов, промурыжив меня часов 18 по поводу этого письма и моих взаимоотношений как с Павловыми, так и родственниками их в Финляндии, занёс в протокол вполне точно все мои показания и возражения, после чего, встав из-за стола и походив по кабинету, остановился передо мной и сказал:

— Удивляюсь вам, Бьёркелунд, вы человек пожилой и, видимо, не глупый, а никак не доходит до вас наша психология. Каждый, кто придёт в соприкосновение с вами, уже скомпрометирован в наших глазах. Всякий, к кому бы вы ни обратились в Советском Союзе, будет перепуган насмерть и побежит докладывать «органам» (под этим названием в Советском Союзе фигурирует тайная полиция. — Б. Б.). Так сделал и профессор Павлов, который, как ему было известно, уже и раньше был на мушке. Вам, может быть, известно, что он в начале 30-х годов купил дачу на Карельском перешейке и несколько лет подряд проводил там лето, а потом перестал туда ездить. А вы знаете почему? А потому что мы изобличили его в нелегальном вывозе из Советского Союза весьма ценных картин и в продаже их в Финляндию. Мы тогда не стали раздувать дело из уважения к его папаше, но предупреждение ему сделали, так что, получив ваше письмо, он был вдвойне напуган и явился с объяснением, что сам он вас не знает, а жена, верно, когда-то знала, но теперь даже не помнит, как вы выглядите. Да-с, сидите тихо и не рыпайтесь; если же у вас есть здесь какие знакомства — забудьте их, а то вы и себе и другим наделаете только неприятностей, даже мне — я вот с вами на эту ерунду три вечера потратил.

Это предупреждение было излишним: я ещё в 1946 году на этом письме покончил всякие попытки наладить внешние сношения и обратиться к кому-либо за помощью. Я был изолирован — и баста.

Человек привыкает ко всему, привык и я — и к лагерю, в том виде как он представлялся мне на 15-м лагпункте, и к смертям, и к увечьям, и к самым невероятным приключениям, вроде случившегося со мной, когда я пошёл собирать ромашки, в изобилии растущие на лужайке перед стационаром, и наткнулся на человеческий 6-месячный выкидыш с длинной пуповиной, лежавший на траве. Кто его выронил — так и осталось неизвестным, во всяком случае, в санчасть по этому поводу никто не обращался.

В конце октября 1947 года ко мне в стационар пришёл нарядчик и сообщил, что я еду за пределы лагеря, видимо, на освобождение, по крайней мере, так было сообщено в спецчасть из Управления. Через пару дней после трогательных прощаний с Деспотули, сестрой Ниной Пашкевич и доктором Ахундовым я в арестантском вагоне, столь памятном мне по предыдущим поездкам, тронулся в путь с очень смутным чувством. Скажу прямо: я не верил, что еду домой, но всё же какая-то надежда таилась где-то в глубине души.

На этот раз путь лежал через 2-й лагпункт, где находилась фактическая пересылка Вятлага. На этом лагпункте я провёл около недели и был вызван в спецчасть, где мне сообщили, что завтра я еду в Ленинград. На мой вопрос, какова причина этого путешествия, начальник спецчасти засмеялся и сказал, что некоторым людям выпадает счастье в жизни и что я, видимо, принадлежу к таким счастливицам. Однако прямого ответа на мой вопрос он не дал, и я на нём не настаивал.

В ПУТИ

— А ведь я тебя сюда пару лет назад привёз! — воскликнул комендант ствольпинского вагона, принимая меня и мои бумаги на станции Верхнекамской, откуда должно было начаться моё обратное путешествие.

Такого ствольпинского вагона я никогда больше не видел. Обыкновенно все купе вглухую отделены одно от другого, в этом же вагоне все сидячие и лежащие места были, как в обыкновенном вагоне, только отделены решёткой от коридора. Вагон был набит ворами, как бочка с селёдками, и меня запихнули на вторые нары пятым пассажиром, так что ни лечь, ни повернуться было невозможно. При этом, по словам моего соседа, первый этап был в Кирове, а ехать туда нужно было около суток.

Конвой состоял из молодых солдат, видимо, не бывших в контакте с ворами. Во всяком случае, они проявляли максимальную строгость и не позволяли менять своих мест. Таким образом, воры были лишены возможности грабить неворов, и стоило кому-нибудь из них пошевелиться, как конвоир немедленно кричал:

— Ложись!

В Киров мы прибыли на другой день часа в четыре дня. Пересыльная тюрьма лежит в Кирове за чертой города, недалеко от железнодорожного пути, и нас погнали по полотну дороги. В одном месте пришлось переходить мост, и мой сосед рассказал мне, что когда он в прошлый раз ехал через Киров, то на этом мосту на этап налетел поезд, причём спаслись те, кто, не растерявшись, успели спрыгнуть с полотна вниз; пять человек были раздавлены поездом насмерть.

Наш переход через мост был не столь трагичный, но всё же был не из приятных. Когда мы подошли к мосту, конвой стал нас торопить с переходом. Людям пожилым и к тому же нагруженным узлами и чемоданами, трудно было идти быстро, так как шпалы висели в воздухе и проходить нужно было по узкой дощечке. Дальше было ещё хуже: пересыльные бараки находились в низине, в то время как полотно железной дороги проходило по валу метров 40 высоты, с него нас погнали вниз. По крутому скользкому валу люди катились кубарем, теряя вещи и вымазываясь в грязи, так как в низине они сразу попадали в глинистое болото, по которому до пересыльной тюрьмы надо было ещё пройти метров 300. При дурной обуви такая прогулка не может быть приятной.

Подойдя к пересылке, мы прошли входные ворота и были загнаны в так называемый вокзал. Это довольно длинный барак, разделённый на три равные части. Первая часть была «ожидальной»; здесь заключённые, сидя на полу и на мешках, ждали вывоза во второе, среднее отделение. При входе в это отделение вашим глазам открывался длинный стол, поставленный на возвышении, за которым сидело человек пять штатских и один над-

зиратель. Все штатские были заключённые; заключённые же перед этим столом производили «шмон» — обыск новоприбывших. Один из сидевших за столом имел перед собой стопку наших формуляров, по которым он нас и вызывал, спрашивая имя, отчество, год рождения и статьи. Если данные соответствовали бумагам, то после довольно поверхностного осмотра вещей — причём раздеваться догола было необходимо — вы переходили в следующее, третье отделение, где заканчивали туалет и ждали, когда вся партия пройдёт через эти формальности.

Эта процедура иногда затягивалась вследствие того, что воры часто менялись фамилиями и сроками, проигрывая их друг другу в карты. Нередко бывали случаи, когда по татуировке выяснялось, что данный вор не Соколов Александр Иванович, как он себя называл и как он числился по бумагам, а Петров Пётр Петрович, разыскиваемый по делу, от которого тому удалось ускользнуть, приобретя фальшивый паспорт на имя Соколова, тогда как точное совпадение татуировки на его теле совпадает с татуировкой Петрова, занесённой в специальную книгу, лежащую здесь же на столе. Его изымают и отправляют в изолятор для дальнейшего выяснения и препровождения туда, где им заинтересованы и откуда ведутся поиски его.

Иногда вору желательно вернуться обратно на ту пересылку, откуда его сюда отправили. Тогда он просто не откликается на вызов; когда же после опроса всех остается формуляр, скажем, на имя Филиппова, то он утверждает, что его фамилия не Филиппов, а Козлов, и что срок у него не 5, а 3 года. В таких случаях его с первой оказией отсылают обратно вместе с формуляром для выяснения достоверности его утверждений.

На этом «пересылочном вокзале» меня рассмешил большой плакат с текстом: «Мы живём в такое время, когда все дороги ведут к коммунизму»; под этим изречением стояло в скобках «Молотов»¹⁴⁴. Учитывая, что пути, ведущие из Кировской пересылки к коммунизму, идут в тысячи лагерей принудительных работ, трудно было бы придумать более уничижительное для коммунизма определение. Но это деталь.

Когда вся партия пропущена через вокзал, следующим этапом для неё является баня, носящая в лагерно-советской обстановке название санобработки. Наш этап состоял приблизительно из 100 человек и для санобработки был разбит на два части.

Раздевалка при бане и сама баня были рассчитаны человек на 25, а нас оказалось как раз вдвое больше этого расчёта. Если же при этом принять во внимание, что большинство приведённых имели всевозможные мешки с вещами, то станет понятным какое неудобство это влекло за собой. После того как мы разделись догола и достаточно потоптались босыми ногами в жидкой глинистой грязи, принесённой сюда на наших сапогах после прогулки к пересылке с вокзала, мы должны были всё своё платье и бельё, кроме меховых и кожаных вещей, надеть на железное кольцо и сдать в прожарку, называемую по-лагерному «вошебойней», а сами встать в очередь к парикмахеру, в маленькую комнату с тремя стульями и таким же количе-

ством парикмахеров, из которых были две женщины. Эти «парикмахеры» только брили, волосы с головы снимали машинкой двое других заключённых. Когда «клиент» выходил обратно в раздевалку, то он вставал на табуретку и ему машинкой же стригли лобок и подмышки. Только после этого он направлялся в баню, где при входе стояла шайка с разведённой полетанью¹⁴⁵ для смачивания головы против вшей. Эта полетань называлась заключёнными «советским одеколоном»; специальный человек следил за тем, чтобы никто не пренебрегал этим дезинфицирующим средством.

Наконец баня: десять парных кранов с холодной и горячей водой и чайная ложка полужидкого мыла, которое специальный человек клал прямо на голову заключённого. После этого можно было мыться. Самое затруднительное было впереди. Вернувшись из бани в раздевалку, мы увидели платье, вышедшее из прожарки, сваленным в кучу на грязном полу. Люди копались в тесноте, стараясь разыскать своё имущество, что в силу его однородности было довольно трудно; кроме того горячие кольца, к которым приходилось прикасаться при ворошении вещей, причиняли ожоги. Положительным во всём этом было лишь то, что нас никто не торопил.

По окончании санобработной процедуры нас построили парами и стали вызывать по списку тех, кому, по разным причинам, полагалось не сидеть в общей камере, а находиться в изоляторе. Мне трудно было определить, кто были эти «избранные», но позже мне объяснили, что в большинстве это были лица, пытавшиеся или подозреваемые в намерении бежать. Всех остальных повели в пересыльные бараки.

Перед входом в бараки нас опять стали выкликать по фамилиям для распределения по камерам, человек по 25 на каждую. Двери в камеры растворились, и надзиратели начали неожиданно очень энергично загонять нас туда. Причина этой энергии стала мне ясна, как только я переступил порог камеры, оказавшейся набитой народом до невероятной тесноты. В помещении было два ряда нар, рассчитанных человек на сорок, между тем нас там оказалось свыше ста. Лежали на нарах, под нарами, и весь пол, за исключением маленького уголка у двери, где стояли две параша, был покрыт людьми так, что некуда было поставить ногу. Однако произошло невероятное, и мы как-то, под напором идущих сзади, втиснулись и стали опускаться на пол, буквально садясь на лежащих людей. Было начало ноября, и на улице было довольно прохладно, но большое окно в камере было выставлено, и только решётка отделяла нас от серого неба. Несмотря на это, было жарко и душно.

Кировская пересылка¹⁴⁶ большая; она ежемесячно пропускает десятки тысяч людей, отправляемых из северо-западных и центральных районов в лагеря, расположенные на севере: Печерские, Северный железнодорожный, Ухтинский, на Воркуту, Инту, а также все североуральские и сибирские, включая Чукотку, Магадан, Сахалин и Курильские острова.

Едущих с востока на запад очень мало. Я оставался на Кировской пересылке всего с неделю, тогда как обыкновенно люди ждут дальнейшей

отправки отсюда около месяца. Пища была лучше лагерной, хлеб был тоже лучше, но отсутствие достаточного количества воздуха, теснота, а также невероятное количество клопов обращало это ожидание в пытку.

Мой «жилищный вопрос» разрешился довольно благополучно: вскоре после того, как я уселся посреди камеры на свой мешок, я услышал оклик с верхних нар:

— Вольдемарыч (так меня звали в лагере), полезай сюда!

Это был Масловский с 5-го пункта Вятлага, вызвавший в своё время сенсацию в лагере приездом туда его отца, генерала¹⁴⁷, посетившего лагерь совместно с Кухтиковым. Папаша, видимо, остался не совсем доволен бытовыми условиями, в которых находился его сын, и вскоре после этого визита Масловский уехал от нас за пределы лагеря.

— На волю, — говорили у нас, но это было не так.

Так как Масловский был студент-химик последнего курса, отцу удалось устроить его в Ярославль, в «закрытый лагерь» для учёных. Лагерь этот помещался, как я понял, в бывшем монастыре, в нём сидели учёные химики, занимавшиеся экспериментами и химическими опытами. Они были обставлены, по советским условиям, неплохо. Спали в дортуарах¹⁴⁸, имели кровати и постельное бельё, хорошо питались, для прогулок им был предоставлен монастырский сад.

Но совершенно невозможную атмосферу создавал для них непрерывный сыск и наблюдение за ними специально приставленных чекистских офицеров, ни на минуту не оставлявших их одних. Это привело к тому, что мой знакомый просил отца взять его оттуда. Просьба заслуженного папаша была исполнена, и сын ехал теперь в какой-то сибирский лагерь.

Ко всякому рассказу нужно относиться с осторожностью, в особенности в Советском Союзе. Через несколько лет я встретил на Свердловской пересылке одного инженера-химика, который тоже был в этом Ярославском учреждении и находился на пути в аналогичное заведение в Иркутске. Он объяснял, что его перебросили из Ярославля в Иркутск, потому что его квалификация не была достаточна для работы в Ярославле, в Иркутске же предъявлялись меньшие требования. Вероятно, та же причина вызвала отъезд оттуда Масловского.

Примерно на пятый день меня вызвали на этап, и я проделал все пересыльные церемонии в обратном порядке. Но теперь ехавших со мной было человек 20; большинство моих попутчиков ехали на пересуд или вызывались в качестве свидетелей. Шмон производился конвоем, который должен был нас сопровождать в поездке. И на этот раз обыск был довольно поверхностный.

Во время обыска я подошёл к окну — передо мной открылась такая картина: громадный грязный двор пересылки кишел людьми, занимавшимися какой-то стройкой. Грязные бородатые мужики в онучах, лаптях и так называемых «московских шапках» месили глинистую грязь, поднося на плечах брёвна в постройке; четыре бородача вручную пилили громадными про-

дольными пилами брёвна на доски. Бабы в замазанных глиной ватных кофтах с подоткнутыми подолами, тоже в онучах и лаптях, некоторые из них беременные, таскали на ручных носилках глину и кирпичи к складываемой трубе. Фон этой картины составляла высокая башня колодца с громадным воротом для подъёма бадей с водой, чёрный бревенчатый барак бани, пара видневшихся сторожевых вышек для часовых и четырёхметровый бревенчатый тын. «Строительство социализма» и «дороги к коммунизму» отдавали XVI столетием. Моросил мелкий дождь, угрюмость и безнадежность картины подчёркивалась им ещё больше.

Я раздумывал над своей судьбой. В глубине души шевелилась надежда, но на поверхности её не было. Слишком невероятным казалось выпавшее на мою долю счастье. Хотелось поделиться с кем-нибудь моими сомнениями, и я избрал для этой цели ехавшего со мной пожилого советского капитана, которого везли на пересуд. Кстати, я очень долго не мог отвыкнуть говорить «ехать» и «прийти». Заключённые почти всегда сразу поправляли меня: «я не еду, меня везут» или «я не пришёл — меня привели». Этот капитан имел уголовную статью и надеялся оправдаться и ускользнуть от приговорённых ему 5 лет.

— Что же? Это не так невероятно, как вам, видимо, кажется, — ответил на мои сомнения капитан. — С Финляндией у нас сейчас хорошие отношения, я сказал бы — мы с ней заигрываем. Это, конечно, дипломатия, а я в ней ничего не понимаю, но всё же считаю вполне возможным, что вас репатрируют. Вам, наверно, кажется, что после всего, что вы здесь натерпелись и насмотрелись, вас не захотят выпустить из боязни, что вы можете всё это рассказать и описать, но такое опасение является только результатом вашей буржуазной идеологии. Наше руководство и наши следователи имеют совершенно иную идеологию и смотрят на вещи иначе. Вам не представляется преступным занимать какое-либо ответственное место в капиталистическом обществе или, скажем, самому быть капиталистом?

В глазах же правоверного коммуниста вы — преступник уже в силу того, что вы занимали место на иерархической лестнице вашей страны. Вот в присоединённых теперь к нам республиках всех таких людей от министров до мелкого полицейского как раз за это осудили и вывезли в лагеря, и наши люди считают это правильным. Посудите сами: человек был офицером в буржуазной стране, значит, он защищал или собирался противиться введению в ней социалистического строя и присоединению к Союзу Социалистических Республик, значит, он враг, быть может, за своей незначительностью и не проявивший себя, но всё же враг, а всякий, кто против коммунизма, — преступник.

Вы не думайте, что я играю словами, у нас так воспитывают людей с детства, и ваши следователи безусловно искренно считают вас преступником. Поэтому то, что вам пришлось пережить, в их глазах вполне справедливо. Вы же, живя у себя в Финляндии, тоже не возмущались, когда кого-нибудь убившего или ограбившего приговаривали к тюрьме, вы тоже считали, что

это справедливое наказание за сделанное преступление. Теперь судите сами, что им неизвестно всё то, что вам пришлось пережить и перестрадать. Они в лучшем случае знают правила этапов, охраны, содержания в лагерях и тюрьмах, а это всё на бумаге выглядит несколько иначе, чем в действительности, — это я по себе знаю. Вот этот молодой человек, — он указал на бледного худощавого субъекта, — отправляется в Молотовск¹⁴⁹ на Кольском полуострове, где сейчас градусов 20 мороза, между тем он одет в бумажные брюки и такую же рубашку, даже шапки у него нет. Там ему всё это, конечно, дадут, но пока он доберётся до своего лагеря, он может схватить воспаление лёгких или мозга или чёрт знает чего, а между тем — это я знаю наверное — по правилам лагерь не имеет права выпустить его раздетым, а конвой — его таковым принять. Так что то, что вам кажется компрометирующим нас, и что мы должны, по вашему мнению, бояться оглашения, нашим людям таковым не кажется. Большинство непорядков происходят от масштабов, а не от системы. Вот вы были на Кировской пересылке. Представьте, что вы сидели бы в камере, рассчитанной на 40 человек, тогда ничего страшного не было бы. Питание там неплохое, лучше, чем в тюрьме, один раз в 10 дней баня и парикмахер, да и бельё берут стирать каждые 10 дней и т.д. Но когда у вас в камере вместо 40 человек сидят 110, то картина меняется. Также и в нашем столыпинском вагоне: сейчас нас в купе 4 человека, а мест 13, едем удобно, в уборную выводят без трудностей и скандала, как только вам понадобится. А вот, когда в это купе запихнут 20 человек, то картина изменится.

Короче говоря — начальство знает правила, оно само их пишет и ничего неправильного в них не видит. Так что, если вы будете писать или рассказывать о том, что с вами произошло и что вы видели, то ваши единомышленники посочувствуют вам, как вы мне будете сочувствовать, если у меня разболится зуб, но если я вам начну рассказывать, как я боль переживаю, то от этого ваше сочувствие не увеличится. У вас самого зуб не болит, и вам, естественно, всё это не интересно. А на людей, сочувствующих нам, ваши рассказы никакого впечатления не произведут; они вам не поверят.

В вашем освобождении ничего невероятного нет. Я думаю, что по приезде в Ленинград вам нетрудно будет ориентироваться в вашей грядущей судьбе, исходя из того, в какую тюрьму вас привезут. Такие дела идут всегда через МГБ: если вас привезут во Внутреннюю тюрьму МГБ — есть шанс, а вот если в Кресты¹⁵⁰, то, думаю, что шанса у вас нет. Меня лично наверняка везут в Кресты; мое дело не политическое, а бытовое.

Рассуждения капитана показались мне резонными, но, чтобы сохранить спокойствие, я старался не думать о будущем.

Но если я не думал о своей судьбе, то она думала обо мне и сыграла со мной неприятную шутку. Мы прибыли в Ленинград часа в четыре дня, когда в это время года (был ноября 1947 года) уже начинает смеркаться. Поезд подошёл к перрону Октябрьского (б. Николаевского) вокзала; я видел в окно, как вышедшие из поезда пассажиры поспешно прохо-

дили мимо нашего вагона. Через некоторое время наш состав был переведён на запасные пути. Свет погас, и мы просидели некоторое время уже в сумерках. Наконец послышались голоса, разговоры, топот ног конвоиров, и нас стали вызывать по фамилиям. Вызванные забирали свои вещи, и слышно было, как они покидали вагон. Я тоже сидел, приготовившись к выходу, но меня не вызывали. Постепенно все ушли кроме конвоя и меня; я был в недоумении и пытался рассеять его вопросом к начальнику конвоя, который в это время возился с маленькой лампочкой, видимо, питавшейся от аккумулятора.

— А за вами ещё не пришли, — ответил он.

Так я просидел ещё часа четыре. Стало совершенно темно. Наконец я услышал опять разговоры у вагона и шум шагов в коридоре.

— Инженер здесь? — спросил чей-то громкий голос.

— А вот он тут сидит, — отвечал начальник конвоя.

— Вы инженер? — обратился ко мне военный, вырисовавшийся тёмным силуэтом в дверях купе.

— Нет, я не инженер, — ответил я.

— Имя, отчество и фамилия? — продолжал он.

Я назвал себя.

— Ну это вы и есть, только нам сказали, что вы инженер. Идёмте!

Я последовал за ним и был помещён в маленький воронок (так называют крытые автомобили для перевозки заключённых). В нём сидело ещё несколько человек, подробно рассмотреть которых я в темноте не мог, но видел, что это были женщины. Сзади у двери сидел конвоир, а в двери было небольшое зарешеченное окошечко, через которое были видны слабо освещённые улицы. Я старался определить, куда нас везут. Мои спутницы этого не знали и вполголоса переговаривались друг с другом. Узнать что-либо через маленькое окошечко в городе, в котором не был 25 лет, я не мог, но всё же рассмотрел, что нас везли через Литейный мост. «В Кресты везут», — подумал я. Когда мы остановились, повелительный голос провозгласил:

— Вылезайте все, кроме инженера!

Двери захлопнулись, и мы поехали дальше. Теперь я уже ничего не мог разобрать, куда и как мы ехали, но когда остановились и меня выгрузили, то я узнал Шпалерную улицу и здание бывшей следственной тюрьмы при Окружном суде. Как я позже выяснил, все названия изменены: улица называлась теперь улицей Воинова¹⁵¹, а тюрьма — Внутренней тюрьмой МГБ.

Пройдя какие-то коридоры и лестницы, я очутился в большой комнате, разгороженной барьером, за которым сидел старшина в форме МВД.

— Здравствуйте, — сказал он мне.

Такое приветствие очень меня удивило: до сих пор ни в тюрьмах, ни в лагерях начальство никогда не здоровалось и, даже не проявляя грубости, не проявляло никакой любезности, обращаясь с заключёнными как с вещью, которую принесли и поставили.

Дальнейший разговор ещё более удивил меня.

— Ну, как проехали?

— Благодарю вас, довольно хорошо, народа было мало, — ответил я.

— Вы знаете, зачем вас привезли?

— Определённо не знаю, но в лагере, при отправке, мне сказали так, что я могу предполагать, что для отправки на родину.

— Ммм... — промычал собеседник, — а вы откуда?

— Из Финляндии.

Собеседник откинулся на спинку стула и посмотрел на меня с явным удивлением.

— Как же вы сюда попали?

— Привезли в 1945 году, — ответил я.

Он перелистал лежавшие перед ним мои бумаги.

— Возможно, что вас доставили сюда для отправки на родину, но в ваших сопроводительных бумагах не указана цель вашего прибытия, а сейчас уже поздно.

Мы оба посмотрели на большие часы: они показывали 11 часов.

— Я принуждён поместить вас на ночь в боксе, там можно лежать, ну, а завтра утром ваша судьба выяснится. Сейчас же вам придётся пройти некоторые формальности.

Формальности были обычные: «шмон», произведённый весьма поверхностно каким-то солдатом, и опрос представителей санчасти, на какие болезни я жалуюсь и здоров ли вообще. После этого меня отвели в бокс. Находившаяся там скамейка была достаточно широка, чтобы на ней растянуться, что я и сделал, положив под голову мешок с немногими имевшимися у меня вещами и накрывшись сохранившимся у меня ульстером.

Любезность старшины не ограничилась разговорами: через несколько минут дверь отворилась, и он протянул мне солдатский котелок с горячим супом и деревянную ложку.

— Кухня за поздним временем уже закрыта, так что покушайте пока это, вы ведь в этапе горячей пищи не имели!

Я с чувством поблагодарил любезного чекиста и принялся уписывать капустный суп с кашей, показавшийся мне невероятно вкусным. После этого без дальнейших размышлений я заснул богатырским сном.

Я был разбужен утром человеком, принесшим мне пайку хлеба и кружку кипятку, и им же сведён для совершения утреннего туалета, который я смог повторить дважды, ибо тотчас же после умывания под краном был пропущен в баню. В бане пожилая вежливая женщина выдала мне мыло, полотенце и закрыла меня в небольшую комнату с душем, теплоту которого я сам мог регулировать, сказав:

— Мойтесь и не торопитесь. Когда будете готовы — постучите.

Я был положительно ошеломлён любезностью здешнего тюремного персонала и объяснил себе её моим возможным возвращением в Финлян-

дию. После бани моё лицо было обстрижено полевой машинкой, а я сам отведён в камеру тюрьмы номер 148.

$1+4+8 = 13$ — эта цифра долго преследовала меня впоследствии. Камера была чистая, выкрашенная в светло-фисташковый цвет; койка, приделанная к стене, была сделана из труб с натянутой на них пружинной сеткой, матрасом, одеялом, подушкой и одной простыней; поверх всего этого лежали вафельное полотенце и кусок мыла. На маленьком квадратном металлическом столе находились эмалированная миска, кружка и алюминиевая ложка. Рядом со столом было небольшое металлическое откидное сиденье, прикреплённое к стене так, что сидящий за столом был обращён спиной к двери и к имевшемуся там глазку. Я сразу оценил удобство такого расположения предметов, дававшего возможность заключённому дремать за столом, опёршись на руки. Ещё одно удобство заключалось в лампочке, прикреплённой не где-то высоко под потолком или над дверью, а над самым столом, что давало заключённому возможность читать вечером.

Элегантная девица очень миловидной наружности со светлыми локонами, распущенными по плечам, в берете, украшенном красной звездой и в форме МВД, разъяснила мне, что в случае, если мне что-либо потребуется, я должен нажать кнопку у двери, после чего в коридоре выскакивает со звонком стрелка-указатель. Затем она удалилась, а я сел за стол и погрузился в размышления по поводу всего здесь со мною происходящего.

БОЛЬШОЙ ДОМ В ЛЕНИНГРАДЕ

Размышления в этом направлении были безрезультатны и ненужны, но при сидении в одиночной камере оправдываемы, тем более что времени на них было более чем достаточно: около двух недель меня никто не беспокоил.

Распорядок дня в этой тюрьме был несколько иной, чем в тех, где я сидел в Москве; разница сводилась к тому, что подъём производился вместо 6 часов в 7, а отбой был не в 10, а в 11 часов. В безделье я целыми днями маршировал по камере до боли в ногах и полной усталости, а в фантазии гулял по Гельсингфорсу, встречал знакомых, разговаривал с ними и т. п. Довольно быстро я сбился со счёта дней, и мне казалось, что я сижу здесь целую вечность. Санчасть, по моей просьбе, прописала мне рыбий жир, и я ежедневно получал столовую ложку его и шарик поливитаминов, что способствовало, видимо, заживлению язв на ногах, которые перестали сочиться.

В какой-то день после отбоя, когда я только что лёг, открылась комнаташка, и солдатская физиономия, подманив меня пальцем, осведомилась о моей фамилии, имени, отчестве и годе рождения и, выслушав мой отчёт, предложила одеться и идти к следователю. Путь, в отличие от Лефортово, был недалёкий, и я через маленькую дверь, соединявшую Внутреннюю тюрьму с «Большим Домом» (так именовалось помещение МГБ на Литейной улице, построенное на месте Окружного суда, сгоревшего во время революции)¹⁵², был введён в обширный кабинет следователя, имевший те же атрибуты, что и аналогичные места в Москве, но несколько более современные.

За столом сидел высокий полковник еврейской национальности, очень холёный, хорошо одетый и с хорошими манерами. Бросив в пепельницу окурок длиннотрубочного «Казбека», он приятным баритоном приветствовал меня словами:

— Здравствуйте, Борис Вольдемарович, пожалуйста, садитесь, — и указал мне на стул в некотором расстоянии от себя, стоявший рядом с небольшим столиком московского образца.

Я последовал его приглашению. Должен сказать, что это тоже было для меня новостью. Московские следователи, как бы долго они ни вели следствия и как бы милы с вами ни были, никогда не говорили ни «здравствуйте», ни «прощайте». При вашем вхождении в кабинет они просто кивали головой в сторону предназначенного вам стула, а при окончании аудиенции нажимали кнопку электрического звонка и говорили вошедшему солдату: «Возьмите», сделав лёгкое движение головой в сторону клиента.

— Я пригласил вас, чтобы познакомиться, — сказал мне ленинградский полковник, — мы здесь много о вас слышали, и нам будет интересно с вами побеседовать. Могу я предложить вам стакан горячего чая?

Я поблагодарил. Полковник нажал кнопку, и в комнату вошёл солдат, неся на маленьком подносике стакан дымящегося чая, на блюдечке лежали несколько кусков сахара и кусок лимона. Я понял, что стакан чая был частью системы допроса этого следователя. Впоследствии я выяснил, что он был не следователем, а начальником следственного отдела контрразведки Ленинградской области. Встав с места, он положил мне на стол коробку «Беломора» и коробку спичек.

— Курите, — сказал он, садясь на своё место.

Я обвёл глазами комнату, погружённую в полумрак. Все предметы были более модные, чем в Москве, и выглядели новыми, включая лампочки с металлическим абажуром на его столе. Только диван с высокой спинкой, обитый чёрным с красными макаками кретоном, был несколько потрепан и в одном месте запачкан ногами лежавших на нём людей. Япил чай, полковник молчал и фиксировал меня глазами, как бы изучая. Я прервал молчание вопросом:

— Разрешите спросить: какая причина моего пребывания здесь?

— Это вы скоро узнаете. Сейчас я вас попрошу рассказать вашу, так сказать, биографию. Кое-что мы знаем, кое-что нам неизвестно. Во всяком случае, мне было бы интересно прослушать всё из ваших уст.

Я удовлетворил его просьбу, пропустив то, о чём не считал нужным его осведомлять. Он меня не перебивал и по окончании рассказа поблагодарил за него и сказал:

— Теперь уже поздно, идите отдыхать, с вами ещё будут беседовать.

Очевидно, желающие со мной беседовать не торопились, и ещё с неделю мне пришлось ждать нового вызова. Надежды на возвращение домой у меня угасли; мне явно предстояло новое следствие, но в чём оно будет заключаться, я не представлял себе и решил не ломать над этим зря головы.

При следующем вызове я очутился в той же комнате, но за столом на этот раз сидел майор лет 35. Все предварительные сцены повторились, кроме, к сожалению, появления чая, но барственная вежливость полковника заменялась у майора вежливостью приказчика из галантерейного магазина и производила впечатление наигранной. Папиросы оказались у него на столе. Когда я закурил, майор, оказавшийся следователем 3-го отдела (контрразведки) МГБ Рыбаковым, начал продолжительный монолог, сводящийся к следующему.

Незадолго до меня на этом месте сидел другой бывший офицер Императорского флота, захваченный в Риге. Он прямо заявил Рыбакову, что он идейный враг коммунизма, где бы таковой себя ни проявлял, что он по национальному самосознанию русский, и так как в России сидят у власти коммунисты, он всегда будет бороться против такой России. Его политиче-

ское сознание стоит выше национальных предрассудков, поэтому он при-мыкал к тем, кто с этой коммунистической Россией боролся. Много лет он работал в английской разведке, но когда Англия оказалась в одном лагере с Советским Союзом, он охотно примкнул бы к немцам, но последние, зная, видимо, что он много лет сотрудничал с англичанами, ему не доверяли и работать с ним не хотели.

Рыбаков хочет знать, похожа ли моя установка на установку того офицера, причём он заверял меня, что моё высказывание будет рассматриваться им как частное мнение и на ведущееся им следствие влияния иметь не будет; оно лишь облегчит дальнейшую работу, обрисовав ему мою личность.

Я усмехнулся и сказал:

— Я не совсем понимаю, зачем вам это нужно и каким образом это может вам что-либо облегчить, но я ничего не имею против того, чтобы высказать вам это, даже если вы захотите внести мои слова в протокол допроса, так как я не прячусь и не умалчиваю, что коммунистическая система и скрывающийся за этим государственный капитализм не имеет во мне поклонника. Я считаю, что отрицательные явления при его проведении, осуществлении и существовании не оправдывают того положительного, что эта система может дать. Если ссылаться на историю и признавать, что каждая новая экономическая система, сменяющая существующую, есть прогресс, то нужно признать, что закрепление крестьян было прогрессом, но я лично не приветствую обращения миллионов людей в рабов ради экономического прогресса страны, и поэтому то закрепощение людей государством, которое влечёт собой государственный капитализм, я тоже приветствовать не могу. Относительно России я нахожу, что её народ сам определяет свою судьбу и за это удачное или неудачное определение несёт последствия. Я лично русским себя не считаю и не чувствую; я чувствую себя финляндцем, я люблю Финляндию и хотя сам принадлежу к её национальному меньшинству — шведам, люблю и уважаю также нацию большинства — финнов — за их выдержку, трудолюбие, патриотизм и демократичность. Я, безусловно, против введения коммунизма в моей стране, потому я принадлежал к Шюдскору, который был создан специально для борьбы с насильственным введением коммунистической системы.

Другими внутренними, чисто политическими, вопросами я интересовался мало и при выборах в Парламент я всегда отдавал свой голос Шведской народной партии¹⁵³, которая в наших условиях является партией национального шведского меньшинства Финляндии, объединяющей людей не по социальному признаку, а по национальному. В ваши дела я никогда не вмешивался, в каких-либо русских антисоветских организациях и группировках не состоял и никакой совместной работы с ними против вас не вёл. Для этого, кроме национальной, у меня было ряд других причин. Началом, связующим меня с эмигрантами, был русский язык, который я, получив образование в России, прекрасно знаю. Он, может быть, таким же связующим началом между вами и мной, но дальше этого наша связь

не идёт. Обвинение меня по статье 58-й и § 8 о терроре в силу того, что я якобы принимал участие в какой-то русской организации, которую вы рассматриваете как террористическую — каковой она, возможно, и была, но о существовании, которой я и не подозревал, — нельзя рассматривать иначе, как иронию судьбы. Моё участие в этой организации высосано из пальца вашим московским руководством. Зачем им было это нужно — мне неизвестно, но популярность вашей системы от этого в моих глазах, могу уверить, не повысилась. Наоборот, для меня это подтвердило правоту моих установок.

Теперь о моей службе в Генеральном штабе. Работая в Штабе, я не преследовал материальной выгоды: я получал там 3000 в месяц, а своей рекламной работой я зарабатывал в пять, а иногда и в шесть раз больше. Но я думал, что на той работе я приношу пользу моему государству и потому считал её своим долгом. О размерах этой пользы судить не мне. Когда разразилась война, я был уже не у дел и явно по какому-то недоразумению был выдан вашим единомышленникам в качестве военного преступника. Должен сказать, что то, что вы мне здесь показали, не поколебало моих мнений и установок; я увидел море слёз и бесконечные безобразия. Я извиняюсь за резкость и оговарюсь, что вежливость и корректность, проявленная по отношению ко мне здесь, в Ленинграде, составляет резкий контраст с тем, что мне пришлось пережить до сих пор. Я не знаю, является ли это вашей системой вообще или это один из способов системы. Вы просили меня высказаться откровенно — я это сделал.

Рыбаков помолчал немного и потом сказал:

— Благодарю вас за доверие, а относительно способа — я думаю вы не правы: мы вежливы со всеми и во всех случаях; этим Ленинград отличается от Москвы, но там это тоже явление послевоенное, ведь война, в особенности такая, как эта, ожесточает и огрубляет нравы. Пройдёт немного времени и всё уляжется и войдёт в свою норму. Но мы перейдём к нашим делам.

— Да, относительно наших дел, — перебил я, — я хотел просить вас разрешить мне чтение, и кроме того, если вы будете в дальнейшем моим следователем, просить не лишать меня возможности столь необходимого мне сна и не вызывать на допрос, когда я ложусь спать.

— Обе ваши просьбы будут мною выполнены. А сейчас идите отдыхать.

Когда я вышел в коридор, большие часы, висевшие там, показывали полночь.

НОВЫЕ НЕОЖИДАННОСТИ

Книги я получил на другой же день, причём молоденькая хорошенькая библиотекарша в беленькой блузке спросила меня, не хочу ли я читать литературу на иностранных языках. Я спросил, нет ли чего-нибудь на шведском языке, и действительно, получил шведские книги, из которых две были издания 1912 года для чтения в поездах, а одна — 9-й том разрозненного собрания сочинений какого-то шведского историка, охватывающего период Карла IX¹⁵⁴. Чтение этих книг было мне чрезвычайно приятно и действовало успокоительно на нервы, отвлекая от действительности.

Надежд на «отpravку на родину» у меня больше не было, а так как я и раньше относился к таким надеждам скептически, то каких-либо «перезживаний» я по этому поводу не имел.

Было начало декабря 1947 года, числа мне были неизвестны, но я уже ориентировался во времени и, если ошибался, то, может быть, на один день. Проходя в баню, я имел возможность убедиться в том, что два нижних этажа стоят пустыми, и что вообще народа в тюрьме не так много, как это было в московских тюрьмах, где каждая камера была набита до отказа.

Когда через несколько дней я был снова вызван на допрос, то опять увидел за столом следователя новое лицо. На этот раз это был морской офицер в чине капитан-лейтенанта с погонями механика флота. Он выглядел как морской офицер Царского флота, был вежлив и корректен без всякой искусственности. Я знал по Москве, что офицеры следственного аппарата МГБ могут надевать любые мундиры — какие им самим нравятся, — и поэтому осведомился, вижу ли я перед собой действительно морского офицера Советского флота. На этот вопрос я получил утвердительный ответ с разъяснением, что он не является офицером МГБ, а принадлежит к контрразведке флота и что, услышав обо мне, он захотел со мной познакомиться и побеседовать по интересующим его вопросам, на что он получил соответствующее разрешение органов МГБ.

Здесь я хотел бы разъяснить то, что стало мне известно только позже, а именно, что армия и флот Советского Союза имеют свою разведку и контрразведку, которые функционируют параллельно с таковыми разведками Министерства Государственной безопасности. Аналогичные задачи и параллельность в работе этих учреждений создают антагонизм между ними, и позднее мне пришлось встретить в лагерях представителей этой армейской и флотской линии, бывших жертвами этого явления.

Разговор наш касался совершенно отвлечённых вещей: мы говорили об искусстве, театре и прочих вещах, казалось, не имевших никакого отношения к тому месту и к тем обстоятельствам, при которых разговор вёлся. Несмотря на это, на столе перед моим собеседником лежал лист бумаги, на котором он иногда делал какие-то отметки карандашом.

Часа через два я был отведён в камеру, где, оставшись один, почувствовал беспокойство в связи с осенившим меня предположением: не собираются ли советские органы завербовать меня в свою агентуру? Эта мысль пришла мне в голову как только я стал сопоставлять личность моего последнего собеседника с разговорами Рыбакова о моих идеологических установках. В результате я так разволновался, что положительно не мог заснуть... Я резюмировал своё положение словами: «Не было печали — черти накачали».

Однако эти опасения рассеялись очень скоро. Через два дня была внесена ясность во всю эту загадочную до сих пор историю. Произошло это так.

После моей беседы с морским офицером, фамилия которого осталась для меня неизвестной, меня вызвали в полночь к следователю. На этот раз за столом восседал целый синклит. Здесь был полковник, который имел со мной первую беседу, следователь Рыбаков и так мне понравившийся морской лейтенант. Все ответили кивками на мой поклон, и полковник небрежным тоном предложил мне сесть на предназначенный для подследственного стул. Они разговорились и курили, но на этот раз никто мне закурить не предложил.

Через пять-десять минут открылась дверь, и в комнату вошёл плотный полковник высокого роста в форме, напоминавшей морскую, но с серебряным прибором и значком «почётного чекиста» на правой стороне кителя. Лицо у него было красное и мясистое, губы очень полные и сжатые, густые седые волосы были зачёсаны ёжиком и слегка вились. Синклит вскочил со своих мест и вытянулся. Энергичными шагами полковник прошёл за стол и занял председательское место.

— Так, — сказал он, не теряя ни минуты и вперив в меня светлые водянистые глаза. — Итак, вы утверждаете, Бьёркелунд, что ваша служба в Финляндском Генеральном штабе заключалась в чисто кабинетной работе изучения нашей военной литературы и никакой непосредственно шпионской работы вами никогда не производилось, и что к активной разведке вы никакого отношения не имели.

— Да, — ответил я твёрдым голосом, смотря прямо в глаза полковнику.

— Хорошо. Я предлагаю вам сейчас же вспомнить: может быть, в вашей деятельности были какие-либо исключения, когда вы выступали в качестве активного шпиона?

— Нет, я таких случаев не помню.

Полковник позвонил и сказал вошедшему молодому офицеру:

— У меня в шкафу на верхней полке лежит папка, знаете, там сзади. Принесите её сюда.

Наступили молчание и тишина. Я старался представить себе, какая неожиданность меня ожидает, но ничего сообразить не успел, как офицер вернулся и, вытянувшись, передал полковнику папку в коричневой обложке.

— Ступайте, — сказал начальник, после чего быстрым движением вынул из папки какой-то листок и протянул его мне.

— Это вы писали? Это ваша подпись?

На небольшом клочке бумаги было написано: «Посылаемые вами сведения не очень нас интересуют. Главное, что нам нужно — это секретные приказы Ленинградского военного округа; если у вас нет возможности их достать, то нам придётся пересмотреть те материальные условия, которые мы с вами заключили: я могу платить уговоренные 10000 марок в месяц только при наличии приказов. 10 мая 1923 года. Бьёркелунд».

Я поднял глаза и посмотрел на серьёзно-напряжённые лица всех сидевших передо мною.

— Да, это я писал, и подпись моя.

Несмотря на твёрдый голос, которым я это сказал, лицо моё, видимо, выражало такую ошеломлённость, что все, кроме полковника, рассмеялись и не могли некоторое время согнать улыбок со своих лиц.

Теперь я должен вернуться несколько назад и объяснить происхождение этой записки и то, почему предъявление её произвело на меня такое сильное впечатление.

Я упоминал в своей автобиографии, что до осени 1922 года я вёл активную разведку в Советском Союзе до того времени, когда случился провал одного из наших агентов, Парвийнена, работавшего параллельно со мной. Провал повлёк за собой арест моей жены и некоторых лиц моей агентуры. Процесс был очень раздут большевиками и проводился в порядке «показательного» под названием «дело Эфрона», по фамилии одного из главных агентов Парвийнена. В результате этого процесса два человека были расстреляны, несколько получили от 5 до 10 лет заключения, в их числе моя жена, обвинённая в «недоносительстве»; но все мои люди были оправданы за отсутствием улик, и моя фамилия нигде не была упомянута.

Но все мои агенты, напуганные происшедшим, рассеялись во все стороны. Один, поляк, уехал в Польшу, двоим я сам помог проехать через Финляндию во Францию, откуда они позже эмигрировали дальше. Я остался без агентуры и ломал голову над тем, как наладить новые связи. Случай свёл меня в Гельсингфорсе с одной дамой по фамилии Главацкая-Ваденшерн¹⁵⁵; её отец, генерал Ваденшерн¹⁵⁶, был командиром Стрелков Императорской Фамилии. Он был расстрелян большевиками вместе с сыном-пажом в Вологде по ликвидации Белого движения на севере России. Её муж, полковник Главацкий¹⁵⁷, очень боевой офицер, имевший в войну 1914 года 11 ранений и награждённый «полным бантом», не вынес эмигрантской жизни в Финляндии; по поручению какой-то белой русской организации он отправился в Россию, попался там и тоже был расстрелян.

Эта дама, как я выяснил позже, имела отношения с русским генералом Хегстремом, позже умершим, который в то время был представителем РОВС'а в Финляндии. Генерал уговорил её поехать в Ленинград с некоторыми его поручениями, характер которых остался для меня неизвестным. Официально причина её поездки объявлялась желанием уладить какие-то

имущественные вопросы, для чего ей была предоставлена виза Министерства иностранных дел Финляндии.

Г-жа Ваденшерна предложила мне наладить нужные для меня связи, объяснив, что Гиттис¹⁵⁸, командовавший в то время войсками Ленинградского военного округа, был товарищем её мужа по Павловскому училищу и 147-му Самарскому полку, а его жена была её лучшей подругой по Институту. В качестве компенсации за это дело она просила оплатить её поездку.

Сказано — сделано. Однако Гиттис категорически отказался от сделанного ему предложения, но у него в доме г-жа Ваденшерна познакомилась с начальником Штаба округа, жена которого тоже оказалась её институтской подругой. Этот легко согласился на всё, причём был уговор, что он будет ежемесячно присылать нам копии секретных приказов Округа, за что ему будет выдаваться вознаграждение в размере 10 000 финских марок в месяц. В качестве связи г-жа Ваденшерна уговорилась с одним мелким служащим Финляндского консульства, впоследствии умершим, который согласился служить в качестве передатчика.

Первые сведения, присланные Александровым¹⁵⁹ (фамилия начальника Штаба за 25-летней давностью совершенно ускользнула из моей памяти), весьма незначительны и не содержали секретных приказов. Условенные 10 000 марок я всё же ему послал. В присланных через месяц сведениях приказов опять не было, но что было хуже — они состояли из сведений явно дезинформационного характера, вследствие чего мы прекратили с ним сношения, и всё дело заглохло. После этого я уже не возобновлял налаживания связей, а перешёл на предложенную мне работу в отделе печати. К несчастью, я забыл не только фамилию Александрова, но и то обстоятельство, что я написал ему записку, теперь находившуюся перед моими глазами.

После некоторой паузы полковник с невозмутимо спокойным лицом сказал:

— Ну, теперь рассказывайте всё и только правду, чтобы не попасть опять в дурацкое положение, которое, мне кажется, не подходит ни к вашему возрасту, ни к положению, в котором вы находитесь. Я слушаю ваше объяснение, пожалуйста!

Мне оставалось только рассказать, как обстояло дело. По окончании рассказа полковник спросил:

— Вы совершенно уверены, что все представители вашей агентуры того времени покинули Советский Союз?

— Да, я сам помог им в этом, — ответил я.

— Боюсь, что вас снова ожидает неприятная неожиданность: Ляпидевский здесь.

— При чём же здесь Ляпидевский? Он у меня на связи не был и никогда не был моим агентом; мне совершенно непонятно, почему вы упомянули эту фамилию — я её не называл.

— Ну, этот вопрос мы тоже выясним, вот Рыбаков этим займётся, — сказал на это полковник, после чего он встал и быстрыми шагами вышел из комнаты.

Вслед за этим меня отвели в мою камеру.

Два брата Ляпидевские, Владимир и Евгений, были сыновьями священника военно-морского ведомства и свою юность провели в Либаве. Позже оба поступили в Морской корпус и с успехом его кончили — старший годом раньше, а младший вместе со мной. Близок я с ними никогда не был и даже, кажется, не встречался, будучи в офицерских чинах, чему способствовала разность флотских подразделений, на которых мы служили: Владимир служил в Минной дивизии, Евгений — в бригаде крейсеров, стационарировавшей в Ревеле, а я — в 1-й бригаде линейных кораблей, базировавшейся в Гельсингфорсе.

После революции Владимир Ляпидевский, принимавший участие в Белом движении на севере России, обосновался в Гельсингфорсе, где и умер в 1953 году, всю эмигрантскую жизнь проработав простым шофёром на грузовых машинах.

Брата Евгения революция застала в артиллерийских офицерских классах, окончив которые он пошёл в Артиллерийскую академию, после чего остался при ней и служил преподавателем, а позже стал там же профессором, написав ряд научных трудов и учебников. Никакой связи или переписки между братьями не было, и о судьбах друг друга они точного представления не имели.

В 1919 году, гуляя с моей первой женой по Петербургской стороне Петербурга, я встретил Евгения Ляпидевского, бывшего в то время в очень тяжёлом материальном и моральном положении. Его бросила жена (если память мне не изменяет, он был женат на дочери адмирала Фабрицкого¹⁶⁰); он, занимая береговую должность, должен был довольствоваться береговым довольствием и тыловым красноармейским пайком, в то время довольно незначительным, вследствие чего плохо питался и находился в очень подавленном состоянии.

Я лично был устроен хорошо. Занимая в Петроградском военном порту место начальника топливного снабжения, я, ввиду связанной с этим местом возможностью получать продовольствие маршрутными поездками с юга России, имел его в избытке. Топлива я тоже имел в достаточном количестве, квартира не была разграблена, поэтому я счёл своей обязанностью помочь попавшему в беду товарищу и, посоветовавшись с женой, пригласил Ляпидевского жить у меня со всеми вытекающими из этого для него удобствами. Он с благодарностью согласился и прожил у меня до того времени, когда он по службе был переведён в Кронштадт.

Весной 1921 года, оформив свое финляндское гражданство, я поступил на службу в Финляндское консульство в Петрограде, а с осени 1921 году получил место дипломатического курьера Финляндского Министерства иностранных дел. За этот период я встретил Евгения Ляпидевского два

раза. Он тогда уже поступил в Академию. Один раз я привёз ему письмо от его брата Владимира и отвёз последнему его ответ, в другой раз предложил ему свои услуги на предмет получения разрешения на въезд в Финляндию в том случае, если бы он хотел эмигрировать.

На это предложение Ляпидевский ответил отрицательно, мотивируя это так. Он офицер и таковым остался, служил он и служит тому народу, к которому он принадлежит, а не режиму, ибо режимы могут меняться, а народ остаётся. Он всегда имел склонность к научной работе, а заниматься таковой в эмиграции ему не представляется возможным. Бежать из своей страны, чтобы, по примеру брата, грузить пароходы и работать шофёром, он не находит нужным. Здесь ему представляется полная возможность посвятить себя научной работе, и, возможно, что в этой области он достигнет многого. Конечно, нельзя жить и работать в Советской России с психологией и установками Царского офицера, поэтому он постарается перестроить свои взгляды и воспринять то, что нынешнее положение может дать в смысле идеологии.

Я согласился, что действительно в таком случае бежать отсюда не стоит, и если он думает, что справится с намеченной задачей, — то это его счастье.

После этого разговора, происходившего в 1921 году, я никогда Евгения Ляпидевского больше не видел, и ни мне, ни его брату Владимиру судьба его была неизвестна. Кроме, впрочем, такого случая или эпизода из его жизни: когда моя первая жена была арестована в 1922 году органами ГПУ, то произошло это за несколько дней до дня рождения её матери, моей тещи, а так как в квартире была устроена засада, то все родные и знакомые, пришедшие в этот день её поздравить, были захвачены и отвезены на Гороховую, 2, бывшую в то время главной квартирой ГПУ. Большинство из них после ряда допросов были выпущены ещё до суда, Ляпидевскому же пришлось фигурировать и на суде, где он был оправдан и постановлением суда освобождён.

Никакого отношения к моей разведывательной деятельности он не имел, да, я думаю, и не знал о ней. В качестве возможного источника сведений он меня не интересовал, так как я флотом, бывшим тогда в полном упадке, не интересовался.

Этим объясняются мои удивление и растерянность, когда фамилия Ляпидевского вдруг была мне брошена в момент моего замешательства. Объясняется это незнанием в то время того, с чем я ознакомился впоследствии.

Но, чтобы читателю стало понятнее то, что со мной произошло, как тогда, так и после, я считаю нужным дать соответствующее объяснение в отдельной главе.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ СССР

И МЕТОДЫ ЕЁ РАБОТЫ

Чрезвычайная комиссия, Государственное Политическое управление, Народный комиссариат государственной безопасности, Министерство государственной безопасности — это всё разные вывески одного и того же учреждения, являющегося по существу Политической полицией Советского государства.

Аналогичные учреждения имеются и в других государствах, но нигде они не достигают такой силы и влияния, как в Советском Союзе, и нигде на них не тратится таких колоссальных средств. Они отличаются от советских методами своей работы. Создателем советского метода работы полиции был Дзержинский, который за устройство колоний для беспризорных и малолетних преступников получил от своих коммунистических соратников наименование «Золотое сердце». Это «Золотое сердце», имевшее на своей душе миллионы замученных и расстрелянных людей, создало систему, при которой ни один житель социалистического рая не может избежать бдительного ока своей политической полиции. Почти каждый человек, где-нибудь служащий или работающий, имеется в картотеке этого учреждения. Если учесть, что подавляющее большинство населения служит и работает в государственных учреждениях и предприятиях (причём негосударственных не существует), то можно сказать, что всё население охвачено этим аппаратом, отмечающим грехи и промахи всех и каждого.

Мне могут сказать, что при наличии двухсотмиллионного населения это невозможно, но, к сожалению, это оказалось возможным, хотя и потребовало аппарата, исчисляющегося в миллионах сотрудников, явных и тайных, не говоря о добровольных доносчиках. При каждом учреждении, фабрике, заводе, предприятии, тюрьме, лагере, воинской части, научном учреждении имеется, как я сказал выше, оперативный уполномоченный, являющийся представителем МГБ.

По долгу службы он заносит в свою картотеку всех лиц, находящихся в сфере его деятельности. Руководствуясь данными своей секретной агентуры среди служащих и отчасти доносами, он составляет досье на каждого, кто даёт ему на это какой-нибудь повод. Заинтересовавшись каким-либо лицом, он устраивает за ним наблюдение, результаты коего тоже вносит в досье. Если накопится материала достаточно для возбуждения дела и привлечения к ответственности, оперуполномоченный пересылает свой рапорт и досье предполагаемого обвиняемого в высшую инстанцию.

В противном случае досье служит только для характеристики на случай какой-либо необходимости. Говоря о необходимости, нужно помнить, что все назначения на более или менее ответственные должности требуют согласия оперуполномоченного.

Таким образом, всё население зарегистрировано, жизнь, поведение и слова всех с возможной тщательностью занесены в архивы полиции. Если учесть, что эта работа ведётся в течение добрых 40 лет, объём работы станет ещё более понятен. Быть может, кто-нибудь спросит: а какой практический смысл имеет эта дорогостоящая и кропотливая работа?

Смысл станет ясен, если вникнуть в сущность оперативной работы МГБ. Конечно, единичные аресты производятся, и даже в немалом количестве, но главную массу арестуемых, осуждённых и направляемых в лагеря и на высылку составляют арестованные по так называемым «установкам». Чтобы понять, что представляют из себя эти «установки», я приведу примеры из относительно близкого нам времени, когда «установочные аресты» достигли своего апогея.

По окончании войны с Германией люди антикоммунистического образа мыслей не только в других странах, но и в Советском Союзе, были в уверенности, что следующим шагом Америки будет удар по цитадели коммунизма, по Советскому Союзу. Очевидно, эта же мысль владела и советскими руководителями, которые не могли себе объяснить и допустить, что подарки, сделанные им Америкой, в виде пол-Европы и доброй половины Азии, есть лишь результат глупости или, скажем, неопытности заправил американской политики. Они объясняли эту щедрость задней мыслью: дать, а потом отобрать силой эти завоевания коммунизма. При этом московские заправилы предполагали, что эта сила будет применена против них в момент их наибольшей слабости, а не тогда, когда, захватив без всякого сопротивления полмира, они подойдут сами к Американским берегам.

Итак, в период 1945–1953 годов Советский Союз и его руководители жили под впечатлением неизбежности столкновения с Америкой и подготавливали себя к этой неизбежности. Я не знаю, что делалось в этом направлении военными силами Союза, так как я сам находился в заключении, но я видел десятки поездов, вёзших ежедневно по Сибирскому железнодорожному пути полевую и тяжёлую артиллерию, подвижные радиостанции, что создавало впечатление грядущей войны. Я видел, как для стрелков, охранявших нас с вышек лагерного тыла, копались земляные укрытия около них; люди, сидевшие в немецких лагерях, рассказывали, что английские истребители при своих налётах на Германию снижались и обстреливали как раз эти вышки, а солдаты при этих налётах спускались с вышек и прятались в точно таких же земляных укрытиях. Я слышал, как криминальный элемент в своих перебранках с конвоем кричал:

— Вот скоро придут американцы и всех вас на телеграфных столбах перевешают.

О скорой возможности войны мне говорили следователи и, наконец, в силу этой возможности и ссылаясь прямо на неё, мне прибавили к сроку 5 лет, указывая на невозможность выпустить меня на волю во время войны, которая в 1955 году будет, наверно, в разгаре.

Но если, пребывая в заключении, я не мог наблюдать чисто военную подготовку страны к войне, то деятельность в этом направлении МГБ я имел возможность охватить в большом объёме, так как жертвы этой деятельности в сотнях и тысячах поступали как раз в те места, где я находился сам.

МГБ во весь этот период разрабатывало планы «операций», результатом которых были «установочные кампании». Замечу между прочим, что для проведения их в жизнь требовалось санкция Центрального комитета партии, который в то время олицетворялся личностью Иосифа Виссарионовича Сталина. В ходе этих «кампаний» определялось, какие элементы могут быть опасны для внутренней безопасности Советского Союза в случае войны с Соединёнными Штатами, и они «изолировались» в лагерь. Одновременно разрешался вопрос о необходимых сроках изоляции, которых по существу никто не знал. Если придерживаться закона, то максимальный срок был 10 лет, но он показался слишком коротким, и в порядке указа 1947 года был введён 25-летний срок. Это изменение имело ещё то преимущество, что в случае минования опасности через 5–10 лет можно было проявить «гуманность», которая может быть использована в агитационных целях, и выпустить всех «изолированных» раньше срока. Это, несомненно, имело макиавеллиевский замысел, что досрочно освобождённые будут испытывать чувства благодарности по отношению к власти. К числу неблагонадёжного элемента МГБ причисляло всех, бывших в своё время в эмиграции и вернувшихся на родину, всех, принимавших участие в Белом движении в годы Гражданской войны, а также и лиц, когда-либо сидевших в лагерях по политическим статьям, хотя бы и с незначительным сроком в 3 года или 5 лет. Все такие люди, по мысли МГБ, должны были быть на этот период изолированы, то есть изъяты из жизни.

Несомненную опасность, по мнению органов государственной безопасности, представляли люди, принадлежавшие до революции к партии социал-демократов меньшевиков, к БУНДу¹⁶¹ (еврейская социал-демократическая организация в дореволюционное время), к организациям анархистов и социал-революционеров. Барышень, гулявших и флиртовавших с американскими и другими офицерами союзных армий, видимо, в достаточном количестве находившихся в Москве, привезли к нам тоже в довольно большом количестве. Особы, «крутившие романы» с немцами, сидели в лагерях уже давно, так же как и лица, находившиеся в районах немецкой оккупации и приходившие в соприкосновение с немцами. Побывавшие в немецком плену по доставлении на родину также немедленно помещались в лагерь. Военнопленные, прошедшие через американские руки, которые по привозе в Советский Союз с восторгом демонстрировали выдан-

ное им американцами обмундирование, поражая слушателей его высоким качеством, а также описанием количества и качества той пищи, которую они получали от американцев, испытали репрессии в первую голову.

В течение всей войны и некоторое время после окончания её американцы издавали в Москве журнал «Америка»¹⁶². Советские люди, проявлявшие большой интерес к описываемому в нём американскому образу жизни, в особенности те, кто делился с «друзьями» впечатлениями по этому поводу, тоже оказывались среди нас.

У многих советских граждан, в особенности среди украинцев и евреев, были родственники, эмигрировавшие в Америку, с которыми они в разные периоды имели вполне легальную переписку. Эти родственники в поражающем количестве вдруг оказались агентами американской разведки, а их родичи в СССР поехали в изоляцию, особенно те из них, которые получали из Америки посылки, хотя бы и в более отдалённые времена — во время царившего в России в 20-х годах голода и деятельности американской организации АРА¹⁶³, боровшейся с этим голодом. Следует указать, что большинство лиц этой категории прекратили свою переписку с заокеанскими родственниками уже в начале 30-х годов, когда подобная переписка заносилась в соответствующее досье, и поддерживать её стало опасно. Вот для этих «установочных кампаний» картотека МГБ оказалась главным движущим рычагом. Получив установку, что надо арестовать всех лиц данной категории, оперуполномоченные и чиновники принимают рассматривать свои картотеки и по ним извлекать досье подходящих лиц, отдавая распоряжения об их аресте. Арестовать — это не всё: человека нужно, по советскому выражению, «оформить», то есть дать ему статью и срок. В виде судебного органа функционирует, конечно, ОСО, не связанное никакими процессуальными ограничениями. Меня лично очень интересовало, как это «оформление» осуществлялось практически, и потому я расспрашивал массу людей, даже следователей, о методах работы в этом направлении. Следователи в ответ на мои недоумения лишь смеялись и говорили:

— Был бы человек, а статью всегда найти можно.

С этим мнением было согласно и большинство заключённых. Я был свидетелем, как один заключённый в разговоре с начальником Управления Ангарлага сказал:

— По седьмому и десятому пунктам 58-й статьи (вредительство и анти-советские разговоры) каждого человека можно посадить. Вот поручите мне, и я вас в два счёта оформлю.

Начальник на это улыбнулся и сказал: «Да, это так», на что собеседник, рассмеявшись, указал на меня и ещё одного стоявшего рядом заключённого и сказал: «Вот вы, полковник, и оформлены, и два свидетеля есть».

Не успевала одна кампания кончиться, как начиналась другая, в начале и конце сливаясь одна с другой. Мы в лагерях по прибывшим контингентам могли судить, чья очередь настала «изолироваться». Интересно, что сами

пострадавшие очень долго, иногда до самого конца, не соображали, что они стали жертвой массовой операции, и в недоумении пытались объяснить происшедшее с ними каким-то недоразумением, злой волей «оформляющего» их следователя или просто ошибкой.

Говоря об оформлении на двух примерах объясню, как оно происходило. Я мог бы такими примерами заполнить целый том, но не считаю нужным это делать по той причине, что тому, кто не желает верить, никакие примеры не убедительны, а беспристрастному читателю достаточно прочесть и те, которые я здесь привожу для иллюстрации сущности дела.

Вот заключённый Жуковский, он рабочий-механик Оршинских железнодорожных мастерских. Орша — громадный железнодорожный узел в Белоруссии, находившийся в тылу немецкой оккупации. Железнодорожные мастерские чинили паровозы и вагоны. В этих вагонах и при посредстве этих паровозов немцы перевозили свои войска или вообще пользовались ими для надобностей своего транспорта. Когда советские войска вернули Оршу, Жуковский вступил в советскую армию и дошёл с ней почти до Берлина. К несчастью, ему в одном сражении оторвало ногу; пролежав некоторое время в различных госпиталях и кое-как подлечившись, он вернулся в Оршу, где был принят на работу на прежнее место. По установочной кампании он, инвалид войны, попадает в лагерь как работавший на немцев во время оккупации.

Вот милейший доктор Ихок¹⁶⁴. Ему 72 года. Он вместе со своей супругой, старой курсисткой, состоит с 1918 года в коммунистической партии. Последний 9 лет он был редактором иностранного отдела газеты «Известия Ц. К. П.». Но до революции Ихок состоял в социал-демократическом «БУНДе», опять-таки вместе со своей женой. При соответствующей установочной кампании оба снимаются с работ, исключаются из коммунистической партии и отправляются: он — в лагерь в Тайшет, она — на высылку в Петропавловск в Сибирь.

И так далее, и так далее. Жертвой такой кампании оказался и Ляпидевский, а косвенным образом и я.

В советской армии офицеров, сохранившихся от Царского времени, к середине 40-х годов почти не было, но на флоте их было относительно много, в большинстве случаев в академиях, штабах и притом на довольно крупных постах. Этим офицеров было решено в 1946 году подвергнуть проверке. Для некоторых это прошло безболезненно, быть может, они и не подозревали, что их проверяют. Но многие сели, в их числе и Евгений Ляпидевский. Из его досье выяснилось, что в 1919 году он жил у меня на квартире, в 1922 году был на этой квартире арестован и даже фигурировал на процессе финских шпионов, хотя был за отсутствием улик оправдан. После этого в течение 25 лет продолжал беспорочно служить и даже написал много учебников и научных трудов, а за свою деятельность был неоднократно представлен к наградам.

Но, с другой стороны, отсутствие улик может быть объяснено случайностью, а между тем из досье известно, что у него есть брат Владимир и что этот брат состоит в ряде эмигрантских организаций, «скрывающихся под названиями» Великоорусский балалаечный оркестр и Русский хор.

В советских условиях того времени это гром и молния среди ясного неба. Финляндец Бьёркелунд, у которого в 1919 году жил Евгений Ляпидевский, находится в Советском Союзе, в лагере. Из ознакомления с его делом явствует, что он осуждён ОСО и обвинения его мотивированы слабо. Начинают искать в архивах и находят досье Александра и письмо Бьёркелунда к нему. Бум!

Начинается мое новое хождение по мукам, но на этот раз более обоснованное как для меня, так и для Евгения Ляпидевского.

ПОСЛЕДНЯЯ УСТАНОВОЧНАЯ КАМПАНИЯ МГБ

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению моих хождений по мукам, я хочу описать последнюю «операцию» МГБ, явившуюся косвенной причиной гибели Берии и ликвидации МГБ в том виде и с теми полномочиями, которые оно имело. Катастрофа, постигшая МГБ, послужила до некоторой степени началом новой эпохи в СССР, которая может быть названа «хрущёвской». Прямым следствием её явилась возможность возвращения домой сотен тысяч людей не только в Советском Союзе, но и в Европе.

Кампания эта была антиеврейская. Еврейский вопрос существует в каждой стране, где живут евреи, он прямо пропорционален количеству их в стране и существует даже в тех странах, например Скандинавских, где население не подозревает об их существовании.

В разные исторические времена правительства разных стран по-разному пытались разрешить этот вопрос, но, как правило, безуспешно. В России еврейский вопрос был всегда весьма болезненным, отчасти в силу большого количества евреев и исторических судеб этого народа. Главная масса еврейского народа в Российской Империи была сосредоточена в западных районах страны, причём количество еврейского населения особенно увеличилось с присоединением к России Польши. Чем дальше на Восток, тем меньше было процентное отношение евреев к остальному населению, приближаясь на самых восточных окраинах к нулю.

Кроме исторических причин такому распределению еврейского народа способствовала «черта оседлости», для евреев весьма ощутительно ограничивавшая их пределами западных и привислинских губерний. Въезд за пределы этой черты и поселение там были возможны только для евреев с высшим образованием или с профессиями, требовавшими законченного профессионального образования, как, например, фармацевты, дантисты и т. д.

Однако для достижения этого требовалось преодолеть некоторые трудности, проистекавшие из «процентной нормы», которая заключалась в том, что так как процент евреев по отношению к остальному населению составлял 3%, то и доступ евреев в средние и высшие учебные заведения был ограничен этим процентом. Конкуренция при поступлении в высшие учебные заведения, в особенности в технические, за их недостаточным количеством или, вернее, за недостаточностью их ёмкости, была очень большая не только для еврейского населения, поэтому из евреев попадали в них самые талантливые, прилежные и одарённые. Это отчасти создало легенду о невероятных способностях еврейского народа, и появилось опасение, что при предоставлении возможности получения образования более широкой еврейской массе этот народ забьёт русских и всё собой

заполонит. Я не хочу этим сказать, что еврейская нация не одарённая, я только хочу сказать, что тот ряд талантливых адвокатов, врачей, журналистов, имена которых вошли в историю петербургской эпохи последних пятидесяти лет до революции, был создан искусственно в силу административного нажима.

Антиеврейская политика русского правительства, оправдывавшаяся охраной интересов русского народа, не была «антисемитской», ибо по существу таковая должна была бы быть расовой. Принявший христианскую или магометанскую религию стопроцентный по крови еврей освобождался от всех ограничений и мог занимать любые посты в государстве вплоть до высших военных. Считалось, что именно иудейская религия и связанная с ней религиозная общинная организация мешают ассимиляции евреев и объединяют их вокруг национального знамени.

Пространство, отведённое для евреев «чертой оседлости», было больше Германии, и, казалось бы, было где им развернуться, но, видимо, по местным условиям этого не происходило, и много евреев ежегодно эмигрировали в Америку.

Каждая нация имеет характерные для неё особенности в области своей деятельности, обыкновенно создаваемые историческим путём. Несомненно, основным свойством еврейской нации была склонность к торговле. Благодаря этому большая часть торговли Западного края Российской Империи оказалась в руках евреев, в особенности рынок сельскохозяйственной продукции. Это привело, помимо исторического антагонизма, к сильному развитию антисемитизма, повлёкшего за собой время от времени погромы еврейского населения. За границей было принято обвинять Царское правительство в организации этих погромов; я думаю, что это несправедливо, так как погромы производились в этих районах и после падения Царской власти по приходе к власти местных националистов, причём погромы этого времени по жестокости и размаху во много раз затмевают всё, что происходило раньше.

Октябрьская революция, отменив «черту оседлости» и уничтожив положение евреев как граждан второго сорта принесла евреям нечто положительное, дав им возможность деятельности на всей территории Российского государства.

В громадном количестве еврейская местечковая молодёжь, малообразованная, но изворотливая, энергичная и не связанная никакими традициями, бросилась из-за «черты оседлости» на остальную территорию России. Административный аппарат был распущен, русская интеллигенция, в процентном отношении немногочисленная и в силу своей идеологии оторванная от реальности и от народа, была частично уничтожена физически, а частично, спасаясь от красного террора, бежала из страны. Все освободившиеся вследствие этого должности заполнились местечковым еврейством. Если вспомнить, что Центральный комитет коммунистической партии насчитывал 80% людей еврейского происхождения, то создавалось

впечатление, что вся Россия захвачена еврейством, и что коммунизм — измышление евреев для захвата власти во всём мире. Фактически евреи, сидевшие в ЦКП, как Троцкий-Бронштейн¹⁶⁵, Каменев-Розенфельд¹⁶⁶, Зиновьев-Апфельбаум¹⁶⁷ и др., с еврейством и его национальной идеологией ничего общего не имели; у них не было никакой связи ни с сионистами, ни с каким-либо другим еврейским движением. Они были профессиональными революционерами, которые, как только страна перешла из периода революционного в период стабильного строительства государства, оказались ненужными, неспособными и вредными и были физически истреблены. На их место пришли хрущёвы¹⁶⁸, сусловы¹⁶⁹ и другие.

Но местечковые евреи, заполнившие аппарат государственной машины, выступали не только в качестве представителей еврейской нации, но и в качестве работников коммунистической партии, и в этом в глазах одних была их вина, а в глазах других — заслуга. По иронии судьбы, именно они строили социалистическое государство, не будучи социалистами. Проводя революционные мероприятия, они не были революционерами, а просто увлеклись возможностью власти, лучшего материального положения, а иногда возможностями хорошего, хотя и рискованного заработка. Всё это не могло не отразиться на психике населения, и антисемитизм вышел из границ оседлости и развился по всей России.

Этот антисемитизм был некстати для коммунистической власти, у неё ещё не было подготовлено кадров, которые могли бы заменить работавших у неё местечковых евреев, а самим евреям антисемитизм был опасен, так как угрожал их собственной безопасности. При таком совпадении установок всякое проявление антисемитизма было объявлено контрреволюционным и подлежащим строгим наказаниям. Однако он не умер в населении, но ушёл в подполье, которое при советских условиях всегда находится в глубине мозга советского гражданина, так как в другом месте оно будет немедленно открыто. Реально это подполье в течение ряда лет никак себя не проявляло, если не считать ядовитых анекдотов вроде: «Нельзя говорить жидкость, а надо еврейкость» и т. п.

Внимательный читатель заметил, может быть, что я несколько раз отмечал еврейскую национальность как в следовательском составе, так и в тюремном и лагерном персонале. Я делал это для того, чтобы теперь указать, что в 1950 году все эти люди исчезли настолько, что мы обратили на это внимание. Официально всё будто бы обстояло благополучно, не выдвигалось никаких антисемитских лозунгов, еврейских жалоб не поступало, по крайней мере — в сфере моих наблюдений. Но уже самый факт исчезновения еврейского элемента из органов МГБ являлся предупреждением. Гроза разразилась незадолго до смерти Сталина, но разгром еврейского элемента, изгнание его с мест и служб и распределение его по исправительно-трудовым лагерям и местам высылки начались около 1948 года. Когда я, после четвёртого по порядку следствия, был привезён из Лубянки в Бутырскую тюрьму для ожидания нового приговора — это

было весной 1951 года, — то из 17 человек, сидевших в камере в ожидании приговора, 16 были евреи, все крупные персонажи: директора трестов, редакторы отделов центральных газет и начальники главков. Предпосылкой этой кампании была всё та же подготовка к войне с Америкой, а рассуждения текли примерно по такому руслу.

Влияние еврейских групп на американскую политику велико, а авторитет Америки у русских евреев, вероятно, ещё больше; тут играли роль и американские родственники, и роль, сыгранная Америкой в войне с Германией. Между тем эти, возможно, дружественные Америке элементы занимают в Советском Союзе ведущие места. Опасность налицо, поэтому делается установка их убрать; способы для этого старые и испытанные. Но если такие меры в отношении бывших белогвардейцев, эмигрантов, фашистов, союзников немцев мировой общественностью и прессой затрагивались мало и в сущности мало кого интересовали, то аналогичные действия в отношении евреев вызвали большой шум. Мировое еврейство имело перед собой опыт Гитлеровской эпохи и потому не без основания усмотрело в этом новую опасность для своей нации и ударило в набат, что облегалось тем, что большинство мировой прессы было в их руках.

Отрицательное отношение Советского правительства к созданию Палестинского государства¹⁷⁰, которое оно рассматривало как американскую агентуру на Ближнем Востоке, тоже немало способствовало враждебности этой прессы. Тогда решено было нанести удар, долженствующий реабилитировать эти антиеврейские деяния и опереться на общественное мнение своей страны. Для этой цели был устроен так называемый «процесс врачей»¹⁷¹. Эта операция состояла в том, что руководящей группе врачей Кремлевской больницы, лечивших самых крупных лиц коммунистической иерархии, было предъявлено обвинение в сознательном отравлении и отправлении на тот свет ряда крупных лиц этой иерархии — Жданова, Максима Горького¹⁷² и др. Врачи эти были евреи.

Женщина-врач¹⁷³, сделавшая донос, русская, была награждена орденом Ленина¹⁷⁴ — очень крупной наградой, соответствующей ордену Св. Владимира¹⁷⁵ в Царской России. В руководящих газетах — «Правде» и «Известиях» — ежедневно стали появляться статьи, разъясняющие опасную мелкобуржуазную роль еврейства, стремление сионистских организаций захватить мировое господство и т.д. Вспоминались Сионские мудрецы Нилуса¹⁷⁶ и приводилась антиеврейская аргументация национал-социализма. Если погромщики старых времён выдвигали лозунг: «Жида Христа распяли», то теперь появился новый лозунг: «Еврейка Каплан, по заданию сионистской агентуры, убила Ленина».

Через неделю мы узнали из газет, что все арестованные врачи сознались в инкриминируемых им преступлениях и что остаётся только вынести им приговор. Сущность всем была ясна — расстрел. Я совершенно убеждён, что никакое потрясение и возмущение общественного мнения не спасло бы ни кремлевских врачей, ни прочих евреев, живших в России,

от жёсткой руки МГБ, но смерть Сталина актуализировала борьбу за власть в верхушках коммунистического мира. При жизни Сталина наследниками считались последовательно Киров¹⁷⁷, Жданов и Маленков¹⁷⁸; за смертью двух первых остался последний. Но Берия, имевший в своих руках мощный аппарат государственной полиции, собственную полумиллионную армию войск МГБ, естественно, считал наследником себя. Подтянув свои войска к Москве, он хотел произвести захват власти.

ЦК партии прекрасно знал, что это повлечёт за собой его личную гибель и в целях самозащиты предпринял свои меры. Борьба, как нам известно, была непродолжительна: Берия был расстрелян. Но оставался весь старый аппарат МГБ. Центральному Комитету партии было известно как об «установочных операциях», так и о невинности кремлёвских врачей, хотя те и «сознались» в своих преступлениях. Поэтому как раз в эту дырку члены Центрального Комитета просунули свои руки и моментально открыли то, что им было и до того известно, а именно, что МГБ является государством в государстве, что оно творит беззакония и, наконец, что оно может быть опасно для них самих. В самом ЦК шла борьба за власть, приведшая в результате на «Российский Престол» Хрущёва, причём никому из членов Центрального Комитета не было желательно, чтобы кто-либо из них самих возглавил МГБ. Поэтому МГБ было раскассировано, чрезвычайные полномочия были отняты и наиболее преданные Берии лица расстреляны. Случилось так, что в первую голову были расстреляны как раз члены того следственного аппарата, которые вели моё первое дело в Лефортовской тюрьме в 1945 году, а именно: начальник следственного отдела Кузнецов, его заместитель Герасимов и мой следователь Рюмин. Кто ещё из приспешников Берии и его ставленников сложил свои головы и вообще сложили ли они их, мне неизвестно, так как в газетах было сообщено лишь о нескольких лицах. Хрущёв позже справедливо хвалился тем, что он указал политической полиции её место в государстве.

Однако, если деятельность государственной полиции была официально скомпрометирована, то антиеврейские статьи отнюдь не были объявлены неверными и несправедливыми, и антиеврейская кампания продолжалась, приняв другие формы. В доказательство этого положения я приведу случай со мной самим в 1954 году, когда я занимал место культорга на 43-м лагпункте Озерлага.

Культорг имел массу работы на лагпункте и исполнял много функций, вытекающих из его наименования, но по штату никаких помощников ему не полагалось, причём в большинстве случаев он должен был быть ещё и художником. Недостающие персонажи замещались заключёнными инвалидами. У меня работали в качестве библиотекаря, учётика индивидуальной производительности труда, сотрудника и составителя стенных газет, выходивших каждую неделю, два еврея-инвалида — один бывший редактор иностранного отдела «Известий», милейший доктор Ихок, а второй — бывший старший бухгалтер одного из больших московских тре-

стов по фамилии Островский. Однажды в мой кабинетик, находившийся при столовом зале, зашёл начальник лагпункта старший лейтенант Буровцев и с места в карьер огорошил меня вопросом:

— Скажи, Бьёркелунд, ты случайно не еврей?

— А что? Разве у меня такая наружность? — ответил я вопросом же.

Начальник оглядел меня испытующим взглядом и сказал:

— Нет, наружность у тебя не еврейская и на жида ты не похож, но если евреи куда-нибудь заберутся, всегда тянут своих, и вот я вижу: у тебя половина сотрудников евреи. Неужели ты не можешь найти кого-нибудь другого для работы в культчасти?

— Гражданин начальник, вам должно быть известно, что на нашем лагпункте очень мало интеллигентных сил, а те, которые есть, либо не инвалиды и потому мне недоступны, либо работают в конторе, что для них, конечно, выгоднее, так как их работа в конторе оплачивается, тогда как я ничего не могу предложить своим сотрудникам кроме маленьких поблажек, по существу, им и не так необходимых. При этом я беру на себя смелость указать, что «половина» — величина по размерам неопределённая: половина слона и половина кролика друг другу не равны. У меня, считая дневальных, 5 человек, а евреев два, это меньше половины и приближается к трети.

— Довольно, довольно, я знаю, что у тебя язык хорошо подвешен. Только вот что — в течение недели подыщи на их место кого-нибудь другого.

С этими словами он вышел.

Я оказался в очень затруднительном положении. Мой начальник лейтенант Вотинов был в отъезде и без него я не имел никакой опоры или защиты. Ихок и Островский были прекрасные работники, кроме того, меня с ними связывала личная дружба, и я не хотел их огорчать. Это с одной стороны. С другой — я действительно не мог себе представить: кем их замещу? Я решил ждать возвращения своего начальника, чтобы вместе с ним найти выход из положения. Но прежде чем тот вернулся, Буровцев опять зашёл ко мне и спросил, исполнил ли я его приказание. На мой отрицательный ответ и просьбу указать мне лиц, коими я мог бы заменить этих сотрудников, Буровцев мне сказал:

— Мы по всей России их заменили, а здесь в лагере вдруг оказывается, что они незаменимы. Ну, тогда я буду действовать иначе — и, хлопнув дверью, он ушёл.

Я понял его слова как конец деятельности в качестве культорга 43-го лагпункта, но оказалось это было не так.

Подъём на лагпункте производился в 6 часов утра, я же, по вольности дворянства, вставал в 7 и шёл к себе в рабочую комнату, где обыкновенно завтракал вместе с неким Сашей Жашковым, бывшим шофёром кремлёвского гаража, работавшим у меня в КВЧ в качестве переплётчика. Через два-три дня после последнего разговора с Буровцевым я, придя утром завтракать, узнал от Жашкова, что сейчас же после подъёма Ихок и Островский

были вызваны на вахту с вещами и отправлены на другой лагпункт, находившийся от нас в 10 километрах.

С трудом нашёл я замену ушедшим, а начальник лагпункта, зайдя как-то в помещение КВЧ, смеясь, сказал:

— Ну, вот и устроились, и чесноком не пахнет, воздух чище, и людей, оказывается, найти можно было.

Я не нашёлся, что ему ответить.

На этом я кончаю эту главу и перехожу к описанию моих дальнейших злоключений. Упомяну только, что то положение евреев, которое они имели до этой установочной кампании, больше уже не восстановилось, и Хрущёв мог бы сказать, что и им он тоже указал на их место в советском государстве. Из разговоров с советскими обывателями я вынес впечатление, что только в торговых органах евреям удалось удержаться в относительно большом количестве, но это, вероятно, вполне заслуженно.

НОВОЕ СЛЕДСТВИЕ НА НОВЫЙ ЛАД

Через пару дней после моего «изобличения», вскоре после получения утром кипятка и хлеба, дверь в мою камеру отворилась и последовательно вошли: корпусной надзиратель, девушка в белом переднике, концы которого она держала в руках, и дежурный надзиратель. Корпусной держал на манер букета цветов большой фунтик из белой бумаги. Я встал и с некоторым недоумением смотрел на вошедших.

— Следственная часть, — объявил корпусной, — посылает вам продовольственную посылку.

С этими словами он передал мне фунтик, содержащий два кило колотого сахара. Я взял фунтик и стоял с ним, как юбиляр, принимающий подношения от какой-то делегации.

— Посылка состоит, — продолжал корпусной, — из 2 кило колотого сахара, 2 кило сахарного песку, — песок и все дальнейшее находилось в переднике вошедшей с ним девушки, откуда он доставал всё последующее и складывал на столике, — 6 пакетов махорки, 4 книжек курительной бумаги, 3 коробков спичек, 250 граммов мыла. Кроме того, вам выписаны следующие продукты, — при этих словах он вынул из кармана записку и стал по ней читать:

— Крупы ячневой 2 кило, рису — 1 кило, манной — 1 кило, овсянки — 1 кило, масла растительного 1 ½ литра, мяса — 4 кило, рябы — 5 кило и картошки 10 кило. Все эти продукты сданы на кухню, где из них вам будут приготавливать кушанья. Обычный тюремный паёк вы будете получать своим порядком, а дополнительные блюда вам будут давать в 2 часа дня и в 8 часов вечера. Кроме того, вы будете получать ежедневно 400 граммов сухарей; вам выписаны белые сухари, но боюсь, что белых у нас нет, вероятно, их заменят чёрными.

Произнеся эту тираду, корпусной улыбнулся, видимо, глупому выражению моего лица и удалился, сопровождаемый своей свитой. Я прямо не знал, что подумать, однако это «дополнительное» питание было очень мне кстати, тем более, что оно и по качеству, и по количеству превосходило «основное» тюремное.

24 декабря 1947 года меня вызвали часов в 7 к следователю. Я всё время обдумывал, в каких словах мне выразить благодарность за посылку, чтобы не вышло слишком восторженно. Однако, войдя в кабинет следователя, я увидел неизвестного мне майора, и благодарность завязла у меня в горле.

— Садитесь, — сказал следователь, — мне поручено снять с вас допрос об Александрове. Должен вам сказать, что я чрезвычайно занят и хотел бы всё проделать возможно скорее; поэтому я думаю, что самое практичное будет сделать так: вы мне расскажите всё, что вы по этому вопросу знаете, я составлю допрос и прочту вам, а вы подпишете. Согласны?

Как я упомянул раньше, фамилия Александрова за 25-летний срок совершенно улетучилась из моей головы, и я растерянно посмотрел на майора. Он перебирал лежавшее перед ним на столе документы и, подняв какую-то бумажку, обратился снова ко мне.

— Вот здесь бумага, на которой не хватает вашей подписи, она, видимо, не была вам зачитана. Известно ли вам, что постановлением ОСО от июля месяца 1947 года отбывание срока в лагерях заменено вам тюремным заключением?

— Нет, — сказал я растерянно.

Дело в том, что ОСО сделало такое изменение всем, привезённым одновременно со мной из Финляндии, но мне тогда это не было известно, и поэтому я решил, что такая мера относительно меня явилась следствием моей попытки списаться с женой. Одновременно мне пришла в голову мысль, что сегодня сочельник Рождества, и это подарок к празднику. Горький подарок, так как мало радости провести в тюрьме оставшиеся мне 8 лет заключения.

— Так распишитесь заодно, — сказал майор, — и перейдём к делу.

Я объяснил майору, что совершенно не имею намерения его задерживать, но не представляю, о каком Александрове идёт речь. Следовательно с недоумением посмотрел на меня и сказал: «Но, позвольте, несколько дней назад вы сами подтвердили идентичность вашего письма к Начальнику штаба Ленинградского военного округа Александрову, а теперь вы недоумеваете, кто это такой». Я объяснил причину моего недоумения, и он быстро составил протокол согласно моим показаниям.

В сущности это был единственный допрос в Ленинграде, который касался меня самого; в дальнейшем все допросы и разговоры касались Ляпидевского и наших с ним взаимоотношений. К моему делу, в смысле его осложнения, всё это не имело отношения, так как § 658-й статьи, гласящий о шпионаже, я уже имел.

Вежливость, продовольственные посылки и т.д. предназначались, чтобы задобрить меня. Контрразведка хотела знать, не работал ли Ляпидевский для Финляндского Генерального штаба, и хотела, в данном случае знать правду — это вытекало из хода всего дальнейшего следствия. Я не буду его описывать, так как особо интересного в нём ничего не было. В основном мне говорили, что Ляпидевский проштрафился в чём-то другом, а моё показание только деталь, по существу не могущая повлиять на его судьбу. Ясно, что контрразведка не стала бы копаться в архивах и вытаскивать дела 25-летней давности, если бы против него не было бы более актуальных вещей. Но это были только какие-то подозрения, только разговоры, и, несмотря на мою тогдашнюю неопытность, интуитивно я понимал, что главный удар против моего бывшего товарища должен будет исходить от меня.

Допросы бывали иногда трудные, в особенности, когда кроме Рыбакова присутствовали ещё два следователя, старавшиеся сбить меня неожидан-

ными вопросами и поймать на противоречиях, причём все эти разговоры стенографировались. Но так как я говорил только правду, то сбить меня им не удавалось. Должен и здесь подчеркнуть — Ляпидевский в действительности был не виноват.

Хорошее питание восстановило мои силы и здоровье, я пополнил, выспался и отдохнул. Рыбаков сдержал своё слово и не беспокоил меня ночными допросами, вызывая часов в 7 вечера и отпуская спать к 10 часам, кроме одного случая, который я здесь опишу.

В начале января 1948 года при одном из допросов в начальной стадии дела Ляпидевского Рыбаков сказал мне, что будет вынужден нарушить своё обещание не вызывать меня ночью, так как со мной хочет познакомиться генерал, а он принимает только по ночам. Это свидание должно произойти между 12 и 2 часами ночи дня через два-три. Дня через два я был вызван Рыбаковым около полуночи.

— Сейчас мы пойдём к генералу, только получим пропуска, — сказал он, после чего начал звонить по телефону, кого-то разыскивая и торопя с выпиской пропусков, причём выписывающий никак не понимал моей фамилии. Наконец пропуска были нам принесены, и Рыбаков начал выяснять по телефону, когда генерал может нас принять. Всё это длилось с час, я видел, что Рыбаков волнуется, и спросил его, что это за генерал, к которому мы пойдём. Рыбаков растерянно посмотрел на меня и воскликнул:

— Что за генерал? Наш начальник, генерал Мухин¹⁷⁹!

Мне эта фамилия сказала очень мало, но я не стал расспрашивать. Наблюдая волнение Рыбакова, я почему-то становился всё спокойнее, мне было смешно, что человек так волнуется, идя к своему начальнику. Наконец позвонил телефон, и нам сообщили, что мы можем тронуться.

Идя по громадным и длинным коридорам МГБ Ленинградской области, я понял, почему жители зовут это помещение «Большим домом» — это был действительно большой дом. По пути Рыбаков предложил мне зайти в уборную, и я мог констатировать, что уборная была первоклассная и что она была нужна Рыбакову больше, чем мне. Мы поднимались по лестницам, проходили просторными коридорами со множеством дверей и наконец остановились около солдата, сидевшего за маленьким столиком у стеклянной двери, разделявшей в этом месте коридор, и потребовавшего наши пропуска. Пройдя ещё небольшое расстояние, мы остановились у большой двухстворчатой двери, и Рыбаков, вежливо склонившись как-то боком, постучал в неё согнутым пальцем.

Дверь моментально отворилась, перед нами стоял высокий офицер в гимнастёрке с погонами капитана. Мы вошли, и капитан сразу посадил меня на стул носом к стене, на которой висела карта затопленных наводнениями районов Ленинграда. Рыбаков по докладу капитана скрылся в соседней комнате, держа в руках папку с делами. «Вероятно, моими, — подумал я, — очевидно, он в кратких словах ознакомит генерала с моей личностью и доложит ему, в чём дело».

«Краткие слова» заняли довольно много времени, и я бочком, потихоньку, незаметно стал рассматривать комнату. Она была большая, но заставлена очень громоздкой мебелью; посередине стоял стол с радио системы Телефункен. Стоявший перед ним майор крутил ручку, видимо, ища музыку и, найдя её, поставил на сурдинку. «Радио они спёрли в Германии, — подумал я, — и настольные лампы, видимо, оттуда же, а вот мебель здешняя». Я насчитал три письменных стола; это, очевидно, была канцелярия генерала.

— Вчера вечером начитался Достоевского, — говорил капитан, стоя перед столом майора, — «Братьев Карамазовых» читал. Какая сильная вещь и какой гениальный писатель. Ты знаешь, я потом всю ночь спать не мог — тяжёлая вещь.

Я усмехнулся нежным нервам капитана, не соответствующим месту его службы. Дальше он начал рассказывать о котёнке, подаренном им дочери, которого сын всё время таскает за хвост, к ужасу и огорчению владелицы. Майор давал советы, как воздействовать на сына для изменения его кошачьих установок; в этот момент раздался звонок из кабинета генерала, и капитан, открывая туда дверь, сказал мне тоном вертухая, вызывающего из камеры:

— Проходите.

Я вошёл в большую комнату, обставленную с роскошью 1908 года. Стол был покрыт толстым стеклом, на котором лежали с подюжины остро отточенных разноцветных карандашей и стоял чернильный прибор из яшмы с бронзой — какие до войны 1914 года можно было купить у «Треймана» или «Александра»¹⁸⁰. В углу на небольшом шкафчике красного дерева стояли часы, изображающие женщину, держащую шар с циферблатом. Часы были югенд-стиля, дорогие и хорошего выполнения.

Генерал стоял около стола. Это был человек невысокого роста, с поря дочным брюшком, с лицом женщины лет пятидесяти. Но если сам генерал не имел воинственного, грозного или хотя бы в глаза бросающегося вида, то всё это заменяли его погоны. Я никогда не видел таких больших генерал-майорских погон, сидевших ребром на его узких плечах, так что мне прежде всего бросились в глаза погоны, а потом всё остальное.

Ни по лицу, ни по фамилии этот генерал не походил на еврея, однако он говорил с таким еврейским акцентом, с каким говорили плохие рассказчики еврейских анекдотов. Большое зелёное плюшевое кресло было отодвинуто от стола, вместо него стоял венский стул, на который генерал и предложил мне сесть, сам опускаясь в кресло, стоявшее у его письменного стола. Рыбаков поместился на таком же венском стуле, как и я, разложив на маленьком столике свои бумаги.

Генерал начал разговор призывом не терять духа и твёрдо верить, что вся моя эпопея кончится для меня благополучно и я вернусь на родину в лоно моей семьи. Как обстоятельство, особо мне благоприятствующее, генерал указал на осуждение меня не трибуналом, а ОСО; ОСО — орган

административный, а не судебный; осуждённый ОСО не считается осуждённым юридически и, по советским законам, за ним не числится судимости. Кроме того, срок, даваемый ОСО, условный, и ОСО может его сократить или похерить — в зависимости от политической обстановки.

Прослушав все эти рассуждения, я улыбнулся и сказал:

— Я очень благодарен за слова утешения, они, безусловно, доказывают, что у вас доброе сердце, но, к сожалению, оптимизма, которым дышит ваша речь, я разделить не могу. Мне вспоминается один старый анекдот, относящийся к эпохе революции 1918–1920 годов. Тогда всюду были расклеены плакаты, на которых было написано: «Сифилис не позор, а несчастье», и кто-то на одном из них приписал карандашом: «а мне от этого не легче». Вот эту пометку я, простите за откровенность, невольно делаю на ваших словах, хотя не могу отрицать их справедливости, тем более, что даже за относительно короткий срок моего пребывания в распоряжении ОСО я уже испытал условность его приговоров, а именно: первоначальное пребывание в исправительно-трудовых лагерях прошлым летом было мне заменено тюремным заключением.

Генерал несколько растерялся и стал доказывать мне, что в тюрьме лучше, чем в лагере: не надо работать, лучше жилищные условия, библиотека.

Я дал ему высказаться и спросил затем, пришлось ли генералу самому сидеть в лагере или тюрьме; я могу предположить, что нет, а потому генерал не может сравнивать две неизвестные ему величины, указывая на одну из них как на лучшую. Я думаю, что это происходит от оптимизма. Это чувство вызывает во мне зависть; я сам в данном случае пессимист и, говоря по совести, имею на то основания.

Генерал перешёл к другим темам. Из моих слов выходит, что я в смысле моей деятельности, сказал он, являюсь лицом историческим, если не в буквальном смысле этого слова, то в смысле времени моей деятельности на разведочной ниве. Поэтому ему непонятно, почему я не высказываю достаточной откровенности к прошлому. Это всё было когда-то, это отошло в историю, это давно не актуально, мы фактически бродим между костями и трупами. Чего же тут запереться? Что скрывать? И людей тех нет, и обстановка другая, игра кончилась, можно положить карты на стол и разобрать, кто с чего ходил.

— К сожалению, генерал, — сказал я, — вопрос поставлен не совсем так, как вы его редактируете. Мы, правда, бродим между мертвецами и ворошим их тела, но делаем это для изобличения или оправдания живого человека — Ляпидевского¹⁸¹. Для меня проще всего было бы сказать — «да, он виновен» — и на этом дело бы кончилось. Но я никогда не возьму такой вещи себе на душу: Ляпидевский фактически не виновен. Мне говорят: «Как это так? Все люди, замешанные в мою деятельность того времени, или умерли или покинули Советский Союз. Ляпидевский, тоже принадлежавший к моему окружению и даже живший у меня, единственный живой в настоящее время, — вдруг не виноват!» Гражданин генерал: Ляпидевский

жил у меня с осени 1919 года по осень 1920 года, когда я не имел никакого отношения ни к Финляндскому Генеральному штабу, ни к Финляндскому консульству. С осени 1920 года до моего окончательного выезда за границу я видел Ляпидевского два раза, и то мельком. Если ему через 25 лет, прошедших с того времени, не изменяет память, то, вероятно, он это подтвердит. Кроме того, я думаю, что и в Советском Союзе ещё находятся в живых многие из моих знакомых того времени, так как я сталкивался с массой людей, но это не означает, что все они занимались шпионажем. У вас, генерал, наверняка тоже есть много знакомых, но я не думаю, что вы вербуете их всех в секретные сотрудники МГБ. В конце концов, если допустить такую возможность, то задача контрразведки упрощается до крайности: с кем вы раскланялись — того и хватай! Вербовка агентуры тоже не составит затруднений — с кем познакомишься, того и спрашивай: «Что вы имеете секретного сообщить?». Однако вы знаете, что это не так просто в обоих случаях.

— Да, да, — сказал мой собеседник, — всё это так, но случай с полковником Ляпидевским не так прост, как вы это представляете. Он занимал у нас крупный пост в Академии, наша молодёжь учится по его книгам, у него есть ряд учёных трудов и т. д. и т. д., и если против него имеются подозрения столь серьёзные, что мы не можем пройти мимо них, то мы должны это дело выяснить. От вас мы не требуем показаний, его обличающих; если бы мы захотели «заказать» его, то нам вас и не надо было бы, но мы хотим знать правду и только правду. Но о Ляпидевском вы будете беседовать с майором Рыбаковым и, вероятно, ещё кое с кем, а я хотел бы указать вам, что в ваших интересах говорить правду. Вот вы работали так много лет в Финляндском Генеральном штабе, вам, безусловно, должны быть известны те пути или, скажем лучше, «каналы», — генерал начертил двумя пальцами в воздухе эти каналы, — по которым шло проникновение вашей агентуры в Советский Союз. Это теперь уже больше не секрет, это тоже история, и при этом давно прошедшая. Поэтому вы можете смело рассказать нам об этом, никому не повредив.

— Вам, генерал, должно быть известно, что я занимал очень незначительный пост и потому в такие вещи не был посвящён, да, думаю, что и более высокие лица в Генеральном штабе этого не знают и не знали, так как эту работу непосредственно ведут «резиденты», и Штабу известны только результаты их работы, а не то, как она производится.

— А вот Пушкарёв говорит, что вас в Штабе очень ценили, — неожиданно сказал суровым голосом майор Рыбаков, до тех пор сидевший молча, и начал перелистывать лежавшие перед ним бумаги, как бы отыскивая показания Пушкарёва.

Генерал улыбнулся и уронил как бы между прочим:

— Ну мы это и без Пушкарёва знаем: 18 лет службы уже говорят за это. Это всё так, но нам хотелось бы больше узнать об этих каналах. Подумайте об этом.

— Мне неизвестно, насколько моя работа ценилась моим начальством, но даже если меня и ценили, то это не означает, что меня посвящали в какие-либо тайны. Вы можете иметь служащего, которого вы цените, но это не значит, что вы будете знакомить его с вашей деятельностью.

Разговор шёл дальше довольно бесплодно, и в заключение генерал спросил, нет ли у меня каких-либо желаний, касающихся моего содержания и заключения. Я на это ответил, что если можно было бы производить бритьё не машинкой для волос, а бритвой, то я был бы благодарен. Генерал на это сказал, что это можно устроить и что он распорядится. (На другой день действительно пришёл парикмахер, выбрил меня бритвой, но это случилось только один раз, в дальнейшем эта любезность не повторялась.)

Когда мы с Рыбаковым вышли в коридор и проделали обратный путь, часы показали четыре: аудиенция длилась два часа.

Мне она разъяснила положение дела. Мне стало ясно, что, вопреки утверждению Рыбакова и офицеров морской разведки, главным козырем против Ляпидевского был я, а не то другое, на чём он якобы попался.

До конца апреля 1948 года продолжались допросы, однообразные и не вносившие ничего нового: я стоял на своём и утверждал, что Ляпидевский не виноват. Вызывали меня довольно редко, по ночам не беспокоили. Пару раз со мной беседовали чины морской разведки, видимо, получавшие на то разрешение от Рыбакова, но не посвящавшие его в результаты наших встреч. Как-то раз он спросил меня:

— О чём эти господа с вами разговаривают и чего они от вас хотят?

Я ему на это ответил:

— О том же, что и вы, и хотят того же.

В конце апреля вызовы на допросы прекратились. Создавалось впечатление, что дело оставалось незаконченным, и это приводило меня в некоторое недоумение. «Посылки» следственной части хватило на месяц, а потом пошло обычное тюремное питание, которого, впрочем, давали в несколько большем, чем обыкновенно, количестве. Кроме того, меня перевели в другую камеру на том же этаже, сумма цифр которой тоже составляла 13. Время тянулось медленно и скучно, трёх книг на 10 дней мне не хватало, и вечера шли мучительно долго. Столь продолжительное содержание в одиночном заключении было, видимо, необычно даже для этой тюрьмы, так как один из надзирателей однажды открыл мою кормушку и сказал:

— Вот сколько времени вы сидите в одиночке, попросили бы следователя, чтобы дали вам кого-нибудь в сокамерники. Скучно, поди, до смерти.

Я был очень тронут его вниманием, но никого и ни о чём не просил, да и просить было некого. Наконец в конце июля месяца 1948 года в 4 часа дня в камеру ко мне вошёл корпусной и сказал:

— Соберите все ваши вещи и положите их на кровать: я их осмотрю, после чего вы можете их запаковать. Если у вас есть что-либо в складе на хранении, то дайте квитанцию, я их вам принесу. Будьте готовы к 8 вечера.

— А куда меня переводят? — спросил я.

— Вы уезжаете из тюрьмы, а куда — увидите, когда приедете.

— Могу я взять с собой казённую ложку, это в лагере дефицитный товар и очень неприятно есть по-собачьи.

— Возьмите, если хотите, но только там, куда вы едете, она вам будет не нужна: там вам дадут другую.

Значит, я еду не в лагерь. Тут я вспомнил, что лагерь мне заменён тюрьмой. Но какой и где? На это я ответить не мог.

Всякое перемещение в тюрьме и в лагере вызывает волнение и беспокойство, особенно действует неизвестность назначения. Волновался и я, но около 8 часов вечера пришёл корпусной и сказал, что сегодня я никуда не поеду и могу распаковываться и ложиться спать. Это я с удовольствием и сделал. Эта история повторялась три дня подряд, на четвёртый день часов в 7 вечера вбежал запыхавшийся корпусной и сказал:

— Сегодня едете. Готовы? Сдавайте матрас и постельные принадлежности.

Из камеры я был проведён в канцелярию тюрьмы, находившуюся в первом этаже того здания, которое выходит на Шпалерную улицу. Окна этого помещения, куда я был приведён, выходили во двор. В комнате было довольно много народа, так что я после восьмимесячного одиночного заключения совсем растерялся, но скоро понял, что все эти люди находятся здесь ради меня. Ко мне подошёл щеголевато одетый весёлый подполковник с небольшими подстриженными усиками и весело сказал:

— Ну, поскучали вы у нас, теперь поедете развлекаться в Москву. А поедете вы со специальным конвоем, но вместе со всей вольной публикой в мягком вагоне со спальным местом, на «Красной Стреле». Вас ждут в Москве уже пару дней, но мы не могли получить билетов, теперь всё в порядке. Вот этот лейтенант, — он указал на молодого лейтенанта в форме лётчика, — будет вас сопровождать, эти два старших сержанта тоже ваши спутники. Продовольствие в виде сухого пайка вы получите на два дня, а так как вы будете в пути только одну ночь, то ещё на этом заработаете. Одеты вы прилично? — и он окинул меня критическим взором. На мне были финские высокие сапоги «лапки» и хороший серый ульстер.

— Да вы прямо шикарно! — засмеялся он.

— Шапка у меня плохая, — сказал я.

— Сейчас мы вам дадим ушанку почти новую, у нас в них после войны всё население ходит, так что никто не обратит внимания.

Получив буханку хлеба, две очень хорошо вычищенных селёдки и кузовок с мелким сахаром, я уселся на деревянный диван образца 1880 года и стал ждать. Принесли и ушанку. Весёлый подполковник хлопотал и суетился, входя и выходя, отдавал какие-то распоряжения, задавал какие-то вопросы. Сидевший за столом капитан выправлял документы и запечатывал, видимо, моё дело.

— Борис Вольдемарович, — обратился он ко мне, — у вас есть какие-нибудь претензии к тюрьме: получили ли вы свои вещи, бывшие на хранении, а также деньги, если у вас таковые были?

— Денег не было, вещи получил, претензий не имею, тюрьма у вас хорошая, люди вежливые, — ответил я.

Все весело рассмеялись, и капитан предложил мне расписаться на бумаге, где значилось, что я не имею претензий к тюрьме. В Москве этого нигде — ни на Лубянке, ни в Лефортове, ни в Бутырке — не было, и о «претензиях» никто не спрашивал.

— Ну, пора, — сказал подполковник, — вы готовы? Тогда едемте.

На мой прощальный поклон все оставшиеся ответили вежливыми пожеланиями счастливого пути, мы гурьбой вышли на двор, а оттуда через ворота на улицу, где стоял большой открытый автомобиль.

— Я вас провожу и усажу, — сказал подполковник. — Вы, кажется, старый петербуржец, так что вам будет интересно посмотреть город.

Но города мне видеть особенно не пришлось, так как я сидел стиснутый между подполковником и сопровождающим меня лейтенантом, держа на руках в виде ребёнка сухой паек, завёрнутый в бумагу. Кроме того, путь лежал по таким улицам, которых во время жизни моей в Петрограде я знал мало. Бесконечно длинная Шпалерная, затем Жуковская и Знаменская — Знаменская площадь¹⁸², которую я в первый момент совсем не узнал, так как стоявший на ней памятник Императору Александру III¹⁸³ был снесён, и площадь казалась громадной. При взгляде на Невский меня поразило почти полное отсутствие движения по мостовой: кроме троллейбусов я не заметил других автомобилей, зато тротуары были черны от народа.

Мы вышли из автомобиля и пошли на вокзал. Он мало изменился, несколько лозунгов, небрежно намалёванных на полотне, большой портрет Жданова тоже на полотне и без рамы не поднимали вида вокзала. Контролеры, носильщики, уборщицы — все были женщины, по большей части пожилые, одетые в чёрные платья из бумажной материи с красными бантиками на груди. У носильщиков были белые халаты.

На перроне народа было мало. Наше шествие происходило таким порядком: далеко впереди шёл сопровождающий меня лейтенант, на некотором расстоянии от него один из сержантов, затем я с подполковником, шествие замыкал другой сержант, тоже на некотором расстоянии. Так мы подошли к вагону, постояли и поговорили, затем влезли в вагон, и я занял своё место.

— У вас фактически два места, — сказал подполковник, — верхнее и нижнее, можете спать, где вам больше нравится, так как сержанты будут спать по очереди и им раздеваться не полагается, лейтенант же будет спать по-настоящему. Если вы захотите чаю или лимонаду — скажите, вам закажут из вагона-ресторана, на это лейтенанту отпущены деньги.

Раздался первый звонок. Подполковник распрощался и пожелал нам счастливого пути, и, когда поезд тронулся, он даже помахал нам с дебаркадера ручкой.

Со стороны никто не подумал бы, что везут арестованного, так все было замаскировано. Лейтенант снял шинель и, сидя в углу, погрузился в чтение «Хождения по мукам» Толстого. Один из сержантов сидел против меня, и мы с ним разговаривали, а другой, стоя в коридоре вагона, курил и смотрел в окно. Прямо против нашей двери на откидных стульях за откидным же столом сидела еврейская пара, пожилая мамаша с великовозрастным сыном, они делали бутерброды и пили чай. Очевидно, антиеврейская кампания уже начиналась, так как один из сержантов, окинув их внимательным взглядом, сказал:

— Интересно, о чём эти жиды разговаривают?

Остальное население вагона, почти исключительно мужчины, переоделись в пижамы, у всех одинакового рисунка — чёрные в красную полоску — и разгуливали в таком виде по коридору и даже ходили в них в вагон-ресторан. Нам принесли оттуда чаю с лимоном, и мы, открыв наши продовольственные ресурсы, мирно поужинали. При этом я заметил, что сержанты получили на дорогу почти то же, что и я, только сахару было больше и кроме того им дали по кусочку масла. Отметил я также, что места, мне предназначенные, имели номер 6–7, то есть в сумме опять 13.

Высокий военный в чёрной форме с малиновыми выпушками и в малиновой фуражке, комендант поезда, заходил к нам несколько раз посидеть. Он был, видимо, в курсе дела, так как расспрашивал меня о Финляндии. Он рассказал, что во время войны был лётчиком и принимал участие в бомбардировке Гельсингфорса в феврале 1944 года, и интересовался размерами причинённых повреждений. Я удовлетворил его любопытство и поинтересовался, действительно ли в этих налётах принимали участие до 2500 самолётов, как у нас рассказывали в то время.

— Да, примерно это так, — ответил военный, — аппараты вылетали с целого ряда аэродромов, весьма друг от друга отдалённых: из Тихвина, Ярославля, Клина и т. д.

Когда я осведомился об его роли в поезде, он объяснил, что его функции чисто полицейские: следить за порядком, а главное — за ворами, которых после войны развелось невероятное количество. Сейчас стало потише, многих переловили, а вначале в поезде, следовавшем из Ленинграда в Москву, происходили от 5 до 6 вооружённых ограблений. Но и сейчас надо держать ухо востро.

Я лёг спать около 12 часов, попросив сержанта разбудить меня, когда станет светать, чтобы смотреть в окно. Меня разбудили в пятом часу, и я, быстро одевшись, стал рассматривать всё, что в окно было видно.

А видно было много интересного. Во-первых — полное отсутствие мужчин: всюду мелькали и работали женщины, но детей, несмотря на ранний час, было множество. Одежда на всех — на детях и на взрос-

лых — была плохая, доминировали грязно-серые цвета, рваные заношенные телогрейки, не лучше тех, которые мы имели в лагере, и очень плохая обувь. Многие были в лаптях.

Наш поезд хотя и назывался «Красной Стрелой», шёл довольно медленно: мы выехали из Ленинграда в 10 часов вечера, а в Москву приехали около 11 утра. Здесь мы подождали пока пассажиры покинут состав, и лейтенант отправился на рекогносцировку. Вскоре он вернулся со старшиной и солдатом в форме МГБ. Я распрощался с моими спутниками и, будучи выведен через какой-то боковой выход, был помещён в столь знакомый мне воронок, доставивший меня на Лубянку. Отсюда после трёхчасового сиденья в боксе я был отвезён в столь не милую моему сердцу Лефортовскую тюрьму.

На этот раз меня привезли туда с какого-то другого входа, я вначале не понял, куда я попал, и только пройдя баню, сообразил, что это Лефортово. После шмона и санобработки я оказался в камере, сумма номеров которой опять была 13. Камера помещалась во внутреннем углу буквы «К» и потому даже днём была почти совершенно тёмная.

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

Судак другим манером.
(Из поваренной книги.
Молоховец)

С неделю меня никто не беспокоил, и я настолько запутался в днях и числах, что, когда меня вызвали к следователю во вторник, я очень удивился, считая этот день воскресеньем, в которое обыкновенно не вызывали.

Следователь, вызвавший меня, оказался майором Новосёловым; я его немного знал по моему первому следствию, так как он несколько раз заходил в кабинет к Рюмину, когда я у последнего бывал на допросе.

Новосёлов был старшим следователем 3-го отдела (контрразведки). Он был очень симпатичный и культурный человек, всегда вежливый, записывал показания вполне точно. Но всё это я узнал впоследствии, сейчас же я с некоторым недоумением и недоверием смотрел на него, ожидая первых вопросов, чтобы составить себе представление о том, что ему от меня нужно. Был очень жаркий день, следователь снял китель и, повесив его на спинку стула, стал осведомляться, как я поживаю, как провёл время в лагере и доволен ли моей поездкой из Ленинграда сюда. Я рассказал ему в кратких словах о моих лагерных злоключениях, а о поездке сказал, что доволен, поскольку можно быть довольным комфортабельным перемещением из одной тюрьмы в другую и, кстати, спросил, чем это вызвано и чего от меня ещё хотят.

— Дело вот в чём, — сказал Новоселов, — вы, вероятно, обратили внимание, что в Ленинграде вам не дали подписать сводного протокола ваших допросов. А произошло это оттого, что перед тем документы поступили к нам, и мы остались недовольны тем, как ленинградские учреждения формулировали дело. Поэтому мы выписали вас с вашим показанием, а не послали показания к вам в Ленинград для подписки. Ещё раз повторяю: вопрос не в сущности, а в формулировке. Вам скучно сидеть в тюрьме; я думаю, что в лагере всё же веселее и разнообразнее, поэтому я предупреждаю, что срок вашего пребывания у нас по существу определяется вами: чем скорее вы подпишете сводный протокол, тем раньше вы отсюда уедете.

— Ваше выступление, — ответил я, — хоть и формулировано в очень любезной форме, но таит в себе что-то явно для меня неприятное и, думаю, неприемлемое. В Ленинграде мне пришлось пройти ряд трудных допросов, но следователи, производившие их, записывали всё так, как я говорил, а потому я не вижу причин что-либо переделывать, тем более, что я вас

заверяю в том, что изменять моих показаний относительно Ляпидевского я не собираюсь.

— Никто не собирается снова допрашивать вас или требовать, чтобы вы изменили ваши показания; вопрос идёт — как я вам сказал — только о формулировке, а ведь формулировка не меняет дела юридически, просто у нас здесь требуют другие формы для выражения мысли, а ленинградцы к ним ещё не привыкли. В конце концов, это просто формальность. Мои слова о том, что срок вашего пребывания здесь зависит от вас самих, вы, видимо, приняли за угрозу — ничего подобного я сделать не хотел. Я просто в настоящий момент завален работой выше головы: одна кампания сменяет другую, и я положительно не знаю, когда урву время, чтобы проредактировать ваше дело, поэтому я предлагаю вам заняться этим самому.

— Это я категорически отклоняю. Во-первых, не могу, а во-вторых, не хочу, тем более, что опыт с Рюминым при моём первом следствии дал мне ясное представление о желательных вам формулировках, когда каждый факт, даже положительный, путём добавки слова тут и слова там, или же простой перестановки слов в фразе меняет фактически смысл и извращает показание. О юридических же факторах, по-моему, не стоит и говорить: их просто нет, так как приговор предрешён.

— Вы зря сердитесь. Уверяю вас, что я не собираюсь переделывать ваши показания, да, впрочем, вы и сами увидите неосновательность ваших подозрений.

— У меня не подозрения, а уверенность, мне только непонятно, кому всё это нужно, ведь всё равно никто этих показаний не читает, и по существу что бы там ни было написано, в заключение прокурора будет стоять, что, исходя из всего вышеизложенного, имярек такой-то обвиняется по статье 58-й, § такой-то, а ОСО постановит в своём заседании от такого-то числа: 10 или 25 лет.

— Ну, это, конечно, не совсем так, и вы можете убедиться в этом хотя бы из того, что мы ваши показания о Ляпидевском читали, так как в противном случае мы не могли бы быть недовольны их формулировкой.

— Хорошо, я не буду ломать с вами копыя авансом. Проредактируйте, и если ваша редакция не исказит смысла моих показаний, я их подпишу, а относительно отправки меня в лагерь, то это просто недоразумение: постановлением ОСО лагерь мне заменён тюрьмой, так что торопиться мне лично некуда.

— Вот вы опять ошибаетесь, — улыбнулся Новосёлов, — мы за вас хлопотали, и вы поедете в лагерь, а не в тюрьму. Теперь для 58-й статьи устроены специальные лагеря, и вам не придётся сидеть вместе с уголовниками, да и ехать с ними не придётся: запрещено возить вас вместе. Но дело в том, что я ужасно занят, и действительно не знаю, когда успею с просмотром — ведь дело довольно объёмистое, — и он поднял со стола основательную пачку бумаг. — А как вы сидите?

— Сiju один, книг не имею, камера темновата.

— Книги получите и компаньона вам подберу, а вот с камерой — не знаю, всё переполнено, но и это будет видно, пока отдыхайте.

И я был отведён восвояси.

Книги я получил при очередной их раздаче, но в сущности острая необходимость в них прошла, так как я получил настолько интересного сокамерника, что за разговорами мне некогда было читать.

Это было через несколько дней после беседы с Новосёловым. Открылась дверь в камеру, и вошёл очень плотный господин среднего роста с квадратным лицом, на котором глаза были намечены двумя черточками. На нём был хороший заказной костюм и пальто внакидку; в руках он держал шляпу. Бросив свои пожитки на мою кровать, он обернулся ко мне и сказал с приятной улыбкой:

— Хейнц Панвиц¹⁸⁴.

Я представился в свою очередь и заговорил с ним по-немецки. Панвиц просиял:

— Как приятно, что вы говорите по-немецки, я только что сидел с двумя русскими, которые ни звука не говорили по-немецки, я же, несмотря на два года пребывания здесь, не научился ещё так владеть русским языком, чтобы свободно объясняться.

Мы проболтали с ним два дня и рассказали друг другу свои истории. «Путешествие в страну всевозможных невозможностей» представляет историю моей жизни, поэтому я останавлиюсь на встрече с Панвицем.

Детские его годы протекли в воспитательном доме для сирот, расположенном у Боденского озера и организованном каким-то лютеранским пастором, о котором Панвиц упоминал с любовью и уважением. Заведение, в котором он воспитывался, давало своим питомцам и ремесленное образование, благодаря чему Панвиц выучился на слесаря. Проработав некоторое время на заводе, он переменял специальность и поступил в криминальную полицию, где достиг звания «криминал-инспектора» с местом службы в Берлине.

С началом войны он был призван в войска SS и был назначен для работы в контрразведке. Некоторое время был в Чехии (в Праге), а оттуда был переведён в Париж в радио-контрразведку, где и проработал до конца войны.

Он рассказывал мне, что Париж был занят американцами настолько неожиданно для немцев, что его организация успела на нескольких автобусах и автомобилях выскочить оттуда в самый последний момент¹⁸⁵. Общей ориентировки у них не было, и поэтому под Берлином они попали в руки русских. О судьбе своих товарищей он ничего не знал, сам же он в течение уже трёх лет сидит по очереди в Лефортове и на Лубянке, подвергаясь различным допросам. Год тому назад чехи требовали его выдачи, но большевики его не выдали. Следственная часть платит ему 90 рублей в месяц на ларёк, так что в общем ему не так уж плохо. О своей дальнейшей судьбе

он не хочет задумываться, но рассчитывает, что рано или поздно попадёт в лагерь со сроком в 25 лет.

В тюрьме не принято расспрашивать товарищей об их делах и о том, как и о чём их расспрашивает следователь. Когда они сами рассказывают сущность своего дела, то это в большинстве случаев не совсем соответствует действительности, ибо обыкновенно умалчивается та часть, которая скрывается и от следователя. В чём заключалось по существу дело Панвица, я так никогда и не узнал, но что он будет осуждён — я не сомневался, так как знал психологию большевиков, считающих преступным всё, что делает человек, состоящий на службе буржуазного государства. Позже, примерно через полгода, я встретил Панвица в Интинском спецлагере и, хотя я просидел с ним вместе два месяца в Лефортове, я не узнал его. Полнота его была болезненная, в лагере она опала, и он оказался худеньким человеком с большими красивыми, я сказал бы, детскими глазами и с очень приятной улыбкой.

Хороший товарищ, он оставил по себе наилучшие воспоминания, поэтому мне, уже по возвращении на родину, было больно узнать из полученного от него письма, что в Германии он как бывший национал-социалист не мог найти себе работы и был близок к самоубийству. Это было особенно трагично, так как у него была жена и четверо детей. Поистине евреи владеют миром, и прав был человек, сказавший мне: не тронь жидов, и всё будет хорошо.

Вскоре мы получили в камеру ещё одного человека; это был грек по фамилии Калоеропулос¹⁸⁶. По профессии он был табачный мастер и много лет работал в Гельсингфорсе на табачной фабрике Фенниа, принадлежавшей греку Кристидесу. У нас оказалось много общих знакомых или, во всяком случае людей, которых мы оба знали. Это внесло оживление в беседу, ибо всегда приятнее говорить о конкретных людях. В 30-х годах он взял место табачного мастера на фабрике в Ревеле, принадлежавшей английской компании. Когда Эстония была присоединена к Советскому Союзу, он как греческий подданный имел возможность уехать оттуда, но невозможность взять с собой жену — он был женат на эстонке, а её, как уже советскую гражданку, не выпускали за границу, удерживала его — и он остался на старой работе.

Работа эта оплачивалась раз в пять хуже, чем при капиталистах, и тот факт, что он остался работать на этих условиях, был понят следователями как наличие у Калоеропулоса каких-то задних мыслей, помимо семейных причин. Видимо, он повёл себя недостаточно умно, пытаясь завоевать симпатии и доверие новых хозяев и новых потребителей, среди которых главным был Балтийский флот, и войти в дружеские отношения не только с командованием, но и с простыми матросами. Бывший управляющий фабрикой, уехавший в Англию, написал ему оттуда письмо, в котором, видимо, в целях конспирации перевёл свою фамилию Вейскопф на русский язык — Белоголовый. Письмо было перлюстрировано цензурой. Далее

один из бывших поставщиков табака, англичанин Букналл, находившийся в Стокгольме, а до того живший в Гельсингфорсе, прислал ему письмо через капитана советского судна, получившего оттуда фрахт на Ревель. Письмо это, видимо, своевременно не попало в руки МГБ, но Калоеропулос хранил свою переписку, и при обыске оно было найдено. На несчастье грека, Букналл в течение многих лет работал в «Интелиженс-сервис»¹⁸⁷ и был известен советской контрразведке. В полученном им от Букналла письме (по словам Калоеропулоса) не было ничего компрометирующего; Вейскопф интересовался судьбой оставленного им в Ревеле имущества, а Букналл предлагал устроить ему место в случае, если тот пожелает покинуть Советский Союз.

Наивность и непонимание обстановки вели к тому, что Калоеропулос не чувствовал опасности в переписке с границей, но был в панике, когда в ходе следствия ему была предъявлена карта Ревельского рейда, найденная при обыске у его жильца, моряка по профессии, и яхтсмена. Такие карты имелись на каждой яхте, и до присоединения Эстонии к Советскому Союзу их можно было купить в любом магазине, торгующем мореходным оборудованием.

Панвиц и я предупреждали Калоеропулоса не рассказывать следователю о наличии у меня с ним общих знакомых, но он пренебрёг нашим предупреждением; в результате чего в один прекрасный день я был выдернут из камеры и переведён в другую.

Для меня это было вдвойне неприятно: я лишился в лице Панвица приятного сокамерника, тех небольших продовольственных лакомств, которыми он делился со мной при каждой покупке в тюремном ларьке. Кроме того, меня вызвал Калоеропулосовский следователь и подвергнул меня допросу о наших общих гельсингфорских знакомых, в частности о Букналле, с предъявлением мне для опознания его фотографии, видно, вырезанной из какой-то групповой фотографии на пирушке, так как он был снят с рюмкой в руке и улыбкой на лице.

Других последствий для меня всё это не имело. Мои новые сокамерники были менее приятные люди. Один из них был латыш из Виндавы по фамилии Карлсон; у него не было одной ноги; по его словам, он лишился её, работая сцепщиком на железной дороге. Обвинялся он в сотрудничестве с немцами при оккупации Латвии. В чём это сотрудничество могло выражаться — было для меня неясно, так как Карлсон работал станционным сторожем. Сам он утверждал, что является жертвой недоразумения и доноса недоброжелателей.

Второй был бессарабец-еврей, окончивший юридический факультет Ясского университета. При присоединении Бессарабии к России он вступил в коммунистическую партию, окончил военное училище, был офицером Советской армии, где во время войны дослужился до чина капитана. По окончании войны, ввиду знания им румынского языка, он был прикомандирован к так называемой смешанной контрольной комиссии в Буха-

ресте. Это прикомандирование оказалось для него роковым, как, впрочем, и для ряда других лиц, работавших в этих смешанных комиссиях, которых я позже встречал в лагерях в таком большом количестве, что у меня создалось впечатление, что комиссии эти, вернее, их сотрудники, по окончании своей работы сели в лагеря почти в полном составе.

Как бы там ни было, а Шкода — так звали моего сокамерника — сел, как и большинство других, сел для себя неожиданно. Его пригласили проехать в Москву по служебному делу, и когда он вышел на аэродроме, его тут же арестовали и привезли на Лубянку. Обвиняли его в связи с американцами. Как и у большинства, у него была и личная, угнетавшая его драма: он беспокоился за свою жену, которая, по его словам, не имела понятия, куда он исчез, и осталась в Бухаресте. Мне он был малосимпатичен как ввиду его прошлого, так и из-за его неоднократных заверений в коммунистических убеждениях и симпатиях. Но особенно неприятно было хамство, которое он проявлял в отношении безобидного и тихого латыша.

В начале октября 1948 года я был вызван к Новосёлову, который, поговорив со мной полчаса о посторонних вещах, сообщил, что он справился со своей задачей и пересмотрел ленинградское дело. Больших переделок оно не потребовало, и только в двух местах он внёс незначительные стилистические поправки, ничего не меняющие и, по его мнению, не могущие вызвать с моей стороны возражений.

Я получил дело в руки и начал его внимательно читать. Действительно, всё было изложено так, как было, и только одно место, переделанное им, вызвало мои возражения, а именно: как читатель помнит, я в своём показании говорил, что предлагал Ляпидевскому устроить ему отъезд за границу, но он категорически отказался, сказав, что он не хочет покидать своей родины, где у него есть широкая возможность заниматься научной работой, тогда как в эмиграции он, вероятно, по примеру своего брата, будет принужден грузить пароходы или работать шофёром. Кроме того, он выразил желание заменить свою идеологию, так как с идеологией Царского офицера жить и работать в Советском Союзе, конечно, нельзя. В силу этого он хотел бы понять и воспринять то положительное, что новый строй принёс в жизнь. В Ленинграде всё так и было записано. Новосёлов переделал этот абзац дословно так:

«Я предложил Ляпидевскому, если он хочет, устроить возможность эмигрировать в Финляндию, но он почему-то отказался. В дальнейшем разговоре Ляпидевский выразил желание прикинуться советским человеком и работать по научной линии».

Такая редакция меняла всю установку Ляпидевского, а также и моё показание. Почти две недели я отказывался из-за этой фразы подписать протокол, но Новосёлов упорствовал, доказывая мне, что юридически она ничего не меняет. Кроме того, он указывал, что основное, что от меня требовалось, это дать показания о причастности Ляпидевского к работе Фин-

ляндского Генерального штаба, а я их дал в отрицательной форме: «был не причастен» — и так это и записано во всех протоколах.

После бесконечных диспутов мне удалось уговорить Новосёлова заменить слово «прикинуться» словом «сделаться», но при следующей встрече Новосёлов сказал, что его начальство на такую замену не соглашается. Мне ничего не оставалось, как подписать протокол в таком виде, как он был мне представлен. Это было, и это до сих пор остаётся самым неприятным для меня фактом. Я и сейчас думаю, что должен был проявить больше твёрдости и упорства, хотя, по существу, на судьбу Ляпидевского это вряд ли могло как-нибудь повлиять.

Когда протокол был подписан, наступила середина октября 1948 года, таким образом, я просидел в тюрьме под следствием одиннадцать месяцев, из которых семь в одиночке. 18 октября я был взят из камеры и свезён прямо на запасные пути около Красной Пресни, где и был помещён в сто-льпинский вагон для путешествия в лагерь. Об этом я буду рассказывать дальше, а сейчас сделаю отступление.

Если бы я писал повесть, то период от моего ареста в Гельсингфорсе 21 апреля 1945 года до 18 октября 1948 года, когда я во второй раз поехал из Москвы в лагерь, я включил бы в первую часть моего повествования.

В моем подсознании эти три с половиной года представляют эпоху, в которую я сильно изменился и, так сказать, созрел. В октябре 1948 года ничего или почти ничего не осталось от того несколько растерянного и напуганного господина, которого привезли в Москву в 1945 году.

Я много пережил вообще, а сидя семь месяцев в одиночке, я несколько раз пережил всю прожитую мною жизнь. Я мог обдумать многое, о чём мне на воле некогда было думать. Этот период закалил мои нервы, облагородил душу, я как бы нашёл самого себя. Кроме того, я понял многое в окружающем меня мире, вся система советского аппарата стала мне ясна. В ней всё построено на страхе и на рабских чувствах. Причём те, кто должны внушать страх, сами боятся. Вся жестокость вытекает из страха или из трусости — все боятся всех и все друг друга пугают. И я чувствовал своё преимущество в том, что я совершенно не испытывал страха. Я никогда и ничего больше не боялся, даже смерти, так как в моём положении заживо погребённого она являлась избавительницей.

Моё дальнейшее пребывание в течение семи лет в лагерях и тюрьмах Советского Союза психологически входит целиком во второй том, и разделение рассказа об этом периоде моей жизни в заключении было бы чисто внешнее и искусственное.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ КОМИ

Поезд, вечер, огоньки,
Дальняя дорога...

Из цыганских романсов

Воронок, в который меня поместили, был маленький, вроде того, в каком везли на Лубянку, когда меня привезли из Финляндии. В задней двери было небольшое зарешёченное окошечко, в которое были видны улицы, но сидел я от него на некотором расстоянии, отделённый решётчатой дверью. Между этими дверями сидел конвоир, внутри же находился пожилой человек в форме морского офицера со снятыми знаками отличия, мрачного вида и с большой бородой.

Было 18 октября 1948 года, вторая половина дня, но было ещё достаточно светло, чтобы видеть сквозь маленькое окошечко в двери нищую старуху с протянутой рукой. Привезли нас на железнодорожные пути в районе Краснопресненской пересылки и отвели в столыпинский вагон, набитый до отказа румынскими военнопленными.

Один из них говорил по-русски, он объяснил мне, что все они были захвачены в плен в Крыму около Симферополя, были в лагерях для военнопленных, теперь же их объявили военными преступниками, дали по 25 лет и везли куда-то в лагерь.

Совместное пребывание с румынами было кратковременным, их в скором времени выгрузили и вместо них поместили человек десять шпаны (мелких воров). Ещё через некоторое время в купе ввели ехавшего со мной моряка. Его барашковая нансеновская шапка привлекла внимание жуликов, и они принялись его уговаривать совершить обмен на старую красноармейскую ушанку. Вскоре ему пришлось расстаться и с высокими сапогами.

Тем временем совсем стемнело. Вагон после катания взад и вперёд был, видимо, прицеплен к составу, и мы тронулись в путь. Куда? Этого ни я, ни мои спутники, конечно, не знали. Один из воров, одетый в красноармейскую шинель, был, видимо, «персона грата» — он распоряжался остальными с видом начальника и вёл переговоры делового характера с конвоирами, в результате которых последние просунули ему две полбутылки водки, пару буханок хлеба и колбасу, взамен чего им, по его приказанию, были выданы носильные вещи, с кого-то перед тем снятые.

Поезд шёл по окружной железной дороге, в окно был виден город со светящимися окнами; иногда неожиданно выплывали ярко освещённые городские площади с рефлектирующим мокрым асфальтом и неясными очертаниями кремлёвских башен и стен.

Я вошёл в дружеские отношения с подвыпившим главным вором, находившимся в добродушном настроении и обсуждавшим возможности войны с Америкой и её неизбежной победой. Ночью на станции Владимир (300 км от Москвы) со стороны конвоя поступило новое пополнение водки и закуски, видимо, купленное в станционном буфете. Старший вор давал конвоирам указания, в какие купе направлять бутылки, и оттуда неслись благодарственные выкрики. В обмен на полученные блага конвоиры получали отобранные у «фраеров» вещи, а также и наличные деньги, причём за бутылку водки они брали двойную стоимость. Однако количество водки на это число людей было не столь велико, чтобы можно было серьёзно напиться, но всё же настроение в нашем купе заметно поднялось, и я решил использовать момент в пользу моего обобранного товарища по несчастью. Заступничество имело успех, и ему вернули и каракулеву шапку, и высокие сапоги.

Он оказался «морским техником» — в моё время такого наименования на флоте не имелось. Человек он был до крайности напуганный; он шёпотом сообщил мне, что 6 месяцев находился в очень серьёзном заключении на «спецобъекте» МГБ под Москвой на специальном решении. «Спецобъектом» была Сухановская тюрьма. На мой вопрос, в чём он обвиняется, морской техник прямого ответа не дал, да я на этом и не настаивал. В знак признательности за заступничество он подарил мне пластиковую ручку для пера, а я посоветовал ему продать на ближайшей пересылке каракулеву шапку и достать себе что-нибудь попроще, чтобы не вводить в искушение воров.

В Горький мы приехали на следующий день; там нас пересадили в другой столыпинский вагон, и после суток езды мы около трёх часов дня прибыли в Киров. Опять Кировская пересылка, все полагающиеся церемонии и битком набитая камера. Старшина камеры был уголовный, осуждённый теперь по политической статье, а помощником при нём состоял московский студент, еврей с большой чёрной бородой. Они поддерживали порядок, насколько это было возможно в перегруженном помещении, и строго следили за перемещением заключённых, то есть чтобы лежащие на полу и под нарами при освобождении мест на нарах, по мере вызова на этап, перемещались наверх, а их места заполнялись новоприбывшими.

Новости были таковы: идёт заполнение вновь организованных специальных лагерей на Воркуте и Инте для осуждённых по 58-й статье. Уголовных оттуда вывозят и вместо них помещают политических. Транспорт производится двумя столыпинскими вагонами, идущими из Кирова два раза в неделю, человек по 200 сразу. Ввиду того, что на пересылку поступало и поступает громадное количество людей этой категории, приходится ждать очереди около месяца, так что нам, прибывшим около 20 октября, раньше 20 ноября дальше ехать не удастся.

Из камеры при каждой отправке вызывают 10–15 человек, и такое же количество поступает новых. Кормежка неплохая, а хлеб Кировской

выпечки — хороший. Худо то, что вызывают за сутки до отправки и помещают в этапную камеру вместе с ворами, и там происходят недоразумения на почве грабежа, часто заканчивающиеся побоищами и увечьями, но это случается не каждый раз и зависит от количественного взаимоотношения между ворами и политическими.

Баню дают каждые 10 дней и перед этим берут бельё в стирку, возвращая его через несколько часов. КВЧ даёт для чтения Кировскую газету и книги. Газету читают вслух, а книг читать невозможно, так как в камере темно.

Мне повезло, и я довольно быстро попал на нары, где моим соседом оказался некто Лебедев, бывший в плену в Финляндии. Он рассказал, что, зная, какая участь ожидает его по возвращении из плена, он скрывался 2 года по фальшивому паспорту, но был выслежен органами МГБ по письмам, которые он писал своей жене во Владимир, где она жила с двумя детьми. Лебедев был по профессии радиотехник.

Под нижними нарами на полу помещалась католическая коллегия — человек шесть молодых литовских ксёндзов; они не хотели переходить на нары, так как им было удобнее молиться внизу.

Месяц прошёл довольно быстро, и 22 ноября я вместе с Лебедевым и ещё несколькими товарищами был вызван на этап. Этапную камеру мы миновали благополучно, но со мной приключилась неожиданная неприятность. Как я уже упоминал раньше, я был обут в финские лыжные сапоги, которые жена прислала мне в посылке ещё в 1946 году в Вятский лагерь. Они и тогда были не новые, а за пару лет окончательно сносились и в бытность мою в Лефортовской тюрьме развалились. По ходатайству следователя Новосёлова, мне их починили в тюремной сапожной мастерской, и я их получил назад с новыми резиновыми подошвами. Плохо оказалось то, что подошвы эти были прикреплены к папке, а кожаные стельки, которые были в то время в Советском Союзе дефицитными, из сапог вынули. Папка долго продержаться не могла, и подошвы отвалились. Носков у меня давно не было, и я оказался перед перспективой ехать босиком к Полярному кругу — положение малоутешительное. Лебедев достал где-то пару тесёмок, и ими я привязал подмётки к сапогам. «Нельзя сказать, что было прочно и красиво, но, Бог даст, как-нибудь доеду», думал я.

До Инты ехали двое суток без особых приключений. Кругом были видны только лагеря с вышками; некоторые железнодорожные станции находились целиком в зонах ограждения с вышками по сторонам. Это станет понятно, если вспомнить, что весь этот район, включая и саму железную дорогу, построен и создан лагерями — Котласские лагеря¹⁸⁸, Ухтинские нефтяные лагеря, Печерские, Северо-железнодорожные, Княж-Погостские¹⁸⁹, Ковжинские¹⁹⁰ и Интинские с отделениями в Абезе. Дальше в 300 километрах Воркута и 501-я стройка, пробившая 150-километровый пролом в Уральских горах для железной дороги на Индигирку. Страшный край. Миллионы людей сложили здесь свои головы.

ИНТИНСКИЙ ЛАГЕРЬ

Интинский спецлагерь¹⁹¹ расположен в 12 километрах от ст. Инта и соединён с ней железнодорожной веткой, по которой два раза в день пробегает взад и вперёд небольшой поезд, состоящий из двух пассажирских вагонов, — одного столыпинского и одной теплушки, перестроенной наподобие пассажирского вагона для заключённых. Лагерь имел 9 лагпунктов, из которых один был для женщин и один (5-й) являлся комбинированной пересылкой с сангородком (больницей). В отличие от других лагерей, раскинутых иногда на сотни километров, Интинский лагерь занимал относительно небольшую площадь и обслуживал Интинские угольные копи. По моим подсчётам, количество заключённых было около 35–40 тысяч. Отделение лагеря в Азебе¹⁹² было предназначено для инвалидов; инвалиды работали на ширпотреб, то есть производили предметы широкого потребления, как-то: шапки, домино, музыкальные инструменты, детские игрушки. Население инвалидного отделения позже достигло 20 000 человек.

В это время года солнце восходит в этих широтах часов в 7 утра и, показавшись верхним краешком над горизонтом, минут через 20 исчезает. Весь день и всю ночь светят луна и звёзды. Эта ночь в течение круглых суток действовала подавляюще, и я не мог научиться ориентироваться во времени.

С началом февраля день начинает прибавляться, а с мая он стоит круглые сутки. Май здесь относится к зимним месяцам, хотя снежные массы под влиянием солнца тают очень быстро. В июне начинается что-то вроде весны. На корявых исковерканных малорослых деревьях и кустарниках наливаются почки, зеленеет трава, а в июле цветёт тундра, наполняя воздух чудным ароматом. Осень наступает в августе, а в сентябре день сокращается до 5–6 часов. В конце сентября — начале октября наступает зима.

Загод, проведённый мной в этом лагере, сильные морозы в 45°С со снежными метелями и сильными ветрами, наметающими сугробы в 3–4 метра высотой в одну ночь, были только в ноябре и декабре; в остальное время температура держалась между 15 и 20°С, а в марте, например, можно было принимать солнечные ванны, хотя в тени за бараками было –16°С.

По правилам, людям, находившимся в карантинном бараке, не полагается его покидать. Исключение составляет поход строем в столовую для принятия пищи. Лагерь находился в периоде организации, ни настоящего порядка, ни твёрдого режима ещё не было, а потому на следующее утро я отправился с Лебедевым осматривать лагпункт. Он занимал площадь немного более одного квадратного километра; здесь были расположены 34 барака и предполагалось построить ещё бараков десять для больницы. За исключением 14 маленьких бараков-хижин, в которых помещались мастерские, контора, КВЧ и т.д. и которые представляли собой, видимо,

самое первоначальное строительство на Инте, остальные бараки были большие, снабжённые двойными нарами; они вмещали человек по 300 каждый.

Вследствие сильных морозов было запрещено употреблять уборные в бараках, и вдоль всего лагеря с одной стороны тянулась цепь отхожих мест. Лагерные остряки, давая названия улицам лагпункта, назвали проход вдоль этих сооружений «Какен-аллея». Главный проход, идущий через весь лагерь, назывался «Ди гроссе Вертухай штрассе», параллельный ему меньший проход назывался «Клейне Вертухай штрассе» (вертухай означает по-блатному — надзиратель). Круговая дорожка в незастроенной части лагеря, по которой заключённые любили прогуливаться парами и беседовать, была названа «Алеей вздохов», а площадь перед изолятором, на которой стояли карцеры, получила название «Площадь Свободы».

Контингент лагеря должен был состоять исключительно из политических заключённых. По первоначальной мысли МГБ, этих лиц надо было перевести из общих лагерей, но в послевоенные годы количество арестованных и осуждённых в первый раз было так велико, что практически 90% поступающих в спецлагеря были «новичками». Район действий МГБ благодаря дружественной помощи Америки и Англии далеко перешагнул границы Советского Союза и сюда свозили людей почти из всей Европы. Каких национальностей сюда ни поступало: немцы, поляки, румыны, венгры, итальянцы, французы, бельгийцы, испанцы, болгары, сербы, греки, китайцы, японцы, были индусы, египтяне, даже негры. Русских было не так много, но были и они...

Возвращаясь к своей судьбе. Вместе с другими товарищами по несчастью я был переведён на ст. Инта из столыпинского вагона в лагерный состав, причём попал в теплушку. Пробежав по лагерной ветке километров 10, поезд наш остановился против 5-го лагпункта, находившегося от путей по прямой линии всего в одном километре.

Здесь случилась опять неприятность. Вагон-теплушка, как я упоминал раньше, был внутри оборудован довольно прилично, но не было внешних ступенек с той стороны, с которой нужно было слезать, ступеньки были только с одной стороны вагона. Насыпь была высокая, и нужно было бросаться в снег в высоту добрых 10 метров. В довершение всего на насыпи были сброшены в беспорядке доски, полусасыпанные снегом.

Такая картина неожиданно представлялась каждому, вышедшему из вагона. Естественно, все пятились назад, не решаясь сделать рискованного прыжка. Им на помощь приходили два конвоира, стоявшие у вагона: они хватали каждого выходящего за ноги и бросали его под откос. Такая участь постигла и меня. Как ни странно, но этот полёт прошёл относительно безболезненно и, скатившись с насыпи, я задержался как раз около наваленных досок.

Когда все были выгружены, нас построили по пяти и повели к лагерной вахте. Было уже темно, и идти по целине и кочкам было трудно и неудобно, в особенности мне с привязанными подмётками. У лагерных ворот

производилась переключка по формулярам, а затем шмон. Всё это заняло порядочно времени, температура была -25°C , мы стали мёрзнуть. Я сильно опасался отморозить ноги, но всё прошло благополучно, и мы, наконец, очутились в зоне перед карантинным бараком, где нам предстояло пройти двухнедельный карантин, но находившийся в бараке предыдущий контингент ещё не освободил его, и нам пришлось простоять на дворе часа два.

Я помню как в первую мою прогулку по лагерю я видел грустную картину, оставшуюся в памяти на всю жизнь. Лагерь был окружён не тыном, а колючей проволокой, которая не закрывала горизонта и давала возможность видеть окружающий пейзаж. Мы с Лебедевым остановились полюбоваться восходящим багровым солнцем, ярко-красным светом осветившим снежные холмы с чёрными силуэтами ёлок. Неожиданно на расстоянии с полкилометра от нас, как будто из снега, медленно выплыли 3–4 солдатские фигуры с ружьями наперевес и поплыли по красному снегу. На некотором расстоянии от них, также откуда-то снизу, появилась плотная, чёрная масса заключённых, тащившихся вслед за солдатами. Всё это протекло перед нашими глазами и также беззвучно опустилось в снег, как из него появилось. Когда заключавшие процессию несколько солдат исчезли из наших глаз, мы с Лебедевым взглянули друг на друга. Лебедев молча осенил себя крестным знаменем. Эти люди как будто ушли под землю в могилу.

Лагерные новости были таковы. В карантине держат две недели. Затем в общих бараках в течение неопределённого времени ждут отправки на лагпункты. Не все лагпункты освобождены от уголовных; в большинстве случаев половина на половину, и зона соответственно этому разделена колючей проволокой. Лагерь выступает в качестве контрагента, то есть торгует живой силой и поставляет её на шахты. В шахты берут только молодых и здоровых, не старше 32 лет. Поэтому на пересылке скопилось уже около 3500 инвалидов; их в ближайшем будущем собираются отправить в Абезь, но там лагерь в очень плохом виде, он пустовал во время войны, пришёл в упадок и требует большого ремонта. На пересылке в ближайшем времени собираются открыть оздоровительный пункт, но только для молодёжи; там их 3–4 недели будут подкармливать, чтобы затем продать на шахты.

На шахтовых лагпунктах кормят хорошо, шахты от себя дают дополнительное питание, но работа тяжёлая, и в шахтах очень сыро. На пересылке кормят лучше, чем в лагерях внутри страны, так как здесь положение «Крайнего Севера». Полярного пайка мы, однако, не получаем, так как не дотянули 60 километров до Полярного круга, а этот паёк выдают только в «Заполярье».

Вещевое снабжение хорошее: всё выдают единовременно на руки: бушлат, телогрейку, ватные брюки, 2 рубашки, 2 пары кальсон, 2 простыни, пары портянок, наволочку, мешок-матрас, который можно набить стружками, и старую красноармейскую ушанку. По всей вероятности, нам, более пожилым людям, придётся сидеть здесь, пока не будет создан лагерь в Абезе.

Женский барак помещается почти в центре лагеря; хотя он и обнесён колючей проволокой, но она никого не задерживает, и женщины через неё перелезают на свидания; это делать нетрудно, так как женщинам выдаётся мужское платье, и надзирателям трудно за ними уследить. Женщины тоже разных национальностей, но большинство из них русские, жившие во время оккупации с немцами. Есть, и довольно много, московских барышень, «гулявших» во время войны с американцами. Они по большей части из «хороших» московских семей. Большинство русских, находящихся на пересылке, москвичи, занимавшие крупные посты. Среди иностранцев встречаются мальчишки 14–16 лет, тоже осуждённые по 58-й статье.

Лагерное начальство занято организационной работой. Заключёнными занимаются уполномоченные, которых ввиду исключительности положения трое: капитан Лаврентьев от МВД, старший лейтенант Охотников от МГБ и младший лейтенант, фамилии которого не помню, от неизвестной организации. Этот лейтенант является главнейшей фигурой, и заключённые называют его «призраком коммунизма», в то время как капитан Лаврентьев за глаза именуется «шефом жандармов». Из этой тройки самый неприятный — Охотников, который всех старается завлечь в стукачи.

КВЧ имеется и функционирует. Вольный начальник КВЧ мало показывается и ничего не делает, дело ведётся заключённым, бывшим советским полковником Чуловским. Это очень интересный человек. Он из дворян-помещиков, поступил в Красную армию в 1922 году, служил в кавалерии. До войны состоял курсовым офицером в Тамбовской кавалерийской школе. Во время войны попал в плен; что там было с ним — неизвестно, но, очевидно, он нашкодил. Будучи в Париже и в Италии, предположительно принимал участие в войсках генерала Власова¹⁹³, сам он об этом умалчивает. Хорошо владеет языками, в особенности французским, говорит также по-немецки и по-английски. В лагере пользуется весом у начальства, так как заместитель начальника лагпункта подполковник Самсонов был раньше как начальник строевой части Тамбовской школы его сослуживцем. Очень хороший художник-копиист Чуловский рисует всему начальству копии картин русских художников.

Собрав все эти сведения, я отправился в КВЧ, чтобы узнать, нельзя ли там устроиться художником. Выяснилось, что это возможно, так как работавший там художник уезжает на шахту. Таким образом, на третий день я оказался в КВЧ. Это сразу дало мне ряд плюсов: во-первых, в сапожной мастерской мне починили сапоги, во-вторых, я выскочил из карантина и был поселён в сушилке одного из барачков, где я получил собственный угол и, в-третьих — что самое главное, — стал получать из кухни больше пищи. Чуловский оказался милейшим человеком, но, взяв меня в КВЧ, он взвалил на меня всю работу, отдавшись сам целиком писанию картин.

Занимали мы один из маленьких барачков. Он был построен из досок в один ряд и потому был продувной. Печка фактически была костром, она

грела, пока горела. На топливо мы, как и все в лагере, получали угольную пыль, отчего весь снег, пока не освежался новым, был покрыт чёрной пеленой. Работы было много: кроме писания лозунгов, вывесок, правил, нужно было заведовать самодеятельностью, которая соответственно количеству людей была очень большая и имела в своём составе много профессиональных артистов театра, оперы и цирка. Большинство из них попало в лагерь за игру в театрах оккупированной зоны. Имелись оркестр и даже балетная труппа. Кроме того, при КВЧ находилось почтово-посыльное отделение, так как в тот период переписка политических заключённых ещё не была ограничена двумя письмами в год. В сущности связь КВЧ с этим отделением была номинальная. Почтмейстером был известный советский кинорежиссёр А. Каплер¹⁹⁴, который с Чуловским как с культторгом не считался, а в случае надобности обращался непосредственно к начальнику КВЧ. Если он нуждался в рабочей силе при выдаче посылок, то мне приходилось ему помогать.

Попав в КВЧ, я сразу оказался в центре событий и перезнакомился со всеми, кто мог представлять какой-либо интерес, а таких людей было довольно много.

Начинаю с того же *Каплера*. Он сидел второй срок; первый, 5-летний, отбывал в Воркуте. Причиной его первого заключения, как я слышал не от него, правда, а от других москвичей, было равнодушие к нему дочери Сталина Светланы. Папаша отнёсся неодобрительно к увлечению дочери, и Каплер получил статью 37–5¹⁹⁵ и в качестве социально опасного оказался в Воркуте. По его словам, ему там жилось неплохо: он заведовал Воркутинским театром и какой-то типографией. По окончании срока ему было предписано остаться на Воркуте, и он при Воркутинском лагере продолжал, уже в качестве вольного, заведовать тем же театром и той же типографией. В Москве у него были жена и большой круг друзей, главным образом в артистическом мире, которых ему хотелось повидать. Получив от управления лагеря командировку в Москву для закупки красок для театра и костюмов, он недели две провёл в Москве, чествуемый и приглашаемый знакомыми и друзьями. В конце своего пребывания он задумал навестить своего престарелого отца, жившего в Киеве, которого он не видал лет 10. Тут его постигла неприятность: примерно в 100 километрах от Москвы он был извлечён из поезда и доставлен в автомобиле на Лубянку, где его в кратчайший срок «оформили» ещё на 5 лет лагерей за саботаж распоряжения властей.

— Видите, я сам себя посадил, — говорил Каплер с улыбкой.

*Михаил Александрович Коростовцев*¹⁹⁶ был профессором-египтологом и корреспондентом ТАСС в Египте. Происходя из хорошей дворянской семьи, он получил прекрасное образование и отлично владел тремя европейскими языками. Будучи в качестве корреспондента ТАСС во время войны в Каире, он получил предложение от Американского агентства перейти к ним на службу. Михаил Александрович Коростовцев посовето-

вался по поводу этого предложения с женой, та рассказала об этом своей подруге — жене пресс-атташе советского посольства. Спустя некоторое время М. А. Коростовцев и пресс-атташе были приглашены советским послом пролететь в Бейрут в гости к советскому консулу. Сказано — сделано. Забрав жён, они пролетели в Бейрут, где им был устроен парадный обед, на котором, между прочим, присутствовал капитан находившегося в Бейруте советского торгового парохода, пригласившего всю подгулявшую компанию осмотреть его корабль.

Во время осмотра Коростовцев и его жена были схвачены и запихнуты в разные помещения, а так как Михаил Александрович при этом оказал сопротивление, то его ещё и основательно побили. По прибытии корабля в Одессу они были переданы органам МГБ, которые доставили их в Москву, там Михаил Александрович был осуждён на 25 лет за попытку государственной измены, жена же его за недонесение получила 10 лет и в описываемое время находилась в Потьменском спецлагере. Бедный Михаил Александрович очень переживал постигшее его несчастье. Позже я слышал, что он повесился в лагере.

Студент Московского университета Луи, французского происхождения, фактически коренной москвич, служил в Американском посольстве кем-то вроде конторщика. После того, как он был вызван на Лубянку для объяснения, на каком основании он поступил на службу к американцам без санкции МГБ, ему пришлось службу оставить. Уйдя от американцев, он поступил поваром в Бразильское консульство. Не знаю подробностей, но через некоторое время ему пришла мысль покинуть Советский Союз в ящике с вещами. На его несчастье, ящик, в котором он был спрятан, на аэродроме поставили вверх ногами. Луи, не выдержав такого положения, стал колотить в стенки — результат: 25 лет в Инте.

*Алексей Михайлович Буда-Жемчужников*¹⁹⁷, «внук Козьмы Пруткова», как он сам себя отрекомендовал, намекая на своего деда, совместно с графом Алексеем Толстым¹⁹⁸ создавшего «Козьму Пруткова», был в прошлом крупным помещиком Западного края и Александрийским гусаром. Женат он был на баронессе Бертельсон¹⁹⁹. Находясь в эмиграции, работал в УФЕ одним из директоров продукции. После войны, когда Берлин был поделён на сектора, он жил в английском секторе. Там однажды на улице ему был накинут на голову мешок, а сам он был впихнут в автомобиль и вывезен в советскую зону. Я предполагаю, что причиной было сотрудничество либо с американцами, либо с англичанами, о котором он сам умалчивал.

*Князь Владимир Святополк-Мирский*²⁰⁰, несмотря на свою блестящую фамилию, имел несколько смутное прошлое. Находясь в начале войны в той части Польши, где лежало его родовое имение «Мир», он оказался в районе, отошедшем к Советскому Союзу, но немцы помогли ему выбраться в Германию. Во время войны он состоял переводчиком при генерале Гудериане²⁰¹ и допрашивал попавших в плен высоких чинов советской

армии. К моменту окончания войны князь, по неизвестной причине, оказался в немецкой тюрьме, откуда был освобождён американцами, которые устроили его заведующим кормлением голодающего населения Вены. Здесь его постигла участь Буда-Жемчужникова: мешок на голову, советская зона, Лубянка. Целью и причиной его ареста было то, что через него МГБ хотело узнать, что показывали и как себя вели советские генералы, попавшие в плен к Гудериану.

*Священник Александр Герасимов*²⁰² принадлежал к Маньчжурской эмиграции, он был секретарём наместника Патриарха на Востоке. В прошлом он был военным чиновником. Вначале по приходе советских войск всё было, по его словам, хорошо, но затем пошли аресты и вывоз всех эмигрантов мужского пола; в это число попали епископ и он сам. Ему было дано 10 лет за антисоветскую деятельность. Об епископе он знал лишь то, что тот ещё в 1948 году находился на Лубянке.

Студент Ленинградского университета Иноземцев жил с родителями в окрестностях Ленинграда, при осаде города оказавшимися в районе, занятом Испанской Голубой дивизией²⁰³. Когда при нажиме англичан и американцев Испанскую Голубую дивизию пришлось снять с русского фронта и отправить домой, он уехал вместе с испанцами и поступил в Иностранный легион в Марокко²⁰⁴. Отслужив два года согласно контракта, поехал в Барселону и поступил на службу в Американское консульство. Американцы ввиду знания им русского языка перевели его в Париж на работу в их посольство. Здесь он попался в руки русской советско-эмигрантской организации, носившей название «Советский Патриот»²⁰⁵, работавшей по заданиям советской разведки. Лицам из этой организации Иноземцев был заманён в ловушку и доставлен на аэродром Бурже, предоставленный союзниками в распоряжение советских властей; отсюда был доставлен в Москву. В результате — измена родине — и 25 лет.

*Жена композитора Прокофьева*²⁰⁶, разведённая с ним, интересная дама лет 45, по национальности испанка. Попала в заключение за то, что, живя во время войны в Москве, имела знакомства среди американских военных.

Старший инженер строительства Министерства рыбной промышленности Айзлер, старый петербуржец, ещё до Первой войны окончивший Технологический институт, получил пункт 10-й 58-й статьи за антисоветские высказывания; в действительности являлся жертвой антиеврейской кампании.

Начальник Главка того же министерства Суворов. Причины его нахождения в заключении я не знаю. Я сам слышал, как он неизменно уверял, что чтобы с ним ни случилось, он останется сторонником Советской власти и коммунистом. На этой почве у него с Айзлером происходили постоянные дебаты и ссоры, так как Айзлер утверждал, что он разочаровался и в советской власти, и в коммунистическом учении.

Милейший полковник Коновалов, занимавший в Москве крупный пост в Интендантстве, получил 10 лет по обвинению в экономическом вреди-

тельстве. Он был «тёртый калач», но славный парень. К сожалению, он обладал хлестаковскими свойствами, даже ещё в большей степени, чем сам Хлестаков. Он был одним из немногих, всерьёз поверивший в поручение, данное ему опером Охотниковым. На этом основании он старался уговорить меня переехать в заведываемый им барак, обещая там все удобства.

Человек, фамилию которого я забыл, в первый период революции работавший в секретариате Ленина и потому считавшийся в лагере его личным секретарём. Он тоже принял всерьёз приглашение сотрудничать с Охотниковым, но воспринял это иначе, чем Пов. Он вслух возмущался этим и писал жалобы в Москву. Сидел он, видимо, за то, что в дореволюционные времена принадлежал к группе социал-демократов-меньшевиков и проживал в Швейцарии. Он был жертвой социал-демократической кампании МГБ.

Полковник Морозов, живший со мной в сушилке, был помещён в лагерь на 10 лет за антисоветские разговоры.

Другой мой сожитель — старшина барака Малько — крестьянин той части Литвы, которая была оккупирована Польшей и затем вместе со всей Литвой перешла к Советскому Союзу. В советское время был выбран своими односельчанами на должность председателя колхоза; по занятии этой местности немцами теми же односельчанами был избран бургомистром села за свою расторопность и распорядительность. Получил за это «измену родине» и 25 лет.

Со мной жил также *помощник нарядчика Борис Романов*. Это был интересный и вместе с тем опасный человек. В период раскулачивания и образования колхозов его отец как зажиточный крестьянин был отправлен в лагерь, где, как и большинство людей, попавших туда в то время, погиб. Его жена с детьми вначале жила в Сибири, где Борис Романов вырос и выучился на тракториста. Во время войны он прошёл военную школу и был откомандирован в партизанский отряд в Белоруссию, куда был сброшен с аэроплана. Но вместо того, чтобы явиться к партизанам, он направился к немцам, поступил в отряды, боровшиеся с партизанами, и там выслужился до офицерского чина. По некоторым его рассказам, я пришёл к заключению, что он принимал весьма деятельное участие в так называемом «разрешении еврейского вопроса».

Я полагаю, что Романов обладал настоящим писательским талантом и огромной наблюдательностью. Самый незначительный эпизод, рассказанный им, был всегда интересен, независимо от того, чего он касался, при этом он умел несколькими чертами так обрисовать человека и его отношение к передаваемым событиям, что психология действующих лиц становилась понятной. Я искренне жалею, что талант, о котором он сам не подозревал, остался неиспользованным. Благодаря его положению нарядчика его хорошее отношение ко мне было очень ценно — оно создавало мне привилегированное положение.

Наконец, мой четвёртый и последний сожитель — *военный инженер Павлов*. Это был настолько резко выраженный идеологически фанатический враг коммунизма и советской власти, что нужно было удивляться, как он не попал в лагерь раньше. Позже я слышал, что им была создана в Интинском лагере антисоветская ячейка, подготавливавшая восстание, в результате чего он был расстрелян.

Из моих тогдашних друзей в этом лагере я хочу упомянуть ещё инженера *Владимира Константиновича Желтухина*²⁰⁷. Он был ленинградец, вернее, петербуржец, и меня с ним связывали общие воспоминания юности и общность уклада наших семей. Его супруга была артисткой Александринского театра, а так как моя первая жена, окончившая школу Русской Драмы, была оставлена при Александринском театре, то у нас оказалась масса общих знакомых. Между прочим, он был единственный из моих советских товарищей, который разыскал меня в Финляндии в 1960 году и не побоялся вступить со мной в переписку.

Пришлось мне встретиться в лагере и с бывшими морскими офицерами, с лейтенантом Борисом Ивановичем Смирновым²⁰⁸ из Ревеля и капитаном 1-го ранга графом Келлером, служившим в Румынской армии и захваченным в Симферополе, где он был румынским комендантом. Смирнов попал в порядке чистки вновь приобретённых районов, Келлер получил обвинение по § 458-й статьи, карающей за помощь международной буржуазии в борьбе с коммунизмом.

Из бесконечного количества иностранцев, прошедших перед моими глазами, вспоминается адъютант Румынского Короля принц Негро-Понти²⁰⁹. Высокий красавец, обвинённый в контакте с американцами, он на лагунке добивался места раздатчика кипятка в бане, но не добился этого назначения, так как МГБ в формуляре предписало использовать его исключительно на общих работах.

В 1955 году, незадолго до моего отъезда на родину, я встретил в Потьменском лагере графа Келлера, привезённого с Воркуты; тогда же я узнал и о присутствии в Потье принца Негро-Понти: его фамилия значилась на доске отличников производства местного мебельного завода.

Печального и истощённого господина, фамилия которого имела приставку «де» и звучала по-французски, тоже выкрали из Берлина после войны; его привезли в Советский Союз лишь потому, что он состоял в личной охране Черчилля на Тегеранском совещании²¹⁰. Он был швейцарский подданный, видимо, служил в «Интелиженс-сервис».

Перечень всех людей, которых я встретил на Инте, занял бы фолианты, но, к сожалению, за временем я забыл их фамилии. Уже из перечня указанных мною лиц видно, что большинство заключённых за малым исключением, были арестованы не по массовым установкам МГБ, о которых я упоминал раньше, а в «порядке индивидуальном». Вины и причины преследования этих лиц были налицо, тогда как у встреченных мною позже

осуждённых по «установкам» отсутствовало наличие «конкретного преступления».

Но были и лица, осуждённые в групповом порядке, как, например, человек 10 баптистских проповедников, подвергшихся преследованию после посещения их американскими единомышленниками, а также лица, принадлежащие к секте субботников, по религиозным соображениям отказывавшиеся работать по субботам, и др.

Лагерное начальство никак себя не проявляло, что объясняется тем, что лагерь находился в стадии организации и комплектования. До февраля 1949 года ни мы, ни начальство не знали, чем спецлагерь должен отличаться от обыкновенного лагеря. Но в феврале 1949 года почувствовались новые веяния. Роль КВЧ была сведена к нулю. Была запрещена самодеятельность во всех её видах, переписка для советских граждан была сокращена до двух писем в год, иностранцам она вообще не разрешалась. «Наглядная агитация», выражавшаяся в плакатах и лозунгах, которые расставлялись по зоне буквально на каждом шагу, была использована на растопки. Всё это показывало, что спецлагеря не будут носить характера «исправительного» заведения, а будут «карательными» учреждениями для неисправимого социально чуждого элемента.

Я лично отошёл от работы в КВЧ раньше всех этих мер, не видя смысла работать в КВЧ исключительно ради работы. Привилегии, которые мне вначале давала работа там, я мог иметь и без этого благодаря приобретённым знакомствам. Вместе с тем освободившееся время я смог использовать для рисования того, что меня интересовало, и я создал серию акварельных иллюстраций к русским сказкам. К сожалению, всё, созданное мною в этот период, позже, при моих многократных и разнообразных странствованиях, пропало безвозвратно.

Кружок друзей, группировавшихся около меня в КВЧ, перебрался в мою сушилку, и мы всегда имели гостей и приятных собеседников. Студент Луи при каждом новом этапе, привозившем лагерное пополнение, отправлялся в карантинный барак и приводил ко мне «интересных людей». Так однажды он привёл прибывшего прямо с Лубянки инженера Чернявского, который сообщил мне, что последнее время сидел с Игорем Веригиным, привезённым туда из Владимирской тюрьмы для новых допросов, чем, по словам Чернявского, Веригин был очень недоволен. От него же мне стало известно, что все лица, привезённые из Финляндии, содержатся во Владимирской тюрьме в г. Владимире, что инженер Игорь Веригин вначале был в Каргопольских лагерях, и что ему помогает брат отца, занимающий видный пост инженера в Москве, посылая ему ежемесячные посылки и 100 рублей деньгами.

В другой раз Луи привёл к нам целую труппу Киевской оперетки с тенорами и баритонами, обвинёнными в том, что они продолжали свою артистическую деятельность во время оккупации. В довершение своей беды они, предчувствуя ожидавшую их участь, отступили вместе с нем-

цами и оказались в руках своих соотечественников уже в Германии. Некоторое исключение составлял тенор Киселёв, проскочивший из Германии в Ниццу, где жили его родители, старые эмигранты. К сожалению, родители жены Киселёва остались в Киеве, и она, соскучившись по ним, уговорила мужа вернуться домой, что он и сделал с соответствующими для него последствиями.

Мир действительно мал: этот Киселёв оказался двоюродным братом привезённого со мной из Финляндии Фёдора Пира, их матери были сёстрами. Он сообщил мне это, узнав, что я сам из Финляндии, и добавил, что в бытность в Ницце его мать получила письмо от сестры, в котором она сообщает, что её сын Фёдор бесследно пропал, и что они не могут найти его следов. Я посвятил Киселёва в тайну исчезновения из Гельсингфорса его двоюродного брата.

После визита ко мне труппа принуждена была пережить неприятность. Когда они покинули моё обиталище, был уже десятый час вечера, а среди других вводимых у нас строгостей было запрещение передвигаться по зоне после 9 часов. Они были задержаны надзирателями, которые наложили на них неожиданное наказание, а именно: они были запряжены в бочку для вывоза нечистот из уборных к коллектору, устроенному инженером Желтухиным, для спуска их в реку Инта, так как наши два бычка не справлялись с возложенной на них задачей. Когда я после их ухода сам вышел в уборную, то меня приветствовала вся артистическая компания, возившая бочку. Комичность вносило то обстоятельство, что все они были, как полагается опереточным премьерам, очень элегантно, по-европейски одеты.

Однажды Луи выудил с этапа молодого финского лётчика, сбитого над советской территорией, когда он сбрасывал диверсантов. Молодой человек, видимо, погиб в лагерях, так как после моего возвращения на родину меня посещали его родные, интересуясь его судьбой. Домой он не вернулся.

В круг моих обязанностей как художника КВЧ входило писание бирок для умерших заключённых. Таким образом, я до некоторой степени знал их количество, по крайней мере, на нашем лагункте. За время с ноября по февраль, когда я покинул свою должность, умерло около 50 человек, главным образом немцев. Это объяснялось тем, что немцы поступали к нам в самом жалком состоянии, истощённые до крайности. Но если принять во внимание, что за это время через лагерь прошло до 10 000 человек, то следует признать, что процент умерших был небольшой. Бирки сами по себе были бессмысленны: они прикреплялись бечёвкой к большому пальцу ноги умершего, и на них значились фамилия, имя, отчество, год рождения, статья, по которой умерший был осуждён, и конец его срока. Писалось это сажей на клейстере и потому в кратчайший срок исчезало. На самую могилу ставился деревянный кол с порядковым номером смерти, написанным той же сажей.

По ликвидации КВЧ, которая, правда, официально объявлена не была, Чуловский со своими картинами перебрался в маленький чулан-

чик, а я начал присматриваться, нельзя ли устроиться где-нибудь попрочнее, так как в это время начали отправлять людей в большом количестве в Абезь, а мне туда ехать не хотелось. После хлопот я добился назначения меня заведующим операционным баракком, однако ненадолго: мои планы были разрушены заместителем начальника лагпункта Самсоновым, пожелавшим видеть на этом месте одного бывшего советского полковника, известного ему по службе в армии. Тогда я решил предоставить дело судьбе: как будет, так и будет. Однако судьба разрешила мой вопрос совершенно неожиданным для меня образом: 9 сентября 1949 года я был вызван на этап за пределы лагеря.

Отправка за пределы лагеря была здесь исключением и вызвала среди моих товарищей предположение, что меня отправляют домой на родину. Я этого не думал и склонялся к мысли, что мне опять придётся фигурировать в качестве свидетеля в каком-нибудь новом, неизвестном мне деле.

За это время я, так сказать, «обколотился» и все перипетии своего заключения принимал спокойно, следуя советам начальства, которое на все вопросы, обращаемые к ним, отвечало: «Приедете — увидите».

Как всегда, было грустно расставаться с людьми, с которыми сроднился и сдружился, зная, что судьба больше никогда с ними не столкнёт. Друзья мои проводили меня до зоны, и мы вместе уронили слезинки расставания. На этом кончилась моя Интинская эпопея, и я двинулся навстречу новым неизвестным испытаниям.

ДОРОГА НАЗАД

Нам дороги этой
Позабить нельзя.

Из советской песни

Нас поместили в стольпинский вагон, идущий на станцию Инту. В вагоне оказалось всего 5 человек. Один из них был старшим бухгалтером из заключённых на нашем лагункте. Я разговорился с ним, и он сообщил мне, что его везут в Ленинград в качестве свидетеля по делу нескольких лиц, находившихся вместе с ним в плену в Финляндии. Из дальнейшего разговора выяснилось, что у нас с ним нашёлся общий знакомый, бывший в Финляндии во время войны допросчиком военнопленных, некто Сергей Беляев, сын крупного лесопромышленника, имевшего лесопильные заводы в Суоярви до войны и позже работавший в Гельсингфорсе в моём рекламном деле в качестве художника.

Между прочим, он сообщил мне, что большинство этих военных допросчиков были выданы большевикам, среди них также и Беляев, который в настоящее время находится в каком-то лагере около Калинина. Это сведение было неверно. Беляев вскоре после окончания войны уехал в Швецию, где и живёт по сей день. Но тогда это было мне неизвестно, и я очень огорчился судьбой молодого человека, очень мне симпатичного.

На этом наш разговор окончился, так как мы прибыли на станцию Инта, где нас пересадили в стольпинский вагон, идущий на Киров, в котором мы попали в разные купе и больше не встречались. Однако этот разговор имел неожиданное последствие.

Весной 1951 года при моём четвёртом следствии следователь Новосёлов вызвал меня из Бутырок на Лубянку и спросил, откуда мне известно, что Кабанов находится во Владимирской тюрьме. Я вытаращил глаза.

— Какой Кабанов? — спросил я.

— Тот Кабанов, который был в плену в Финляндии.

— Знаете, гражданин подполковник, я встречал в жизни Свиных, Жеребцовых, Кобелёвых, Коровиных, Быковых, Кобылиных, одним словом, целый зоологический атлас, но абсолютно не могу припомнить, чтобы я знал кого-нибудь по фамилии Кабанов. Также не могу припомнить, чтобы я встречал в лагере человека с этой фамилией, да ещё бывшего в плену в Финляндии.

— А вы не помните, что вы с Инты ехали с человеком, бывшем в плену в Финляндии, и с ним разговаривали?

— Да, такой случай имел место, только я не знал, что его зовут Кабановым: он не сообщил мне своей фамилии, а я не поинтересовался её узнать.

Да и видел я его какие-нибудь четверть часа, пока мы ехали от лагеря до ст. Инта.

— Вы что-то путаете: того человека звали не Кабанов, его фамилия Семёнов. И вот у меня в руках находятся его показания, где он ясно объясняет, что вы ему сказали как раз в этот отрезок времени о нахождении Кабанова во Владимирской тюрьме. Да я вам сейчас прочту.

И он мне это прочёл. Тогда я вспомнил наш разговор о Беляеве и сказал:

— Я не знал фамилии этого человека, но знаю с его слов, что ему было около 70 лет. Очевидно, старик спутал меня с кем-то другим. Со мной он говорил о некоем Беляеве, бывшем военном допроснике в Финляндии, которого я знал и о котором он сообщил мне, что последний находится в вашем распоряжении где-то около Калинина. Ни о каком Кабанове речи не было. Кроме того, когда меня везли с Инты, я понятия не имел о существовании Владимирской тюрьмы, куда я ехал.

По записи этих показаний инцидент был исчерпан.

Возвращаясь к моему путешествию. В Киров мы приехали на вторые сутки и были поражены: во-первых, теплотой Кировского климата по сравнению с Интинским, а во-вторых, пустотой Кировской пересылки, единственными обитателями которой оказались мы. Вскоре это объяснилось тем, что накануне ушли два больших этапа, увезшие обитателей в места их назначения. Наше пребывание на пересылке было также кратковременным, и на другой день мы отправились дальше в столыпинском же вагоне, шедшем на Москву. Это обстоятельство убедило меня в правильности моих предположений.

Народа ехало мало; среди моих спутников было три азербайджанца, все трое с фамилией Али-Баба, фамилией, видимо, весьма в Азербайджане распространённой, так как я уже встречал несколько Али-Баб в лагерях. Их везли на Кавказ, чтобы выяснить, который из них был в действительности замешан в какой-то краже, раскрытой после ареста и осуждения по другим делам.

Наличие их и ещё пары других уголовных в нашей среде показало мне, что распоряжение о транспорте политических заключённых отдельно от уголовных, впоследствии строго соблюдавшееся, в то время конвоем соблюдалось не всегда. В результате этого с нами случилась маленькая неприятность. Среди прочих заключённых с нами ехал мальчуган на вид лет десяти, хотя, по его словам, ему уже исполнилось 14. На вид и в разговоре это был очень милый мальчик, но сильно истощённый и одетый по времени года слишком легко. На нём была бумажная рубашка, такие же штаны, обувь и фуражка отсутствовали. Естественно, что он вызвал в нас жалость, мы дали ему хлеба, а я поделился имевшимся у меня сахаром. Он очень мило нас благодарил и даже сперва отказывался от предлагаемого. Сняли его из вагона ночью, когда мы спали, по пробуждении мы убедились, что он нас всех обокрал. У меня он унёс весь запас сахара, а от других же снабдил себя ботинками, шапкой и телогрейкой.

Вторая ночь пути была последней, к утру мы должны были быть в Москве. Пользуясь относительной просторностью, я мирно спал, когда был разбужен конвоиром, громко выкликавшим в коридоре мою фамилию.

— Есть, — прокричал я в ответ, не понимая, зачем я понадобился ночью.

— Приготовьтесь с вещами, — сказал конвоир, — вам выходить.

Я быстро собрался и вскоре оказался на перроне ярко освещённой станции, большие часы которой показывали половину третьего. Вместе со мной высадили девочку лет 15. Конвой из 8 человек, показавшийся мне чрезвычайно большим для нашей пары, вывел нас на площадь, где нас усадили в воронок.

На этот раз заднее окно воронка было большое, и сквозь него были видны широкие, слабо освещённые, пустынные улицы какого-то города. Я спросил мою спутницу, известно ли ей, где мы находимся, на что она мне ответила:

— Это Владимир.

Тогда мне стало ясно, что меня привезли во Владимирский полит-изолятор²¹¹.

Высадив где-то девочку, мы поехали в обратном направлении и остановились у длинного двухэтажного дома русского казённого образца с большими воротами с маленькой калиткой, пойдя через которую я увидел вторые такие же ворота. Тут же в подворотне, освещённой слабой электрической лампочкой, стояла конторка, около которой топтался часовой, говоривший с кем-то по телефону.

— Сейчас вас возьмут, — обнадежил он меня, кладя трубку.

В этот момент в щель под воротами влезла лягушка. Это настолько поразило меня, что я воскликнул:

— Лягушка!

Часовой быстро обернулся и сказал:

— Где?

Но лягушка, испуганная моим восклицанием, в один прыжок исчезла обратно под воротами, так что мой палец указал пустое место. Часовой взглянул на меня и, покачав головой, отвернулся.

В это время вторая внутренняя дверь отворилась, и вошёл высокий старшина, предложивший мне следовать за ним. Выйдя на слабо освещённый двор, я увидел пару многоэтажных и несколько домов поменьше. Старшина провёл меня в комнату, находившуюся в третьем этаже одного из больших домов, закрыл открытое до того окно и предложил раздеться догола. Обывая мои вещи, он выдал мне весьма приличные ботинки американского образца, носки, смену бумажного белья и неожиданно хорошо сшитую пижаму в чёрно-белую полоску и такой же колпачок. Обрядившись во всё это, я стал походить на заключённого в Зинг-Зинге²¹², как это показывается в кинематографе, и подумал, что, очевидно, американцы снабжают не только советскую армию, но и советские тюрьмы.

— Вам придётся здесь отдохнуть до утра, это уже не так долго, правда, здесь довольно свежо, но у меня нет ничего тёплого, чтобы вам дать, — утром получите.

Затем, упаковав мои вещи в большой мешок и связав всё верёвкой, он положил передо мной небольшой листик бумаги и, дав перо, предложил написать число, месяц, год и мои имя, отчество и фамилию, что я и сделал. Это было 15 сентября 1949 года. Открывалась новая страница моих хождений по мукам.

ВЛАДИМИРСКАЯ ТЮРЬМА

От тюрьмы и сумы не отрекайся.

Народная поговорка

Сидеть в тюрьме — дело невесёлое, невесело также и читать об этом. Очень однообразно и скучно, но из песни слова не выкинешь, и раз такова была моя судьба, то придётся, хоть вкратце, рассказать и об этом эпизоде.

Правила тюремные, вероятно, во всем мире более или менее одинаковые, они везде строгие, ибо тюрьма — это наказание. Я думаю, что советская тюрьма мало чем отличается от тюрем других стран, но всё же в ней есть что-то индивидуальное.

Когда меня привели в камеру № 21, помещающуюся в нижнем коридоре, я обратил внимание на то, что второй этаж был совершенно пуст. Как позже выяснилось, это произошло потому, что незадолго до моего прибытия многих отправили в лагерь. В камере, в которую я поступил, находились следующие лица. Три эстонца — один крестьянин из под Пернова, человек пожилой, тихий и необразованный, второй — приказчик из Ревеля, арестованный при вторичной оккупации Эстонии русскими, и третий — мелкий чиновник полиции. Два китайца: один маньчжур, ни слова не понимавший по-русски, и один южный китаец, красный офицер, который немного объяснялся по-русски. Затем один литовский ксёндз, один уроженец Западной Украины, один немец-кельнер²¹³ из Лейпцига, взятый после войны и обвинённый в шпионаже в пользу англичан и, наконец, единственный действительно интересный человек — грузинский социал-демократ, член последней Государственной думы, Емельян Ананьевич Ламтатидзе²¹⁴, привезённый из Праги, куда он укрылся из Грузии после ликвидации русскими её самостоятельности.

Можно было ожидать, что в политизоляторе сидят матёрые антикоммунисты, но находившиеся со мной в камере люди такого предположения не оправдывали. Во-первых, против этого говорили их сроки: в то время как в лагерях к этому времени большинство заключённых имели по 25 лет и 10-летники были анахронизмом, здесь 2 эстонца и украинец имели по 5 лет, немец — 7, а все остальные — по 10 лет.

Правда, по рассказам моих сокамерников, раньше среди них находились и 25-летники, в том числе известный журналист, писатель и политический деятель Царской России, издававший до революции в Киеве консервативно-националистическую газету «Киевлянин», а в эмиграции известный как автор книги «Три Столицы»²¹⁵, в которой он описывает своё нелегальное путешествие по советской России и посещение Киева, Москвы и Ленинграда, сделанное им, как он был уверен, по приглашению

контрреволюционной организации «Трест», за которой фактически скрывалась одна из самых крупных провокаций ГПУ, которое и было организатором этой поездки. Позже всех 25-летников «отсортировали» и свели в отдельные камеры.

Все сокамерники имели такое же обмундирование, какое было выдано мне. Камера была рассчитана на 16 человек, но нас было всего 10. Койки были вделаны в цементный пол, крайние у стены были двухэтажные. Камера разделялась пополам длинным узким столом. Лампочка находилась над дверью и довольно высоко; около дверей стоять не разрешалось, почему с наступлением сумерек читать было невозможно. Лежать на кровати и спать можно было в любое время дня, но нельзя было прикрываться, и это обстоятельство лишало нас возможности использовать эту привилегию, так как в камере в зимние месяцы было настолько прохладно, что мы сидели в пальто, надетом если не в рукава, то внакидку, так как бумажная пижама не грела.

Расписание дня было такое же, как во всех тюрьмах, в которых мне пришлось сидеть и которые я уже описывал, кроме разве двукратного вывода в уборную — днём и вечером. Так же находились и краны для умывания. Питание было слабое, но во вкусовом отношении лучше, чем в лагерях. Голод был нашим спутником. Лицам, у которых были деньги, представлялась возможность раз в 10 дней делать покупки в кантине²¹⁶, очень хорошо снабжённой. Ограничений в количестве, как это было в следственной тюрьме, не делалось. Но денег, по крайней мере в нашей камере, почти ни у кого не было, а если они и имелись, то в минимальном количестве.

Исключительно плохо обстояло дело с хлебом. В весовом отношении мы получали 600 граммов, но качественно хлеб был очень плохой: какая-то тягучая серая масса. На наши жалобы начальство отвечало, что хлеб получают из городской пекарни и что сами они едят такой же. Поверка производилась трижды в сутки: утром в 7 часов, днём в 3 часа и вечером в 11 часов, когда мы уже легли спать. При этой вечерней поверке вставать с кровати не требовалось, нужно было только поднять голову. Короче говоря, поверка производилась при смене дежурных. Особых придирок со стороны надзирателей и корпусных не было, и недоразумения происходили только с Ламтатидзе, который не мог справиться со своим кавказским темпераментом и из-за него попадал в холодный карцер, откуда он на две недели был взят в санчасть, так как чуть не отдал Богу душу в карцере. Старику было 68 лет, и у него было плохое сердце.

Книги выдавались на 10 дней по две на человека, но в силу того, что многие по-русски не читали, фактически каждый любитель чтения мог за их счёт брать себе книги в достаточном количестве. За сутки перед выдачей книг выдавался библиотечный каталог, из которого явствовало, что библиотека имела весьма большой выбор. Чернильница с пером и несколько клочков бумаги выдавались каждое утро, но на ночь всё это убиралось. Советские граждане с разрешения оперуполномоченного могли писать

2 письма в год и получать 2 письма от своих близких. Письма выдавались вскрытыми и по прочтении отбирались.

Хождение в уборную дважды в день было самым интересным событием в нашей жизни, как ради самой прогулки, так и потому, что в уборной можно было найти сделанные другими заключёнными надписи и сообщения. Аналогичные надписи можно было прочитать на заборах прогулочных дворов, но там надзор был строже и между прогулочными партиями надзиратели всё осматривали и стирали надписи. В баню водили раз в 10 дней, там же стригли бороду и выдавали чистое бельё. Бани собственно не было, были души, сделанные из леечных наконечников, вода из них текла очень неровно, а из некоторых наконечников совсем не текла.

Медицинское обслуживание было неплохое. Очень хорошо была оборудована больница, в ней было всё, что должно быть в современной больнице. Был и зубной врач, или, вернее, врачиха. Мне в больнице лежать не пришлось, но от других я слышал, что питание там было обильное.

Я думаю, что всего сказанного достаточно, чтобы обрисовать, что представляла из себя Владимирская тюрьма. Несмотря на наличие хорошей санчасти, в ней умерли два моих товарища по несчастью, вывезенные со мной из Финляндии, а именно: Юрий Нарбут и Пётр Быстревский.

Должен сказать, что меня тюрьма угнетала гораздо больше, чем лагерь. В лагере была какая-то жизнь, где-то и как-то можно было проявить свою энергию и инициативу, в тюрьме это было исключено, бездействие было ужасным.

В лагере ссоры между заключёнными были редкими явлениями и, если происходили, то обыкновенно имели на то причину. В тюрьме ссорились и даже дрались, как обезьяны в клетке, из-за совершенных пустяков, вроде спора о том, что такое жёсть — металл или вид металла, как правильно сказать в единственном числе валенки и т. п. Кроме того, в лагере представлялась возможность подобрать себе подходящих друзей и симпатичное себе окружение, в тюрьме мы были этой возможности лишены. К счастью для меня, если вообще можно говорить в данном случае о «счастье», моё пребывание во Владимирском политизоляторе было непродолжительным. 28 января 1950 года я был вызван из камеры с вещами и отправлен в Москву, причём в виде исключения, как мне было сообщено.

НОВОЕ СЛЕДСТВИЕ

Мы приехали на вокзал к двум часам ночи; прихода поезда пришлось ждать ещё с полчаса. Вокзал был ярко освещён. Народа, едущего в Москву, было немного. Вокзал был заполнен цыганским табором, раскинувшим прямо на полу громадные перины в пёстрых ситцевых чехлах. Чёрные и бородатые мужчины лежали в рванье на деревянных скамейках. Женщины, по-цыгански кокетливо и чисто одетые, в монистах и бусах, возились с перинами, укрывая ими бесчисленных ребят, кормя маленьких детей грудью и оживлённо переговариваясь друг с другом. Наличие кочующего табора при системе, царящей в современной России, меня поразило.

Мне было предложено сесть на скамейку, где помещался привезённый раньше меня человек с резко выраженной казахской наружностью, в чёрном пальто с замечательным каракулевым воротником и в такой же шапке. Это был мой попутчик, привезённый из Внутренней тюрьмы МГБ для отправки в Москву на следствие.

Из разговора с ним я узнал, что он был инженер-текстильщик, директор бумагопрядильной мануфактуры под Владимиром с количеством рабочих до 22 000 человек. Причина его ареста была такова. Война застала его на Кавказе, в Кисловодске, где жила его мать. Там он устроился смотрителем заведения для слепых. Во время немецкой оккупации он продолжал исполнять свою должность и, как и при советской власти, ежедневно читал слепым газеты. Ввиду отсутствия советских газет он читал им издававшуюся Деспотули в Берлине газету «Новый путь», а также переводил статьи из немецких газет, издававшихся для местного населения.

После отступления немцев он уехал в Москву, где получил назначение во Владимир. Вскоре его мать, оставшаяся в Кисловодске, известила, что им интересуется МГБ, обвиняющее его в антисоветской пропаганде среди слепых. В течение трёх лет он, служа директором на бумажно-прядильной мануфактуре, открыт не был. Но совсем недавно его разыскало МГБ по перехваченному письму, написанному им матери. Теперь он ехал на следствие и рассчитывал получить 10 лет.

Утром по прибытии в Москву мы были разделены — он на Лубянку, я в столь неприятную для меня Лефортовскую тюрьму. Получив довольно чистую камеру с окном на солнечную сторону, я стал ждать дальнейшего развития событий. Ждать пришлось долго: только через две недели меня вызвали к следователю. Идя к нему, я отметил, что совершенно не испытываю того волнения и скрытого беспокойства, похожего на ощущение в приёмной врача в ожидании диагноза предполагаемой, но неизвестной болезни. То, что я ощущал теперь, можно охарактеризовать фразой:

— Интересно, что они ещё придумали?

Проходя по коридору следовательских комнат, я прочитал на дверях их номера и, пройдя мимо 13-го номера, подумал, что эта цифра на этот раз мне изменила. Велико же было моё изумление, когда мы остановились у следующей двери, на которой я опять увидел цифру 13 и в которую постучал мой провожатый. Оказалось, эта комната имела две двери, из которых одна изнутри была заделана, но номер снаружи был проставлен.

— Вводите! — послышался голос за дверью, и, перешагнув через порог, я увидел перед собой следователя Кузнецова, ведшего раньше дело Веригина. За эти 5 лет Кузнецов дошёл до чина капитана. Указав на стул в углу, стоящий у традиционного столика, Кузнецов приятно улыбнулся и открыл лежавшую перед ним на столе толстую папку.

— Ну вот, Борис Вольдемарович, — сказал он, — я должен сообщить вам, что, по постановлению ОСО, всё ваше дело зачёркивается, — и он сделал крестообразное движение над лежавшей перед ним папкой, — и следствие начинается заново.

Кровь ударила мне в голову, я обозлился.

— Что вы на это скажите? — продолжал он.

— Очевидно, вам нечего делать, и вы придумываете себе занятия, но что касается меня, то я больше в этих развлечениях принимать участие не желаю. Я рассматриваю это как самое бесстыдное и нахальное издевательство. Если ваше руководство хочет прибавить мне срок, то оно может сделать это без всяких комедий. Вы можете допрашивать сами себя и вести соответствующий вашим видам протокол. Я распишусь под ним с удовольствием тем большим, чем абсурднее он будет.

— Кто вам сказал о новом сроке? — удивился Кузнецов.

— Вы, — отрезал я.

— Что вы? Я этого не говорил, я сказал о пересмотре следствия — это не значит «новый срок», это большая разница.

— Нет, вы сказали: повисить срок, — настаивал я, прекрасно зная, что он этого не говорил.

— Вы меня не так поняли или, может быть, я не так выразился.

— Вы выражаетесь так, как вам полагается, но я не думаю, что соглашусь, чтобы вы вели моё следствие и издевались надо мной — я вам не мальчик. Дайте мне бумагу, и я сейчас напишу заявление начальнику Следственной части с просьбой отвести вас как мордобоя от следствия.

Кузнецов совершенно растерялся.

— Борис Вольдемарович, что вы говорите? Я же вас пальцем не тронул.

— Этого бы ещё не хватало. Речь идёт о Веригине: вы его ударили головой о стенку и брыкнули каблуком по его больной ноге при первом же вызове.

Тогда Кузнецов рассказал мне о происшедшем недоразумении с Веригиным, про которое я упоминал раньше.

Этот разговор привёл к желанному для меня результату: я сбил Кузнецова с толку и поставил его в затруднительное положение. Если бы я дей-

ствительно написал заявление, которым угрожал, то начальство поставило бы ему на вид, что он не умеет ладить с подследственными и ведёт следствие неумело. Ему пришлось бы оправдываться уже не передо мной, а перед своим начальством, а если бы мне после этого дали другого следователя, то я мог бы с ним сразу поладить, и тот дал бы отзыв, что подследственный спокойный человек и всё произошло от неумения Кузнецова. Я на самом деле совершенно не собирался просить о смене следователя, ибо тогда всё нужно было бы начинать сначала, а между тем неизвестно, кого мне дали бы и как бы я с ним справился.

Поэтому я сделал вид, что удовлетворён его объяснениями, и примирительным тоном заявил:

— Ну, хорошо, я вам верю, а теперь перейдёмте к делу и поговорим спокойно без всяких ссылок на ОСО, руководство и т. д. Что вам конкретно от меня нужно? Возможно, что я пойду вам навстречу, но для ясности предупреждаю, что я не боюсь большого срока и вообще ничего не боюсь, даже смерти, которая в моём положении желательна, так как мне эта жизнь надоела до крайности. Поэтому не пробуйте меня запугивать: я не боюсь ни вас, ни начальства. На прямой вопрос я дам прямой ответ, но выдумывать сам на себя ничего не буду, предоставляю это вам. Те два следствия, которые я прошёл, выяснили всё, что можно считать — с вашей точки зрения — моей виной, а поэтому я чувствую себя так, как очень религиозный и верующий человек чувствует себя после исповеди, то есть абсолютно невинным. Теперь прошу вас — я вас слушаю.

— Н-да, — сказал Кузнецов, — вы очень трудный человек, Борис Вольдемарович, к вам трудно подойти, вы человек угловатый. Мы теперь в Финляндии как у себя дома; там теперь везде наша агентура, и нам стало известно о вашей прошлой деятельности то, чего мы не знали раньше и о чём вы нам не рассказывали. Ваше чистосердечное раскаяние, правда, не может изменить вашей судьбы, но избавит вас в дальнейшем от новых следствий, допросов и сидения по следственным тюрьмам, которые не могут не отразиться на вашем здоровье.

— Вы собираетесь послать меня на отдых в Крым?

Кузнецов рассмеялся.

— Нет, но мы можем походатайствовать, чтобы вам тюрьму заменили лагерем.

— О, вы очень щедрый и добрый человек, — ответил я. — Скажите, если бы вас били палкой и затем сказали, что в случае хорошего поведения вас будут бить кнутом, что же вы? Почувствовали бы благодарность или нет?

— Сегодня вы очень нервный, с вами говорить трудно. Вы всё как-то так оборачиваете, что никак с вами не сговориться. Пойдите, отдохните, подумайте спокойно, а через пару дней я вас вызову.

На этом наше первое свидание закончилось.

Когда я через несколько дней был снова вызван, то увидел, что Кузнецов пригласил себе подмогу: рядом с его столом сидел элегантный молодой человек в морской форме с погонами старшего лейтенанта, который, как только я сел, начал, видимо, приготовленную им речь:

— Мы видим, что вы не вполне отдаёте себе отчёт как в том, где вы находитесь, так и в том, что вам в силу этого может угрожать. Вы находитесь в руках контрразведки, а это дело тёмное: вас могут просто пристрелить, вы исчезнете — и концы в воду.

— Если я вас верно понял, — ответил я, — то вы официально заявили, что ваша контрразведка занимается тёмными делами и прячет концы в воду, пристреливая людей. Я до сих пор думал, что это измышления буржуазной прессы и, насколько заметил в лагере, по крайней мере, для нечинов МГБ, подобные действия грозят 10 годами.

— Видите себя прилично и не извращайте моих слов. Непорядочно пользоваться уважением, которое мы проявляем по отношению к вашим сединам. Мы можем посадить вас в карцер и усилить применяемый к вам режим, — сказал он строго.

— Разрешите обратиться с вопросом.

— Пожалуйста.

— Считаете ли вы, гражданин старший лейтенант, угрозу пристрелить человека уважительным отношением к его сединам?

— Довольно! — воскликнул он. — Я не дурак и не позволю вам ловить меня на словах и их выкручивать так и сяк. Мы не в игры с вами играем, здесь следственная часть, и мы хотим знать от вас правду о вашей преступной деятельности. Частично нам многое известно, но мы хотим, чтобы вы рассказали нам всё, понимаете — всё, — подчеркнул он дважды.

— Слова извращаете вы, говоря, что я назвал вас дураком, я этого не говорил. Что касается моей деятельности, то вам всё известно из двух предыдущих следствий, и мне прибавить нечего. Но так как всё это касается времён давно прошедших, то я допускаю, что мог что-нибудь и забыть. Поэтому я предлагаю вам сказать то, что вам известно, и я охотно заполню пробелы.

— Нет, мы хотим, чтобы вы рассказали сами, это раз, а два — вы лжёте или провоцируете меня. Я никогда не говорил, что вы назвали меня дураком, да вы и не посмели бы поступить так нахально.

— Гражданин старший лейтенант, я думаю, что вы должны сами понимать, что такой разговор ни к чему не приведёт. Поэтому я предлагаю вам конкретно сказать, в чём вы обвиняете меня, и не статьи — я их имею, — а факты. Поясню: вот вы сделали то-то и то-то, что вы можете сказать по этому поводу? На всё это я смогу ответить: да или нет, и если нет, то почему. Вы же ставите вопрос примерно так: расскажите нам чистосердечно, что мы о вас знаем. А позвольте спросить, откуда я могу знать, что вы обо мне знаете?

— Мы так вопроса не ставим, мы предоставляем вам рассказать самим и тогда, сравнив ваш рассказ с тем, что нам о вас известно, мы можем судить о вашей правдивости.

— Для того, чтобы что-нибудь рассказывать, нужно знать, о чём рассказывать, а я этого не знаю. Моя частная жизнь вас интересовать не может, а то, что вам интересно, мною уже рассказано, сформулировано четырьмя следователями и записано в том увесистом томе, что лежит на столе у капитана Кузнецова. Я лично к этому ничего прибавить не имею.

— Плохо, Бьёркелунд, очень плохо — для вас, конечно. Я могу только сказать, что вы делаете всё, чтобы продлить время вашего пребывания в тюрьме.

— Ну, у меня времени много: по старому сроку осталось ещё 5 лет, а сколько будет по новому — не знаю.

— Я порекомендовал бы вам хорошенько подумать о том, что я вам сказал, это в ваших интересах.

И с этими словами мой собеседник вышел.

По выходе его из кабинета Кузнецов рассмеялся.

— Слушай, Вольдемарыч, ты, право, зря хорохоришься, давай сделаем всё по-хорошему. Вот я тебе дам намёк, а ты в камере подумай, может, это и наведёт тебя на мысль.

— Прошу! — сказал я.

— Что тебе говорит фамилия Борис Линдстедт?

Я задумался и сказал вполне правдиво:

— Ничего не говорит. В 1921–1922 годах был в нашем консульстве Линдстедт, но звали его не Борис, а как-то иначе. Я лично мало его знал и позже с ним никогда не встречался.

— Ну, это вы мало подумали, вы в камере подумайте. А вот ещё: что вам говорит фамилия... — и он назвал совершенно неизвестное мне имя.

— Такого не знаю.

Тогда Кузнецов полистал лежавшие перед ним бумаги и сказал:

— А Марию Александровну помните?

— Да. Это моя первая жена.

— Нет, не она, а другая. Припомните.

— Не знаю, думаю, что встречал и других Марий Александровн, но сейчас как-то не идёт на память.

— Вот-вот, — обрадовался Кузнецов. — Вот, подумай как следует в камере, может, и вспомнишь, а я ещё помогу: Яльмар. Вот теперь думай.

И я был уведён для дальнейших размышлений.

Они были невесёлые. Я был недоволен своим поведением во время последнего допроса: я погорячился, а это было глупо. Мне надо было быть возможно сдержаннее с этим старшим лейтенантом, а не петушиться. Очевидно, Кузнецов привёл его, чтобы оградить себя от моих обвинений, а я своими репликами выбил из своих рук козырь, который мог бы использовать в случае надобности против него. Это раз. Затем: Кузнецову уда-

лось сбить меня и поселить во мне неуверенность. Очевидно, всё же что-то у них есть, но что? Этого я, как ни старался, сообразить не мог. Если начать разбирать его намёки, то получается следующее. Кроме того Линдстедта, которого я знал в консульстве, в Гельсингфорсе действительно был один Боб Линдстедт, о котором я слышал, но лично его не знал. Линдстедт был коммерсант, яхтсмен и секретарь шведского коммерческого клуба. Он явно не имел никакого отношения к большевикам и интересоваться их не мог. Яльмаров я знал троих: один мой дядя Яльмар Хеккерт, но он давно умер. Яльмар Теревяйнен²¹⁷... не знаю, не думаю, во всяком случае, я никогда не слышал о нём ничего, что могло бы интересоваться большевиков.

Вдруг меня осенило: ротмистр Яльмар Бьёрклунд²¹⁸! В наших фамилиях разница только в одной букве «е» после «к». Бог знает, чем он занимался и его дела, но был он известен как бретер и авантюрист. Он умер перед войной. Жену его звали Мария Александровна, до замужества Мушка Алтухова, дочь нашего корпусного офицера²¹⁹. Стой! Вот в чём, очевидно, недоразумение! Подумав ещё немного, я остановился на этой гипотезе. Теперь мне хотелось, чтобы Кузнецов вызвал меня как можно скорее, чтобы распутать эту историю. Однако ждать этой okazji пришлось примерно месяц. Между тем моё одиночество в камере окончилось, и я получил сокамерника.

НОВОЕ ЗНАКОМСТВО

Началось с того, что в один прекрасный день дверь открылась — и вошёл человек в потёртом кожаном пальто и в бурках, в тёплых рукавицах и в кожаной нансеновской шапке с серым барашком. Поздоровавшись со мной и представившись: «Зусманович», он опустился на койку.

— Почему вы не раздеваетесь? — спросил я.

— А разве здесь можно? — удивлённо сказал он.

— Кто же это может запретить?

— Нет, я не из-за запрещения. Я сидел месяц в камере нижнего этажа, там так холодно и сыро, что раздеваться было невозможно.

— Здесь тепло, — ответил я.

Зусманович разделся и оказался в офицерской гимнастёрке и таких же брюках.

Я просидел с ним в одной камере до 2 августа 1950 года и успел ознакомиться с историей его жизни, а также и с обстоятельствами, приведшими его в моё общество. Сын еврейского портного из Днепропетровска (ранее Екатеринослав), он, как и большинство еврейской местечковой молодёжи, принял самое горячее участие в революции, примкнув к коммунистической партии и занимая комиссарские посты.

По ликвидации белого движения прошёл все политшколы вплоть до Академии имени Толмачёва²²⁰, предназначенной для заполнения комиссарских постов в Красной, а впоследствии Советской армии. Деятельность эта была прервана назначением его на работу в Коминтерн²²¹, чему способствовало хорошее знание немецкого языка.

За этот период его несколько раз направляли на работу в Германию для подпольной работы в период Веймарской республики²²². Работал он также и в Советском Союзе, главным образом среди моряков пришедших немецких пароходов, ведя среди них коммунистическую пропаганду и организовывая забастовки на этих судах. Между прочим, в этом случае он выступал под маской представителя германской коммунистической партии.

Любопытную подробность рассказал он мне о своей первой командировке в Германию, когда он, по его словам, увлекался не столько своей работой пропагандиста, как мыслью приобрести синий пиджак и серые фланелевые брюки, и когда он в течение целой недели не снимал завязанный ему одним из членов Коминтерна галстук, боясь, что он не сумеет завязать его снова.

После ликвидации Коминтерна Зусманович вернулся обратно на службу в армию и в качестве начальника политчасти дивизии принял участие в так называемой Отечественной войне, где к её окончанию достиг чина подполковника. В 1945 году он был назначен заместителем комен-

данта в Будапеште. Там он, по его словам, вынес самое отрицательное впечатление о венгерской коммунистической партии или, вернее, о её Центральном комитете во главе с Ракоши²²³, состоявшем исключительно из евреев. Он весьма дальновидно в разговоре со мной предсказал венгерское восстание²²⁴, но только ошибся в предположении, что вся эта шайка будет повешена.

Из Будапешта он получил назначение в смешанную контрольную комиссию в Румынии. По окончании работы там поступил в Институт красной профессуры²²⁵ с двухгодичным курсом и по окончании его занял кафедру Международных отношений во Львовском Университете. Всё было бы очень хорошо, если бы в один прекрасный день, очевидно, в связи с «еврейской кампанией», он не был арестован и свезён в Киев во Внутреннюю тюрьму МГБ. Сперва он, как и большинство арестованных в «установочном» порядке, думал, что произошло какое-то недоразумение, которое, несомненно, скоро выяснится.

Но дело приняло для него катастрофический оборот. Его обвинили в связи с агентурой «Интелиженс-сервис» и в том, что в бытность его в Будапештской комендатуре он давал одному английскому журналисту «клеветническое» интервью, якобы сказав, что крестьяне в Советском Союзе недовольны колхозной системой и есть основания предполагать, что Сталин эту систему отменит. Телеграмма этого корреспондента была перехвачена венгерской политической полицией²²⁶ и ЦК коммунистической партии Венгрии передана соответствующим советским властям.

Ввиду его упорного запирательства ему дали 25 ударов резиновым батоном по седалищу и во время этой экзекуции он «признался» в том, чего он, по его словам, не делал. На требование следователя назвать фамилию человека, связывающего его с английской разведкой, — какового фактически не существовало, — он по ассоциации слов следователя, наносившего ему удары, «говорить короче», сказал: Курц. Далее он приговором ОСО получил 25 лет ИТЛ и был отправлен в лагерь, но с Куйбышевской переделки переадресован в Москву примерно за месяц до меня. Дело его находилось в руках следователя Самсонова (в своё время вёвшего дело генерала Добровольского), который сказал, что киевские следователи фактически дела не закончили, так как, добившись признания в преступлении, не выяснили подробностей того, как оно было произведено, с кем он был связан, а также не выяснили личности указанного им Курца.

Объяснения Зусмановича, как дело обстояло фактически, не помогли, и он находился в таком же положении, как и я, то есть ему было предложено «посидеть и припомнить». Настроение у Зусмановича было подавленное, что он объяснял разочарованием в своих идеалах. Просидев совместно долгие 5 месяцев, причём нас к следователям вызывали редко, я предложил Зусмановичу прочитать мне несколько лекций по истории так, как он читал их в Львовском университете. (До того он говорил, что у него имеется в запасе 30 приготовленных лекций.) Для начала я предложил ему разъяс-

нить несколько неясных для меня исторических вопросов, среди которых некоторые были мне фактически известны, но я задал их с целью проверить его знания. Причиной этого было моё недоверие к Институту Красной профессуры, готовившему из политработников и партийцев «профессоров» гуманитарных и социальных наук в срок, который мне казался более чем недостаточным.

Помню, что среди заданных мною вопросов были следующие: 1) Из царствовавших русских Императоров мне известны Пётр I и Пётр III, а кто был Пётр II²²⁷? 2) После французской революции во Франции воцарился Людовик XVIII, революция свергла с престола Людовика XVI; кто был Людовик XVII²²⁸?

Зусманович не сумел ответить на эти вопросы, как и на большинство других. На высказанное мною по этому поводу недоумение кандидат исторических наук объяснил, что цикл его знаний и лекций охватывал период от 1870 года до нашего времени и касался только международных отношений этого времени. Позже он прочитал мне несколько лекций, подтвердивших моё предположение, что студенты, их слушавшие, должны были получить довольно превратное понятие об исторических событиях, густо окрашенных русским шовинизмом, разбавленным коммунистической идеологией.

Я не знаю, как завершилось дело Зусмановича, знаю только, что он сохранил свои 25 лет и поехал в лагерь почти одновременно со мной, то есть в июне 1951 года.

Возвращаясь к моему следствию. При первом же вызове после «намеков» Кузнецов категорически отверг мои подозрения о возможной путанице с Яльмаром Бьёрклундом и отправил меня обратно в камеру для дальнейших размышлений. За период времени до начала апреля меня вызвали на допрос раза четыре и каждый раз после моего отрицательного ответа на вопрос: «Ну что? Надумали что-нибудь?» — мы переходили на беседы отвлечённого характера. Плохо было то, что ни разрешения на получение книг, ни дополнения к нашему скудному питанию я не получал. Зусманович был в несколько лучшем положении, так как его жена переводила на его имя ежемесячно 100 рублей, благодаря чему он имел возможность делать покупки в тюремном ларьке. Однако за всё время нашего совместного пребывания он никогда ничем со мной не поделился, если не считать корок от сыра, которых он не ел.

Наконец в апреле 1950 года Кузнецов спросил меня:

— Так вы и не можете ничего придумать?

— Не могу.

— Ну, тогда я несколько переработаю ваш старый сводный протокол, и вы его подпишете.

Это он и сделал, несколько перефразировав то, что было в своё время написано Рюминым. Он прочитал мне это, пригласил стенографистку, которой продиктовал новый текст, принявший благодаря стенографирова-

нию характер моего личного высказывания. Мне не нравился такой оборот дела, но в общем мне было всё равно, лишь бы поскорее кончилось сидение. Протокол был мне представлен на подпись 7 мая 1950 года уже следователем Шабельским, объяснившим это обстоятельство отъездом Кузнецова в отпуск.

Сводный протокол и его подписание ещё не окончили дела. Необходимо было ещё подписать так называемую 206-ю статью. Эта церемония заключалась в том, что прокурор на основании сводного протокола, составленного следователем, пишет обвинительное заключение, предъявляемое согласно 206-й статьи и даёт вам на ознакомление, в чём вы и расписываетесь. В этом документе уже упоминаются статьи, по которым вы привлекаетесь к ответственности, почему мне было очень интересно посмотреть, как МГБ выйдёт из положения, судя меня второй раз по тем же статьям, по которым уже был приговорён к 10 годам ИТЛ. Мне было ясно желание органов повысить срок, но как это сформулируют для сохранения вида законности, мне было совершенно не ясно.

Практически после всего этого наступило затишье без всяких вызовов до 2 августа 1950 года. Лето было солнечное и жаркое, двадцатиминутные прогулки не могли удовлетворить потребность в свежем воздухе, и кроме того мы изнывали от безделья и неизвестности.

Беседы с Зусмановичем мне осточертели: это был живой пример коммунистической обработки, когда всё в жизни представляется в совершенно чёрных или совершенно белых тонах, без полутеней или оттенков. Всё, что полезно коммунизму, и сами коммунисты — это белое, без единого пятнышка, всё, что не полезно или хотя бы нейтрально, — черно. Должен сказать, что порка, по моему мнению, пошла Зусмановичу на пользу, он стал пытаться самостоятельно думать, а не ограничивать работу своего мозга готовыми установками из «Правды» и «Известий», но, говоря по совести, давалось ему это трудно.

СПЕЦОБЪЕКТ МГБ № 236

2 августа 1950 года был очень жаркий летний день; нас выводили на прогулку после обеда, и мы с нетерпением ждали этого момента. Стук мисок и хлопанье кормушек, в которые они передавались, приближались к нашей камере, и мы, вооружившись посудой и ложками, ожидали нашей очереди. Однако вместо этого открылась дверь, и вошедший корпусной заявил:

— Приготовьтесь оба с вещами и поскорей, смотрите, ничего не забудьте. Накормят вас внизу, здесь кушать не будете, очень спешно!

Учитывая место и обстановку, в которой мы находились, не приходится удивляться, что мы взволновались. По времени вызова из камеры «с вещами» всегда можно более или менее точно определить, куда и кто вызывает. В определённое время вызывают к прокурору; если перебрасывают в другую камеру, то тоже в определённое время дня. Но никуда и никто не вызывается во время обеда и ужина, как это было в данном случае.

В чём дело? Куда нас торопят? В отправочной камере нижнего этажа нас накормили «от пуза» и, произведя поверхностный медицинский осмотр, погрузили в воронок с шкафами, сперва Зусмановича, потом меня. Я был внешне спокоен, но нервное напряжение было так сильно, что пот лился струями из подмышек и крупными каплями выступал на лбу.

Сперва мы поехали на Лубянку. Это, как я раньше упоминал, определялось с точностью по доносившимся до нас звукам. Там мы ещё кого-то захватили и поехали дальше, но звуки мне больше ничего не говорили. Сперва были слышны гудки обгоняющих и обгоняемых автомобилей и остановки на перекрестках улиц, но потом мы долгое время катились по неровной дороге, пока не свернули куда-то и поехали по кочкам. Вероятно, мы ехали не более часа, но в тёмном шкафу время казалось бесконечно долгим. Наконец мы где-то остановились. Наружная дверь воронка открылась, и в маленькое вентиляционное отверстие над дверью моего шкафа я увидел проплывший мимо мешок с вещами Зусмановича. Затем я слышал как какие-то люди вылезли из воронка. Всё затихло. Ещё через некоторый промежуток времени конвоир открыл дверь моего шкафа и спросил:

— Ну что, не задохлись?

— Пока что нет, — ответил я (в шкафу было чрезвычайно душно).

— Подождите немного, сейчас будете выходить, — сказал конвоир.

Когда я минут через 10 получил приказ вылезать, моим глазам представилась опушка соснового леса и большие песочные ямы. В другой стороне виднелись огороды и поля, обнесённые колючей проволокой, и узкая просёлочная дорога. «Катынь»²²⁹, — мелькнуло в моей голове, — плохо!».

— Ну что же вы встали? — сказал один из конвоиров. — Проходите!

— Куда? — недоумевающе спросил я.

— Вон туда, — ответил конвоир, делая неопределенный жест куда-то в сторону.

Сделав несколько шагов, я увидел перед собой большую монастырскую церковь и длинный белый двухэтажный дом, обнесённые невысокой каменной стеной, окрашенной в белый цвет. На одном углу стены красовалась приземистая сторожевая вышка величиной с большую беседку. Только тут я понял, куда меня привезли: Сухановская тюрьма. Это, конечно, лучше, чем расстрел в лесу, но предвещает мало хорошего.

На тёмной узкой лестнице дежурный офицер сверил меня с моими документами и, установив тождество, удалился. Меня провели в камеру для шмона. Шмонали одновременно 6 надзирателей, но, к моему изумлению, все были вежливы и даже доброжелательны.

Финские сапоги привлекли, как всегда, общее внимание и вызвали расспросы об их назначении. Затем я был препровождён в камеру № 67, сумма цифр которой опять составляла 13. Обстоятельства делают человека несколько суеверным.

Камера была в 2,5 метра на 2,5, наружные стёкла были матовые и решётка помещалась между рамами, так что её не было видно снаружи. Посередине камеры стоял стол метр длины и 30 сантиметров ширины с железными ножками, вделанными в асфальтовый пол, и две круглые табуретки наискось друг от друга, тоже замурованные в пол. Кровать представляла из себя деревянный ящик на стене с откидной доской, на ночь опускаемой, а на день поднимаемой, держащейся на двух лямках. Спальные принадлежности, таким образом, на день оказывались в ящике. В углу стояла неизбежная параша. Солнце светило прямо в окно, и в камере было светло. По-видимому, здесь раньше были монашеские кельи.

Помещение было тесно, стол и неподвижные табуретки отнимали место, поэтому ходить можно было только по дуге или вкруговую — три шага в одну сторону и три в другую. Стали выясняться и другие неприятности. Во-первых, я был лишён прогулок, во-вторых, был весьма ограничен в еде, то есть я получал утром причитающиеся мне пайку хлеба и горячую воду, на обед мне давали три столовых ложки супу и столько же каши и на ужин три ложки картофельного пюре, правда, сдобренного растительным маслом. Далее я увидел, что нахожусь под неусыпным наблюдением вертухая. Стоило мне достать из кармана платок, как кормушка открылась и следовал вопрос:

— Что у вас в руках?

— Носовой платок.

— Дайте сюда!

Платок встряхивался и возвращался со словами:

— Уберите!

— А высморкаться можно?

— Высморкайтесь и уберите.

Если я, гуляя по камере, останавливался у окна или двери, то немедленно следовало замечание:

— Не стойте у двери. или — Не стойте у окна.

Разнообразие вносилось только выводом утром и вечером в уборную для оправки и мытья. Уборная была хорошая, чистая, там имелись фаянсовые лавуары, но это «прогулка» была короткой, так как уборная помещалась рядом с моей камерой. Раз в 10 дней водили в баню или, вернее сказать, в душ. На дворе росли яблони и смородиновые кусты.

В тюрьме вообще бывает тихо, но всё же какое-то движение наблюдается. В этой тюрьме царила абсолютная тишина, и требовалось говорить шёпотом; шёпотом же говорили и надзиратели. В такой обстановке и при таких условиях я просидел до 20 сентября, примерно полтора месяца, и это мне было значительно тяжелее, чем сидение в одиночке в Ленинграде, где я имел возможность читать и не голодал. Уже через месяц я потерял в теле настолько, что опасался впасть в то состояние, в котором был после трёх месяцев штрафняка в Вятлаге, и снова заболеть дистрофией, тем более, что конца моему сидению здесь я не предвидел и думал, что оно продлится до конца срока. Однако я ошибался, как и много раз до того.

ЧЕТВЁРТОЕ СВИДАНИЕ

«Свидание друзей»

Трактирная вывеска

19 сентября 1950 года в 3 часа дня дверь моей камеры открылась, и я услышал столь знакомые слова, но в данном случае неожиданные:

— Приготовьтесь к следователю.

Без всяких приготовлений я сказал:

— Готов! — и под предводительством старшины замаршировал по длинным коридорам навстречу новым неизвестностям.

Мы спустились по узкой крутой каменной лестнице куда-то вниз, прошли сквозь большие решётчатые ворота, которые отмыкались громадным замком, замыкавшим какие-то цепи, прошли ещё несколько закоулков — на перекрёстке одного из них стоял солдат — потом поднялись наверх в длинный коридор и остановились в конце его у двери с № 58, что опять в сумме составляло 13.

На стук надзирателя свежий голос крикнул:

— Войдите.

И я оказался в большой в два окна комнате, залитой солнцем. За столом сидел полный подполковник, указавший мне движением руки традиционное место в углу на стуле. После долгого и внимательного взгляда подполковник сказал:

— Что же, Борис Вольдемарович, вы меня не узнаете? — и тут я вдруг узнал Новосёлова, прибавившего в весе килограммов на 30. — Слушайте, что с вами? — продолжал Новосёлов. — На что вы похожи? Вы больны?

— Нет, я не болен, а просто вы меня съели, — сказал я, рассмеявшись. — То, что я потерял, видимо, получили вы.

— Да, я действительно очень пополнил, прямо безобразие, надо что-нибудь предпринять.

— Ничего предпринимать не нужно, а садитесь месяца на полтора в эту тюрьму, и равновесие будет восстановлено.

— Я сперва попробую другой метод, — сказал он, улыбнувшись, — но что с вами?

Я объяснил ему положение и выразил сомнение в том, что Новосёлову моё положение неизвестно.

— Честное слово, я ничего не знаю. Вот получил ваше дело для следствия и вызвал вас.

— Да какое же опять следствие? — изумился я. — Ведь следователь Кузнецов закончил моё следствие в апреле месяце, в начале мая я подписал

сводный протокол, а 206-ю мне до сих пор на подпись ещё не предъявляли. Какое же опять следствие и по поводу чего?

— Видите ли, Борис Вольдемарович, руководство наше очень вами недоволено. Где что ни случится — каждый раз дело попадает рикошетом в вас, а между тем вы запираетесь и не хотели раскрыть карт, хотя игра давным-давно проиграна, и ваше поведение ничем не оправдывается. Между прочим, я не знал, что Кузнецов вёл ваше дело.

— Я не знаю, что вам известно и что неизвестно, но если вы будете вести следствие так, как его вёл Кузнецов, то опять ничего не получится. Я надеюсь, что вы не будете задавать мне загадок и скажете, в чём меня обвиняют. А насчёт рикошетов, их быть не может, так как я давно отошёл от всякой деятельности, могущей вас интересовать.

— Ну, мы об этом поговорим потом, — возразил Новосёлов. — Во всяком случае, беседовать с вами о делах в том виде, в каком вы сейчас находитесь, я не нахожу возможным, вам надо сперва подправиться и отдохнуть. Я распоряджусь по этому поводу, а сейчас поболтаем о чём-нибудь постороннем, потом же понемногу перейдём к делу.

Поговорив со мной ещё с час, Новосёлов отпустил меня в камеру.

Я не стал предаваться размышлениям о следствиях, рикошетах и т. п. Я был уже твёрдо уверен в том, что всё это ерунда, просто МГБ ищет повода для дачи мне нового срока, и я решил: пусть стараются самостоятельно, а мне ломать голову по этому поводу ни к чему.

На другой день, тотчас по выдаче хлеба, то есть около 7 часов утра, в камеру вошёл старшина и приказал мне собираться с вещами. Дело было несложное: завернув мою «постельную принадлежность» в одеяло, я сунул туда же полученную пайку и последовал за моим вожатым. Спустившись по той же узкой и тёмной лестнице и пройдя те же ворота, сильно напомнившие мне декорации фильма «Метрополис», мы остановились перед камерой № 12, находившейся в полуподвальном этаже. Старшина стал открывать низкую дверь, обшитую железом.

НА САНАТОРНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Войдя в просторную сводчатую комнату с большим зарешечённым окном, сквозь которое виднелся кусок поросшего травой двора, я увидел двух пожилых мужчин в военной форме, убиравших постели. У одного на брюках остались куски споротых генеральских лампас, другой был в зелёном офицерском обмундировании. Большой стол, какие бывают в старомодных столовых, был завален книгами, кулёчками с продуктами, коробками и папиросами «Прима».

При моём входе они прекратили своё занятие и представились. Генерал оказался *героем Советского Союза генералом Коротковым*²³⁰, командовавшим во время войны дивизией на севере Финляндии, а позже в качестве командира корпуса, оккупировавшего Данию и остров Борнхольм. Второй был *временно-командующий эстонским флотом капитан 1-го ранга Сандбанка*²³¹, арестованный в Эстонии в 1940 году при присоединении её к Советскому Союзу. Первый находился под следствием 2 года, второй — почти 9 лет. Причина ареста Короткова заключалась в том, что после своего пребывания в Дании он был в восторге от этой страны и от её благосостояния, которое он там имел возможность наблюдать.

Обласканный Королевской семьёй, награждённый даже высшим датским орденом «Данебруг»²³², он был не в меньшем восторге и от членов этой семьи, от их простоты в общении и т. д.; всеми этими впечатлениями он стал делиться со своими сослуживцами и товарищами. Кроме этих, криминальных с советской точки зрения высказываний, он одобрительно отзывался о послевоенной политике Тито²³³, как в отношении крестьянства, которое тот не стал загонять в колхозы, так и в смысле его внешних политических установок и невмешательства в чужие дела. Если учесть, что Тито в это время именовался в Советском Союзе «бандитом» и «лакеем американского империализма», то такие высказывания не могли пройти безнаказанно. Коротков был арестован.

В процессе следствия он, по его словам, был поражён осведомлённостью «органов» о всех его разговорах и высказываниях. У него создавалось впечатление, что все советские генералы — стукачи, так как он говорил на эти темы только с ними. Его дело было фактически закончено с год тому назад, и теперь его допрашивали главным образом о том, что говорили другие генералы, и в особенности маршал Жуков²³⁴, с которым он был довольно близок.

Для меня Фёдор Фёдорович Коротков был интересен тем, что он был первым для меня «советским генералом»: он начал свою службу в Красной армии в 19 лет, поступив добровольцем в качестве простого красноармейца.

— И что мне тогда в Красной армии нравилось — это отсутствие дисциплины: делай, что хочешь, — смеясь, рассказывал он мне.

— Ну, а как обстоит дело теперь? — спросил я.

— Ну, теперь, сам понимаешь, пальцы вместе и щёлк каблуком отчётливо и со звоном. Дурак я был, милый мой, тогда.

— А теперь ты умный?

— О себе судить всегда трудно, но уже тот факт, что я имею удовольствие сидеть в твоём обществе, доказывает, что с умом дело обстоит плохо. Но, возможно, что это зависит не только от ума; вот Сандбанка очень умный человек, и знаний у него пропасть, а вот сидит вместе с нами.

Сандбанка был действительно чрезвычайно образованный человек: он кончил в Англии артиллерийскую Академию, а в Финляндии — Военную академию по первому разряду. Прекрасно владел английским, французским, немецким, русским и финским языками, он в совершенстве знал их практически и грамматически. При этом он был хорошим математиком. По любому, возникавшему у нас вопросу, он высказывал чрезвычайно основательные знания.

Задержка со следствием Сандбанки происходила, по его словам, из-за того, что следователь затруднялся сформулировать обвинение. Наконец в ноябре месяце 1950 года оно выразилось примерно так:

«Будучи в Англии на коронации английского короля Георга VI²³⁵ в качестве представителя Эстонии, Сандбанка вёл доверительные переговоры с английским командованием о возможном театре военных действий в Балтийском море».

Для каждого здравомыслящего человека казалось бы невозможным предъявить в качестве обвинения переговоры представителя самостоятельного государства, каковым в то время была Эстония, с представителями другого такого же самостоятельного государства, хотя бы и о возможностях времени, и на этом основании осуждать человека на 10 или 25 лет тюрьмы. Для советской юриспруденции это не кажется нелепым, так как, по советским понятиям, каждый ответственный и не ответственный представитель капиталистического государства преступен и, попадая в советские руки, должен быть наказан.

Мне лично Сандбанка категорически отрицал фактическое наличие таких переговоров с англичанами, так как эти последние были заняты коронацией своего Короля и вообще ни о чём другом тогда не говорили и не думали.

Всё в мире относительно, Сандбанка так был рад найденному компромиссу, который заканчивал его девятилетнее следствие, что, подписав 206-ю статью, радовался и ликовал, как человек, выигравший миллион в лотерею. Была у него тут и задняя мысль: он рассчитывал получить 10 лет, а так как только в редких случаях это делалось без зачёта предварительного заключения, то он надеялся освободиться через полгода. Как я позже узнал, он действительно получил 10 лет ИТЛ, но, к сожалению, попал в «редкие случаи» и предварительное заключение ему зачтено не было. Но это ока-

залось для него не так важно: выдержав почти десятилетнее заключение в тюрьме, он не перенёс двухлетнего пребывания в лагере и умер.

Из долголетнего опыта сидения по местам заключения Советского Союза я убедился в том, насколько трудно верить рассказам других заключённых о третьих лицах. Например, Сандбанка с удовлетворением рассказывал мне, что его жена и дочь при занятии Эстонии немцами уехали за границу, причем им удалось вывезти ценную коллекцию картин — обстоятельство, несомненно, облегчившее их первые шаги на новом месте. Сведения эти дали ему эстонцы, с которыми он встречался в заключении. Когда я позже попал в лагерь, то от эстонцев же узнал, что семья Сандбанка находится в Советском Союзе; в доказательство своих слов они принесли мне журнал «Огонёк», где на первой странице была изображена прыгающая девица с подписью: «Чемпион Советского Союза по прыжкам в длину Сандбанка»²³⁶.

Я назвал эту главу «санаторной»; наш режим и питание соответствовали этому названию. Пищу нам доставляли после того, как вся тюрьма была накормлена, и давали её в количестве неограниченном, так что съесть всё, что нам давалось, было просто невозможно. Должен заметить, что качество приготовления её было много выше того, что мне пришлось видеть в других советских тюрьмах и лагерях. Кроме того, Сандбанка имел возможность на свои 100 рублей покупать три раза в месяц в тюремном ларьке масло, сыр, колбасу, а генерал Коротков, имея на своём личном счету около 10 000 рублей, широко тратил их, опасаясь, что, получив приговор с конфискацией имущества, он эти деньги всё равно потеряет. Камерного режима вообще не существовало: мы могли делать что угодно, спать, разговаривать, читать, даже не было вертухая, заглядывавшего в глазок, и, что особенно важно, наша прогулка длилась час, и мы могли держать окно открытым.

При таком режиме я стал быстро поправляться, и недели через две был в порядке. В отношении времяпрепровождения было тоже неплохо: мы разговаривали на самые разнообразные темы и делились воспоминаниями и впечатлениями из прошлого и настоящего. Из бесед с Коротковым я вынес впечатление, что советский генерал ничем не отличается от армейского генерала Царского времени.

Несмотря на предложение Короткова не говорить о политике, мы беседовали и на эту тему; генерал имел широкий кругозор и совсем не проявлял узости взглядов и мнений, свойственной большинству советских людей даже и некоммунистического направления, которая, по моему мнению, являлась результатом многолетней односторонней пропаганды в книгах, газетах, журналах, брошюрах и радио, приводившей человека против его воли к выводу, что «сильнее кошки зверя нет».

Но если в смысле нашего существования всё обстояло благополучно, то в отношении следствия ничто не двигалось с места, и для меня лично выглядело довольно безнадежно. Новосёлов вызывал меня редко, но задерживал довольно долго. Если Кузнецов ничего конкретного мне не предъ-

являл и ставил загадки, которых я не мог разгадать, то Новосёлов выхватывал из моих старых показаний и из дела первой жены отдельные фамилии самых разнообразных людей и старался ввести их в круг моей шпионской деятельности, связывая их с Финляндским Генеральным штабом. В большинстве случаев мне было нетрудно доказывать или утверждать, что шпионская деятельность этих лиц мне неизвестна.

Иногда эти обвинения были совершенным абсурдом. Так, например, Новосёлов старался доказать мне, что 70-летняя кухарка профессора Павлова была агентом Генерального штаба и была передатчицей сведений, которые собирала жена Павлова в Советском Союзе. Я смеялся и говорил, что всё это вздор и что за чужих кухарок я не ответственен, тем более, что я даже не ел её обедов и не знал её. Разговоры носили характер переливания из пустого в порожнее. Было ясно, что следственная часть не имеет против меня никаких конкретных материалов, а ищет предлога, чтобы продлить мне срок.

Так прошло время до ноября 1950 года, когда Сандбанка подписал 206-ю статью. Обыкновенно человек, подписавший эту статью, немедленно извлекался из общества тех людей, с которыми он до сих пор сидел; в большинстве случаев он даже не возвращается в старую камеру. Однако Сандбанка вернулся, но на другой день Коротков и я были переведены с сохранением санаторного режима в камеру второго этажа, как раз против той камеры, где я начал своё сидение в Сухановской тюрьме. Моё пребывание там было весьма кратковременным: 17 ноября я был отвезён в Москву в Лефортовскую тюрьму и помещён в камеру, где кто-то перед тем умер: всё, в том числе кровать, было залито хлорной известью, для удаления которой я получил два ведра тёплой воды, щётку и тряпку.

Резюмируя мои впечатления о Сухановской тюрьме, я должен сказать, что содержание там не имело общего режима: одни сидели хорошо, другие плохо; подход и отношение к каждому носили индивидуальный характер. О судьбе моих товарищей по этой тюрьме мне стало известно позже, что Сандбанка вскоре умер в лагере, а генерал Коротков получил 10 лет, попал в лагерь в середине 1951 года и был выпущен на свободу после смерти Сталина и ликвидации Берии в 1954 году.

ЛЕФОРТОВСКАЯ ТЮРЬМА В ЧЕТВЁРТЫЙ РАЗ

В Лефортовской тюрьме я просидел в одиночке до 20 февраля 1951 года. О санаторном режиме больше не было речи, но ввиду того, что я являлся до некоторой степени её аборигеном и меня знали и корпусные и вертухаи, отношение ко мне было хорошее, и никто не придирался, если я днём дремал, сидя на кровати. Новосёлов вызвал меня через неделю после моего переезда, и на выраженное мною неудовольствие по поводу перевода из Сухановской тюрьмы сказал, смеясь, что приличная публика живёт на даче летом, а на зиму переезжает в город.

Я получил разрешение на книги. О деле он ничего не говорил. При втором вызове Новосёлов угостил меня завтраком из офицерской кухни, состоявшим из гречневой каши с бараниной, двух гамбургских сосисок с горчицей, куска французской булки с маслом и стакана чая. О деле мы опять ничего не говорили. Новосёлов рассказывал о жизни в Москве, о магазинах, полных товаров, о концертах, театрах и о публике в них, а также о туалетах дам, начинающих принимать роскошный характер. На какую-то мою фразу, в которой я назвал его моим следователем, он сказал, что в отношении меня он не следователь, а «оформитель», что ещё раз подтвердило правильность моего предположения о желании МГБ продолжить мне срок.

Наконец при третьем вызове произошёл тот разговор и допрос о моём письме из лагеря жене профессора Павлова, урождённой Орешниковой, о котором я упоминал в начале моего повествования. После этого наступила довольно большая пауза.

17 февраля я был вызван в четвёртый раз. Этот вызов оказался поворотным пунктом в этой, начинающей мне надоедать, истории. На этот раз Новосёлов был очень серьёзен и говорил сухо. Видимо, разговор был им обдуман заранее, он был очень лаконичен в формулировках.

— Видите ли, Бьёркелунд, я вижу, что вы не хотите пойти навстречу следственному аппарату и упорно запираетесь. Ну, что же? Это ваше дело, вы не ребёнок и знаете, что делаете. Но мы тоже знаем, что делаем, и терять бесконечное количество времени на вас мы не можем. У нас сейчас масса работы более актуальной, мы всё время работаем под угрозой новой войны, которую нам хочет навязать Америка, и ваше дело совсем не актуально. Однако руководство рассматривает вас как человека опасного и безусловно ловкого — это вытекает из всех ваших дел, допросов и поведения. Всякая другая контрразведка поступила бы с вами более решительно и сурово, но мы человечны и кроме того относимся к вам с большой симпатией.

Поэтому мы решили сделать вам предложение такого рода. Вы знаете, что срок вашей изоляции кончается в 1955 году. Со всей вероятностью можно сказать, что к этому году наш конфликт с Америкой выльется

в открытую войну. Президент Труман²³⁷ уже сейчас объявил свою страну на военном положении со всеми вытекающими из этого последствиями. Вам должно быть понятно, что ваше освобождение в такой момент для нас нежелательно. Поэтому ОСО постановило продлить ваш срок ещё на 5 лет, то есть в целом вы будете иметь 15 лет.

Если война кончится раньше этого времени, то вы нам не будете опасны, и мы вас выпустим; в случае же победы Америки вы, конечно, тоже освободитесь, и американцы вас, вероятно, увенчают лаврами. Вы можете рассматривать эти 5 лет условными.

Однако, как вам известно, Советский Союз является правовым государством, и, чтобы провести эту меру, нам необходимо соблюсти некоторые формальности, и в ваших собственных интересах будет оказать нам помощь в осуществлении их. Поэтому мы вам предлагаем следующее: я перепису ваш старый сводный протокол и добавляю только несколько строк, а именно: «находясь в лагерях, я не изменил своей идеологии и в разговорах с товарищами высказывал мнение, что свободно жить можно только вне пределов Советского Союза».

Мы говорили с прокурором, и он сказал, что этого вполне достаточно для дачи 5 лет. Если же вы не согласитесь подписать протокол, то ваше пребывание в тюрьме продлится ещё неограниченное время, и мы будем искать на вас материал по лагерям, где вы сидели. Я совершенно уверен, что вы говорили и похуже вещи, которые по выяснении дадут возможность дать вам 10 лет. Но вам этого не надо: согласно данной установке хватит пяти. Что вы на это скажите?

— Я вам скажу следующее; — ответил я. — Мы с вами знакомы не первый год, мы старые знакомые. За это время мы могли изучить друг друга, и для меня довольно неожиданно, что вы, видимо, считаете меня дураком. Возможно, что пребывание по тюрьмам и лагерям притупило мои умственные способности, но не настолько, чтобы я не сумел за это время изучить метод вашей работы. Я сижу здесь уже год, и за это время вы собрали из лагерей от ваших оперуполномоченных всё, что они обо мне имели и — ничего не получилось. То, что вы хотите дать мне новый срок, я знал с самого начала и ни одной минуты в этом не сомневался. Размер срока мне безразличен: 5, 10, 15, 25 и так далее — я твёрдо уверен, что отсюда я никогда не выйду. Фактически мой срок будет определён Господом Богом — когда он положит предел моему существованию. Ваша угроза держать меня в тюрьме до выяснения возможности продлить мой срок недействительна хотя бы потому, что мне, право, всё равно, в какой тюрьме сидеть: в Лефортовской следственной или во Владимирском изоляторе, здесь мне даже больше нравится — кормят лучше. Но я с удовольствием подпишу предложенную вами версию протокола, так как хотя добавленная вами фраза и не была высказана мною, но я с ней вполне согласен. Во-первых, в 60 лет человек не может изменять своей идеологии, в особенности учитывая то, что вы мне здесь для её подтверждения показали, а во-вторых, правильность её

установки подтверждается получением за неё новых пяти лет. Я согласен, прошу дать перо и чернила. Жаль только, что вы промурыжили меня здесь зря целый год: я подписал бы это на второй день после моего приезда.

Новосёлов сбросил свою официальность и, улыбнувшись, сказал:

— Вы могли заметить из моих разговоров и обращения с вами, что я всегда считался с вашим мнением и с вами персонально. Мы очень вам сочувствуем, но обстановка и безопасность государства диктует нам те меры, которые мы принуждены принимать. Я хотел бы, чтобы вы не смотрели так пессимистически на ваше положение и поверили нам, что при изменении обстановки вы будете освобождены. В доказательство нашего сочувствия я могу сообщить вам, что содержание в тюрьме вам будет заменено содержанием в лагере, так как мы считаем, что там вам будет лучше и свободнее. Если в том лагере, куда вы попадёте, вам будут чинить какие-либо неприятности, обратитесь к нашему местному уполномоченному с устным заявлением. Он передаст это в оперчекаотдел, а туда мы дадим нужные распоряжения в отношении вашего содержания и занятий. Я думаю, большего вы от нас требовать не можете.

Я ответил, что не хочу продолжать дискуссию и не хочу выражать благодарности МГБ, так как это не отражало бы моих действительных чувств, и снова попросил документ для подписи, на что Новосёлов сказал мне, что документ ещё им не составлен, и перед тем, как я его подпишу, он должен быть в окончательной форме одобрен руководством. На этом мы остановились. Через три дня после этого разговора я был переведён из Лефортовской тюрьмы в спецкорпус Бутырской тюрьмы.

СПЕЦКОРПУС БУТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ

В спецкорпус Бутырской тюрьмы я попал 20 февраля 1951 года, то есть после годичного пребывания под двумя следствиями в Лефортовской и Сухановской тюрьмах. Бутырская тюрьма во всех отношениях была лучше всех трёх. Как я говорил в описании Бутырской тюрьмы в начале моего повествования, спецкорпус находится в двух этажах над так называемым «вокзалом». Камеры довольно светлые и чистые, пол в них вместо линолеума покрыт какой-то оранжево-красной массой, для натирания которой надзиратель раза три в неделю выдавал щётку, тряпку и кусок парафина. За отсутствием дел заключённые натирали пол до зеркального блеска. Пища была также лучше, если не количественно, то качественно. Однако двухмесячное пребывание в Лефортове значительно подорвало мои силы и здоровье, поэтому я попросился к врачу. Пожилая докторша, обследовав меня, прописала венозное вливание аскорбина с глюкозой — это практикуется в советских тюрьмах в тех случаях, когда от следователя не имеется разрешения на усиленное или лазаретное питание. Пребывание в одиночке было непродолжительным. После первого свидания с Новосёловым, сообщившим мне, что он ещё не имеет разрешения от «руководства» на осуществление его предложения по моему делу, я был переведён в другую камеру, вмещавшую двух заключённых, из которых один был мой знакомый по Инте, князь Святополк-Мирский, а второй — инженер-авиатор подполковник Дубовский.

Первого привезли с Инты для новых допросов по поводу какого-то русского генерала, сидевшего в плену у немцев, и которого князь там допрашивал. Второй был, судя по всему, жертвой «еврейской кампании», так как по отцу он был еврей, а по матери — украинец. Ему припоминалась переписка в 1928 году с американскими родственниками, а кроме того и дружеские отношения с американскими лётчиками, с которыми он приходил в соприкосновение во время войны при приёме американских самолётов. Князь сидел довольно весело, но говорил, что ему этот генерал осточертел до крайности, что его ещё до прибытия в Инту с год о нём допрашивали, а теперь начали всё с начала. Князь утверждал, что этот генерал вёл себя на допросах в плену весьма достойно, но, видимо, советчики во что бы то ни стало хотят его закатать.

Подполковник Дубовский был до крайности возбуждён и нервен; он постоянно входил в конфликты с надзором и вёл себя вызывающе. На допросы его вызывали редко, но каждый раз, вернувшись оттуда, он был раздражён и, ходя по камере, произносил обличающие речи. Видимо, его больше всего раздражало то, что ему приписывали еврейскую национальность, которую он не соглашался признавать в себе, утверждая, что он не может считаться евреем только на том основании, что его отец имел

некоторую часть еврейской крови. Именно только некоторую, так как мать отца была русская, как и его собственная мать была украинкой, и вся семья уже в трёх поколениях была православной. Даже Гитлер признавал «нееврейскую бабушку» достаточным основанием не считать человека евреем²³⁸.

Невыдержанность Дубовского привела его к крупной неприятности: незадолго до моего прихода в камеру он пихнул в грудь корпусного надзирателя. Последний, видимо, потерял самообладание и в свою очередь толкнул Дубовского в бок так неудачно, что Дубовский упал и сломал ногу. По этому поводу было начато следствие, так как надзор не имел права рукоприкладствовать, но всё кончилось ничем, так как врач санчасти дал заключение, что перелом произошёл от падения на пол, а не от удара; надзиратели же единогласно показывали, что Дубовский, поскользнувшись, упал сам. Это обстоятельство ещё больше раздражало Дубовского, и каждый раз, когда мы ходили в санчасть для вливания глюкозы, он на повышенных тонах поносил врачей и сиделок, называя их палачами и чекистами. Вне этого, в камере, он был очень милый и культурный человек и приятный сокамерник.

Оба мои сокамерника получали усиленное лазаретное питание, какое после моего перевода к ним получил и я. По справедливости, должен сказать, что питание это было хорошо и обильно и для меня подоспело вовремя, так как аскорбин с глюкозой не очень поднял мои силы. К сожалению, у моих товарищей имелись большие запасы табака, и я закурил, хотя не курил уже 12 лет. Я утешал себя надеждой, что в дальнейшем ввиду отсутствия у меня средств я от этой привычки опять отстану, но вышло не так: я снова сделался курильщиком.

Вскоре после перевода меня в новую камеру я был вызван в один из боксов нижнего этажа, и какой-то субъект в штатском зачитал мне постановление ОСО от октября месяца 1950 года о назначении моего дела к пересмотру. Я рассмеялся и сказал, что уже два следователя, Кузнецов и Новосёлов, предусмотрели это постановление и пересмотрели моё дело, первый в январе 1950 года, а второй — в сентябре того же года, и что я на днях собираюсь подписать 206-ю статью. Личность обалдела, и на моё замечание, что в МГБ нет порядка, стала оправдываться тем, что ему эту бумагу только что прислали, и он ничего не знает. Я подписал постановление ОСО и был уведён.

Дни текли однообразно; мы в камере обо всём переговорили и пересказали всё возможное и невозможное, как вдруг к нам было водворено новое лицо — некто Антипов, русский белоэмигрант из Франции. Этот господин доставил нам много развлечения. Я не знаю, был ли он просто необычайно глуп или был психически ненормальным человеком.

Родом он был из Костромы, где, по его словам, и теперь ещё жили его тётка и незамужняя сестра. Его прошлое из рассказов не прояснилось, но походил он больше всего на разбитного военного писаря. В момент его прибытия к нам ему на вид было лет около 50. История его эмигрантской

жизни, по его словам, конечно, была такова: попав в состав какой-то советской делегации, он в 1923 году прибыл во Францию, где, отскочив от этой делегации, сделался невозвращенцем. На эмигрантском положении прошёл много профессий: был шофёром и кельнером в русском ресторане и даже парикмахером. По его словам, был и «на коне и под конём», пока судьба не занесла его в Монако, где он нашёл постоянный заработок игрой в рулетку. Нам это показалось маловероятным; раньше нам не приходилось слышать, что рулетка может давать «постоянный заработок», но Антипов объяснял нам, что это зависит от того, как подойти к делу.

Если приходиться в игорный зал ежедневно и брать с собой не больше, скажем, 1000 франков, а также ограничить себя временем, то есть играть не позже, как например, до часу ночи, то проигрыш и выигрыш в течение месяца сбалансированы так, что игрок будет иметь обязательно некоторый плюс, которого хватит на жизнь. Кроме того, многие игроки играют по системе теории больших чисел, а для этого им необходимо иметь записи всей игры данного стола за неделю.

Если эти записи делать систематически в продолжение недели или двух, не пропуская ни одной игры от открытия зала до его закрытия, то такую таблицу можно продать за хорошие деньги. Принцип теории больших чисел заключается в том, что на известном отрезке времени все цифры повторяются одинаковое количество раз.

Для простоты он приводил такой пример: если вы будете 500 раз ставить на красное и чёрное, то из 500 раз то и другое должно повториться в среднем 250 раз; если чёрное уже повторилось 300 раз, а красное всего 200, то надо ставить на красное, так как оно обязательно должно сбалансироваться. Проработав около 4 лет на этом деле, ему удалось выработать систему беспроигрышной игры, которую он и привёз в качестве подарка советскому государству.

Кроме того, он держал в Монте-Карло салон красоты, который, по его словам, шёл весьма неплохо, и это дело он хотел продолжать в Москве. На наши вопросы, известно ли ему, что в Советском Союзе всякая частная инициатива запрещена и предусматривается по закону, что в советском государстве не существует частных предприятий ни в какой отрасли, Антипов нам сказал, что так действительно было до войны, теперь же после войны, как ему сообщили советские представители, вербовавшие эмигрантов для возвращения на родину под лозунгом «Родина вас прощает и ждёт», картина в корне изменилась, и в мелких масштабах частная инициатива будет разрешена, в особенности в такой отрасли, как уход за красотой. Кроме того, он привёз с собой невероятное количество рецептов косметики, которые он рассчитывал продать советским косметическим фабрикам.

Мы с князем смеялись, а Дубовский свирепел и бурно спорил с Антиповым, доказывая, что всё это вздор. Особенно сердился Дубовский, когда Антипов уверял, что он совершенно переродился и стал настоящим «совет-

ским человеком», чему нимало способствовала организация «Советский патриот» во Франции, снабжавшая его просветительной и информационной литературой. По его словам, решение уехать из Франции в Советский Союз ускорилось мероприятиями французского правительства, предложившего всем эмигрантам, принявшим после войны советское гражданство, либо от него отказаться, либо покинуть пределы Франции. В этом Антипов увидел руку судьбы, указавшей ему верный путь, и с благословения советского посла в Париже Богомолова²³⁹ он тронулся в путь.

Дубовский резюмировал этот рассказ словами: «Дураков не сеют и не делают, они сами рождаются».

Накупив костюмов, белья, ботинок в лучших магазинах Парижа, так как Богомолов говорил возвращающимся эмигрантам, что в Советском Союзе в этих вещах после войны существует недостаток, Антипов, запасшись советским паспортом, прибыл в Веймар в распоряжение находившегося там советского коменданта. В Веймаре он и несколько его попутчиков были встречены представителями комендатуры и на автомашинах доставлены в здание комендатуры, где в их распоряжение была предоставлена комната с кроватями и со всеми удобствами.

Советский комендант оказался исключительно приятным и любезным человеком. Он обменял ему обесцененные французские франки на червонцы, курс которых ещё раз ясно показал ему, насколько обесценена французская валюта. Одновременно комендант сообщил Антипову, что бумаги его уже посланы в Москву, и, как только оттуда придёт ответ, он немедленно будет продолжать своё путешествие, которое советское государство берёт на свой счёт. В ожидании этого он может отдыхать и знакомиться с достопримечательностями Веймара. Достопримечательностей Антипов не осмотрел, но отметил, что Веймар очень скучный немецкий город, плохо освещённый по вечерам и с совершенно пустыми магазинами.

Приблизительно через неделю ему было сообщено, что ответ из Москвы получен и что он может трогаться в путь. Уложив свои чемоданы и попрощавшись с товарищами, провожавшими его с завистью, так как, приехав раньше него, они не имели ещё разрешения на дальнейшее продвижение, Антипов занял вместе с комендантским офицером место в автомобиле и тронулся в путь. Но тут случилось непредвиденное им обстоятельство: автомобиль, объехав квартал, вместо вокзала доставил его на задний двор комендатуры.

На его недоумённый вопрос, обращённый к сопровождавшему его офицеру, последний объяснил ему, что с автомобилем что-то случилось, и пока его будут поправлять, Антипову придётся обождать в одной из комнат комендатуры. Его завели со всеми его чемоданами в какую-то комнату с решёткой на окне и с несколькими кроватями, на одной из которых сидели два человека. Дверь, окованная железом, за ним закрылась.

Из разговора с находившимися в комнате незнакомцами, тоже русскими эмигрантами из Париже, он узнал, что он арестован. Через несколько дней

служащий комендатуры сообщил ему, что получена телеграмма из Москвы за подписью прокурора МГБ Баринаова о доставлении его по этапу с охраной в Москву в распоряжение МГБ. Путешествие своё, если не считать охраны, он начал один, но в пути народ всё прибывал, так что в Москву прибыл целый вагон вольных и невольных путешественников. Прокурора Баринаова он пока ещё не видел, а следствие его ведёт очень милый и симпатичный следователь. По словам Антипова, сообщение о привезённом им советскому правительству подарке — в виде беспроектной игры в рулетку — произвело на следователя такое сильное впечатление, что при следующем вызове присутствовало уже 4 следователя, из которых один был полковник.

Дубовский не выдержал и сказал:

— Я не удивился бы, если и генерал пришёл.

Но генерал не пришёл, а вместо того следователь вызвал меня. Он оказался действительно очень симпатичным молодым человеком и без всяких околичностей спросил меня, какое впечатление произвёл на меня Антипов: действительно дурак или прикидывается им? На это я ответил:

— Степень глупости человека вообще определить трудно. Я не психиатр, но я не думаю, чтобы он прикидывался; Антипов просто ненормальный человек: одной глупостью его эпопею определить трудно, ибо глупость имеет границы. Человек бросил всё и поехал открывать Институт красоты в Москву — это мог сделать только сумасшедший. Я плохо представляю себе, в чём вы его обвиняете?

— Видите, благодаря странному поведению Антипова многое нам подозрительно, но обвинения против него имеются конкретные: во-первых, он невозвращенец, а во-вторых, находясь в эмиграции, он принимал участие в ряде эмигрантских антисоветских организаций.

— Но ведь вами выкинут лозунг: «Родина вас ждёт и всё прощает», он ему и поверил.

Следователь рассмеялся и сказал:

— Родина-то прощает, а вот МГБ — нет. Но по совести скажу вам, что я нахожусь с ним в затруднительном положении. Вы не заметили, что у него бывают припадки гнева, когда он бывает очень невыдержанным?

— В камере я этого за ним не замечал, но не удивляюсь, если это случится с ним у вас.

На этом разговор был окончен. Антипову я ничего не сказал, будучи уверен, что он передаст наш разговор следователю. Но в ближайшее время Антипов подписал 206-ю статью и вернулся от прокурора в большом радостном подъёме.

— Ну вот, всё и утряслось, — сказал он, — все серьёзные обвинения отпали, и остались только пустяки. Прокурор сказал, что мне максимально грозит высылка на 5 лет и что после объявления приговора я могу подать заявление с просьбой, чтобы меня выслали в Кострому к тётке.

Мы невольно расхохотались, и Дубовский сказал:

— Готовьтесь к 25 годам лагерей, а насчёт тётки забудьте.

Когда я через несколько месяцев попал в камеру ожидающих отправки, то узнал от товарищей, что Антипов получил 15 лет лагерей и незадолго перед моим приходом уехал.

Возвращаюсь к своей судьбе. Довольно долго в ней не происходило ничего особенного; пару раз Новосёлов вызывал меня на Лубянку, один раз из-за путаницы с Беляевым и Кабановым, а второй раз по существу из-за ничего, для сообщения, что он ещё не имеет санкций на подпись 206-й статьи.

Я выразил недоумение, зачем для такого сообщения потребовалось возить меня на Лубянку, на что Новосёлов, улыбнувшись, сказал, что хотел доставить мне развлечение этой прогулкой. Я разъяснил ему, что для меня это развлечение сомнительное, мне приходится каждый раз сдавать койку с постельными принадлежностями и прощаться с товарищами, так как каждый раз вызывают «с вещами» как покидающего тюрьму. На Лубянке меня ведут в баню, которая не баня, а профанация душа, по доставлении обратно в Бутырку держат всю ночь в боксе, где можно только сидеть, потом опять ведут в баню, и я попадаю обратно в камеру только к обеду. Новосёлов извинился и сказал, что он этого не знал.

Наконец в конце марта Новосёлов сообщил мне, что моё дело закончено и что я на днях буду вызван к прокурору Баринову для подписи 206-й статьи. Баринов был главным прокурором МГБ, и мне, естественно, было интересно его увидеть. Когда меня ввели в кабинет, я был совершенно ошарашен его видом. Представьте себе пожилого священника с длинными, почти до плеч, волосами, гладко вычесанными назад через лысину и с длинной, квадратно остриженной бородой. На носу у него были очки советского образца, придающие каждому человеку несколько обезьянье выражение. Серебряные полковничьи погоны ещё более делали эту фигуру странной, настолько его наружность не вязалась с военной формой.

Усадив меня на десятиметровом расстоянии, прокурор заговорил сладким, до приторности елеиным голосом:

— Здравствуйте, Борис Вольдемарович, очень мне приятно вас видеть, много о вас наслышан, но не имел удовольствия быть ближе знакомым. Так, так! Так вот, как вы выглядите. Сейчас мы закончим кое-какие формальности, и дело ваше в шляпе.

Тут у нас произошёл разговор по поводу конфискованных у меня вещей, о чём я расскажу ниже, и Баринов, довольно быстро написав прокурорское заключение, подал мне его для прочтения и подписи. Всё было написано так, как мы стоворились с Новосёловым. Я обратил внимание на то, что в части протокола, касающейся моей личности, после фамилии, имени и отчества и года рождения стояло — дворянин.

— Разве в Советском Союзе существует дворянство? — спросил я.

— Нет, — ответил Баринов, — но здесь это помещается как характеристика.

— Позвольте спросить, откуда вам известно, что я дворянин?

— Ну, это, Борис Вольдемарович, очень просто: вы окончили Морской корпус, а это высшее учебное заведение, дававшее окончившим его личное дворянство, если оное лицо не имело потомственного дворянства до того. Да-с, это так было.

Мне ничего не оставалось как согласиться. Но тут моё внимание привлёк другой пункт, инкриминирующий мне участие в террористической организации.

— Гражданин прокурор, возможно, что это не имеет никакого значения в моей судьбе, но я всё же протестую против этой статьи: она не только не оправдывается следственным материалом, но даже наоборот, из бумаг, полученных вами от финляндской политической полиции, совершенно определённно явствует, что я ни в каких подобных организациях не состоял.

— Хе-хе-хе, — захихикал Баринов. — Вы думаете, что я не знаком с материалами вашего дела? Нет, я их хорошо проштудировал, и скажу, что этот пункт должен быть тут взамен всего того, что осталось в вашей черепушке не выясненного нами, а там мно-о-о-го чего осталось.

— Гражданин прокурор считает этот довод юридическим? — сыронизировал я.

— Ну, об этом мы диспутировать не будем, подписывайте протокольчик, и дело ваше в шляпе, теперь можете отдыхать от всех неприятностей.

На этом мы распрощались. Через день я был опять вызван на Лубянку, на этот раз к Новосёлову.

Он мне сказал:

— Начальник Следственного отдела контрразведки полковник Афанасьев хочет с вами познакомиться. Сейчас я это устрою.

Полковник, мужчина солидных размеров и атлетического сложения с перебитым на бок носом, глухим голосом спросил меня:

— Всё рассказали?

— Всё, что знал, — ответил я.

— Смотрите, если что забыли — добавьте, а то опять вас приволочём сюда.

— Больше ничего добавить не имею.

— Ну, хорошо, возьмите его, — отрезал он в сторону Новосёлова.

Афанасьев сменил Кузнецова; до этого он был начальником контрразведки в Румынии и имел там репутацию чрезвычайно свирепого чекиста.

Вернувшись в камеру и рассказав товарищам о своих впечатлениях, я стал ждать, когда меня переведут в камеру ожидающих приговора.

О МАТЕРИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЯХ

Прежде чем перейти к дальнейшему рассказу о моих приключениях, я остановлюсь на судьбе тех ценностей, которые были отправлены — по недоразумению или по злой воле — финляндскими властями вместе со мной в Москву. Я не стал бы специально останавливаться на этом деле, если бы вопрос касался только их потери. В сравнении с тем, чего я лишился вследствие случившегося со мной несчастья, эта ценность — пустяки, хотя она и составляла всё мое состояние. Я останавливаюсь на этом вопросе потому, что вся эта история характерна для методов работы МГБ, возможно, и для всего бюрократического советского аппарата. Для полноты картины мне придётся повториться в силу того, что некоторые детали могли ускользнуть от моего читателя.

Естественно, что в начале моего пребывания в лапах МГБ я не сразу спохватился о судьбе этих вещей. Лишь когда мои взаимоотношения со следователем Рюминым более или менее выкристаллизовались, я вспомнил о них и спросил о судьбе этого моего имущества. Рюмин прямо подскочил на стуле и сказал:

— Что же вы до сих пор молчали, ведь там могут всё растащить!

Он предложил мне немедленно составить опись вещей, находившихся в портфеле, привезённом вместе со мной в Москву. Тут же, в следовательском кабинете, я сделал список, который вышел неполным. Во-первых, я не мог вспомнить, что именно в этот день у меня хранилось в портфеле, а во-вторых, как я узнал только по возвращении на родину, полиция вложила туда без моего ведома ещё целый ряд вещей, найденных ею в моей квартире.

Как бы то ни было, список вышел солидный. После довольно продолжительного времени вещи были разысканы и на них были выписаны квитанции, приложенные затем к моему делу. Дольше всего не могли найти моих личных ручных золотых часов, но в конце концов и они были найдены и даже предъявлены мне для опознания. Относительно денег мне было сказано, что они как иностранная валюта реквизируются и квитанции на них не выдаются. Это касается денег, бывших в портфеле и у меня в бумажнике.

Впоследствии, при подписании 206-й статьи, прокурор приказал Рюмину снять с меня дополнительный допрос о вещах с перечислением вещей, дабы, как он выразился, они «вошли в дело». Это тоже было сделано. Что же касается многочисленных квитанций, которые я по завершении дела, согласно общему порядку, должен был получить на руки, то прокурор посоветовал оставить их пока при деле, мотивируя это предложение тем, что при моей неопытности эти квитанции будут у меня отобраны жуликами по дороге и использованы ими в качестве курительной бумаги. В случае вынесения приговора «без конфискации имущества»

я из лагеря смогу обратиться с письменным заявлением по начальству и стоимость моих вещей по государственной расценке будет переведена на мой личный счёт.

Всё это было мною выполнено согласно указанию. Имея первый приговор «без конфискации имущества», я неоднократно обращался из лагеря в разные инстанции с просьбой если не выплатить мне деньги, то хотя бы прислать мне квитанции. Но всё было безрезультатно: ни на одно из своих заявлений я ответа не получил.

Попав во Владимирскую тюрьму, я в декабре месяце 1949 года возобновил попытки выяснить судьбу моих вещей путём заявления начальнику тюрьмы. На этот раз ответ пришёл, хотя и неутешительный: Лефортовская тюрьма извещала, что в ноябре 1949 года все мои ценности были перечислены в фонд Министерства государственной безопасности. Как, почему и кем это было произведено — объяснено не было. Начальник тюрьмы, зачитав мне содержание ответа, предложил обратиться к нему с письменным заявлением вторично, сказав, что скоро он едет в Москву и там лично снесётся с Лефортовской тюрьмой и выяснит все подробности и для него непонятного действия. Я, конечно, поблагодарил его за предложение, но воспользоваться его любезностью не смог, так как 28 января 1950 года меня увезли в Москву, и я сам попал, так сказать, к первоисточнику, в Лефортовскую тюрьму. Здесь у меня с самого начала установились нелады с моим следователем Кузнецовым, и я забыл об этих вещах, вспомнил я о них лишь, когда следователь Новосёлов, перенявший меня от Кузнецова, уже кончал моё дело. Выяснить этот вопрос Новосёлову оказалось очень легко и просто: к моему делу была приложена бумага, что согласно постановления ОСО от ноября месяца 1949 года вещи эти за «неявкой владельца» переходят в фонд МГБ; к этому был приложен список с казённой советской оценкой. Расценка была весьма странная и мне непонятная! Так дешёвенькие золотые запонки были расценены в 375 рублей, а массивное золотое кольцо с рубином и двумя полукаратными бриллиантами, которое я носил на пальце, — в 400 рублей. Массивные серебряные портсигары ручной работы были расценены по 100 рублей; крупные броши камеи в оправе работы Фаберже 72-й пробы — в 200 рублей штука, а весьма неважные золотые карманные часы с цепочкой — в 3000 рублей. Из заключительной суммы явствовало, что у меня было отобрано имущества на 46 000 рублей.

В ответ на выраженное мной недоумение, как я, не имея свободы передвижения, мог бы явиться за вещами из лагеря и тюрьмы, Новосёлов обещал переговорить с прокурором. Обещание своё он сдержал и через некоторое время сообщил мне, что Главный прокурор МГБ Баринов сказал ему следующее: большая часть отобранных у меня вещей не является моей личной собственностью, а принадлежит фирме, где я был директором. Отправлены они были в Советский Союз, видимо, по недоразумению, и Финляндское правительство должно было о них позаботиться. В течение 3 лет никаких

заявлений из Финляндии не поступало, и срок обжалования был пропущен. Те же вещи, которые были отобраны у меня непосредственно на Лубянке, по оценке на 6500 рублей, — конфискованы неправильно, и в силу того, что мой приговор не содержал конфискации имущества, стоимость этих вещей должна быть мне выдана. К этому Баринов добавил, что он сам напишет для меня бумагу с протестом против конфискации и даст мне её подписать, когда я буду у него для подписания 206-й статьи.

Вскоре после этого я был у Баринова, но, убеждённый в том, что из моего протеста ничего не выйдет и что МГБ своей добычи из своих рук не выпустит, я не поднял вопроса об этом деле. Однако Баринов сам вспомнил о нём и предложил продиктовать текст заявления, которое я должен адресовать ему. Я выразил свою уверенность в том, что подавать такое заявление будет бесцельно, однако Баринов стал уговаривать написать его, говоря, что решение зависит от него как Главного прокурора МГБ, на обязанности которого лежит следить за законностью. В моём положении, подчеркнул он, 6500 рублей — это целое состояние. В результате я под его диктовку написал требуемое заявление, и примерно через месяц мне был зачитан ответ, что эти 6500 рублей были отобраны незаконно, и теперь, по рассмотрении дела, будут переведены на мой личный тюремный счёт. Несколько раз я наводил справки о том, пришли ли эти деньги на моё имя, но получал отрицательный ответ. А затем мне был зачитан новый приговор с осуждением меня на 15 лет с «конфискацией имущества». Таким образом, «законность» была соблюдена без убытка для казны.

ЛУБЯНСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Мой перевод в общую камеру, куда попадают лица в ожидании приговора по окончании следствия, затягивался, и ещё около недели я сидел с моими сокамерниками, дела которых тоже, видимо, замёрзли.

Погода стояла очень хорошая, и мы с наслаждением ходили на наши получасовые прогулки. В один прекрасный день меня «выдернули» с прогулки, но повели не в общую камеру, как я ожидал, а в один из больших боксов «вокзала». Я настолько к этому времени «обколотился», что нарушение общего порядка, которое раньше заставило бы меня разволноваться и начать соображать как и почему, теперь уже не имело прежнего эффекта. Я ко всему относился совершенно безразлично; я знал, что получу 15 лет, торопиться мне было некуда, а детали и перипетии мне были безразличны.

В боксе я просидел до самого вечера, и часов около 10 тюремный офицер, проверив по формуляру мою личность, любезно предложил мне следовать за ним, и я выплыл из тюрьмы в ожидавший меня воронок, который доставил меня на Лубянку. Там я тоже был принят несколько необычно: принявший меня старшина спросил в утвердительной форме: «Вы сегодня, конечно, уже мылись в бане». После этого он провёл меня наверх в тюрьму, где после очень поверхностного «шмона» завёл в камеру № 58, куда одновременно со мной была вкачена уже застланная складная кровать. Сказав мне, что отбой уже был, и я могу ложиться спать, старшина удалился. Оставшись один, я стал осматриваться. Если все перипетии этого дня для человека, знающего тюремные порядки, были не совсем обычны, то уже совершенно необычно было то, что я увидел в камере.

Это была небольшая комната, вероятно, в 3 метра на 3, с паркетным полом, большим зарешечённым окном и двумя кроватями, между которыми стоял невысокий стол с открытой полкой внизу. Полка эта была забита самыми разнообразными табачными изделиями. Здесь были представлены положительно все сорта папирос и сигарет, выпускаемых в пределах Советского Союза, а также несколько больших коробок трубочных табачков и простой махорки. Не во всяком советском ларьке был такой ассортимент и в таком количестве.

На Лубянке хлеб выдавался другой формы и качества, чем в остальных тюрьмах: это были небольшие в 500 граммов буханки, и из этих буханок на столе было построено нечто вроде Эйфелевой башни. Рядом с ней лежало штук 20 книг — русских, английских, французских, немецких — и что самое поразительное — газеты «Правда», «Известия» и журнал «Новое Время»²⁴⁰. Это было положительно невероятно. Кто же был мой сокамерник, и почему я сюда попал?

Пролежав с час с открытыми глазами и придя к заключению, что всё равно ни до чего не додумаюсь, и сообразив, что мой новый компаньон, очевидно, на допросе и вернётся поздно, я заснул.

Проснулся я под утро от звука открываемой двери. В камере стоял человек в американском обмундировании с двумя белыми батонами под мышкой и несколькими пачками сигарет в руках. Мы смотрели друг на друга недоумевающе. Вдруг он схватился за голову и воскликнул по-немецки:

— Бьёркелунд, как вы сюда попали?

Это был Фавельский.

Я должен вернуться назад, чтобы объяснить, кто такой был этот Фавельский. В свою бытность в 1948 году в Лефортовской тюрьме, когда я сидел в камере с Панвицем, я несколько раз слышал в коридоре руготню и скандалы, устраиваемые, видимо, каким-то заключённым по отношению к надзору, причём в его криках только площадные ругательства проносились на русском языке — всё остальное он выкрикивал по-немецки. При первом же таком происшествии — а шум в тюрьме всегда «происшествие» — Панвиц объяснил мне:

— Это Фавельский, я сидел с ним месяца два вместе, и он тогда тоже «гремел». Его сажали в карцер, но ничего сделать с ним не могли, и наконец плюнули и оставили в покое.

— А из-за чего же он скандалил? — спросил я.

— А из-за всего, но больше всего у него бывало неприятностей из-за того, что он спал днём. Отбирали у него койку, он ложился спать на пол и т. п. В конце концов он добился своего — ему разрешили спать днём.

— Но кто же он такой?

Панвиц поморщился.

— Трудно сказать. Он говорит, что он поляк, фамилия у него действительно польская, но по-польски он не говорит ни звука, но зато прекрасно говорит по-немецки, по-английски и по-французски. Рассказывал, что жил во Франции и после войны поехал разыскивать родных в Польше, а русские его там арестовали и обвинили в шпионаже, пожалуй, не совсем обосновательно. На меня он произвёл впечатление авантюриста, но должен предупредить, что я как бывший криминалист и работник контрразведки ко всем людям отношусь подозрительно. Поэтому особенно считаться с моим мнением нельзя.

Зимой того же 1948 года я встретился с Фавельским на Инте, куда он явился уже с 25 годами ИТЛ. Я с ним познакомился, но относился к нему с некоторым подозрением: многое в его поведении мне казалось странным, хотя он ничего странного или подозрительного не делал. Но я не мог отделаться от впечатления, что он как-то со стороны за всем и всеми наблюдает. Я слышал, как он говорил с надзирателями на плохом русском языке, но, когда я спросил его, подучился ли он за это время говорить по-русски, он рассмеялся и сказал, что изучил только ругательства, так как без них в этой стране жить нельзя. У меня создалось мнение, что Фавельский завербован

опером Охотниковым в стукачи, но никаких реальных данных против него я не имел. Возможно, что отзыв Панвица повлиял на мою психологию.

Теперь Фавельский выплыл в моей жизни в третий раз. Положив на стол свои батоны, из которых один был с колбасой, а другой с сыром, он протянул мне руку. Всё, что у меня было против него раньше исчезло: передо мной стоял человек, как я, попавший в беду и корчившийся в руках неумолимого и жестокого спрута, и я от души пожал ему руку. О том, почему я очутился вдруг в его камере, я ничего объяснить Фавельскому не мог. Он же рассказал мне, что с ним произошло следующее.

Его привезли на Лубянку с Инты месяца четыре назад и предъявили его фотографии в американской военной форме и назвали его настоящую фамилию и чин. Находится он теперь в распоряжении оперативного отдела и при этом в очень трудном положении. Затем он сказал, что расскажет мне всё подробнее потом, сейчас же ляжет спать до обеда, то есть до 12 часов, так как ночь не спал. Все его богатства в смысле табака, хлеба, батонов — всё в моём распоряжении, добавил он.

В дальнейшем выяснилось следующее: Фавельский — французский подданный, во время войны он работал в американской разведке и несколько раз был закинут в Германию. О своих похождениях там он рассказывал истории, из которых можно создать несколько авантурных фильмов. После войны он, уже в чине лейтенанта американской армии, был отправлен с фальшивыми документами в Польшу, где попал в советские руки. По фальшивому паспорту, в качестве Фавельского, был осуждён на 25 лет исправительно-трудовых лагерей. Каким образом советской разведке удалось установить его действительную личность, ему неизвестно. Сейчас его, видимо, пытаются завербовать на советскую службу, а так как для этого МГБ нужен крепкий крючок — чтобы он не сорвался, — то ему говорят, что в их руках находится связанная с ним женщина и якобы его ребёнок, но выяснить это недоразумение не в его интересах. Разговоры ведутся по ночам, и с ним говорили по крайней мере 5 разных военных чинов различных рангов. Игра опасная, она легко в случае неудачи или выяснения недоразумения может окончиться для него пулей в затылок, но он этого не боится: всё-таки появится, может быть, шанс выскочить, а сидеть 25 лет — всё равно не выдержишь.

Около месяца ему составлял компанию какой-то русский полковник, но потом он исчез, и почти два месяца Фавельский просидел один. Он получал газеты, журналы, экстренное питание, но на его жалобу, что в одиночке сидеть скучно, ему говорили, что он сидит в таких условиях, в каких подследственных держать не полагается; кроме того, если к нему посадить русского, следствие которого уже закончено, то легче ему не будет, так как почти никто из русских не говорит на иностранных языках, а подходящих иностранцев или лиц, владеющих языками, сейчас нет.

После моего перевода на Лубянку его собеседники в первую же ночь вызова спросили: доволен ли он данным ему компаньоном, на что он,

по его словам, выразил полное удовлетворение, не упомянув, конечно, что он знал меня раньше. Я просидел с ним около месяца. Отношения у нас были хорошие, но я был настороже, никогда не задавал никаких вопросов ни о его прошлом, ни о настоящем, боясь, чтобы он не принял меня за «наседку», хотя многое из его рассказов было мне непонятно и странно. Когда меня через месяц «выдернули» из камеры, то его дело, по-видимому, не сдвинулось с точки, хотя он отсутствовал почти каждую ночь.

«Выдернут» я был 5 мая 1951 года под предлогом вызова к следователю, но фактически был отведён в бокс, куда через несколько минут надзиратель принёс мои вещи из камеры и пакет от Фавельского, в который он положил несколько буханок хлеба, пакет сахару, плитку шоколада, белый батон, сигареты и махорку. Больше я никогда ничего о Фавельском не слышал и предполагаю, что бедняга сложил свою авантюрную голову в погребках Лубянки. Я же, переночевав в боксе, был утром 6 мая перевезён в Бутырскую тюрьму.

БУТЫРКА В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

Камера, в которую я попал, была заселена 16 обитателями, ожидавшими своего приговора; из них 15 были евреи. «Еврейская кампания» была в самом разгаре. Большинство этих людей до своего ареста были крупными советскими работниками, а многие — членами коммунистической партии. Единственным неевреем, кроме меня, был какой-то советский майор, написавший анонимное письмо Молотову, в котором он критиковал послевоенную внешнюю политику советской власти и давал необходимые, по его мнению, советы. Между прочим, в бытность мою в Советском Союзе я встречал несколько лиц, осуждённых за писание анонимных писем советским вождям. На мой вопрос, каким образом МГБ могло установить автора этих писем, ни одно из этих лиц объяснить мне этого не смогло, но все они говорили, что во время следствия им предъявлялись графологические заключения относительно писем, написанных от руки, а в случае, если они были написаны на машинке, то эта машинка была найдена. Для меня это осталось загадкой, тем более, что никто из этих лиц факта написания не отрицал.

Ожидание приговора для меня было непродолжительным, так как приговор был вынесен ОСО уже в середине апреля, во время моего сидения на Лубянке. Примерно через неделю после моего перевода в Бутырку я был вызван с несколькими другими товарищами по камере в один из боксов «вокзала», откуда мы хорошо слышали, как в соседнем боксе зачитывались приговоры ряду лиц. Большинство приговаривалось к 25 годам ИТЛ. Мне запомнился один приговор, который повторяли несколько раз глухому осуждённому еврею 72 лет с типично еврейским именем и фамилией. Обвинение гласило: «За клевету на советских людей и попытку к шпионажу приговаривается к 25 годам тюремного заключения».

Эти 25-летние приговоры произвели очень тяжёлое впечатление на моих компаньонов: люди, до сих пор жившие на воле, не представляли себе, что 25-летние сроки могут сыпаться так щедро. Но они волновались напрасно: к ним судьба была снисходительна, большинство из них получило по 10 лет, а один только 8. В их предварительном испуге было нечто положительное: они так обрадовались, что их опасения не сбылись, что пришли в хорошее настроение, а получивший 8 лет чуть не прыгал от радости. Я, получив свои 15, не радовался и не огорчился, хотя и был несколько импонирован тем, что МГБ сдержало обещание и не вкатило мне 20 или 25. По существу это было безразлично, но я знал, что с меньшим сроком в лагере можно устроиться на лучшие должности и жить легче. После этой процедуры нас повели в баню, а оттуда — в камеру ожидающих этапа.

СЕДЬМОЙ ЭТАП

В общей камере, в которую я попал после объявления мне приговора, было 25 человек разной публики; были находившиеся под следствием, были уже приговорённые и, наконец, несколько человек, привезённых из Интинского лагеря в качестве свидетелей и для пересмотра дел. Здесь я узнал новости с Инты, представлявшие для меня некоторый интерес; узнал я также, что недавно через камеру прошли на этап Зусманович и Антипов, из них первый получил 25 лет, а Антипов — 15 лет. Я был совершенно уверен, что поеду обратно на Инту, так как не знал правил отправления ГУЛАГом в лагерь лиц, по той или иной причине вновь попадавших в Москву. Оказалось, что если из лагеря кого-либо выхватывали в Москву в качестве свидетеля или на пересмотр дела, то его обыкновенно возвращали в тот же лагерь. Я же пробыл в промежутке 4 месяца во Владимирской тюрьме, и поэтому для меня требовался новый наряд ГУЛАГа, а попасть по новому наряду в старый лагерь, уже заполненный, шансов не было.

Погода стояла солнечная, прекрасная, и я, измаявшись за полтора года по тюрьмам, рвался в путь, надеясь в лагере подышать свежим воздухом и полюбоваться хотя бы небом. Моё желание сбылось 15 июня 1951 года, когда я был вызван из камеры на этап, седьмой по счёту. Человек ко всему привыкает, и я положительно не испытывал больше неудобств: всё казалось мне вполне удобно. Я мог спать на досках в любом месте и в любое время; к дрянной пище я привык, причём должен указать, что к 1951 году она стала много лучше и питательнее. Кроме того, я, находясь в последнее время на лазаретном питании, несколько объелся, ощущение постоянного голода прошло, и количество пищи, требуемое организмом, стало меньше.

Этап тоже меня несколько не смущал. Всё устроится, думалось мне, не впервой. Зато моя подлинная, прошлая жизнь отодвинулась куда-то вдаль, стала виденным когда-то сном, может быть, очень красивым и интересным, но смутным и нереальным. Теперь я редко думал о ней. В этапной камере я застал 6 человек, из которых пятеро было советские офицеры, примерно в полковничьем возрасте, а единственным штатским был еврей. На нём я остановлюсь.

Фамилия его была Карасик, по профессии он был экономист, возраста 50–55 лет, отец его был врачом в Казани, он же в прошлом студентом Казанского Университета. В дореволюционные времена он был анархосиндикалист, имел связь с Кропоткиным²⁴¹, был приговорён Царским судом к 5 годам заключения, которого ему не пришлось отбывать благодаря революции 1917 года.

После октябрьского переворота он, хотя и не вступал в компартию, но, по его словам, всецело ей сочувствовал, забыв свои юношеские анархические увлечения. Но МГБ этих его «увлечений» не забыло, и в один пре-

красный момент Карасика взяли за шкирку и стали вытряхивать из него воспоминания об его юношеских увлечениях на бумагу. Карасик всё добросовестно рассказал, следовательно также добросовестно записал, и в результате получилось так, что как будто это были не воспоминания, а настоящая действительность, и Карасик по обвинению к принадлежности к анархическому движению получил 10 лет с конфискацией имущества, состоявшего главным образом из книг. Карасик, помимо своей непосредственной работы в качестве экономиста, занимался научной работой, разрабатывая вопрос о влиянии скандинавов на Древнюю Русь и роли, сыгранной ими в основании Русского государства.

Было совершенно ясно, что Карасик был тоже жертвой еврейской кампании, но сам он этого не понимал, будучи не знаком с её размерами; он объяснял постигшее его несчастье каким-то досадным недоразумением. Человек он был чрезвычайно кроткий и доброй души. Воспитываясь в Казани, где он прошёл гимназию и университет, он не считал себя евреем, и действительно, кроме наружности в нём не было ничего специфически еврейского. Но всё это я узнал о Карасике позже, живя с ним в одном бараке и на лагпункте. В настоящий момент, находясь в этапной камере, я прислушивался к шуму и руготне, поднятыми моими военными спутниками, требовавшими дежурного офицера. Причина их волнения была та, что они не успели запастись в тюремном ларьке табаком на дорогу. Дежурный офицер явился, дело с ларьком уладилось. Явившийся сейчас же по его приказанию ларёчник стал удовлетворять требования моих спутников, и они отходили от двери, нагруженные своими покупками. Один из них, как позже оказалось, полковник Коновалов обратил внимание на то, что я не принимаю участия в покупках, и осведомился о причине этого. Я ответил, что причина очень простая: я иностранец и не имею денег. Тогда Коновалов воскликнул:

— Товарищи, вот этот наш товарищ не имеет денег и не может купить табаку. Давайте сделаем складчину!

Складчины они не сделали, но, накупив сигарет и махорки в индивидуальном порядке, сложили довольно основательное количество на лавке около меня.

Так называемый сухой паёк на дорогу теперь был значительно лучше, чем раньше: кроме хлеба, сахара и солёной рыбы нам выдали по полторы банки рыбных консервов и по куску колбасы. От селёдок мои товарищи хотели отказаться, но я сказал, что сельди по качеству очень хорошие и что на первой пересылке я им их вымочу, и они их с удовольствием съедят, тем более что на пересылках пища, хоть и обильная, но очень пресная. Так и сделали. Когда нас вывели на тюремный вокзал, то я увидел, что отправляемый этап состоит не только из нас; во дворе находилось до сотни других людей, стоявших рядами по пяти, к которым мы и пристроились. Я понял, что людей собрали на целый столыпинский вагон. Так это и оказалось. В воронки нас разместили без излишней тесноты и доставили

прямо на пути, минуя все пересылки, и погрузили в «Столыпина» человек по 10 на купе, причём я попал вместе с моими «благодетелями». В путь мы тронулись к ночи, а наутро я мог констатировать, что наша дорога идёт не на Инту, а на Урал или в Сибирь. Я расстроился этим обстоятельством и пожалел, что вовремя не сговорился со следственными властями.

Через двое суток мы прибыли в Свердловск, где были импонированы размерами пересыльной тюрьмы. Это было громадное четырёхэтажное здание с большими камерами, из которых несколько было назначено исключительно для осуждённых по 58-й статье. При распределении по камерам я попал опять с моими спутниками в 14-ю камеру; там мы застали почти исключительно эстонцев. Я должен отметить, что количество представителей этой маленькой республики в местах заключения Советского Союза меня всегда поражало. Встреченные мною в Свердловске эстонцы в большинстве были молодые рабочие, из коих многие не понимали по-русски.

Мы расположились с относительными удобствами, хотя камера была наполнена людьми, но можно было лежать свободно; я отлично устроился на полу у стены, это место хорошо проветривалось из коридора через решётчатую дверь, а в это время стояла невероятная жара. Пища была хорошая и обильная. Вообще по мере удаления от военного времени во всём наблюдалось больше порядка. Медицинское обслуживание было тоже хорошее. Скажу для примера, что, когда я раза три посетил санчасть, жалуясь на кашель, то на четвёртый раз был взят на рентген, констатировавший у меня эмфизему лёгких. Прогулки были получасовые, и мы старались подставлять себя солнцу и согнать им нашу тюремную бледность.

Свердловская тюрьма по количеству пропускаемого народа одна из самых больших в Союзе. В тот момент она занималась отправкой громадных контингентов, поступавших из разных лагерей, на постройку канала Волга-Дон. Для этой цели набиралась исключительно молодёжь и люди «в силе» с небольшими остающимися сроками; им было обещано освобождение по окончании работ. Политических заключённых среди этого контингента было мало, а те, которые встречались, имели §1058-й статьи и уже почти полностью отбыли свой срок. Лагеря, отправляя людей за свои пределы, стараются снабдить их самым плохим питанием, а на Свердловской пересылке они получали первосрочное обмундирование и ехали на место своего назначения одетыми «с иголки».

Три недели просидели мы в ожидании отправки, и когда были вызваны всей камерой на этап, то немало этому обрадовались. Из людей, встреченных мною на Свердловской пересылке, я запомнил одного инженера, перебрасываемого из Ярославского места заключения для научных работников в аналогичный изолятор в Иркутске, где, по его словам, требовалась меньшая квалификация; и одного штурмана дальнего плавания, окончившего соответствующее училище в Риге, где начальником оказался мой товарищ по Морскому корпусу некто Беспальчев²⁴² в чине капитана 3-го ранга; и двух немцев из Восточной Германии — оба «мастера водяных

дорог», то есть каналов. Эти немцы работали на Иртыше, где, по их словам, производились подготовительные работы по изменению русла этой реки; теперь их перебрасывали на Аму-Дарья, которую предполагалось вывести в Каспийское море по её старому засохшему руслу. Эти немцы находились не в лагере для политических, а в общем, поэтому их труд оплачивался, и они располагали, по моим тогдашним понятиям, довольно крупными суммами: один имел около 1000 рублей, а другой — ещё больше.

Тюрьму ежедневно объезжала тележка-ларёк, снабжавшая конфетами, пряниками, баранками и белыми булками. Заметив, что я ничего не покупаю, они осведомились о причине этого и, выслушав мои объяснения, поговорив друг с другом, предложили мне взять у них 50 рублей. Когда я отказался, сославшись на невозможность когда-либо вернуть эти деньги, они сказали, что это пустяки, что они мне их не одалживают и что если я когда-нибудь буду иметь возможность помочь кому-нибудь из немцев, которых я встречу в большом количестве в лагере, куда я еду, то я могу рассматривать это как возвращение полученных от них денег. Я поблагодарил и взял деньги. Среди всех нас было несколько интеллигентных людей, которые ехали не в лагерь, а на высылку. Один из них произвёл на меня впечатление иностранца, и я с ним разговорился. Он оказался евреем, получившим образование в Германии и бежавшим от еврейских преследований в Польшу, откуда попал в Советский Союз. Теперь его арестовали и выслали на 5 лет в Петропавловск, куда он и направлялся. Он первый рассказал мне, что идёт преследование евреев, и тех, кого нельзя посадить в лагерь, отправляют в большом количестве на высылку в Сибирь. На высылку можно ехать на собственные средства, но у него их не было, и ему пришлось ехать этапом. С ним едет и жена, но она находится в женской камере. Он женился в Германии на немке, и, по его мнению, это обстоятельство сыграло существенную роль в его высылке.

Всему бывает конец, наступил он и нашему сидению на Свердловской пересылке. После трёхнедельного пребывания нас вызвали на этап и после поверхностного шмона на воронках доставили в столыпинский вагон, стоявший на путях недалеко от станции, и к вечеру мы двинулись в дальнейший путь.

НОВОСИБИРСК

Новосибирская пересылка была нашей следующей остановкой. На воронках нас доставили до места, где кончилось наше благополучие. Серия старых полусгнивших бараков была расположена на большой грязной площади. Внутри было не лучше, чем снаружи. Небольшие тёмные камеры были невероятно грязны и забиты людьми. Лето было жаркое, и мы буквально задыхались при температуре в 40°С. Баня была рассчитана человек на 20, а заходили туда по 50 и 60 одновременно. С водой дело обстояло плохо: то не было горячей, то не было холодной; в раздевалке был земляной пол, в том же помещении была прачечная. Полуголые бабы стирали бельё, между ними бродили мужики, подвергаясь «санобработке», раздеваясь и одеваясь.

Камера, в которую я попал, была узкая, с нарами на одной стороне и с маленьким мутным окном, закрытым этими нарами. Две огромные парашаи загораживали проход и смердели до крайности. В добавление ко всему у многих был понос, и это не улучшало воздуха. Пища была такая же, как в Свердловске, но с водой дело обстояло плохо: её при страшной жаре было недостаточно. В довершение всех этих неудобств и неприятностей у меня сделалась нервная экзема на руках и подошвах ног. Она меня очень мучила; мази, получаемые из санчасти, несколько облегчали зуд, но болезни не лечили.

Ларёк и здесь объезжал нас ежедневно и был снабжен даже лучше, чем в Свердловске. Я крепко держал данные мне немцами деньги, хотя соблазн был велик, в особенности, когда в ларьке появилась земляника, продававшаяся по 18 рублей литр. В тёмной дыре, каковой была наша камера, жизнь шла своим чередом. Меня выбрали старостой; я должен был смотреть за порядком, раздавать хлеб и пищу и, в случае надобности, сноситься с начальством. В нашей камере было всего 30 человек, большинство из них пожилые мужчины, и поддерживать среди них порядок было дело несложное.

Из всех, находившихся там, у меня в памяти осталось только несколько человек.

Во-первых, мой сосед по камере инженер Притыкин. Это был маленького роста, худой, бесцветный и совершенно лысый еврей из Ленинграда, лет шестидесяти. История его такова: сын инженера-технолога и сам инженер, окончивший Петербургский технологический институт, он служил по постройкам железных дорог, неоднократно ездил для приёмов в Англию, а свои отпуска проводил во Франции; прилично владел и английским и французским языками. После революции он не эмигрировал, а остался работать в России инженером. Политикой никогда не занимался. Основной чертой его характера была оппозиционность, которая часто вылива-

лась в формы, раздражавшие не только тех, против кого она была направлена, но и его единомышленников. У меня было впечатление, что ему положительно доставляло удовольствие создавать всем затруднения своей персоной. Мне пришлось позже быть с ним на одном лагпункте и на собственной шкуре испытать это странное и неприятное свойство.

Еврей по национальности, он никогда об этом не задумывался и не придавал этому обстоятельству никакого значения. Однако, когда в Советском Союзе начались преследования евреев, он, видимо, из чувства оппозиции, официально объявил о своём желании переселиться в Палестину, подав соответствующее прошение в Министерство внутренних дел и одновременно обратясь с просьбой о визе в Министерство Иностранных Дел. Результат был для старика плачевный: его арестовали, и ОСО дало ему 10 лет ИТЛ. Теперь он был на пути в лагерь. В камере он ссорился со всеми и всех задирал, и мне приходилось чуть ли не каждый день улаживать самые глупые недоразумения.

Другой запомнившийся мне заключённый этой камеры был певец-бас Свердловской оперы по фамилии Рождественский. За что он был осуждён — мне неизвестно; как человек он был тихий и культурный. К сожалению, всё время нашего пребывания в Новосибирской пересылке он страдал желудком и не слезал с параша, вызывая нарекания сокамерников, что, видимо, его очень мучило. Позже я был с ним на одном лагпункте, где он умер от рака горла.

Наконец третий персонаж, оставшийся в моей памяти, был бывший директор технического училища в Могилеве. Он был тоже еврей. Он состоял в коммунистической партии с 1922 года, но до революции принадлежал к БУНДу (еврейская социал-демократическая организация), и это обстоятельство привело его в нашу компанию. Человек он был угрюмый, ни с кем не разговаривал и держался особняком. Он был хорошо снабжён продуктами на дорогу и, отказываясь от тюремной пищи, открывал свой чемодан и ел из собственных довольно обильных запасов продукты, которые нам в нашем положении казались необычными деликатесами. Однажды он обратился ко мне с вопросом:

- Вы здесь, как я вижу, старший?
- Товарищи выбрали меня старостой, — ответил я.
- Так вот не могли бы вы предоставить мне другое спальное место?

Он лежал на нарах рядом с двумя уголовниками, получившими за побег из лагеря 58-ю статью. Один из них был перс, другой — русский, оба в возрасте 20–23 лет. Вели они себя тихо, никого не задевали, были вежливы и попыток к кражам и вымогательствам не делали. Единственное их занятие — они целый день играли в карты, что меня удивляло, так как я знал, что воры всегда играют на интерес, а у них абсолютно ничего не было: каждый из них двоих, как говорится, был «гол, как сокол». Поэтому я некоторое время присматривался к ним, опасаясь краж у других сокамерников, однако никто не жаловался, и я успокоился.

Заявление мрачного директора заставило меня насторожиться, я сразу вспомнил его чемодан и потому осведомился:

— У вас что-нибудь пропало?

— Нет, — сказал он, — но дело в том, что, как вы, вероятно, заметили, эта пара целый день играет в карты, и проигравший за день играет ночью роль супруги для выигравшего, а мне, человеку семейному, чрезвычайно неприятно наблюдать это. Скажите, в лагере это общепринято?

— Среди политических этого нет, или почти нет, а как среди уголовников — я не знаю, так как когда я был там, то вместе с нами были и женщины, но допускаю, что когда женский элемент был отделен, то порок этот мог распространиться.

Желание почтенного директора было мною удовлетворено.

Через две недели нас вызвали на дальнейший этап. На этот раз этап был так называемый «большой», так как на пересылке накопилась масса народа. Более диких картин, разыгравшихся при приёме этого этапа конвоем, я ни разу ни до того, ни после не видел.

Громадный двор пересылки, окружённый серыми покосившимися домами, был сантиметров на 20 покрыт мельчайшей пылью. Около 40 солдат-конвоиров производили на этом дворе «шмон». Для видимости под ноги каждому обыскиваемому клали портянку, которая тонула в пыли. Раздеваться нужно было, стоя на одной ноге. Многие падали или садились прямо в пыль, окутывавшую голых людей пепельным покрывалом; осмотренные вещи бросались солдатами прямо на землю и тоже обращались в серые грязные тряпки. Положение осложнилось тем, что солдаты срезали с одежды все металлические пуговицы, отбирали алюминиевые кружки, банки, ложки, и всё это складывалось в кучи.

За столиком, где проверялись формуляры, сидели какие-то подмазанные и прифранченные дамы; ещё несколько таких же то и дело проходили через площадь к столу, принося пачки новых формуляров взамен проверенных и сданных начальнику конвоя. Многие принуждены были ехать дальше босиком, так как у них отобрали ботинки на том основании, что на них были металлические крючки. Конвоиры были грубы до крайности и будто нарочно вываливали платье в пыль, разбрасывая его кругом. Голые люди приседали, разводя одновременно руками, и зачастую, не удержав равновесия, падали, поднимая столбы пыли.

Выданная на дорогу солёная салака, завернутая а газетную бумагу, вискальзывала из неё и падала на платье. Обысканные, поощряемые ругательствами и угрозами конвоиров, осуждённые быстро подхватывали загаженное бельё и нагишом бежали в сторону одеваться. Но иногда солдаты гнали их полуодетыми в воронки для доставки на вокзал. В каком-то доме с выставленными окнами сидели, как в ложах театра, заключённые женщины, видимо, тоже предназначенные на этап, и ждали своей очереди для шмона.

Наконец мы были водворены в вагоны по 70 человек в каждый и стали ждать отправки. На наше несчастье, разошедшиеся бочки с питьевой водой, поставленные в вагоны, текли, и весь пол был мокрый. Тронулись мы ночью. Наутро, осмотревшись, я увидел, что, кроме Карасика, никаких других знакомых в вагоне не было. Как выяснилось позже, ехали мы в Тайшет в Озерлаг, и пространство между Новосибирском и Тайшетом мы покрыли в 7 дней. Температура снаружи была 35°С. Какова она была в закупоренных товарных вагонах с железной крышей, нагреваемой солнцем, мне не известно, но ощущение было как на полке в жарко натопленной бане. Люди сидели голые, обливаясь потом. Некоторое облегчение наступало ночью, когда солнце садилось и жар спадал. Обильную пищу давали два раза в день, но есть мы не могли, так как по принятии её становилось ещё жарче. Наконец через неделю наши муки кончились, и мы в количестве двух вагонов были отцеплены в Тайшете.

ОЗЕРЛАГ

Город Тайшет, куда мы прибыли, по европейским понятиям, городом не был. Немощённые улицы в ямах и в пыли, при первом дожде превращавшиеся в непролазную грязь, деревянные некрашеные дома, плохо сохранившиеся, напоминали больше захолустное село, чем город. На Озерлагскую пересылку, находившуюся в 5 километрах от города, нас везли на открытых грузовиках по очень плохой дороге; нас качало и выворачивало, как на море. Много раз мы чуть-чуть не перевернулись, но всё же благополучно добрались до места нашего назначения.

Пересылка тянулась вдоль полотна главной Сибирской магистрали, по которой каждые 10–15 минут проносились огромные составы, везомые двумя колоссальными паровозами. На открытых платформах везли пушки всех родов, танки и автомобили. Пассажирские составы шли реже, и, видимо, чтобы не смущать едущую в них публику, вышки охраны были спрятаны с внутренней стороны тына, а не торчали, как обыкновенно, над ним. По дороге к пересылке мы видели Озерлаговские паровозо-ремонтные мастерские, занимавшие большие пространства, так как обслуживавший их персонал помещался в той же зоне.

Пересылка произвела на нас хорошее впечатление; большая площадь, поросшая местами вытоптанной травой, была окружена строениями, находившимися в хорошем состоянии. Барак столовой-клуба имел с одной стороны пристроенную кухню, а с другой — сцену для спектаклей самодеятельности. За обедами и ужинами на сцене играл на пианино небезызвестный московский композитор²⁴³ и какой-то ленинградский пианист. Репертуар состоял, главным образом, из старинных романсов, вроде «Гайда, тройка», вальсов, например «Осенний сон». Это наведало воспоминания и было приятно.

Барак для пересылочного контингента был снабжён широкими и удобными вагонками специальной Озерлаговской конструкции, собираемые без единого гвоздя — на клиньях. К сожалению, спальные принадлежности отсутствовали, и спать нужно было на собственных вещах и ими же прикрываться. Но это было не так важно: измученные недельной дорогой в раскалённых вагонах, мы спали как убитые. Питание было тоже неплохое.

По другую сторону плаца находились бараки обслуживающих пересылку строительных бригад и две небольших постройки для «освобождающихся» и перебрасываемых за пределы лагеря. Женская зона примыкала к нам четырёхметровым тыном, из-за которого виднелись трубы и конёк крыши женского барака. Для случайных работ по разгрузкам, починке дорог, рытью канав и так далее брались люди из пересыльного контингента.

От последнего этапа у нас осталось много хлеба, который мы пытались обратить на солнце в сухари, но хлеб почему-то не сох, а покрывался белой плесенью, его пришлось с сожалением выбросить.

Озерлаг²⁴⁴ до создания в нём спецлагеря был лагерем военнопленных Квантунской японской армии²⁴⁵, которые были использованы для постройки железнодорожной линии Тайшет–Братск. Дальше до Лены дорогу строил Ангарлаг²⁴⁶ — общий лагерь, местами расположенный вперемежку с лагпунктами Озерлага, а в чистом своём виде находившийся на территории между Братском и Леной с управлением в Заярске. Пересылка Ангарлага находилась в Тайшете, также как пересылка и управление Озерлага. Почему и откуда Озерлаг получил своё наименование — неизвестно: на его территории не имелось никаких мало-мальских значительных озёр. Он скорее мог бы называться Речлагом, потому что местность изобиловала реками и речками, вливавшими свои воды в Ангару. Название Ангарлаг более соответствовало действительности, так как именно он строил Ангарскую гидроэлектростанцию²⁴⁷ на Ангаре у Братска — там, где река стеснена скалами в месте, называемом «Падун».

Озерлаг имел три отделения с 52 лагпунктами, имевшими каждый по две-три тысячи заключённых, с общим количеством людей приблизительно в 100 000 человек. Большинство лагерных пунктов были лесоповальные, кроме паровозо-ремонтного и 019-го, где был дерево-обделочный комбинат, попасть на который было для всех весьма желательно, так как, по рассказам, условия на этом лагпункте были наилучшие. Несколько лагпунктов имели официальное название «каторжных», или КТЛ, но из разговоров с людьми, там побывавшими, я узнал, что их режим и условия быта ничем не отличались от других, за исключением того, что там не выводили на ночные работы.

Возвращаюсь к моей личной судьбе. Первые два-три дня, если не считать мучавшей меня экземы, были для меня на пересылке благополучными, но на четвёртый день я поел солёной корюшки, показавшейся мне чрезвычайно вкусной, и заболел поносом. В санчасти мне дали порошки, которые не помогли. Мне не хотелось захворать на пересылке; я считал, что мне выгоднее будет лечь в стационар по прибытии на лагпункт — тогда лучше и легче будет осмотреться на новом месте, поэтому я перемогал себя и ходил с высокой температурой. Наконец нас собрали на этап. Сидя с другими этапниками на плацу, я перед самой отправкой потерял сознание и пришёл в себя только в стационаре. Там врач определил у меня дизентерию. Дальше пошло хуже. Через пару дней я лежал без сознания и уже не мог сам ходить в уборную: падал. Ухода в стационаре фактически никакого не было, кроме даваемого раствора с дизентерийными бактериями. На моё счастье, в стационаре, кроме меня, лежал Черновицкий раввин Давид²⁴⁸, страдавший сердцем; этот на редкость милый и добрый человек ухаживал за мной, как самая внимательная сиделка.

Считаю нужным сказать о Давиде несколько слов. Он окончил Венский университет и был образованный и культурный человек. В Черновцах у него осталась жена Жанетта, в моём воображении ассоциировавшаяся с киноартисткой Жанеттой Макдональд²⁴⁹. О ней Давид говорил с большой нежностью. В 1953 году Давида привезли на 43-й лагпункт, где я работал в качестве культурга, уже больным раком желудка, от которого он и умер на моих глазах.

По непонятной жестокости, лагерь никогда не оповещал родных умершего, и они долго писали тревожные письма, поражаясь молчанию близкого человека. Случилось это и с Жанеттой Давид. Я открывал эти письма, тон которых становился всё тревожнее, и ломал голову, как известить бедную женщину о понесённой ею потере. Сам я как иностранец не имел права на переписку вообще, советские же граждане могли писать два письма в год и, естественно, не хотели поступиться своими редкими возможностями. Только через полгода я наконец нашёл заключённого, согласившего уступить своё право, и мне удалось известить её о случившемся. Письма после этого прекратились.

Моё состояние с каждым днём ухудшалось, я лежал в течение длинных периодов без сознания и, приходя потом в себя, понимал, что умираю. Должен сказать, что это меня не угнетало и не пугало: я думал, что лучше умереть, чем так жить, но возможно, что другая смерть может оказаться мучительнее.

К этому времени мои московские спутники тоже попали на этап и пришли со мной проститься. Они не видели меня две недели, и, видимо, мой вид произвёл на них удручающее впечатление — стоя у дверей с шапкой в руках, они топтались на месте, не решаясь подойти или что-либо сказать. Слабым голосом я поблагодарил их за внимание и пожелал удачи на новом месте, выразив надежду, что для них всё кончится лучше, чем для меня. Неуверенным тоном они стали заверять, что я непременно поправлюсь и что докторша им якобы сказала, что кризис у меня миновал. Они вышли, толкаясь в дверях, Карасик же обошёл барак и стал смотреть на меня в окно; я видел, как по его лицу текли слёзы. Чтобы не делать прощание более драматичным, я сделал вид, что не вижу его, хотя и был очень тронут его отношением ко мне.

Примерно через неделю после их отъезда кровавый понос у меня прекратился, и я начал чувствовать себя лучше. Фельдшер выразил изумление по этому поводу и сказал, что хорошо было бы теперь сделать мне вливание глюкозы, но, к сожалению, санчасть таковой не имеет, а то, что есть, принадлежит заключённым, получившим её в посылках из дома. Среди моих вещей была пара бриджей, которые сшили портные на Инте из купленного мною у одного немца одеяла. Я подарил их фельдшеру и стал получать глюкозные вливания, которые, по словам фельдшера, он приобрёл у одного заключённого.

Миловидная татарочка, работавшая врачом санчасти, однажды подошла к моей кровати и сказала:

— Ну, не думали мы, что вы выживете! Поздравляю вас! Теперь у меня с вами дилемма: я должна послать вас на поправку в больницу, так как это потребует довольно продолжительного срока. Но там очень строгий комиссующий врач, и он, безусловно, даст вам первую категорию, так как, несмотря на возраст, вы крепкий и здоровый человек. Поэтому будет лучше, если мы пошлём вас на инвалидный лагпункт; там вы сможете устроиться, и при очередной комиссовке не вылетите на лесоповальный лагпункт. Что из моего предложения вам больше улыбается?

Говоря о «строгом» враче, она, видимо, подразумевала доктора Барского, который давал первую категорию безногим, безруким и слепым, и на протесты даже лагерного начальства отвечал:

— Я прежде всего чекист, а потом врач.

На любезное предложение докторши я ответил, что в прошлом я военный, многое видел и многое пережил, но никогда не вызывался никуда охотником. Получив приказ, старался его выполнять. Так и в данном случае: куда пошлют, туда и поеду, а решение этого вопроса предоставляю ей.

В результате этого разговора я через неделю попал в этап на инвалидный лагпункт. Слаб я был до крайности. Всё, что я нагулял в Бутырке и на Лубянке, я спустил начисто, обратясь в существо, 75% которого составляли кости.

Лагпункт, на который я должен был попасть, был расположен относительно недалеко, и обычно поезд шёл туда часа четыре, но мы в нашем этапном вагоне простояли день и часть ночи на запасных путях и тронулись только часа в 4 утра. Ночью мы познакомились с Озерлагским конвоем, о котором слышали много дурного. Знакомство заключалось в том, что начальник конвоя отобрал у всех имевшиеся у них деревянные чемоданы, вывалил все вещи на пол вагона. Чемоданы тут же ломались конвоирами в щепы. В почти тёмном вагоне люди подбিরали своё барахло и, тихо ругаясь, старались запихнуть его в рубашки, кальсоны и т. д. На моё счастье, чемодана у меня не было, а имевшиеся у меня одеяло и подушка, которыми я дорожил, помещались у меня в мешке из-под картофеля.

Поезд остановился не на полустанке, а прямо против лагпункта, куда мы ехали. Это был 052-й лагпункт 2-го отделения Озерлага. По внешнему виду он производил впечатление укрепленного поселения XVI столетия. Расположенный на высоком холме и обнесённый четырёхметровым тыном, из-за которого виднелись крытые дранкой крыши и выбеленные верхушки барачков и труб, он выглядел даже уютно. Не менее уютное впечатление произвёл на нас вышедший нас встречать начальник лагпункта, майор Тарасюк, четырёхугольный человек, сильно хромавший на одну ногу и опиравшийся на длинную жердь вроде посоха. Он возглавил нашу процессию, и мы пошли к месту нашего нового назначения.

Но все эти идиллические впечатления рассеялись, как только мы попали в зону. Дело в том, что этот лагпункт был, так сказать, только на бумаге новый, фактически же зона с парой полуразвалившихся барачков уже несколько лет служила в летние месяцы местопребыванием женских бригад, приезжавших сюда сажать и убирать овощи для Озерлагского совхоза. В бараках не было даже печей, нары были сделаны на скорую руку из жердей и напоминали скелет кита. Матрасов не было. В столовом зале не было ни пола, ни столов, ни скамеек. Лагпункт был с двух сторон окружён на несколько километров горелым лесом. Контингент заключённых составляли инвалиды в полном смысле этого слова: безногие, безрукие, с ампутированными ступнями, отмороженными на Колыме, слепые, дряхлые старики, с ревматически сведёнными конечностями, или ногами, покрытыми, как виноградом, расширенными венами. Санчасть располагала стационаром на 6 кроватей, помещавшихся в дощатой пристройке. Вещевого довольствия не было никакого, если не считать 20 пар совершенно рваных ботинок, из которых нельзя было даже составить подходящей пары. Питание состояло из 700 граммов хлеба, варёной муки, дававшейся 3 раза в день, и неизбежной солёной рыбы.

В довершение всех бед административно-хозяйственные должности были заняты уголовными, каким-то образом заработавшими 58-ю политическую статью, нахально грабившими всех и вся. Стояла вторая половина августа; как мы сможем в этих условиях пережить зиму? Очевидно, у руководства лагеря были те же опасения, так как начальник лагпункта собрал через несколько дней после нашего прибытия весь контингент вокруг себя и произнёс речь приблизительно такого содержания.

Обрисовав вначале трудность нашего положения, он сказал, что никто другой, кроме нас самих, нам помочь не может. Нам нужно самим оборудовать бараки для зимы, построить печи, отштукатурить снаружи и внутри, построить в течение осени по крайней мере один барак, привести в порядок столовую и т. д. Это — наш план, и если мы его не выполним, то питание наше не станет лучше, а сами мы замёрзнем, как только придут холода. Необходимо найти на территории лагпункта воду и вырыть колодец, так как сейчас мы качаем воду из родника, находящегося в полукилометре от зоны, по деревянным желобам, зимой же это невозможно, так как вода будет замерзать и до лагеря не дойдёт. У нас есть 5 гробарок (4-колёсные телеги), но лошадей нет, так что нам придётся самим в них впрягаться. Весь контингент состоит из инвалидов, поэтому больших требований к ним предъявлять нельзя, но каждый должен по своим силам что-нибудь делать и помогать в строительстве. Брёвна нужно доставлять из леса, находящегося в двух километрах. Предполагается, что одну гробарку с 2–3 брёвнами могут тащить 12–15 человек. Кто не может этого делать, пусть подносит кирпичи. Один-два кирпича может принести всякий. О всесоюзных нормах не может быть и речи, но на лагпункте имеется 600 человек, из которых

большинство может шевелиться, в особенности, если всем станет ясно, что вопрос идёт о жизни и смерти.

Речь, произнесённая в дружеском и серьёзном тоне, произвела впечатление, люди заработали. Вторым мероприятием Тарасюка было убрать с лагпункта криминальный элемент и заместить все посты людьми с 58-й статьей. Эта операция гладко не прошла: жулики скандалили, ругали начальника лагпункта, угрожали ему, но были бессильны, и им пришлось уехать. Я думаю, что их перебросили на штрафняк Ангарлага, так как Озерлаг штрафного лагпункта не имел.

Я не упомянул, что на 052-м я встретил Карасика, замещавшего пост начальника планового отдела, так как вольного начальника не имелось. Вольных было мало, лагпункт был новый, и должности ещё не были заняты. Так не было вольного врача, начальника санчасти, что для нас было очень ощутительно; не было оперуполномоченного — об этом мы не печалились, а когда таковой приехал, то оказался глупым мальчишкой лет 20, который совершенно не знал, как себя с нами вести. До того его функции выполнял начальник режима, носивший грибоедовскую фамилию Скалозуб. Не было начальника снабжения; таковой появился только в конце октября и оказался хотя и горьким пьяницей, но очень дельным и проворным снабженцем. Начальником спецчасти была жена начальника лагпункта, Надежда Фроловна, очень культурная и интересная женщина, я бы даже сказал, дама, с которой у нас установились наилучшие отношения.

По удалению криминального элемента началась моя лагерная карьера: я получил место каптёра, для ясности скажу — каптенармуса, то есть заведующего вещевым складом. На этом месте я пробыл до февраля 1952 года, то есть до моего выезда из лагеря. Получением этого назначения я был обязан протекции Карасика. Место было хорошее и относительно спокойное. Говорю относительно, так как начальство делало комбинации, а ответственность нёс я. Для бухгалтерии я взял себе в помощники заключённого Мишина, милейшего пожилого человека, с которым я очень подружился. Он был очень хороший бухгалтер и прекрасный человек, но не совсем психически нормальный. Ненормальность его выражалась в довольно безобидной форме: он испытывал затруднения, переступая через порог. Каждый раз, когда он был принуждён это сделать, — а делать это приходилось 100 раз на день в нашем помещении, состоявшем из двух комнат, — он мялся у порога с ноги на ногу и затем с лёгким стоном решительно его переступал. Такие же затруднения он испытывал, когда ему было нужно перейти через тень на улице: он обыкновенно обходил её; если же идущий с ним спутник принуждал его пройти через тень, то с ним происходило то же самое, что у порога. В остальном он был вполне нормален.

Посылки, получаемые заключёнными, хранились в каптёрке; дважды в день можно было брать из посылок необходимые продукты. Выдачу эту производил Мишин. В лагере существовал неписанный закон, по которому каждый, принёсший в каптёрку полученную посылку, давал в пользу кап-

тёрки некоторое количество табаку: пачку или две махорки. Этим каптёр как бы вознаграждался за хранение посылки и за затруднения, связанные с её ежедневной выдачей.

Начальство и заключённые были мною довольны. Плохо было то, что само здание каптёрки было построено в сентябре-октябре из сырого леса, вследствие чего в помещении была невероятная сырость. Экзема моя на руках приняла острый характер, стали сходить ногти, и я был вынужден работать в перчатках. Прибывший на наш лагпункт венгерский военный врач, работавший в санчасти санитаром, сказал мне, что он вылечит меня в течение месяца «шоками». «Шоки» заключались в том, что он брал кровь из вены на руке и впрыскивал мне её в ягодицу. Эта процедура была чрезвычайно болезненна, так как имелось всего навсего две иглы для шприца, и обе в силу долгого употребления были совершенно тупые, так что мои ежедневные переживания при уколе в ягодицу я могу уподобить всаживанию гвоздя. Получив 35 таких уколов, я категорически отказался от дальнейшего лечения, тем более что никакого улучшения не наблюдалось. По совету некоторых заключённых, я начал ежедневно есть сырую картошку, но и это средство не помогало: экзема поднялась вверх по рукам до плеч.

При санчасти имелся зубной врач, носивший пышную фамилию Королевский. Я думаю, что зубным врачом он сделался у нас на лагпункте, а раньше об этой профессии не имел никакого представления. Это была личность довольно интересная. Он принадлежал к Мукденской эмиграции, оттуда он поехал в Индокитай во Французский иностранный легион²⁵⁰. Попав в плен к вьетнамцам, был передан китайцам, а эти переправили его в Советский Союз, где его посадили на 10 лет в лагерь. У нас в лагере было много пожилых немцев, имевших золотые коронки, и Королевский стал у них приобретать их за хлеб и махорку, делая из золота обручальные кольца женам наших начальников. Одной из его жертв оказался и я. Зубы мои за годы тюрьмы пришли в полную негодность, и мне было трудно есть основное наше питание — хлеб. Поэтому я охотно пошёл навстречу предложению Королевского обменять три имевшихся у меня во рту золотые коронки на протезы, которые он обещал мне сделать. За моё легкомыслие я был жестоко наказан. Добрых полтора часа я обливался потом и слезами, пока Королевский выдирал мои зубы, сидевшие, если судить по его усилиям, невероятно прочно. В результате я лишился трёх зубов и золотых коронок, но протезов, как я, так и другие лица, пошедшие на эту комбинацию, не получили.

Вскоре раскрылись и другие художества этого господина, и начальство, желая от него отделаться, отправило его в больницу. Я слышал позднее, что кончил Королевский весьма трагично, а именно, будучи через полгода возвращён из больницы на лагпункт, он был застрелен конвоем якобы за попытку к побегу, фактически же в отместку за какие-то надувательства в отношении конвоиров. Я пишу «якобы», потому что во время

моего 6-месячного пребывания на лагпункте 052 конвой убил 6 человек «за попытку к побегу», которой не могло быть, так как наши старики-инвалиды едва могли двигаться. Дело в том, что конвоир, пресекавший «попытку к побегу», получал 300 рублей наградных и двухнедельный отпуск, и на этой почве происходили злоупотребления. Например, один конвоир посы­лал заключённого на 10 шагов за запретную зону, обставленную колыш­ками по углам с надписью «Запретзона», принести пару поленьев для его костра, другой конвоир, находясь в 10–15 шагах, стрелял в него и укладывал на месте. Один бригадир пал жертвой неладов лагерного начальства с кон­воем и был убит фактически за отказ завести в казарму конвоя воз с дро­вами, предназначенными для лагеря. Дело дошло до того, что некоторых заключённых, вошедших в конфликт с конвоирами из-за невыполнения их незаконных требований, лагерное начальство само не выпускало за зону, опасаясь, что их застрелят.

Понемногу всё утряслось, и жизнь пошла нормально, если можно гово­рить о «нормальной» жизни в лагере принудительных работ. Но человек ко всему привыкает. То, что на первый взгляд казалось непреодолимым, было преодолено: к октябрю, когда в Сибири наступает зима, все бараки были отремонтированы. Один большой барак был заново построен, а к середине ноября был собран барак из готовых частей. К сожа­лению, наш милый Карасик не справился со своей задачей, он был честен до абсурда и не соглашался проявлять изобретательность в ведении про­центов выполнения плана, ввиду чего мы имели плохое питание, отражав­шееся в то время на результате работы. Беднягу сняли с работы и зачислили работягой в бригаду, где он быстро стал «доходить» с непривычки к физи­ческому труду. Питание было отчаянное, и когда в январе наступили сол­нечные дни — жутко было глядеть на бледных и измождённых людей. Это, конечно, не касалось «придурков», так как в администрации те, из заклю­чённых, которые имели лучшее, что было, округлились и поправились.

На моё счастье, квартальная комиссовка была в октябре, когда я ещё не совсем пришёл в себя от последствий дизентерии, возможно, что мне помогло также отсутствие в комиссии пресловутого Барского: вместо него была очень милостивая докторша Перепёлкина, известная в лагере как первоклассный хирург.

По-прежнему плохо обстояло дело с водой: попытки найти ключ в зоне лагеря не увенчались успехом, хотя и были вырыты по указанию специа­листов, искавших воду с лозой, два или три колодца, из которых один был в 30 метров глубины. Позже я слышал, что в 1952 году воду всё же нашли и даже не на такой большой глубине, но не в том месте, где показывала лоза.

В конце октября изобретательное начальство в Москве, желая сделать нашу жизнь более «горькой», распорядилось уничтожить в спецлагер­ях всякую зелень. Зона должна была представлять плац без травы и без тех озеленений и цветников, которые были обязательны в общих лагерях, давших, вероятно, моему товарищу по несчастью Буману-Парвилахти идею

назвать выпущенную им в Финляндии книгу с описанием своих походов в советском заключении «Сады Берии». Это было бы нам безразлично, если бы не было одного обстоятельства: в конце сентября зарядили дожди, и как раз в это время пришли трактора с плугами и вспахали всю зону, включая и дороги. На наше несчастье, грунтом в зоне была красная глина, и вся зона превратилась в сплошное «творило». Люди скользили и падали, вываливаясь в глине, а на ногах образовывались глиняные пудовые галоши, загаживающие все помещения. Так что отчасти этим мероприятием намерение начальства было выполнено. Через год это распоряжение было отменено, и опять стали устраивать цветники и насаживать аллеи из молодых берёзок, совсем как в «Истории града Глупова» Салтыкова-Щедрина.

В начале ноября на наш лагпункт прибыл «советский» писатель Борис Николаевич Четвериков²⁵¹. Сперва он работал фельдшером, но когда в ноябре московское начальство, в своё время отменившее культурно-воспитательную часть в спецлагерях, ввело её снова, Четвериков сделался нашим культургом и стал устраивать концерты и спектакли, программы которых он писал сам, и надо сказать — неплохо. Как артист и тещ он тоже был хорош, и кроме этого он был прекрасный музыкант. Для меня его прибытие к нам и пребывание лагпункте было очень приятно, так как он был единственным интеллигентным человеком, все остальные были ниже среднего. Кроме того Четвериков научил меня, как нужно жить в лагере, который представляет собой копию советской жизни в миниатюре. Помог он мне и в отношении питания, так как получал прекрасные посылки от жены, научного работника в Ленинграде, от матери из Перми и от своей первой жены. До самого конца моего пребывания на 052-м я сохранил с ним наилучшие отношения.

В ноябре мы получили номера, которые должны были носить на ляжке правой ноги и на спине. В некоторых лагерях номера носили и на шапках и на груди. Жизнь казалась успокоившейся, ожидать каких-либо изменений в будущем я не имел оснований. Однако в начале февраля появились тревожные симптомы: начальница спецчасти, милейшая Надежда Фроловна, зашла однажды ко мне в каптёрку и сказала, что на меня пришёл наряд из управления отправить меня на 019-й для занятия там места автомеханика. Я рассмеялся и сказал, что на автомобиле я действительно ездил, но механиком никогда не был и на эту должность не гожусь.

— А вы не хотите уехать отсюда? — спросила она.

— Конечно, нет, — ответил я.

— Мы тоже не хотим вас отпускать, мы вами довольны, а потому муж бросил наряд в корзинку, так что всё улажено.

Примерно дней 5 спустя, когда мы сидели вечером в бараке, вошёл надзиратель с вахты и сообщил, что пришёл конвой на вахту и требует каптёра, чтобы его куда-то отправить, но никакого распоряжения по этому поводу не было, а в силу того, что за каптёром числятся материальные ценности, то конвой ушёл ни с чем. Я разъяснил недоумевающим товарищам, в чём

дело; на меня был наряд на 019-й, но начальник меня не отпустил, вероятно, конвой получил приказ из Управления меня отправить, поэтому они за мной и пришли. Всё как будто успокоилось. Но ещё через пару дней меня вызвал начальник лагеря и сказал, что он всё сделал, желая меня удержать, но получен категорический приказ отправить меня на 019-й, что Надежда Фроловна звонила по телефону в Управление, сообщив, что я не автомеханик, а инвалид, но ей сказали, что это не играет никакой роли, что я еду на административную должность и должен быть отправлен как только сдам каптёрку.

Вечером в тот же день начальник собрал всех бригадиров и административно-хозяйственный персонал, благодарил меня за хорошую, добросовестную работу и поставил в пример остальным, выразив сожаление, что он меня лишается. Это было мне лестно, но дальнейшей своей судьбой я был обеспокоен.

Через 2 дня я сдал каптёрку Мишину, а на третий день вечером был отвезён конвоиром на полустанок: начиналась как будто новая серия моих злоключений. Как ни странно, из этого ничего не вышло! Просидев на полустанке часов до 3 ночи, я не был принят поездным конвоем, сказавшим, что у них нет на меня наряда, конвой на 019-й может не прийти меня встретить, а в таком случае они будут вынуждены катать меня взад и вперёд, и неизвестно, когда от меня отделаются. В результате я был приведён обратно на лагпункт, к изумлению моих товарищей, проснувшихся утром и увидавших меня на старом месте.

Пока происходили все эти истории, мой непосредственный начальник (начальник ЧИСа) был в отъезде. Он вернулся как раз при моём возвращении со станции и заявил, что никуда меня не отпустит, и распорядился, чтобы я немедленно принял от Мишина каптёрку обратно, для избежания же посягательств на меня велел записать в стационаре как больного, а захочет начальство посмотреть, то намазать меня всего мазью — и баста!

Мазью меня, правда, не намазали, но зачислили больным в стационар. На некоторое время опять всё затихло.

23 февраля в Советском Союзе справляется день Советской армии, и из гарнизона мне принесли пару рулек обоев для текстовой плакатов дня. В самый разгар работы ко мне буквально ворвалась Надежда Фроловна и стала радостно поздравлять с «величайшей радостью», как она выразилась: из Управления пришло распоряжение послать меня на Центральную пересылку для освобождения и отправки на родину. Меня эта «величайшая радость» не обрадовала — вспомнилась моя поездка «на родину» из Вятлага в 1947 году и девятимесячное сидение в одиночке. Я высказал Надежде Фроловне свои сомнения в отношении благих намерений, рассказал об аналогичном случае в прошлом. Но Надежда Фроловна стала уверять меня в необоснованности моих подозрений. Теперь не те времена, а кроме того ей из спецотдела Управления «прямо так и сказали — «на родину».

— Ну может быть, — ответил я, но убедить она меня не убила.

Как бы там ни было, я опять сдал каптёрку Мишину, сердечно распрощался с моими товарищами, раздал всё, что имел, и налегке отправился навстречу новым неизвестностям.

Конвой, сажая меня в поезд, сказал поезвному конвою — «на освобождение», поэтому я попал в купе, где сидели ехавшие на освобождение. На пересылке я тоже был помещён в барак для освобождающихся и через несколько дней тронулся в путь — назад, но куда, мне было неизвестно.

В купе нас было трое; двое других ехали по освобождению на высылку в Красноярск. Конвой попался свирепый и раздел нас в коридоре догола, разбросав вещи по грязному полу. То, что мы были освобождаемые, им не импонировало, и они проявили максимум грубости в обращении с нами. Путешествие это началось 3 марта 1952 года и закончилось в Ленинграде 15 марта, так что почти 7000 километров я проделал меньше чем в 2 недели. В условиях заключения это было быстро, в особенности, если вспомнить что в обратном направлении я ехал почти два месяца. Сами условия путешествия были довольно хорошие: конвой строго соблюдал право 58-й статьи на специальное купе в столыпинском вагоне, и поэтому, несмотря на то, что вагон был переполнен, у нас было просторно, что объясняется также тем, что поток политических заключённых в западном направлении всегда был слаб. Мои спутники, освобождавшиеся на высылку, покинули меня в Красноярске и до Новосибирска я ехал один. В Новосибирске и в Свердловске меня задержали на пересылке только на ночь и отправили на другой же день дальше. На Красной Пресне в Москве я просидел 5 дней. Между прочим, за это время Красная Пресня совершенно изменила свой вид. Старые бараки, которые я описывал в начале моего повествования, уступили место громаднейшему пятиэтажному дому. На дворе целый день гремело радио, видимо, предназначенное заглушать переключку воров между собой. Пересылка была снабжена большим душевым помещением, выложенным кафелем. Питание было изобильное и хорошее, а ларьковые повозки, богато снабжённые гастрономическими товарами и сладостями, курсировали между камерами по коридорам несколько раз в день.

Не изменилось только количество заключённых: пересылка ломилась от народа. От Москвы до Ленинграда я ехал почти один, только в пути между большими станциями сажали и высаживали воришек, которых везли на суд. Поставляли и принимали их не конвоиры, а милиционеры.

Из встреч в дороге мне запомнился один литовец-учитель, ехавший в Литву на переследствие. В 1945 году он вместе с женой и свояченицей, тоже учительницами, был выслан в Красноярский край на 10 лет. Условия, в которые они попали, были тяжёлые. Работать их отправили на Кирпичный завод; он сам зарабатывал около 600 рублей в месяц, а женщины, копавшие глину, не вырабатывали больше чем по 300. Жили они все вместе и при том имели двоих детей, но всё же валового заработка в 900 рублей в месяц на 5 человек еле хватало. Он несколько раз хлопотал о пересмотре своего дела, с которым была связана высылка, но ответа не получал. Наконец

его ходатайство было удовлетворено, и его отправили по этапу на пересуд. Теперь он сомневался в целесообразности своего поступка, опасаясь, что вместо облегчения наказания оно будет усилено и вместо высылки он получит лагерь. Мотивировал он это своё опасение тем, что за последнее время приговоры и судов и ОСО стали значительно суровее. Я поинтересовался, чем была мотивирована его высылка. Оказывается, что он был подписчиком журнала, который издавался американским правительством в Москве во время войны вполне официально, настолько официально, что его можно было купить в любом газетном киоске в Москве. В провинции достать этот журнал было труднее, и потому моего собеседника осаждали просьбами «дать почитать», что он и делал. Вот это обстоятельство было после войны рассмотрено как проамериканская пропаганда, и, пожалуй, не без оснований, так как журнал восхвалял так называемый «американский образ жизни».

— Впрочем, — неожиданно добавил мой собеседник, — если не это, то нашли бы что-нибудь другое, так как главная тенденция власти в то время была обезглавить литовский народ и удалить из присоединённой страны всю интеллигенцию, как под тем или иным предлогом это делалось во всех присоединённых к Советскому государству странах.

БОЛЬШОЙ ДОМ В ЛЕНИНГРАДЕ ВО ВТОРОЙ РАЗ

В Ленинграде положительно самые любезные тюремщики! В Москве на Лубянке не люди, а какие-то роботы, в Лефортове угрюмые субъекты, бурчащие что-то невразумительное. Здесь же старшина, принимавший меня на Шпалерной, не уступал в вежливости тому, который принимал меня в первый раз. Осведомившись, благополучно ли я путешествовал, он спросил: известна ли мне цель приезда. Я ответил, что в точности неизвестна, но что мне сказали, что я еду на освобождение для отправки на родину, в Финляндию, но что сам я в это не очень верю.

— А вы финляндский гражданин?

— Да.

— Ну что же, это совсем не так невозможно. У нас сейчас с Финляндией прекрасные отношения. Посмотрим, может быть, в ваших бумагах есть какие-нибудь указания.

Посмотрев мои документы, он сказал, что никаких указаний нет, но, вероятно, всё выяснится. Пришедшая вскоре после этого женщина-врач спросила, на что я жалуюсь. Я указал на экзему.

— Это нервное и не заразное, я думаю, что мы сможем вам помочь, — сказала она, уходя.

Дальше последовал бокс, котелок горячего супа с кашей и, растянувшись на деревянной скамейке, я заснул мёртвым сном человека, проделавшего путь в 7000 километров.

Утром я был отведён в тюремную камеру и решил не думать о своей дальнейшей судьбе. Я не верил в освобождение, уж больно это было бы невероятно; готовить же себя к чему-нибудь другому я не мог, так как не знал — к чему. Две недели я просидел в камере-одиночке без всякого вызова и сильно за это время проголодался, так как питание было вне всякой критики. Наконец я не выдержал, и 23 марта 1952 года написал заявление начальнику тюрьмы с просьбой довести до лица, за которым я числюсь, о моём желании быть вызванным. Это осуществилось уже на следующий день. Вызвавший меня подполковник был очень любезен и, поздоровавшись, осведомился о причине моего нетерпения.

— Очень прозаическая, — ответил я, — голод. Я нахожусь в заключении уже восьмой год, здоровье моё достаточно подорвано. Еда в тюрьме скверная, кроме того, я очень страдаю от нервной экземы, а санчасть ничего не делает — лишь даёт мне цинковую мазь, а это, по-моему, равносильно лечению сифилиса борным вазелином.

Мой собеседник сделал сочувственное лицо.

— Да, конечно, пища здесь плоха и не для вас, мы это как-то не предусмотрели. Я беседую с вами сейчас по поручению вашего хозяина, он сам будет говорить с вами позже. Дело в том, что вы находитесь в распоряже-

нии не следственной части, а оперативной; между тем последняя не располагает продуктовыми лимитами. Поэтому мы решили сделать таким образом: вы будете получать двойной паёк, за исключением хлеба, а кроме того мы вам выпишем лазаретное питание, оно здесь довольно приличное.

— Могу я осведомиться, какова причина моего вызова сюда?

— Это вы скоро узнаете, с вами будут ещё беседовать, — ответил он, улыбнувшись. — Страшного ничего нет.

— Я и не говорю о страшном, а за питание, которое вы мне устроили, — спасибо.

— А как у вас с табаком?

— Нет!

— Возьмите пока эти четыре пакета «Беломора», а там ваш хозяин распорядится.

— Благодарю, но разрешите попросить коробок спичек.

— Конечно, пожалуйста, возьмите мой.

Мы закурили и стали поглядывать друг на друга. После некоторой паузы подполковник обратился ко мне со следующим вопросом:

— Скажите, пожалуйста, Борис Вольдемарович, вам известно, что ваша первая жена жила с Макасей-Шибинским?

— Нет, мне это неизвестно. Разойдясь с ней в 1930 году, я с ней встречался раза два по вопросам взятого нами ребёнка²⁵², а с кем она жила — я не интересовался.

— Я, может быть, не совсем верно поставил вопрос, и вы меня не так поняли. Хотел сказать, что ваша первая супруга жила на одной квартире с Макасей-Шубинским?

— Может быть, но я никогда этого не слышал; возможно, что она переехала туда после увоза, так как раньше она с мужем снимала комнату у неких Глотковых.

— А вы хорошо знаете Макасей-Шубинского? Что вы можете сказать о нём?

— Я его знаю очень мало, только в качестве швейцара в Русском клубе; мои точки соприкосновения с ним ограничивались лишь тем, что он снимал и подавал мне пальто, и в этом отношении он был очень любезный швейцар.

— Вы не могли бы набросать план его квартиры?

— Я никогда в жизни у него не был и даже не знаю, где он жил.

— Это правда?

— Я не вижу необходимости лгать. Простите, а какова причина вашей им заинтересованности, если это, конечно, не секрет? Насколько мне известно, он был далёк от какой-либо политики.

— Секрета здесь нет: он скрыл от нас, что виделся со своим братом во время пребывания в Финляндии.

— Я не имел представления, что у этого человека был брат, я слышал, что у него есть сын.

— Нет, он скрыл о свидании с братом.

На этом мы расстались. Должен сказать, что эта беседа не внесла ясности в положение. Во-первых, я не понял, каким образом Макасей-Шубинский, живя в Финляндии, мог скрыть от большевиков своё свидание с братом и в чём тут преступление. Неясна мне была и просьба дать план его квартиры. Но самым неприятным и неожиданным было то обстоятельство, что я нахожусь в распоряжении «оперативного отдела». Оперативный отдел — это активная разведка. У меня невольно закралось сомнение, что меня хотят завербовать в секретные сотрудники, что весьма осложнило бы моё положение и было, конечно, неприятно само по себе.

Через 2 дня меня вызвал тот же подполковник. Рядом с ним по обеим сторонам сидело по лейтенанту, один — в форме лётчика, а другой — железнодорожника.

— Эти двое, — сказал подполковник, — являются свидетелями того, что вы даёте показания без принуждения с моей стороны.

Далее повторился разговор о Макасей-Шибинском, но уже в форме допроса, из которого я мог вывести заключение, что вопрос касается не гельсингфорсского Макасей-Шубинского, а его брата, советского гражданина, бывшего по каким-то делам в Финляндии и скрывшего о своём свидании с братом²⁵³. После этого я был отпущен с заверением, что допрос этот произведён только между прочим, а настоящую причину моего приезда прояснит мой «хозяин».

На другой день я был вызван снова, на этот раз за столом сидел молодой лейтенант. Допрос касался некоего Четверухина²⁵⁴, имевшего дачу в Териоках, о котором меня уже расспрашивали многократно. Я никаких сведений о нём дать не мог и был отпущен обратно в камеру.

Это было числа 25 апреля 1952 года. На другой день в мою камеру пришёл тюремный офицер и сказал, что меня переводят завтра в камеру ожидающих этапа; там кормят лучше, привозят остатки после раздачи лазаретной пищи.

— Вы можете там есть «от пуза». Кроме того, там сидят осуждённые ленинградцы, они получают посылки и деньги и покормят вас крендельками и булочками.

Меня это озадачило. Пустяки — «отправка на родину»! Неужели же мне нужно было проделать 14000 километров, чтобы засвидетельствовать моё малое знакомство с Макасей-Шибинским и его родственными отношениями? Однако на другой день я перекочевал в камеру ожидающих этапа и смог убедиться, что тюремный офицер не соврал. Была и каша в неограниченном количестве, были и осуждённые ленинградцы с крендельками и булочками, ну, а то обстоятельство, что они меня ими не угощали, не было виной тюремного офицера.

Здесь впервые в Советском Союзе я встретил американца, родившегося в Америке от родителей азербайджанцев. Я не говорю по-английски, но американец говорил по-шведски, так как несколько лет плавал мотори-

стом на шведском танкере. На всех частях его одежды и на вещевом мешке стояло «U. S.».

История его такова. Обучался он в Америке в колледже, затем кончил школу морских мотористов. По окончании её сперва плавал на американских судах, потом на шведском танкере. Как раз, когда он был с судном в Стокгольме, кончился его контракт, и он решил не возобновлять его, а воспользоваться случаем и съездить в Советский Союз и Азербайджан посмотреть, как живут люди в советском государстве.

Будучи в Америке, он посещал коммунистические собрания, и идея коммунистического государства была ему симпатична. В то время ещё не устраивалось поездок для туристов, и для въезда в СССР нужно было иметь визу, получение которой занимало продолжительное время. Стокгольмское советское представительство заявление его приняло, но предупредило, что ждать ответа придётся от месяца до двух. Прождав в Швеции около месяца, он решил перебраться в Финляндию. Финляндия находится ближе к Советскому Союзу и жизнь там дешевле. О перемене своего местожительства он известил советское представительство.

В Финляндии он прожил два месяца, время от времени справляясь в местном советском представительстве о своей визе. Но её всё не было. Тогда он решил ускорить события, перейти нелегально границу и немедленно заявить об этом пограничным советским властям, уплатив полагающийся за такой поступок штраф. Результат оказался неожиданным и роковым. Когда его захватили на границе со штемпелем Соединённых Штатов на костюме, то, видимо, пограничники так обидели и так повели себя, что наивный человек думал, что его тут же убьют. После шестимесячного следствия, где напор был взят на шпионаж, его присудили за нелегальный переход границы к трём годам исправительно-трудовых лагерей. В дороге он мне говорил, что ему обидно, что никто ему не сочувствует, а все над ним смеются — и товарищи-заключённые, и надзор, и стража. Я был свидетелем правоты его слов: когда конвой, что вёл нас к столыпинскому вагону, в нарушение строгих правил не разговаривать с конвоируемыми, спросил меня, как этот человек сюда затесался, и я объяснил ему, что тот перешёл границу в Финляндии, чтобы посмотреть, как живут люди в Азербайджане, солдаты расхохотались.

ДОРОГА НАЗАД

Столыпинский вагон, в котором мы должны были ехать, был переполнен ленинградским жульём. Для политических было отведено узкое купе на 4 человека, но так как политических было всего трое, то нам в качестве четвёртого посадили «бытовика», оказавшегося проворовавшимся железнодорожным служащим. Политическими же были: я, вышеупомянутый американец и бригадир из Озерлага, вызывавшийся в Ленинград в качестве свидетеля по делу какого-то его бывшего сослуживца на Ленинградской колбасной фабрике, о чём свидетельствовали и принесённые его женой — дай ей Бог здоровья — на дорогу колбасы. Благодаря этим колбасам и большому запасу табака, имевшемуся у железнодорожника, наше путешествие могло бы быть даже приятным, если бы нас не ограбили в пути жулики, сидевшие в соседнем купе. А сделали они это очень ловко. Мы имели неосторожность положить наши мешки на скамейку, на которой сидели: соседи отогнули железку, покрывавшую отопительную трубу вагона и, разрезав бритвенным ножиком мешки, вытащили провиант к себе. Мы заметили это слишком поздно, и когда с помощью конвоя попытались восстановить наши погранные права, то оказалось, что всё, что можно было съесть, было съедено, папиросы сломаны и смешаны с солью. Бурные сцены с нашими соседями не привели ни к чему.

В Вологде американец нас покинул: видимо, он был направлен в какой-то лагерь в Архангельском направлении. Мы же доехали до Кирова, где и задержались. Я много раз проезжал эту пересылку. Она всегда была переполнена, но в этот раз переполнение было рекордным. В нашей камере, рассчитанной на 40 человек, было 120, из них человек 100 были эстонцы.

Тут моя экзема расплзлась по всему телу, покрывшемуся как бы ожогами; боль и зуд были невыносимыми. Кроме того, я простудился, и у меня поднялась температура, этот спасительный симптом в лагерях и тюрьмах, ибо повышенная температура может способствовать помещению в лазарет, что со мной и произошло. В лазарете меня засыпали тальком, забинтовали и сделали то, чего я тщетно добивался в Ленинграде, а именно облучения кварцевой лампой. Это мне настолько помогло, что, когда я 3 мая 1952 года прибыл на Озерлагскую пересылку, то болезнь почти исчезла.

Из Кирова мы двинулись дальше через две недели в столыпинском же вагоне на Свердловск, а оттуда тем же порядком до Новосибирска. В пути со мной ничего особенного не произошло, а моих ленинградских компаньонов ограбили начисто воры, с которыми их вместе посадили. От Новосибирска мы были отправлены уже большим этапом, и потому на плацу Новосибирской пересылки разыгрались такие же сцены, которые я описывал раньше, с той только разницей, что нас не доставляли на этот раз

до места посадки на грузовиках, а вели пешком. Это было бы не так страшно в другое время года, но весной улицы Новосибирска, кроме центральных, представляли собой топь, так что даже конвой не препятствовал нам идти по способности и по возможности, а не строем, вследствие чего колонна наша растянулась на добрую пару километров.

В Озерлаг я прибыл 3 мая, пробыв в пути около месяца. На пересылке я встретил старых знакомых, между прочим, полковника Коновалова, бывшего со мной из Москвы в прошлый мой приезд. Он состоял в должности пожарного, которая давала ему возможность ничего не делать. Так как лагерная погода изменилась и опять появились культурно-воспитательные части, то Коновалов стал хлопотать о том, чтобы меня устроить в бригаду самодеятельности, но из этого ничего не получилось. Не удалось мне попасть и на старый лагпункт. Проболтавшись на пересылке две недели, я попал на этап, идущий на лагпункт 05.

Между разными встреченными в это время персонажами мне вспоминается генерал, бывший профессор Артиллерийской академии ещё с 1903 года, ему был 81 год. Генерал был в очень плохом виде, ничего толком не понимал, но сказал мне, что его привела в такое состояние Сухановская тюрьма в Москве, где он просидел под следствием 6 лет. Позже я столкнулся с ним на 043-м лагпункте. Это было уже в 1954 году. Он находился в состоянии полного маразма. Его дочь, жившая в Москве, посылала ему два раза в месяц прекрасные посылки, поэтому при нём всегда состояли, под предлогом заботы о старике, тёмные личности, обиравшие его. В 1955 году он был в лагерной больнице, откуда с наступлением либерального времени был освобождён, причём мне рассказывали, что за ним приехали из Москвы два полковника, которые привезли ему генеральское обмундирование и увезли в Москву на самолёте.

Л/П 05
НА КАТОРЖНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Рано утром мы прибыли на 05-ю. Начальником лагпункта был старший лейтенант Серов — еврей, несмотря на русскую фамилию. По отзывам лагерного населения, он был всегда корректно вежлив, но сыпал взысканиями за малейший проступок или промах. Лагпункт имел образцовый порядок. Всё было чисто, аккуратно, но производило впечатление большой бедности. Это был полуинвалидный лагпункт; настоящих категорийных бригад было только три, остальные пять были инвалидные, из которых трое ходили на общие работы, главным образом — на штабелевку брёвен. Питание было хорошее, и пища приготавливалась вкусно.

Однако на лагпункте царило подавленное настроение; ничего особенно плохого или страшного не происходило, но все чувствовали себя под угрозой.

— Сталинский лагпункт, — резюмировал мне один заключённый.

Тон этот давался начальником лагпункта Серовым и оперуполномоченным. Оба были точными исполнителями предначертаний свыше, ничего незаконного не делали, но в отношении заключённых вели себя, как и корпусные надзиратели на Лубянке: никаких разговоров себе не позволяли и во всех случаях обращения к ним были лаконичны и до крайности сухи.

Хуже был конвой; по рассказам заключённых, за пять месяцев он застрелил 8 человек. В первый же день мне пришлось познакомиться с особенностями этого лагпункта и убедиться в том, что рассказы моих новых товарищей имели под собой почву.

День прошёл в ожидании распределения по бригадам, и часам к 7 вечера нам был объявлен результат, который для меня выразился в том, что я оказался в 9-й штрафной бригаде с содержанием в бараке усиленного режима и с выводом на работу в наручниках.

Такой комбинации нельзя было ожидать даже в «Шивринской академии» на 15-м штрафном лагпункте Вятлага. Вместе со мной в БУР угодило человек 15 из прибывших вместе со мной, большинство прямо из тюрьмы, то есть людей, в лагере ещё не побывавших, и поэтому не совсем понявших происшедшее с ними. Для заключения в БУР требуется мотивированное «постановление», в котором указываются причина и срок такого наказания; это постановление обыкновенно зачитывается перед заключением. Нам же ничего сказано не было, и мы недоумевали, тем более, что кроме нас в БУР'е находилось только четыре вора, настоящие разбойники, имевшие по паре убийств и вооружённых грабежей, которых конвой отказывался выводить на работу. Один из них только что сделал себе «керосиновую» мостырку и находился в положении, опасном для жизни, ожидая отправки в больницу.

Утром при разводе на работу нас сковывали попарно наручниками и выводили в хвост 9-й бригады, причём нас сопровождал надзиратель с ключами от наручников, которые он по приходе на место работы с нас снимал. Сама по себе работа — штабелёвка бревен — была бы не так тяжела, если бы большинство из брёвен не состояло из лиственниц, метр в диаметре. Рабочее звено состояло из 6 человек, и для штабелевки разбивалось по 3 человека на бревно. Катить с земли на штабеля нужно было колыями-«дрынками», и для подбадривания себя в трудные моменты люди кричали: «Давай, давай».

Обыкновенно бригады выходят на работы по 5 человек в ряд, которые должны идти, держа друг друга под руку, но в большинстве случаев это не соблюдается, так как часто приходится идти по целине и по пням, о которых люди, видящие перед собой только спину впереди идущего, спотыкаются и падают.

Но здесь конвой требовал строгого исполнения этого правила, что очень утомляло людей на походе, а для нас, скованных наручниками попарно, было просто мучительно, так как, когда один из нас, споткнувшись, падал, то другому наручник рвал руку. Моим «напарником» был колхозник из Парголово Бударин, бывший артиллерийский унтер-офицер Царской армии, прошедший всю Гражданскую войну в составе Красной армии в качестве командира батареи. Он имел 8-й пункт 58-й статьи, гласившей о терроре, правда, через 17-й пункт, то есть «задумал, но не выполнил». Будучи колхозником в Парголово, он и не имел к тому никаких возможностей.

Практически дело обстояло так: будучи до крайности раздражён порядками в своём колхозе и до чрезвычайности мизерным заработком, он, сидя с приятелями в пивной и будучи пьяным, имел неосторожность пожелать Сталину и иже с ним сдохнуть и при том возможно скорей. Кто-то из приятелей «стукнул», и Бударин получил 25 лет.

Станция железной дороги была в 7 километрах от лагпункта, а так как лагпункт не располагал лошаадьми, то вся доставка снабжения производилась на людях, впрягавшихся человек по 15 в каждую телегу. Количество «тягловой» силы может показаться большим, но на эту работу назначались инвалиды, которых нельзя было использовать на какую-нибудь работу. Для этих людей проташить гружёную телегу 7 километров по очень плохой дороге было настоящим подвигом, так как некоторые были одноногие с костылями, а другие хоть и с ногами, но совсем плохими, в помощь которым им приходилось употреблять клюки. Процедура доставки телег на станцию, погрузка и дорога назад занимали весь день, и, выйдя из лагеря в 8 утра, они возвращались часам к 10 вечера. Но, как бы там ни было, продукты доставлялись, содержание и труд этих людей лагерю ничего не стоили.

Возвращаясь с работы, мы часто обгоняли процессию из пяти-шести телег, окружённых выбивающимися из сил калеками, и просили конвой разрешить «подсобить» старикам, но разрешения не получали.

Было уже начало июня 1952 года, а в тех местах пресловутая мошка появляется около 18–20 июня, поэтому я с ужасом думал о необходимости ходить на работу и обратно в наручниках. Вся эпопея могла обратиться в настоящую пытку. Мошка миллионами стоит столбом над людьми, залезая в уши, глаза, рот и обращая их в сплошную язву. Наличие одной руки проблемы не решало. Я написал заявление оперуполномоченному, в котором просил сообщить о причине постигшего меня наказания. Через несколько дней один из надзирателей по возвращении с работы прочёл «постановление», гласившее:

«За лагерные грабежи и неоднократно попытки к побегу следующие лица заключаются на 3 месяца в барак усиленного режима (БУР) с выводом на работу». Далее следовал список, во главе которого стояли фамилии сидевших с нами бандитов, а потом наши фамилии. Доказывать, что люди, прибывшие прямо из тюрьмы и никогда в лагере не бывшие, не могли там производить грабежи и учинять «попытки к побегу» — было делом безнадёжным, и пришлось подчиниться.

Среди нас находился некто Александров. Он утверждал, что был доставлен в лагерь по недоразумению, так как, по его словам, был приговорён к 10 годам закрытой тюрьмы и находился на пути в Иркутский изолятор. На мой вопрос, за какое преступление он получил столь суровое наказание, даваемое обыкновенно неисправимым грабителям и убийцам или же серьёзным политическим преступникам, Александров сообщил, что он является членом тайной коммунистической организации, борющейся с советской властью, исказившей чистоту коммунистического учения.

Дальнейшие его рассказы и разъяснения заставили меня усомниться в его психической нормальности. Александров был очень хорошим рассказчиком так называемых «романов», столь любимых и ценимых воровским миром. Не меньшим ценителем оказался один из надзирателей, сопровождавший нас на работу для снятия и надевания наручников. Он самовольно «освободил» Александрова от работ, заставляя его целыми днями рассказывать различные истории. Авторских талантов у Александрова не было. Темы его повествований были заимствованы у различных русских и иностранных писателей, но он до такой степени искажал их утрировкой и нелепостями, что не сразу можно было угадать, откуда заимствована тема.

Пошли дожди, и перед воротами лагеря образовалась невероятная грязь и лужи, что дало надзорскому составу возможность устроить нам неприятности такого рода. При выходе на работу за вахту и по возвращении с работ надзиратели производили перед входными воротами обыск заключённых. Обыкновенно он совершался поверхностно и заключался лишь в оглаживании руками. Не составлял исключения и 5-й лагпункт. Теперь же при возвращении с работы надзиратели заставляли нас садиться и снимать ботинки, которые они, поверхностно осмотрев, бросали метра на полтора в направлении вахты; за ними следовали и портянки, если таковые име-

лись. Результат такого осмотра был весьма неприятный, так как, не желая одевать на грязные мокрые ноги ботинки, мы, взяв их в руки, шли босиком в барак. Здесь мы лишь просушивали ноги, так как вымыть их за недостатком воды не представлялось возможным. Ещё одна устроенная нам неприятность — уж не знаю, нарочно или нечаянно — заключалась в том, что в наши матрасы, набитые сеном, попал шиповник, и нам стоило большого труда удалить колючки.

Судьба бывает жестока, но иногда и милует. Как непродолжительно бывает хорошее, так наступает конец и плохому. Для меня этот конец выразился в приезде на лагпункт комиссии для набора на этап, предназначенный для отправки на вновь организованный 043-й лагпункт, находившийся в 20 километрах от Братска. Зная по опыту, что на такой этап лагерное начальство старается сбить самый беспокойный и негодный элемент, в комиссию был откомандирован начальник санчасти 043-го лагпункта капитан Копалкин.

Естественно, что на комиссовку в первую голову была представлена 9-я штрафная бригада и мы, жители БУР'а как её основная часть. Вспыхнувшая у меня надежда этим путём выйти из тягостного для меня положения ослаблялась учётом моего возраста: мне было 59 лет и до перехода в возрастные «инвалиды» мне оставался только один год. Но надежда есть надежда и «Бог не выдаст — свинья не съест»! Подойдя на комиссовке к капитану Копалкину, я изо всех сил старался казаться бодрым и крепким. Заметив у него некоторое колебание, когда он увидал в формуляре год моего рождения, я быстро сказал:

— Доктор, я совершенно здоров и могу идти на любую работу, — и тише просящим тоном добавил: — возьмите меня, пожалуйста.

Копалкин усмехнулся и тихо спросил:

— А надо?

— Очень, — ответил я.

— Ступайте! — уронил он, делая какую-то отметку в своих списках.

Вечером я узнал, что попал на этап, и хотя не имел ни малейшего представления о том, на что и куда я еду, чувствовал себя именинником.

На другой день выяснилось, что 05-й ликвидируется как рабочий лагпункт и обращается целиком в инвалидный. Рабочий контингент распределяется по другим лагпунктам, а на его место прибывают 400 человек инвалидов, и состав, который привезёт этих людей, повезёт нас на 043-й. Единственно, что омрачало моё радостное настроение, — это сознание того, что содержание меня в БУР'е было проведено по указанию Москвы и мой переезд на 043-й не облегчит моей участи. Но в лагере царят свои законы, и никогда не нужно задумываться над тем, что будет завтра и тем более через неделю. Есть ещё одно мудрое лагерное правило, в справедливости которого я убедился на практике, а именно: «Не делай сегодня того, что можешь сделать завтра, и не оставляй на завтра ту еду, которую можешь съесть сегодня».

05-й лагпункт накормил нас перед отъездом на славу и дал хороший маршевый провиант. Погода стояла прекрасная, и мы приятно прогулялись 7 километров до станции, где были свидетелями высадки прибывшего нам на смену инвалидного контингента. Несмотря на хорошую солнечную погоду, а может быть, благодаря ей картина показалась удручающей. 400 человек развалившихся стариков и калек в лохмотьях и фантастических костюмах вываливались и вытаскивались из вагонов и располагались строем «строго по пять» на дороге. Тех, кто не мог передвигаться, грузили в телеги, которые должны были тащить более крепкие товарищи. Туда же грузили и имущество этих жалких людей.

Когда эта колонна поползла по дороге и места освободились, наступила наша очередь погрузки, что мы и произвели безболезненно. К ночи пришёл паровоз с составом, захватил наши вагоны и повёз навстречу новым приключениям, «в новые края».

О «СОВЕТСКОЙ ЖИЗНИ» И «СОВЕТСКИХ ЛЮДЯХ»

До сих пор моё пребывание на различных лагпунктах имело характер «гастролирования», что объясняется относительно короткими сроками пребывания на них и отсутствием в моей жизни контакта с массой, населяющей эти лагпункты. Даже на 052-м, где я в течение пяти месяцев работал каптёром, я не успел «пустить корни» и слиться с окружающей средой и жизнью, чему отчасти способствовал и сам характер моей работы. Только на 043-м я понял, как нужно жить и действовать в лагере, чтобы создать себе сносное существование, не дать себя затоптать и не погибнуть где-нибудь в лагерной больнице.

Мне потребовалось пройти через четыре следствия и провести три года в различных следственных тюрьмах, чтобы понять методы работы советской политической юстиции. У читающего эти строки может создаться невыгодное представление о моей сообразительности. Возможно, что он будет и прав, самому трудно судить о себе самом — всегда есть опасность впасть в крайность, но мне кажется, что здесь легко найти оправдывающие меня обстоятельства. Надо помнить, что советская политическая юстиция осуществляла закон на основании народной поговорки, гласящей: «Закон, что дышло — куда повернул, туда и вышло», и многие, очень многие, пробыв в заключении дольше меня, и даже в несколько раз, решительно ничего не поняли и не усвоили. Трудность при усвоении этого понимания объясняется, между прочим, разностью значения, вкладываемого в одни и те же слова.

Возьмём для примера слово «милиционер». Энциклопедический словарь объясняет, что милиционер — это некадровый солдат, несущий военную службу без отрыва от своих прямых обязанностей и отчасти добровольно. В Советском Союзе милиционер — это полицейский чин, профессионал, никакими другими делами не занимающийся.

Или слово «клевета». В общечеловеческом понимании это ложь, взводимая на какое-либо лицо, организацию или систему в целях их опорочить. В советском государстве «клевета» есть вообще отрицательный отзыв о существующей там системе или о лицах, её осуществляющих. Приведу пример: если кто-нибудь отозвался бы отрицательно о Берии до его падения и расстрела, то судебный приговор гласил бы о «клевете на советских вождей». Если же после его падения кто-либо высказал недоумения о системе, при которой подобный господин мог распоряжаться жизнью и смертью миллионов людей, то это классифицировалось бы как «клевета на советскую власть».

Все действия советских законов именуется не теми словами, которые надлежит употреблять. Например, включение в состав советского государ-

ства Эстонии, Латвии и Литвы и лишение их самостоятельности и свободы именуется «освобождением» этих народов. Присоединение территорий других государств также именуется «освобождением» этих территорий. Конечно, дело не в словах, а в принципе, согласно которому «что можно мне — нельзя тебе» и что подлость в отношении меня — геройство и доблесть в отношении тебя.

Установка «цель оправдывает средства» официально считается недопустимой в отношении любой идеологии, религии или системы, но в отношении достижения идеалов коммунизма она допустима и положительна. Гнусностью, вызывающей отвращение, считается «шпионаж», направленный против советского государства и его деятельности, и лица, его проводящие, клеймятся негодьями, продающими себя за деньги. Никакой идеологии за ними не признаётся, тогда как органы и лица, осуществляющие ту же работу в пользу советского государства, официально восхваляются как борцы за идею и патриоты своей родины.

Слово «Правда», если не считать официальной газеты Центрального Комитета партии — и, по словам московских остряков, отличающейся от аналогичного органа советского правительства «Известия» тем, что в последней нет правды, тогда как в первой нет известий, — понимается тоже своеобразно. Правдой называются только высказывания положительного характера в отношении системы. Мои следователи записывали мои показания заведомо неверно, утверждая что они это делают в целях выяснения «правды».

Приведённые мною примеры могут показаться резкими и пристрастными, но моё утверждение верно, и доказательством этого могут служить различного рода международные конференции и договоры, которые заключаются представителями советского правительства с буржуазными странами. Как правило, они ни к чему не ведут и ничего не разрешают и именно потому, что в слова вкладывается разное пожелание и содержание.

Человеку, выросшему и воспитанному в определённых понятиях, трудно сразу усвоить новое значение слов и те последствия, которые это явление за собой несёт. Позже, по возвращении на родину, мне пришлось читать в отечественных и иностранных газетах и журналах впечатления и выводы о «советской жизни» и о «советских людях», написанные людьми, пробывшими в Советском Союзе неделю-другую в качестве туристов или гостей каких-либо организаций. Самонадеянность этих людей меня всегда поражала.

Я не знаю, можно ли жизнь в Советском Союзе назвать «советской жизнью». Я никогда не слышал выражения «царская жизнь» в отношении дореволюционной России, как не слышал «республиканская жизнь» в отношении, например Франции. Говорили «русская жизнь», «французская жизнь» и пр. Поэтому было бы правильнее назвать жизнь людей, живущих под советской властью, «русской жизнью» — это было бы верно. Каждый народ имеет свои особенности, вытекающие из его характера

и тех исторических условий, при которых он сложился, это же относится и к быту. Если мы теперь, после двухтысячелетней Христианской эры, имеем языческие пережитки в нашем быту, то, естественно, никакая, даже коммунистическая власть, в 40 лет ни характера, ни быта русского народа изменить не могла; изменились экономические условия, и это наложило некоторый отпечаток на укладе жизни, но нет какой-то особенной «советской жизни», есть просто современная русская жизнь.

Ещё в большей мере это относится к «советскому человеку», он является измышлением коммунистических заправил, а на практике не существует. Есть русский человек, о котором говорят, что он «советский», но который остаётся и продолжает быть русским со всеми положительными и отрицательными сторонами. Словом «советский» вообще злоупотребляют как сторонники, так и противники государственного капитализма, причём первыми это делается сознательно, в тех же целях, в которых подменяется значение слов. «Советский» строй — это политическая структура государства, тогда как государственный капитализм есть экономическая форма и от частного капитализма, основанного на конкуренции, отличается более жёсткими формами эксплуатации, облегчаемыми имеющейся в руках государства-предпринимателя политической властью над населением. При всякой монополии товар бывает дорог и плохого качества, так как в отсутствии конкуренции его вручают населению насильно. Это и происходит в советском государстве, и этим оно отличается от так называемых буржуазных стран.

Вопрос, интересующий людей, находящихся в «свободной зоне» мира, можно формулировать так: «Как и чем живёт средний человек в условиях государственного капитализма?». Он служит и работает в учреждениях и предприятиях, как и раньше, получает там вознаграждение за свой труд и старается протолкнуться на лучше оплачиваемое место. Другими словами, он делает то же, что делают люди везде, но с разницей, что получаемая им плата весьма мизерна и жить ему трудно. Выражаясь по-современному: у него низкий экономический стандарт.

Многолетняя изоляция от всего остального мира не могла не создать у населения «бытовой отсталости», странно совмещающейся с «технической прогрессивностью». В поисках «нового» в своём быту «советский» человек нашёл его в прошлом, в результате чего современный житель Советского Союза живёт в обстановке 1914 года, как в смысле своих семейных отношений, так и быта. Любопытно, что эта же тенденция наблюдается и у руководящей верхушки. Тогда как, например, во всём мире военные формы в корне изменились, в России они восстановлены по образцу 1914 года, только пока нет киверов, и я думаю, что только отсутствие кавалерии в современных вооружённых силах препятствует появлению декоративных гусарских и уланских форм...

Немало способствовало такому явлению следующее обстоятельство. В Советском Союзе нет газет в том смысле, как это понимают на Западе.

Официозы партии и правительства — это не газеты, а информационные листки; в них ничего нет, кроме указаний на сегодня, как нужно думать, и соответствующих к тому распоряжений. Только на четвёртой странице петитом²⁵⁵ в отделе «Международная Жизнь» упоминаются события в Европе или Америке, причём обыкновенно в сжатой форме и по существу ничего в действительности не освещающие. Здесь так же, как и во всём — всё наоборот, чем в остальном мире. То, что у нас помещается под крупными заголовками, в Советском Союзе, если и печатается, то на последней странице петитом, и наоборот. О каких-либо происшествиях, катастрофах, неурожаях, пожарах и так далее нигде не упоминается, как будто в Советском Союзе их вообще не бывает.

Конечно, ответственные лица ежедневно читают передовицу «Правды», черпая оттуда установки на сегодня, в противном случае можно попасть впросак, например, ругая Тито, когда официальная установка на сей день в корне изменилась и Тито больше не бандит международного империализма, а друг Советского Союза и сам Хрущёв едет к нему в гости. Но главная масса населения, «обыватель», читает в газете как раз то, что в ней написано на последнем месте, а именно «международную жизнь», для этого ему по объёму материала требуется максимум 10 минут. В каждой области издаётся своя газета, но она для обывателя ещё менее интересна, чем центральные органы. По прочтении её в голове ничего не остаётся.

Многочисленная журнальная литература Запада не имеет себе подобной в Советском Союзе. Если не считать специальных журналов по технике, агрокультуре и т. д., здесь всё сводится к двум журналам: «Огонёк» и сатирический журнал «Крокодил»²⁵⁶. Содержание их тоже довольно бедное. При всеобщей грамотности в населении существует громадная потребность в чтении, удовлетворяемая книгой. В этом отношении житель советского государства стоит выше жителя Запада. Я не встречал человека, не знакомого не только с русскими, но и со старыми иностранными классиками. Библиотеки многочисленны и поставлены хорошо. В результате бытовая идеология слагается главным образом на классиках дореволюционного периода. Колхознику неинтересно читать трафаретные повести о колхозах, а рабочему — о своих переживаниях у станка, и тот и другой охотнее читают «Дворянское гнездо» Тургенева, «Анна Каренину» Толстого или «Обрыв» Гончарова. Об образованных слоях населения не приходится даже говорить: они на этой литературе воспитываются, что, конечно, не может не отражаться на их идеологии. Немало этому способствует и застой в современной советской литературе, работающей и пишущей по надоевшим всем трафаретам.

Современная иностранная литература жителю Советского Союза совершенно неизвестна. То, что ему подносится как «иностранная литература», — это писания так называемых «прогрессивных» иностранных авторов, в большинстве случаев бездарных и по шаблону обрушивающих на своих героев все несчастья, могущие приключиться с человеком, вплоть до удара

молнией и аппендицита. Но эти книжки издаются в небольшом количестве, видимо, с целью поддержать иностранных единомышленников.

Если добавить, что и обучение в школах ведётся по дореволюционным учебникам, то картина получится довольно неожиданная, а именно: средний житель в своей жизни пропитан мещанской идеологией дореволюционного периода. Коммунистическая партия в лице своих вождей утверждает, что создала бесклассовое общество, но мне кажется, что нигде нет такой разницы между разными слоями населения, как именно в Советском Союзе. Высший слой составляют верхушка коммунистической иерархии, высшее командование, научные работники, крупные артисты, литераторы с именем, руководители промышленных и торговых организаций и предприятий. Низший слой — это колхозники. Материальное обеспечение играет и здесь главную роль, а разница в окладах этих слоёв очень велика. Резюмируя всё мною сказанное, я делаю следующий вывод: всё, что составляет верхние и средние слои населения, то есть руководящая масса, живёт в быту и психологии 1914 года, и то, что шокировало наших бабушек и дедушек, шокирует и их. В самих условиях жизни, конечно, очень многое изменилось, но это произошло во всём свете, и Советский Союз не составляет исключения. Возможно, что эта глава является лишней в моём труде, так как она затрагивает политические вопросы, тогда как я задался целью писать только о том, что «глаза мои видели и уши мои слышали», но упоминаемые мною явления тоже результат моих наблюдений.

043-й ЛАГПУНКТ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

Едем мы, друзья,

В новые края...

Советская песня

Итак, 18 июля 1952 года я с моими товарищами прибыл в новые края: на 043-й лагпункт Озерлага, входивший в его 4-е отделение. Это были действительно новые края, где советское правительство решило всё перевернуть, перестроить и заселить. Всего в 18 километрах по прямой лежало на Ангаре строительство Ангарской гидростанции, а в 30 километрах — городок Братск, где кончалась наша лагерная железная дорога и начиналась железнодорожная ветвь на Лену. Теперь в 1961 году она, вероятно, уже идёт дальше на Комсомольск, навстречу строящейся линии. По их соединении создастся новый, более короткий путь на Владивосток. На месте 043-го должен был построен город Радищев, названный в честь радикального писателя XVIII века²⁵⁷. Сюда же со всеми жителями должен быть перенесён город Братск, который по готовности гидростанции затопляется водами Ангары. Место выбрано очень удачно на берегу красивой и мно говодной речки Анзебы, впадающей в Ангару около Братска.

Кроме населения в Радищев должны быть перенесены и имеющиеся исторические постройки, из которых самой интересной, несомненно, был острог, в котором содержались шведы, взятые Петром Великим в плен под Полтавой. Я полагаю, что сейчас всё это уже осуществлено, но в момент моего прибытия только намечалось. Нужно было снести тайгу, проложить дороги, построить лесопильный завод, который подготовлял бы материал для будущего города, и протянуть новую железнодорожную линию от местечка Анзеба к гидростанции. На нашем труде и на наших слезах должно быть создано благополучие будущих насельников этого далёкого края. Лагпункт был новый, «с иголки», и это было приятно, но в момент нашего прибытия он был ещё недостаточно укомплектован. Для ясности и во избежание длинных описаний я прилагаю его план; о лицах же, его возглавлявших, скажу несколько слов.

Начальником лагпункта был старший лейтенант Буровцев, в прошлом сапожник. Выйдя на войну старшим сержантом, он был пропущен через ускоренную военную школу, произведён в младшие лейтенанты и достиг своего ранга в боях, в которых был тяжело ранен навывлет в грудь с серьёзным повреждением правого лёгкого. Однако ни его вид, ни поведение не выдавали в нём боевого офицера. Это был довольно бесхарактерный, бестолковый и весьма нерешительный человек, неплохой, но легко поддававшийся влияниям.

Помощник его, по лагерной терминологии — заместитель, лейтенант Соловьёв, был при мне короткое время и, получив в командование близлежащий лагпункт, ушёл, передав своё место лейтенанту Астраханцеву, в прошлом печнику. Это был весёлый «рубаха-парень», который ни во что не вмешивался и от всего отделялся шутками.

Про оперуполномоченного Садзыкова, татарина по национальности, никто не мог сказать ничего плохого. Всегда вежливый, охотно идущий навстречу претензиям заключённых, он проводил свою наблюдательную работу за нами так, что, как мы ни присматривались, заметить её не могли, если она вообще им проводилась.

Следующим лицом, могущим сделать существование заключённых горьким, был начальник режима. Должен сказать, что за всё время моего пребывания в лагерях ни один начальник режима этого не делал; не делал этого и начальник режима на 043-м, используя для поднятия своего авторитета главным образом данную ему Богом наружность и грубый, свирепый голос. Он мог бы без грима изображать Держиморду в комедии Гоголя «Ревизор», но кроме наружности в нём ничего свирепого не было. По существу, он был добрый человек, только без всякого воспитания и образования. За всё время моего пребывания на 043-м лагпункте он ни на кого не наложил ни одного взыскания, ограничивая свою деятельность осмотром стрижки волос и выбирая для этих парадов воскресные дни, раздражая этим заключённых.

Начальник части интендантского снабжения лейтенант Ивлев был одновременно секретарем партийной организации и поэтому считался человеком значительным. Против него могу только сказать, что он пытался пополнять недостающее в каптёрке личными вещами заключённых, устранивая время от времени шмоны и конфискуя всё, что не было внесено в личную книжку заключённого. В силу того, что он приноравливал свои шмоны тоже по выходным, контингент относился к нему неодобрительно.

Личная жизнь нашего начальства за зоной была известна заключённым. Знали, когда была пьянка и кто заночевал в канаве, кто подрался с женой, какая жена изменила и с кем, и так далее. Сведения эти поступали от надзирателей и от расконвоированных криминальных заключённых, живших в качестве obsługi за зоной. Много смеха вызвало, например, неудачное поползновение Ивлева соблазнить свояченицу начальника лагпункта, приехавшую погостить к его жене. Донжуан был пойман супругой на месте задуманного преступления и избит сковородкой на дворе трёхквартирного барака.

Должность начальника спецчасти была замещена женой оперуполномоченного, на деле передавшей все свои функции нарядчику и в зоне не появлявшейся.

Наконец культурно-воспитательную часть возглавлял старший сержант из нацменов, попавший на эту должность, видимо, по недоразумению или протекции. Он был малограмотен и плохо говорил по-русски. Появлялся

он в зоне очень редко и собирался уезжать на какие-то партийные курсы для расширения образования, что ему было до крайности необходимо. Фактически все его функции выполнял заключённый Леонид Ульянович Гридюшко, молодой человек из кубанских казаков, бывший в частях генерала Панвица²⁵⁸ и переданный англичанами в Лиенце большевикам вместе с другими. Впоследствии я с ним очень сблизился, и наши отношения вылились в отношения отца и сына.

О старшем вольном враче капитане медицинской службы Копалкине я говорил раньше и ничего кроме хорошего прибавить к этому не могу.

Казалось бы, что данная мною характеристика руководящего состава не грозила нам ничем плохим, но беда была в том, что кроме начальника санчасти, никто из этих людей фактически ничем не руководил, передавая все свои функции нарядчику и во всём поступая согласно его указаниям. Нарядчик же был личностью незаурядной в отрицательном смысле слова. Вся моя дальнейшая деятельность на лагпункте 043 протекала в борьбе с этим человеком за право существования. По национальности этот мой антагонист был казах и в прошлом партийный работник в областном масштабе в Казахстане. Фамилия его была Кржеумов и имя его было восточное, а заключённые, по обычаю русских людей, не затрудняли себя иностранными словами и превращали Гуннара в Гришу, а Эвальта в Володю. Его называли Костя.

Во время войны он попал к немцам и занял у них место в частях, сформированных из национальных меньшинств Советского Союза. Это принесло ему 10 лет ИТЛ, пребывание в которых он решил, видимо, использовать для восстановления своей испорченной коммунистической репутации. Не знаю, насколько это ему удалось впоследствии, но на нашем лагпункте он был царь и Бог.

Кроме моральной репутации он хотел укрепить и своё будущее материальное положение, поэтому целый ряд должностей, назначение на которые зависело от него, он обкладывал определённой суммой — от 25 до 50 рублей в месяц. Лица, получавшие посылки, конечно, тоже были обложены данью, колебавшейся в границах скромных и не вызывавших нареканий со стороны данников.

Я совершенно уверен, что будь у меня какие-либо денежные или посылочные возможности, то я избежал бы большинства столкновений с Кржеумовым, но, к сожалению, я тогда был нищ, как церковная крыса. Когда же у меня создались некоторые возможности, то уже никакие дани не могли поправить наши испорченные отношения, и попытка в этом направлении была бы им рассмотрена как провокация с моей стороны. Под рукой он говорил, что берёт взятки для начальства, или, вернее, по их побуждению, но я думаю, что это была клевета. Начальство не рискнуло бы на эту комбинацию, опасаясь попасть в наше общество, ибо в смысле доносов оно находилось в таком же положении, как и мы: среди заключённых были сту-

качи, которые были связаны непосредственно с оперативным отделением, по крайней мере двое таких были мне известны.

Итак я прибыл в составе штрафной бригады 05-го лагпункта, оставшейся в том же составе, только переименованной 9-й номер на 18-й и получившей нового бригадира в лице некоего Марчука. Все вышеупомянутые взаимоотношения на лагпункте 043 были мне ещё, конечно, неизвестны. Я знал, что, имея вторую категорию, я не мог рассчитывать на какое-либо «блатное» место до тех пор, пока питание и тяжёлая непосильная работа не переведут меня в разряд «инвалидов».

Первая работа, на которую попала наша бригада, было строительство дорог. Это было не очень трудно и при лучшем питании я мог бы справиться с работой или, во всяком случае, с помощью бригадирского карандаша держаться на 75% выполнения. К сожалению, питание было недостаточное. Вот пример: утром перед выходом на работу нам давали 500 граммов супа, варенного на листьях зелёной капусты; теоретически суп варился на мясе из расчёта 50 граммов на человека, но следов его мне никогда установить не удалось. Была в супе и картошка из расчёта 100 граммов на человека, но она разваривалась в чугунах и в миске не фигурировала. Затем три блинчика из белой муки размером 5 сантиметров в диаметре с ложкой подливки из томатного пюре с водой, плюс 300 граммов хлеба. На обед, на который отводилось полчаса, получали 500 граммов супа, состоявшего из жидкой кашицы, плюс 300 граммов хлеба, и, наконец, по возвращении с работы давался ужин, состоявший из 500 граммов супа, аналогичного с утренним, 200 граммов хлеба и 75 граммов невероятно солёной рыбы. Жиров (растительного масла) давалось 18 граммов в сутки.

За время моих путешествий по тюрьмам в лагерях изменилась структура оплаты труда. За работу платили деньгами, но из заработка вычитали за пищу, квартиру, освещение, культурные досуги (кино раз в неделю, библиотека, инструменты для самодеятельности) и платье. Хлебный паёк давался всем одинаковый (800 граммов), так же, как и остальная еда. Кроме того, лагерь брал довольно солидный процент (кажется 60%) в свою пользу, так что на руки хороший работник получал рублей 200–250, а такой, как я, на 05-м за месяц получил на руки 28 рублей. На эти деньги можно было покупать добавочную еду из так называемого «буфета». Добавочная «буфетная» еда состояла из тарелки гречневой каши, макарон или лапши по цене от рубля до двух за порцию. Кроме того, были открыты ларьки, где можно было купить ситный хлеб по 3 рубля кило, масло (если было) по 30 рублей, конфеты от 40 до 80 рублей кило и табачные изделия, главным образом дорогих сортов; махорку получить было трудно.

28 рублей, заработанных мною на 05-м лагпункте, были пересланы на 043-й и составили максимум того, что я заработал в лагере. За первый месяц в дорожном строительстве я получил 18 рублей, а дальше пошло хуже. То основное питание, которое мы получали на 043-м, было недостаточным не только для меня. Все мои собригадники, в большинстве молодые

и сильные люди, стали быстро худеть, лица их морщиться, и бригада выглядела составленной из стариков. Дело в том, что рабочий день был 10 часов, а 2 часа уходило на разводы и дорогу; учитывая полчаса на обед, всё вместе составляло 12½ часов; на сон полагалось 8 часов (отбой был в 10 часов вечера, когда нас запирали в бараки). Итого 20½. Для себя лично оставалось 3½ часа, из которых 2 часа утром между 6 часами, когда был подъём, и 8, когда начинался развод. В это же время умещался завтрак, так что вечером у нас оставалось полтора часа, в течение которых нужно было вымыться, придя с работы, и поужинать. Таким образом, практически мы никакого «личного» свободного времени не имели.

Через месяц наша бригада была снята с дорожных работ и перевезена на железнодорожное строительство. Это было хуже. Во-первых, строить порученный нам участок мы начали в 3 километрах от лагпункта, а через месяц расстояние увеличилось до 5 километров. Дорога на место работы лежала через вырубленные леса, в полном смысле — «по пенькам».

На месте работ, производившихся в тайге, каждой бригаде отводился определённый участок, с которого сперва нужно было свести лес, затем выкорчевать пни и, по расчищении необходимой площади, копать землю и на тачках, грубо сделанных из сырого леса, везти её на железнодорожную насыпь, которая по мере нашей деятельности становилась всё выше и выше. Нормы бывали разные, в зависимости от качества грунта и расстояния подвоза.

В нашем случае она составляла четыре куба выкопанной и вывезенной на насыпь земли на человека. Работа производилась звеньями по 5 человек, трое копали, а двое возили; два возчика для выполнения нормы должны были перевезти 30 кубов земли, а три копальщика выкопать такое же количество грунта. Работа затруднялась наличием миллиардов мошки или насекомых, укусы которых по причиняемой боли были обратно пропорциональны их размеру, общее же ощущение работающего напоминало сечение крапивой.

Мы все распухли до неузнаваемости и были покрыты кровавыми струпами. Для предохранения от укусов мошки нам выдавали накомарники — сшитые из бумажной материи мешки с небольшой вставкой из сетки, чтоб дышать и смотреть. Но в этих мешках было душно работать, кроме того ячейки сетки были рассчитаны на комара, и мошка свободно проходила сквозь них.

Бригада состояла из 26 человек, и её рабочие инструменты — топоры, лопаты, мотыги, кирки — нужно было каждый день носить на работу и обратно в большом ящике; на это наряжали четверых на раз, или восьмерых на день. Учитывая длину и качество пути, станет понятно, что мне — в то время почти 60-летнему человеку — было достаточно совершить, скажем, трёхкилометровую прогулку с ящиком по пням, чтобы не иметь затем сил выполнить полагающуюся в остальное время норму. Правда, бригада, сама весьма хромавшая в выполнении нормы, шла мне навстречу,

и бригадир умудрился выводить необходимые 75% выполнения. Без этого я садился бы на штрафные 300 граммов хлеба и 500 граммов супа в день, в результате чего окончательно свалился бы с ног. Однако, хоть бригадир и спасал меня, но отношение его ко мне становилось всё суше и нелюбезнее. К августу я обратился в скелет, обтянутый кожей, покрытый ранами от укусов мошки. Я еле держался на ногах и только ждал момента, когда окончательно свалюсь.

На моё счастье, в начале августа 1952 года приехала медицинская комиссия для определения категоричности заключённых, и, хотя она возглавлялась доктором Барским, который считал себя сперва чекистом, а потом врачом, я получил инвалидную категорию, и моя пытка кончилась.

Теперь нужно было приискивать себе какое-то занятие в зоне. Но так, как я в качестве «инвалида» оказался в непосредственном распоряжении нарядчика Кржеумова, то последний сразу нашёл для меня такое «занятие», отправив вместе с венгерским архитектором Хорватом штукатурировать вновь построенные отхожие места. Работа была нетрудная, но абсолютно ничего не дающая и притом грязная.

Тогда я решил использовать шанс, когда-то данный мне следователем Новосёловым: обратиться через оперуполномоченного и оперчекаотдел с просьбой сообщить в Москву «руководству», что я нахожусь в очень затруднительном положении, что физические силы мои окончательно вымотаны и что я накануне физической гибели.

Этот шаг имел неожиданные для меня результаты. Через несколько дней я был вызван к начальнику лагпункта, который в присутствии оперуполномоченного осведомился, могу ли я работать в культурно-воспитательной части и умею ли я текстовать плакаты и рисовать. На мой утвердительный ответ начальник сообщил мне, что исполняющий обязанности культорга Гридюшко в ближайшие дни станет пожарным на лагпункте и его место освободится. До этого момента он предлагает мне работу в санчасти в качестве санитаря.

На лагпункте открылась эпидемия дизентерии, захворало человек 40, и для их изоляции пришлось освободить одну секцию барака, которая и поступает в моё ведение. Моя роль сводилась к наблюдению за чистотой в этой секции и к приёму пищи, специально приготовляемой для больных, и её раздаче. Конечно, большого удовольствия оказаться изолированным с дизентерийными больными не было, но, с другой стороны, налаживался вопрос моего питания, что было очень важно — и я предложение принял. Эпидемия длилась около месяца; одна часть людей умерла, другая поправилась, третья была отправлена в общую больницу, а я закончил функции старшего санитаря вполне для меня благополучно.

Неблагополучно было только то, что Гридюшко ещё не получил места пожарного, и нарядчик определил меня вновь штукатурировать уборную, работа, которая в моё отсутствие не делалась. Наконец в один прекрасный день Гридюшко вызвал меня в помещение КВЧ — крошечную комнату

рядом со сценой при столовом зале — и сообщил, что с завтрашнего дня он, слава Богу, пожарный, а я культорг и я могу вступать в должность. Сдавать ему мне нечего, так как ничего нет, если не считать библиотеки, насчитывающей штук 50 книг и брошюр, которые все налицо. После этого новый пожарный удалился, и я остался в качестве нового культорга, несколько растерянный, в помещении, где действительно ничего кроме небольшого стола и двух табуреток не было. Того, что полагается для работы в КВЧ: бумага, карандаши, краски и прочее ниоткуда в это время не поступало и обязанностью культорга было всё это доставать «частным образом». Достать можно было только «по благу», а у меня такового не было: я никого на лагпункте не знал. Мой туалет и скелетообразный вид тоже не мог внушать кому-либо из «придурков» почтения к моей особе. Однако я решил не падать духом и начать действовать.

Первым делом я отправился в контору и попросил карандаш и немного бумаги у заключённого, выполнявшего функции начальника производственно-плановой части.

— Бумаги? — сказал он. — А ну попляшите.

— То есть как это? — изумился я.

— Да так просто, пляшите, тогда дам.

Работавшие в комнате подняли головы от своих дел и с выжидающими улыбками устремили на меня свои взоры. Я принялся проделывать какие-то па и, пройдясь таким образом два круга, остановился перед «заказчиком». Он вынул из стола листов 10 бумаги и полуисписанный карандаш.

— Вот вам, больше не приходите, больше не дам.

Я поблагодарил и пошёл в рабочую зону, надеясь раздобыть что-нибудь из красок в инструменталке, где работал один финн из Петрозаводска, с которым я познакомился раньше. Там мне удалось получить некоторое количество извести и обещание достать конского волоса для кистей. Один добрый человек обещал оправить их в трубки, сделанные из консервных банок в мастерской лесозавода.

Наконец венцом моих успехов были 250 граммов красного сурика, разведённого в банке из-под консервов. Если прибавить к этому сажу из трубы — то всё было в порядке: я мог грунтовать доску известкой на клейстере и писать текст двумя цветами — красным и чёрным. Но этот сурик чуть не испортил всю мою дальнейшую деятельность и не свёл на нет все мои успехи.

Один из надзирателей, зайдя в помещение культурно-воспитательной части и увидав сурик в банке, немедленно решил забрать его для окраски своей кровати.

Редкая мать защищала бы своего ребёнка с большим отчаянием, чем я свой сурик. Наконец мне удалось его отбить, но обиженный моей неуступчивостью надзиратель пообещал припомнить свою неудачу и выполнил свою угрозу на другой же день, наложив на вахте арест на принесённые с лесозавода кисточки. Пришлось всё начинать снова, так как апелля-

ция к моему начальнику не принесла мне облегчения. Послушав жалобу на затруднительность моего положения, он сказал:

— Сволочь этот надзиратель, ну да ты достань нового волоса и жестяшек и попроси ещё раз сделать кисти — вот тебе три старых газеты, для компенсации дашь. Я пойду сейчас бриться, — добавил он, — а ты снеси моё грязное белье в прачечную. Да нужно вот эти посылки раздать. И вызови надзирателя из дежурки.

Первые два поручения я выполнил без затруднения, но с надзирателем вышло хуже. Передав надзирателям приказание моего начальства, я получил в ответ следующее заявление:

— Скажи моему начальнику, что нам некогда — спать ложимся.

Как позже выяснилось, мой шеф до назначения на свою должность работал надзирателем и популярностью у своих товарищей не пользовался.

В общем посылок раздать не удалось, так как когда пришли надзиратели, то ушёл мой начальник, а на другой день он и совсем уехал. Я остался один и немедленно подвергся нападению нарядчика, пожелавшего использовать меня для засыпки стен вокруг колодца опилками. С большим трудом я от него отбился.

На следующий день мне удалось вооружиться несколькими кисточками и даже раздобыть бритвенный ножик для их обтачивания. Как только я обзавёлся более или менее самым необходимым, явились заказчики.

Первым пришёл начальник ЧИС и принёс две фанерки от посылочных ящиков.

— Вот, художник, — сказал он, — напишите мне два объявления для зазонной бани для вольных. Здесь текст, вот на этой бумажке, а я пока пойду побриться.

При нормальных условиях такого рода работа могла быть сделана и в час, но при имеющемся у меня материале должна была занять, по крайней мере, вдвое больше времени, что я и довёл до сведения заказчика.

— Глупости, — последовал ответ, — поднажмите.

Как только я приступил к работе, дверь открылась, и вошёл франтоватый весёлый офицер.

— Здравствуйте, художник, — приветствовал он меня. — Я начальник политчасти гарнизона, моя фамилия Соколов, с ударением на первом слоге. Вот вам записка от начальника лагпункта с разрешением исполнить мой заказ, а вот — материал и текст.

С этими словами он положил передо мной пару рулонов обоев, чёрную и красную акварельную краску, несколько лоскутков красной материи, исписанной белыми текстами, и коробку зубного порошка.

— Материю дайте выстирать и натяните на подрамники, а вот здесь тексты, — добавил он, протягивая мне четыре довольно мелко исписанных листика бумаги, вырванных из тетради. — Готово должно быть к утру, я сам зайду часам к девяти: у нас завтра комиссия приезжает.

Я растерялся и выразил сомнение, что успею сделать к утру.

— Ну, проработаете ночь и всё! Глупости, не так уж много.

С этими словами он удалился. В этот момент явился побрившийся ЧИС.

— Ну как, готово?

У меня не хватило решимости сказать, что я ещё не начинал, и пообещал, что будет готово через 2 часа. Но как только я загрузил принесённые им фанеры и снёс в прачечную соколовские красные лоскутки, отворилась дверь и вошёл начальник режима, неся в руках две большие ломаные фанеры от какого-то упаковочного ящика. Свирепо окинув меня взглядом, он буквально зарычал на меня:

— Ты чего делаешь?

Я объяснил ему историю имеющихся у меня заказов и сказал о краткости сроков их выполнения.

— Бросай всё к чёртовой матери и приступай делать стенную газету для штаба лагеря. Сверху — Спасскую башню, потом лес, и по лесу название: ЛЕС — РОДИНЕ. Понятно? Башню надо вырезать, а размеры вот здесь.

— Вырезать надо и фанеру, а у меня нет такой пилы. И зелёной краски для леса нет.

— Что-о-о? — уже заорал заказчик, вытаращивая глаза. — Ты что? С ума сошёл? Я тебе краски доставлять буду, что ли? Сидишь здесь, ничего не делаешь! Смотри у меня, чтобы к завтраму было готово, а то я покажу тебе кузькину мать.

И бросив мне на стол бумажку с текстом и размерами, он удалился. Но ненадолго: через 5 минут он снова стоял передо мной и снова заревел:

— Как? Ещё не начал? Чтобы к утру было готово, у нас комиссия завтра. Смотри у меня — в БУР посажу!

С помощью Гридюшки я достал кусочек зелёной акварели, при его же содействии уговорил какого-то столяра сколотить подрамник для Соколова и вырезать фанеру для стенной газеты. В 10 часов бараки закрывались на замок. Поэтому мне пришлось перетащить всё в барак и, расположившись на очень неудобном столе, я в течение ночи намалевал требуемое. Это удалось мне нелегко: как и при всякой работе в лагере, негодность материала и инструментов создавала массу затруднений, в нормальной обстановке не могущих даже прийти в голову. Результат был таков, что я опасался немедленно слететь со своего поста, но, как ни странно, заказчики остались, по-видимому, довольны, во всяком случае, не ругались.

Когда я выразил Гридюшке сомнение в моей пригодности для такой работы, он только рассмеялся и сказал, что всё образуется. Поначалу в лагере всегда трудно, а потом привыкаешь; кроме того, по его мнению, я слишком вежлив.

— Надо уметь собачиться, а то люди на голову сядут.

Примерно через неделю я действительно «обколотился» на моём месте: мне удалось раздобыть бумаги, пополнить коллекцию красящих веществ из запасов санчасти. Марганец, протозил, зелёнка, применяемая

вместо йода, какие-то жёлтые таблетки, дававшие замечательный жёлтый цвет, обогатили мою палитру.

Но тут всё и кончилось самым неожиданным для меня образом. Начальство решило, что иметь на должности культорга иностранца при отсутствии вольного начальника неудобно, и распорядилось Гридюшко посадить обратно, а меня снять.

На другой же день после постигшей меня катастрофы я оказался на своей исходной точке, а именно возле уборной, которую в моё отсутствие так и не доштукатурили. В качестве компаньона я получил опять архитектора Хорвата. Гридюшко не хотел мириться ни со своей, ни с моей участью, он всё время давал мне работу по КВЧ, тогда как нарядчик гнал меня штукатурить. Опасаясь упустить в дальнейшем возможность работать в КВЧ, я разрывался между штукатурением и выполнением гридюшкинских поручений, которые в сущности свели мою роль на уровень дневального, или мальчишки на побегушках.

Я сознательно писал так подробно начало моего пребывания на 043-м, чтобы дать читателю примерную картину жизни в лагере и ту борьбу за сносное существование и просто за кусок хлеба, которую там пришлось вести. Я думаю, что продолжать описание в этом духе нецелесообразно, а потому скажу вкратце, как сложилась моя дальнейшая жизнь.

Вскоре после описанных мною событий прибыл новый инспектор КВЧ лейтенант Андрей Иванович Вотинов. Это был незаурядный человек; моей дальнейшей работе с ним я посвящу следующую главу.

СУЩЕСТВОВАНИЕ НА Л/П 043

На этом лагпункте я провёл около двух лет, с июня 1952 года по 18 августа 1954-го, и если бы не произошло изменений в политике коммунистической власти в связи со смертью Сталина, то, вероятно, пробыл бы там до конца моего срока, то есть до 1960 года.

Контингент лагпункта за эти два года менялся мало; случались лишь небольшие переброски с лагпункта на лагпункт в пределах того же отделения. Свежих пополнений на наш лагпункт не поступало. Благодаря этому мы сжились, сдружились и до некоторой степени примирились со своей судьбой. Казалось, что всё прочно установилось, и жизнь в дальнейшем будет катиться в рамках нашего лагпункта с его ограниченными интересами, монотонностью, мелкими интригами и дрызгами.

Состав заключённых был чрезвычайно пёстр, как в национальном смысле, так и в культурном. Было несколько немцев, большей частью привезённых из Германии после войны. Так называемых «военных преступников» из пленных было всего двое. Эти немцы имели параграфы 58-й статьи, не означающие, что они являются «военными преступниками»; так, например, один имел шпионаж, другой — четвёртый пункт: помощь международной буржуазии в борьбе с коммунизмом. Были венгры, чехи, поляки, даже египтяне.

Среди нас насчитывалось до 26 национальностей. Но если брать количественно, то западные украинцы составляли самую многочисленную группу; за ними шли русские, побывавшие в немецком плену и в оккупированных районах, затем жители Прибалтики, остальные национальности были представлены группами от 2–3 до 20–30 человек. Большую группу составляли корейцы, тогда как японцы, китайцы и персы были представлены в меньшем количестве.

Болгария была представлена одним человеком, но он стоил двадцати других: это был Борис Христофорович Попов — анархист-синдикалист, приговорённый в довоенной Болгарии к повешению за террористическую деятельность. Попов бежал в Грецию, откуда был выслан как нежелательный иностранец, аналогично был выслан из Турции, но только после предварительной отсидки в тюрьме. Наконец в сообществе с балканскими единомышленниками он решил в качестве политэмигранта перебраться в Советскую Россию, для чего и приехал на пароходе в Одессу. Это был роковой шаг, и не только для него, но и для многих из его товарищей — сербов, болгар, македонцев, — беспокойных людей с Балканского полуострова, в большом количестве собравшихся в Одессе.

Удивительно, что большинство этой революционной публики легко попало в советскую ловушку, приняв желаемое за существующее и совершенно упустив из виду, что советское государство на деле более полицей-

ское, чем какое-либо другое, и террористов и революционеров на своей территории оно отнюдь не поощряет и что отличие его от буржуазного государства заключается в том, что капитализм в Советском Союзе — государственный, а в буржуазных государствах — частный. И, самое главное, что революция в России давно кончилась и что теория Троцкого о перманентной революции оказалось несостоятельной со всеми вытекающими из этого последствиями, из которых одно из основных: ненужность этих разношёрстных элементов, которые считаются советской властью опасными и вредными. Это в свою очередь имело свои последствия, реально приводившие к арестам, казням и высылкам в места весьма и весьма отдалённые.

Не избежал такой участи и Попов; отбыв 5 лет лагерного заключения на Соловках, он освободился благодаря зачётам после 3 лет и был выслан на Урал без права менять место жительства. Он с этим не примирился, бежал из ссылки в Ленинград, где нашёл несколько своих соотечественников, совместно с которыми собрался бежать через Финляндию в Европу. После нескольких месяцев хлопот и нелегальной жизни вся эта компания благодаря предательству одного из них угодила в руки ГПУ.

Теперь Попов получил 10 лет и был направлен в Карельские лагеря. С началом Советско-финской войны лагеря из Карелии были передвинуты в разные места, и Попов попал в один из крупных лагерей на Урале. По окончании войны его перебросили в Озерлаг, прибавив ему за дерзкий язык ещё 5 лет, причём, по иронии судьбы, через день после зачитывания приговора о продлении срока ему передали сообщение Болгарского посольства в Москве о том, что у себя на родине он амнистирован.

У нас в лагере Попов работал столяром; это ремесло он знал прекрасно, и сделанные им вещи украшали квартиры лагерного и конвойного начальства. Но работа эта в материальном отношении ничего не давала, поэтому он для заработка промышлял выделкой фанерных чемоданов и, беря по 15–20 рублей за штуку, неплохо зарабатывал. У меня с Поповым были хорошие отношения, в частной жизни он был милый, добрый, очень порядочный человек и хороший товарищ.

Отдельную группу составляли русские, привезённые из Маньчжурии. Их было человек 30. Мне пришлось столкнуться с ними ещё на Инте, и я получил некоторое представление о постигшей их беде, но только в Озерлаге мне стал ясен размер постигшей их катастрофы.

В Маньчжурии Россия задолго до революции располагала концессией на Восточно-Китайскую железную дорогу²⁵⁰ с полосой отчуждения и большим штатом служащих. За служащими потянулись лица, их обслуживающие: лавочники, коммерсанты, прислуга. После революции все эти люди, не сходя с места, стали эмигрантами, при том эмигрантами, сохранившими свои квартиры, деньги, имущество и во многих случаях — заработок.

Ввиду отдалённости края революции 1917 и 1918 годов мало отразились на быте этих людей. Колчаковская катастрофа пополнила их ряды действи-

тельными эмигрантами. В городах Харбине и Мукдене люди вели жизнь русских обывателей провинциального города дореволюционной России.

Политические события, происходившие в Маньчжурии, перевороты, оккупации мало задевали быт этих людей, внося в него кое-что новое, но не меняя его существа. Поражение японцев и оккупация Маньчжурии советскими властями поставили этот уголок старой России и его обитателей перед новым положением.

Победители вначале были приняты с почётом, а в некоторых кругах — с симпатией и сперва никак себя не проявляли. Затем желающим было предложено вернуться на родину, зарегистрироваться у советских властей; всем возвращающимся в Россию было разрешено взять с собой движимое имущество, деньги же были обменены на советские. Всем предоставлялся бесплатный проезд с перевозом багажа.

Люди, занимавшиеся ремёслами, повезли с собой целые мастерские. Когда первая волна возвращенцев уехала, наступил небольшой перерыв, во время которого окружным путём стали поступать весьма неутешительные сведения об уехавших. Рассказывалось, что машины и инструменты у них отобраны, что начинать в России «дела», подобные производившимся в Маньчжурии, нет возможности; кроме того многие из уехавших посажены в какой-то концентрационных лагерь на Урале и там ожидают дальнейших распоряжений. Как всегда бывает в таких случаях, одни испугались и стали спасаться бегством в Китай, оттуда дальше в Америку, Австралию, на Филиппины, а другие считали все слухи вздорными, выпускаемыми антисоветскими элементами. Наконец неопределённость исчезла: агенты МГБ стали забирать всё русское мужское население Маньчжурии и эшелонами вывозить в Россию; там оно было помещено в Уральские лагеря. Однако и при таком явном безнадежном положении советские власти обнадёживали обещанием направить их на работы, как толькоковые будут приисканы, после чего они уже сами смогут выписать свои семьи, которых доставят за казённый счёт.

Нужно сказать, что примерно через полгода обещание подобрать работу было выполнено, и весь Маньчжурский контингент был распределён по спецлагерям со сроками от 10 до 15 лет. Пребывание в исправительно-трудовых лагерях должно было «смыть с них буржуазный налёт и поставить мышление на советско-марксистские рельсы».

В отношении же семей обещание, к счастью, осталось невыполненным. Больше того, так как семьи фактически остались за пределами Советского Союза, то и переписка с ними была невозможна. Писать из лагерей за границу воспрещалось, а имевшие родственников в пределах СССР могли писать в общем порядке два раза в год. Для большинства заключённых положение осложнялось тем, что не все знали адреса своих близких, а последние не знали адресов арестованных, так как многие были арестованы не дома, семьи же их в свою очередь могли быть высланы в самые раз-

личные и отдалённые места Советского Союза или ввиду военных событий могли сами эвакуироваться с мест своего постоянного жительства.

Читатель может себе представить, какие драмы разыгрывались на фоне этих обстоятельств. В отношении маньчжурцев добавлю только, что часть из тех, которые добровольно уехали «на родину» (по словам советской пропаганды, «их ждавшей»), разделили участь подневольных возвращенцев и оказались тоже в лагерях.

Имевшаяся у нас группа корейцев состояла из зелёной молодежи и в большинстве своём была не из Кореи, а с Сахалина, где родители их работали у японцев в бытность этого острова японским. Китайцы же были из Маньчжурии и несли наказание за сотрудничество с японцами. Почему большевики взяли на себя труд наказывать китайских подданных, нарушавших советские идеологические установки на китайской территории, было непонятно, но даже сами китайцы этим не интересовались; они относились к происшедшему с ними так, как люди, относятся к молнии, ударившей в их дом. Японцев было двое-трое. Офицеры Квантунской армии, они были осуждены за «военные преступления». Это было очень странно, так как никаких военных действий не было. Советские войска ударили по японцам без объявления войны после американской атомной бомбы, убившей тысячи японского мирного населения. Квантунская армия, по приказу Микадо²⁶⁰, капитулировала. Где и какие «преступления» могли совершить эти японцы, — непонятно. Я пытался выяснить это у пострадавших, но они держали себя замкнуто, вежливо мне кланялись и ссылались на непонимание ими русского языка.

Небольшую группу составляли власовцы, выданные англичанами в Лиенце; по большей части они, если и не были казаками, то происходили из казачьих районов.

И, наконец, одной из весьма многочисленных групп были западные украинцы. Я думаю, что ни одна из захваченных советами областей не сопротивлялась так долго и так кроваво, как Галиция, и нигде со стороны русских не потребовалось столько жертв чекистами и солдатами, как там.

Чисто русский контингент нашего лагпункта состоял из «изменников родины», или лиц, имевших пункт 258-й статьи, покрывающий собой для советских граждан и нахождение в плену, и сотрудничество с немцами, и даже шпионаж. Этот состав был тоже пёстрый, как по образованию и развитию, так и составу преступления. Ко всему этому надо прибавить десяток воров, угодивших в нашу компанию в результате побегов из лагерей.

Несмотря на столь пёстрый состав, мы жили корпоративно и дружно. Среди моих личных друзей и близких были 76-летний священник о. Владимир Назаров; 72-летний доктор Ихок, коммунист с 1923 года, во время войны бывший редактором иностранного отдела «Известий»; Б. Г. Островский, до своего ареста бывший бухгалтером в каком-то главке в Москве; Саша Жашков, бывший «кремлёвский» и шофёр самого Ежова²⁶¹, а в последнее время заведовавший автотранспортом Сочинской курортной станции;

Бударин, крестьянин из Парголова и бывший артиллерийский фейерверкер Царской армии; Леня Гридюшко, бывший советский офицер, и многие, многие другие, которых по сей день вспоминаю с самым тёплым чувством и жалею, что судьба не даст мне возможности встретиться с ними в лучших условиях.

Эти два года на 043-м лагпункте Озерлага жизнь текла однообразно, и кроме тяжёлых и неприятных работ в начале моего там пребывания, я всё время исполнял обязанности культорга. Описывать повседневную жизнь лагеря я не считаю нужным, это сделано в десятках изданных книг, и притом довольно подробно. Коснусь только моей личной деятельности в качестве культорга, так как до сих пор я не встречал описания работы этой единственной кроме санчасти гуманитарной организации в лагере.

Моё положение в качестве культорга укрепилось с появлением нового начальника, или как эта должность была переименована — инспектора культурно-воспитательной части, Андрея Ивановича Вогинова. С назначением вольного начальника отпадала причина, могущая препятствовать моей работе, а потому я с помощью Лёни Гридюшки, стремившегося вернуться обратно на должность пожарного, водворился в культурно-просветительскую каморку, помещавшуюся рядом со сценой в столовом зале, оставив архитектора Хорвата одного доштукатуривать уборную. Может показаться странным, что человек, награждённый столь контрреволюционными и антисоветскими статьями, как я, был выдвинут на пост воспитателя. Хотя большинство обвинений и было притянута за волосы, но на бумаге в моих формулярах они значились, и у лагерного начальства не было причины не верить в их реальность.

Отношение лагерного начальства объясняется двумя причинами. Во-первых, оно смотрело на КВЧ как на что-то не очень серьёзное и не существенное, и её деятельности значения не придавалось, а во-вторых, я никогда не был проведён в штаты, по которым мне полагалось получать 400 рублей, и вследствие чего деньги мне не выплачивались. Я был «исполняющим должность», а это создавало удобное положение: когда надо — культорг был, а когда это почему-либо не устраивало — то его не было, а был художник КВЧ, исполняющий обязанности культорга.

Ещё понятнее: когда нужна была моя работа, я был культорг, когда надо было платить за неё жалование, то я им не был, а был инвалидом, работающим художником при культурно-воспитательной части, а такая работа не оплачивалась, так как по штату такой должности не существовало.

Фактически же для лагерного начальства художник нужнее и важнее культорга, так как он «оформляет» успехи и неуспехи лагерного контингента, расписывая витрины (из досок) производственного успеха бригад в проценте выполнения, расписывая доски «отличников производства». Повсюду были расставлены плакаты с так называемой «наглядной агитацией», заключавшейся в повторении фраз, никем не читаемых, но всем известных, как например: «Будем сегодня работать лучше, чем вчера,

а завтра лучше, чем сегодня» или «Равняйся по передовикам и отличникам производства» и т. п.

На долю художника выпадали также писание плакатов для гарнизона, отделка помещений в бараках, в столовом зале, в кабинетах начальников и в гарнизоне, а также на частных квартирах начальствующего состава. Вероятно, читатель не совсем ясно представляет себе, в чём эта «отделка помещений» состояла, поэтому для внесения ясности я остановлюсь на этом вопросе.

В лагерях все дома снаружи и внутри красятся извёсткой; иногда в эту известь прибавляется краска для «оживления» стен, по верху пускается трафаретный «бордюр». Вокруг ламп на потолке рисуют виньетки и венчики. Некоторым начальникам хотелось, чтобы потолки их помещений были расписаны «коврами», а стены — «зеркалами», что значит расписывание в разных цветах с отбитием филёнок.

Краска для пола была дефицитной, а командирские жены требовали у мужей крашенных полов; мужья доставали охру и синтетическую олифу и просили начальника лагеря дать им «художника» для окраски пола. На это дело направлялся художник КВЧ. Помню, мне пришлось красить пол у майора, командовавшего нашим гарнизоном, и супруга его, очень миловидная и любезная женщина, рассказала, что они переведены сюда из Братска, и что там им красил пол «замечательный художник». Я сказал ей, что для краски пола не так важно быть Репиным, как важно располагать хорошей олифой; синтетическая же олифа не переносит воды и поэтому будет трудно мыть пол, а кроме того пол будет мутным и краска будет линять.

Этим моим замечанием я явно, хотя и не намеренно, причинил неприятность майору. Когда он пришёл домой к завтраку, любезная майорша на моих глазах превратилась в ведьму и, подперев руками бока, всё время пока он завтракал, пилила его за неумение достать нужную краску для пола, которую какой-то другой майор в Братске достал, жалея свою жену и её труд. Майор стоически, молча, выслушал все тирады своей супруги и, уходя, весело подмигнув мне, сказал:

— Валяй, художник, авось и так сойдёт.

Не знаю, сошла ли моя краска в майорском доме или нет, но по окончании работ мне пришлось наблюдать ещё одну характерную сценку. Квартиры гарнизонных офицеров и служащих помещались в бараках бывшего женского лагеря. Проволока была снята, и пригнанные заключённые разматывали её, вынимая колючки и приготавливая её для рубки гвоздей. Делалось это в помещении бывшей столовой лагеря, пол которой был весь покрыт вынутыми колючками.

У выходных дверей сидел конвоир и курил; комната была полна детьми 4–10 лет. Такое их обилие и присутствие меня удивило, и я выразил это конвоиру, указав при этом, что ребята все босиком, а пол покрыт колючками колючей проволоки. Конвоир нашёл моё замечание заслуживающим

внимания и, встав со стула, стал ласковым голосом произносить самые невероятные ругательства, столь оригинальным способом уговаривая детей покинуть помещение.

За работы, производившиеся мною на квартирах начальства, платы никакой не производилось, но жены обыкновенно угощали меня молоком или чем-нибудь таким, чего мы в лагере не имели. Я охотно ходил на эти работы, вносявшие разнообразие в монотонную жизнь и дававшие возможность посмотреть, как живут люди «на свободе».

Должен сказать, что жили они все очень бедно, нехватки чувствовались во всём. Те, у которых были дети, старались обзавестись коровой или козой, так как на рынке молоко стоило 18–20 рублей литр, а среднее офицерское жалованье было около 1200 рублей в месяц. Но и при наличии, скажем, коровы возникали новые трудности с её кормежкой, особенно зимой. Далеко не всегда удавалось разрешить и вопрос о стойле. Мне самому приходилось с другими людьми несколько раз рыть землянки для помещения коз и свиней начальствующего состава.

Естественно, что при том рабском положении, в котором мы находились, злоупотребления начальствующего персонала могли быть очень крупные, но их не было. Те небольшие беззакония, которые случались, вызывались главным образом трудностью и нищетой, в котором наше начальство находилось.

Хуже обстояло дело с начальством из заключённых; здесь главным виновником и угнетателем обыкновенно был нарядчик; за ним следовали бригадиры, хотя должен оговориться, что среди последних было очень много приличных людей. Остальные «придурки» большого вреда заключённым причинить не могли.

После этих отступлений возвращаюсь к теме — «работа культорга». Слово «культура» в Советском Союзе употребляется очень часто в неверном смысле; вы можете услышать выражение «культурный чемоданчик» и др. в этом роде. С «культурой» даже интеллигентные люди часто смешивают цивилизацию, вежливость и ряд понятий, к культуре не относящихся.

Первая задача культорга отражать производительность труда как бригад, так и отдельных лиц контингента, на специально для того установленных досках и в записных книжках. Вторая задача — устраивать любительские спектакли, концерты, налаживать хор, оркестр, готовить всё для киносеансов. Последние давались раз в неделю передвижной киноустановкой. Фильмы, показываемые в этих сеансах, были частично русские, а частично старые иностранные, взятые в Германии в качестве военной добычи.

Затем культорг заведовал газетами. Получаемые центральные газеты распределялись им по баракам для прочтения, а затем они поступали в его распоряжение в качестве валюты для оплачивания разных услуг, оказываемых КВЧ, а также для снабжения ими лучших бригад. К сведению неосведомлённых, должен сказать, что в России газетная бумага употребляется для курения махорки и при лагерной бедности очень ценится обитателями

лагеря. Стенная лагерная газета, толкующая о достижениях и недостатках (крайне бессодержательная), а также ежемесячный стенной «Крокодил», бичующий проступки и недостатки заключённых, находились также в ведении КВЧ, но на 043-м ими занимался только Вотин, а я к ним никакого отношения не имел.

Выдача почты и посылок тоже входила в обязанности Культурно-просветительной части.

Художественные способности лица, работавшего художником КВЧ, будь он культургом или только привлечённым к этому делу заключённым, использовались начальством для удовлетворения своих потребностей в квартирах. Как правило, они за них ничего не платили, но в виде компенсации разрешалось изготавливать картины и для живущих вокруг лагеря «вольных» за плату, правда, незначительную, колебавшуюся между 10 и 30 рублями. Для ориентировки скажу, что в это время хлеб стоил 2 рубля кило, масло — 29–30 рублей, папиросы — от рубля до восьми, а махорка — от 50 коп. до 1 рубля. Картины ценились только писанные маслом и обыкновенно только копии картин русских художников.

В ведении культурга находилась библиотека. Естественно, что один он со всей работой справиться не мог, а потому ему представлялась возможность набирать нужных сотрудников из инвалидных бригад. У меня ближайшим помощником состоял бывший офицер-топограф Царской армии Лапин. Принимая в своё время участие в белом движении на юге России, он вместе с врангелевской армией эвакуировался в Сербию, где вначале служил государственным землемером, а затем много лет в какой-то немецкой фирме в Загребе. Там он и женился. Когда война была в своей последней стадии и советские войска угрожали вторжением в Сербию, он с женой эвакуировался вместе с фирмой в Германию, где после окончательного разгрома был захвачен советскими властями и вывезен в Россию. Там его продержали 6 месяцев, после чего он был реабилитирован и направлен в качестве землемера на Волгу, если память не изменяет, в Куйбышев. Отсюда ему удалось вступить в контакт с женой; она из Германии перебралась обратно в Сербию и жила опять в Загребе, где у них в окрестностях города был свой дом с садом и огородом.

Вначале Лапину было трудно, но вскоре к нему привыкли, и он обжился и через 2–3 года был уже заведующим размежеванием целого района. Но в 1948 году установкой МГБ его землемерно-межевой деятельности был положен предел. В отношении лиц, когда-либо находившихся в рядах белых армий, а также бывших в эмиграции и входивших там в какие-либо русские организации, установка МГБ, как я уже упоминал раньше, гласила, что таковые лица должны быть изолированы в исправительно-трудовых лагерях, куда Лапин и прибыл в 1949 году со статьёй 58-й, гласившей об измене родине. То обстоятельство, что Лапин уже в течение 20 лет был югославским подданным, положения не изменило.

Вторым моим помощником был москвич Борис Григорьевич Островский, несмотря на такую русскую фамилию, еврей. Он у меня ведал процентами, успехами и неудачами производства и труда. С ним я был очень дружен, и мы часто подолгу беседовали. Один случай натолкнул нас на идею «переписки из двух углов» и притом в стихотворной форме. Я рассказал ему как-то рецепт ещё в Гельсингфорсе изобретённого мною десерта: отварной рис с нарезанными бананами заливается сбитыми сливками, а сверху украшается земляничным вареньем. Учитывая невероятную бедность и безвкусие нашей лагерной еды, — воспоминание какой-то необыкновенной и невозможной роскоши. Для Бориса Григорьевича оно было не совсем понятно, так как в Советском Союзе не было бананов, и поэтому оценить их вкусовые достоинства он не мог. Этот разговор совпал с получением им продовольственной посылки из Москвы, и Борис Григорьевич прислал мне лимон в сопровождении записки:

Хоть лимон и не банан,
Но прибыл из южных стран.
Вам нужны сливки и варенье?
Заменит их воображенье.
Овёс! Прекрасный канский рис,
Примите мой презент. Борис.

На это я ему ответил:

Лимон с восторгом я принял,
Со всех сторон его сосал
И солнце юга с соком кислым
Всем организмом воспринял.
За сливки же и за варенье
И распалённое воображенье
Благодарю, съем это в воскресенье
И вас на ужин приглашу,
Не обижаться вас прошу.
P. S. Насчет овса я взгляды разделяю
Его центнерами съедаю,
Но пользы в том не ощущаю,
Хотя и знаю: канский рис
Залог здоровья. Ваш Борис.

Через некоторое время я получил от Бориса Григорьевича небольшой пакетик с финиками с приложением следующей записки:

13.III.53.
З/к Бьёркелунду Б. (при поднесении финика).
Конечно, финик не лимон.
Известно всем, что сладок он:
К нему не нужно и варенья,
Не мучит он воображенья!
Верблюдов шаг и солнца зной

Напоминает он зимой,
Оазис, стройной пальмы тень,
И вновь сверкает зэка день!
Ну, что такое ваш банан?
Плохая пища обезьян!
Мечтать о них удел болванов.
Сожрите финик поскорей
И жизнь покажется милей!
Уйдут решётки и забор,
И восхищённый зэка взор
Увидит пальмы, караван
И персиянки гибкий стан.
Пора кончать, но рифму к «ис»
Я не найду. Вы извините. Ваш Борис.

Мой ответ был таков:

15-3-1953.
Фундаментальность утверждений
О сливках, финиках, лимонах
И кулинарность сих соображений
В лирических и пылких тонах
Пронзали меня тропической мечтой.
Пренебрёг я сибирскою зимой
И насморком сусветным,
Пустился я путём заветным —
Мечтой — за океан.
Но лопнула фантазии пружина
Под натиском сурового режима,
Заборы и решётки
Кладут фантазию на две лопатки.
.....
А финик я всё ж съел,
Вы сами в том свидетель.
Я душу им и ум согрел,
Благодарю Вас, мой радетель!
Он сладок был и без медов,
В том мне поверите без слов.
Никто из нас не был бы циник,
Съедая в день заветный финик.
Благодарю Вас за сюрприз!
Жму Вашу руку. Ваш Борис.

Это стихоплётство нас так забавило, что мы ещё около полугода переписывались друг с другом, выдумывая поводы, к которым можно было придраться для стихотворных излияний.

Список моих сотрудников не будет полным, если я не упомяну Илью, дневального культурно-воспитательной части. Илья был колхозник, в лагере же он был категорийным работником лесоповальной бригады. Та пара дополнительных мисок супа и каши, которые я мог ему предоставить, побудили его сделаться дневальным КВЧ в порядке добровольной нагрузки. Однако, когда материальное состояние лагпункта улучшилось, в особенности при введении «нового режима» (после смерти Сталина), ликвидировавшего состояние перманентного голода, то бескорыстную деятельность Ильи я мог объяснить, с одной стороны, привычкой к нам, а с другой — тем, что ему льстила причастность к культурно-воспитательной части. Деятельность его реально заключалась в том, что, встав за полчаса до пробуждения, он мыл пол в помещении КВЧ, топил печь (дровами нас снабжала кухня), а вечером после работ, в те дни, когда Вотинов принимал людей, записавшихся к нему на приём для разрешения своих личных или лагерных дел, Илья бегал и вызывал посетителей.

В лагерной зоне был отдельный домик, в котором помещался кабинет начальника лагпункта, служивший исключительно для вызовов туда бригадиров для разнарядки работ следующего дня и провинившихся заключённых для соответствующего внушения.

В этом домике имел своё местопребывание оперуполномоченный, а также была комната дежурных надзирателей. Все эти персоны также имели надобность вызывать к себе людей, в большинстве случаев для неприятных объявлений, а поэтому при домике состоял штатный дневальный, некто Атрошенко. Исходя из его функций, ему была дана кличка «Чёрный ворон», хотя сам Атрошенко очень мало соответствовал этому названию. В прошлом он был административным служащим Восточно-Китайской железной дороги. Неожиданно забыв всё, что он читал в книгах и газетах о Советском Союзе и жизни в нём, он один из первых отправился из Харбина «на родину», вместе с женой, имевшей в Харбине заведение, изготавливавшее корсеты, бюстгалтеры и т.п. Атрошенко надеялись продолжать эту деятельность в России и взяли с собой всю мастерскую из расчёта на 20 мастериц. Все привезённое было конфисковано; самому же Атрошенко припомнили, что он служил в Харбине в американской фирме, правда, в качестве бухгалтера. Но кому же неизвестно, что все иностранные фирмы в чужих странах являются шпионскими организациями, а должности в них зачастую фиктивные? МГБ определило, что Атрошенко должен находиться в исправительно-трудовых лагерях в течение 25-летнего периода. Жена его, не считая возможным разыгрывать из себя Пенелопу, вышла замуж за другого, заклеив первого супруга «дураком» за вовлечение её в невыгодную сделку, повлекшую за собой катастрофу.

Поистине удивительно, как люди желаемое принимают за существующее и на этом основании делают странные поступки! Меня всегда интересовала психология таких «прозелитов», и я при возможности интервьюировал их. Сделал это я и в отношении Атрошенко.

— Вы, Атрошенко, человек с университетским образованием, живя вне пределов Советского Союза и вращаясь в русском обществе, несомненно, читали русские газеты, книги и не могли не знать, что по структуре советского государства никакой частной инициативы в смысле предпринимательства там быть не может. Если вы персонально после 25 лет отсутствия сами захотели вернуться в страну, которую вы считали своей родиной, страну, выдержавшую в войну экзамен на «аттестат зрелости» и тем заслужившую вашу симпатию, то зачем же вы повезли туда оборудование и мастерскую вашей супруги? Ведь вы должны были знать, что применить их на деле вам не удастся, и что даже продать машины и оборудование вы не сможете?

На это Атрошенко мне ответил, что, во-первых, он думал, что после войны условия смягчились, и что частная инициатива будет снова разрешена. А во-вторых, он искренно считал, что всё, что ему пришлось читать в газетах и слышать от других людей, является пропагандой или во всяком случае преувеличением. Поэтому происшедшая с ним катастрофа была для него полной неожиданностью. Сейчас он понимает, что была сделана невероятная глупость, но поправить дело сможет только смерть.

Когда он бегал, вызывая людей к оперуполномоченному и начальнику лагеря, то делал это с таким таинственным видом, что можно было подумать об его причастности к высшим тайнам своих начальников. Возраст — ему было за 60 — и всё пережитое отразилось на его памяти, и он раз десять, вызывая того же самого человека, не мог запомнить, где он живёт, и обращался за указаниями к мимо проходящим заключённым, которые, не задумываясь, посылали его по неверному адресу, в результате чего Атрошенко метался по лагерю, как слепой щенок, тычась по баракам, шёпотом ругаясь дурными словами и не рискуя произнести их вслух по адресу своих мучителей.

Но Атрошенко отвлек меня от дневального Ильи. Илья в скором времени заканчивал свой 10-летний срок и очень сокрушался, что в качестве сидевшего по 58-й статье ему не удастся вернуться на родину, а придётся ехать на поселение в Красноярский край. Люди непосвящённые выражали ему сочувствие и утешали возможностью выписать семью на место ссылки, но у Ильи была только жена, которая давным-давно жила с кем-то другим, а с Илей развелась. Илья мечтал вернуться на родину, дабы наказать свою бывшую супругу за неверность и изгнать её вместе с её сожителем из принадлежащей Илье избы. Мечты эти остались мечтами.

В положенный для него срок Илья освободился и «с воли» из Красноярского края написал мне письмо, в котором сообщил, что он уже на пересылке при освобождении подхватил себе жену, «отбив её от Ивана» (кто был Иван, осталось для нас неизвестным), и что теперь он вместе с супругой занимается лесоповалом в Леспромхозе. Он жаловался на «бескультурье», в котором он теперь живёт, и жалел, что покинул лагерь, в котором каждую неделю смотрел кино. О новой жене он отзывался одобрительно

и сообщал, что она хорошо работает, хорошо стряпает и пьёт водку не хуже его самого, но что пока что это развлечение они позволяют себе не чаще одного раза в месяц. На этом наша переписка прекратилась. В этом отношении существовало как будто общее правило: освободившиеся лагерники писали своим оставшимся товарищам одно письмо по освобождению с кратким описанием своей судьбы, и этим всё заканчивалось. За многие годы я знал только один случай, когда освободившийся прислал своим товарищам несколько продовольственных посылок и несколько писем. Чем объяснить это явление — не знаю.

Одним из видов работ культорга в КВЧ было писание и составление разного рода прошений для заключённых, направляемых спецчастью по назначению. Тут были обращения к Генеральному прокурору с просьбой пересмотреть дело, просьбы о помиловании к председателю Верховного Совета²⁶², в ЦК партии и т. д.

Я уже говорил, что среди заключённых было не принято расспрашивать друг друга о причинах, приведших их в лагерь или в тюрьму. Но слушать рассказы других и верить им или не верить — никто не воспрещал. Безусловно, очень много людей сидели безвинно, или если вина и была, то не заслуживала того наказания, которое они получили.

Однако я заметил, что рассказывавшие в большинстве случаев обходили молчанием именно тот момент, без которого вся их история или, вернее, последствия её были совершенно абсурдны. Бывали, конечно, исключения, встречались и люди, вообще ничего о себе не рассказывавшие. Обращавшийся ко мне с просьбой написать прошение или заявление был принуждён рассказать своё дело так, как оно было в действительности, и тут для меня открывались вещи, часто совершенно не соответствовавшие предыдущим рассказам данного человека.

Выяснялось, что очень милый и на вид безобидный товарищ был старым партийцем с причастностью, с одной стороны, к комсомолу, а с другой — к ГПУ; что после многих лет такого рода деятельности, попав в плен к немцам, он каким-то образом оказался преподавателем в школе шпионажа, организованной немцами для советских пленных. Другой, выдававший себя за педагога, пострадавшего за нахождение в районе оккупации, оказался чекистом и гепеушником, и при том палачом, и фактически оказался осуждённым за то, что перед оккупацией немцами Грозного²⁶³ он расстрелял не того, кого ему было назначено расстрелять, а другого.

Бывало и так, что состава преступления не было, но из всего поведения подсудимого чувствовалось нежелание жить под советским режимом; в таких случаях давался § 7–35, а именно «социально опасный». В этих случаях в прошении фигурировали доказательства того, обычно малоубедительные, что такое подозрение неосновательно.

Большинство же прошений ничего интересного не содержали и только доказывали, что ОСО и Трибунал, боясь промахнуться, давали за самые незначительные проступки максимальные по статье закона наказания,

а зачастую применяли не соответствующие статье. Это обстоятельство не покажется странным, если принять во внимание низкий культурный и образовательный уровень прокурорского надзора и судейского состава.

В бытность мою на 43-м лагпункте происходили выборы в Верховный Совет, мне было поручено разукрасить выборные витрины с печатными портретами и жизнеописаниями кандидатов.

Один из них был шеф Тайшетской полиции, или по-советски — милиции. В его жизнеописании было сказано, что он в продолжение 5 лет работал прокурором и настолько заинтересовался юриспруденцией, что теперь, будучи назначен начальником полиции, заочно обучается на юридическом факультете, дабы в будущем вернуться к судейской деятельности. Не странно ли, что человек, проработав 5 лет на каком-либо поприще, начинает обучаться тому делу, которым он занимался эти годы без всякой подготовки?

И ещё одно. Я не знаю, каков социальный состав Верховного Совета, но в бытность в Вятлаге я знал, что в члены Совета был выбран полковник Кухтиков, занимавший должность начальника управления нашего лагеря, по старой терминологии, он был жандарм. Здесь же один кандидат был начальником милиции, а другой — бывшим офицером МГБ, то есть бывшим жандармом, по совместительству в то же время занимавший должность в противопожарном деле.

Однако до 1953 года те апелляции и прошения, о которых я только что говорил, оказывались безрезультатны и в большинстве случаев исчезали в недрах управления лагеря, точнее, в его мусорных корзинах. После смерти Сталина сама власть сообщила нам, что дело обстояло именно так, но что теперь даны новые директивы, и все инстанции, через которые пойдут наши заявления, обязаны извещать нас о поступлениях оных и о дальнейшем их направлении. Так оно и стало в действительности, но результат реформы для заключённых был, по крайней мере, первые два года не заметен.

Прошение писалось безвозмездно, но обыкновенно заключённый, обратившись с просьбой, старался отблагодарить пачкой махорки, коробкой папирос, наконец, просто парой огурцов, которые незадачливый проситель где-либо раздобыл.

Писание прошения дало мне большую практику в этом деле, и, будучи уже дома в Финляндии, я написал прошение одной женщине, сын которой находился в Магадане после отбытия им 10-летнего срока в лагере, и через два месяца после моего прошения молодой человек явился к матери в Финляндию. Конечно, это не было результатом только моего умения писать прошения, а пожалуй, в большей мере — последствием изменившейся обстановки, однако её предыдущие обращения, написанные нашими юристами, результатов не дали.

Я уже упоминал, что заключённым в спецлагерях разрешалось писать два письма в год (получать письма они могли в неограниченном количестве). Отправка писем производилась в один, заранее назначенный день для

всего лагеря. Обыкновенно эти сроки падали на весну и осень. До 1954 года писать за пределы Советского Союза запрещалось, как для советских подданных, так и для иностранцев. В связи с письмами и их отправкой мне пришлось познакомиться с любопытной подробностью организации советских финансов.

Незадолго до очередного срока писания и отправки писем мой начальник лейтенант Вотинин получил из отделения предписание озаботиться снабжением всего лагерного контингента бумагой, конвертами и марками для писем. Это было легче сказать, чем сделать. Реальных денежных ресурсов у КВЧ не было, а вопрос касался снабжения 2000 человек. Считаю скромно по листу бумаги, конверту и по одной почтовой марке, это должно было потребовать около 4000 рублей, которые мы, правда, получили бы от контингента обратно, но которых мы сами не имели, а потому затратить не могли. Естественно, что мы обратились к кредиту, попросив ларёчницу достать нам бумаги, конвертов и марок и обещав рассчитаться по распределению их. Ларёчница пообещала пойти нам навстречу в отношении финансов, но марок достать не могла, так как ларёк не имел права торговать ими. С бумагой, впрочем, тоже ничего не вышло за отсутствием её на базе. Посланный на разведку надзиратель сообщил, что всё нужное можно достать в ларьке соседнего леспромхоза, но там требуют деньги на стол.

Тогда мы обратились в нашу лагерную бухгалтерию с просьбой снабдить нас взаимобразно нужной суммой. Из бухгалтерии нам ответили, что они наличными деньгами не располагают и все свои миллионные платежи и получки производят перечислением стоящих в документах сумм со своего счёта на счёт отделения и обратно, в зависимости от надобности. Что же касается наличных денег, то их нет ни в отделении лагеря, ни в отделении Госбанка в Братске, который тоже всё перечисляет с одного счёта на другой, не имея сам в своей кассе ни одной копейки.

Начальник почтовой конторы в Анбезе, через которую шла вся наша корреспонденция, решительно отказался пойти нам навстречу, заявив, что продавать марки в кредит не имеет права — это раз, а два, что у него такого количества марок вообще нет и не предвидится. Тогда я заинтересовался, каким же образом заключённые снабжали себя бумагой и марками до распорядка отделения? Оказалось, что частично они получали всё нужное в посылках от родных, а частично посылали письма без марок, причём, по их словам, последнее было даже надежнее, так как почта довольно ревниво относилась к сбору штрафа за нефранкированное письмо и последнее никогда не пропадало, чего нельзя было сказать об оплаченной корреспонденции. Выяснив положение дела, я посоветовал моему начальнику не создавать себе ненужных забот и предоставить делу идти так, как шло раньше. Так он и сделал.

О сценических должностях культурно-воспитательной части я лучше не буду говорить: они минимальные, и так называемая самостоятельность влачила жалкое существование, что отчасти объяснялось отсутствием меце-

натства со стороны начальства. В общем жизнь текла, как в каком-нибудь Богом забытом посёлке с соответствующими интересами и дрызгами.

Но вот подошёл 1953 год, оказавшийся переломным в истории России. Умер Сталин. Ещё в Царские времена смена Государя обыкновенно влекла за собой изменение политики. Поэтому неудивительно, что у нас возникли смутные надежды. Любопытно отметить, как сведения о смерти Сталина дошли до нас. В один из дней кто-то рассмотрел на здании казармы конвоя красный флаг в трауре. Пошли догадки: кто из «вождей», выражаясь по-лагерному, «дал дуба». Большинство предполагало, что это Сталин, а меньшинство говорило, что трудно надеяться на такое счастье. Начальство в лагерь не показывалось, а надзиратели на вопросы отвечали:

— Мы не знаем, вам, наверно, начальство само скажет.

И только во вторую половину второго дня начальство без всяких комментариев сообщило, что Иосиф Виссарионович Сталин скончался.

Лагерь оказался на осадном положении, надзиратели десятки раз обходили бараки и днём и ночью, а ещё ночью конвой каждые 20 минут освещал зону ракетами и чуть не спалил один из наших барakov. На этом всё кончилось, и жизнь вошла в свои обычные рамки. Единственно, что изменилось — это тон наших начальников: они стали с нами вежливы, а подчас даже заискивали.

Весной же была объявлена амнистия вора́м и разбойникам, сделавшая весь наш район за зоной жизнеопасным. Позже мне рассказывали, что волна освобождённых докатилась до самой Москвы, и там происходили такие случаи: останавливали на улице трамвай и, раздев всех пассажиров, говорили:

— Теперь поезжайте дальше.

Почти год потребовалось на то, чтобы переловить выпущенную уголовщину и засадить её обратно по лагерям и тюрьмам.

Политических амнистия фактически не коснулась, несмотря на её формулировку, что она распространяется на лиц, осуждённых по 58-й статье, имеющей сроки до 5 лет. Из двухтысячного населения лагеря только 5 человек имели пятилетние сроки, и они не имели 58-й статьи, а были осуждены за хулиганство и попали к нам в спецлагерь только потому, что в начале 30-х годов отсиживали в лагерях по 58-й статье. Но и этих пятерых освободили только в конце года, оправдывая такую проволочку необходимостью иметь для освобождения санкцию Москвы. Вообще 1953 год, кроме этих событий и расстрела Берии, ничем особенным в нашей лагерной жизни не отличился от предыдущих лет, и возникшие у нас надежды завяли, не успев расцвести.

Пришёл 1954 год. Перед праздником 1 мая, который в лагере отмечали двумя свободными днями, концертной самодеятельностью и сеансом кино, я был вызван к оперуполномоченному. Это меня не удивило и не обеспокоило, так как вызывал он меня довольно часто по вопросам, связанным с моей должностью, и главным образом по «красочным делам»: то ему

нужно было выкрасить чернильницу, то чемодан, то узнать, какую краску достать для пола, или поручить моему переплётчику переплести книги или служебный журнал и так далее.

Но на этот раз вместо уполномоченного передо мной оказался совершенно неизвестный мне офицер в чине старшего лейтенанта, отрекомендовавшийся мне Ляпкиным. Аналогичная фамилия встречается у Гоголя в комедии «Ревизор» с той только разницей, что носитель её был не чекист, а судья, и был не только Ляпкин, а Тяпкин-Ляпкин. Поэтому я немедленно осведомился у неожиданного собеседника, не имеет ли он соответствующей приставки, на что он ответил мне отрицательно. Поговорив на общие темы, он перешёл к делу, а «дело» было не совсем обычного характера.

В Копенгагене советское государство строило суда на датской верфи Бурмейстера²⁶⁴, и поэтому там находилось много советского люда, среди которого кто-то пытался вербовать агентуру для английской разведки. По данным советской разведки, этот человек, в прошлом морской офицер, в начале двадцатых годов был представителем какой-то английской фирмы в Гельсингфорсе. Фамилия его была советчикам неизвестна, а в Копенгагене он выступал под вымышленным именем и для пущей конспирации отпустил бороду. Для облегчения моей задачи опознания агента Ляпкин достал приказы о производстве из Морского корпуса за 1908, 1910 и 1912 годы, так как, по советским данным, этот офицер принадлежал к одному из этих выпусков.

— Гражданин следователь, то лицо, которое дало вам это поручение, просто посмеялось над вами. Подумайте сами: я 8 лет сижу в советском лагере, а вы обращаетесь ко мне с вопросом, кто это гуляет по Копенгагену с привязанной бородой и соблазняет ваших людей. Откуда я могу это знать? Кроме того, в тоне, в котором вы мне всё это сказали, звучит дружеская нота о просимой любезности. Гражданин следователь, я не чувствую никакой склонности делать любезности учреждению, которое меня сюда посадило. Я ещё допускаю, что советская разведка, привыкшая иметь дело с продажной сволочью, предложила бы мне приличное вознаграждение за открытие этого секрета, но она хочет получить это даром. Очевидно, она считает меня дураком.

Следователь растерялся, и сказал, что он и сам думал, что вряд ли я здесь смогу быть полезен, но им в оперчекаотдел прислали это дело из Москвы, и оно долго лежало без движения, а теперь в Москве, видимо, вспомнили о нём и запросили ответ.

Расстались мы с Ляпкиным по-хорошему, и при расставании он сказал, что, вероятно, нам ещё много придётся беседовать по этому поводу. Но в этом он ошибся — мы расстались с ним навсегда.

НОВЫЕ ВЕЯНИЯ

Я думаю, что ни один культурный народ не осведомлён так мало о том, что совершается на земном шаре, как советский. Просидев 10 лет в Советском Союзе, я не имел никакого представления о событиях в Финляндии. Как-то в 1949 году я прочёл во Владимирской газете «Призыв»²⁶⁵, что советская власть требует выдачи из Финляндии нескольких лиц, плохо обращавшихся с русскими военнопленными во время войны. В этой заметке упоминался финляндский премьер-министр Пеккала²⁶⁶.

В течение ряда лет после этого я не знал, кто стоит у руля правления в Финляндии, но зато я неоднократно читал авторитетные высказывания руководителей финской коммунистической партии в такой форме, что можно было подумать, что именно они определяют судьбу моей страны. Ещё более сумбурные представления мы имели о международных событиях. Мы напоминали собой людей, старавшихся по игре теней на стене составить себе картину происходящих действий.

Внутренние события также не освещаются советской прессой. У человека, читающего советские газеты, создается впечатление, что в Советском Союзе, кроме усилий для выполнения и перевыполнения различных планов, решительно ничего не происходит. Ни пожаров, ни катастроф, ни преступлений — это поистине какая-то идиллическая страна счастливых состоятельных людей, решительно во всем согласных с властью. Поэтому меня не удивляет доклад, сделанный в Стокгольме какой-то шведской еврейкой о советской молодёжи, которая, в противоположность шведской, руководствуется только высокими мотивами и совершенно чужда какой-либо уголовщины. Любой «советский человек» покатылся бы со смеху от такого утверждения.

В результате оторванности от общей жизни всего мира, когда случается что-либо крупное, чего власть скрыть не может, это является полной неожиданностью для населения. Наступивший 1954 год оказался весьма богатым такими неожиданностями, из которых разрешение для иностранцев получать посылки Красного Креста и писать письма за пределы Советского Союза была для нас, заключённых, одной из самых приятных и ошарашивающих. Пошли разговоры о возможности возвращения на родину, об амнистии, но все эти предположения делались очень осторожно, вероятно, из боязни «сглазить».

Практически же дело обстояло так. Ещё в 1952 году стали по лагерям собирать австрийцев и направлять их в Потьменский лагерь для отправления на родину по заключении мирного договора с Австрией, но ничего конкретного об их судьбе нам не было известно. Летом 1953 года по лагерям была собрана первая партия венгров, румын, поляков, и их повезли на родину, судя по письмам, посланным ими с пути.

По содержанию посылок, получаемых, главным образом, немцами, мы могли констатировать, что некоторые из бывших раньше с нами заключённых оказались дома в Германии. В 1954 году к нам на лагпункт приехала комиссия во главе с представителем Управления лагеря, устроившая общее собрание всего контингента, на котором было объявлено, что вся политика партии и правительства в отношении нас, заключённых, признаётся ошибочной. В дальнейшем мы должны будем заниматься своим перевоспитанием и приучаться быть полноценными гражданами советского государства. Но это дело будущего, теперь же немедленно снимаются с нас номера, убираются решётки с окон барачков, которые не будут больше запираются на ночь, благодаря чему исчезнет из них вонючая параша. Положительное впечатление этого сообщения было несколько испорчено «представителем управления», неожиданно обругавшего нас всех после какого-то не понравившегося ему вопроса с места и пригрозившего репрессиями.

Незадолго перед этим до нас доползли слухи о больших восстаниях в лагерях Норильска и Караганды²⁶⁷. Сведения эти прибыли вместе с людьми, переброшенными после восстания в наш лагерь. Создалось впечатление, что мы обязаны облегчению режима именно этим восстаниям, а не продуманной программе партийных кругов. Вскоре после первой комиссии приехала вторая, на этот раз из Москвы, сообщившая нам, что Особое совещание является неконституционным органом и поэтому ликвидируется; все же вынесенные им приговоры будут пересмотрены, но... на это потребуется время.

Все это возбудило у всех нас надежды, однако лагерное начальство всячески старалось эти надежды преуменьшить, опасаясь понижения темпа выполнения плана, а потому заговорило о «бессмысленных мечтаниях», хотя все происходившее подтверждало эти «бессмысленные мечтания». В спецчасти составлялись какие-то списки. Начали расконвоировать целый ряд категорий, в том числе людей, имевших 15-летний срок. Поведение и обращение конвоя тоже изменились до неузнаваемости. Раньше и солдаты, и офицеры смотрели на нас волками, на наши вопросы зачастую вообще не отвечали или ограничивались минимумом необходимых слов; теперь же, когда я являлся с малярами отделывать казармы, все было до крайности предупредительно и вежливо, шутили, вступали в разговоры и так далее.

Командир батальона, у которого я когда-то красил пол, весело поздравившись с нами, чего раньше никогда не делал, сказал:

— Ну, скоро, старики, домой поедете к своим старухам.

Когда же мы выразили сомнение, сославшись на слова лагерного начальства, майор заявил, что рабовладельцы всегда заинтересованы в том, чтобы под влиянием ожидания скорого освобождения темпы труда их не уменьшались.

— Верьте мне, скоро все домой поедут, и мы освободимся от нашей неприятной роли цепных псов.

Два немецких военнопленных офицера, бывших в нашем лагере, и в том числе мой друг Фрейман, были отправлены туда, где находились другие немецкие военнопленные. Освободили людей, которым при вынесении приговора по 58-й статье было меньше 18 лет.

Я стал добиваться у уполномоченного получения почтовой карточки Красного Креста, чтобы послать весточку домой в Финляндию, но он отговаривался отсутствием указаний относительно финских граждан. В июле лейтенант Вотинов получил повышение по службе и стал начальником КВО нашего отделения, а на его место был назначен один из надзирателей, милый человек, но не успевший завоевать какого-либо авторитета. Лагерное начальство не считало нужным посвящать нас в те изменения, которые предполагалось произвести во внутрिलाгерной системе, и поэтому мы многого из происходящего не понимали или толковали неверно. Мы не знали, например, что культурно-воспитательная часть станет в новой системе ключевой во всей лагерной деятельности, и вес её начальника увеличится за счёт всего остального лагерного начальства. Поэтому, зная, что я не пользуюсь расположением начальника лагеря и будучи перманентно в контрах с нарядчиком, старавшимся подставить мне подножек везде, где только он мог это сделать, я сказал Вотинову, что с его уходом и моя работа в КВЧ кончится. Вотинов на это ответил, что это возможно, но что он позаботится перевести меня культторгом на 9-й лагпункт, а до этого попросит нарядчика меня не трогать.

Через несколько дней после ухода Вотинова один заключённый по фамилии Задоев был назначен вместо меня культторгом, Фишзон — художником, а я оказался вообще не у дел.

Тогда начальник гарнизона предложил мне работать у него в гарнизоне в качестве художника, на что я с радостью согласился, но начальник лагеря потребовал за меня 600 рублей в месяц, поэтому из этого дела ничего не вышло.

Тут опять выступил мой антагонист-нарядчик.

— Ты всегда подозревал меня в желании причинить тебе неприятность или затруднения, — сказал он.

— Этого и подозревать не было надобности: ты делал мне дрянь, где только мог, — ответил я. — Интересно, что ты сейчас придумал.

— А вот сейчас увидишь, как ты не прав в отношении меня. Я тебе, братец, придумал такое занятие, где ты будешь при деле и ничего не будешь делать.

— Это звучит каламбуром, а как выглядит на практике, не знаю.

— Выглядит это вот как. Ты знаешь, что у нас в рабочей зоне есть конюшня и там три лошади для лагерной obsługi. Там же находятся и три свиньи, фактически принадлежащие заключённым, и вот туда нужен ночной сторож, чтобы ничего не случилось. Ночью можешь спать в конюшне, а днём ты как ночной работник свободен.

— Спасибо, Костя, — сказал я. — Я ничего не имею против этой работы, но, даже зная тебя, я не думал, что ты сделаешь меня свинопасом.

— Ну, знаешь, на тебя не угодишь, я, право, думал не о названии, а о сущности. Ведь тебе буквально ничего не надо будет делать и в то же время никто на тебя не покусится, а там Вотинов устроит тебя культторгом на 9-й, и всё в порядке.

Я проспал на конюшне дня три, когда на четвёртый день, часов в 10 вечера, туда пришёл начальник лагеря.

— Бьёркелунд! — воскликнул он в изумлении. — Что ты здесь делаешь?

— Наблюдаю, чтобы свиньи, гражданин начальник, воспользовавшись ночной темнотой, не напали на лошадей, и наоборот.

— Ну, ладно, запряги мне лошадь в телегу, мне надо съездить в Азебу.

Я начал закладывать, но это выходило у меня неважно.

— Извините меня, гражданин начальник, я ещё не наловчился, через неделю буду запрягать как по маслу.

— Эх ты, — сказал укоризненно Буровцев, — вот смотри, как надо делать. И действительно в 2 минуты заложил коня, прыгнул в телегу, хлестнул вожжами и... лошадь, свободно выйдя из закладки, вырвала в силу неожиданности из его рук вожжи и, пробежав шагов 20, остановилась.

— Ну, так и я мог бы, — заметил я, бросаясь за конём. В конце концов общими усилиями мы справились с закладкой, и Буровцев, стоя на телеге и ухватившись за вожжи, уехал на рысях.

На другой день к вечеру нарядчик пригласил меня к себе.

— Знаешь, Вольдемарыч, я подумал, что, может быть, правда тебе неудобно после культторгства работать ночным дневальным на конюшне. Поэтому вот что, отдыхай и ничего не делай, я тебя не побеспокою, только старайся начальству на глаза не попадаться.

Я рассмеялся.

— Спасибо, Костя, а начальства я, между прочим, не боюсь.

Я взял из библиотеки три-четыре книги и в тени самого дальнего барака занялся чтением.

В письмах, получаемых заключёнными, сообщалось, что ожидается амнистия, освобождение всех инвалидов, что иностранцы будут отпущены на родину, лагеря будут упразднены и много других вероятных и невероятных вещей. Начальник отделения приезжал на лагпункт и обращался к заключённым:

— Хлопцы, — и дальше беседовал в тоне доброго отца-командира.

Лично меня с месяц никто не тревожил. Лето — июль — было на редкость хорошее, и, лежа на траве, я перечитал русских классиков. В начале августа пришёл ко мне новый начальник КВЧ и, присев рядом, спросил, отдохнул ли я, и на мой утвердительный ответ предложил помочь КВЧ в её деятельности.

— Культурных сил у нас не так много, так что упускать возможность привлечь их к делу непростительно. Вас же все мы очень уважаем и будем рады, если вы поможете нам в работе.

Я выразил согласие, хотя, зная, что эта идея принадлежит Фишзону, заваленному заказами начальства и потому не успевавшему с лагерной работой. После месячного перерыва я оказался в той же комнате, загаженной теперь Фишзоном до крайности. Но это было не так актуально, так как само КВЧ переехало в другое помещение, большое и более комфортабельное.

НАЧАЛО КОНЦА

В предыдущей главе у меня изложены события так, как они воспринимались мною тогда с моей личной местечковой точки зрения. Того обстоятельства, что за всем происходящим скрывались крупные изменения в системах и методах, я не подозревал.

Это извинительно, если учесть ту полную изоляцию, в которой мы находились, причём наше лагерное начальство прилагало все усилия, чтобы до нас никоим образом не достигали слухи о преобразованиях, амнистиях и освобождениях и так далее. Делалось это ими из боязни нарушения заключёнными трудовой дисциплины и, как следствие этого, срыва плана работ. Будущее показало, что их опасения были не безосновательны, в особенности в отношении иностранного контингента, впоследствии категорически отказывавшегося от всяких работ, кроме самообслуживания.

Практически дело обстояло так. После смерти Сталина на верхушке шла борьба за власть или за сталинское наследство. Эта борьба была проиграна Берией, который, видимо, претендовал на пост диктатора и имел к тому все предпосылки — собственные войска, тайную и явную полицию.

Не мне рассказывать, как это произошло, так как я находился в заключении и руководствовался только газетами и рассказами людей, которые ничего реального не видели и не знали.

По окончании первого акта этой драмы, закончившегося расстрелом Берии и целого ряда исполнителей его предначертаний, в том числе почти всего следовательского персонала, который вёл мои дела, власть оказалась вынужденной провести меры, вытекавшие из объявления незаконными и неконституционными постановлений свергнутых лиц и тех органов министерства Государственной Безопасности, от имени которых они проводились.

Таким образом, нам было сообщено, что все дела, рассматривавшиеся Особым совещанием, будут пересмотрены; попутно будет проверено, насколько законны постановления судов и трибуналов и т.д.; короче говоря, обещали пересмотреть все дела, касающиеся 58-й статьи с заверением, что сделанные ошибки будут исправлены. Первое, что до нас дошло, — это освобождение лиц, осуждённых по 58-й статье, но не достигших в момент судимости 18 лет, то есть совершеннолетия. Понятно, при многочисленности контингента, находящегося в лагерях по 58-й статье, провести быстро все освобождения не представлялось возможным, так как по структуре советского государства каждого такого освобождённого нужно было либо устроить, дав ему работу, либо в зависимости от возраста поместить в инвалидный дом.

С иностранцами вопрос тоже обстоял не совсем просто. Обыкновенно в европейских газетах говорилось о «немецких военнопленных», но прак-

тически рядовые немецкие военнопленные были раньше этого отправлены домой; оставались лишь те, которые обвинялись советской властью в «военных преступлениях». Это, конечно, вздорная классификация, так как «военных преступлений» быть не может, на войну идут убивать друг друга, и тот, кто больше убьёт, получает награды и считается героем. Категория «военных преступников» выдумана, главным образом, американцами и большевиками. Но если к военным преступлениям причислять убийства гражданского населения противника, то пальма первенства, несомненно, принадлежит американцам и после них — англичанам. Самым же выдающимся военным преступником был, несомненно, президент Труман: достаточно вспомнить Хиросиму²⁶⁸.

У большевиков понятие «военного преступника» не совсем совпадало с американцами, и в число таковых попадали самые неожиданные люди. Так со мной сидели два немецких «военных преступника», причём один из них, Рудольф Фрейман, был переводчиком при каком-то немецком штабе, так как прилично владел русским языком. Ему была дана статья, говорившая о шпионаже, так как, присутствуя при допросах, он спрашивал и выведывал военные тайны. Другой был некто Карге, он имел § 4, гласивший о помощи международной буржуазии в борьбе с коммунизмом. Но это были частные случаи. В общем же порядке я искренне желаю американцам, введших в эту войну старинный обычай вешать потерпевших поражение противников, не испытывать это на себе, хотя это и было бы вполне ими заслуженно.

Принадлежащих к категории «военных преступников» немцев в СССР было около 12 000, и сосредоточены они были в Уральских лагерях. Главная же масса состояла из людей, захваченных в Германии после войны, вплоть до лиц, принимавших участие в Берлинском восстании²⁶⁹. Эти люди были рассеяны по всем спецлагерям и во много раз превышали количество военнопленных. Но в целом вопрос об иностранцах разрешался для советских властей просто: всех их надо отправить домой. Зачем понадобилось придавать этой операции видимость акции со стороны соответствующих правительств, якобы выступивших с просьбой о «прощении» и возвращении на родину их подданных, — мне не понятно. Но сделано это было и в отношении финских граждан. Когда мы уже сидели под Москвой и ожидали отправки на родину, президент Финляндии Паасикиви, находившийся с визитом в Москве, просил отпустить нас домой.

Как я уже сказал раньше, в отношении советских людей эта операция была сложнее. Одновременно с этими мерами пересматривалась и переорганизовывалась вся система лагерей и их работы. Вводились три типа лагерей. Первый тип был строгий лагерь для серьёзных преступников, убийц, грабителей и др. Этот лагерь мало чем отличался от существовавших до сих пор; режим был там строгий. Второй тип — лагерь, охранявшийся конвоем, но большинство его обитателей были расконвоированы. В своей внутренней жизни и работе лагерь управлялся «Активом», выбиравшимся заключёнными из своей среды. Актив этот выделял из себя секции — про-

довольственную, производственную, санитарную и т. д., — ведавшие соответствующими частями. Актив из своей среды выбирал председателя и находился под контролем культурно-воспитательной части, во главе которой стоял представитель политотдела, как теперь именовался инспектор КВЧ. Актив мог приглашать на свои заседания начальника лагеря, а также офицеров, возглавлявших лагерные части, для конференции с ними, координации действий и информации. Наказания на заключённых налагались по рассмотрении проступка активом и в размере, предложенном активом. Короче говоря, роль культурно-воспитательной части стала в лагере ключевой, так как она руководила активом, а весь контроль и направление жизни и работ попадали в руки партии через политотдел. Считалось, что при такой системе заключённые будут обучаться «демократии» и понемногу, вовлекаясь в общественную работу, сделаются полезными членами общества.

Наконец третий вид лагеря будет представлять из себя нечто вроде контролируемого общежития. Никакого конвоя не будет, выход за пределы лагеря свободный, как при движении на работу, так и в свободное время, только, конечно, с обязательством отмечаться на вахте. Всё внутреннее управление и контроль осуществляются самими заключёнными через актив. В зависимости от поведения заключённых они могут переводиться из одного типа лагеря в другой. Для неисправимого уголовного и политического элемента расширяются так называемые «закрытые тюрьмы» со строгим режимом. Высылка в Красноярский, Алтайский, Магаданский края как обязательное последствие отбытия наказания по 58-й статье отменяется.

Вся работа в лагерях должна обязательно оплачиваться и не должна быть принудительной, то есть человек, который не желает работать, не может быть принуждён к работе репрессивными мерами; но он имеет право лишь на гарантийный паёк. Дело актива путём убеждения уговорить человека, не желающего работать, изменить свои установки. Нужно сказать, что все эти меры должны быть признаны целесообразными и более оправдывающими название исправительно-трудовых лагерей.

Наконец самым, я бы сказал, «революционным» изменениям подверглась работа следственного аппарата и правила содержания в тюрьмах предварительного заключения. Во время моего пребывания там в камере разрешалось спать от 10 вечера до 6 утра; в остальное время, без особого разрешения врача, воспрещалось не только спать, но и лежать на постели. Нарушение этого правила каралось карцером. Теперь в камере подследственный мог делать всё, что ему угодно, кроме, конечно, нарушения тишины и порядка. Раньше следователь мог вызывать на допрос в любое время и производить допрос неограниченное количество часов. Теперь было введено новое правило, по которому следователь имел право вести допрос только в «служебное время», укладывавшееся в часы между 9 утра и 5 дня с обязательным часовым перерывом на обед. Всякие ночные допросы воспрещаются. Показания следователь должен записывать так, как говорит подследственный, и в его редакции. Особое совещание, обладавшее судеб-

ными функциями, ликвидируется, и все дела поступают в нормальные суды в общем порядке.

Нам, испытывавшим на себе все ужасы сталинской следственной системы, когда каждый подследственный был тем самым уже обвинённым, мало верилось, что такие изменения могут иметь место. Но всё это мы узнали значительно позже; в то же время, к которому относится мой рассказ, мы ничего этого не знали, кроме сообщённого нам нарядчиком известия о переводе всех инвалидов в Ангарлаг, для чего нас отправят на 034-й лагпункт Озерлага, который вместе с нами передаётся Ангарлагу.

Всякое передвижение за пределы лагеря начинается и кончается сдачей постельных принадлежностей, чем мы и занялись. Однако от меня постельных принадлежностей не приняли, сказав, что в списках уезжающих меня нет. Это обстоятельство меня обеспокоило, и я пошёл за разъяснениями к оперуполномоченному, который утешил меня, сказав, что списки уезжающих приходят из Отделения по частям и, несомненно, не сегодня-завтра в них попаду и я, так как сказано, что все инвалиды, без исключения, вне зависимости от статьи и подданства, должны быть из Озерлага изъяты. Я решил воспользоваться случаем и поднять вопрос о праве написать домой открытку Красного Креста, как это имеют возможность делать немцы и другие иностранцы.

— Насчёт их мы имеем указания, а вы финский гражданин, и относительно вас никаких указаний не имеем, — сказал он мне.

— Вероятно, это происходит в силу нашей немногочисленности, — ответил я, — но, логически рассуждая, раз другие иностранцы имеют право писать одно письмо в месяц на родину, то это должно распространяться и на финских граждан.

— Да, по смыслу, конечно, — улыбнулся Садзыков, — знаете что, я вам дам открытку — напишите, только я не могу ручаться, что она пройдёт через Управление.

Я поблагодарил, захватил открытку и побежал в барак писать письмо домой, первое письмо — после написанного мною в 1946 году из Вятлага, за которое я чуть не заплатил жизнью.

«Письмо на Родину» — эти слова будят надежды, волнуют и радуют. Но в данном случае правильнее сказать: наводят на размышления и, увы, отнюдь не радостные. В 1946 году, только что прибыв в лагерь, я написал жене, что для неё иметь такого мужа, как я — всё равно, что иметь мужа на луне, и что она свободна устраивать свою жизнь так, как она хочет. Теперь, через 10 лет, я сижу с пером в руке и собираюсь сообщить жене, что не исключена возможность моего возвращения «с луны» обратно. Будет ли она рада такому обороту дела? Может быть, она вышла замуж или обзавелась другом, может, моё появление создаст трудности если не материального, то морального характера. Если моё письмо дойдёт до неё, а её письмо — до меня, то всё выяснится. Но что бы там ни было, я хочу вырваться из этой проклятой страны нищеты и обмана. Правда, моё

материальное положение плачевно, я не знаю, что стало с моим магазином: жена получила его почти без денег, а большая часть ценностей была увезена со мной в Москву и там конфискована. Оставшееся дело ей мало знакомо и, кроме того, на нём осталось около миллиона долга. Как раз в день ареста я перевёл в Швецию довольно крупную сумму одному человеку, который в то время безусловно вернул бы эти деньги, а теперь, через 10 лет — ищи-свищи ветра в поле!

От моей предыдущей деятельности в качестве рекламиста у меня осталась мастерская с полным и дорогим оборудованием, но после моего исчезновения за это помещение, очевидно, никто не платил, так как мои помощники ещё при мне уехали в Швецию. Короче говоря, я, приехав домой, буквально окажусь у разбитого корыта. Начинать всё с начала в 63 года трудно, чтобы не сказать — невозможно. За 10 лет я не только состарился, но и отстал от жизни. А сама жизнь не только ушла вперёд, но и изменилась. Я могу об этом судить хотя бы по поведению нашего посольства в Москве, ничем не пожелавшего мне помочь и упорно не отвечавшего на мои и моих товарищей обращения к нему. Да и возглавляли это посольство персонажи для меня одиозные: сперва пробольшевицкий гомосексуалист Кай Сундстрём, а сейчас трусливый дурак, тоже с сильным большевистским оттенком, Вуори²⁷⁰. Между прочим, этот господин, когда было заключено перемирие с большевиками, обратился через печать и радио к финскому народу с просьбой не устраивать никаких кровопролитных междоусобиц, а немедленно и дружно приступить к советизации и большевизации страны, говоря, что, хотя это может быть и обидно, но другого выхода у Финляндии нет. И после такой глупой выходки этого человека назначают послом в Москву. Плохо, всё плохо, но в моей жизни было так много неудач, я так много раз стоял перед необходимостью начинать всё сначала, что, быть может, и теперь ещё раз, надеюсь, последний, как-нибудь устроюсь.

Итак, в августе 1954 года я послал первое письмо жене после 10-летнего перерыва. Полученный от неё ответ внесёт ясность в моё положение. К сожалению, письмо моё она получила в ноябре 1954 года. К Новому году я получил от неё две посылки, доказывающие, что моё письмо до неё дошло, но её ответное письмо я получил лишь в апреле 1955 года. Жена за это время, как выяснилось впоследствии, послала мне ещё несколько посылок, но они, побродив некоторое время по Советскому Союзу, вернулись обратно в Финляндию «за ненахождением адресата». Ниже я объясню причину этого явления, а также, почему ответы на письма, посланные мною жене с нового места моего пребывания, были мною получены уже в Гельсингфорсе, присланные из Германии моими товарищами немцами, выехавшими из СССР после моего отъезда оттуда и захватившими их с собой.

Вообще с посылками дело обстояло так. Единственным государством в Европе, проявившим интерес к судьбе своих граждан, попавших в советские застенки, была Западная Германия. Представители Германского

Красного Креста договорились с Советским Красным Крестом о беспошлинном пропуске посылок для заключённых в Советском Союзе немцев. Так как очень многие из них потеряли или не имели родственников, то Германский Красный Крест посылал им посылки от своего имени, собирая для этой цели добровольные пожертвования. Благодаря этому посылки эти получались и немцами из восточной зоны, венграми, румынами и югославами. Для этих людей это было особенно ценно, так как их собственные страны для них ничего не делали, кроме разрешения посылать две посылки в год, но не освободив эти посылки от громадных пошлин и лицензионных поборов, обращавших самую простую посылку в настоящую драгоценность. Должен указать, что Финляндский Красный Крест, очень тепло и заботливо опекавший африканских людоедов, индусов и т.д., встал на точку зрения стран народной демократии и ни в коей мере не облегчил наше снабжение.

Возвращаюсь к августу 1954 года и к 043-му лагпункту. Отъезд наш был назначен на 12 августа, но не были поданы нужные вагоны, и мы находились в двухчасовой готовности, хотя её можно было бы назвать и пятиминутной, так как, чтобы выйти из зоны, нам не потребовалось бы больше времени. Несмотря на это, я чуть не опоздал на этап. Это было утром 18 августа. Я встал и пошёл в уборную; когда же я вернулся в барак, то последний был пуст и кто-то издали крикнул:

— Иди скорее за зону, наши уже все там, сейчас едем.

Я схватил мешок с барахлом и бомбой вылетел за зону и едва успел вскочить на платформу грузовика, как тот тронулся.

Прощай 043-й. Впрочем, прощаться было не с кем. Начальство не сочло нужным попрощаться с нами; кроме жены оперуполномоченного, исполнявшей обязанности начальника спецчасти, никого из них не было видно.

Погрузившись в вагон на станции Азеба, мы проехали кусочек железной дороги, когда-то нами построенной. Ехали относительно просторно и, как говорится, в своей компании. Нам предстояло покрыть пару сот километров, и мы тронулись вечером, рассчитывая утром прибыть на место. Стало темно. Утомлённые нервным напряжением, мы рано заснули под убаюкивающий стук колёс.

ПРИЕЗД

Утром часов в 11, хорошо выспавшись и с хорошим аппетитом, мы прошли небольшой кусок до лагеря 034-го, который вместе с 035-м был передан из Озерлага в Ангарлаг; он был на 100% очищен от своих обитателей и теперь заполнялся инвалидами с лагпунктов нашего отделения. Инвалиды 1 и 2-го отделений были сосредоточены на лагпунктах, для меня неизвестных. На мой бывший 043-й, как я позже узнал, свезли работоспособных иностранцев с других лагпунктов и, пообещав вскоре отправить на родину, зачислили в бригады, работавшие в авторемонтных мастерских. Как я слышал позже, работать эти люди не желали, что, конечно, было естественно, и на этой почве у них происходили столкновения с лагерным начальством, часто принимавшие для обеих сторон очень неприятный характер.

С прибытием на 034-й весь 043-й и вся моя жизнь на нём куда-то отодвинулась. Мои иностранные товарищи были уверены в близкой отправке на родину — им это писали в письмах из дому. Что касается меня, то мои предыдущие «отправки на родину» оканчивались ничем, удерживали меня от надежды. Моё состояние было какое-то странное: с одной стороны, я не мог не видеть, что всё изменилось, но, с другой стороны, я считал, что это изменение подобно изменению декораций в театре; на сцене был раньше сад, теперь — гостиная, а я сижу в публике, и для меня ничего не изменилось — то же кресло и тот же театр.

Начальника лагпункта не было: старый ушёл, новый ещё не вступил в должность. Ушедшим был Мишин. Более шального, грубого, бесчеловечного начальника не было во всём Озерлаге. Груб и нахален он был не только с заключёнными, но и со своими вольными помощниками. Его заместитель с украинской фамилией Яковенко был человек совершенно безобидный, но дурак. Беседуя как-то о грядущем коммунизме с группой заключённых, среди которых был и я, он выразил мнение, что при коммунизме денег не будет, а лагеря будут. Один из заключённых возразил, что коммунизм возможен только при обилии всего, а при этом условии естественно отпадёт преступность. Зачем воровать, если можно получить всего сколько угодно, а значит необходимость иметь лагеря отпадёт.

— Да, конечно, гражданам коммунистической страны они и не будут нужны, лагеря будут необходимы для иностранцев, — ответил Яковенко.

— Вот тебе и на, — не удержался я, — заманчивая картина, но я предпочитаю, чтобы при коммунизме лагеря исчезли и деньги сохранялись, а не наоборот.

Собеседование на этом закончилось. Один из присутствующих немцев, понимавший по-русски, сказал мне:

— Я думаю, этот дурак не так неправ, как это на первый взгляд кажется.

— Возможно, — ответил я, улыбнувшись, — устами младенцев и дураков глаголет истина, не всегда, но часто.

На этом дебаты закончились.

Прочие начальствующие лица на этом лагпункте были довольно безобидные молодые люди с украинскими фамилиями, ещё не выросшие из комсомола. Возможно, что такое впечатление создавалось у меня в силу того, что никто из них никак себя не проявлял, на лагпункте никаких работ, кроме самообслуживания, не производилось, да и этой деятельностью заведовал «актив».

Кухня сразу попала в руки поваров с 043-го, и мне не надо было задумываться, как устроиваться с едой: я её сразу получал в нужном количестве. Однако лежать на боку и плевать в потолок не было чертой моего характера. К тому же я не усмотрел интересных для меня людей, с которыми было бы интересно проводить время в разговорах и в ожидании. Ожидании... чего? Тут мнения расходились. Большинство ожидало скорого освобождения, меньшинство — проведения обещанных лагерных реформ с облегчением режима, пересмотра дел и... освобождения, без малого, с извинением. Читатель спросит, а чего же ожидал автор этих строк? А автор в тот момент ожидал письма от жены, чтобы несколько выяснить своё положение и установить, чего ему было более желательным ожидать. Твёрдой уверенности в близком освобождении во всяком случае у него не было.

Чтобы не скучать и не бродить без дела, я заглянул в культурно-воспитательную часть и сразу же понял, что настоящим хозяином как в КВЧ, так и на лагпункте, был заключённый Яков Гусев, выполнявший обязанности культорга. Это был интересный человек. Сирота с раннего детства, он был отправлен из деревни в город к какому-то «дяде», который и дядей-то ему не был, и перебивался с хлеба на квас, поощряемый к деятельности голодом и подзатыльниками. Как он научился грамоте и счёту, он сам не знал, но, по его словам, он ничего не читал и был дурак дураком. Революция 1917 года застала его унтер-офицером Царской армии с несколькими отличиями, а ко времени Октябрьской революции он уже был активным и убеждённым деятелем коммунистической партии. Началось восхождение по иерархической лестнице с необходимостью обучаться в различных партийных школах и академиях.

Однако личного счастья Гусев в этих своих успехах не нашёл. Он женился на интеллигентной армянке, тоже партийной работнице, стоявшей значительно выше его по развитию. Находясь в кругу её знакомых и друзей, он чувствовал себя в собственном доме чужим и потерянным. В этот период он уже был членом Московского совета. Для партийного карьеры он был очень подходящий человек — «выдвиженец», настоящий пролетарий и безусловно убеждённый коммунист. К 1938 году он уже оказался проректором Свердловского университета.

Когда Гусев рассказывал мне свою жизнь, то на этом месте я прервал его:

— Ну, братец, ты не дурак, но для такого поста, мне кажется, у тебя многого не хватает.

— Ты прав, культуры у меня не хватает, а познаний, которых я нахватался в разных партийных школах и академиях, недостаточно, но в своё оправдание скажу, что если бы ты знал нашего ректора, то я в сравнении с ним настоящий академик.

На этом карьере Якова Гусева оборвалась: он попал в очередную сталинскую чистку, прошёл горькие и тяжёлые мытарства и был приговорён к расстрелу, боролся за свою жизнь и получил замену смертной казни 20-летним пребыванием в исправительно-трудовых лагерях. Жена его бросила и вышла замуж за другого.

Лагерья сначала обернулись для него плохо, он попал в сплавный лагерь, где до поздней осени сидел по пояс в холодной воде, недоедал, недопивал, хворал, но своих коммунистических убеждений не оставлял.

— Почему? — спросил я его.

— Да очень просто. Тот факт, что и среди коммунистов есть сволочи, ещё не означает, что коммунизм плох как учение и система. Вот и христианство в своё время было высоким и моральным учением, а потом появились и инквизиторы, и шарлатаны, и всяческая дрянь. Дрянь, брат, от людей идёт, а не от учения. Кроме же всего прочего, вина за мной несомненно была. Я слишком высоко забрался, не по моим данным, отчего и получил своего рода «головокружение от успехов» — вот судьба и указала мне моё настоящее место. Коммунизм тут не при чём.

Однако в лагерях Яков Гусев довольно быстро сделал карьеру, пройдя все лагерные придурочные стадии от бригадира до заведующего пищеблоком и культорга. По рассказам заключённых, он справлялся даже с Мишиным, что было делом нелёгким. Гусев был из тех немногих старых аборигенов лагпункта, которые были оставлены в качестве административного элемента. Он обладал большими сценическими способностями, имел бархатный и очень приятный баритон и был прекрасным чтецом. Гусев мне нравился, и, видимо, наши симпатии были обоюдными: через две недели после моего прибытия на лагпункт я стал художником КВЧ и ел с Гусевым из одной чашки.

Гусев рассчитывал скоро освободиться. По поводу своего «досрочного» освобождения он писал прошения к ЦК партии и лично товарищу Хрущёву. К прошениям были приложены рекомендации 13 лагерных офицеров до начальника управления включительно, но, несмотря на это, его не освобождали. На своё будущее он смотрел не очень радостно.

— В партии не восстановят, — говорил он, — не знаю, как жить буду, знаний мало, профессии нет.

— Ты, Яков, в актёры иди, — советовал я, — у тебя большой талант, и чтец ты первоклассный.

— Ты думаешь? Что ж можно попробовать, но моё здоровье плохо, съел меня лагерь, сердце никуда, жаба душит. Наверно, скоро подохнуть придётся.

— Нового сердца я тебе не обещаю, но скажу, что с жабой люди долго живут, да и доктор Гордеев говорит, что она у тебя не в сильной форме, я его спрашивал про тебя.

— Ну, там видно будет, постараюсь где-нибудь при клубе устроиться, мне ещё 6 лет до богадельни осталось, на днях 60 стукнет.

В феврале 1955 года Гусева всё же освободили, но из лагеря не выпустили, так как потребовалось подтверждение приговора из Москвы. Произошло это таким образом. В Управлении Ангарского лагеря, находившегося в Заярске, были устроены слёт отличников производства и показательные процессы освобождающихся. От нас поехали несколько человек, в их числе Гусев и доктор Гордеев.

В Ангарлаге происходили спектакли, концерты, танцы, предлагалось угощение, велись беседы, делались доклады начальствующих лиц и... судебные заседания, рассматривавшие дела лиц, представленных начальством на освобождение как отличников производства. Среди последних был и Гусев. Доктор Гордеев рассказывал мне, что Гусев на процессе не оправдывался невиновностью, а сказал, что наказание он заслужил, но что смягчающим обстоятельством является его тогдашняя малограмотность, что своим трудом в лагере он, по его мнению, искупил свою вину, в доказательство чего представил ходатайство об его освобождении, подписанное 13 лагерными офицерами, среди которых фигурировала подпись начальника Управления Ангарлага.

Прокурор со своей стороны выразил сомнение, что Гусев действительно искупил свою вину и усомнился в возможности и целесообразности его освобождения. Однако суд постановил Гусева освободить. Дело на суде разбиралось довольно много, и мои товарищи рассказывали мне о тех из них, которые им показались наиболее интересными. Из них одно осталось у меня в памяти.

Разбиралось дело молодой женщины, отрубившей топором голову своей матери. Она была приговорена за убийство к 10 годам лагерей. Там она проявила хорошее поведение, большую старательность, почему и была представлена к досрочному освобождению. На вопрос судьи, как это так случилось, что она убила собственную мать, женщина объяснила, что она сделала это потому, что мать мешала её счастью: она была против её брака с любимым человеком. Судья выразил сомнение, что родительская власть в наше время, да ещё в советском государстве, так сильна, что нет другого выхода, как убивать родителей. Однако женщину эту освободили.

Мои товарищи отметили как характерную подробность, что все уголовные, получившие освобождение, были немедленно же освобождены, тогда как «политических» направляли обратно в лагерь, где они должны были ожидать утверждения их освобождения Москвой.

Гусеву «освобождение» принесло ухудшение его жизни в лагере. До этого освобождения он как расконвоированный мог ходить за зону в посёлок, который был населён переселёнными сюда после войны молдаванами из Бессарабии, теперь же он был лишён этой возможности. С должности культорга он был снят. Он продолжал выполнять его функции, но полагающегося ему содержания в 400 рублей больше не получал. Сколько времени такое неопределённое положение могло продолжаться, никто не знал.

На этом лагпункте я столкнулся с бывшим офицером Царского флота, двоюродным братом моего одноклассника по Морскому корпусу, Кисель-Загорянским²⁷¹. Он заведовал самодеятельностью и проявлял в этом направлении кипучую энергию. Почему-то я не поинтересовался узнать его фамилию и узнал кто он такой после того, как его отправили в больницу, где он вскоре умер от рака лёгких.

Так как контингент лагеря бездельничал, то самодеятельности отводилось большое место. Хор охватывал человек 50, и руководил им западный украинец Катко, у себя на родине дирижёр самого большого украинского хора «Трембита»²⁷². Драматический кружок насчитывал человек 30, и среди них были весьма одарённые люди. С музыкой дело обстояло хуже: была пара гармонистов, один баянист, имелись и инструменты, но оркестра не составлялось.

Три раза за моё пребывание на 034-м приезжала центральная Ангарлагская культурная бригада, среди участников которой были дочери генерала Семёнова, известного антисоветского деятеля в Восточной Сибири и Маньчжурии²⁷³. Сам он был выдан большевикам и повешен в 1946 году.

В этом же лагпункте я смог проявить себя в качестве художника значительно больше, чем ранее, так как имел возможность достать краски. Около 1 января я получил от жены одновременно две посылки, тоже с красками и кистями. Кроме того, на меня целиком лёг лагерный стенной «Крокодил», где я ежедневно не только помещал шесть злободневных рисунков на события в лагере, но и писал тексты к ним, и при этом в стихотворной форме. Здесь мне помогла практика стихоплётства с Б. Г. Островским.

Для примера, как такой «Крокодил» составляется и как я его иллюстрировал, приведу такой случай. Среди заключённых был зубной врач немец Рот. Он занимался зубоврачеванием не только на самом лагпункте, но с согласия начальства практиковал и за зоной, для чего был расконвоирован.

Однажды он вернулся со своей практики в таком приподнятом настроении, что был обыскан на вахте, причём у него была найдена бутылка водки и, судя по его состоянию, такое же количество живительной влаги находилось и в нём самом. Больших неприятностей он не имел, ему только пригрозили отобранием билета для свободного выхода за зону, если он позволит себе ещё раз явиться в таком виде.

Мне было дано указание прохватить его в «Крокодиле». Я выполнил это так: нарисовав Рота спотыкающимся о пеньки с бутылкой водки в руках, и поместил под этой иллюстрацией следующее:

По профессии наш Рот
Всем заглядывает в рот,
Но однажды у ворот
Заглянули ему в рот,
А оттуда как из бочки
Потянуло ото дна
До ближайшего лесочка
Крепким запахом вина.
Обещает нынче Рот
Не брать водки больше в рот,
Коль ж оказия случится
И несчастье приключится —
Не его в том, знать, вина:
Больно силен сатана.

Каждую неделю требовалось отметить шесть случаев соответствующими рисунками и текстами. Обыкновенно попавшие не обижались, но в большинстве случаев просили нарисовать им на память сделанную карикатуру и подпись.

Рождество или, вернее, Новый 1955 год мы встретили большой концертной постановкой, и Дед Мороз, олицетворяемый доктором Зелингсоном, пожелал нам в этом Новом Году оказаться дома, что вопреки всем обычным новогодним пожеланиям для большинства сбылось. В начале года случились несколько смертей от разрыва сердца, в начале февраля разгулялся грипп и под заболевших пришлось отвести отдельный барак.

Но в общем все чего-нибудь ждали: немцы — отправки на родину, русские — освобождения, я — письма от жены. После гусевского «освобождения» представитель политотдела спросил меня, не займу ли я, по уходу Гусева, место культорга. Я сказал, что надеюсь уехать вместе с прочими иностранцами, кроме того я не думаю, чтобы меня как иностранца политотдел утвердил бы в этой должности. На это мой начальник сказал, что, насколько он слышал, меня не предполагают никуда отправлять, а немцев собираются переселить на другой лагпункт, а не на родину, как они надеются. Что же касается политотдела, то он уже дал своё согласие на занятие мною должности культорга. Признаюсь, меня это обескуражило.

Я посоветовался с Гусевым.

— Чёрт их знает, кто из них врёт, а кто правду говорит. Вот эти полковники, приехавшие из Москвы, прямо сказали, что иностранцев отпустят домой, а советских граждан, пересмотрев их дела, освободят. Так оно по смыслу и должно быть, но вот меня освободили по суду, а я здесь сижу и не знаю, когда и куда тронусь. Относительно твоего назначения культорг-

гом — ты не брыкайся, а бери должность. Если будет приказ об освобождении, то местное начальство тебя всё равно удержать не сможет.

В марте на солнечной стороне бараков таял снег и чирикали воробьи. В то время к нам приезжали представители из Москвы, представители Управления лагеря, ещё какие-то представители кого-то и чего-то. Все давали разъяснения, обещания и обнадеживали скорым освобождением. После их выступлений и обещаний у нас создавались неожиданные трудности, так как люди отказывались что-либо делать, и нам приходилось применять весь свой авторитет, чтобы лагерь не оставался без топлива и воды и всё более или менее функционировало.

За несколько дней до первого апреля было объявлено, что немцы уезжают. Куда? На это лагерное начальство ответа не давало, но начальник спецчасти сказал мне, что, кажется, они едут на запад. На мой вопрос, еду ли я с ними, он ответил, что пока это ему не известно, но что списки поступают из Управления каждый день. За два дня до 1 апреля нам всем было объявлено об отъезде в ближайшие дни — как только подадут вагоны. Мы стали выпытывать, куда нас везут, но ответа не получили. При проверке по формулярам нам удалось подсмотреть, что место нашего назначения — Потьма: это означало отправку на родину, так как мы знали, что в Потьме находятся пропускные лагеря, где собирают отправляемых на родину иностранцев.

30 марта мы разместились в товарных вагонах и к ночи тронулись в путь. Я сердечно распрощался с остающимися русскими товарищами, в том числе и с Гусевым. Кое-кто из моих спутников ухитрился переговорить с конвоем и от него узнать, что этап будет длинный, что конвой наш из Новосибирска и до Новосибирска же будет нас сопровождать. Погода была сырая и туманная; мокрый снег на земле дополнял безрадостность картины и смущал нас, так как мы почти все были в валенках, промокавших, как клякс-папир.

Итак, прощай Тайшет, прощай Озерлаг и всё, с ним связанное. Из мокрого снега торчали грязно-серые безрадостные постройки молдавского посёлка. Две девушки в растерзанных блузках и высоких сапогах, стоя по щиколотки в грязи, рубили комели на дрова. Кругом всё было серо, мокро и грязно. Несчастные остающиеся люди.

ПУТЬ ДОМОЙ

Вне зависимости от политического строя русские объединяют в себе два качества, которые, казалось бы, трудно совместить, а именно незлобность и жестокость. В большинстве случаев это вызывается отсутствием уважения к человеческой личности или, вернее, к духовной её части. Я думаю, что это качество является последствием многолетнего рабства. Я не читал книги Дудинцева «Не одним хлебом будет сыт человек»²⁷⁴, но, судя по названию, он бьёт не в бровь, а в глаз. Русский человек проявляет заботу в большинстве случаев только в отношении хлеба — сыт, и слава Богу. В противном случае трудно объяснить то, что было сделано с нами в последний период нашего пребывания в СССР, когда партия и правительство решили избавиться от сталинского наследия и разделаться с лагерями в той форме, в какой они были.

В первую голову нас стали лучше кормить и ввели ряд мер для улучшения нашего быта, затем пообещали пересмотреть наши дела, и тех, кто попал в лагеря и тюрьмы «невинно», освободить. Фактически было решено произвести ликвидацию двумя способами: во-первых, путём амнистии всех лиц, преступления которых были связаны с войной, а также и тех, кто был посажен по «установкам» МГБ.

Иностранцев было решено отправить по домам, за пределы СССР. Дела лиц, не попавших в эти категории, решено было пересмотреть индивидуально, но в силу того, что главная масса заключённых как раз состояла из первых трёх категорий, то работа по реабилитации сводилась не к астрономическим цифрам, как это выглядело сначала, а только к сотне тысяч.

Когда при поездках в 1947 и в 1952 годах мне оба раза вполне официально было сказано, что я еду на освобождение, и оба раза это был обман, то это можно объяснить садизмом органов МГБ; хотели «помучить» человека сперва надеждой, а потом разочарованием. Но акция, предпринятая партией при смене режима, не имея ничего садистского, потеряла очень много оттого, что почти целый год нас мучили сомнениями, будем мы освобождены или нет?

Я лично владел нервами во время испытаний, выпавших на мою долю, но как раз за этот год потерял их в силу неопределённости положения. Что могло быть проще, как объявить людям, что они будут отправлены домой, но на организацию этой отправки потребуется некоторое время. Всё успокоилось бы, и наше начальство, и мы сами избежали бы много неприятностей и осложнений, вызванных неопределённостью положения и плохим состоянием наших нервов.

Практически начальством на местах было сделано всё возможное, чтобы погасить у нас надежду на возвращение домой. Мне, конечно, могут возразить: разве было недостаточно признаков и событий, чтобы сделать

самому правильные выводы и зря не волноваться? Да, признаки и события были, но мы столько раз были обмануты, что невольно ко всему относились скептически и с недоверием.

Кроме того, кроме положительных мы могли наблюдать и отрицательные признаки. Как пример этого приведу случаи, участником которых был я сам.

Предыдущую главу я закончил нашим отъездом с 034-го в направлении, нам официально неизвестном, но, по сведениям наиболее зорких товарищей, в наших формулярах значилось, что мы едем в Потьму. Нам было известно из писем наших товарищей, уехавших раньше, что Потьменские лагеря пропускали иностранный контингент за границу. Исходя из этого, мы считали, что находимся на пути домой. Путь, правда, был далёкий: мы знали, что этапный маршрутный поезд должен был покрыть расстояние Тайшет-Потьма не меньше, чем в пару недель. Ко всему этому мы были готовы.

Однако на вторые сутки мы рано утром остановились у какой-то станции, и поезд не обнаруживал намерения тронуться дальше. Это обстоятельство само по себе не вызвало у нас беспокойства, так как мы привыкли, что этапные поезда больше стоят на запасных путях, чем едут, но когда нам было предложено вылезать из вагонов, потому что «приехали», то мы пришли в замешательство. Куда приехали?

Ответ на этот вопрос давала вывеска на маленькой будке, изображавшей станцию, гласившая «Пойма». Это название было настолько созвучно Потьме, что мы невольно решили, что наши «зоркие» товарищи были недостаточно зорки. Ещё более странным было дальнейшее.

Как я уже упоминал, большинство из нас было в валенках, а кругом стояла весна, солнце сияло с безоблачного неба, и снега таяли так интенсивно, что местность казалась сплошным озером, на котором различные постройки и лесочки представлялись островками. Пройти нам предстояло всего километр, но за этот путь наши валенки обратились в пудовые вериги, и если мы вначале пытались находить сухие места, то к концу пути мы просто шли по воде.

Наше положение не стало яснее, когда нас завели в какие-то полуразрушенные, с выбитыми стеклами и дверями, бараки, окружавшие громадный двор, покрытый грязью и снегом. В бараках были остатки сломанных нар, на которые уселись более проворные товарищи; остальные расположились на грязном полу. Всё это произвело на нас настолько ошеломляющее впечатление, что мы даже не говорили друг с другом, а молча сидели, глядя в пространство. Когда кто-то, ходивший на разведку, вернулся с известием, что место, в котором мы находимся, есть пересылка Красноярского лагеря, то мы упали духом и поверили задним числом нашему лагерному начальству, утверждавшему, что мы просто перебрасываемся в другой лагерь.

Появившееся после пересылочное начальство не внесло ясности в положение своим заявлением, что для них мы свалились с неба, и что они понятия не имеют ни того, кто мы, ни что с нами надо делать, ни куда напра-

вить. В одном начальство держалось того же мнения, как и мы, а именно, что здесь, на пересылке, нам оставаться невозможно, так как помещение приведено в негодность уголовниками, недавно учинившими здесь бунт и разгром. Однако в этом единственном общем пункте обе стороны ошибались; мы остались на пересылке и прожили на ней 3 месяца, приведя понемногу всё в порядок собственными силами и средствами.

Теперь я сделаю отступление и объясню то, что нам тогда не было известно и что мы узнали позже. Советское государство — государство централизованное и плановое, поэтому Москва, наметив план нашей эвакуации, дала распоряжение на местах приступить к выполнению этого плана. Как и большинство планов, он оказался трудно выполнимым в том объёме и в той форме, как он был задуман центром. А задуман он был так: иностранцы из Воркуты, Караганды и Тайшетских лагерей должны направляться в Потьму, в Дубровлаг²⁷⁵, а оттуда в организованном порядке, по указаниям из Москвы, этапами отправляться на родину, за границу Советского Союза.

Неувязка была в том, что Дубровлаг не был готов для принятия всех этих контингентов; приехавшие эшелоны с Воркуты образовали пробку, а в этом виноват был сам центр, не успевавший подготовить документы, необходимые для отправляемых. Между тем на периферии приступили к исполнению приказа и отправили первые эшелоны в Потьму, которая по телеграфу известила лежащие на пути пересылки, что она принять людей не может и что этапы надлежит задерживать на таких пересыльных пунктах, где они могут переждать. Это распоряжение застало нас в тот момент, когда мы выбыли из Ангарлага, почему нас и сунули на пересылку Красноярского лагеря, которая, как и управление лагерем, находилась на станции Пойма, название которой похоже на Потьму.

Красноярский лагерь не был в восторге от нашего прибытия, потому что мы закупорили его пересылку. Вначале руководство лагеря утешало и себя и нас надеждой, что наше пребывание там временное, и что мы вскоре поедим дальше, хотя неизвестно — куда именно. Примерно через месяц наша группа пополнилась приехавшими из Караганды. Они выехали таким же порядком, как и мы, и успели доехать до Свердловска, где и застряли. Свердловская пересылка быстро спихнула их к нам, в силу чего эти люди поехали в направлении, обратном тому, которое они предполагали, на восток вместо запада, и притом на расстояние в несколько тысяч километров. Так как и они руководствовались догадками, а ни чем-либо конкретным, то разочарование у них было ещё горше нашего.

Человек привыкает ко всему и со всяким положением осваивается. Освоились и мы. Разломанные бараки мы привели в порядок; камерыместили по 60 человек, а некоторые даже больше. Мы устроили нары и перевели на них людей с пола, наладили кухню, избрали актив для управления нами и зажили своеобразной республикой. Чтобы как-то функционировать, пересылке пришлось пойти на компромисс: она отвела две камеры

в одном из бараков для воров и для них же целую отдельную камеру с большим баракком. При таком распределении получилось, что «суки» оказались в нашей зоне, а «законники» в самостоятельной. При нашем центральном положении мы имели возможность наблюдать, с какой напряжённостью власть принуждена сдерживать свой криминальный элемент и какой антагонизм царит между «ворами» и «суками».

Между нашей зоной и воровской, между двумя тынами, снабжёнными наверху колючей проволокой, проходил как бы коридор, находившийся под прострелом двух вышек, поставленных на двух противоположных его концах. В один прекрасный день, часов в 11 утра, с этих вышек поднялась интенсивная стрельба, и мы увидели, как человек 10 заключённых с неопостижимой лёгкостью перескочили 4-метровый тын и колючую проволоку и, потеряв в коридоре двух человек убитыми, помчались через нашу площадь к бараку «сук». Но так как он был закрыт, то с проворством обезьян они влезли на крышу, выломали дыру метров в 10, раскидали брёвна потолка и, бревном же разбив трубу, стали кирпичами бомбардировать беспомощно метавшихся «сук».

Конвой был введён в зону, но, согласно правилам, без оружия, а только с палками. Пока они вытесняли «воров» сперва с крыши и затем из нашей зоны, те успели убить 4 и поранить 15 «сук».

Капитан, начальник пересылки, отправился в воровские бараки для наведения порядка. Этого ему делать не следовало: «воры» отказались выпустить его обратно. После длительных переговоров капитан был освобождён, но, видимо, пережитые им неприятные минуты стоили ему дорого: когда он выходил из воровской зоны, его лицо было красного цвета, со лба катились капли пота.

Месяц спустя я был свидетелем того, как их вели мимо нас на суд. Охрану сплошной цепью нёс взвод, державший винтовки и автоматы наизготовку. Герои торжества выглядели весьма декоративно в ярких рубашках и с пиджаками, накинутыми на одно плечо, многие со сдвинутой на ухо или на бровь фуражкой или кубанкой, в невероятно широких, сшитых из лагерных матрасов, шароварах, причём у некоторых они были из цветного кретона, что вносило ещё более пестроты в картину. Вся эта процессия медленно двигалась мимо нас. Я слышал потом, что было вынесено 10 смертных приговоров. Были ли они приведены в исполнение — мне неизвестно.

Мелкие стычки, драки и стрельба с вышек были частыми явлениями. Также много раз мы наблюдали через нашу зону из зоны воровской транспорт трупов, завернутых в одеяло, из-под которого торчали ноги, обычно в высоких хромовых сапогах. Так воры творили суд и расправу над своими товарищами, провинившимися перед воровским коллективом.

Для избежания неприятностей пересылочное начальство запрещало нашему контингенту находиться вне бараков в то время, когда «сук» выводили гулять на плац. Это занимало всего один час — между 11 и 12, но, видимо, и среди нашего немецкого контингента были тоже уголовные

элементы, вступавшие в какие-то сделки и переговоры с русскими ворами. Должен оговориться, что ни на 034-м, ни на пересылке ни у кого из нас никогда ничего не пропадало.

Каждая камера выбирала старшего, который наблюдал за порядком и ведал всеми административными и хозяйственными делами камерников. Моя камера выбрала меня. Я мог бы считать лестным, что 60 немцев выбрали старшим не немца, а финна, но произошло это потому, что среди контингента был ряд людей с 043-го, где я в качестве культорга им помогал, а также с 034-го, где я приобрёл много друзей.

Но лестность такого выбора омрачалась неприятностями бытового характера, в большой степени вытекавшими из сравнительно высокого возраста этих людей. Средний возраст был около 65 лет, и хотя большинство из них были интеллигентными людьми, но обстановка и пережитые испытания испортили их характеры, и многие из них очень опустили. Начинались пререкания из-за нежелания мыться вообще и в бане в частности, снимать грязные ботинки, когда ложишься в кровать, и многое другое, за чем я должен был следить и нести ответственность.

Здесь я наконец получил пару писем от жены, прояснивших моё семейное положение, а также заверение, что в ближайшем будущем меня ожидают домой. Однако мы всё-таки не трогались с места и терялись в догадках, отчего происходит такая проволочка. Нас томило безделье. Мы устраивали лекции, доклады, концерты, наладили оркестр, более молодые образовали две футбольные команды.

Пересылочное начальство утверждало, что для них наш отъезд ещё более желателен, чем для нас самих, так как мы забили пересылку и лагерь терпит из-за этого разные неудобства. Наконец в середине июня нам было сообщено, что больше держать нас на пересылке лагерь не может, и потому в виде компромисса нас перебросят на заштатный лагпункт Красноярского лагеря, который, правда, находится в довольно плохом состоянии, но погода стоит тёплая, и вряд ли нам придётся долго ждать своего отъезда. В один прекрасный день нас посадили в поезд, составленный из вагонов прошлого столетия, и мы тронулись в путь.

В РАЗРУШЕННОМ ЛАГПУНКТЕ

Мы ехали по лагерной железной дороге и после получасового путешествия остановились у какой-то будки с небольшим перроном, избравшим станцию. Вечерело, и мы с удовольствием прогулялись по приятной лесной дорожке 7 километров до места нашего назначения — 21-го лагерного пункта Красноярского лагеря, и пришли туда в сумерки. Наши вещи и более слабые товарищи были подвезены на грузовике, но прибыли почему-то позже нас.

Нас пропускали по формулярам, и это заняло довольно много времени, причём я был вызван в самом конце. На лагпункт я попал в двенадцатом часу, когда все места, где можно было лечь спать, были заняты, и я заночевал на скамейке в довольно грязном столовом зале. Перед отходом ко сну я познакомился с парой немцев, раньше нас попавших сюда. Они рассказали, что с эшелонам отправляемых на родину немцев пропутешествовали до самой германской границы, но дальше пропущены не были, так как их документы оказались не в порядке. Из их рассказа я вынес впечатление, что вообще немцы-военнопленные уже уехали из СССР. Встав на другой день рано утром, пошёл искать кипяток и для этого зашёл в один из барачков, где немецкий товарищ Диль предложил мне выпить с ним настоящего чая, полученного им в посылке. Во время нашей беседы проснулись остальные обитатели барака, и не успел я допить свой чай, как был выбран старшим этого барака. Мне была принесена койка, постельные принадлежности, и я обосновался на новом месте.

Барачки были прогнившие, крыши текли, и в общем лагпункт выглядел отслужившим свой срок, но было лето, стояла хорошая погода, и это обстоятельство мало нас беспокоило, тем более, что мы были уверены в том, что зимовать нам здесь не придётся. При нашем прибытии на лагпункт он не был совсем пуст. Было налицо всё начальство, как вольное, так и невольное, и одна бригада, видимо, лесоповальная, укомплектованная уголовным элементом. Одним из минусов было то обстоятельство, что кухня находилась не в нашем распоряжении и питание было плохое. Лагерное начальство примерно через неделю после нашего прибытия стало делать попытки впрячь нас в работу, но встретило с нашей стороны решительный отпор. Под флагом этой борьбы прошло всё наше пребывание на лагпункте.

В середине августа 1955 года я как-то зашёл без всякого дела к нарядчику лагпункта и был им спрошен, не знаю ли я среди немцев финна? Я рассмеялся и сказал, что знаю, и что это я сам.

— А ваша фамилия? — спросил нарядчик. Я назвал её. — Ну так завтра вы едете в Москву, и притом с утра, так что сдайте сегодня постельные принадлежности и приготовьтесь завтра к 6 утра в путь-дорогу, с вами поедет не конвой, а сопровождающий — кто-нибудь из надзирателей.

Произведя все необходимые манипуляции, я распрощался с друзьями, приняв от них ряд поручений. Фактически это оказалось излишним, так как мои товарищи немцы попали домой раньше меня.

Я никогда не забуду последней ночи на лагпункте. Ночь была тихая и лунная, от волнения не спалось, и я сидел на скамейке у барака с неким Ланге, который рассказал мне историю своей жизни. История эта характерна для поколения, попавшего в революцию и во Вторую мировую войну, и поэтому я её расскажу.

ЖИЗНЬ И СУДЬБА ЛАНГЕ

После революции 1917 года ряд национальных областей Царской России отпали от «Великой и Неделимой» и образовали самостоятельные государства. В числе прочих «наследств», полученных этими государствами, был и целый ряд служащих и частных учреждений, которые не пожелали уезжать с насиженных мест во взбаламученную большевизмом Россию. Немногим из них удалось устроиться в новых республиканских учреждениях, большинство было вынуждено искать заработка в частных предприятиях или изобретать возможности существования — неблагоприятное занятие, в таких случаях жизнь показывает себя с трудной стороны.

С Ланге это случилось, когда он был в самом раннем возрасте и ещё не мог отдавать себе отчёта в происходящем. В довершение беды Ланге стал сиротой, потеряв в короткий срок и мать и отца. Однако ребёнок не был оставлен на улице, его подобрало католическое благотворительное общество и поместило в общежитие при одном костёле под надзором и попечением отцов иезуитов, и там он получил среднее образование.

Всё это происходило в Литве, а отец Ланге, русский чиновник немецкого происхождения, был служащим канцелярии виленского губернатора. Домашним языком в семье был русский, хотя все члены семьи владели и немецким языком, как это было принято в интеллигентных семьях Царской России. В иезуитском интернате мальчик Ланге изучил в совершенстве литовский язык и к окончанию среднего образования чувствовал себя настоящим литовцем.

Католические воспитатели, по словам Ланге, очень заботились о своих подопечных, и так как сам интернат не располагал местом для летнего отдыха, то они размещали своих питомцев на летние месяцы в частных семьях, выражавших желание взять товарища для игр своим отпрыскам или гувернёра к младшим детям. Брала их охотно, так как иезуитский колледж был известен строгостью нравов и хорошим воспитанием питомцев.

Последний год перед окончанием интерната Ланге был направлен своим воспитателем в качестве гувернёра к двум мальчикам очень состоятельной семьи, жившей в старинном замке большого имения. Вся жизнь здесь была роскошной и до некоторой степени феодальной. Хозяин и глава дома незадолго до этого умер, и дом возглавила хозяйка, весьма интересная и пышная дама с надменными манерами, но очень любезная в разговоре и обращении. В имении она проводила лето, а остальное время года жила где-то за границей и в Литве бывала только наездами.

С мальчиками Ланге быстро наладил самые лучшие отношения, но с хозяйкой чувствовал себя стеснённым и несколько терялся, когда она за завтраком или обедом обращалась к нему с каким-нибудь вопросом. В другое время дня он её не видел. Кроме того, строгое воспитание,

им полученное, и режим колледжа охранили его от общения с женщинами, и он их побаивался. Дальнейшее показало, что его воспитатели были в этом отношении не совсем не правы. Примерно недели через две после его приезда, когда он вечером лёг спать в своей комнате, туда вошла хозяйка и, извинившись за столь поздний визит, сказала, что была рядом в библиотеке и заодно зашла взглянуть, как он устроен. Оглядев комнату и посмотрев в окно, она неожиданно присела на край его кровати и мягким голосом стала расспрашивать его, кто были его родители и как он осиротел. Когда он удовлетворил её любопытство, она стала гладить его волосы с выражением сожаления по поводу его судьбы и вдруг выскользнула из своего пеньюара и моментально оказалась голой в его постели.

Это произвело на него уничтожающее впечатление, его первое движение было выскочить из кровати, спастись бегством, но это оказалось не так просто. Через минут пять возни женщина овладела им, и это первое переживание совершенно лишило его рассудка. Она ушла от него только с рассветом. На другой день за завтраком она спросила, здоров ли он, так как плохо выглядит, синяки под глазами, бледность: быть может, было бы лучше показаться завтра доктору, который как раз собирался заехать к ним посмотреть мальчиков.

Ночь повторилась, а на другой день приехал из города доктор, не нашедший, конечно, у него никакой болезни, но прописавший укрепляющее: железо-мышьяк. Хозяйка за завтраком и за обедом следила, чтобы юный гувернёр пил микстуру, и когда к столу был приглашён управляющий имением, она, указывая на свою ответственность перед патером за здоровье молодого человека, подчеркнула свою обеспокоенность его состоянием.

Через полтора месяца гувернёрские функции молодого Ланге закончились и он приехал обратно в колледж, страдая головокружениями и настолько похудевшим, что наставник не на шутку встревожился состоянием его здоровья и сказал, что получил от хозяйки самые лучшие аттестации и довольно крупную сумму денег, которая будет передана Ланге, когда он закончит образование.

Когда ему было предложено выбрать дальнейшую профессию, он выразил желание быть военным, окончил военное училище и вышел в литовскую кавалерию. Однажды на верховых состязаниях он столкнулся лицом к лицу со своей первой связью. Она была в сопровождении пожилого господина очень благородного вида. Когда Ланге подошёл чтобы засвидетельствовать своё почтение, она сделала вид, что не сразу его узнала, и, как бы вспомнив, рассмеялась и представила его своему спутнику. Так как прошло довольно много времени, то Ланге невольно отметил, что она очень постарела и из интересной женщины превратилась в даму со следами былой красоты.

Ланге обладал хорошей наружностью, носил красивую форму — он был гусаром, делал хорошую карьеру и блистал на вечерах и балах литовского общества. Незадолго до войны он женился, но в этом он не был счастлив. Когда это событие в его жизни произошло, то ему казалось, что всё было

вполне нормально, как бывает у всех. Однако по истечении некоторого времени один пустяшный случай заставил его задуматься, в результате чего он пришёл к заключению, что в его случае много странностей и начал внимательно приглядываться к жене и окружающей его обстановке. Случай, наведший его на такие мысли и вызвавший сомнения, был таков: идя однажды по улице и повернув за угол, он увидел шагах в 30 впереди себя жену, идущую и разговаривающую о чём-то, что он за расстоянием не мог слышать, с пожилым господином, которого он лично знал, но то, что его жена была с ним знакома, было ему неизвестно. Казалось бы, ничего невероятного и даже подозрительного в том, что его жена знакома с этим господином, как и в том, что она шла с ним по улице, не было, но Ланге вдруг почувствовал, что кровь прилила ему в голову и сердце стукнуло в груди. Прежде чем он что-нибудь успел сообразить и дать себе отчёт, у него мелькнула мысль, что жена ему неверна и именно с этим человеком. Должно сказать, что до того времени он жену не ревновал, да она и не давала ему повода к этому. Мысль о её неверности как будто кто-то подсказал.

После первого шока он решил продумать положение и, круто повернув, пошёл в другом направлении, углубившись в размышления о своём браке и всего с ним связанного. Первое, на чём он остановился, это воспоминание о том, как начался их роман, и тут он сразу заметил странность, на которую раньше не обратил никакого внимания. Он познакомился со своей будущей женой, когда ей было лет 15–16, встречался на вечерах и у знакомых, танцевал и в шутку ухаживал, как ухаживают взрослые люди за молоденькими девушками. Но никакого «романа» у него с ней не было, мало того, он вспоминал о её существовании лишь когда её видел, а в промежутках между встречами никогда о ней не думал.

Когда ей исполнилось 18 лет, у него произошёл разговор с её матерью, очень почтенной и серьёзной дамой. В этом разговоре мать упрекнула его в легкомыслии и сказала, что он своими подвигами вполне оправдывает ту гусарскую форму, которую носит. Поначалу Ланге даже не понял, на какие «подвиги» намекает его собеседница, и спросил её об этом. Дама рассмеялась и сказала, что он опытный донжуан и кружит головы всем барышням в городе. Против этого она ничего возразить не может — в конце концов, это не её дело, но вот что её дочь потеряла голову и сердце — это её огорчает и беспокоит. Для Ланге это оказалось неожиданностью; он стал уверять, что и не думал кружить голову молоденькой девушке, почти девочке, что между ними даже никогда не было разговора романтического характера и т. д. На это мамаша со снисходительной усмешкой заметила, что её дочь очень самолюбива и не высказывает сама своих чувств.

Разговор с матерью произвёл на Ланге впечатление, и он стал приглядываться к девице. Однако ничего, напоминающего о любви, она не высказывала, держалась с ним ровно и спокойно. Иначе обстояло дело с мамашей: она всё время твердила Ланге о любви своей дочери к нему и о возможных

трагических последствиях столь сильного чувства у замкнутой от природы и скрытной девицы.

Предоставляю романисту описывать промежуточные стадии Лангевских переживаний, но в конце концов, когда мамаша поставила вопрос ребром: либо он женится на её дочери, либо их знакомство прекратится, то Ланге почувствовал себя влюблённым и заявил, что хочет жениться. Мамаша пообещала сама переговорить с невестой и передать ему её резолюцию, что и было сделано через пару дней в утвердительном смысле.

Теперь всё это показалось Ланге до крайности странным, и в особенности то обстоятельство, что это не показалось ему странным в своё время. Нормальнее, казалось бы, договориться с девушкой, а потом поговорить с мамашей. Свадьба была отпразднована пышно, с большим числом гостей, и молодые после венца перебрались в собственное уютное гнёздышко и... вот тут-то разыгралась вторая странность: примерно с месяц после свадьбы он не мог добиться благосклонности своей супруги. Она ложилась спать в триковых туго сидящих панталонах, справиться с которыми Ланге не удавалось, так как молодая оказывала отчаянное сопротивление. Наконец ему удалось овладеть ею, но это было фактически почти насилие. Дальше всё пошло как бы нормально, но вот странная встреча, взбаламутившая душу бедного мужа. Впрочем, пройдясь по городу и несколько успокоившись, Ланге решил, что это у него шалят нервы и что, право, нет никакого основания ломиться в открытую дверь, а проще мимоходом спросить жену, откуда она знает этого господина и где она его сегодня встретила. Казалось бы, простая вещь поставить такой вопрос, но Ланге не решился его сделать дня два, выбирая «подходящий» момент, когда вопрос не покажется странным и в голосе его задающего не послышится фальшивой нотки. Наконец на третий день, во время обеда, Ланге момент показался подходящим, и когда жена наливала ему суп, он спросил как бы мимоходом:

— Ах да, совсем было забыл, я хотел спросить тебя, откуда ты знаешь господина N?

Жена, передавая ему суп, без всякой натяжки ответила:

— Это старый знакомый нашей семьи, я его знаю с детства.

— Отчего же он не был на нашей свадьбе, где было полгорода?

— Последние годы он не бывал у нас, у него получились какие-то нелады с мамой, но на свадьбу он прислал цветы и поздравление. Впрочем, его самого, кажется, в то время не было в городе. А отчего ты меня об этом спрашиваешь?

— Потому что я тебя с ним видел пару дней тому назад на улице и удивился, так как не знал, что ты с ним знакома — это раз, а два — не мог сообщить, как ты попала в этот район города.

— Это ты обознался, — сказала жена спокойным голосом. — Я не видела господина N., вероятно, два года и вообще никогда с ним на улице не встречалась. Ты, вероятно, принял кого-то за меня.

Это заявление настолько ошарашило Ланге, что он не нашёл что ответить. Он видел её на улице на расстоянии 30–40 шагов, причём никого другого на улице не было — это был довольно глухой и тихий район. Правда, он видел их со спины, но туалет, шляпа, наконец вся фигура были его жены. Как бы то ни было, червь сомнения глубоко залез в его душу.

Дальнейшему развитию семейной драмы помешала война и предшествовавшие ей события. Как фольксдойч Ланге с женой и тещей перебрались в Германию, где Ланге поступил в качестве офицера на военную службу. Во второй период войны Ланге попал в национальные войска SS, укомплектованные гражданами прибалтийских стран²⁷⁶. Это была идеологически крепко сплочённая сила, дравшаяся при всех обстоятельствах не на живот, а на смерть. Последними своими боями в Курляндии они вписали своё имя в историю под названием «Курляндского котла»²⁷⁷, оказывавшего отчаянное сопротивление, когда русские и американские части были уже около Берлина. Наконец у них подошли к концу амуниция и всяческое снабжение.

Находившиеся вместе с ними немецкие части решили сдаться, но для прибалтийцев вопрос сдачи был сложнее и опаснее. Большевики считали их советскими подданными, и потому командный состав рисковал быть расстрелянным. Да и один ли командный состав?.. Пробравшись через окружавшие их советские части небольшими группами к побережью, они захватили лодки и суда, там находившиеся, и поплыли. Куда? Вот в этом вопросе мнения расходились. Некоторые хотели добраться до Дании, так как не были уверены в порядочности шведов, другие считали такое путешествие, учитывая качество лодок и судов, а также отсутствие запасов, невозможным.

К такой группе в 20 человек принадлежал и Ланге. Добравшись до Готланда, они заявили шведским властям, принявшим их вначале вполне прилично. На выраженное Ланге сомнение в возможности получить разрешение остаться в Швеции и не быть выданным большевикам шведский офицер заверил его честным словом, что дело не может принять подобный оборот. Однако честное слово шведского офицера ничего не стоило. Через несколько месяцев все эти люди были выданы советчикам с самыми гнусными подробностями, которые до сих пор заставляют меня стыдиться, что я ношу шведское имя.

Ланге рассказывал мне, что когда их под эскортом шведской полиции сажали на советский пароход, один из эстонских офицеров обратился к шведскому полицейскому офицеру и выразил ему в ироническом тоне благодарность за гостеприимство²⁷⁸, на что шведский офицер, нисколько не смущаясь, сказал:

— Не стоит благодарности.

Эстонец развернулся и ударил его по морде так, что тот свалился. Когда позже они по пути в Ревель сидели в трюме советского парохода, к ним вошёл молодой советский офицер и спросил:

— Кто из вас дал по физиономии шведу?

После легкого колебания эстонец поднялся и сказал:

— Я.

— Пойдёмте со мной, — сказал советский офицер.

В кают-компании, куда его привели, эстонец увидел человек 10 советских военных, восседавших за столом, уставленным водочными бутылками.

— Вот этот, — произнёс приведший.

Сидевший за столом майор окинул взглядом эстонца и сказал:

— Хорошо сделали. Вот вам, и передайте вашим товарищам.

С этими словами он протянул две бутылки водки, кусок колбасы и буханку хлеба. Эстонец поблагодарил и был отведён обратно в трюм к своим товарищам, где и поделился с ними подарками.

Из выданных несколько человек было расстреляно, а остальные получили по 25 лет лагерей. Здесь уместно будет отметить, что шведское социалистическое правительство предоставило право убежища около 20 000 прибалтийцам, бежавшим после захвата их стран, и выданы они не были. Но когда это убежище понадобилось людям, которые с оружием в руках дрались за свою родину, то это же правительство самым коварным образом, пообещав сперва право убежища, затем схватило их и выдало фактически на смерть.

Теперь Ланге едет в Германию к семье. Что он там нашёл, мне неизвестно, так как это было моё последнее свидание с ним. На другой день в 5 часов утра я отправился из лагеря в последний пробег по Советскому Союзу.

ЛЁД ТРОНУЛСЯ

Лёд тронулся за день до моего отъезда из лагеря, когда в Потьму было отправлено двое югославских подданных, бывших русских эмигрантов, нашедших пристанище в Югославии после Крымского разгрома. Один из них был Сомов²⁷⁹, бывший офицер Императорского конвоя, фамилии другого не помню.

Моя беседа с Ланге кончилась очень поздно, я долго не мог заснуть и в знаменательный для меня день проснулся, не выспавшись. Моё путешествие должно было начаться в 6 часов утра, предстояло пройти около 7 километров до станции железной дороги, откуда поезд должен был доставить меня на Пойму для дальнейшего следования. Следования? Куда? Да, Господи помилуй, конечно, домой, в Финляндию!..

Придётся побывать в Потьме, но вряд ли формальности продлятся долго. Сегодня 15 августа, неделю положим на путешествие, ну, скажем, 10 дней, да там ещё недели две на оформление, так что буду рассчитывать приезд к 15 сентября. Ур-ра! Ур-ра! Ур-ра!

Так думал я, идя прелестной лесной дорожкой из лагеря на станцию в сопровождении молодого симпатичного надзирателя. Впрочем, мне в тот момент всё казалось симпатичным. На станции поезда ждала небольшая группа бедно одетых колхозников, едущих на какую-то работу, и с десятков школьников, едущих в школу в Потьму.

Пассажирского вагона в составе поезда не было, и мы погрузились в товарный, перемазанный известью. Первый этап пути на волю был не комфортабелен: поезд был сцеплен дурно, вагон било, и мы прыгали, наткаясь друг на друга и пачкаясь в извести. К счастью, путешествие было непродолжительное.

Мы вышли из поезда. Обычная в это время в Сибири утренняя свежесть сменилась жарой, и мы подошли к канцелярии пересылки, обливаясь потом. Здесь надзиратель оставил меня на дворе и исчез в каком-то непрезентабельном доме. Через некоторое время он вернулся и сообщил, что сдал меня и мои документы по назначению, что он желает мне всего хорошего и удаляется по своим делам, мне же предлагает посидеть здесь на завалинке, пока меня не вызовет начальство. На мой вопрос, когда это начальство придёт, он сказал, что к 9 часам, а сейчас половина девятого. С этим он удалился.

Часов у меня не было, спросить время было не у кого, и я после продолжительного ожидания пошёл в дом. Там часов тоже не оказалось, а спрошенная мною о времени особа женского пола сказала, что, по её соображению, должно быть часов 11. На вопрос о начальнике и его прибытии она мотнула головой на дверь и сказала:

— Вот он.

В дверях появился молодой офицер в чине младшего лейтенанта с туго набитым портфелем. Осведомившись о моём деле и фамилии, лейтенант порылся в портфеле, вытащил какие-то бумаги и, полистав их, сказал:

— В ближайшие дни вы поедете в Москву, пока же поживёте на пересылке... Вы знаете, где она? Вы там сидели пару месяцев.

— Да, но я не знаю, где пересылка расположена в посёлке.

— На этой же улице, только ближе к вокзалу. Мне некого с вами послать, вы подите туда и скажите, что я вас послал, они вас примут.

— Покорно благодарю, — сказал я, — не мог бы гражданин младший лейтенант мне сказать, в каких целях я еду в Москву и в чьё распоряжение.

— Это лежит за пределами моей компетенции; в имеющихся у меня бумагах цель не указана.

Я поблагодарил и вышел. На пересылке надзиратели встретили меня, как старого знакомого и без малого, поблагодарили за добрую память. Я объяснил им, что хоть мои воспоминания о них и весьма приятны, но пришёл я сюда отнюдь не навестить старых знакомых, а самому поселиться на пересылке до отъезда в Москву.

Они, со своей стороны, осведомились, не уехали ли немцы, с которыми я был, на родину, где и как мы провели это время, и в заключение заявили, что принять меня на пересылку без бумаги от начальства не могут и предлагают пойти погулять часок-другой, а за это время придёт начальство и всё выяснится.

Я согласился, что пересылка, являющаяся фактически филиалом тюрьмы, не может принимать к себе людей на основании выраженного ими желания, и вышел на улицу, убедившись вместе с тем, что ощущение времени у особы, сидевшей в канцелярии пересылки, было неверно: часы вахты показывали всего 10 часов.

Пройдя взад и вперёд по пыльной немощёной улице и насладившись «свободой», я решил подождать начальство у входа в пересылку, чтобы не получить упрёка в «злоупотреблении свободой».

Здесь на небольшой скамеечке я поместился рядом с относительно молодой, но очень изношенной женщиной. Я вступил с ней в беседу и узнал, что моя собеседница — колхозница, приехавшая из Европейской России навестить мужа, находящегося в лагере. Женщина была скупа на слова, говорила неохотно, и наша беседа кончилась. Наступило обеденное время, что я мог определить по бурчанию в пустом желудке, да и соседка моя подлила масла в огонь, достав из платка горбушку хлеба, которую и начала жевать.

— Покушайте, — предложила она мне, протягивая отломанный кусок, — хлеб пустой, не осудите, издержалась на дорогу, почитай, все деньги проездила, дорого всё страсть, а наши колхозные доходы известны, почитай, что ничего, да и мужа вот посадили, дома детей трое, тётке оставила. Тётка говорит, дура ты, за мужиком 5000 километров едешь, будто их здесь нет. А, между прочим, их и нет. Да не затем я ехала — соскучилась, люблю очень,

7 лет замужем, а как первый год. Мне бы только посмотреть на него, 2 года не видала и ещё 3 ждать, 5 лет ему дали.

— А за что его посадили?

— За растрату. Да какая там растрата: картошки колхозной наворовал, семья-то большая, а с едой плохо, ну и махнули на базар, оправиться немного, а вместо того, вот как «оправились», хуже и быть не могло.

Разговор был прерван остановившимся перед нами младшим лейтенантом, спросившим меня, почему я здесь сижу. Я объяснил в чём дело.

— Ну, это мы сейчас уладим, — сказал он, и через две минуты я действительно был принят пересылкой.

Надзиратель повёл меня на новое место жительства во вторую зону, где раньше при нас помещались воры. Бараки, в которых мы жили, были обнесены густой колючей проволокой, за которой виднелась масса разнообразного криминального элемента, напоминавшего благодаря проволочной сетке опасных диких зверей.

— Такое зверьё, — как бы отвечая на мои мысли, сказал надзиратель, — тут теперь чуть ни каждый день кого-нибудь убивают, и бежать хотят, а с вышек их бьют.

В бывшем воровском бараке было пусто, человек 10 «сук» и бытовиков производили ремонт и перестройку помещения, и мне было предоставлено поместиться вместе с ними в большой чистой камере. Народ оказался приветливый и гостеприимный, с надзирателями они были на ты и в приятельских отношениях. Они, видимо, неплохо зарабатывали, так как кроме неограниченного количества казённой еды, был и ситный, и масло, и сахар.

На другой день я получил пополнение в лице двух чехословаков Ковача и Галоши, первый был юрист из Праги, а второй состоял секретарём Белорусского правительства²⁸⁰, организованного немцами во время оккупации. Они рассказали мне, что им зачитали в канцелярии пересылки постановление Верховного Совета, согласно которому их освобождают от несения наказания в советских лагерях и отправляют на родину, но ввиду тяжести совершённого ими преступления остаток срока им придётся отбыть в Чехословакии.

Перед самым моим отъездом с Красноярской пересылки на неё был доставлен один старый немец, фамилию которого я запомнил. Он был в 75-летнем возрасте и всё время болел, отчего был помещён в больницу Красноярского лагеря, где и пролежал до самого отъезда. Встретив меня, он сообщил мне, что с ним в больнице лежал швед по фамилии Валиенберг²⁸¹, который был очень болен, что у него было, он не знал, но состояние, в котором он находился, было плохое, он слышал от немцев обо мне и просил мне передать, что в случае, если я попаду домой в Финляндию, зайти в шведское посольство и сообщить о его местонахождении.

Я очень удивился, что шведский подданный оказался в лагерях и спросил, — каким образом он сюда попал и когда, на что получил разъяснение, что был он захвачен в Будапеште ещё в 1945 году, где он был с Шведским

Красным Крестом. Обвиняли его в шпионаже в пользу американцев, и срок у него был 10 лет. Больше моему собеседнику ничего не было известно.

Через два дня, мне встретился немец Диль из той же больницы, живший после освобождения в Восточной Германии, которого я спросил о шведе.

— Был такой, — ответил Диль, — но он как раз вчера умер и его отправили в мертвецкую.

Больших подробностей он дать мне не мог.

Криминальные товарищи рассказали мне, что накануне моего прибытия уехали в Москву сербские граждане и что им тоже зачитали в канцелярии постановление, гласившее, что они освобождаются от наказания и отправляются на родину. Поехали они в обыкновенном поезде с сопровождающим сержантом. Сопоставление этих сведений навело меня на некоторые сомнения. Прибыли и уехали также с сопровождающими несколько румын и венгров. А я всё сидел. Наконец прибыл персидский дипломат, по его словам, дальний родственник Шаха. Его нарядили в лагерный «первый срок» и на самолёте повезли в Красноярск, откуда он должен был на линейном самолёте лететь в Москву, где его передадут персидскому посольству. Все знали о своей грядущей судьбе, кроме меня. Спросить было некого, так как никто из начальства, кроме дежурного надзирателя, не появлялся.

Наконец, примерно через неделю после моего пребывания на пересылке, пришёл старшина и сказал, что сегодня мы едем в Москву на поезде, идущем в час дня, но этот поезд опаздывает иногда на час, иногда на два-три часа. Зная напряжённость движения по Сибирской магистрали, я удивился возможности таких отклонений от расписания. Тут же я узнал, что мы едем не с сопровождающим, а в общем порядке, то есть в столыпинском вагоне. Это тоже мне не совсем понравилось.

В половине первого за нами пришёл конвой. Наша группа «политических» состояла из двух упомянутых чехов, молодого западного украинца, оказавшегося польским подданным, и меня. Уголовный элемент был представлен значительно многочисленнее: человек 15, из которых одного везли на суд, а остальные ехали на «освобождение» в Красноярск. В этот день, просидев на обочине канавы у вокзала часа три, мы вернулись обратно на пересылку. Поезд не пришёл.

На следующий день наша группа возросла: к нам присоединили человек пять уроженцев немецкого Поволжья, которые по отбытии срока в Красноярском лагере ехали на поселение в Красноярский край. Их везли в Красноярскую пересылку, где они должны были ждать приезда коменданта того района, куда они отправлялись на поселение. Отобрав назначенный ему контингент, он вёз их в свой район, брал подписку в том, что они не вздумают удалиться без его разрешения на расстояние, лежащее за пределами 30 километров от места их поселения, и направлял их на места их будущих работ. Операция такого «освобождения» часто затягивалась на пару месяцев.

На Красноярской пересылке я застал многих немцев с Поволжья, прибывших из Норильска по Енисею и уже два месяца ожидавших приезда своего коменданта.

Наша уголовная группа возросла ещё на несколько человек. Поход на вокзал опять окончился ничем, и мы возвратились часа через два за недостатком мест в столыпинском вагоне. Эта картина повторялась ещё несколько раз, а наша группа выросла до 50 человек. Шансы попасть в столыпинский вагон с каждым днём уменьшались.

Наконец за дело взялся начальник пересылки. Симпатичного капитана, бывшего начальником во время моего первого сидения здесь, уже не было, и личность начальства была представлена теперь в лице мрачного майора. Он сам отправился с нами на станцию.

Подошёл поезд. Солдат, стоявший на подножке столыпинского вагона, на требования майора вызвать начальника конвоя спокойно и без всякой субординации отвечал, что этого не стоит делать, от этого мест в вагоне не прибавится, а сейчас там всё полно, и они имеют строжайшую инструкцию не брать людей сверх комплекта. Таким образом, нас не взяли и на этот раз.

Было забавно наблюдать, как уголовники подбодряли майора при его переговорах с конвоиром:

— Ну что ж ты молчишь? Ты же майор, как же ты позволяешь ему дерзить тебе? Ах ты, офицер, тьфу тебе — с простым солдатом сладить не можешь!.. и т. д.

Майор отмалчивался, а когда на обратном пути горе-путешественники стали снова корить его, он свернул в какой-то переулок.

Когда мы уже совсем потеряли надежду уехать, нас, политических, неожиданно взяли в столыпинский вагон, категорически отказав за недостатком места взять кого-либо из уголовников. Удача сопровождала нас и дальше: в вагоне мы получили отдельное купе и расположились с возможным комфортом. Мы рассчитывали доехать таким образом до Новосибирска, но нас высадили в Красноярске, так как столыпинский вагон обслуживал лишь отрезок Иркутск–Красноярск.

На Красноярской пересылке я был впервые. Это было большое бетонное здание с весьма просторными коридорами и довольно маленькими камерами. Пересылка была битком набита немцами Поволжья, ехавшими после отбытия 10-летних сроков в лагерях на поселение в Красноярский край. Настроение у них было удручённое; они говорили, что если бы была малейшая возможность, они уехали бы из России в Германию, но такой возможности не предвиделось. Некоторые передавали за достоверное, что Аденауэр²⁸² ведёт переговоры о переселении всех желающих фольксдойче в Германию и возлагали на это большие надежды. Несчастные люди! Мечты их не сбылись: Аденауэр действительно начал такие переговоры, но Хрущёв категорически отказался говорить на эту тему.

На пересылке мы пробыли сутки и тронулись дальше в том же составе. Следующая остановка была в Новосибирске, где социалистическое строительство выявило себя постройкой громадной чистой пересылки вместо развалившихся грязных бараков, стоявших, вероятно, с дореволюционного времени. Через сутки мы «снялись с якоря» и через пару дней оказались в Свердловске. На Свердловской пересылке я бывал несколько раз, но только в этот последний я постиг, как громадны её размеры. Тот дом, который я принимал раньше за пересылку, составлял, вероятно, пятую часть всего громадного комплекса.

Здесь по неизвестным причинам мы задержались на добрую неделю и тронулись дальше в Москву в середине сентября 1955 года. С момента моего отбытия из лагеря я находился в пути три недели, но всё не достиг цели. Между прочим, на Свердловской пересылке в моей камере сидело 20 молодых людей, разговаривавших на неизвестном мне языке; они оказались ингушами²⁸³. Этот маленький кавказский народец, как и кабардинский народ²⁸⁴, был рассеян Сталиным по всем углам СССР. Теперь они получили возможность вернуться на родину. Что их там ждёт — неизвестно, так как на их места переселили людей из средней полосы России. Аналогично поступили с крымскими татарами²⁸⁵: этот народ в 2,5 миллиона был рассеян по Средней Азии (Туркестан, Караганда и т. д.). Была ли им дана возможность вернуться, я не знаю. Во всяком случае, экономически они были разорены, всё их имущество, земли и скот получили Советы.

Последний этап Свердловск–Москва шёл на этот раз через Казань. По этой дороге я ещё не ездил. При посадке в столыпинские вагоны мы обратили внимание, что все плохие постройки, серые заборы, всё, что оскорбляло эстетическое чувство путешественника, было прикрыто громадными щитами с лозунгами. Дальше до самой Москвы грязные и серые железнодорожные будки, почерневшие станционные постройки были освежены — двери и наличники дверей и окон были окрашены охрой на воде и клейстере. Это улучшало их вид.

Конвой объяснил нам, что это сделано для «дураков-англичан», так буквально они их и назвали. На наш недоумённый вопрос, каких англичан это касалось и откуда они здесь взялись, нам было сообщено, что в Свердловск приезжали представители английского города Бирмингема во главе с мэром, так как этот город и Свердловск были шефами друг друга²⁸⁶. Мы посмеялись над потёмкинскими деревнями современности. Должен отметить, что постройки станций и поселений на нашем пути были в исключительно плачевном и непрезентабельном состоянии. Растрёпанные крыши из почерневшей соломы, полуразвалившиеся хозяйственные постройки вряд ли могли кого-нибудь обмануть наличниками, покрашенными охрой. Впрочем, того, кто хочет быть обманутым, обмануть нетрудно. Но в общем мы не совсем поняли, почему Бирмингемскую делегацию везли этой дорогой, а не через Горький и Киров. Там виды из окон живописнее и постройки лучше.

Мы интересовались, как выглядит Казань, но проехали её как-то так, что ничего кроме запасных путей, мастерских и каких-то грязных построек не видали. Вообще серый цвет доминировал, и если что-нибудь действительно было выкрашено, то, как правило, в шаровый цвет (известка с сажей).

В Москву мы прибыли около двух часов дня. Конвой забрал двух чехов и объяснил нам, что их везут на пересылку в Бутырскую тюрьму, а я и ехавший с нами поляк-украинец будем направлены на Красную Пресню. Красная Пресня была мною описана уже несколько раз и в старом, и в новом виде, так что больше останавливаться на этом я не буду. В этот раз я просидел на ней полторы недели.

Своей дальнейшей судьбы я не знал, но предполагал, что буду отправлен в Потьму и в этих своих предположениях не ошибся.

Во время моего пребывания на пересылке была объявлена амнистия всем лицам, отбывавшим наказание в связи с войной и осуждённым по статьям 58-3 и 58-2, то есть за сотрудничество с врагом и за измену родине. Насколько мне помнится, в амнистии была какая-то оговорка, но теперь я её забыл. Однако, во всяком случае, эта амнистия означала освобождение очень больших контингентов, и мой 043-й лагпункт предположительно должен был опустеть.

На пересылке мне запомнился один старый матрос Царского времени, плававший на линкоре «Император Павел I». Мы с ним делились воспоминаниями флотской службы и жизни в Гельсингфорсе, где он потерял сердце у какой-то финской прачки и даже хотел на ней жениться, но революция перевернула все его планы, и он ушёл с флотом в Россию. Всё шло хорошо, пока я не спросил его, по какому поводу он попал сюда и куда его везут. Тут меня ожидала неожиданность; мой собеседник совершенно серьёзно сообщил мне:

— Это, видите ли, произошло благодаря моему дару отводить злых духов. Я думаю, Вам известно, что и болезни, и житейские несчастья, и всё дурное в жизни человека причиняют злые духи, и вот мне дан дар их отводить. Для этой цели я внутренне напрягаюсь и набрасываю на них мысленно обручи, которые усилием воли отвожу в сторону, препятствуя им, таким образом, совершать зло. Мне и Сталин являлся, но я и с ним справился. Только он мне отомстил, посадив в лагерь. Но эта месть вздорная, дух мой остался свободным, и я использую каждую возможность для борьбы со злыми духами.

Сейчас я по дороге в Казань из Института имени профессора Сербского (больница для душевнобольных). Я уже раз там был, но доктора отнесли к моим способностям очень поверхностно, они не поверили в мой дар, хотя я на их глазах произвёл опыты над сошедшими с ума людьми, и им явно стало лучше. Они, правда, записали мои объяснения и сказали, что для них это новость и что они должны изучить этот вопрос. Теперь они, видимо, увидели, насколько я прав, и выписывают меня в Казанский институт в качестве инструктора по лечению душевнобольных.

Сумасшествие тоже вызывается злыми духами, раньше их называли бесами, и Вы как человек образованный, вероятно, знаете из Евангелия, как Христос изгонял их из людей. Я не претендую быть Христом, я простой человек, но дар мой от Господа Бога. Коммунисты — они безбожники и слуги злого духа, ну вот они меня и преследуют.

Выслушав всё это и ещё несколько философских рассуждений в этом роде, я убедился, что имею дело с душевнобольным человеком, которого везут в сумасшедший дом. На другой день мне пришлось убедиться, насколько такой человек может оказаться опасным в, так сказать, «социальном отношении».

Контингент камеры состоял из молодых людей, большинство которых знали, что представляет собой этот человек и, разговаривая с ним серьёзно, за его спиной посмеивались и подшучивали. Мы сидели в той части тюрьмы, население которой выводилось гулять во дворики, устроенные на крыше дома, и вот, когда нас вывели на прогулку, мы с огорчением заметили, что небо заволочено тучами и вот-вот пойдёт дождь. Услышав разговор по этому поводу, наш чародей улыбнулся и сказал:

— Ну, эта беда невелика, я вам тучки сейчас раздвину, и вы погретесь на солнышке, только надо посмотреть, где оно, чтобы знать, где тучи раздвинуть.

Некоторые улыбнулись такому заявлению, а многие громко рассмеялись и, не обращая больше внимания на старика, заходили, как обычно, в круг по дворику, ведя прерванные разговоры. Старик между тем отошёл в сторону, устремляя глаза в то место неба, где должно было быть солнце, и, сжав кулаки, стал слегка вздрагивать. Через несколько минут тучи разошлись, и нас залило яркими тёплыми лучами солнца.

— Ну, вот теперь пользуйтесь солнышком, его на время нашей прогулки хватит. А вы надо мной смеётесь... Ах вы, маловеры!..

Впечатление это произвело необычайное. Об усмешках не было и помину. Все стали серьёзными и с уважением поглядывали на старика, присоединившегося к нам и снова начавшего рассказывать о своих Гельсингфорских воспоминаниях. По возвращении в камеру люди разбились на группы и вполголоса обсуждали происшедшее. Несколько человек, сидевших около меня, рассуждали на тему: «Есть много на свете, друг Горацио, чего не снилось нашим мудрецам».

Моё пребывание на Краснопресненской пересылке заняло 10 дней, когда я наконец был вызван на этап и поехал в Потьму в расположенный там Дубровлаг.

ДУБРОВЛАГ

Станция Потьма лежит на Московско-Рязанской железной дороге; отсюда идёт лагерная ветка, на которой расположены лагпункты, а в самой Потье находится пересылка Дубровлага. Во время моего туда приезда Дубровлаг как лагерь свёртывался, так как леса, повалом которых он занимался, кончались. Ряд лагпунктов был уже закрыт, другие переходили на ширпотребное производство. Район, в котором лагерь был расположен, принадлежал Мордовской Автономной Республике, и управление лагеря находилось в столице этого псевдогосударства, в Саранске. Мордва, племя финно-угорского происхождения, несмотря на то, что чуть не 1200 лет жило в великорусском окружении, сохранило много своих особенностей, среди которых можно считать главными язык и национальное платье, причём оно не является маскарадным, но носится в быту.

Между прочим, эти красивые вышитые костюмы и передники были очень популярны у русских барышень в период перед революцией и носили название «мордовских». Конечно, при советской власти мордовский национальный костюм потерял в декоративности за невозможностью достать нужный материал, но всё же одежда мордовских женщин носит другой характер, в особенности в отношении головных уборов и белых онучей с лаптями.

По размеру пересылки, я думаю, лагерь вряд ли насчитывал больше 50–60 тысяч человек. Кроме того, по пересылке было видно, что лагерь старый. Бараки были в плохом состоянии и заселены постоянными рабочими бригадами, так что для пересылаемого контингента была поставлена громадная брезентовая палатка, рассчитанная человек на 200–300. В момент моего прибытия она имела всего 10 обитателей. В отдельной зоне находился неизбежный «изолятор», в который помещали прибывающих иностранцев, обыкновенно через день или два отправляемых на один из лагпунктов для дальнейшего следования на родину в этапном порядке.

В этот «изолятор», маленький и неудобный, был по прибытии водворён и я в компании нескольких польских граждан, по большей части украинской национальности. Эти мои компаньоны уехали на другой день на 7-й лагпункт, откуда, по слухам, не сегодня-завтра должен был уйти большой этап в Польшу. На место уехавших поступила новая партия настоящих поляков, которые тоже быстро улетучились. Затем, по рассказам аборигенов, мимо пересылки проследовал ожидаемый «польский поезд», и наступил перерыв в поступлении новых контингентов.

«Изолятор» был снабжён радиорепродукторами, и я имел возможность прослушать речь прибывшего в Москву Финляндского президента Паасикиви, вещавшего о придуманной им «линии» и просившего отпустить «домой» финских военнопленных. Так как никаких финских военнопленных в Совдепии не было, то можно было предположить, что речь шла о нас.

Речь была выдержана в восторженно-дружественном тоне, в котором финские политические деятели продолжают произносить свои речи и до сего дня, когда я пишу эти воспоминания. Впечатление от речи несколько портило щёлканье вставных зубов оратора. Впрочем, учитывая возможность моего возвращения домой, я готов был простить не только это, но даже и подхалимский тон речи.

Просидев недели полторы в «изоляторе», я начал испытывать неудобства тюремного режима и потребовал свидания с начальником пересылки. Обыкновенно это влечёт за собой вызов к начальнику в его приёмные часы, но в данном случае он сам, видимо, во время обхода зашёл ко мне. Я указал ему на ненормальность положения, когда, не совершив никакого проступка, я содержусь в изоляторе без зачитывания мне постановления о наказании.

— Да вас никто и не наказывает, — ответил на это майор, — я просто не знаю, кто вы и зачем вас сюда прислали? Я рассчитываю, что скоро придут из Москвы ваши бумаги и всё уладится.

— Гражданин майор, я прибыл сюда с моим формуляром, без него ни один конвой не примет заключённого, из него вы можете видеть, что я финский гражданин и нахожусь на пути домой.

— Бабушка надвое сказала, на каком пути вы находитесь. В ваших бумагах об этом ничего не сказано, но я постараюсь облегчить ваше положение.

На другой день я был выпущен на лагпункт и чуть не пожалел о случившемся, так как попал на жительство в палатку, и хотя дни были жаркие, но ночи свежие, и я порядком зяб под своим тонким одеялом, а ульстер, ранее выручавший меня при подобных ситуациях, я перед отъездом подарил Гридюшке. Но и эта неприятность скоро миновала: я познакомился с польским врачом, прибывшим из Воркуты и находившимся в таком же положении, как и я. Переночевав одну ночь в палатке, он отправился в санчасть, где выхлопотал для себя и для меня разрешение ночевать в стационаре, стоявшем пустым.

Через пару дней я встретил лагерного земляка с 043-го, некоего Симаго. Симаго до своей лагерной жизни был басом в Минской опере и после оккупации Минска немцами продолжал выступать на сцене, в результате чего оказался в лагере. Его с 043-го увезли якобы на пересмотр дела в Минск с год тому назад, но, по его словам, никакого пересмотра не было, а его привезли в Минск для дачи показаний против какого-то человека, которого он фактически знал, посему всё кончилось ничем, и его отправили в Дубровлаг. По некоторым причинам, я не совсем поверил его рассказу, но встрече обрадовался, тем более, что Симаго устроил мне спальное место в рабочем бараке, и мне не надо было больше вставать с петухами и спешно покидать стационар, чтобы не попасться на глаза начальству. Кроме того Симаго презентовал мне мешок со свежими помидорами из-за зоны, куда он ежедневно ходил работать возчиком.

Об общем положении в связи с репатриацией иностранцев я узнал следующее. На другой стороне полотна расположен 18-й лагпункт Дубровлага

и там собирают иностранцев, бумаги которых пришли из Москвы; до этого их держат на 7-м и 11-м лагпунктах. Сейчас на 11-м имеется много немцев, но их не будут отправлять на 18-й, а когда бумаги для всех будут готовы, они поедут дальше большим этапом, как недавно поехали поляки с 7-го лагпункта, которых тоже собирали продолжительное время. Все эти сведения были слухами и производили впечатление вероятности, но не достоверности. Что делается на других лагпунктах, никто мне объяснить не мог.

Наконец, просидев добрых две с половиной недели на пересылке, я был вызван с вещами и отправлен на 11-й лагпункт, расположенный у станции, носящей экзотическое название «Явас».

Дорога длилась пару часов, и я любовался красивыми лесами и перелесками, состоявшими из клёнов, лип, ясеней, дубов, берез, ёлок и сосен. Леса были молодые, и я не думаю, что они были частью «лесозащитных насаждений». При входе в лагерную зону повстречался высокий офицер, который нас остановил и спросил, какой я национальности.

— Финской, — ответил я.

— А мы всех финнов уже отправили, — сказал он и удивился, оставив меня несколько озадаченным.

Позже на лагпункте я встретил человека, который подтвердил мне слова офицера, но группа эта состояла из криминального элемента, исключая двоих, попавших в Совдепию по непонятным соображениям, но, во всяком случае, по собственной инициативе.

Я думаю, что небольшой советский городок мог бы позавидовать 11-му лагпункту Дубровлага. Бараки были двухэтажные, очень большие, с громадными крышами и весьма опрятные. Столовый зал со сценой и с люстрами, прекрасно сделанными заключёнными, производил впечатление настоящего театрального зала. Помещение КВЧ и библиотеки с читальным залом могли бы быть украшениями какого угодно небольшого городка. Единственно, что было мизерно — это санчасть. Там было и грязновато, и темновато, и тесновато. Улицы зоны были обсажены деревьями, местами кустарником, и бросалось в глаза большое количество цветов, главным образом душистого табака и жёлтых кольцевых цветочков. Лето 1955 года было хорошее и жаркое, и хотя стоял уже октябрь, но в этих широтах осень мало чувствовалась. Одним словом, лагпункт произвёл на меня положительное впечатление. Обслуживал он мебельную фабрику, лежащую недалеко через дорогу.

Ожидание — самое неприятное состояние для человека, безразлично, чего бы он ни ожидал: рождения, смерти, выигрыша или потери. Я находился в этом состоянии уже больше года и начинал терять терпение. Правда, всё выглядело так, как будто я, хотя и медленно, но подвигаюсь к выходу из этой страны, полной таких несовместимых противоположностей. Но я недаром назвал своё повествование «Путешествием в страну всевозможных невозможностей»; здесь всё может случиться, а потому уверенности в своей судьбе у меня не было.

НА 11-М ЛАГПУНКТЕ

На 11-м лагпункте всё для меня шло как по маслу, я получил хорошее спальное место в административно-техническом бараке.

Моим соседом был очень симпатичный испанский красный офицер Родригес, бывший во время испанской Гражданской войны²⁸⁷ начальником штаба полка. После поражения красных он, имея коммунистические симпатии, уехал в Советский Союз, но пребывание в нём подействовало на него отрезвляюще, и теперь он был на пути в франковскую Испанию. В заключении он находился недавно, и, по его словам, причина его задержания заключалась отчасти в выраженном им желании ехать на родину, а отчасти в интригах и доносах, процветавших в испанско-эмигрантской среде в Москве. По профессии он был архитектор.

Группа испанцев была невелика, человек 12; несколько из них были бойцами Красной испанской армии, другие — подростки испанских рабочих, увезённых Советами в 1938 году в Россию; несколько человек принадлежали к «Голубой дивизии», дравшейся против большевиков в составе Германской армии и под напором англичан и американцев, отозванной на родину с Ленинградского фронта. Несмотря на такую разницу во взглядах, все они были объединены идеей — попасть «домой» и держались, видимо, дружно. Затруднение с их отправкой заключалось в отсутствии дипломатических отношений между Советским Союзом и Испанией, вследствие чего все переговоры велись через Международный Красный Крест, что задерживало дело.

Познакомившись ближе, я обнаружил, что они, как и я, не совсем уверены, что им удастся выбраться из России; бывшие красные опасались, кроме того, что Франко²⁸⁸, по примеру Тито, не пожелает их принять. Как я узнал позже из газет, большинство испанцев добралось до Испании, но не знаю, были ли среди этих счастливых мои потьменские товарищи.

Главную массу контингента составляли немцы с Воркуты, которые получали в посылках всё необходимое для футбола и ежедневно на большом плацу разыгрывали футбольные матчи. Следующие по количеству румыны и венгры тоже с Воркуты и Инты. Большинство поляков уже уехали, но несколько, в том числе мой доктор, оставались в ожидании документов из Москвы.

Были ещё бразильянцеы и аргентинцы, но это «оказалось несерьёзно», так как они были фактически натурализовавшимися в этих странах немцами, приехавшими перед войной в Европу к родным и забранные в Германскую армию.

Египтянин же был настоящий, так же как и двое индусов. Был один датчанин и один норвежец. Этот норвежец принадлежал к финскому меньшинству, живущему на севере Норвегии, и был наследственным коммунистом. Работая в движении сопротивления против немцев, он был ими изобличён

и арестован, но бежал вместе с тюремным сторожем в Мурманск. Там их арестовали и отправили в Ленинград, где после произведённого следствия обвинили в желании заняться шпионажем и дали им по 15 лет. Товарищ его, сломленный тяжёлыми испытаниями, умер в лагере, а Освальд Фуримо-Хатью выдержал, несмотря на туберкулёз лёгких. В то время, когда судьба свела меня с ним, он жил хорошо, получая ежемесячные посылки от Норвежского посольства в Москве и делясь ими с нами. Датчанин Нильсен получал посылку через Германский Красный Крест.

Граждане коммунистических стран ничего не получали. Я принадлежал к ним. Красный Крест потерял меня из виду, и посылаемые женой посылки из Финляндии возвращались ей обратно за ненахождением адресата. Это было обидно, так как питание на лагункте было плохое. Был так называемый «вольный буфет», где за два рубля можно было получить горячее блюдо неважного качества, но для этого требовались деньги, которыми я не располагал.

Работать мы ходили на мебельную фабрику, производившую обеденные столы, платяные шкафы, стулья и спальные диваны образца 1903 года. За работу платили, и многие заключённые довольно хорошо зарабатывали. Мне как инвалиду, согласно новым гуманным правилам, полагалось работать только четыре часа в день — от 8 часов до 12, в 12 часов был обед и после него я был свободен. К сожалению, в столярном деле я понимал мало и заработать им не мог.

Кроме иностранцев в лагере было много балтийцев, маньчжурцев, а также русских, которые были тоже предназначены к освобождению. Среди заключённых я встретил немало старых знакомых с Инты. Тут были граф Келлер, принц Негро-Понти, о. Александр Герасимов и другие, помнившие меня по Интинскому КВЧ, но которые не сохранились в моей памяти.

Среди русских я обнаружил одного человека из Гельсингфорса, а именно некоего Диму Мейснера²⁸⁹. Он принадлежал к петербургской состоятельной семье и до революции служил в Преображенском полку. В 1940 году, считая положение в Финляндии после Зимней войны и тяжёлых капитуляционных условий мира безнадежным, он использовал своё немецкое происхождение и переехал в Германию, где устроился в отделе пропаганды. По ликвидации Германии большевики вывезли его в Россию, пропустили через контрольный лагерь и через несколько месяцев выпустили, поселив на жительство в каком-то колхозе и юго-восточном районе республики. Будучи весьма слабого здоровья, Мейснер не мог заработать в колхозе и жил из милости, вызывая нарекания других колхозников.

Он стал хлопотать о выезде в Финляндию, для чего связался с Финляндским посольством, которое было себе верно: оно сразу сообщило ему, что сделать ничего не может за неимением его бумаг. Однако переписка с посольством не была для Мейснера безрезультатной, он, правда, не смог через него связаться со своей семьёй, но зато большевики обратили на него внимание, Мейснер был арестован, награждён 15 годами принудительных работ и оказался в Дубровлаге.

При мне он сидел в КВЧ и распределял газеты для чтения, относясь к этому занятию весьма серьёзно.

Позже, уже после моего возвращения на родину, Мейснер выскочил в Западную Европу. Его выхлопотал сын, живший в Швеции и ставший шведским подданным. Семья Мейснера после войны перебралась в Австралию, куда после продолжительных хлопот уехал и он. К сожалению, освобождение не принесло Мейснеру счастья, вскоре по прибытии в Австралию он захворал, подвергся операции и умер на операционном столе.

Фуримо-Харью, Мейснер и я составляли дружную компанию, в которой Харью играл весьма значительную роль, так как располагал посылками и угощал нас по вечерам чаем с чем-нибудь вкусным. Спасибо ему.

Позже, когда Мейснер находился у сына в Швеции, ему удалось встретиться с Харью, приехавшим в Стокгольм из Норвегии.

Время шло, немцы уехали, и лагерь сильно опустел. Однажды спавший рядом со мной испанец спросил, умею ли я чертить, и на мой утвердительный ответ предложил мне занять освободившееся у него в конторе место чертёжника. Я, конечно, согласился, и на другой день вместе с моим будущим патроном отправился к директору завода, оказавшемуся парнишкой лет 27–28 более чем неинтеллигентного вида, по фамилии Никифоров.

— Родригец сказал мне, что ты художник.

— Да, я имею техническое образование и могу чертить.

— Ну, чертить может и сам Родригец, а с тобой мы сделаем так: зачислим тебя к нему чертёжником, а фактически для начала ты у меня тут в кабинете напишешь три-четыре картины, а дальше видно будет. Мне надо «Трёх богатырей» Васнецова, «Медведи в лесу» Шишкина²⁹⁰ и «Алёнушку», уж не знаю, чья она. Сможешь?

— «Алёнушка» тоже Васнецова, — сказал я. — Я, конечно, смогу их скопировать, но мне нужно какую-либо материю для картин и мела с клеем для грунта.

— Будет! — воскликнул товарищ Никифоров. — И учти, если хорошо сделаешь, то я тебе платные заказы достану для начальства, конечно, кумекаешь?

— Кумекаю, а когда начинать?

— Сегодня пятница, завтра суббота, а там воскресенье. Завтра я поговорю с нарядчиком, и в понедельник приходи прямо сюда ко мне. Всё! Понятно?

— Да, конечно, — с этими словами я вышел вместе с испанцем из кабинета директора.

Но у товарища Никифорова ничего со мной не получилось, и вот почему. Вернувшись с завода на лагпункт, я встретил своего бригадира.

— Мне нарядчик велел с Вами расчёт сделать, но я посмотрел ваши зарботки, а там ничего нет.

— А почему расчёт? — удивился я.

— Как почему? Вы завтра домой едете; идите в нарядную, вам там обходной лист дадут, и завтра к 9 утра будьте готовы.

Я полетел к нарядчику, там всё подтверждалось. Вечер я посвятил прощальным визитам. Начальник спецчасти, передавая мои формуляры конвоиру, сказал мне:

— Я ему уже сказал, но повторяю и вам для ясности: в Потье вы должны явиться не на пересылку, а на 18-й лагпункт.

Я ехал в арестантском вагоне и моим товарищем был один из испанцев. В Потье мы последовали указаниям начальника спецчасти, но нас на 18-й не приняли и послали на пересылку, где нас тоже не приняли и послали на 18-й. Конвоир мой был этим озадачен и спросил меня, что же нам делать? Я тоже не совсем понимал ситуацию, а потому посоветовал конвоиру требовать начальника спецчасти, каковой появился неожиданно сам. Выслушав нас, он сказал:

— Да, да, я знаю, всё в порядке, но на 18-м тоже правы, не приняв вас. В ваших документах нет направления, оно у меня, я для выигрыша времени выписал вас к вашим документам, которые у меня, а не наоборот. Идёмте со мной.

Около ворот 18-го лагпункта мы встретились и познакомились ещё с двумя финнами. Одна была женщина по фамилии Марьямаа. Она была в России с 1930 года. Бежала из Финляндии нелегально с финскими коммунистами, испугавшимися нарастающей для них фашистской опасности, выразившейся в Финляндии в так называемом Лапповском движении²⁹¹. Затем она кого-то убила и была за это присуждена к 15 годам исправительно-трудовых лагерей.

Финн Михаил Хонккала имел тоже 15 лет и был привезён из Колымы. Его история была несколько иной, чем наша, и узнал я её в целом, только вернувшись в Финляндию. Оказалось, что он поступил в финскую политическую полицию, когда она после войны возглавлялась коммунистами, но, мало того, он связался непосредственно с советской разведкой и передал ей ряд секретных сведений о Финляндии.

В Финляндии, опасаясь ареста после некоторого изменения ситуации, принял от Советов секретное поручение в Стокгольме и получил для этой цели довольно крупную сумму денег, которую растратил, ничего не сделав. Далее, опасаясь ареста в Финляндии, он каким-то образом попал в Советский Союз, где был «награждён» 15-ю годами.

По возвращении в Финляндию он был арестован на другой день по приезде, судим и посажен в тюрьму на два года.

Он был родом из города Ювескуле, где вместе с братом имел мастерскую дамских сумочек и чемоданов. Отсидев свой срок, он вернулся домой и занялся своим старым делом, производством и продажей изделий своей мастерской. Я встретил его в Гельсингфорсе лет пять после возвращения и положительно не узнал Хонккала в полном и элегантно одетом господине.

Но в то время, когда мы стояли у вахты 18-го лагпункта, как перед воротами в рай, я ничего о сём господине и его прошлом не знал, а потому счёл своим долгом в дальнейшем помогать ему по мере моих возможностей.

Глава пятьдесят первая

«СЕЗАМ, ОТКРОЙСЯ»

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день.

Наконец ворота вахты отворились, и мы вошли. Бараки, хоть и старые, были в хорошем состоянии, и сделанные у некоторых из них балконы или веранды придавали им дачный вид. Внутри они были не столь приятны и выглядели так, как вообще выглядит пересылка.

Был конец октября 1955 года, листья спадали с деревьев, но цветы на куртинах ещё цвели.

Знакомство с населением лагпункта внесло некоторое разочарование в наше радужное настроение. Выяснилось, что продвижение к окончательному выходу идёт довольно медленно. Этот выход находился где-то в Быкове под Москвой, и людей направляли туда по мере освобождения там мест. К тому же Тито не принимал своих граждан русской национальности, вследствие чего я встретил старых знакомых, например, бывшего со мной на 043-м лагпункте ротмистра Доне²⁹² (бывшего конногренадёра), уехавшего с лагпункта для отправки на родину ещё осенью 1954 года, лейб-казака Сомова, уехавшего с 21-го лагпункта Красноярского лагеря за два дня до меня, и других лиц, которых мы считали давным-давно находившимися дома.

Группа югославы, фактически бывших русских белогвардейцев, была довольно многочисленна, среди них преобладали воспитанники петербургских корпусов и военных училищ.

Положение этих людей было не столь безнадежно, как это казалось в начале. Во всяком случае, в отношении тех из них, у которых остались семьи в Югославии.

Дело в том, что когда с помощью сыновей Рузвельта²⁹³ и Черчилля²⁹⁴ установился коммунистический строй в Югославии, то эти господа, выдавшие тысячи антибольшевиков советским палачам, почему-то вывезли семьи забранных большевиками бывших русских белогвардейцев в страны Южной Америки. В данный момент трудность заключалась в том, что Международный Красный Крест должен был определить, в какую из этих стран была отправлена семья каждого данного человека.

Среди этих людей был сын адмирала Вяткина²⁹⁵, Фёдор Фёдорович Вяткин; он уже давно сидел на 18-м в ожидании своих документов и визы в Западную Германию, которую ему должен был устроить брат, работавший инженером в Киле.

При нём состоял адъютантом молодой человек по фамилии Сеггер-кранц, находившийся примерно в таком же положении. Выбрались они из Советской России на год позже меня.

За моё пребывание на 18-м лагпункте Ф. Ф. Вяткин оказал мне много любезностей в смысле устройства лагерного питания, приятных четырёх-часовых чаёв или кофепитий с продуктами из получаемых им из Германии посылок и, наконец, просто его приятного общества.

Лица, находившиеся на лагпункте, в большинстве группировались по национальностям. Тут оказалось много греков, немало турок, были немцы, отправляемые почему-то индивидуальным порядком, были французы и испанцы, итальянцы и египтяне. Целая группа поляков, среди которых выделялась графиня Ледоховская с дочерью и князь Святополк-Мирский-старший. Было несколько персов и афганцев, корейцев, японцев и пять очень маленьких китайцев, из которых одна была зубным врачом. В целом дамский элемент был немногочисленным и представлен не лучшими экземплярами, что не мешало развитию романтических походов для любителей этого вида развлечений.

Начальство держало себя совершенно пассивно, и мы знали и видели только начальника спецчасти и оперуполномоченного с аристократической фамилией Барон.

5 ноября 1955 года группе финских граждан было выдано новое обмундирование лагерного образца и на 6-е число назначен наш отъезд в Быково, куда мы должны были проследовать с сопровождающим. Путь лежал через Москву, так как Быково находится на другой железной дороге, чем Потьма.

Пройдя все необходимые формальности и церемонии, мы вышли за зону и бодро зашагали по направлению станции, но не успели пройти 50–60 шагов, как услышали крики:

— Стойте, стойте, назад!

Обернувшись, мы увидели несколько конвойных солдат, бегущих за нами и машущих руками. Мы остановились.

— Идите обратно, вы сегодня не поедете — телефонограмма пришла!

Неприятно поражённые мы вернулись обратно в зону. Оказалось, что поезд, с которым мы должны были ехать в Москву, ввиду предстоящих празднеств 7-го и 8-го ноября был переполнен. Наш отъезд был перенесён на 9-е число. Судьба как будто нарочно дразнила меня, я был в пути домой 14 месяцев.

9 ноября 1955 года мы действительно поехали. Вечерело, погода была хорошая, в воздухе пахло осенью. Станция Потьма в своё время была благоустроенной и большой станцией, но в данный момент выглядела так, как выглядели станции после войны и революции: всё требовало покраски и ремонта.

Ещё больше требовали красок пассажиры и публика. Мы в нашем лагерном обмундировании по сравнению с окружающими нас гражданами Мордовской республики были франтами, бросающимися в глаза. Не прошло

и четверти часа, как мы оказались окружёнными женщинами, предлагающими нам продать ненужное нам лагерное обмундирование. Видимо, они каждый вечер осаждали освобождающихся своими предложениями.

В данном случае им не повезло, мы ничего не продали, и не потому, что мы дорожили выданными нам вещами, а просто мы считали неудобным, только что выйдя из лагеря, начинать уличную торговлю.

Прогуливаясь по перрону станции, мы увидели на небольшой площади перед ней открытый рынок. Сейчас он стоял пустой, но на одной стойке лежали куски мяса и стоял унылого вида человек. Вечерело. В сгущающихся сумерках и серые дощатые стойки, и неопределённого вида и цвета куски мяса, и серый унылый человек в одиночестве на площади выглядели безнадежно и безотрадно.

В вагоне все мы, в том числе и сопровождавший нас сержант, расположились в разных местах и провели ночь неплохо. Утром перед прибытием в Москву сидевший рядом со мной человек вполголоса обратился ко мне с вопросом:

— Домой едете?

— Откуда?

— С Ангары.

— Я спрашиваю: из какой страны!

— Из Финляндии.

— Сколько же вы отсидели?

— Десять с половиной лет.

— Ох, чёрт возьми! Слыхал? — обратился он к соседу.

— Да, — отозвался тот.

— А скажите, техника у вас там была или всё давай-давай?

— Давай-давай, — улыбнулся я.

Сидевшая против меня девушка, слышавшая наш разговор, достала из сумки яблоко и протянула мне.

— Скушайте, — сказала она.

— Благодарю вас, но мне трудно его есть, я за 10 лет зубы съел.

Все сочувственно рассмеялись, и ко мне протянулось несколько рук с «Беломорканалом» (марка папирос).

— Для этого зубов не надо.

Я поблагодарил и закурил.

— Возьмите пачку, — сказал один.

— И от меня, — добавил другой, — в дороге пригодятся.

Я поблагодарил и решительно отказался.

В Москве электричка шла на Быково с того же вокзала, куда мы прибыли, и в нашем распоряжении оказалось всего десять минут.

Ввиду раннего времени поезд из Москвы был почти пустой, тогда как встречные электрички, идущие в Москву, были переполнены.

В нашем вагоне разместились группа молодёжи, человек восемь-десять, из которых один играл на балалайке, а остальные по очереди исполняли

с самым серьёзным видом разные «номера». Одна девушка пронзительным голосом пела деревенскую частушку, по окончании которой парнишка лет 16 вдруг сорвался с места и стал отплясывать какой-то фантастический танец, который он окончил также неожиданно, как и начал. Едва он угомонился, как сорвалась одна из девиц, отбивая ногами нечто вроде чечётки, с высоко поднятыми руками завертелась на месте и стала выкрикивать какой-то мотив.

По возвращении на родину я понял, что всё это было подражанием Преслею²⁹⁶ и иже с ним. Но этот вид искусства появился и развился в моё отсутствие, а потому я наблюдал происходящее с некоторым недоумением.

Часов в 7 утра мы прибыли к нашей цели — станции Быково. Перрон был пуст, серое небо, сырая и холодная, угрожающе дождливая погода создавали неуютное настроение.

Мы прошли в буфет, пока наш сопровождающий звонил куда-то по телефону. В зале сидел один человек и пил пиво, чем вызвал у нас дебаты, отчего он это делает. В такую погоду естественно было бы пить чай или кофе. Вопрос разрешил возвратившийся сопровождающий, который сказал:

— Опохмеляется он, вот и всё! — и предложил на наш выбор: дожидаться час-два автомобиля либо идти пешком до места нашего назначения. Мы единогласно избрали последнее и двинулись в путь, который оказался недолгим. Минут через 20 мы стояли у ворот какой-то дачи, гостеприимно открываемых солдатом в форме МВД. Войдя, мы заметили, что в каждом углу забора стоял такой же солдат (правда, без оружия), скрываемый со стороны улицы сплошным забором.

Эта дача принадлежала когда-то московскому миллионеру Морозову, но время и житейские бури наложили печать и на дачу, и на её обстановку.

Почти сейчас же по прибытии я встретил моих гельсингфорских товарищей по несчастью — Максимова и Пушкарёва, привезённых из Владимирской тюрьмы.

Судя по наружному виду, Вася Максимов был в хорошем состоянии, но Кирилл Пушкарёв был просто страшен. По приезде в Финляндию он был помещён в больницу, где при исследовании у него обнаружили катастрофический недостаток крови. После сделанных вливаний крови он восстановил своё здоровье.

Пребывание в Быкове было непродолжительным, и 14-го числа мы двинулись в последнее путешествие на родину.

ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП

13 ноября 1955 года нам сообщили, что сегодня мы поедем с вечерним поездом из Москвы в Ленинград, а оттуда на родину в Финляндию. Мы познакомились со старшим лейтенантом войск МВД, долженствующим сопровождать нас, но фамилию которого я не помню. Он сказал, что билеты для нас приобретены, что кроме него с нами поедет сержант, с которым мы можем пойти в Ленинграде погулять по городу. Рассказал, что он отвёз уже одну группу финских граждан, среди которых был Кузьмин-Караваев.

На наш вопрос, как происходит передача нас за границу и сколько времени на это потребуется, он сказал, что с советской стороны всё происходит очень быстро и просто, а как дело обстоит на финской стороне, ему неизвестно, но первую партию тотчас по переходе ею финской границы окружили солдаты с автоматами и куда-то повели. Он оговорился, что, возможно, так было потому, что большинство группы составлял криминальный элемент. Его рассказ оказался вымыслом.

Беспокойство вызывал Пушкарёв; состояние его здоровья было очень плохо, и у нас не было уверенности, что доведём его живым. Из Владимирской тюрьмы до Быкова его сопровождала медицинская сестра, здесь же таковой не было. Однако и он доехал благополучно до самого Гельсингфорса, где был помещён в больницу. После вливания крови он быстро поправился. Из этого случая можно вывести заключение, что прекрасное оборудование больницы Владимирской тюрьмы стояло выше уровня познаний её врачей.

Во второй половине дня мы тронулись из Быкова. Погода стояла пасмурная, но тёплая. Пушкарёва мы усадили к шофёру грузового автомобиля, доставившего нас на станцию. В Москве нам надо было перейти площадь, чтобы попасть на Ленинградский вокзал, и там подождать нашего поезда часа два. После многих лет изоляции было интересно рассматривать публику и окружающую обстановку.

Коммунисты утверждают, что они построили «бесклассовое общество». Это возможно, но я нигде не видал в наше время столь большой разницы между разными, скажем, слоями населения, как на этом вокзале.

На вокзал вплыл генерал с супругой, оба 45–50 лет, прекрасно одетые, откормленные. Генерал и сопел по-генеральски, и нёс объёмистый живот по-генеральски, и выражение лица имел генеральское. То же можно было сказать и об его жене.

Резкий контраст с этой парой представляли люди, расположившиеся на мешках и на полу вокзала, плохо одетые, почти в лохмотьях; их одежда была не лучше одежды лагерников, выходящих на работу. С ними были женщины и дети. Они пили кипяток из закоптелых чайников и ели хлеб «безо всего».

В первый момент я подумал, что передо мной лагерный этап, но наличие топоров у мужчин и отсутствие конвоя сразу отвергли это предположение. На мой вопрос: «Кто вы и куда едете?» молодой расторопный бригадир ответил, что они колхозники и едут в какой-то леспромхоз на лесоповал. Значит, это была «вольная рабочая сила». Не хочу лгать, но эта «вольная рабочая сила» выглядела много хуже нашей «невольной» лагерной рабочей силы.

Я заглянул в буфет вокзала и очутился в ресторане второго разряда 1913 года с красными бархатными диванами, неизбежной пальмой на пьедестале, но вместо «человеков» в запятнанных смокингах и белоснежных передниках прислуживали очень опрятные девушки в платьях синего «жандармского» цвета и в кокетливых наколках вроде невысокого кокошника.

Я любовался этой дешёвой роскошью недолго, денег, чтобы войти внутрь, у меня не было и, поймав на себе неодобрительный взгляд швейцара, ретировался обратно на перрон, где неожиданно сделался свидетелем такой сценки: одна из голубых официанток, выскочив из буфета, подбежала к милиционеру и, показав головой на окно буфета, стала шептать что-то на ухо, после чего скрылась обратно, а милиционер занял место около выхода в буфет. Я не стал задерживаться и удалился.

Однако, несмотря на мой лагерный костюм, я, видимо, выглядел весьма презентабельно, так как пока я шёл обратно в зал ожидания, несколько человек обратились ко мне с вопросами, где стоит их поезд и куда им обратиться по багажным вопросам. Я всех удовлетворил ответами, что было нетрудно, так как всё это было написано крупными буквами на щитах, и мне нужно было только прочесть их вслух.

В поезде мы ехали в спальном вагоне, которые в Советском Союзе очень комфортабельны во всех отношениях. Две милovidные проводницы заинтересовались тем, кто мы такие, и спросили, не являемся ли мы «делегацией», на что Вася Максимов ответил, что догадка справедлива, мы действительно «делегация» от Владимирской тюрьмы. Этим он привёл девиц в замешательство, которое, впрочем, под влиянием Васиного красноречия и красивой наружности скоро прошло.

В Ленинграде мы были встречены двумя майорами сугубо чекистской наружности, усажены в «Клейн-бусс» и доставлены на Финляндский вокзал.

По дороге я с интересом смотрел на столь мне когда-то дорогой, а ныне совершенно чужой город, и отметил маленького гимназистика в форме, очень похожей на старую, осенившего себя крестным знамением.

Недавно я читал в одной финской газете, что Финляндский вокзал совершенно перестроен, но в 1955 году он выглядел так же, как в 1922-м, когда я отбыл с него в последний раз в Финляндию. Только, кажется, буфет и зал для ожиданий обменялись местами.

Максимов и Пушкарёв в сопровождении сержанта отправились в город, я же с другими спутниками остался на вокзале, бродя туда и сюда и рассматривая публику.

Теперь я стал туристом, а не действующим лицом, и с любопытством туриста рассматривал окружающих меня людей. Особенно примечательного ничего не было: люди как люди, но, конечно, они отличались от гельсингфорских обывателей.

Во время моей прогулки по перрону ко мне подошёл человек по-европейски одетый, что ещё больше подчёркивалось торчавшей из рта трубкой.

— Домой едете, в Финляндию? — спросил он.

— Да, — ответил я, несколько изумившись, так как считал, что мало чем отличаюсь от окружающей меня толпы.

— А эта женщина тоже с вами едет? — продолжал мой собеседник, мотнув головой в направлении Марьянмаа.

— Да, и женщина тоже, нас пять человек, но двое пошли в город.

— Желая вам счастливого возвращения, — сказал мой собеседник и отошёл, потягивая трубку.

Однако через некоторое время он опять подошёл ко мне и пригласил пойти с ним в буфет и выпить пива.

— Я хочу вас угостить, — сказал он.

Я поблагодарил и отказался, сославшись на сидевшего в стороне лейтенанта.

— А наплюйте вы на него, — посоветовал мой собеседник, — я иду в буфет — приходите туда, я буду вас ждать.

Я побоялся воспользоваться любезным приглашением и укрылся под крылышком моего чекиста, никогда, мол, не знаешь, на что можешь нарваться.

Тем временем вернулись наши экскурсанты, полные впечатлений и покупок, состоявших главным образом из бутылок и закусок. Они осматривали лавки на Невском проспекте и выражали недоумение ассортименту товаров: они попали в лавку, продававшую картофель и шампанское, других товаров в лавке не было. У Елисеева на Невском²⁹⁷ было всё или, во всяком случае, то, что нам требовалось в данный момент.

В 7 часов шёл наш поезд на Выборг и мы, погрузившись заблаговременно, расставили наши бутылки и банки с консервами и нарезали хлеб лейтенантским ножиком. Когда поезд тронулся и мы взяли стаканы, угорив лейтенанта и сержанта разделить нашу трапезу, перед нами предстал человек в форменных штанах и в белой рубахе, лет сорока.

— Что, друзья, домой едете? Разрешите пригласить вас к нашему столу. Вы знаете, вам до чёрта повезло, я с этим поездом еду в Порккала вывозить наши войска, так что могу довести вас до Гельсингфорса.

— Это невозможно, — заметил наш лейтенант, — у нас на «Лужайках» (пограничная станция, бывшая «Нурми») церемония передачи финским властям.

— Ну, если у вас церемония, то я сделать ничего не могу, но до Выборга поезд идёт два часа, и мы смело можем вместе выпить и закусить, чтобы зафиксировать наше приятное знакомство и заодно отметить радостное событие.

В соседнем купе сидело человек пять советских офицеров, любезно с нами чокнувшихся, и мы, оставив им «заложником» Васю Максимова, вернулись в наше отделение. Успокоив лейтенанта заверением, что не собираемся напиваться, мы закусили и стали ждать прибытия в Выборг.

Я ехал по местам, где прожил немало лет, хотелось их увидеть, но было темно и ничего не видно.

Станция в Выборге сохранилась ровно наполовину, и эта половина была отделана в сахарно-кондитерском стиле. Было очень чисто, но народа или публики почти не было. В окно был виден почти тёмный город и шедшие пустыми трамваи довоенного «выборгского» типа.

Явившийся полковник войск пограничной стражи сказал, что наше прибытие для него неожиданность, он ожидал нас завтра утром и сговорился с финскими властями о передаче нас в 12 часов дня. Теперь у него возникло затруднение, куда нас поместить на ночь.

— Я могу поместить вас туда, где и кровати есть и постельные принадлежности, но вряд ли это вас устроит, так как это местная тюрьма. Оплатить номера в гостинице ваш сопровождающий не может, ему не отпущено средств, и у меня нет на это сумм, поэтому я поговорю сейчас с начальником станции и попрошу дать вам возможность переночевать в зале для конференций.

Он был большой, с длинным, накрытый зелённым сукном столом посередине и рядом весьма величественных стульев по бокам. Вдоль стен были деревянные диваны, на которых мы и провели ночь.

На другое утро, закусив и выпив чаю, мы в компании трёх офицеров пограничной стражи, подполковника, майора и капитана, сели в игрушечные старинные вагоны и поехали на границу.

Остановились мы, не доехав до неё четверти километра, перегрузились на дрезину и на ней доехали до пограничной будки около пограничного шлагбаума. Здесь полковник предложил нам зайти в будку и ожидать прибытия финских представителей. Это должно было произойти в 12 часов дня. После некоторого ожидания мы увидели в окно подошедший к пограничному шлагбауму кондукторский вагон, из которого вышли три финских офицера и подошли к границе. После этого оба шлагбаума поднялись, и офицеры пошли навстречу друг другу, остановившись на демаркационной линии.

После непродолжительных переговоров финский подполковник, приняв бумаги, стал выкликать нас по фамилии. Первым он выкликнул меня

и спросил, хочу ли я вернуться на родину. На мой утвердительный ответ он предложил вступить на финляндскую территорию и занять место в вагоне.

Понемногу мы собрались все, офицеры, войдя в вагон, сердечно поздравили нас с возвращением и пригласили к себе на завтрак, после чего в сопровождении детективов политической полиции мы поехали в Гельсингфорс.

Что мы переживали и чувствовали после десяти с половиной лет советской каторги на пути «домой» — читатель может представить себе сам.

ЭПИЛОГ

Этим я оканчиваю описание эпопеи, отнявшей у меня десять лет жизни и охватившей как раз тот период, когда человек из пожилого становится стариком и ему даётся последняя возможность наладить благополучную старость.

Естественно, что мой арест и увоз в СССР в той форме, как они были произведены, привели в полный хаос все мои дела.

Конфискация русскими ценностей, по неизвестной мне причине отправленных вместе со мной в Москву, в корне подорвали моё благосостояние, а оставшиеся в деле вещи, деньги и имущество, попав в руки случайных людей, были ликвидированы без всякой для меня выгоды. Само антикварно-комиссионное дело, шедшее при мне удовлетворительно, пришлось закончить за невозможностью вести его дальше без капитала. Законсервированное мною в начале войны рекламное дело, не будучи возобновлено после войны, когда в нём появилась необходимость, заглохло, а имущество в виде машин, картона, красок и т. д. без хозяина было растащено и исчезло. Короче говоря, я оказался «у разбитого корыта», и мне надо было начать свою жизнь сначала, что в 62 года не так просто.

Отрадно было только одно, что моя жена дождалась меня и сохранила дом в целости, увеличив его стабильность покупкой квартиры, в которой мы жили.

Финляндское правительство, вероятно, предвидя, что с нашей стороны последуют требования возмещения наших убытков, пошло само нам навстречу, назначив комиссию для установления размеров вознаграждений.

Комиссия определила, что наши страдания оцениваются ею в семь с половиной миллионов марок на человека, но правительство сократило эту сумму до пяти миллионов марок, оговорив выдачу денег нашим отказом в предъявлении через суд каких-либо новых претензий. В таком виде правительственное предложение прошло через Парламент, где все партии кроме коммунистической выразили ему своё безоговорочное одобрение; представитель же компартии Финляндии доктор Рюеме²⁹⁸ заявил (в противовес судебным органам Советского Союза, признавших наше осуждение незаконным), что акт нашей выдачи вытекал из мирного договора и что все мы были «военными преступниками».

Как бы там ни было, получив согласие Парламента на выдачу нам пособия в размере пяти миллионов марок на человека, правительство Кекконена²⁹⁹ выдало эти пять миллионов только мне, удержав со всех моих товарищей по 200–300 тысяч финских марок. Читатель, не знающий, что представляют из себя финские деньги, может быть удивлён «миллионными» суммами, но практически эти пять миллионов, разделённые

на 10 лет, составляют 500 000 в год или 40 000 марок в месяц, оклад мелкого конторского служащего в Финляндии. Рабочие низкой квалификации зарабатывают от 80–100 000 в месяц. Но это я говорю только к слову, спасибо, что вообще что-то заплатили, могли ничего не дать.

В начале моего повествования я упоминал, что нас было взято 20 человек. Это были следующие лица:

1. Генерал Северин Цезарьевич Добровольский³⁰⁰. Представитель РОВСа в Финляндии.

2. Инженер Игорь Михайлович Веригин³⁰¹, служащий фирмы «Минерал», член русской молодёжной организации «Звено», примыкавшей к «Союзу Нового поколения».

3. Лейтенант, лётчик финской армии Буман-Парвилаhti³⁰², во время между войнами с Советским Союзом служивший офицером связи между финскими SS-ами и Гельсингфорсом.

4. Юрий Антонинович Нарбут³⁰³, бывший офицер военного времени Царской армии. Принадлежал к Союзу младороссов³⁰⁴, признававших советский строй в России при условии возглавления государства законным Императором Кириллом Владимировичем³⁰⁵. На время войны Союз объявил себя распущенным, дабы «не мешать победе России».

5. Владимир Владимирович Бастамов³⁰⁶, служил во время войны переводчиком при одной из воинских частей.

6. Пётр Быстреевский³⁰⁷, во время войны был переводчиком при Главной квартире.

7. Василий Максимов³⁰⁸, служил рядовым в финляндской армии.

8. Ротмистр Дмитрий Кузьмин-Караваев³⁰⁹, заведовал клубом при обществе «Русская Колония в Финляндии».

9 и 10. Два брата Поппер^{310,311}, служили переводчиками при лагерях военнопленных.

11. Пушкарёв Кирилл³¹², капитан артиллерии Царской армии. В Финляндии около 25 лет служил в русском отделе политической полиции.

12. Андрей Сумбаров³¹³, работал шофёром такси, во время войны был переводчиком.

13. Барон Макс Лаудон³¹⁴, работал шофёром при Румынском посольстве.

14. Кузнецов Владимир³¹⁵, бывший прапорщик Царской армии; в Финляндии служил в частной фирме по очищению товаров на таможне.

15. Пира Фёдор³¹⁶, радиотехник, во время войны работал переводчиком.

16. Дараган Дмитрий³¹⁷, инженер, во время войны служил переводчиком.

17. Дамм³¹⁸, по происхождению немец, во время войны служил переводчиком при лагере военнопленных.

18. Петриченко³¹⁹, бывший баталер Царского флота, один из руководителей Кронштадтского восстания в 1921 году.

19. Бьёркелунд Борис, владелец антикварного магазина.

20. Мне неизвестен, так же, как и его судьба³²⁰.

Судьба известных мне лиц такова:

1. Генерал С. Ц. Добровольский был приговорён Военным трибуналом к расстрелу, на предложение председателя суда подать прошение о помиловании отказался, сказав, что приговором удовлетворён. Тогда прошение было подано его казённым защитником. Высшая мера была заменена 10 годами заключения в исправительно-трудовых лагерях. Через два года С. Ц. Добровольский умер в лагерной больнице.

2. Инженер И. Веригин за участие в антисоветской организации «Звено», примыкавшей к эмигрантской организации «Союз нового поколения», был приговорён Особым совещанием к 10 годам Исправительно-трудовых лагерей. Первоначально был направлен в Каргопольские лагеря, но в 1947 году весной всем привезённым из Финляндии лицам содержание в трудовых лагерях было заменено закрытой тюрьмой, вследствие чего Веригин, как и остальные, был переведён во Владимирскую тюрьму. В Москве жил дядя Веригина, тоже инженер, по его хлопотам Веригин при условии принятия им советского гражданства был освобождён за год до окончания своего срока и отправлен на работу в Магадан. Его жена в отсутствие мужа вышла замуж за русского инженера, натурализовавшегося во Франции и имевшего там хорошее место на химическом заводе. Сам Игорь Веригин женился в России на партийной работнице, значительно старше его, которая имела сына от первого брака.

3. Буман-Парвилаhti был осуждён Особым совещанием на 5 лет лагерей по статье 58-й § 4, гласящей о помощи международной буржуазии в борьбе с коммунизмом. По отбытии срока был отправлен на работу в Ингирку³²¹, где благодаря свойственной ему энергии быстро выдвинулся на руководящие посты и довольно хорошо материально устроился. По возвращении в Финляндию написал книгу «Сады Берии», в которой хорошо и правдиво описал свои похождения в Советском Союзе, что вызвало на него не только нападки коммунистической прессы Финляндии, но и левой буржуазной прессы, стоящей на платформе «дружеского сосуществования» с Советским Союзом.

4. Нарбут Юрий за участие в русском антисоветском Союзе младоросов приговорён Особым совещанием к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, заменённых в 1947 году тюрьмой. Умер в 1951 году во Владимирской тюрьме.

5. Бастамов Владимир за участие в русских антисоветских организациях (РОВС) приговорён Особым совещанием к 10 годам лагерей, заменённых в 1947 году тюрьмой. Был освобождён и отправлен на родину в Финляндию в 1956 году. Его супруга во время его отсутствия развелась с ним и уехала в Швецию. Бастамов в Финляндии получил хорошее место технического переводчика в одном из крупных концернов.

6. Быстреевский был осуждён тоже Особым совещанием, но мне неизвестно, по какому параграфу 58-й статьи. Он умер в 1949 году во Владимирской тюрьме от общего истощения (дистрофия).

7. Максимов Василий был арестован и вывезен в Россию по ошибке вместо своего дяди, носившего то же имя и ту же фамилию и служившего в двадцатых годах в политической полиции. Однако, несмотря на явное недоразумение, он был приговорён Особым совещанием к лагерям, заменённым позже тюрьмой. Освободился и вернулся в Финляндию одновременно со мной в ноябре 1955 года. Будучи самым молодым из нашей группы (в момент ареста в 1945 году ему было 28 лет), Максимов по возвращении в Финляндию окончил Высшую коммерческую школу и получил хорошее место в Финляндском банке. Максимов женился на своей невесте, оставшейся ему верной в годы его отсутствия, и имеет нескольких детей.

8. Кузьмин-Караваев Дмитрий Дмитриевич был осуждён Особым совещанием на 10 лет исправительно-трудовых лагерей (заменённых тюрьмой в 1947 году) за участие в русской контрреволюционной организации РОВС. Окончив срок, он был направлен в богадельню в Мариинск, откуда был возвращён в Финляндию в 1955 году. За возрастом не мог подыскать какой-либо работы. Занимается журналистикой.

9 и 10. Братья Поппер; осуждение их мне неизвестно. Вернулись в Финляндию с сильно расшатанным здоровьем и нервами.

11. Пушкарёв Кирилл за службу в Финляндской политической полиции был приговорён Особым совещанием на 20 лет тюремного заключения. Здоровье Пушкарёва очень пострадало в тюрьме, он вернулся в Финляндию одновременно со мной и был немедленно помещён в больницу, где он быстро оправился. Личная жизнь Пушкарёва сложилась неудачно; в его отсутствие его жена вышла замуж за другого и покинула Финляндию. Пушкарёв получил место в полиции проживавших в Финляндии иностранцев. Ему было зачтено время сидения в тюрьме за годы службы, так что через несколько лет он мог бы выйти в отставку с государственной службы и получить полную пенсию. Однако Пушкарёв устроил свою судьбу иначе. Оказалось, что ещё во время его пребывания в России в 1952 году он дал согласие работать на советскую разведку, что и стал приводить в исполнение в Гельсингфорсе с 1959 года. В 1961 году Финляндская политическая полиция начала за ним следить, и он вскоре попался с поличным. Суд приговорил его к трём годам тюремного заключения. Столь мягкое наказание объясняется тем обстоятельством, что Пушкарёва судили не за государственную измену, а за нарушение служебных правил, существующих для государственных чиновников в Финляндии. Следствие установило, что главную информацию для советской разведки Пушкарёв давал относительно белых русских деятелей, для какой-либо цели он ежегодно во время летних отпусков объезжал заграничные русские организации, с которыми имел старые связи. Поездки оплачивались большевиками. В отношении Финляндии удалось установить, что он давал информацию о передвижении американских граждан и сведения относительно тех русских, проживавших в Финляндии, которые не сочувствуют коммунизму.

12. Сумбаров выразил желание остаться в Советской России и принять советское гражданство после отбытия своего 10-летнего срока, что и было осуществлено.

13. Барон Макс Лаудон был осуждён Особым совещанием на 10 лет исправительно-трудовых лагерей за принадлежность в 1923 году к Союзу младороссов. Позже он ни к каким организациям не принадлежал. Он умер в 1947 году от удара (в лагере).

14. Кузнецов Владимир был осуждён за связь с японским посольством, в котором его жена служила машинисткой. Он умер в лагере в 1947 году.

15. Пира Фёдор был приговорён Особым совещанием к 15 годам лагерей за участие в зарубежной организации «Звено», примыкавшей к «Союзу нового поколения». В 1947 году он был перевезён во Владимирскую тюрьму, откуда освобоёлся в начале 1956 года. Жена его, сестра инженера Веригина, в его отсутствие вышла замуж за другого. По возвращении в Финляндию Пира женился вторично и уехал в Соединённые Штаты.

16. Дараган Дмитрий был осуждён Особым совещанием на 15 лет за участие в русской антисоветской организации. Вернулся в конце 1956 года. Получил в Финляндии место инженера на крупном Судостроительном заводе, женился и процветает.

17. Дамм, как Парвилахти, был осуждён Особым совещанием на 5 лет и по отбытии срока вместе с Парвилахти был выслан в Ингирку. Умер вскоре после возвращения в Финляндию.

18. Относительно Петриченко мне неизвестно, какие статьи были ему вменены, кем он был осуждён и на какой срок. Умер во Владимирской тюрьме до 1950 года.

19. Бьёркелунд Борис осуждён Особым совещанием по статье 58-й, § 4, 6, 8, 11, гласивших: 1) помощь международной буржуазии в борьбе с коммунизмом; 2) шпионаж; 3) участие в террористической организации; 4) соучастие в коллективной антисоветской деятельности. В 1950 году срок был увеличен на 5 лет и добавлен ещё § 10, карающий за антисоветские разговоры. По возвращении на родину нашёл жену на месте. На полученную в возмещение сумму приобрёл в провинции дом и поселился там, живя на маленькую пенсию и на женины заработки.

20. Мне неизвестен, как и его судьба.

Подведя суммарные данные, можно сказать, что из 20 увезённых человек вернулись обратно 11 человек, умерли в заключении 6 человек, добровольно остались в России 2 человека, о судьбе 20-го мне неизвестно. Из этих лиц 16 человек были финляндскими гражданами, остальные трое бесподданными.

Как явствует из представленных обвинений, никто из них не был обвинён в «военных преступлениях».

В персональном отношении единственно генерал Добровольский представлял из себя величину, могущую в какой-нибудь мере оправдать

требование выдачи его со стороны советских властей. Естественно поэтому, что по возвращении на родину мы пытались разузнать, отчего именно нас постигла такая судьба. Выяснить что-либо с полной достоверностью мы не могли, но с некоторой вероятностью мне удалось разрешить этот вопрос.

Естественно, что лицо, осуществившее нашу выдачу, а именно Министр внутренних дел полукоммунистического правительства того времени Лейно мог бы дать исчерпывающий ответ по этому поводу. Его положение в то время казалось, было влиятельным: во-первых, он был видным деятелем Финской коммунистической партии, во-вторых, был женат на дочери коммунистического идеолога Куусинена, сидящего в Москве. Однако, никаких разъяснений ни он, ни последующие за ним правительства не дали. Родственники арестованных и увезённых людей не были оповещены о судьбе их и узнали о ней через полгода из иностранной печати.

Судьба коммуниста министра Лейно сложилась трагично. В последний период его властвования компартия Финляндии с благословения Москвы хотела произвести коммунистический переворот и включить Финляндию в ряд государств «народных демократий». Лейно, знавший о заговоре, предупредил Командующего армией генерала Сихво³²², а тот подтянул к столице войска и разоружил полицейские кадры, набранные из коммунистов правительством Пеккала.

Этого ни Москва, ни партийные товарищи простить Лейно не могли. Его карьера была кончена, жена его, Хертта Куусинен, с ним разошлась, и Лейно поселился в окрестностях Гельсингфорса, пытаясь потопить свою неудачу в вине. Но кроме вина он занялся написанием своих мемуаров, которые были запрещены финляндским правительством к опубликованию как могущие повредить дружественным отношениям с Советским Союзом. Сам Лейно умер несколько лет тому назад, а несколько экземпляров его мемуаров, напечатанных на пишущей машинке, попали в обращение, несмотря на меры, принятые президентом Кекконеном³²³. Один из этих экземпляров попал в мои руки. Я, естественно, заинтересовался, что там сказано о нашем аресте. Сказано было немного, а именно, что за день до нашего ареста Лейно был вызван в Контрольную комиссию, помещавшуюся в гостинице «Торни», где Жданов передал ему список из 20 человек, которых надлежало арестовать и передать Контрольной комиссии. Никакого разговора об отправке этих лиц в Советский Союз не было. Все 20 человек в списке были Лейно совершенно неизвестны. Если бы на его месте было в то время другое лицо, то и оно вряд ли могло что-нибудь изменить, так как приказания Контрольной комиссии были безоговорочны. Передав приказ об аресте полицейскими властями, Лейно только после отправки арестованных на советских самолётах в Москву узнал об их увозе и сделать ничего не мог.

Допускаю, что рассказ Лейно вполне правдив, и список в несколько сотен человек, который я видел в Политической полиции перед моим увозом, заключал в себе не только нашу группу, но и лиц, находившихся

под арестом в полиции. Сообщение господина Лейно не вносит ясности в вопрос. Я думаю, что разгадка лежит в другом плане, а именно: по прибытии Контрольной комиссии в Гельсингфорс бесчисленное количество советских агентов, штатских и военных были направлены во все здешние организации, учреждения и крупные торговые и промышленные фирмы. Были захвачены все патенты и все архивы, и в том числе архив Политической полиции, к уничтожению которого не было принято никаких мер.

Здесь Советы принялись «обрабатывать» эти материалы, в результате чего и выкристаллизовались эти 20 человек, на которых у полиции имелись вздорные доносы.

Мои догадки подтверждаются предъявленными мне во время следствия майором Рюминым оригиналами моих собственных рапортов и разъяснений о Толе, которые в своё время были переданы Генеральным штабом политической полиции. Насколько доносы могут быть вздорными, мне приходилось много раз убеждаться самому лично.

Генеральный штаб все свои архивы уничтожил заблаговременно, и оттуда большевики ничего не получили.

Полицейские чины, производившие аресты, на мой вопрос в один голос ответили, что не имели понятия о том, кого и за что они арестовывали, и также в один голос рассказали, что по пути к арестовываемым они заезжали в отель «Торни», где помещалась Контрольная комиссия, и там к ним присоединялся один из её членов, причём в некоторых случаях это были лица, владевшие финским языком.

В заключение я считаю долгом выразить свою благодарность за бескорыстную помощь в моём труде Д. Д. Кузьмину-Караваеву, без которой мне вряд ли удалось бы его завершить.

КОММЕНТАРИИ

¹ *Великое Княжество Финляндское* — официальное название Финляндской территории в составе Российской Империи с 1809 по 1917 гг., обладавшей внутренней автономией и состоящей из 8 губерний.

² *Нюландская губерния* — юго-восточная губерния Великого Княжества Финляндского, административным центром которой считалась столица Княжества город Гельсингфорс (Хельсинки).

³ Т.е. «*Товарищество Братьев Нобель*» (или «*Бранобель*») — крупнейшая европейская нефтяная компания, основанная в России в 1876 г. братьями Людвигом (1831–1888), Робертом (1829–1896) и Альфредом (1833–1896) Эммануиловичами Нобелями. Компания владела рядом нефтяных месторождений в Баку и первой в России в 1878–1880 гг. внедрила изобретённый русским инженером В. Г. Шуховым (1853–1939) нефтепровод, что позволило ей в кратчайшие сроки вытеснить с европейского рынка американскую фирму «Ойл». Помимо месторождений в Азербайджане, «Бранобель» получила право на разработку нефти в ряде других стран, в частности в Румынии. К 1916 г. компания добывала 76 миллионов пудов нефти и имела капитала в 30 миллионов рублей. В 1920 г. после занятия Азербайджана Красной армией всё имущество «Бранобель» было отторгнуто в пользу советов.

⁴ «*Контан*» — петербургский ресторан, открытый в 1885 г. во дворе гостиницы «Россия» (наб. р. Мойки, 58). Назван по фамилии первого владельца А. С. Контана. Был весьма модным местом, в котором проводились дипломатические приёмы и обеды в честь известных лиц. Закрыт в 1918 г.

⁵ Первым браком Б. В. Бьёркелунд был женат на актрисе *Марии Александровне Боричевой* (дочери владельца типографии в Петрограде Александра Ивановича Боричева), в браке с которой имел дочь, Инну Борисовну Бьёркелунд (1918–1923).

⁶ *Русский Обще-Воинский Союз (РОВС)* — русская эмигрантская воинская антикоммунистическая организация. Самая крупная организация Русского Зарубежья (по некоторым оценкам, первоначально насчитывала в своих рядах до 100 000 чел.). Создан 1 сентября 1924 г. генерал-лейтенантом бароном П. Н. Врангелем на основе находившихся за границей частей Русской армии. Объединял русские эмигрантские военные и военно-морские организации и союзы, входившие в округа, отделы и представительства РОВС, созданные во всех странах проживания русских эмигрантов. Вёл активную антисоветскую агитацию и работу, как за границей, так и внутри СССР. Руководители РОВСа неоднократно подвергались террористическим актам и провокациям со стороны НКВД. К концу 1930-х гг. перестал играть заметную роль в Русском Зарубежье из-за непредрешенческой позиции, отсутствия чёткой политической программы, работы советских спецслужб и многочисленных расколов. Во время Второй мировой войны официально не принял никакого участия, хотя отдельные чины РОВСа сражались как в рядах Вермахта, так и в армиях стран антигитлеровской коалиции. После окончания Второй мировой войны потерял свою организационную структуру в Восточной Европе и на Дальнем Востоке и превратился фактически в мемориально-ветеранскую организацию. Продолжает существовать вплоть до нашего времени.

⁷ *Барон Врангель Пётр Николаевич* (15.08.1878–22.04.1928), из дворян. Окончил Ростовское реальное училище и Горный институт Императрицы Екатерины II в Санкт-Петербурге. В 1901 г. вступил вольноопределяющимся в Лейб-гвардии Конный полк. Выдержал экзамен на чин корнета при Николаевском кавалерийском училище. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1910 г. окончил курс в Николаевской академии Генерального штаба, но остался

служить в строю Лейб-гвардии Конного полка. Окончил курс Офицерской кавалерийской школы (1911). С 1914 г. начальник штаба Сводно-казачьей дивизии, с сентября т.г. помощник командира Лейб-гвардии Конного полка по строевой части, полковник. С 1915 г. командир 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска. В 1916–1917 гг. командир 2-й, а затем 1-й бригады Уссурийской конной дивизии. В январе 1917 г. произведён в генерал-майоры и назначен временным командующим Уссурийской конной дивизии. С июля 1917 г. командующий 7-й кавалерийской дивизией, затем командующий Сводным кавалерийским корпусом. После Октябрьского переворота отправился на Дон, где присоединился к атаману А. М. Каледину, которому помогал в формировании Донской армии. С августа 1918 г. в Добровольческой армии: командовал 1-й конной дивизией, 1-м конным корпусом. В ноябре 1918 г. произведён в генерал-лейтенанты, а в декабре назначен командующим Кавказской добровольческой армии. В декабре 1919 по январь 1920 гг. командующий Добровольческой армией. В феврале 1920 г. из-за разногласий с генералом А. И. Деникиным уволен в отставку. После отставки Деникина, по решению высшего командования Вооружённых сил Юга России (ВСЮР) 22 марта 1920 г. назначен главнокомандующим, в мае преобразованных им в Русскую армию. Эвакуирован из Крыма в Константинополь 17 ноября 1920 г. В 1922 г. со штабом переехал из Константинополя в Королевство сербов, хорватов и словенцев, в Сремски Карловицы. В 1924 г. под его руководством был создан Русский Обще-Воинский союз (РОВС). В сентябре 1927 г. переехал с семьёй в Бельгию — в Брюссель, где и скончался.

⁸ *Кутепов* (фамилия до усыновления — Тимофеев) Александр Павлович (16.09.1882–26.01.1930), из дворян. Окончил Архангельскую гимназию и Петербургское пехотное юнкерское училище. Службу начал в 85-й пехотном Выборгском полку в 1904 г. Участник Русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой войн. С 1907 г. служил в Лейб-гвардии Преображенском полку, с 1916 г. полковник. В дни Февральской революции 1917 г. пытался организовать сопротивление восставшим в Петрограде. С апреля по декабрь 1917 г. командир гвардии Преображенского полка. С декабря 1917 г. в рядах Добровольческой армии, начальник гарнизона Таганрога. Участник 1-го Кубанского похода, командир 3-й роты 1-го офицерского полка. С марта 1918 г. командир Корниловского полка, в июне назначен командующим 1-й дивизии. С ноября 1917 г. генерал-майор, Черноморский военный губернатор. В мае 1919 г. командующий 1-го армейского корпуса, с июня т.г. генерал-лейтенант. С сентября 1920 г. командующий 1-й армии. После эвакуации из Крыма в ноябре 1920 г. был назначен командиром 1-го армейского корпуса в Галлиполи. 20 ноября 1920 г. произведён в генералы от инфантерии. В конце декабря 1921 г. вместе с частями 1-го армейского корпуса из Галлиполи прибыл в Болгарию. 8 ноября 1922 г. назначен помощником Главнокомандующего Русской армии. В эмиграции в Сербии, затем во Франции. В 1928 г., после смерти генерала Врангеля, назначен председателем РОВСа. Создал Боевую организацию, вёл активную работу по заброске белой агентуры и боевых групп с разведывательно-диверсионными целями в Советскую Россию. В 1930 г. в Париже агенты Иностранного отдела ОГПУ предприняли попытку похищения генерала Кутепова, во время которой он оказал сопротивление и погиб.

⁹ *Скоблин* Николай Владимирович (1894 — ...10.1937 (?)), сын коллежского ассессора. Окончил Чугуевское военное училище в 1914 г. Службу начал в 126-м Рыльском пехотном полку. Участник Первой мировой войны. В 1917 г. вступил в Корниловский ударный полк Добровольческой армии. С ноября 1918 г. полковник, командир Корниловского полка Вооружённых сил Юга России. С марта 1920 г. генерал-майор, начальник Корниловской дивизии Русской Армии. После эвакуации в Галлиполи с 1920 по 1923 гг. командир Корниловского полка. С 1929 г. командир Корниловского объединения, с 1930 г. начальник Секретного отдела РОВС. В сентябре 1930 г. под давлением своей жены, известной певицы Надежды Плевицкой, завербован советской разведкой. Неоднократно изобличался, как агент НКВД (генералом С. Ц. Добровольским, членами НТСНП и др.), но благодаря доверию председателя РОВСа генерал-лейтенанта Е. К. Миллера оставался на своей должности. В сентябре 1937 г. участвовал в похищении генерала Е. К. Миллера. Был разоблачён и бежал в Испанию, где вступил в республиканскую армию. Погиб при невыясненных обстоятельствах.

¹⁰ «*Внутренняя линия*» — конспиративная разведывательная и контрразведывательная организация, созданная при Секретном отделе РОВСа в 1927 г. Имела обширную агентуру и своих

представителей в 17 странах мира (наиболее сильные позиции на Балканах). Тесно сотрудничала с разведками Германии, Польши, Финляндии, Болгарии, Югославии и др. стран. Участвовала в заброске агентов в СССР и изобличении работы советских спецслужб за границей. Несмотря на ошибки в работе и многочисленные провокации со стороны НКВД, неоднократно пытавшегося внедрить в неё своих агентов, успешно просуществовала до начала Второй мировой войны.

¹¹ *Валлениус* Курт Мартти (25.06.1893–03.05.1984), финский правый политический и военный деятель. Во время Первой мировой войны с 1915 г. сражался в рядах Прусского Королевского 27-го егерского батальона. Во время Гражданской войны в Финляндии находился на командных должностях в белой армии. В нач. 1920-х гг. командовал пограничными частями в Лапландии. Произведён в генерал-майоры. В 1926–1930 гг. начальник Генштаба Финляндской республики. В 1930 и 1932 гг. арестовывался за поддержку попыток ультраправого переворота в Финляндии, организованного профашистским движением Лапуа. С 1932 г. генеральный секретарь движения Лапуа. Во время Советско-финской войны в 1939–1940 гг. командовал оперативной группой «Лапландия», а в 1940 г. оперативной группой «Побережье». В 1940 г. переведён в резерв, в 1941 г. вышел в отставку. Вплоть до своей кончины был близок к финским националистическим кругам.

¹² *Финская Государственная* (политическая) *полиция* была создана в 1919 г. при МВД и именовалась Центральной полицией — ЕК (Etsivän keskuspoliisin). Имела в своей структуре несколько отделов. Главный отдел делился на канцелярию, паспортное отделение и отделение контроля и исследований. В 1938 г. преобразована в новую структуру ВАЛПО (Valpovaltiollinen poliisi), ведавшую вопросами, касавшимися интересов государства и общественного порядка. Также ВАЛПО осуществляла слежку за иностранными гражданами, находящимися на территории Финляндии, отвечала за наблюдение паспортного контроля и сбор информации о физических и юридических лицах. После заключения в сентябре 1944 г. мирного соглашения с СССР и прихода к власти социалистов весь личный состав ВАЛПО был обновлён и определяющую роль в ней стали играть коммунисты, отстаивающие свои партийные интересы. Последнее обстоятельство привело к тому, что после проигрыша коммунистов на выборах 1949 г. новое правительство полностью упразднило ВАЛПО.

¹³ *Риекки* Эско (29.04.1891–30.10.1973), финский разведчик. До 1918 г. член финских националистических организаций. Участник Финской Гражданской войны на стороне белых. Один из создателей и в 1919–1938 гг. руководитель Финской политической полиции ЕК-ВАЛПО. Во время Второй мировой войны придерживался прогерманских взглядов, принял участие в создании финских частей войск СС.

¹⁴ *Ларионов* Виктор Александрович (13.07.1897 — около 1987), сын отставного генерал-лейтенанта флота. Окончил 13-ю Петроградскую гимназию, Отдельные гардемаринские классы, в 1917 г. был юнкером Константиновского артиллерийского училища. С ноября 1917 г. в Добровольческой армии. Служил в Марковской артиллерийской батарее. Капитан Русской армии. После эвакуации в Галлиполи переехал в Финляндию. Член Боевой организации генерала Кутепова. В 1927 г. участвовал в диверсионной деятельности в СССР, взрыве Агитпропагандного отдела Ленинградской коммуны, о чём выпустил книгу (см. *Ларионов В. А.* Боевая вылазка в СССР. Записки организатора взрыва Ленинградского Центрального Партклуба (июнь 1927 года). — Париж, 1931). По требованию Советской России выслан из Финляндии во Францию, затем жил в Германии. Глава монархической организации «Белая Идея». В 1941 г. в составе германского Вермахта служил в Смоленске. Офицер для особых поручений контрразведки Вооружённых Сил Комитета Освобождения народов России генерала А. А. Власова. После Второй мировой войны жил в Германии.

¹⁵ *Мальмберг* Каарло Лаури Торвальд (08.05.1888–14.03.1948), финский военный деятель. Активный участник Гражданской войны в Финляндии на стороне белых. Во время Первой мировой войны с 1915 г. сражался в рядах Прусского Королевского 27-го егерского батальона В 1918 г. возглавил артиллерийскую школу в Гельсингфорсе. В 1918–1921 гг. командир 1-го артиллерийского полка. В 1924–1925 гг. министр обороны Финляндии. В апреле-октябре 1925 г. главнокомандующий силами обороны Финляндии, затем служил в Финском Генераль-

ном Штабе. В 1928–1944 г. глава военизированной националистической организации Шюд-скор — Союз самообороны (Siiojeluskunta). Генерал-лейтенант. После 1944 г. в отставке.

¹⁶ В 1918–1940 гг., находясь в составе Финляндии город Выборг именовался Виипури.

¹⁷ *Иоселиани Шалва Константинович (?)* — капитан Русской Императорской армии. Супруг дочери петербургского предпринимателя М. Л. Нейшеллера (1861 —?). В эмиграции в Финляндии. Монархист-николаевец. Представитель Русского Монархического Объединения и Высшего Монархического Совета в Выборге. В середине 1920-х гг. завербован Иностран-ным отделом ОГПУ. В 1929 г., опасаясь провала, бежал в СССР.

¹⁸ *Толь* (наст. фам. — Антонов-Дядик, он же Мельский, Золотарёв, Тёткин) Анатолий Нико-лаевич (1896–1971), белый подпольщик. В 1919 г. один из организаторов подпольной белой организации в Петрограде. В 1919 г. бежал в Эстонию и вступил в ряды Северо-Западной армии. Поручик. Курьер Петроградской боевой организации профессора В. Н. Таганцева. В эмиграции в Финляндии. Глава отделения Братства Русской правды в Финляндии. Активно сотрудничал с разведкой Финского Генерального Штаба и американской миссией.

¹⁹ Речь идёт о «*Братстве Русской Правды*» (БРП) — русской тайной правой эмигрантской организации. Создано в 1921 г. с благословения Митрополита Антония (Храповицкого) гер-цогом Г. Н. Лейхтенбергским, поэтом С. А. Соколовым-Кречетовым, генералом П. Н. Крас-новым и светлейшим князем А. П. Ливеном, составившими Верховный круг БРП. Ставило целью борьбу с Советской властью всеми возможными методами. Имела многочисленные отделения в Германии, Маньчжурии, Китае, Эстонии, Латвии, Югославии, Болгарии, Финлян-дии, США и др. странах. Вплоть до нач. 1930-х гг. вело успешную подпольную агитационную и партизанскую работу в СССР, сотрудничая с казачьими организациями Дальнего Востока, польской разведкой, белорусскими националистами, организациями Б. Савинкова и С. Булак-Булаховича. После 1932–1934 гг., когда в БРП произошли расколы, потеряла прежнее вли-яние, хотя отдельные организации БРП продолжали действовать до 1939 г., а возможно, и позже (*Подробнее см.: Базанов П. Н.* «Братство Русской правды» за рубежом//Общество и власть. — СПб., 2003. С. 330–332).

²⁰ *Краснов Пётр Николаевич* (10.09.1869–17.01.1947), из дворян Войска Донского. Окончил Александровский кадетский корпус, 1-е Павловское военное училище и Офицерскую кавалерийскую школу, был слушателем Николаевской академии Генерального штаба. Участник Китайского похода 1899–1900 гг., Русско-японской и Первой мировой войн. Известный рус-ский писатель и военный журналист. С 1914 г. генерал-майор. В 1915 г. командир 3-й бригады Кавказской туземной конной дивизии, затем назначен командующим 2-й сводной казачьей дивизии. В мае 1917 г. был арестован солдатами на станции Видибор и отправлен в армейский комитет в Минск, но был освобождён. С июня 1917 г. командующий 1-й Кубанской каза-чьей дивизией, в сентябре назначен командиром 3-го кавалерийского корпуса. После боль-шевицкого переворота октября 1917 г. непримиримый враг Советской власти. Совместно с А. Ф. Керенским предпринял неудачную попытку похода на Петроград. Был арестован большевиками, но бежал на Дон. В мае 1918 г. в разгар Общедонского восстания на Большом войсковом круге избран атаманом Войска Донского. Руководил действиями Донской армии против Советской власти, освободив от большевиков почти всю Область Всевеликого Войска Донского. В августе 1918 г. Большим Войсковым Кругом произведён в чин генерала от кавалерии. В феврале 1919 г. из-за поражений Донской армии на фронте подал в отставку. В 1919–1920 гг. в резерве чинов Северо-Западной армии, ведал вопросами пропаганды. С 1920 г. в эмиграции в Германии, где занимался литературной и преподавательской деятельностью. Член Верховного круга БРП. В 1941 г. приветствовал начало Советско-германской войны, участвовал в работе казачьего отдела Министерства восточных оккупированных территорий. С марта 1944 г. начальник Главного управления Казачьих войск при Верховном командовании сухопутных войск Вермахта, руководил организацией Казачьего стана на оккупированной территории и в Северной Италии. После войны выдан англичанами в СССР. Повешен по при-говору Военной коллегии Верховного суда СССР.

²¹ В ноябре 1931 г. в мэрии Хельсинки Борис Вольдемарович Бьёркелунд вступил во второй брак с Ириной Романовной, урождённой фон Раупах (21.04.1908–14.07.2010).

²² Имеется в виду заключённое 19 сентября 1944 г. соглашение о перемирии (впоследствии подтверждённое Мирным договором 10 февраля 1947 г., заключённом в Париже) между СССР и Финляндией, положившем конец Советско-финской войне 1941–1944 гг. или т. н. «Войне продолжения», как её принято именовать в финской историографии.

²³ *Лейно (Leino)* Юрьё Каарло (28.01.1897–28.06.1961), финский левый политик. Получил высшее сельскохозяйственное образование. С 1930 г. член Финской коммунистической партии. В 1935–1938 и 1940–1941 гг. отбывал сроки заключения за «государственную измену». В 1945–1950 гг. состоял в третьем браке с Х. Куусинен, дочерью главы финских коммунистов. В 1944–1945 гг. министр по социальной политике. В 1945–1948 гг. министр внутренних дел Финляндии. 20 апреля 1945 г. по требованию заместителя председателя советской Контрольной комиссии, генерал-лейтенанта Г.М. Савоненкова (1898 – 1975) отдал приказ о выдаче в СССР 20 человек, «виновных в совершении военных преступлений, проводивших по заданию немцев шпионскую и террористическую деятельность против Советского Союза». Эти 20 человек (генерал С. Ц. Добровольский, Б. В. Бьёркелунд, У. Буман-Парвилахти и др.) получили в финской историографии наименование «*узники Лейно*». Член Эдускунты в 1945–1951 гг. В 1950 гг. после развода с Х. Куусинен исключен из партии. Последние годы жизни лечился от алкоголизма.

²⁴ Тестем Б. В. Бьёркелунда был полковник Русской Императорской армии Роман (Александр-Роберт-Карл-Рихард) Романович фон Раупах (20.11.1870–20.12.1943), бывший в октябре-декабре 1918 г. и в 1920–1924 гг. председателем Общества «Русская Колония в Финляндии».

²⁵ В 1941–1944 гг. в составе Войск СС сражалось до 1500 финских добровольцев-антикоммунистов, из которых был сформирован *Финский добровольческий батальон*, входивший в состав полка СС «Нордланд» 5-й танковой дивизии Войск СС «Викинг», принимавший участие в боях на Восточном фронте. В 1943–1944 гг. Германским командованием предпринимались попытки создания отдельного финского формирования СС «Калевала», прерванные из-за выхода Финляндии из войны. Тем не менее после 1944 г. в составе Войск СС продолжало находиться некоторое количество финских добровольцев.

²⁶ *Жданов* Андрей Александрович (14.02.1896–31.08.1948), сын инспектора народных училищ. Член РСДРП (б) с 1915 г. В 1934–1945 гг. 1-й секретарь Ленинградского горкома и обкома ВКП (б). С 1934 г. секретарь ЦК ВКП (б), с 1939 г. член Политбюро ВКП (б). Один из идеологов партии, близкий соратник И. В. Сталина, причастен к организации массовых репрессий. В 1941–1944 гг. член военного совета войск Северо-Западного направления, Северного и Ленинградского фронта. С 1942 г. член Комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. С 1943 г. генерал-полковник. В 1944–1947 гг. председатель Контрольной комиссии союзников в Финляндии.

²⁷ *Министерство Государственной Безопасности* (МГБ) — одно из ведомств Правительства СССР. Организовано в 1946 г. как преемник Народного комиссариата государственной безопасности (НКГБ). Осуществляло разведку, контрразведку, следственную работу, репрессивную деятельность и т. д. Упразднено в 1953 г. с передачей его функций в МВД.

²⁸ Вернее: *Лубянская внутренняя тюрьма* — следственная тюрьма ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ, располагавшаяся в центральном здании советских органов госбезопасности на Лубянской площади и улицах Большая и Малая Лубянка в Москве в период с 1920 по 1962 гг.

²⁹ *Лефортовская тюрьма* — следственный изолятор в Москве. Основана в 1881 г. для содержания нижних чинов, уличённых в мелких нарушениях. С 1918 г. следственная тюрьма ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ-ФСБ. С 2005 г. в ведении Министерства юстиции РФ.

³⁰ *Бутырская тюрьма* (Бутырка, или Бутырки) основана в кон. XVIII в. как губернский тюремный замок в бывших казармах Бутырского пехотного полка. Хотя ещё в XVII в. на территории Бутырского хутора имелась тюремное заведение. С 1868 г. Центральная пересыльная тюрьма Москвы. После 1917 г. использовалась как следственная и пересыльная тюрьма. В настоящее время следственный изолятор № 2 г. Москвы.

³¹ *Разин Степан Тимофеевич* (ок. 1630–06.06.1671), донской казак. В 1662–1663 гг., возглавляя казачий отряд, совершил совместно с запорожцами и калмыками поход под Перекоп против крымских татар. В 1667 г. с отрядами казацкой гольтьбы совершил разбойничьи набеги на Волгу и Яик, а в 1668–1669 гг. по Каспийскому морю в Персию. В 1670–1671 гг., прикрываясь правами умершего царевича Алексея Алексеевича (1654–1670), якобы бежавшего от московских бояр, возглавил крестьянско-казачий бунт против Царской власти на Дону и в Поволжье. Овладел Царицыным, Астраханью, Саратовом и Самарой, но потерпел поражение от правительственных сил под Симбирском и был выдан донскими казаками. Публично казнён в Москве.

³² *Каплан* Фанни Ефимовна (наст. имя и фам. — Ройтблат Фейга Хаимовна) (1888–03.09.1918), дочь учителя. Состояла в Боевой организации Партии эсеров. В 1906 г. была арестована в Киеве за участие в террористической деятельности и осуждена на пожизненную каторгу. Освобождена после Февральской революции. По официальной версии, совершила покушение на В. И. Ленина 30 августа 1918 г. на заводе Михельсона в Москве. Расстреляна без суда.

³³ *Новиков* Александр Александрович (19.11.1900–03.12.1976), из крестьян. С 1919 г. в рядах РККА, с 1920 г. член РКП (б). Окончил Нижегородские пехотные курсы комсостава, командные курсы «Выстрел» и Военную академию им. М. В. Фрунзе. С 1938 г. начальник штаба ВВС Ленинградского военного округа. С 1940 г. командующий ВВС Ленинградского ВО. С началом Советско-германской войны в 1941 г. командующий ВВС Северного (Ленинградского) фронта, одновременно заместитель главнокомандующего войсками Северо-Западного направления по авиации. С февраля 1942 г. 1-й заместитель командующего, с апреля 1942 г. командующий ВВС РККА (в 1942–1943 гг. одновременно зам. наркома обороны по авиации). С 1944 г. Главный маршал авиации. В марте 1946 г. арестован и осуждён по делу о «вредительстве» в авиационной промышленности. 13 июня 1953 г. освобожден и восстановлен в воинском звании. В 1953–1956 гг. командующий Дальней авиацией. В 1954–1955 гг. зам. главкома ВВС. С 1956 г. начальник Высшего авиационного училища ГВФ в Ленинграде, затем возглавлял кафедру. С 1958 г. профессор. Избирался депутатом Верховного Совета СССР. Автор ряда учебных пособий и трудов по истории авиации.

³⁴ *Сухановская особорежимная тюрьма* («Сухановка») — спецобъект НКВД-МГБ. Основана в 1931 г., в корпусах бывшего Свято-Екатерининского мужского монастыря (1658–1918), в которых до 1931–1937 гг. размещались монахини эвакуированного Красностоцкого женского монастыря из-под Гродно. С 1937 г. следственная тюрьма НКВД. Получила название от находившегося поблизости имения Суханово. Отличалась особо строгими правилами содержания. В 1960-х гг. здание тюрьмы переоборудовано под учебный объект МВД. В 1992 г. сохранившиеся корпуса переданы Свято-Екатерининскому мужскому монастырю Русской Православной церкви (РПЦ, МП).

³⁵ *Ульстер* — длинное тёплое пальто свободного покроя.

³⁶ *Куусинен Херта* (14.02.1904–18.03.1974), финская коммунистка. Дочь известного финского коммуниста, главы Финляндской Социалистической рабочей республики в 1918 г., Финляндской демократической республики в 1939–1940 гг. и Карело-Финской АССР в 1940–1956 гг., зам. Председателя Президиума Верховного Совета СССР в 1940–1958 гг. Отто Вилле Куусинена (1881–1964). Находилась на различных должностях в Финской коммунистической партии и ВЛКСМ. В 1934 г. приехала в Финляндию, где была арестована за антиправительственную деятельность. Освобождена в 1944 г. В 1945–1972 гг. избиралась депутатом Эдускунты от Финской народной социал-демократической лиги. С 1945 по 1950 гг. супруга финского коммуниста Юрьё Лейно. Умерла в Москве.

³⁷ Барон фон *Штакельберг* Теодор (1888–1977), из дворян. Капитан. Финляндский предприниматель.

³⁸ Барон фон *Штакельберг* Роман (Рудольф) Александрович (1885–1960), из дворян. Полковник, церемониймейстер Высочайшего двора. Начальник Канцелярии Министерства Импера-

торского двора. В эмиграции в Финляндии. В 1932–1940 гг. председатель «Общества Русская колония в Финляндии».

³⁹ «Общество Русская Колония в Финляндии» — русская общественная организация, созданная 28 января 1918 г. в Хельсинки для представления интересов русской общины и эмигрантов перед властями независимой Финляндии. При нём действовали клуб, общежитие, столовая (в 1930-е гг. реорганизованная в ресторан) и т.д. Общество прекратило свою работу после Второй мировой войны.

⁴⁰ Речь идёт о главном герое романа «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» (1921–1923) чешского писателя-сатирика Ярослава Гашека (1883–1923).

⁴¹ Дзержинский Феликс Эдмундович (30.08.1877–20.07.1926), из дворян Виленской губернии. Профессиональный революционер. С 1896 г. член литовских социал-демократических кружков. С 1903 г. член Главного правления Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, член РСДРП. За организацию революционных беспорядков неоднократно арестовывался и приговаривался к ссылке и каторжным работам. Освобождён после Февральской революции 1917 г. Во время Октябрьского большевистского переворота член Петроградского Военно-революционного комитета. С 7 (20) декабря 1917 г. основатель и председатель ВЧК (с 1922 г. ГПУ, ОГПУ) при СНК. Организатор советской карательной системы, проводившей кровавый террор против населения России. В 1919–1923 гг. нарком внутренних дел РСФСР, одновременно с 1921 г. нарком путей сообщения, с 1924 г. председатель ВСНХ СССР. В 1907–1912 гг. и с 1917 г. член ЦК РСДРП (б). С 1924 г. кандидат в члены Политбюро ЦК РКП (б).

⁴² СМЕРШ (аббревиатура, сложенная из начальных букв лозунга «Смерть шпионам!») — Главное управление контрразведки (ГУКР «СМЕРШ») Народного комиссариата обороны (НКО) СССР — военная контрразведка. Преобразовано из Управления особых отделов НКВД Постановлением СНК СССР от 19 апреля 1943 г. Тем же постановлением были созданы Управление контрразведки «СМЕРШ» НКВМФ СССР и отдел контрразведки «СМЕРШ» НКВД СССР. Просуществовала до мая 1946 года.

⁴³ Рюмин Михаил Дмитриевич (01.09.1913–22.07.1954), из крестьян. Бухгалтер по образованию. В 1938–1941 гг. начальник планово-финансового отдела дирекции по строительству канала Москва-Волга. В 1941–1944 гг. следователь, начальник следственного отделения особого отдела НКВД СССР, отдела контрразведки СМЕРШ Архангельского и Беломорского военных округов. С 1943 г. член ВКП (б). В 1945–1947 гг. старший следователь, зам. начальника отделения Главного управления контрразведки СМЕРШ (затем 3-го Главного управления МГБ СССР). В 1947–1951 гг. старший следователь Следственной части по особо важным делам МГБ СССР. При допросах широко использовал пытки и избиения арестованных. В 1951 г. написал донос на министра госбезопасности безопасности В. С. Абакумова, что послужило основанием к аресту последнего. С 1951 г. полковник МГБ. В 1951–1952 гг. заместитель министра государственной безопасности СССР и начальник следственной части по особо важным делам МГБ СССР. Лично вёл дела Абакумова, «сионистов» и «кремлёвских врачей-убийц». В 1952–1953 гг. старший контролёр Министерства госконтроля СССР. В марте 1953 г. арестован по приказу Л. П. Берии. В 1954 г. приговорён Военной коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу.

⁴⁴ «Бюро Целлариуса» — действовавшее с 1939 по 1944 гг. на территории Финляндии подразделение (военная организация — «Kriegsorganisation Finland») германской военной разведки (Абвера), возглавляемое военно-морским атташе Германии в Швеции и Финляндии фрегаттен-капитаном Александром Целлариусом (он же Келлер) (1898 —?). Данная структура занималась сбором информации о Финляндии, северо-западе СССР и Балтийских странах, русских и эстонских эмигрантах на территории Финляндии, вербовкой добровольцев в германскую армию, подготовкой и заброской диверсионно-разведывательных групп и т.д. После 1941 г. вела общую работу совместно с таким же органом в занятой немцами Эстонии «Abwehrgnebenstelle Reval». После 1944 г. личный состав обеих организаций эвакуирован в Германию. Из арестованных вместе с Б. В. Бьёркелундом с «Бюро Целлариуса» активно сотрудничали генерал С. Ц. Добровольский и капитан К. Н. Пушкарев.

⁴⁵ *Шюцкор*, *Шюдскор* или *Шутскор* (фин., *Suojeluskunta*, швед., *Skyddskår* — *Охранный корпус*) — финская национальная военно-патриотическая организация, созданная с целью повышения обороноспособности Финляндии. Возник в 1917 г. как стихийные отряды самообороны, действовавшие под видом пожарных команд. В январе 1918 года Сейм Финляндии принял закон о взятии на государственное содержание Шюдскора. Отряды Шюдскора приняли активное участие в Гражданской войне в Финляндии, что во многом способствовало победе белых. В 1919 г. статус организации был закреплён Государственным Советом Финляндии. Шюдскор получил собственного командующего, на территории страны были созданы его 19 округов, возникла женская организация «Лотта Свард». Шюдскор нёс функции: проведения военных сборов и обучение резервистов, организации патриотических мероприятий, работы с молодёжью. Почётным шефом организации был маршал К. Г. Маннергейм. С 1924 г. появилось морское подразделение. В 1927 г. Шюдскор был объявлен вспомогательной частью Финской армии и окончательно подчинён Президенту. В Шюдскор могли вступать все граждане Финляндии, достигшие 17 лет, для молодёжи в 1929 г. были организованы детские отряды. К началу Зимней войны 1939–1940 гг. все подразделения Шюдскора (включая женские и детские) насчитывали свыше 200 000 чел. В ноябре 1944 г. после выхода Финляндии из Второй мировой войны Шюдскора был распущен.

⁴⁶ *Нюрнбергский процесс* — международный судебный процесс, созданный странами-победительницами во Второй мировой войне (Великобритания, СССР, США и Франция) с целью осуждения высшего политического, военного и финансового руководства III Рейха, Национал-социалистической рабочей партии Германии (NSDAP), её идеологии и структур. Проходил с 20 ноября 1945 по 1 октября 1946 гг.

⁴⁷ *Кузнецов* Василий Андреевич — старший лейтенант, следователь 6-го отдела 5-го управления МГБ СССР.

⁴⁸ В действительности бессменным главой СМЕРШа был генерал-полковник В. С. Абакумов (1908–1954), а генерал-майор *Александр Георгиевич Леонов* (1905–1954) в 1946–1951 гг. был начальником Следственной части по особо важным делам МГБ. В 1951 г. они оба были арестованы, а 19.12.1954 г. расстреляны.

⁴⁹ Вернее, полковник госбезопасности *Владимир Иванович Комаров* (1916–1954), в 1946–1951 гг. заместитель начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР.

⁵⁰ *Хорьков* Павел Иванович — полковник госбезопасности. В 1944 г. в качестве зам. начальника 5-го оперативного сектора участвовал в насильственном переселении населения Кабардино-Балкарии. В кон. 1940-х гг. в следственном аппарате МГБ.

⁵¹ «*Братчик*», т. е. член Братства Русской Правды.

⁵² *Цивильный лист* (*liste civile*) — часть государственного бюджета в монархиях, которая предоставляется в личное распоряжение правящего суверена.

⁵³ Имеется в виду *К. Н. Пушкарёв*.

⁵⁴ Статья 58⁴ Уголовного Кодекса (УК) РСФСР 1926 г. предусматривала ответственность за: «*Оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к её свержению, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам или организациям, в осуществлении враждебной против Союза ССР деятельности*».

⁵⁵ Имеется в виду: *Народно-Трудовой Союз российских солидаристов* (НТС) (первоначально «Национальный Союз Русской Молодёжи» (НРСМ), с 1931 г. «Национальный Союз Нового Поколения» (НСНП), с 1936 г. «Национально-Трудовой Союз Нового Поколения» (НТСНП), с 1956 г. и поныне НТС) — русская национальная эмигрантская организация, созданная в Югославии в 1930 г. Идеология НТС строилась на новомировоззренческой теории «солидаризма», предполагавшей сохранение социальной иерархии и обществе (классы, сословия), при обязательной социальной помощи бедным группам населения со стороны

богатых. Имела свои представительства в большинстве стран Русского Зарубежья. Вела активную антикоммунистическую деятельность, оставаясь на последовательно непримиримых позициях. В 1930-х — 1980-х гг. занималась переправкой антисоветской литературы в СССР. После падения советского режима перенесла свою деятельность в Россию.

⁵⁶ *Содружество* (группа) «Звено» — русская эмигрантская молодёжная патриотическая организация, существовавшая в Финляндии в 1930-е гг. Возникла как легальная структура после фактического запрета в Финляндии деятельности НТСНП. Хотя формально оставалась отдельной организацией, но члены «Звена» считались членами НТСНП.

⁵⁷ *Миллер* Евгений-Людвиг Карлович (25.09.1867–11.05.1939), из дворян. Окончил Николаевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую Академию Генштаба. Службу начал в Лейб-гвардии Гусарском Его Величества полку. С 1897–1907 гг. русский военный агент в Брюсселе, Гааге и Риме. Генерал-лейтенант, представитель Ставки при Итальянской главной квартире. Во время Гражданской войны в январе 1919 г. генерал-губернатор Северной области и заведующий отделом иностранных дел при главнокомандующем Северного фронта, с мая главнокомандующий войсками Северной области, с сентября главный начальник Северного края. В марте 1920 г. заместитель председателя Временного Правительства Северной области. В 1922 г. начальник Штаба Русской армии, затем помощник главнокомандующего Русской армии. В 1924 г. начальник 1-го отдела РОВС. С 1928 г. помощник председателя РОВС. С 1930 г. начальник РОВС. В 1938 г. похищен советскими агентами из Парижа и расстрелян в Москве.

⁵⁸ Пункт 6 ст. 58 УК РСФСР предусматривал ответственность за: «Шпионаж, т.е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам», а пункт 8 за: «Совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации».

⁵⁹ Т.е. «Пропаганда и агитация, содержащие призывы к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания».

⁶⁰ *Сталин* (наст. фам. — Джугашвили) Иосиф Виссарионович (06.12.1878–05.03.1953), сын сапожника. После окончания Горийского духовного училища (1894) учился в Тифлисской духовной семинарии, откуда в 1899 г. был исключён за участие в социал-демократическом движении. В 1898 г. вступил в грузинскую социал-демократическую организацию «Месамедаси». В 1903 г. примкнул к большевикам. В 1906–1907 гг. руководил проведением экспроприаций в Закавказье. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В 1907 г. один из организаторов Бакинского комитета РСДРП (б). С 1912 г. кооптирован в ЦК и Русское бюро ЦК РСДРП. В 1917 г. член редколлегии газеты «Правда», Петроградского Совета, Политбюро ЦК большевиков, Военно-революционного центра. После Октябрьского переворота в 1917–1922 гг. нарком по делам национальностей, одновременно в 1919–1922 гг. нарком государственного контроля, с 1918 г. член Реввоенсовета. В 1922–1953 гг. генеральный секретарь ЦК партии. Руководитель Советского государства. В 1941–1945 гг. председатель Государственного Комитета Обороны, с 1945 г. генералиссимус СССР. В борьбе за власть нещадно уничтожал политических оппонентов, как внутри партии, так и внутри всей страны. Организатор массовых политических репрессий, форсированной индустриализации и насильственной коллективизации.

⁶¹ Вернее: *Фольксдойче* (нем. *Volksdeutsche*, «этнические» или «народные немцы») — термин, обозначающий немцев и их потомков, живущих вне пределов Германии (в отличие от «райхсдойче» (нем. *Reichsdeutsche* — «немцев из Рейха»). Понятие возникло после Первой мировой войны и активно использовалось в Третьем рейхе (1933–1945 гг.), где за фольксдойче был закреплён особый правовой статус. В настоящее время термин

практически не используется и заменён на *Auslandsdeutsche* (нем. *Auslandsdeutsche*, «заграничные немцы»).

⁶² Первая попытка создать польские вооружённые формирования на территории СССР была предпринята осенью 1940 г., когда Л. Берия обратился к И. Сталину с предложением сформировать из находившихся в СССР после Советско-польской войны 1939 г. польских военнопленных дивизию и использовать её в случае столкновения СССР с Германией. В 1941 г. после начала Советско-германской войны на территории СССР по соглашению с Польским правительством в изгнании начали формироваться польские военные части. Ими стали: 1-я польская пехотная дивизия (с 1943 г. им. Тадеуша Костюшко, позже включённая в 1-й Польский корпус) и 2-й Польский корпус (под командованием генерала В. Андерса), в 1942 г. переправленный в Иран и затем воевавший на стороне британцев в Италии. В марте 1944 г. 1-й Польский корпус был переформирован в 1-ю Польскую армию 1-го Белорусского фронта. Также на территории Польши местными коммунистами из Польской рабочей партии была создана партизанская Армия Людова. Последняя 21 июля 1944 года декретом Всепольского народного совета была объединена с 1-й Польской армией в единое Войско Польское.

⁶³ Речь идёт о «*Легионе Михаила Архангела*» — румынской ультранационалистической, фашистской организации, созданной в 1927 г. Корнелием Зея Кодряну. В 1930 г. стала носить название «Железная Гвардия». В 1934–1935 гг. после запрета создала легальную политическую партию «Всё для страны». Организация была причастна к политическим убийствам и покушениям, погромам и попыткам гос. переворота, вследствие чего была официально запрещена в 1941 г. маршалом И. Антонеску.

⁶⁴ Князь *Оболенский* Сергей Дмитриевич (21.07.1868–28.02.1946), из древней русской аристократии. Окончил Николаевское кавалерийское училище. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. Полковник. Елисаветпольский, а затем Псковский вице-губернатор. С 1916 г. Ставропольский губернатор. После Февральской революции 1917 г. в отставке. Во время Гражданской войны находился при штабе ВСЮР. В эмиграции в Венгрии. Член Русского комитета в Будапеште. Монархист-легитимист, штаб-офицер при военном представителе Императора Кирилла Владимировича в Венгрии. Схвачен органами СМЕРШ 8 мая 1945 г. в Вене, вывезен в СССР, осуждён на 10 лет. Умер в лагере Потьма в Мордовии.

⁶⁵ Вместе с генералом от кавалерии П. Н. Красновым в советский плен попали также его родственники Красновы: генерал-майор Вермахта Семён Николаевич (13.03.1893–19.01.1947) (позже повешенный вместе с П. Н. Красновым в Москве), брат предыдущего полковник Генерального Штаба Николай Николаевич (скончался 13.10.1947 г. в Потьменском лагере), и сын последнего — подъесаул Николай Николаевич (младший) (1918–22.11.1959), который после 10 лет, проведённых в советских лагерях, смог выехать в Швецию, затем Аргентину, где и скончался, не дожив до выхода в 1959 г. в Нью-Йорке книги своих воспоминаний «Незабываемое».

⁶⁶ Описываемый показательный провод немецких военнопленных (всего 57600 человек) по улицам Москвы состоялся 17 июля 1944 г.

⁶⁷ Граф *Игнатъев* Алексей Алексеевич (02.03.1877–20.11.1954), из дворян. Окончил Киевский кадетский корпус, Пажеский корпус, Николаевскую Академию Генштаба и Офицерскую кавалерийскую школу. Службу начал в Лейб-гвардии Кавалергардском Ея Величества полку. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1907–1912 г. военный агент в Дании, Швеции и Норвегии. В 1912–1918 гг. военный агент во Франции. С 1917 г. генерал-майор. В 1925 г. передал Советскому правительству денежные средства Российской Империи, хранившиеся во французских банках. Работал в советском торгпредстве во Франции, оказывал активную поддержку Советскому правительству с целью его признания европейскими правительствами. По приезде в СССР в 1937 г. ст. инспектор по иностранным языкам Управления военно-учебных заведений РККА, начальник кафедры иностранных языков Военно-медицинской академии. С 1942 г. старший редактор военно-исторической литературы Военного издательства Наркомата обороны. В 1943 г. произведён в генерал-лейтенанты РККА. С 1947 г.

в отставке. 15.06.1918 г. в Париже вторым браком женился на балерине Наталии Владимировне Трухановой (урожд. Бастуновой) (29.03.1884–1956).

⁶⁸ Граф *Келлер* Павел Фёдорович (21.05.1883–17.06.1980), сын генерала от кавалерии. Окончил Морской корпус в 1901 г. Капитан 1-го ранга. Перед революцией 1917 г. командир эсминца «Пылый». Во время Гражданской войны в Добровольческой армии и ВСЮР. В 1918–1919 гг. начальник оперативной части Штаба Черноморского флота. В эмиграции в Румынии. Полковник Румынской Королевской армии, был близок к румынскому Двору. Монархист-легитимист, член Клуба бывших офицеров российского флота в Бухаресте. Во Второй мировой войне в составе румынской армии участвовал в боевых действиях в СССР. В 1945 г. арестован в Бухаресте, вывезен в СССР и заключён в ГУЛАГ. В 1955 г. освобождён, после чего выехал в ФРГ.

⁶⁹ Автор ошибается в названии газеты, на самом деле «*Новое слово*» — независимая еженедельная газета русской колонии в Германии. Издавалась в Берлине с июля 1933 по ноябрь 1944 гг. №№ 1–680, с ноября 1944 по март 1945 гг. выходила под названием «Воля России» как официальный орган КОНР. Несмотря на именование «независимая», субсидировалась ведомством А. Розенберга и активно отстаивала идеологические установки Третьего Рейха (в т. ч. расовую теорию и антисемитизм). Редакторы-издатели: июль 1933 — сентябрь 1934 гг. Е. Кумминг, сентябрь 1934 — ноябрь 1944 гг. В. М. Деспотули, ноябрь 1944 — март 1945 гг. сотрудник Гестапо Амфлет, генерал Г. Н. Жиленков, Н. В. Ковальчук и полковник Н. В. Пятницкий.

⁷⁰ *Деспотули Владимир Михайлович* (1895–20.08.1977), из греческой семьи. В 1916–1918 гг. поручик, адъютант командира Русского экспедиционного корпуса в Персии генерала Н. Н. Баратова. В 1917 г. русский военный комендант Тегерана. В годы Гражданской войны сотрудник белых газет «Единая Россия» (Баку) и «Великая Россия». В эмиграции жил в Константинополе, Праге, затем Берлине. В 1920-е гг. секретарь Союза русских сценических деятелей в Германии и Союза русских журналистов и литераторов в Германии. С сентября 1934 по ноябрь 1944 гг. главный редактор-издатель газеты «*Новое слово*», также редактировал пропагандистские издания для оккупированных территорий. В сентябре 1944 г. был фактически отстранён от редактирования газеты и находился под домашним арестом. После взятия Берлина советскими войсками арестован. В 1945–1955 гг. узник ГУЛАГа. После освобождения жил в ФРГ.

⁷¹ Статья 59 УК РСФСР карала за «особо для Союза ССР опасные» преступления против порядка управления (массовые беспорядки, бандитизм, уклонение от призыва на военную службу, контрабанду, возбуждение национальной и религиозной розни и вражды, похищение оружия, подделку и сбыт фальшивых денег и т. д.).

⁷² *Ворошилов* Климент Ефремович (23.01.1881–02.12.1969), сын шахтёра. Учился в земской школе. С 1896 г. работал разнорабочим, затем был слесарем, машинистом крана на заводах Луганска. В 1903 г. примкнул к РСДРП (б), профессиональный революционер, участник революционных беспорядков 1905–1907 гг. После Февральской революции председатель Городской думы и совета г. Луганска. В октябре 1917 г. избран членом ВЦИК, в ноябре стал комиссаром Петроградского Военно-революционного комитета. С началом Гражданской войны командовал 5-й Украинской армией, участвовал в обороне Царицына, где сблизился с И. Сталиным. С 1919 по 1920 гг. член Реввоенсовета 1-й Конной армии. В 1921 г. командовал делегатами 10-го съезда РКП (б) при подавлении Кронштадтского восстания. С 1921 г. командующий войсками Северо-Кавказского, с 1924 г. Московского военного округа. С 1925 г. нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета СССР, с 1934 нарком обороны СССР. С 1935 г. маршал Советского Союза. Входил в ближайшее политическое окружение И. В. Сталина, один из организаторов массовых репрессий 1930-х — нач. 1950-х гг. С 1940 г. заместитель председателя Совета Народных Комиссаров СССР. Во время Второй мировой войны член Государственного Комитета Обороны, Ставки Верховного Главнокомандующего, глава Штаба Партизанского движения, до сентября 1941 г. главнокомандующий войсками

Северо-Западного направления. Член Политбюро (Президиума) ЦК партии в 1926–1960 гг. С 1953 г. председатель Президиума Верховного Совета СССР.

⁷³ Речь идёт об Указе Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене смертной казни» от 26 мая 1947 г.

⁷⁴ Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности».

⁷⁵ *Печковский* Николай Константинович (13.01.1896–24.11.1966), выдающийся русский певец. Пению учился у Л. Д. Донского. С 1913 г. драматический актёр в Сергиевском народном доме. С 1918 г. в оперной студии К. С. Станиславского. В 1921–1923 гг. солист оперной студии Большого театра. С 1924 по 1941 гг. ведущий солист Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова. С 1939 г. народный артист РСФСР. В 1941 г. оказавшись на оккупированных территориях, продолжил сценическую деятельность. В 1944 г. арестован и осуждён на 10 лет. Освобождён в 1954 г. С 1956 г. руководил самодеятельностью при ДК им. А. Д. Цюрюпы. В год смерти дал несколько концертов в Москве и Ленинграде.

⁷⁶ *Платан* (урожд. Фёдорова) Людмила Владимировна — дочь коллежского асессора. В эмиграции в Финляндии. Художник-иконописец, член Общества русских художников в Финляндии. Радиоведущая.

⁷⁷ Речь идёт об атомной бомбардировке японских городов Хиросимы и Нагасаки, предпринятой американцами соответственно 6 и 9 августа 1945 г. на последнем этапе завершения Второй мировой войны.

⁷⁸ *Саблин* (3-й) Николай Васильевич (12.10.1880–1956), из дворян. Выпускник Морского корпуса 1901 г. Служил в Гвардейском экипаже. С 1913 г. капитан II-го ранга. В эмиграции в Румынии. Председатель кружка бывших офицеров Российского флота в Румынии. Монархист-легитимист, чин Корпуса Императорской Армии и Флота. Произведен Императором в изгнании Кириллом Владимировичем в капитаны I-го ранга, затем в контр-адмиралы. В 1945 г. захвачен органами СМЕРШ в Бухаресте и отправлен в ГУЛАГ. В 1955 г. вернулся в Румынию, где и умер.

⁷⁹ *Саблин* Евгений Васильевич (1875–02.05.1949), из дворян. Окончил Александровский лицей 1898 г. Камер-юнкер. Чиновник министерства Иностранных дел. Действительный статский советник. С 1915 г. и до признания Великобританией Советского правительства в 1924 гг. российский посол в Лондоне. В эмиграции председатель Объединения русских организаций в Англии, директор «Русского дома» в Лондоне. Сотрудник и лондонский корреспондент русских эмигрантских периодических изданий.

⁸⁰ *Постников* Сергей Порфирьевич (1883–1965), сын чиновника. Журналист и литературный критик. Член партии эсеров. В 1917–1919 гг. соредактор газеты «Дело народа». Член Учредительного собрания. В 1921 г. бежал из Советской России. В эмиграции жил в Берлине, с 1923 г. в Праге. В 1923–1938 гг. один из руководителей Русского заграничного исторического архива при Министерстве Иностранных дел Чехословакии. В 1927–1932 гг. соредактор журнала «Социалист-революционер». В 1945 г. арестован органами СМЕРШ в Праге и репатриирован в СССР. Находился 10 лет в советских лагерях. После освобождения вернулся в Чехословакию.

⁸¹ За временем Б. В. Бьёркелунд путает имя и отчество, имеется в виду *Николай Владимирович Быстров* (1899–05.12.1967), сын коллежского советника. Начал обучение на юридическом факультете Петроградского университета. Участник Гражданской войны. В 1921 г. эмигрировал в Чехословакию. В 1929 г. окончил Русский юридический факультет Карловского университета в Праге. Сотрудник Русского заграничного исторического архива. С 1935 г. гражданин Чехословацкой республики, чиновник МИД ЧСР. В 1945 г. арестован органами СМЕРШ в Праге и репатриирован в СССР. Находился 10 лет в советских лагерях. После освобождения вернулся в Чехословакию.

⁸² *Пресня* — историческая местность на территории Москвы, берущая название от небольшой реки Пресня. В 1918 г. в память о революционных беспорядках, проходивших в 1905 г., переименована большевиками в «Красную Пресню».

⁸³ *Буреполом* — посёлок Тоншаевского района Нижегородской области, вблизи которого в 1946–1953 г. находился Буреполомский ИТЛ.

⁸⁴ *Вятский исправительно-трудовой лагерь (Вятлаг)* НКВД-МВД СССР — советский концлагерь, располагавшийся на территории Кайского (ныне Верхнекамского) района Кировской области (бывшей Вятской губернии) с центром в посёлке Лесной. Организован 5 февраля 1938 года (приказ НКВД СССР № 020–1938 г.). На момент пребывания Б. В. Бьёркелунда непосредственно подчинялся Управлению лагерей лесной промышленности (УЛЛП) НКВД-МВД СССР. Основной профиль деятельности: лесозаготовка и деревообработка. Общая площадь территории дислокации (к середине 1960-х годов) — около 12 000 кв. км. Количество лагерных пунктов (лагпунктов) и подкомандировок: от 12-ти в 1938 году — до 38-ми в конце 1950-х годов. Количество заключённых в различные годы от 11 000 до 30 000 чел. Выделялся как один из лагерей НКВД с наиболее тяжёлыми условиями труда и быта.

⁸⁵ *Омский ИТЛ* (Омлаг) организовывался дважды в 1941–1943 и в 1950–1953 гг. Заключённые использовались для строительства автодорог, аэродрома, лесозаготовки и т. д.

⁸⁶ В г. *Мариинске* в Новосибирской (с 1943 г. Кемеровской) области с осени 1929 г. действовал *Сибирский исправительно-трудовой лагерь* (Сиблаг). В различные годы в нём прибывало от 4500 до более 70 000 заключённых, использовавшихся на работах по угледобыче, золотодобыче, дорожному строительству, лесозаготовкам, сельхозработам и т. д.

⁸⁷ Помимо Озерлага и Ангарлага (см. ниже) в районе г. Тайшета (Иркутская обл.) были организованы также Братский ИТЛ (1946–1947 гг.) и Тайшетский ИТЛ (1948 г.), позже включённые в Ангарлаг.

⁸⁸ *Столыпин* Пётр Аркадьевич (02.04.1862–05.09.1911), из дворян. Окончил физико-математический факультет Петербургского университета (1885). Действительный статский советник. В 1906–1911 гг. министр внутренних дел и председатель Совета Министров Российской Империи. С 1907 г. член Государственного Совета. Выдающийся российский государственный деятель, начал проведение аграрной реформы. Под его руководством был разработан ряд крупных законопроектов, в т. ч. по реформе местного самоуправления, введению всеобщего начального образования, о веротерпимости. Смертельно ранен двумя выстрелами в Киевском городском театре эсером Д. Богровым.

⁸⁹ *Богров* Дмитрий Григорьевич (Мордехай Гершкович) (29.01.1887–12.09.1911), происходил из еврейской семьи. С 1906 г. член киевской группы анархистов-коммунистов, а затем эсеров-максималистов. В 1907 г. при аресте предложил свои услуги Охранному отделению. В качестве платного агента до 1910 г. сотрудничал с Охранным отделением. Окончил юридический факультет Киевского университета Св. Владимира. Помощник присяжного поверенного. 1 сентября 1911 г. по пропуску, выданному начальником Киевского охранного отделения Н. Н. Кулябко, прошёл в городской оперный театр и во время второго антракта оперы «Сказание о Царе Салтане», на которой присутствовал Император Николай II, из браунинга смертельно ранил председателя Совета министров П. А. Столыпина. Был схвачен на месте. По приговору военно-окружного суда повешен.

⁹⁰ *Кронштадтское восстание* (мятеж) — вооружённое выступление матросов Кронштадтского гарнизона и команд нескольких кораблей Балтийского флота 1–18 марта 1921 г., недоброжелательной политикой «военного коммунизма» и выдвинувших лозунг «Советы без коммунистов!». Выступление подавлено силами Красной армии.

⁹¹ Автор ошибается. Во время Кронштадтского восстания мятежными матросами был арестован не К. Е. Ворошилов, а председатель Всероссийского Центрального Исполнительного комитета Михаил Иванович Калинин (07.11.1875–03.06.1946).

⁹² «*Dance macabre*» (фр.) — «пляска смерти».

⁹³ *Бурская война* — военное противостояние в Южной Африке в 1899–1902 гг. между государствами переселенцев-буров (Южноафриканская республика (Трансвааль) и Оранжевое Свободное государство) и Великобританией, завершившееся аннексией англичанами бурских территорий. В ходе войны погибло ок. 22000 англичан и 4000 буров. В английских концлагерях умерло 27000 буров.

⁹⁴ *Соловецкие лагеря особого назначения*, или *Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения ОГПУ* (реже Северные (Соловецкие) лагеря ОГПУ) (СЛОН, СЛАГ) — первый советский концлагерь. Организован 13 октября 1923 г. постановлением СНК (протокол № 15) на основе действовавших с 1921–1922 гг. Северных концентрационных лагерей, переведённых из Архангельска, Холмогор и Пертоминска на Соловецкие острова в переоборудованные корпуса действовавшего ранее Соловецкого ставропигиального мужского монастыря (1429–1921). Территориально располагался в Кемском уезде Архангельской губернии, позже переданном в состав Карело-Финской АССР. Контингент заключённых, в разное время достигавший от 3000 до 71000 человек, использовался в основном на работах по лесозаготовке и торфоразработке. Лагерь имел целый ряд отделений (например, Свирское и Вишерское). После закрытия лагеря в 1933 г. на его основе возникли: Беломоро-Балтийский ИТЛ, Свирский ИТЛ, Вишерский ИТЛ и др.

⁹⁵ *Реппорт* Яков Давидович (12.10.1898–01.07.1962), из евреев г. Риги. Учился в эвакуированном в Воронеж Юрьевском университете (не окончил). С 1917 г. член РСДРП (б). С 1918–1920 г. последовательно следователь, зав. юридического отдела и зам. председателя Воронежской ГубЧК. В 1920 г. зам. председателя Воронежского губернского ревтрибунала, начальник Воронежского губернского уголовного розыска. С февраля 1922 г. работал в Москве секретарём Наркома иностранных дел, старшим секретарём отдела НКВД РСФСР, с сентября того же года на хозяйственной работе в кооперативных организациях ГПУ (управляющий делами товарищества «Ларёк») и Наркомате земледелия РСФСР. Член комиссии ОГПУ в Соловецком лагере. С 1930 г. помощник начальника ГУЛАГ. С 1931 г. зам. начальника строительства Беломорско-Балтийского канала. С 1932 г. зам. начальника ГУЛАГ. С 1940 г. начальник ГУЛПС НКВД. С 1941 по 1953 гг. начальник ряда строителей НКВД-МВД СССР (в т. ч. в 1947–1949 гг. начальник Главгидростроя). С 1943 г. генерал-майор инженерно-технической службы. С 1953 г. начальник Главречстроя Министерства строительства СССР. Уволен в запас МВД в 1956 г. Работал заместителем директора института «Гидропроект».

⁹⁶ Постройкой *Беломорско-Балтийского канала* (ББК) и освоением прилегающих территорий занимался специально организованный 16 ноября 1931 г. на базе Соловецкого ИТЛ ОГПУ — *Беломорско-Балтийский ИТЛ* с центром в г. Медвежьегорске (Карело-Финская АССР). На этой «сталинской» стройке в различное время было задействовано от 50 000 до 100 000 заключённых. Белбаллаг отличался особо жестокой эксплуатацией рабочей силы, тяжёлыми условиями труда и высокой смертностью. 18 сентября 1941 г. в связи с продвижением войск германского Вермахта на северо-западном направлении по Распоряжению СНК СССР № 08955 от 11 сентября 1941 г. Беломорско-Балтийский ИТЛ был ликвидирован.

⁹⁷ В целях увеличения шахтного строительства и повышения угледобычи 10 мая 1935 г. из Ухто-Печорского ИТЛ был выделен самостоятельный *Воркутинский ИТЛ* (Воркутпечлаг и Воркутлаг) с центром в посёлке Воркута Архангельской обл. (позже г. Воркута Коми АССР). На его объектах использовался труд от 15 000 до 70 000 (в 1951 г.) человек.

⁹⁸ Для разработки Интинские угольные месторождения на территории Коми АССР в 1941 г. из Воркутинского ИТЛ был выделен *Интинский ИТЛ*. В нём использовался труд от 6 000 (в 1943 г.) до 20 000 (в 1947 г.). В ноябре-декабре 1948 г. лагерь был реорганизован, а его объекты были переданы в Минеральный лагерь.

⁹⁹ *Северный Железнодорожный ИТЛ* (Севжелдорлаг) был организован в 1938 г. на территории Коми АССР с целью лесозаготовки и строительства железной дороги Котлас-Воркута. На начало 1941 г. на его стройках было задействовано до 80 000 человек. В 1950 г. вошёл в Печорский лагерь.

¹⁰⁰ С целью разведки, разработки и добычи нефти и угля в районе пос. Чибью (ныне г. Ухта (республика Коми)) в 1929 г. была организована т.н. «Ухтинская экспедиция» УЛАГ–ГУЛАГ ОГПУ, которая в 1931 г. была преобразована в Ухтинско-Печорский ИТЛ. В 1938 г. он был закрыт, а на базе его подразделений возникли: Воркутинский, Северный Железнодорожный, Усть-Выйский и Ухто-Ижемский ИТЛ.

¹⁰¹ *Печорский ИТЛ* (Печорлаг) был создан в 1950 г. в результате объединения Северного Железнодорожного ИТЛ и Печорской стройки, с центром в г. Печора (Коми АССР). В основном контингент (до 60000 чел. в 1951 г.) использовался при строительстве железнодорожных веток. В 1959 г. лагерь был закрыт, а его объекты переданы Воркутинскому ИТЛ.

¹⁰² Автор путает, в действительности строительством железнодорожной ветки Наушки — Улан-Батор с 1947 по 1953 гг. занималась *505-я стройка*, а *509-я стройка* с 1951 по 1953 гг. прокладывала железные дороги Апатиты — Кейва — Поной с веткой к бухте Иоканьга и Умбозеро — Лесной.

¹⁰³ С 1920-х до 1950-х гг. в Советском Союзе в общей сложности функционировало более 400 Исправительно-трудовых лагерей (см. *Бородкин А. И., Грегори П., Хлевнюк О. В.* ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. — М., 2005).

¹⁰⁴ *Красноярский лагерь* (Краслаг) ГУЛАГ был организован 5 февраля 1938 г. с центром в г. Канск Красноярского края. Контингент от 9000 (в 1938 г.) до 30000 (в 1953 г.) в основном использовался на лесозаготовках и по деревообработке.

¹⁰⁵ Речь идёт о т.н. «*шарашках*» — секретных особых и специальных конструкторских бюро, где согласно циркуляру Высшего Совета Народного Хозяйства от 15 мая 1930 г. использовался принудительный труд научных специалистов, осуждённых «за вредительство». «Шарашки» находились последовательно в ведении Экономического отдела ОГПУ, Отдела особых конструкторских бюро НКВД СССР и 4-го спецотдела НКВД-МВД СССР. В них велись исследования по микробиологии, химии, ядерной физике, геологии, авиастроению и т.д., как правило, для военных целей. Ликвидированы в 1953–1956 гг. после расформирования 4-го спецотдела МВД СССР.

¹⁰⁶ *Главное Управление Исправительно-Трудовых Лагерей («ГУЛАГ»)* — структурное подразделение ОГПУ-НКВД-МВД, ведавшее системой советских концлагерей, их хозяйственной, производственно-плановой, кадровой и пр. деятельностью. Образовано 25 апреля 1930 г. приказом ОГПУ № 130/63 во исполнение «Положения об исправительно-трудовых лагерях», утвержденного СНК СССР 7 апреля 1930 г. Окончательно упразднено приказом МВД № 020 от 25 января 1960 г.

¹⁰⁷ *Норильский ИТЛ* (Норильлаг) был организован в Красноярском крае в 1935 г. Заключённые численностью от 1200 (в 1935 г.) до 72000 (в 1951 г.) были задействованы на строительстве и эксплуатации Норильского медно-никелевого комбината, по разработке каменно-бутового карьера, добыче известняков, угля, гипса и др. работах. Лагерь действовал до 1956 г.

¹⁰⁸ В районе г. Караганда (Казахская ССР) в 1930-е — 1940-е гг. в разное время действовало 7 лагерей (Карагандинский ИТЛ (Карлаг), Строительство № 4 (Карагандауголь), Казахстанский ИТЛ (Казлаг), ИТЛ Карагандажилстроя, Песчаный ИТЛ (Песчанлаг или Особлаг № 8), Степной ИТЛ (Степлаг или Особлаг № 4) и Саранский ИТЛ), в эти же годы ещё не менее 7 лагерей функционировало на территории Карагандинской области.

¹⁰⁹ *Кухтиков* Алексей Демьянович (1904–1985), служащий советской карательной системы. Член КПСС, делегат Съездов партии. В 1944–1947 гг. начальник Управления Вятского ИТЛ, в 1947–1952 г. начальник Управления Воркутинско-Печорского ИТЛ, в 1953–1954 гг. начальник Управления Китойского ИТЛ. В 1954–1957 гг. зам.начальника Китойского ИТЛ. В 1957–1959 гг. начальник инспекции Главного управления ИТК. В 1959–1960 гг. зам. начальника отделения Главного управления мест заключения МВД СССР. Полковник. С 1960 г. на пенсии. В 1962–1966 гг. председатель Бескудниковского поселкового совета, в 1968–1966 гг. начальник ЖЭК № 32 в Москве.

¹¹⁰ *Сердюков* Иван Алексеевич — театральный актёр, певец-бас оперы Большого театра в Москве. В 1941 г. оказался в оккупированной немцами части Московской области. После войны осуждён. Актёр «Музыкально-драматического театра» Вятлага.

¹¹¹ Имеется в виду Поль *Марсель* (он же Поль Александрович Русаков (наст. фам. — Иоселевич)) (1908–1973). Родился во Франции в семье евреев-социалистов, эмигрировавших из России. В 1919 г. вместе с семьёй приехал в Петроград. В 1929–1932 гг. учился на композиторском отделении Ленинградской консерватории. Писал музыку к спектаклям. С 1934 г. музыкальный руководитель Театра Особой Дальневосточной армии. В 1937 г. арестован НКВД и осуждён на 10 лет. Отбывал срок в Вятлаге, где был музыкантом и дирижёром в лагерном Музыкально-драматическом театре. В 1947–1949 гг. дирижёром Воронежского цирка, в 1949–1956 г. дирижёр цирка в г. Иваново. В октябре 1956 г. вернулся в Ленинград, где стал музыкальным руководителем и дирижёром Ленинградского цирка.

¹¹² «*Весёлая вдова*» — оперетта в трёх актах австро-венгерского композитора Франца Легара (1870–1948). Впервые прошла на сцене в 1905 г. и с тех пор считается одной из наиболее часто исполняемых оперетт во всём мире. По её мотивам были поставлены многочисленные киноэкранизации и балет.

¹¹³ «*Граф Люксембург*» — оперетта австро-венгерского композитора и дирижера Ф. Легара, впервые поставленная в 1909 г.

¹¹⁴ «*Принцесса цирка*» — оперетта венгерского композитора Имре Кальмана (1882–1953), впервые поставленная на сцене в 1930 г.

¹¹⁵ «*Ярмарка невест*» — оперетта венгерского композитора Виктора Якоби (1883–1921). Впервые поставлена в Королевском театре в Будапеште в 1911 г., через год с большим успехом демонстрировалась в Санкт-Петербурге и Москве.

¹¹⁶ *Берия* Лаврентий Павлович (17.03.1899–23.12.1953), сын крестьянина. С 1917 г. член партии большевиков. С 1921 г. на службе в органах госбезопасности Закавказья. С 1926 г. председатель Грузинского ГПУ и заместитель председателя Закавказского ГПУ. С 1931 г. первый секретарь ЦК компартии Грузии, затем руководитель Закавказского крайкома ВКП (б). С 1938–1945 гг. нарком, в 1953 г. министр внутренних дел СССР. Одним из организаторов системы ГУЛАГ и массовых политических репрессий кон. 1930-х — нач. 1950-х гг. В 1941–1953 гг. заместитель председателя Совета Народных Комиссаров (Совет министров) СССР. С 1941 г. член, с 1944 г. заместитель председателя Государственного Комитета Обороны. С 1945 г. маршал СССР. В 1934–1953 гг. член ЦК ВКП (б)-КПСС, в 1946–1953 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК. Арестован и расстрелян в ходе межпартийной борьбы за власть.

¹¹⁷ Пункт 7 ст. 58 УК РСФСР предусматривал ответственность за: «*Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно и кооперации, совершённый в контрреволюционных целях путём соотвествующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций*».

¹¹⁸ *Унжлаг* (Унженский ИТЛ) — советский концлагерь, располагавшийся на станции Сухобезводное Горьковской железной дороги (ныне Нижегородская обл.). Организован 5 февраля 1938 г. Количество заключённых в 1930-е — 1950-е гг. от 15 000 до 30 000 человек. Основной профиль работ: лесозаготовка и поставка дров в Москву.

¹¹⁹ Понятие «*недоносительство*», т.е. несообщение о готовящемся преступлении либо о факте совершения преступления, было введено в советское уголовное право в 1927 г. В описываемое время уголовная ответственность за недоносительство предусматривалась статьями 58¹² и 59¹³ УК РСФСР.

¹²⁰ *Айсарги* (*Aizsargi*) — военизированная патриотическая организация (силы самообороны, ополчение), созданная в 1919 г. в Латвии. Готовила резервистов для действующей армии. Была

распущена Советской властью в 1940 г., но впоследствии возрождалась после прихода немцев в 1941 г. и в 1990 г. после провозглашения независимости Латвии.

¹²¹ В действительности, его отец Иван Самойлович Лозовский (? — 27.05.1925, Ревель, Эстония) до 1917 г. занимал пост старшего помощника правителя канцелярии Эстляндского губернатора.

¹²² Вероятно: *Ицигсон* Лев (Лео) Максимович (1908 — после 1970), из семьи рижских евреев. Адвокат, домовладелец. Участник Сионистского движения. После включения Латвии к СССР в 1940 г. был арестован «как социально опасный элемент» и отправлен в ГУЛАГ. В 1945 г. находясь в заключении в Астраханлаг НКВД, приговорён к 10 годам «за антисоветскую пропаганду среди заключённых». В 1955 г. освобождён. Работал переводчиком. В 1989 г. реабилитирован.

¹²³ *Вяткин* Василий Михайлович — капитан (НКВД) МВД. Участник Второй мировой войны. Начальник 18-го лагпункта Вятлага. В 1950 г. уволен из органов МВД за рукоприкладство по отношению к заключённым.

¹²⁴ Провозглашённая 6 января 1924 г. *Автономная советская социалистическая республика немцев Поволжья* была упразднена решением Президиума Верховного Совета СССР от 28 июня 1941 г.

¹²⁵ Речь идёт о повстанческой борьбе на Западной Украине, возглавленной Организацией украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армией (УПА) против органов Советской власти и Красной армии в 1940-е — 1950-е гг.

¹²⁶ *Орден «Победа»* — советская награда, учреждённая Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 ноября 1943 г. для награждения высшего командного состава Красной армии за успешное проведение операций в масштабе нескольких или одного фронтов, а также иностранных военачальников стран антигитлеровской коалиции. Орден изготавливался из драгметалла, украшался 170 бриллиантами общей массой 16 карат, имел ленту и крепился с помощью штифта, на левой стороне груди ниже всех остальных орденов и медалей. В период с 1944 по 1978 гг. награда была вручена только 17 лицам, из них 5 иностранцам.

¹²⁷ Имеется в виду: *Саенко* Степан Афанасьевич (1886–1973), рабочий-столяр. Член РСДРП (б) с 1917 г. С 1917–1924 гг. в РККА. В годы Гражданской войны комендант Харьковской и Белгородской Губ.ЧК. Прославился своей патологической жестокостью и изуверским садизмом. В последующие годы жизни последовательно: член бюро Дзержинского райкома партии, директор завода «Красный октябрь», фабрики «Красная нить», главный арбитр Харьковского облисполкома.

¹²⁸ *Васнецов* Виктор Михайлович (03.05.1848–23.07.1926), сын священника. Русский живописец-реалист. С 1878 г. член Товарищества передвижных художественных выставок. С 1893 г. действительный член Императорской академии художеств. В 1905 г. покинул академию в знак протеста против студенческих беспорядков. Участник монархического движения.

¹²⁹ Описывается т.н. *«Сучья война»* — долговременное волнение в советских лагерях в 1940-х — 1950-х гг. К концу 1930-х гг. в криминальном мире СССР окончательно сформировалось понятие «воровского закона», т.е. свода неписаных правил, норм поведения, механизмов решения конфликтов, ритуалов, действующих в этом сообществе и обязательных для воров. *«Воровской закон»* с его *«правильными понятиями»* не распространялся на всю массу заключённых, оставаясь сугубо корпоративным способом организации жизни. *«Воры»* (*«правильные воры»*, *«воры в законе»*, *«законники»*) представляли элиту преступного мира. Они вели демонстративно асоциальный образ жизни — не работали, не заводили семей, не служили в армии, имели яркие внешние атрибуты, должны были отсидеть не один срок в тюрьме и т.п. Ворами строжайше запрещалось иметь какие-либо контакты с любыми представителями правоохранительных органов и советских властей. К началу 1940-х гг. «воры» были очень влиятельной силой и контролировали все остальные группы заключённых, порой представляя большую угрозу для власти лагерного начальства. Положение резко изменилось в середине

1940-х гг., когда властям удалось поделить «воров» на несколько враждующих группировок. Одной из причин возникновения этой вражды стало участие части воров во Второй мировой войне в рядах Красной армии 1941–1945 гг. По окончании войны многие из них, бывшие на фронте, вновь оказались в местах заключения, но для «законников», в войне не участвовавших, они стали «суками» или «ссучившимися ворами», «предателями воровских традиций», которые должны знать своё место. Воевавшие считали невоевавших «предателями Родины» и требовали изменения блатных правил. В отместку «воры-фронтовики», или, как их ещё называли, «красные шапочки» (реже «автоматчики»), объединившись в собственную корпорацию, не признававшую «воровской закон» в полной мере, стали оказывать сопротивление «законникам». Воспользовавшись этим противостоянием, стали возникать и другие группы, выступавшие за смягчение «закона» либо напротив его отвергавшие («польские воры», «махновцы» и т. д.). До определённого момента лагерное начальство стимулировало эти противоречия, поскольку «ссучившиеся воры» выходили на работу. Но вскоре это противостояние переросло в крупномасштабную резню («сучью войну»), негласно разделившую советские места заключения на «воровские» и «сучьи» и унесшую тысячи жизней и, по разным оценкам, от 80 до 97% «воров в законе».

¹³⁰ «Польские воры» — одна из самых крупных разновидностей «ссучившихся воров» в 1940-х — 1950-х гг., объединения которых отличались более свободными порядками и вольным толкованием «воровского закона». Возникновение термина «польский вор» напрямую увязано с присоединением части Польши к СССР в 1939 г. и как следствие с проникновением в советские лагеря представителей польского криминального мира, живших по значительно менее строгим правилам, чем советские воры. Будучи «идейными» ворами, объединёнными в соответствующую корпорацию, «польские воры» тем не менее могли иметь семью, владеть собственностью, работать и т. д. В лагерях «польские воры» в отличие от «правильных» могли быть нарядчиками, комендантами, работать в столовой и санчасти. Часто «польские воры» на некоторое время блокировались с «правильными», или «суками», против других группировок.

¹³¹ «Синие ноготки» (другое название — «махновцы») — одна из разновидностей «ссучившихся воров» в 1940-х — 1950-х гг., объединения которых отличались насаждением особого беспредела и анархических порядков в воровской среде. Как правило, уничтожались «законниками» в первую очередь и с особой жестокостью как разлагавшие воровскую среду.

¹³² *Сундстрём* Кай (Карл-Йохан) (01.07.1902–05.03.1959), из финляндских шведов. Финский социал-демократ. Предприниматель. В 1936 г. вступил в Финскую социал-демократическую партию. Депутат Эдускунты в 1936–1941 и 1944–1945 гг. В 1940 г. недолго находился в заключении. В 1944–1946 гг. председатель Финской Народной социал-демократической лиги. В 1945–1953 гг. посол Финляндской республики в СССР (одновременно с 1949 г. в Бухаресте, а с 1950 г. в Софии). С 1953 г. посол Финляндии в Монголии. В 1954–1959 гг. посол при Коммунистической партии Китая.

¹³³ *Риксдаг* (по-шведски) или *Эдускунта* (по-фински) — созданный в 1809 г. и действующий поныне 200-местный парламент Финляндии.

¹³⁴ *Шиврин* В. — лейтенант внутренней службы. С 1946 по 1949 гг. начальник надзор- службы 15 ОЛП. С 1952 по 1953 гг. зам. начальника ОЛП № 21 Вятского ИТЛ. В 1953 г. оперуполномоченный Отдела режима и оперативной работы Вятлага МВД. В феврале 1953 г. был привлечён к уголовной ответственности Особой инспекцией УМВД Кировской области за «нарушение советской законности» в отношении заключённых. В марте 1953 г. попал под амнистию, после чего был уволен из органов МВД.

¹³⁵ *Вольский* (наст. фам. — Гитлер) — еврей, сменил фамилию в июне 1941 г. Подполковник, начальник оперативного отдела Вятлага.

¹³⁶ *Хитлер* (нем. *Hitler*) — принятое в эмиграции написание фамилии *Адольфа Гитлера* (20.04.1889–30.04.1945), фюрера Национал-социалистической рабочей партии и имперского

канцлера Германии (1933–1945), автора политико-публицистической книги воспоминаний «Моя Борьба» (*Mein Kampf*).

¹³⁷ В разное время и в различных местах заключения татуировки осуждённых наделялись различным значением и могли иметь несколько толкований. Приводимые автором: а) «Орёл с развёрнутыми крыльями, держащий в когтях нагую женщину» («Я унёс свою любовь с собой») и б) «могила с крестом» — готовность разделить любые лишения в заключении («пронести свой крест до конца»), не идти на компромиссы с властями; в) «Не забуду мать родную», как правило, обозначало связь человека с зоной, ставшей для него «матерью», «давшей воспитание» и т.д.; г) «бабочка» — могла обозначать воровскую масть (например, квартирный грабитель — «скокарь») либо склонность к побегу («Всё равно я отсюда улечу»).

¹³⁸ *Эдисон* Томас Алва (11.02.1847–18.10.1931), американский электротехник. Автор и владелец более 1200 патентов. Изобретатель фонографа (1877), существенно усовершенствовал телеграф, телефон и лампу накаливания. Основал в 1892 г. крупнейшую в США электротехническую компанию «General Electric».

¹³⁹ *Анахорет* — человек, удалившийся от мира и от общения с людьми (отшельник, пустыжник).

¹⁴⁰ *Альпар Гита* (настоящее имя — Регина Калиш) (05.02.1903–17.02.1991), венгерка. Популярная актриса, оперная и опереточная певица. Снималась в шведских, немецких и американских фильмах.

¹⁴¹ Т. е. с острыми заболеваниями.

¹⁴² *Ирина* (Изабелла-Эми) *Романовна Вреден* (30.1.1893 — ?), дочь — дочь выдающегося российского хирурга-ортопеда и травматолога, почётного лейб-хирурга, профессора *Романа Романовича Вредена* (09.03.1867–07.02.1934) и Эмили Николаевны Розинской (двоюродной сестры матери Б. В. Бьёркелунда), была супругой Александра Васильевича Гербача (1883 —?), до революции бывшего преподавателем Императорского Женского педагогического института и Константиновской женской гимназии, отцом которого был известный российский педагог, каллиграфист и теоретик правописания — Василий Степанович Гербач (19.03.1845–11.08.1902). Молчание И. Р. Вреден-Гербач было вполне объяснимо, поскольку её супруг в 1936 г. был осуждён на 10 лет ИТЛ.

¹⁴³ Профессор Владимир Иванович *Павлов* (1884–1954), старший сын известного физиолога, Нобелевского лауреата и академика Ивана Петровича Павлова (26.09.1849–26.02.1936), был женат на дочери купца Татьяне Орешниковой.

¹⁴⁴ *Молотов* (наст. фам. — Скрыбин) Вячеслав Михайлович (25.02.1890–08.11.1986), сын приказчика. В 1912 г. исключён из Петербургского политехнического института за революционную деятельность. Профессиональный революционер. В 1917 г. член исполкома Петровета и Петроградского военно-революционного комитета. В 1920–1921 гг. секретарь ЦК КП (б) Украины. С 1921 по 1957 г. член ЦК ВКП (б) — КПСС, до 1930 г. секретарь ЦК, в 1928–1929 гг. 1-й секретарь Московского горкома партии. В 1930–1941 гг. председатель СНК СССР. С 1941 по 1957 г. заместитель (с 1942 г. 1-й) председателя СНК (Совета Министров) СССР, одновременно в 1941–1945 гг. заместитель председателя Государственного Комитета Обороны. Входил в ближайшее политическое окружение И. В. Сталина; один из наиболее активных организаторов массовых репрессий 1930-х — нач. 1950-х гг. В 1939–1949 и 1953–1956 гг. нарком, министр иностранных дел СССР. В 1957–1960 гг. посол в Монголии. В 1960–1962 гг. постоянный представитель СССР при Международном агентстве по атомной энергии. В 1962 г. исключён из партии, в 1984 г. восстановлен.

¹⁴⁵ *Полетань* — серно-ртутная мазь против вшей.

¹⁴⁶ Начиная с 1939 г. часть тюрем из ведения Главного Тюремного управления НКВД СССР постепенно передали в ведение ГУЛАГа под транзитно-пересыльные тюрьмы (пункты), самыми крупными из которых были Кировская, Новосибирская и Свердловская.

¹⁴⁷ Предположительно сын генерал-майора Якова Ефимовича *Масловского* (1902 — ?), в 1944–1945 гг. начальника управления политической пропаганды Украинского пограничного округа.

¹⁴⁸ *Дортуар* — общая спальня в воспитательных и учебных заведениях.

¹⁴⁹ *Молотовск* — в период с 1938 по 1957 гг. название города Северодвинска.

¹⁵⁰ *Кресты* — тюрьма в Санкт-Петербурге, расположенная по адресу: Арсенальная набережная, д. 7. Возникла в 1868 г. как комплекс сооружений Центральной пересыльной тюрьмы (по проекту архитектора В. П. Львова). В 1884–1892 гг. была перестроена по проекту архитектора А. О. Томишко и включила два пятиэтажных крестообразных в плане корпуса (их форма определила название тюрьмы), в которых располагалось 960 камер, рассчитанных на 1150 человек. До 1918 г. при тюрьме непрерывно действовала церковь Святого Александра Невского. Во время Февральской революции 1917 г. восставшие освободили всех заключённых этой тюрьмы (как политических, так и уголовных). С 1923 г. носила название Петроградского окружного изолятора, затем с 1930-х гг. следственный изолятор Ленинградского УНКВД (затем ГУВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области). В наше время изолятор 47/1 Федеральной службы исполнения наказаний.

¹⁵¹ В период с 1918 по 1991 гг. Шпалерная улица в Санкт-Петербурге носила название улицы Воинова, в честь Ивана Авксентьевича Воинова (1884–1917) — рабочего газеты «Правда», погибшего в столкновении большевиков с юнкерами в 1917 г. Находившийся с 1875 г. в доме 25 по Шпалерной улице — Дом предварительного заключения, в советское время был превращён во внутреннюю тюрьму НКВД-МГБ-КГБ.

¹⁵² В ходе беспорядков во время Февральской революции 27.02.1917 г. восставшими было сожжено здание Петроградского Окружного Суда (Литейный пр., д. 4). В 1931–1932 гг. на его месте по проекту архитекторов А. И. Гегелло, Н. А. Троцкого, А. А. Оля и И. Ф. Беспалого возник комплекс зданий (Литейный пр., д. 4–6) Ленинградского управления НКВД. Эти здания были соединены с внутренней тюрьмой НКВД и получили в народе название «Большой дом». Ныне в здании размещается — Управление ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области и Информационный центр ГУВД.

¹⁵³ *Шведская народная партия* — политическая партия шведского национального меньшинства в Финляндии. Одна из старейших политических организаций в Финляндии, основана в 1906 г. Первоначально придерживалась консервативной идеологии, в настоящее время либеральной.

¹⁵⁴ *Карл IX* (04.10.1550–30.10.1611), с 1604 г. король Швеции из династии Ваза.

¹⁵⁵ *Главацкая* (урожд. Ваденшерна) Наталья Карловна (30.07.1892–1940-е), дочь генерал-лейтенанта. Супруга полковника Б. Е. Главацкого. В эмиграции в Финляндии.

¹⁵⁶ *Ваденшерна* Карл-Торстен Карлович (04.07.1861 — ...02.1920), сын подполковника. Окончил Финляндский кадетский корпус. На военной службе с 1881 г., офицер с 1883 г. Службу начал в Лейб-гвардии 4-м Царскосельском стрелковом Императорской фамилии батальоне. С 1903 г. полковник. Председатель батальонного суда. С 1908 г. командир 147-го пехотного Самарского полка. С 1910 г. командир 12-го стрелкового полка. С 1903 г. генерал-майор и командир 2-й бригады 48-й пехотной дивизии, затем 2-й бригады 5-й пехотной дивизии. Участник Первой мировой войны. В мае-июле 1915 г. командовал 81-й пехотной дивизией. С июля 1915 г. генерал-лейтенант и командир 37-й пехотной дивизией. В 1917 г. резерве чинов при штабе Одесского и Киевского военных округов. Во время Гражданской войны начальник Национального ополчения Северной области. Попал в плен к красным вместе с сыном Анатолием (05.08.1895 — ...02.1920) и был расстрелян.

¹⁵⁷ *Главацкий* Борис Евгеньевич (22.01.1883–1922 (?)), сын полковника. Службу начал в 147-м Самарском пехотном полку. Участник Русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой войн. С 1917 г. полковник. Принимал участие в Гражданской войне в составе Северо-Западной армии. В эмиграции в Финляндии. Пытался нелегально перебраться в Советскую Россию, но был схвачен и расстрелян красными.

¹⁵⁸ *Гиттис* Владимир Михайлович (24.06.1881–22.08.1938), из мещан. В 1902 г. окончил Павловское юнкерское училище. Участник Первой мировой войны. С 1915 г. капитан 147-го

Самарского пехотного полка. С 1917 г. полковник. С февраля 1918 г. на службе в РККА. С сентября по ноябрь 1918 г. командовал 6-й армией Северного фронта, в декабре командовал 8-й армией. С января 1919 г. командующий Южным фронтом, с июля 1919 г. Западным фронтами. Командовал Кавказским фронтом (15.05.1920–29.05.1921). Командующий войсками Заволжского (1921) и Петроградского (1921–1925) военных округов. С 1921 г. состоял для особых поручений при Реввоенсовете СССР. Член ВКП (б) с 1925 г. С 1926 г. зам. начальника снабжения РККА. С 1930 г. уполномоченный Наркомвоенмора при Наркомторге. С 1935 г. комкор. В 1937 г. начальник отдела внешних заказов НКО СССР. Арестован 28.11.1937 г. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР.

¹⁵⁹ *Александров Леонид Капитонович* (08.03.1876–1933), из дворян. Образование получил в Темир-Хан-Шурином реальном училище и Московском военном училище (1898), Николаевской академии Генштаба (1904; по 1-му разряду). Службу начал в 145-м пехотном Новочеркасском полку. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В 1917 г. генерал-майор, Начальник оперативного отделения штаба Верховного Главнокомандующего. С 1918 г. добровольно в РККА. В 1918 г. начальник оперативного отдела Высшего Военного Совета, начальник штаба Северного участка Петроградского района. В 1918–1921 гг. (с перерывами) начальник штаба Петроградского военного округа. В 1919 г. начальник штаба 7-й армии. В 1920 г. начальник мобилизационного управления Генштаба. В 1921–1922 гг. помощник командующего войсками Петроградского военного округа. С 1922 г. в резерве РККА. В 1925–1929 гг. на преподавательской работе в Военно-технической академии. Умер в Ленинграде.

¹⁶⁰ *Фабрицкий Семён Семёнович* (14.02.1876–03.02.1941), из дворян. Выпускник Морского Корпуса 1894 г. и офицерского минного класса 1903 г. С 1916 г. контр-адмирал Свиты. Командир 1-й балтийской дивизией, позже служил на Дунае. Во время Гражданской войны служил в армии Украинской Державы, Донской армии, ВСЮР и Русской Армии. Командовал Донской речной флотилией. В эмиграции в Бельгии. Почётный старик казачьей станицы в Брюсселе. Председатель Союза русских морских офицеров в Бельгии.

¹⁶¹ *БУНД (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России)* — еврейская социал-демократическая партия. Основана в Вильно в 1897 г. Активно участвовала в забастовочном и антиправительственном движении в Императорской России. С 1906 г. на правах автономной организации вошла в состав РСДРП меньшевиков. В 1920 г. вышла из меньшевистской партии. В марте 1921 г. на территории России БУНД самоликвидировался, часть членов была принята в РКП (б). На территории Польши и Литвы БУНД продолжал действовать вплоть до 1939 г.

¹⁶² *Журнал «Америка»* — ежемесячное печатное издание, выходившее в СССР на русском языке в период с 1956 по 1994 гг. под эгидой Информационного агентства США, в рамках межправительственного советско-американского соглашения. Соответственно в США на английском языке выходил журнал «USSR».

¹⁶³ *АРА* — «American Relief Administration» («Американская администрация помощи») — американская благотворительная общественная организация, созданная в 1921 г. в США. Основателем и руководителем АРА был министр торговли США Герберт Гувер. В её состав входили благотворительные организации: Американско-еврейский комитет помощи («Джойнт»), Всемирный лютеранский союз, Христианский союз молодёжи, Объединение католических благотворительных обществ, Союз меннонитов, Союз баптистов. Организация ставила своей целью оказание продовольственной и иной помощи гражданам европейских государств, пострадавших от последствий войны. В Советской России представители АРА работали с сентября 1921 г. по июнь 1923 г. с целью помощи пострадавшим от голода, охватившего более 40 губерний в нач. 1920-х гг. За время деятельности АРА поставила в Советскую Россию более 32 538 600 пудов продовольствия, вещей грузов для раздачи 86 600 пудов, прочих грузов 76 000 пудов и 4 776 984 пудов посылок.

¹⁶⁴ *Ихоч Давид Абрамович* (01.07.1882 – 05.10.1967), из мещан. Врач. До 1918 г. член партии БУНД, затем член РКП (б). В 1920-е гг. заведующий Агитационно-пропагандистским отделом Архангельского губкома. Редактор журнала «Коммунист Севера» и газеты «Известия Архангельского губисполкома и губкома РКП (б)». В 1930-е — 1940-е гг. журналист-между-

народник, заведующий иностранным отделом газет «Правда», «Известия» и ТАСС. В 1947 г. арестован, исключён из партии и заключён в лагерь. В 1954 г. освобождён.

¹⁶⁵ *Троцкий* Лев Давидович (наст. имя и фам. — Бронштейн Лейба) (25.10.1879–21.08.1940), сын еврея арендатора. Профессиональный революционер. Член РСДРП, с 1917 г. большевик. В сентябре 1917 г. избран председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Внёс большой вклад в подготовку большевистского переворота в октябре 1917 г., после чего занимал посты: наркома иностранных дел, наркома по военным и морским делам, председателя Реввоенсовета Республики, члена Политбюро ЦК РКП (б) и члена Исполкома Коминтерна. Один из организаторов массового террора и изъятия церковных ценностей. Составил оппозицию И. Сталину, за что в 1927 г. исключён из партии, в 1929 г. выслан из СССР, в 1932 г. лишён советского гражданства. Находясь в эмиграции, продолжал активную политическую и публицистическую деятельность. Был убит в Мексике агентом НКВД.

¹⁶⁶ *Каменев* (наст. фам. — Розенфельд) Лев Борисович (06.07.1883–25.08.1936), сын железнодорожного инженера. Окончил Тифлискую гимназию в 1901 г. Учился на юридическом факультете Императорского Московского университета, откуда в 1902 г. был исключён за антиправительственную деятельность. Профессиональный революционер-большевик. Лектор партийной школы РСДРП (б) в Ломжюмо (под Парижем). В 1914 г. редактор газеты «Правда», осуждён за противоправительственные и антивоенные выступления. Освобождён после Февральской революции. В 1917 г. член ЦК РСДРП (б) и редколлегии «Правды». В 1918 г. член президиума ВЦИК, член Политбюро и Оргбюро РКП (б). Во время Гражданской войны член коллегии ВЧК. В 1918–1926 гг. председатель Моссовета. В 1923–1926 гг. зам. председателя СНК СССР и директор Института Ленина. В 1927–1928 и 1932–1933 гг. за антисталинские выступления был исключён из партии. В 1934 г. директор Института мировой литературы Академии Наук СССР. В 1934 г. арестован, в 1935 г. осуждён на 5, затем на 10 лет. В 1936 г. расстрелян.

¹⁶⁷ *Зиновьев* Григорий Евсеевич (наст. имя и фам. — Радомысльский-Апфельбаум Овсей-Герш Аронович) (08.09.1883–25.08.1936), сын владельца молочной фермы. Профессиональный революционер, издатель ряда нелегальных газет и журналов. С 1901 г. член РСДРП (б). С 1912 г. член ЦК партии большевиков. В 1917–1926 гг. председатель Петроградского (Ленинградского) Совета, в 1918–1919 гг. председатель ЦИК и Совета комиссаров Союза коммун Северной области, в 1919–1926 гг. председатель Исполкома Коминтерна. Один из организаторов красного террора в Петрограде. Член Политбюро ЦК в 1917 и 1921–1926 гг. Участвовал в борьбе против Л. Троцкого, затем И. Сталина. В 1927–1928 гг. исключен из партии. В 1928 г. восстановлен в партии, ректор Казанского университета, член коллегии Наркомата просвещения РСФСР. В 1932–1933 гг. вновь исключен из партии, после восстановления член правления Центросоюза и редколлегии журнала «Большевик». В 1934 г. арестован, в 1936 г. расстрелян.

¹⁶⁸ *Хрущёв* Никита Сергеевич (03.04.1894–11.09.1971), сын крестьянина. Участник Гражданской войны. Член РКП (б) с 1918 г. В 1931 г. секретарь Бауманского и Краснопресненского райкомов ВКП (б) в Москве. В 1932–1935 г. 2-й, до 1938 г. 1-й секретарь Московского обкома и обкома ВКП (б). С 1938 г. кандидат, с 1939 г. член Политбюро ЦК ВКП (б). В январе 1938 — марте 1947 и декабре 1947 — декабре 1949 гг. 1-й секретарь ЦК компартии Украины. В 1944–1947 гг. председатель СНК (с 1946 г. Совета Министров) Украинской ССР. С 1943 г. генерал-лейтенант. В 1949–1953 гг. секретарь ЦК КПСС и 1-й секретарь Московского комитета партии. С 1953 г. руководитель советского государства, первый секретарь ЦК КПСС. С 1955 г. председатель Совета обороны. В 1957 г. начал вести политику десталинизации страны. С 1958 г. председатель Совета Министров СССР. 14 октября 1964 г. решением Пленума ЦК КПСС снят со всех государственных и партийных постов и отправлен на пенсию.

¹⁶⁹ *Суслов* Михаил Андреевич (08.11.1902–25.01.1982), советский партийный деятель. В 1931–1936 гг. сотрудник аппарата Комиссии советского контроля. С 1939 г. 1-й секретарь Ставропольского крайкома. С 1955 г. председатель Бюро ЦК партии по Литовской ССР. С 1947 г.

секретарь ЦК КПСС. В 1952–1953 и 1955–1966 гг. член Президиума ЦК КПСС. С 1966 г. член Политбюро ЦК КПСС. Один из главных идеологов партии в 1960-е — 1980-е гг.

¹⁷⁰ Речь идёт о провозглашении 14 мая 1948 г. в Палестине независимого Государства Израиль.

¹⁷¹ «Процесс врачей» (или «Дело врачей-отравителей») — уголовное дело, расследовавшееся МГБ СССР в 1951–1953 гг. в отношении группы высокопоставленных врачей — преимущественно евреев по национальности (генерал-майор профессор Вовси М. С., врач-терапевт; профессор Виноградов В. Н., врач-терапевт; профессор Коган М. Б., врач-терапевт; профессор Коган Б. Б., врач-терапевт; профессор Егоров П. И., врач-терапевт; профессор Фельдман А. И., врач-отоларинголог; профессор Этингер Я. Г., врач-терапевт; профессор Гринштейн А. М., врач-невропатолог; Майоров Г. И., врач-терапевт), обвинявшихся в связях с «международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт», созданной американской разведкой», от которой они получили директиву «об истреблении руководящих кадров СССР» применяя неправильные («вредительские») методы лечения. Расследование дела в январе-марте 1953 г. широко освещалось в советской прессе и вызвало всплеск антиеврейских настроений в Советском Союзе. После смерти И. Сталина в марте 1953 г. расследование по делу было прекращено, а в апреле того же года все обвиняемые были выпущены на свободу.

¹⁷² *Горький Максим*, литературный псевдоним писателя, публициста и общественного деятеля Алексея Максимовича Пешкова (16.03.1868–18.06.1936), первого председателя Союза писателей СССР.

¹⁷³ Речь идёт о враче-кардиологе Лидии Феодосьевне Тимашук (1898–1983), которая после смерти А. А. Жданова в 1948 г. обратилась в ЦК партии с жалобой на «неправильное лечение» покойного. В 1952 г. это письмо стало основанием для начала расследования «дела врачей-убийц». 21 января 1953 г. «за помощь, оказанную Правительству в деле разоблачения врачей-убийц», Л. Ф. Тимашук была награждена орденом Ленина, однако уже 3 апреля 1953 г. (т. е. после смерти И. Сталина) была лишена этой награды.

¹⁷⁴ *Орден Ленина* — высшая награда Советского Союза, учреждена постановлением Президиума ЦИК СССР от 6 апреля 1930 года. Вручался как отдельным лицам, так и коллективам, учреждениям, общественным организациям, воинским частям, военным кораблям, соединениям и объединениям, союзным и автономным республикам, краям, областям, районам, городам и другим населённым пунктам. Отдельные лица награждались за особо выдающиеся заслуги в защите социалистического Отечества, укреплении обороноспособности Союза ССР, развитии дружбы и сотрудничества между народами, укреплении мира, самоотверженный труд и иные особо выдающиеся заслуги перед государством. Орден Ленина вручался также гражданам, удостоенным звания Героя Советского Союза или Героя Социалистического труда. После распада СССР был упразднён.

¹⁷⁵ *Орден Святого равноапостольного князя Владимира* — награда Российской империи, учреждённая 22 сентября 1782 г. Имела 4 степени: знаки 1-й носилась на широкой чересплечной ленте со звездой, 2-я и 3-я на шейной ленте, а 4-я на груди. Лента имела чёрно-красно-чёрного цвета. Наравне с Орденом Св. Георгия не вручался Членам Российской Императорского Дома при крещении. Первоначально вручался за заслуги по гражданской службе, но с 1855 г. вручался также и военным с добавлением мечей и банта за выслугу лет и боевые заслуги. До 1900 г. даже самая низшая степень ордена (4-я) давала её обладателю право на потомственное дворянство. После 1917 г. династическая (частная) награда Российской Императорского дома.

¹⁷⁶ Имеются в виду т. н. «Протоколы Сионских мудрецов», или «Сионские протоколы» — документ, опубликованный русским религиозным писателем Сергеем Александровичем Нилусом (28.08.1862–01.01.1929), в своей книге «Великое в малом...» в 1905 г. и представляющий тезисное изложение плана по достижению мирового господства некоей тайной еврейской организацией. В настоящее время «Сионские протоколы» признаются рядом исследователей заведомым антисемитским апокрифом (см. Буцнев В. А. В погоне за провокаторами.

Протоколы сионских мудрецов — доказанный подлог. — М., 1991; *Платонов О.А.* Загадка Сионских протоколов. — М., 1999).

¹⁷⁷ *Киров* (наст. фам. — Костриков) Сергей Миронович (15.03.1886–01.12.1934), из мещан. Окончил Казанское низшее механико-техническое промышленное училище, работал чертёжником в Томской городской управе. С 1904 г. член РСДРП (б). Подвергался арестам за организацию и участие в политических беспорядках. С 1909 г. сотрудник кадетской газеты «Терек». С 1918 г. член Терского областного совета. В 1919 г. председатель Временного революционного комитета в Астрахани и член Реввоенсовета XI армии. Жестоко подавил антибольшевистское рабочее выступление в Астрахани. В 1920 г. член Кавказского бюро РКП (б). С 1921 г. кандидат в члены ЦК РКП (б) и 1-й секретарь компартии Азербайджана. С 1923 г. член ЦК РКП (б). С 1926 г. 1-й секретарь Ленинградского губернского комитета (обкома) и горкома партии и Северо-Западного бюро ЦК ВКП (б). С 1930 г. член Политбюро ЦК ВКП (б), с 1934 г. секретарь ЦК. Застрелен в Смольном ревнивым мужем своей любовницы.

¹⁷⁸ *Маленков* Георгий Максимилианович (26.12.1901/08.01.1902 (в действительности 23.10.1901) — 14.01.1988), сын железнодорожного чиновника. В 1918 г. окончил классическую гимназию в Оренбурге. С 1919 г. доброволец в РККА. С 1920 г. член РКП (б). В 1925 г. учился на электротехническом факультете в Московском высшем техническом училище. С 1925 г. технический секретарь Оргбюро ЦК, с 1927 г. Политбюро ЦК. С 1930 г. зав. агитационно-массовым отделом Московского комитета ВКП (б). В 1934–1939 гг. зав. отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП (б). Руководил чистой партией от антисталинской оппозиции. В 1937–1958 гг. депутат Верховного Совета СССР, в 1938–1946 гг. член Президиума Верховного Совета. В 1939–1946 гг. и 1948–1953 гг. секретарь ЦК партии, в 1939–1946 гг. начальник Управления кадров ЦК ВКП (б). В 1939–1957 гг. член ЦК, в 1946–1957 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК. В 1941–1945 гг. член Комитета Государственной обороны. В 1946–1953 гг. и 1955–1957 гг. заместитель, в 1953–1955 гг. председатель Совета Министров СССР. В 1955–1957 гг. министр электростанций СССР. Состоял в оппозиции к Н. С. Хрущёву. По решению Пленума ЦК КПСС, выведен из состава Президиума ЦК и из состава ЦК «за несовместимую с ленинскими принципами партии фракционную деятельность». С 1957 г. директор Усть-Каменогорской ГЭС и Экибастузской ТЭЦ. С 1961 г. решением бюро Экибастузского горкома КПСС исключен из партии.

¹⁷⁹ Вероятно, упомянутый «генерал Мухин» занимал какую-то иную должность, поскольку в период с июня 1946 по апрель 1949 гг. на посту начальника Ленинградского управления госбезопасности находился генерал-лейтенант Дмитрий Гаврилович Родионов (1906–1972).

¹⁸⁰ «*Трейман*» и «*Александр*» — элитные магазины в центральной части дореволюционного Санкт-Петербурга (Петрограда), торговавшие зонтиками, письменными принадлежностями, галантерей и предметами роскоши.

¹⁸¹ *Ляпидевский* Евгений Васильевич (02.07.1895 —?), сын священника. Выпускник Морского Корпуса 1915 г. и Артиллерийских офицерских классов. Мичман Русского Императорского флота. В советское время капитан I-го ранга, преподаватель химии и артиллерийского дела в Военно-морском училище им. М. В. Фрунзе. Подвергался репрессиям. Перу капитана 1-го ранга Е. В. Ляпидевского принадлежали следующие учебные пособия: Стрельба на море. Конспект для 3-го специального курса Военно-Морского училища им. М. В. Фрунзе. — Л., 1932; Основания устройства материальной части артиллерии и боеприпасов. — М.-Л., 1945; Основание устройства корабельных артиллерийских установок. — Л., 1949.

¹⁸² Знаменские улица и площадь в Петрограде (Ленинграде) с 1918 г. носят название улицы и площади Восстания в память о событиях Февральской революции 1917 г.

¹⁸³ Упомянутая конная статуя российского Императора Александра III (1845–1894) работы скульптора князя Павла (Паоло) Петровича Трубецкого (1866–1938) была торжественно открыта в 1909 г. в центре Знаменской площади Санкт-Петербурга у Николаевского (ныне Московского) вокзала. Памятник простоял до октября 1937 г., пока не был демонтирован, а скульптура передана в фонды Государственного Русского музея. В 1994 г. она была установ-

лена во дворе Мраморного дворца. В 2006 г. руководством Санкт-Петербурга рассматривался вопрос о восстановлении данного монумента на историческом месте.

¹⁸⁴ *Панвиц (Pannwitz)* Хейнц (наст. фам. — Паульсен (*Paulsen*)) (1911–1981), уроженец Берлина. Принадлежал к христианской общине «Искатели пути». Службу начал в Берлинской криминальной полиции. С 1942 г. гауптштурмфюрер СС и криминалрат (советник) Пражского Гестапо. В том же году возглавил комиссию по расследованию покушения на жизнь протектора Богемии и Моравии, обергруппенфюрера СС и генерала полиции Рейнхарда Гейдриха (1904–1942). Руководил расстрелом английских диверсантов, осуществивших покушение на Р. Гейдриха и карательной операцией в чешской деревне Лидице. После успешно проведенного расследования назначен шефом Гестапо города Прага. С 1943 г. руководитель особого подразделения СС «Красная капелла» в Париже (SS-Sonderkommando «Rote Kapelle»). Под его руководством проводилось расследование деятельности советской разведывательной сети в Западной Европе, проведен разгром её остатков и начала «радио-игра» по дезинформации Москвы. По одним данным, в это же время принял предложение раскочегоренного советского шпиона А. М. Гуревича («Кента») (1913–2009), находившегося под следствием в Гестапо, работать на советскую разведку. По другим, сам активно использовал завербованного А. Гуревича в своих целях. В июне 1945 г. вместе с А. Гуревичем, радистом Стулкой и секретаршей Кемпой был доставлен на военном самолете из Австрии в Москву, где все четверо были арестованы. До 1955 г. в заключении в СССР. После освобождения выехал в ФРГ.

¹⁸⁵ Париж был занят союзниками 25 августа 1944 г.

¹⁸⁶ Правильно: *Калогеропулос* (Калогеропуло) Солон Аристотелевич, сын греческого купца, занимавшего импортом и экспортом табака в дореволюционном Петербурге, а затем в Финляндии и Прибалтийских странах

¹⁸⁷ *Интеллигенс-Сервис* (*Secret Intelligence Service (SIS)* или *МИ6*) — государственная секретная служба Великобритании, осуществляющая внешнюю разведку. Основана в 1909 г. под названием «Бюро секретной службы» в качестве межведомственного органа британского Адмиралтейства и Военного министерства. Во время Первой мировой войны стала именоваться *Military Intelligence 6 (МИ6)*. До принятия в 1994 г. британским парламентом «*Intelligence Services Act*» существование SIS официально не подтверждалось британским правительством.

¹⁸⁸ В г. Котлас, Архангельской области, размещались центры Котласского отдела ГУ лагерей железнодорожного строительства (1940–1943), Котласского сельскохозяйственного ИТЛ (1943–1945) и Котласского сельскохозяйственного лагерного отделения (1949–1956).

¹⁸⁹ В посёлке *Княж-Погост* (Княжпогост) Усть-Вымского района Коми АССР располагался центр Северного Железнодорожного лагеря.

¹⁹⁰ В *Кожвинском районе* Коми АССР дислоцировались Воркутинский, Интинский, Минеральный, Северо-Печорский и Шугорский ИТЛ.

¹⁹¹ См. комментарий 98.

¹⁹² *Абезь* — посёлок в городском округе Инта республики Коми, на правом берегу реки Уса (приток р. Печоры) у Северного Полярного круга. Возник в 1942 г. как лагпункт для строительства северной железнодорожной ветки.

¹⁹³ 14 ноября 1944 г. в Праге пленённый немцами в 1942 г. советский генерал-лейтенант Андрей Андреевич *Власов* (01.09.1901–01.08.1946) создал и возглавил Комитет Освобождения народов России (КОНР) и Вооружённые Силы КОНР, состоящие из воевавших ранее на стороне Вермахта русских антикоммунистических формирований. С этого момента Вооружённые силы КОНР под командованием генерала А. Власова принимали участие во Второй мировой войне вплоть до её окончания. 11 мая 1945 г. А.А. Власов был захвачен в Австрии советскими автоматчиками и через некоторое время доставлен в Москву. В августе 1946 г. генерал Власов с группой высших офицеров ВС КОНР был повешен по приговору Военной Коллегии

Верховного суда СССР. К движению генерала А. А. Власова, упомянутый Б. Бьёркелундом, полковник Чуловский отношения не имел.

¹⁹⁴ Каплер Алексей (Лазарь) Яковлевич (15 (28).09.1903–11.09.1979), сын купца 1-й гильдии. Советский кинорежиссёр, сценарист и актёр. С 1924 г. снимался в кинофильмах. В 1928–1931 гг. сценарист и режиссёр на Киевской кинофабрике. С 1935 г. член Союза писателей СССР. С 1939 г. преподавал во ВГИКе. Автор сценариев к пропагандистским фильмам: «Шахтеры», «Три товарища», «Ленин в Октябре» (1937), «Ленин в 1918 году» (1939), «Котовский» (1943), «Она защищает Родину» (1943) и др. В 1942 г. стал любовником дочери И. В. Сталина — Светланы Аллилуевой. В 1943 и 1948 гг. осуждался на 5-летние сроки. После освобождения в 1954 г. продолжил деятельность режиссёра и сценариста. Один из ведущих телепрограммы «Кинопанорама».

¹⁹⁵ Б. Бьёркелунд ошибается. Статья 37 УК РСФСР («увольнение от должности») относилась к Общей части и не предусматривала уголовного наказания. В действительности после ареста в 1943 г. А. Каплер был осуждён по статье 58¹⁰.

¹⁹⁶ Коростовцев Михаил Александрович (10 (23).04.1900–21.10.1980), из дворян. В 1919 г. окончил 6-ю Тифлисскую гимназию. В 1920–1922 гг. учился в Политехническом институте в Тифлисе. В 1924–1934 гг. матрос, затем штурман дальнего плавания на советском торговом флоте. С 1929 г. член ВКП (б). В 1934 г. заочно окончил исторический факультет Азербайджанского университета. Выдающийся советский египтолог и востоковед. В 1935–1941 гг. научный сотрудник и учёный секретарь Ленинградского отделения Института истории АН СССР. В 1941 г. состоял в Московском народном ополчении. С 1943 г. доктор исторических наук, старший научный сотрудник, затем учёный секретарь Института востоковедения АН СССР. В 1944 г. был направлен в Египет и Судан в качестве корреспондента Телеграфного Агентства СССР (ТАСС) и представителя АН СССР по гуманитарным наукам. 19.08.1947 г. арестован и доставлен в СССР. 29.05.1948 г. осуждён по ст. 58–1 а УК РСФСР на 25 лет ИТЛ. Освобождён после пересмотра дела 20.01.1955 г. Работал старшим научным сотрудником Института востоковедения АН СССР. С 1965 г. заведовал отделом Древнего Востока. С 1974 г. действительный член АН СССР. С 1958 г. почётный член Французского египтологического общества и с 1965 г. Египтологического института Карлова университета в Праге.

¹⁹⁷ Буда-Жемчужников (до 1935 г. Жемчужников) Алексей Михайлович (01.09.1897–1955/1956), из дворян. Внук Александра Михайловича Жемчужникова, бывшего вместе со своими братьями автором произведений о Кузьме Пруткове. Поручик 5-го Александринского гусарского полка. Участник Гражданской войны. В эмиграции в Германии. В 1933–1934 гг. адъютант возглавляющего Российское Национал-социалистическое движение генерала князя П. М. Бермондт-Авалова. В 1935 г., после смерти племянника, унаследовал фамилию «Буда», передаваемую старшему в роду Жемчужниковых по названию майората Буда в Черниговской губернии. Директор продукции фирмы УФЕ. С 1945 г. находился в советских лагерях. Умер в СССР после освобождения, получив документы на выезд в Западную Германию

¹⁹⁸ Граф Толстой Алексей Константинович (24.08.1817–28.09.1875), русский прозаик, поэт и драматург. Находился на дипломатической и придворной службе. Флигель-адъютант, егермейстер. В 1854 г. вместе со своими двоюродными братьями Жемчужниковыми создал сатирическую литературную маску Козьмы Пруткова и сборник его сочинений.

¹⁹⁹ Жenu А. М. Буда-Жемчужникова звали Надежда Оттовна *Бертельс*.

²⁰⁰ Фамилия князей *Святополк-Мирских* по легенде происходила от потомков основателя Российского государства князя Рюрика — князей Туровских (по другим сведениям — Тверских). В действительности потомки нетитулованных литовских бояр, известных с XVI в. и живших в Брацлавском повете. В 1821 г. им удалось добиться признания своего княжеского титула Сенатом Царства Польского, а в 1861 г. Указом Российского Императора. Во Второй мировой войне на стороне Германской армии в частях СС участвовали как минимум двое представителей этого рода: князь Леонид Сергеевич и князь Василий Иванович Святополк-Мирские. Возможно, Б. В. Бьёркелунд описывает встречу с кем-то из них либо с иной неустановленной личностью.

²⁰¹ *Гудериан (Guderian)* Хайнц Вильгельм (17.06.1888–14.05.1954), германский военный деятель. Обучался в нескольких немецких военных школах и Берлинской Военной Академии. Службу начал в 10-м ганноверском егерском батальоне. Участник Первой мировой войны. В 1919 г. принят в Рейхсвер. Крупный теоретик танковой войны. В межвоенный период проходил стажировку в Швеции и в секретной танковой школе «Кама» в СССР под Казанью. С 1931 г. начальник Штаба инспектора подвижных войск. С 1934 г. начальник штаба Управления бронетанковых войск. С 1935 г. командир 2-й танковой дивизии. С 1938 г. командир 16-го армейского корпуса, руководил Аншлюсом Австрии и занятием Чешских Судет. С ноября 1938 г. генерал-инспектор подвижных войск. С августа 1939 г. командир 19-го армейского корпуса. После оккупации Польши провёл совместный парад с советскими войсками в Бресте. С 1940 г. генерал-полковник Вермахта. Командир танковых групп во время Французской кампании в 1940 г. и во время нападения на СССР в 1941 г. С ноября по декабрь 1941 г. командир 2-й танковой армии. После неудачи под Москвой с декабря 1941 г. в резерве. В 1943–1945 гг. генерал-инспектор бронетанковых войск. После провала заговора против А. Гитлера в 1944 г. руководил Судом чести в германском Вермахте. С июля 1944 по март 1945 гг. начальник Верховного командования сухопутных войск (ОКВ). С мая 1945 г. в плену у американцев. В 1948 г. освобождён. Умер в ФРГ.

²⁰² Автор несколько путает. Речь идёт о протоиерее о. *Василии Александровиче Герасимове* (1898–13.04.1961), участнике Великого Сибирского Ледяного похода Белого Движения, журналисте, члене Харбинского епархиального совета и личном секретаре митрополита Харбинского и Маньчжурского, Патриаршего экзарха Восточной Азии Нестора (в миру — Николай Александрович Анисимов) (09.11.1884–04.11.1962). В 1945 г. они приветствовали приход Красной армии в Харбин и перешли из Русской Православной Церкви за границей под омофор Московского Патриархата. В 1948 г. были арестованы и получили по 10 лет лагерей. В 1956 г. освобождены. Впоследствии владыка Нестор был в 1956–1958 гг. митрополитом Новосибирским и Барнаульским, а в 1959–1962 гг. митрополитом Кировоградским и Николаевским.

²⁰³ *Испанская Голубая дивизия (División Azul)* — добровольческое военное формирование в 1941–1943 гг. принимавшее участие во Второй мировой войне на Восточном фронте в качестве союзной Германии части. Дивизия была сформирована с ведома испанского каудильо Франсиско Франко членами испанского Национального движения «Фаланга» в 1941 г., после нападения Германии на СССР, для «борьбы с советским коммунизмом», в знак ответной меры на участие советских военных в Испанской гражданской войне на стороне республиканцев. В составе Вермахта имела наименование «250-я дивизия испанских добровольцев» и воевала в начале в составе группы армий «Центр», затем группы армий «Север». В 1943 г. была официально отозвана в Испанию, но, несмотря на это, большая группа испанский добровольцев сражалась в рядах германской армии вплоть до 1945 г.

²⁰⁴ *Испанский иностранный легион (Tercio de extranjeros)* — наёмное воинское формирование, созданное в 1920 г. в составе Испанской Королевской армии, по аналогии с Французским иностранным легионом. Рядовой состав набирался из добровольцев (как иностранцев, так и испанцев) по контракту, а офицерский из кадровых офицеров по особому положению. В основном легион использовался для участия в вооружённых конфликтах и несения службы на территории Марокко. Испанское республиканское правительство в 1934 г. направило легион на подавление восстания рабочих-горняков в Астурии. Во время Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. легион сражался на стороне национальных сил. В настоящее время несёт службу по охране испанских анклавов в Северной Африке и при проведении международных миротворческих операций.

²⁰⁵ Речь идёт о созданном 8 марта 1945 г. на основе ранее действовавших во Франции просоветских политических группировок «Союзе советских патриотов» (ССП). Союз имел более 70 отделений в различных городах Франции и Бельгии и насчитывал в своих рядах по разным оценкам от 3000 до 6000 чел. Пользуясь ростом после 1945 г. левых и просоветских настроений, ССП вёл активную работу по пропаганде среди русских эмигрантов советского образа жизни, принятия советского гражданства, репатриации в СССР и т. д., а также боролся с правыми настроениями в зарубежной среде, обличал сотрудничавших с немцами и французскими

коллаборационистами. Некоторые члены и группы ССП прямо или косвенно вели шпионаж в пользу СССР. В 1947 г. ССП был преобразован в «Союз советских граждан», деятельность которого через год была запрещена французскими властями.

²⁰⁶ *Прокофьева* Лина Ивановна (фам. до замужества — Каролина Кодина) (21.10.1897–03.01.1989), дочь испанского актёра. Выступала в качестве певицы меццо-сопрано под псевдонимом Лина Любера (Lina Llubera). С 1921 г. выступала вместе с композитором и пианистом Сергеем Сергеевичем Прокофьевым (1891–1953) во время гастролей. С 1923 г. его жена, родила двух сыновей. В 1936 г. переехала вместе с супругом в СССР. Работала переводчиком в Совинформбюро. В 1941 г. С. Прокофьев ушёл из семьи к Мире Мендельсон. В 1947 г. просила выезда из СССР. В 1948 г. арестована и осуждена на 20 лет лагерей. Срок отбывала в Воркуте и мордовских лагерях ГУЛАГа. В 1956 г. освобождена. В 1975 г. добилась выезда из СССР. Последние годы прожила во Франции.

²⁰⁷ *Желтухин Владимир Константинович* (01.12.1907 —?), сын генерал-лейтенанта. Инженер. В 1930-е — 1940-е гг. подвергался репрессиям.

²⁰⁸ *Смирнов* (5-й) *Борис Иванович* (08.09.1891 —?), из дворян. Учился в Воронежском кадетском корпусе, окончил Морской корпус в 1912 г. и Николаевскую Морскую Академию в 1914 г. Старший лейтенант 1-го Балтийского флотского экипажа. Служил на линкоре «Император Павел I», затем на эсминце «Гавриил». В годы Гражданской войны в рядах Северо-Западной армии. Участвовал в походе на Петроград. В эмиграции в Эстонии, капитан 1-го ранга Эстонского флота. Художник-маринист, член Союза эстонских художников и Нового объединения художников. После 1940 г. узник советских лагерей.

²⁰⁹ *Негро-Понти* Теодор (Негропонте Теду) (1920–2000), из дворян. Родился в Болгарии. Окончил Американский колледж в Турции и Кавалерийское училище в Румынии. Лейтенант Румынской Королевской армии. Приближённый Короля Румынии Михая I (род. 1921). В конце 1940-х гг. арестован румынскими коммунистами и отправлен в СССР, где был приговорён к 25 годам ИТЛ. Освобождён в 1958 г. Последние годы жил в Румынии, где работал газодвижателем.

²¹⁰ *Тегеранское совещание* — конференция руководителей трех союзных в годы Второй мировой войны государств (от США — Ф. Д. Рузвельта; от СССР — И. В. Сталина; от Великобритании — У. Черчилля), состоявшаяся в Тегеране (Иран) 28 ноября — 1 декабря 1943 г. На конференции были достигнуты договоренности о совместных действиях против Германии и её союзников, о послевоенном устройстве Европы, определены сроки открытия второго (западного) фронта в Европе и вступления СССР в войну с Японией, а также приняты другие решения.

²¹¹ *Владимирский политизолятор*, или Владимирская центральная тюрьма (централ) — тюрьма для содержания особо опасных преступников в г. Владимире. Основана в 1783 г. В описываемое время особая тюрьма МГБ. Ныне тюрьма № 2 Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Владимирской области.

²¹² *Зинг-Зинг*, более распространенное название — *Синг-Синг* (*Sing Sing Correctional Facility*) — тюрьма с максимально строгим режимом в г. Оссининг (Ossining), графства Вестчестер, штат Нью-Йорк, США.

²¹³ *Кельнер* (*kellner*) — название гостиничной и ресторанной прислуги в немецкоязычных странах.

²¹⁴ Среди депутатов IV Государственной Думы депутата с такой фамилией не было. Во II Думе во фракции социал-демократов состоял Викентий (Чола) Бибоневич Ломтатидзе, но он скончался в 1915 г.

²¹⁵ Автор намекает на известного правого политического деятеля и публициста дореволюционной России Василия Витальевича Шульгина (01.01.1878–13.02.1976), который в 1927 г. в Берлине издал книгу «*Три столицы: путешествие в Красную Россию*» о своём нелегальном посещении СССР.

²¹⁶ *Кантина* — винный погреб в Италии; в данном случае, скорее лагерный буфет или ларёк.

²¹⁷ 1) *Хеккерт* Яльмар Германович (1855 — кон. 1920-х), купец 1 гильдии, агент Финляндского пароходства; 2) *Теревяйнен* (Тервяйин) Яльмар Иванович (Иоганнович) — известный спортсмен. До 1917 г. секретарь Президента Российского Олимпийского комитета. Председатель кружка спортсменов Петроградского Политехнического института и член правления ряда спортивных обществ.

²¹⁸ *Бьёрклунд* Яльмар Готхардович (29.07.1877 —?), сын капитана гвардии. Окончил 1-й Кадетский корпус (1897) и Николаевское кавалерийское училище (1900). Службу начал в 46-м драгунском Преяславский Императора Александра III полку. С 04.11.1911 г. делопроизводитель управления Окружного воинского начальника в г. Бьернеборге. Ротмистр армейской кавалерии. Так же, как и его отец, имел весьма сомнительную репутацию в дореволюционном Петербурге.

²¹⁹ Бьёркелунд ошибается. Его корпусным офицером был полковник по Адмиралтейству Алексей Захарович *Алтухов* (08.01.1867 — 29.06.1921), а, следовательно, *его дочь, вторую супругу ротмистра Я. Г. Бьёрклунда, звали Мария (Марина) Алексеевна* (12.02.1901 — ?).

²²⁰ *Военно-политическая академия имени Н.Г.Толмачёва* — советское военно-учебное заведение по подготовке политработников. Создана в Ленинграде в 1925 г. на основе действовавшего ранее с 1919 г. Петроградского учительского института РККА (позже Военно-политического института). В 1938 г. перемещена в Москву и переименована в Военно-политическую академию им. В. И. Ленина.

²²¹ *Коминтерн* (Коммунистический интернационал, или III-й Интернационал) — международная организация, действовавшая в 1919–1943 гг. с центром в Москве. Была создана по конфедеративному принципу и объединяла компартии различных стран с целью совместного развития и распространения революционного движения и международного коммунизма.

²²² *Веймарская республика* (*Weimarer Republik*) — условно-историческое название Германского государства (*Deutsches Reich*) в период после падения монархии с 1918 г. и до прихода к власти нацистов в 1933 г., возникшее в память о конституционно-республиканском Национальном собрании, заседавшем в Веймаре.

²²³ *Ракоши* (наст. фам. — Розенфельд) Матьяш (14.03.1892–05.02.1971), венгерский коммунист. Из Балканских евреев. Будучи солдатом Австро-Венгерской армии, попал в русский плен, где в 1917 г. вступил в Венгерскую коммунистическую партию. В период т. н. «Венгерской советской республики» в 1919 г. заместитель народного комиссара торговли, народный комиссар общественного производства. С 1921 г. сотрудник в различных органах Коминтерна. Участвовал в воссоздании компартии в Венгерском Королевстве. В 1926–1940 гг. в тюрьме в Венгрии. После освобождения уехал в СССР. С 1945 г. генеральный секретарь Коммунистической партии Венгрии, с 1948 г. 1-й секретарь Венгерской партии труда (ВПТ). Вёл красный террор и жестокие репрессии против политических противников. В 1952–1953 гг. премьер-министр Венгерской народной республики. В 1956 г. решением ЦК ВПТ освобождён от должности 1-го секретаря ЦК ВПТ и выведен из состава Политбюро ЦК ВПТ, после чего выехал в СССР. В 1962 г. исключён из ВПТ.

²²⁴ *Венгерское восстание* (или *Венгерская революция*) — массовое народное антикоммунистическое вооружённое выступление в Венгрии, проходившее в период с 23 октября по 9 ноября 1956 г. Восстание, в котором участвовало более 50 000 человек, было подавлено советскими войсками и силами венгерских коммунистов. В ходе восстания (по официальным данным) с обеих сторон погибло примерно 2 500 венгров и 720 советских военнослужащих.

²²⁵ *Институт красной профессуры* — специальное высшее учебное заведение, готовившее преподавателей общественных (гуманитарных) наук для ВУЗов, а также работников для научно-исследовательских учреждений, центральных советских партийных и государственных органов. Был организован в 1921 г. ЦИК СССР и находился в ведении Наркомата просвещения. Срок обучения на основных отделениях составлял 3 года, для подготовки

специалистов в области теоретической экономики и мирового хозяйства — 4 года, на подготовительном отделении — 2 года. Расформирован в 1938 г.

²²⁶ Имеется в виду: *ABX* (венгр., *Államvédelmi Hatóság (AVH)*) — служба государственной безопасности в коммунистической Венгрии в 1945–1956 гг. В 1945 г. с занятием Венгрии советскими войсками и приходом к власти коммунистов в полиции Будапешта, при участии НКВД и СМЕРШа, был создан Политический отдел (венгр., *Politikai Rendészeti Osztálya (PRO)*). В 1946 г. он был преобразован в Отдел государственной защиты (венгр., *Államvédelmi Osztálya (AVO)*), который в 1950 г. был переименован в АВХ. Венгерские коммунистические спецслужбы прославились особой жестокостью, как в борьбе с противниками коммунистов, так и инакомыслящими внутри ВПТ. Во время Венгерского восстания в 1956 г. АВХ было распущено революционным правительством Имре Надя (1896–1958). После восстановления над Венгрией власти коммунистов, хотя служащие АВХ и приняли активное участие в подавлении восстания, эта служба официально не была восстановлена.

²²⁷ *Пётр II* Алексеевич (12.10.1715–19.01.1730), Всероссийский Император с 1727 г. Внук Императора Петра I Великого. Последний мужской представитель прямой линии Царского Дома Романовых.

²²⁸ *Людовиком XVII* именовался дофин Луи-Шарль де Бурбон (27.03.1785–08.07.1795), сын Короля Франции и Наварры *Людовика XVI* (1754–1794). Несмотря на то, что дофин содержался в тюрьме Тампл, после гибели своего отца, гильотинированного революционерами, он был провозглашён роялистами Королем Франции, при символическом регентстве своего дяди графа Прованского, находившегося в эмиграции. В 1795 г. Людовик XVII умер, а граф Прованский стал Королем *Людовиком XVIII* (1755–1824).

²²⁹ *Катынь* — село в Смоленской области, явившееся одним из мест массовых расстрелов в апреле-мае 1940 г. польских военнопленных (более 4000), захваченных Красной армией в ходе нападения СССР на Польшу в 1939 г.

²³⁰ *Коротков* Фёдор Фёдорович (15.05.1902 — 19.09.1973), советский военный деятель. Участник Гражданской, Советско-финской и Второй мировой войн. С 1943 г. генерал-майор РККА. В 1942–1944 гг. командир 14-й стрелковой дивизии. В 1944 г. командир 131-го стрелкового корпуса. В 1944–1945 гг. командир 132-го стрелкового корпуса 19 армии. 9–11 мая 1945 г. руководил освобождением от немцев датского острова Борнхольм. В 1948–1955 гг. подвергался репрессиям. С 1956 г. в отставке. Вопреки утверждению автора знания «Герой Советского Союза» не имел.

²³¹ Правильнее: *Сантпанк* (или Сандбанк) Йоганес Йоганесович (29.09.1901–05.05.1954), эстонский военный деятель. Участник Освободительной войны за независимость Эстонии. Окончил торговую школу в Таллинне и морскую школу в Кясму. В 1919–1921 гг. окончил морской класс Военной школы Эстонии, затем в 1921–1923 гг. и 1927–1928 гг. курсы офицеров флота в Великобритании и в 1937 г. Высшую морскую школу в Финляндии. Капитан-майор эстонского флота. С 18.09.1939 по 30.09.1940 гг. последний командующий ВМФ Эстонской республики. Принят на службу в Краснознаменный Балтийский флот в качестве капитана 3-го ранга. Командир посыльного судна «Пиккер». В 21.06.1941 г. арестован по обвинению в шпионаже. 01.10.1950 г. постановлением Особого совещания при МГБ СССР приговорён к 15 годам ИТЛ. Умер в Карагандинском ИТЛ при ночном обходе в составе лагерной пожарной службы.

²³² *Орден «Данеброг»* — второй по значимости орден Датского Королевства. Учрежден как рыцарский орден в 1219 г. Королем Вальдемаром II, в честь «Данеброга» — датского красного с белым крестом знамени, по преданию, упавшего с небес во время битвы датчан с эстонскими язычниками. По уставу 1693 г. в орден принимались лишь датские принцы крови и 50 рыцарей, отобранных Королём. В 1808 г. Король Фредерик VI изменил статут, разделив орден на четыре класса (рыцарь большого креста, гранд-командор, командор и рыцарь (кавалер)) и превратив орден в награду за заслуги. В 1842 г. Король Христиан VIII постановил, что только датские и иностранные лица королевской крови могут быть гранд-командорами ордена. Королевские указы 1864 и 1951 гг. разделили командорский и рыцарский классы ордена на две степени

каждый. В 1951 г. орден был открыт для дам. Гроссмейстером ордена Данеброга является правящий монарх Дании.

²³³ *Тито* Иосип Броз (25.05.1892–04.05.1980), сын хорватского крестьянина. Согласно официальной биографии с 1910 г. состоял в Социал-демократической партии Хорватии и Славонии. В 1913 г. призван в Австро-Венгерскую армию. В 1915 г. во время Первой мировой войны попал в русский плен. В 1917–1920 гг. на стороне большевиков участвовал в революционных событиях и в Гражданской войне в России. После возвращения в Королевство сербов, хорватов и словенцев присоединился к местным коммунистам. В 1928 г. стал секретарём Загребского комитета нелегальной Коммунистической партии Югославии (КПЮ), за что был арестован и осуждён на 5 лет каторжной тюрьмы. После освобождения в 1934 г. возобновил нелегальную деятельность, был членом крайкома КПЮ в Хорватии, затем членом ЦК КПЮ и Политбюро ЦК КПЮ. В 1935–1936 гг. работал в Коминтерне в Москве. С декабря 1937 г. возглавил КПЮ. С 1940 г. избран генеральным секретарём ЦК КПЮ. С 1941 г. после оккупации Югославии Германией глава коммунистических партизанских отрядов (т.н. «Народно-освободительная армия»). Вёл жесточайший террор против немецких оккупационных войск, а также политических оппонентов (в основном сербских монархистов-четников). С 1943 г. маршал и председатель Национального комитета освобождения Югославии. В марте 1945 г. провозглашён председателем Совета Министров, министром обороны и верховным главнокомандующим вооружёнными силами Демократической Федеративной Югославии. В 1945 г. избран председателем Народного фронта (в 1953–1954 гг. председатель Социалистического союза трудового народа Югославии). В 1953–1963 гг. председатель Союзного исполнительного веча Федеративной Народной республики Югославия. С 1952 г. председатель Союза коммунистов Югославии (СКЮ). С 1953 г. президент Союзной федеративной республики Югославия (СФРЮ). С 1971 г. возглавлял Президиум и Совет федерации СФРЮ.

²³⁴ *Жуков* Георгий Константинович (19.11(01.12).1896–18.06.1974), советский военачальник. Сын сапожника. Унтер-офицер Русской Императорской армии. В 1918 г. мобилизован в РККА. С 1919 г. член РКП (б). Участник Гражданской войны. В 1938–1939 гг. зам. командующего войсками Белорусского военного округа по кавалерии. В 1939–1940 гг. командующий 1-й армейской группой в Монголии. Нанёс поражение 6-й японской армии при Халхин-Голе. В 1940–1941 гг. командующий Киевским особым военным округом. Руководил оккупацией принадлежавших Румынии Бессарабии и Северной Буковины. С января по июнь 1941 г. начальник Генштаба и зам. наркома обороны СССР. В 1941–1946 гг. кандидат в члены ЦК ВКП (б). В 1941–1946 и 1950–1958 гг. депутат Верховного Совета СССР. В годы Советско-германской войны 1941–1945 гг. был членом Ставки Верховного Главнокомандующего, с августа 1942 г. — 1-й заместитель наркома обороны СССР и заместитель Верховного Главнокомандующего, командовал Резервным, Ленинградским, Западным, 1-м Украинским и 1-м Белорусским фронтами. При планировании операций не считался с потерями в живой силе. С 1943 г. маршал Советского Союза. Руководил штурмом Берлина. Принял от СССР Акт о безоговорочной капитуляции Германии. В 1945–1946 гг. главнокомандующий Группой советских войск в Германии. В марте-июне 1946 г. главнокомандующий Сухопутными войсками и зам. министра Вооружённых Сил СССР. В 1946–1948 гг. командующий войсками Одесского, в 1948–1953 гг. Уральского военных округов. В 1953 г. арестовал Л. П. Берiou. С 1953 г. первый зам. министра, в 1955–1957 гг. министр обороны СССР. С 1958 г. в отставке.

²³⁵ *Георг VI* (Альберт-Фредерик-Артур-Георг) (14.12.1895–06.02.1952), Король Великобритании, Ирландии (с 1949 г. Северной Ирландии) и Британских доминионов из династии Виндзоров. Второй сын Короля Георга V (1865–1936). В 1920–1936 гг. герцог Йоркский. Унаследовал английский трон после отречения своего старшего брата Короля Эдуарда VIII (1894–1972). Коронован 12 мая 1937 г. Британский фельдмаршал, адмирал флота и маршал королевского воздушного флота. С 1936 по 1948 гг. Император Индии.

²³⁶ *Сандбанк* Юта Ивановна — спортсменка Таллиннского «Динамо». Чемпионка СССР по прыжкам в длину.

²³⁷ *Трумэн* Гарри С. (08.05.1884–26.12.1972), американский государственный деятель. Из семьи фермера. В 1926–1934 гг. председатель окружного суда в штате Миссури. В 1934–1944 г. сенатор. С января 1945 вице-президент США от Демократической партии; с апреля 1945 (после смерти президента Ф.Д. Рузвельта) до января 1953 гг. 33-й президент США. В августе 1945 г. отдал приказ об атомной бомбардировке японских городов Хиросима и Нагасаки.

²³⁸ Речь идёт о *Нюрнбергских расовых законах* («Закон о гражданстве Рейха» и «Закон об охране германской крови и германской чести»), провозглашённых в 1935 г.А. Гитлером на съезде НСДАП в Нюрнберге и принятых Рейхстагом, которые, помимо поражения в правах еврейского населения Германии, вводили понятие «Метисов» («Mischlinge») 1-й ст. и 2-й ст., т.е. лиц, рождённых от смешанных браков немцев и евреев, хотя имевших определённые ограничения, тем не менее пользовавшихся правами граждан Рейха.

²³⁹ *Богомолов* Александр Ефремович (1900–1969), советский дипломат. В 1919–1930 гг. в рядах РККА. С 1920 г. член РКП (б). Окончил Высшее военно-политическое училище. В 1939–1940 гг. заведующий I-м Европейским отделом и генеральный секретарь НКВД СССР. В 1940–1941 гг. советский посол во Франции (Виши). В 1941–1944 гг. чрезвычайный и полномочный посол СССР при правительствах Люксембурга, Бельгии и Французском комитете национального освобождения в Лондоне. В 1944–1950 гг. чрезвычайный и полномочный посол СССР во Франции. Вёл активную работу по пропаганде реэмиграции русских из Франции в СССР. В 1950–1952 гг. зам. министра иностранных дел СССР. В 1952–1954 гг. посол СССР в Чехословакии. В 1954–1957 гг. посол СССР в Италии. В 1957–1962 гг. советник МИД СССР. В 1958–1969 гг. зам. председателя Общества советско-итальянской дружбы.

²⁴⁰ «*Новое Время*» — советский политический журнал, издание газеты «Труд». Начал выходить в июне 1943 г. в Москве, первоначально 2 раза в месяц на русском языке (до июня 1945 г. под названием «Война и рабочий класс»). С января 1947 г. выходил еженедельно. В советское время издавался на русском, английском, французском, немецком, испанском, польском, чешском и арабском языках и освещал внутреннее и международное положение СССР, проблемы советской внешней политики и актуальные события международной жизни. С 1992 г. независимый общественно-политический журнал.

²⁴¹ Князь *Кропоткин* Пётр Александрович (27.11.1842–08.02.1921), из древнего русского аристократического рода. Сын генерал-майора. Окончил Пажеский корпус. В 1862–1867 гг. служил в Амурском казачьем войске. В 1867–1871 гг. служил в статистическом комитете МВД и учился на физико-математическом факультете Петербургского Императорского университета. В 1872 г. совершил поездку за границу, где стал активно сотрудничать с анархистами. В 1868–1874 гг. член Русского Географического общества. В 1874 г. за связь с революционными нелегальными организациями был арестован и посажен в Петропавловскую крепость. Будучи переведён в 1876 г. в Николаевский военный госпиталь, бежал за границу. Жил во Франции и Англии. После смерти М.А. Бакунина в 1876 г. — наиболее авторитетный теоретик анархизма, занимался революционно-публицистической деятельностью, участвовал в международном левом революционном и радикальном политическом движении. В 1882 г. вместе с лионскими анархистами был арестован по обвинению в организации взрывов в Лионе и приговорён к 5-летнему тюремному заключению. В 1886 г., благодаря протестам левых депутатов французского парламента, досрочно выпущен на свободу. В июне 1917 г., после Февральской революции, вернулся в Россию. Приветствовал Октябрьский большевистский переворот. В 1917–1918 гг. принимал участие в работе Лиги федералистов, созданной для пропаганды идей федерализма и децентрализма.

²⁴² *Безпальчев* Константин Александрович (21.05.1896–10.12.1973), из дворян. Сын инженера. Выпускник Морского корпуса 1915 г. Офицер 1-го Балтийского Флотского Экипажа. После Февральской революции 1917 г. избран командой штурманом крейсера «Россия». С 1918 г. на службе в РККФ. В 1921–1929 гг. командовал различными кораблями на Чёрном море. С 1929 г. на преподавательской работе, начальник нескольких военно-морских учебных заведений. В 1938–1940 гг. находился в заключении. С 1945 г. член ВКП (б). С 1953 г. контр-адмирал. С 1956 г. в отставке. Находясь на пенсии, занимал должность председателя военно-исторической секции Дома ученых им. М. Горького.

²⁴³ По-видимому, речь идёт о советском композиторе Юлии (Илье) Абрамовиче Хайте (15.11.1897–06.12.1966), авторе «Марша авиаторов» («Все выше») и др. произведений для симфонических, духовых и эстрадных оркестров, который в 1947–1953 гг. находился в заключении в лагерях, в т. ч. и Озерлаге.

²⁴⁴ *Озерлаг*, или Озерный лагерь — особый лагерь № 7 ГУЛАГ МВД. Основан в 1948 г. в Иркутской области, с центром в г. Тайшет. Контингент заключённых (от 17 000 (в 1949 г.) до 37 000 (в 1952 г.)) в основном использовался при строительстве железной дороги Тайшет–Братск–Усть-Кут, разработке каменных карьеров, на лесозаготовках и т. д.

²⁴⁵ *Квантунская армия* — сухопутная группировка Японской Императорской армии, созданная в 1931 г. после оккупации Маньчжурии на базе войск, расположенных в северо-восточном Китае на территории Квантунской области (юго-западной оконечности Ляодунского полуострова до залива Гуаньдун). Первоначально имела численность 100 000 чел. К 1945 г. имела в своём составе: 1-й фронт (3-я и 5-я армии), 3-й фронт (30-я и 44-я армии), 17-й фронт (34-я и 59-я армии), отдельную (4-ю) армию, две (2-я и 5-я) воздушные армии и Сунгарийскую военную флотилию (общей численностью ок. 1 320 000 чел.). Кроме того, ей были оперативно подчинены армия Маньчжоу-Ди-Го, войска Внутренней Монголии (князя Де Вана) и Суйюаньская армейская группа. Была ликвидирована после вступления СССР во Вторую мировую войну на Дальнем Востоке в ходе Маньчжурской наступательной операции 9–19 августа 1945 г.

²⁴⁶ *Ангарлаг*, или *Ангарский ИТЛ* (Ангарстрой) был организован в 1947 г. с центром в г. Братск (Иркутская обл.). Заключённые (в 1950 г. более 43 000 чел.) использовались на работах по строительству железной дороги Братск–Усть-Кут (участок БАМа), автодорог и моста через Ангару, слюдообработке, лесозаготовке и т. д.

²⁴⁷ Правильнее: *Братская гидроэлектростанция* (с 1967 г. им. 50-летия Великого Октября) — гидроэлектростанция на р. Ангары в Иркутской области, в городе Братск. Одна из крупнейших и наиболее известных ГЭС в России, построенная в период с 1954 по 1967 гг.

²⁴⁸ *Давид* (? — 1952), еврейский религиозный деятель. Будучи подданным Австро-Венгрии окончил Венский университет. Хасид. В 1930-е гг. член Черновицкой сионистской организации. Раввин одной из синагог в Черновцах. Во время Второй Мировой войны через румынского мэра Черновцов Траяна Поповича пытался спасти представителей еврейской общины города от насильственных депортаций на работы в Германию. В 1944 г. приветствовал приход Советской армии и переход Черновцов в состав СССР. После создания Израиля в 1948 г. направил обращение на имя И. Сталина с просьбой оказать военную и экономическую поддержку еврейскому государству. 2 февраля 1951 г. арестован и приговорен к 10 годам ИТЛ за «сионистскую деятельность» и «пособничество румынским оккупантам». Умер в лагере.

²⁴⁹ *Макдональд Жанетта* (*MacDonald Jeanette*) (18.06.1903–14.01.1965), популярная американская певица и актриса 1930-х гг.

²⁵⁰ *Французский Иностраннный легион* (фр. *Légion étrangère*) — наемное воинское формирование, созданное 9 марта 1831 г., в составе Французской армии по указу Короля Луи Филиппа для использования за пределами континентальной Франции. Подчиняется лично главе Французского государства. Принимал участие во всех колониальных компаниях Франции в XIX в., Первой и Второй мировых войнах, миротворческих операциях конца XX в. По оценкам исследователей, с момента создания и до нач. 1990-х гг. в легионе служило более 600 000 чел., из них 36 000 пало в бою.

²⁵¹ Автор путает отчество. В действительности имеется в виду советский писатель *Борис Дмитриевич Четвериков* (02.07.1896–17.03.1981), в период с апреля 1945 по апрель 1956 гг. находившийся в советских тюрьмах и лагерях, в т. ч. в Озерлаге (см. *Четвериков Б. Д.* Всего бывало на веку — Л., 1991).

²⁵² *Бьёркелунд* Дмитрий Борисович (1929–1999), незаконнорожденный сын шведской рыбачки. В 1929 г. усыновлен Б. В. Бьёркелундом и его первой супругой.

²⁵³ Речь идёт о бывших русских морских офицерах: выпускнике Морского Корпуса 1910 г. Владимире Григорьевиче (18.06.1887 —?) и выпускнике Морского Корпуса 1914 г. Всеволоде Григорьевиче (01.04.1893 —?) *Макасей-Шибинских*.

²⁵⁴ *Четверухин* Борис Михайлович (17.03.1880–02.04.1967), окончил Морской Корпус в 1902 г. Участник Русско-японской войны, был в японском плену. Служил в Гидрографическом управлении. Капитан 2-го ранга. Во время Первой мировой войны командир дивизиона минных тральщиков в Балтийском море. С 1918 г. в эмиграции в Финляндии. Технический директор в финской фирме, снабжавшей флоты Прибалтийских стран. Председатель группы Военно-морского союза в Гельсингфорсе. Сотрудничал с РОВСом. В 1944 г. переехал в Швецию, опасаясь выдачи в СССР. Председатель Российского Национального Объединения в Швеции.

²⁵⁵ *Петит* — мелкий типографский шрифт (с высотой литера 3 мм).

²⁵⁶ *Журнал «Крокодил»* — сатирическое издание, выпускавшееся с СССР с 1922 г. Выходил три раза в месяц в издательстве «Правда». Первый редактор К. С. Еремеев в 1922–1928 г. Журнал печатал юмористические стихи, сатирические рассказы, фельетоны, карикатуры др. материалы, носившие социально-бытовой и политическо-пропагандистский характер.

²⁵⁷ *Радищев* Александр Николаевич (20.08.1749–12.01.1802), из дворян. Окончил Пажецкий корпус и Лейпцигский университет. В 1771–1773 г. протоколист Сената. С 1773 г. обер-аудитор в штабе генерал-аншефа. В 1775 г. вышел в отставку с чином секунд-майора. В 1778–1788 гг. служил в Коммерц-коллегии. С 1790 г. управляющий Петербургской таможенной. Автор ряда радикально-революционных и республиканских сочинений, в которых резко критиковал устои Российского государства и общества. За публикацию антиправительственного романа «Путешествие из Санкт-Петербурга в Москву» судим и приговорён к смертной казни, в 1792 г. заменённой ссылкой в Сибирь. С 1796 г. жил в имении. С 1801 г. член Комиссии по составлению свода законов. Покончил жизнь самоубийством.

²⁵⁸ С 1941 г. в составе различных подразделений Германской армии были созданы добровольческие казачьи подразделения. 21 апреля 1943 г. на территории Польши значительная часть из них была сведена в 1-ю казачью кавалерийскую дивизию под командованием генерал-майора *Хельмута фон Паннвица* (14.10.1898–16.01.1947). В 1944 г. дивизия была передана в подчинение Войск СС. 1 февраля 1945 г. на основе дивизии и действовавших ранее казачьих частей был создан XV казачий кавалерийский корпус Войск СС, под командованием обер-группенфюрера СС и генерал-лейтенанта Войск СС Х. фон Паннвица. С апреля 1945 г. корпус подчинялся ВС КОНР генерал-лейтенанта А. А. Власова. После поражения Германии большая часть чинов корпуса была насильственно передана британцами для репатриации в СССР. Участь своих подчинённых добровольно разделил и генерал фон Паннвиц, казнённый в Москве 16 января 1947 г. на основании постановления Политбюро ЦК ВКП (б).

²⁵⁹ Вернее: *Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД)* — железнодорожная магистраль в северо-восточном Китае. Построена в 1897–1903 гг. как южная ветка Транссибирской магистрали, проходившая по территории Маньчжурии и соединявшая Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. Изначально принадлежала России, обслуживалась русской администрацией и охранялась специальной стражей. В 1917 г. над КВЖД попытались установить контроль члены Харбинского Совета рабочих и солдатских депутатов, но они были разогнаны китайскими войсками и силами русского главнокомандующего генерала Д. Л. Хорвата. В 1920 г. белая русская администрация была распущена под давлением китайских военных. По советско-китайскому договору 1924 г. была передана под управление СССР. В 1929 г. китайские военные попытались овладеть КВЖД, но вскоре были разгромлены силами советской Особой Краснознамённой Дальневосточной армии. В 1934 г. КВЖД была продана Маньчжурскому государству. После разгрома Квантунской японской армии в 1945 г. вновь оказалась под контролем СССР. В 1952 г. окончательно передана Китаю. В 1945 г. переименована в Китайскую Чанчуньскую железную дорогу, в 1953 г. в Харбинскую железную дорогу.

²⁶⁰ *Микадо* (япон., букв. — «Величественные врата») — один из титулов Императора Японии.

²⁶¹ *Ежов Николай Иванович* (19.04.1895–06.02.1940), из рабочих. Рабочий Путиловского завода. Во время Первой мировой войны служил в запасных батальонах. С 1917 г. член РСДРП (б). Участник Гражданской войны. В 1919 г. секретарь ячейки РКП (б) воен. подрайона в Саратове, затем политрук и секретарь партколлектива 2-й базы радиотелеграфных формирований в Казани. В 1920–1921 гг. военком радиотелеграфной школы РККА и военком радиобазы в Казани. В 1921–1922 гг. Член Президиума ЦИК Татарской АССР. В 1922–1923 гг. отв. секретарь Марийского обкома РКП (б), в 1923–1924 гг. отв. секретарь Семипалатинского губкома РКП (б). В 1924–1925 гг. зам. отв. секретаря Казахстанского крайкома ВКП (б). В 1927–1929 гг. зам. наркома земледелия СССР. В 1933–1934 гг. член Центральной комиссии ВКП (б) по чистке партии. В 1934–1939 гг. член ЦК ВКП (б), член Оргбюро ЦК ВКП (б). С 1935 г. член Президиума Исполкома Коминтерна и секретарь ЦК ВКП (б). В 1936–1938 гг. нарком внутренних дел СССР. С 1937 г. генеральный комиссар гос.безопасности. Проводил кампании массового террора, лично принимал участие в пытках подсудимых. В 1937–1939 гг. кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП (б). В 1938–1939 гг. нарком водного транспорта СССР. В 1939 г. арестован, в 1940 г. расстрелян.

²⁶² *Верховный Совет* — формально высший орган государственной власти в СССР, действовавший с 1936 по 1991 гг. Состоял из двух равноправных палат — Совета Союза и Совета Национальностей.

²⁶³ В 1942 г. немецкая армия дошла до Моздока, а г. Грозный ею взят не был.

²⁶⁴ Полное название: «*Burmeister og Vain*» («*Burmeister & Wain*») — крупнейший датский машиностроительный и судостроительный концерн. Основан в 1846 г. датчанами Гансом-Генрихом Баумгартеном (1806–1875) и Карлом-Христианом Бурмейстером (1821–1898) под названием машиностроительная компания «*Baumgarten & Burmeister*» (В&В). После удаления от дел Г. -Г. Баумгартена в 1865 г. компания была переименована в честь английского совладельца Уильяма Вайна (1819–1882) «*Burmeister & Wain*» (В&W). Первоначально концерн выпускал станки, а также суда на паровом двигателе для Датского и Нидерландского Королевских флотов, торговых и китобойных компаний. С 1890 г. был налажен выпуск керосиновых двигателей, а с 1898 г. после покупки исключительных прав на изобретение Рудольфа Дизеля В&W стал производить дизельные двигатели. На верфях «*Burmeister og Vain*» неоднократно строились суда для военных флотов многих стран мира (в т. ч. Российской Империи и СССР). В 1971 г. верфь и машиностроительный завод В&W были разделены, а в 1979–1980 гг. выкуплены немецким концерном «MAN AG», датское представительство которого продолжает носить название «MAN В&W Diesel».

²⁶⁵ *Газета «Призыв»* — ежедневная газета, учреждённая в мае 1917 г. во Владимире местным отделением Партии социалистов-революционеров (эсеров). В ноябре 1917 г. перешла под контроль большевиков. До августа 1991 г. официальный орган Владимирского губкома (обкома) ВКП (б) — КПСС. С сентября 1991 г. независимое издание.

²⁶⁶ *Пеккала Мауно* (27.01.1890–30.06.1952), финский политик. Получил философское и лесоводческое образование. В 1926–1927 гг. министр сельского хозяйства Финляндии. В 1936–1945 гг. член Исполкома Социал-демократической партии Финляндии (СДПФ). В 1937–1944 гг. директор Главного лесного управления, одновременно в 1939–1942 гг. министр финансов. Сторонник сближения Финляндии с СССР. В 1944 г. исключён из СДПФ, после чего вступил в Финскую народную социал-демократическую лигу. В 1944–1952 гг. депутат Эдускунты. В 1944–1945 гг. министр без портфеля. В 1945–1946 гг. министр обороны. В 1946–1948 гг. премьер-министр Финляндии. В 1948 г. подписал Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндией. В 1950 г. неудачно баллотировался на пост Президента Финляндии.

²⁶⁷ Восстания в Горном лагере МВД СССР Норильска (май-август 1953 г.) и лагерях Караганды (июнь 1953 г.), были одними из самых крупных выступлений заключённых против советской карательной системы среди серии бунтов, прокатившихся в ГУЛАГе в 1953–1954 гг. Данные выступления, проходившие как под социальными, так под политическими лозунгами, были жестоко подавлены органами МВД СССР с применением отрядов автоматчиков и танков.

²⁶⁸ *Хиросима* — город в Японии на юго-западе о. Хонсю, административный центр префектуры Хиросима. Вырос вокруг феодального замка (XVI в.). 6 августа 1945 г. подвергся первой в истории человечества атомной бомбардировке со стороны ВВС США. Значительная часть Хиросимы была разрушена; убито, ранено и подверглось радиационному излучению более 140 тыс. человек.

²⁶⁹ *Берлинское восстание* — крупное антикоммунистическое народное выступление, стихийно поднятое жителями Восточного Берлина 17 июня 1953 г. под экономическими и политическими лозунгами. В тот же день было жестоко подавлено советскими танками и властями Германской демократической республики (ГДР). Бундестаг Федеративной республики Германия (ФРГ) объявил 17 июня национальным праздником — Днём немецкого единства.

²⁷⁰ *Вуори* (*Vuori*) Эро Аарне (1900–1966), финский левый политик. Председатель центральной конфедерации профсоюзов. В 1944–1945 гг. министр путей сообщения и общественных работ. В 1945–1952 гг. посол Финляндии в Великобритании. В 1953–1955 гг. начальник политического отдела МИД Финляндии. В 1955–1963 гг. посол Финляндии в СССР. В 1964–1965 гг. поверенный в делах Финляндии в Шведском королевстве. В 1966 г. начальник канцелярии Президента Финляндии.

²⁷¹ Однокашником Б. Бьёркелунда был *Загорянский-Кисель* Николай Апполинарьевич (04.02.1895–01.03.1867), окончивший гардемаринские классы Морского корпуса вместе с ним в 1915 г. и позже также служивший офицером 1-го Балтийского Флотского экипажа, лейтенантом флота Северо-Западной армии. Его двоюродный брат, *Загорянский-Кисель* Виктор Васильевич (16.10.1890–1954), окончил Морской корпус ранее в 1912 г. и затем служил в Сибирском флотском экипаже. Лейтенант Русского Императорского флота. В эмиграции жил в Румынии, откуда в 1940-х гг. был выдан в СССР и погиб в ГУЛАГе.

²⁷² Имеется в виду: Заслуженная академическая (хоровая) капелла УССР «Трембита», основанная во Львове в 1939 г.

²⁷³ Один из основных врагов большевизма на Дальнем Востоке атаман Забайкальского казачьего войска, генерал-лейтенант Григорий Михайлович *Семёнов* (13.09.1890–30.08.1946), был захвачен в Манчжурии 22 августа 1945 г. советской военной контрразведкой «СМЕРШ», доставлен в Москву, судим и повешен. Его сын Михаил Семёнов (1922–1946) был застрелен конвоирами при этапировке. Дочери генерала: Елена (р. 1921), Татьяна (р. 1925) и Елизавета (р. 1929) Семёновы, были приговорены ОСО к 25 годам лагерей, содержались в Речлаге (Воркута) и Озерлаге (Тайшет), где действительно работали в культбригаде. В 1955 г. они были освобождены.

²⁷⁴ Автор говорит о романе советского писателя Владимира Дмитриевича *Дудинцева* (16.07.1918–22.07.1998) «*Не хлебом единым*», повествующем о трудовом конфликте между руководителем советского предприятия и учёным, приведшем к необоснованной репрессии в отношении последнего. Будучи опубликован в журнале «Новый мир» в 1956 г. роман наделал много шума, вызвал острую общественную полемику.

²⁷⁵ *Дубровлаг, или Дубравный ИТЛ* (Особый лагерь № 3), организован в 1948 г. на базе Темниковского ИТЛ с центром в посёлке Явас в Мордовской АССР. Основной вид принудительных работ — обслуживание объектов Темниковского промкомбината ГУЛАГа МВД. Количество заключённых от 13 000 в 1948 г. до 25 000 в 1952 г.

²⁷⁶ В ходе Второй мировой войны в составе Германского Вермахта действовали созданные из прибалтийцев VI латышский добровольческий корпус Войск СС (в т. ч. 15-я и 19-я латышские дивизии СС) и 20-я гренадерская дивизия Войск СС «Эстония».

²⁷⁷ «*Курляндский котёл*» (или «*Курляндская крепость*») — условное название сложившегося после Рижской наступательной операции Красной армии (сентябрь–октябрь 1944 г.) оборонительного укрепления, созданного частями германского Вермахта (более 146 000 чел.), на исторической прибалтийской территории Курляндии. Германские войска, объединённые в армейскую группу «Courland», были зажаты между Тукумсом и Либавой двумя советскими

армиями. Несмотря на тот факт, что Курляндскую группировку отделяли от Германии сотни километров, в ходе ожесточённых боев линия фронта продвигалась лишь на несколько километров вглубь удерживаемой немцами и союзными им латышскими территориями. Узнав о капитуляции Германии большая часть армейской группировки сложила оружие 9–11 мая 1945 г., однако некоторая её часть на самодеятельных плаотах попыталась переправиться в Швецию либо уйти в леса и присоединиться к «лесным братьям».

²⁷⁸ С апреля 1945 по март 1946 гг. в Швеции работала группа из 17 советских офицеров во главе с подполковником А. А. Рогозниковым. В результате их деятельности в СССР добровольно репатриировались 3219 человек из числа находившихся на территории Швеции советских граждан. 23 января 1946 г. шведские власти насильственно передали советской стороне 167 балтийских военнослужащих.

²⁷⁹ *Сомов* Борис Андреевич (? — 25.12.1963), кубанский казак. Окончил Одесский Великого Князя Константина Константиновича кадетский Корпус. Участник Первой мировой войны. Во время Гражданской войны сражался в партизанском отряде генерал-лейтенанта А. Г. Шкуро. Полковник. В эмиграции в Югославии. В годы Второй мировой войны служил в 1-м казачьем полку Русского Корпуса. Выдан англичанами большевикам в Лиенце. В 1945–1955 г. узник ГУЛАГа. После освобождения жил в Австрии. Умер в Вене.

²⁸⁰ Речь идёт о *Белорусской Центральной Раде* (БЦР), организованной немцами во время оккупации в 1943–1944 гг. национальной администрации из белорусских националистов, под председательством Радослава Казимировича Островского (1887–1976). В 1943 г. БЦР сформировала собственные местные и полицейские органы власти, издавала печатные органы, имела вооружённые формирования. После немецкого отступления из Белоруссии в 1944 г. БЦР удалась в изгнание. После окончания Второй мировой войны деятельность БЦР продолжалась вплоть до 1990-х гг.

²⁸¹ Вернее: *Валленберг* Рауль Густав (04.08.1912 —?), представитель влиятельной шведской семьи. Сын морского офицера. В 1931 г. получил образование архитектора в Мичиганском университете в США. В 1930-е гг. работал в строительной компании в Южной Африке, в представительстве Голландского банка в Хайфе, шведских торговых фирмах. С 1944 г. 1-й секретарь Шведского посольства в Венгрии. Пользуясь своим статусом и связями в венгерских политических кругах, оказывал помощь венгерским евреям, предоставляя им шведские паспорта и укрывая в стенах шведской дип.миссии. По оценкам различных исследователей, ему удалось спасти несколько тысяч евреев от гибели в результате нацистского и венгерского националистического террора во время Второй мировой войны. При осаде Будапешта в январе 1945 г. выехал на территорию, занятую советскими войсками, где был арестован СМЕРШем по подозрению в шпионаже в пользу США и вывезен в СССР, где до 1947 г. содержался в Лубянской тюрьме в Москве. Дальнейшая судьба Валленберга остаётся не выясненной. Работавшая в 1991–2000 гг. специальная российско-шведская рабочая группа пришла к выводу, что вероятной датой кончины Р. Валленберга в стенах тюрьмы на Лубянке является дата 17.07.1947 г. Но помимо этого существуют ещё около десятка альтернативных версий, основанных на свидетельствах разных лиц, о его дальнейшей жизни (Б. В. Бьёркелунд приводит одну из них).

²⁸² *Аденауэр Конрад* (05.01.1876–19.04.1967), германский государственный деятель. Адвокат. В 1917–1933 г. обер-бургомистр Кёльна. В 1920–1932 гг. председатель прусского Государственного совета. В 1933 г. ушёл со всех постов после прихода к власти нацистов. В 1934 и 1944 гг. подвергался арестам. Один из основателей в 1946 г. и с 1950 г. председатель Христианско-демократического союза. В 1948–1949 гг. президент германского Парламентского совета, провозгласившего создание Федеративной республики Германия (ФРГ) в 1949 г. Первый федеральный канцлер ФРГ в 1949–1963 гг. В 1951–1955 гг. также министр иностранных дел ФРГ.

²⁸³ В 1944 г. сталинское правительство предприняло массовую депортацию целого ряда народов (калмыков, греков, ногайцев, турок-месхетинцев и т. д.) по надуманным обвинениям в пособничестве немецким оккупантам, переселённым в Сибирь и Среднюю Азию. Переселение ингушей и чеченцев происходило с 23 февраля по 9 марта 1944 г. в рамках спецоперации НКВД и НКГБ «Чечевица», в ходе которой представители этих народов были

подвергнуты насильственной депортации, а Чечено-Ингушская АССР до её последующего восстановления в 1957 г. была упразднена. 14.11.1989 г. СССР реабилитировал все ранее репрессированные народы.

²⁸⁴ Автор ошибается. В 1944 г. депортации подверглись жившие совместно с кабардинцами балкарцы, тогда как кабардинцы насильственному переселению не подлежали, а Кабардино-Балкарская АССР была переименована в Кабардинскую АССР. После возвращения балкарцев в 1957 г. автономная республика вновь стала носить название Кабардино-Балкарской.

²⁸⁵ Крымские татары (крымцы) подверглись насильственному переселению 18 мая 1944 г.

²⁸⁶ Официальная делегация английского города Бирмингема во главе с лордом-мэром Артуром Лумисом Гибсоном посетила Свердловск в августе 1955 года. С тех пор Свердловск (Екатеринбург) и Бирмингем являются городами-побратимами.

²⁸⁷ *Испанская Гражданская война* — вооружённое противостояние в Испании в 1936–1939 гг. между силами Второй Испанской республики и поддерживающими её левыми интернационалистами (коммунистами, троцкистами, анархистами), с одной стороны, и Национальными силами (националистами, монархистами, фаalangистами, католическими партиями) под предводительством генерала Франсиско Франко, с другой. Республиканцы открыто поддерживались Коминтерном, СССР, Мексикой и Францией, а националисты Италией, Германией и Португалией. В 1939 г. война закончилась поражением республиканцев и установлением в Испании право-консервативной национальной власти.

²⁸⁸ *Франко Франсиско* (полное имя — Франсиско Паулино Эрменехильдо Франко-и-Баамонде) (04.12.1892–20.11.1975), испанский военный и государственный деятель. Глава испанских национальных сил в Гражданской войне 1936–1939 гг. С 1936 по 1975 гг. генералиссимус, Каудильо и Глава Испанского государства. С 1938 по 1973 гг. глава Правительства Испании. Способствовал восстановлению Испанской монархии и обеспечил после своей смерти переход власти к Королю.

²⁸⁹ *Мейснер* Дмитрий Александрович, сын действительного статского советника и предпринимателя. С 1917 г. прапорщик Лейб-гвардии Преображенского полка. В эмиграции в Финляндии. Сотрудник отдела пропаганды Вермахта. С 1945 г. в советских лагерях. После освобождения ок. 1955 г. выехал в Австралию.

²⁹⁰ *Шишкин* Иван Иванович (13.01.1832–08.03.1898), русский художник-пейзажист. Окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества и Петербургскую академию Художеств. С 1873 г. профессор Императорской Академии Художеств. Член-учредитель Товарищества передвижных художественных выставок.

²⁹¹ Т.е. Движение Лапуа (*Lapuan liike*) — ультранационалистическое (профашистское) политическое движение, созданное в ответ на рост левых настроений в Финляндии в конце 1920-х гг. Основано в 1929 г. Витори Косола и генералом Куртом Мартти Валлениусом. В 1930 и 1932 гг. предпринимало неудачные попытки государственного переворота, после чего было запрещено властями. В 1932 г. преобразовано в Финское патриотическое народное движение (*Isänmaallinen kansanliike*), распущенное в 1944 г.

²⁹² *Доне* Георгий Александрович (1892–18.10.1967), из дворян. Выпускник Пажеского корпуса 1911 г. Служил в Лейб-гвардии Конно-гренадерском полку и 3-м драгунском полку. Во время Гражданской войны в ВСЮР и Русской Армии. Член НТСНП. В эмиграции в Югославии. Арестован в 1945 г. в Сараево и вывезен в СССР. Узник ГУЛАГа. После освобождения в 1955 г. остался в СССР.

²⁹³ *Рузвельт* Франклин Делано (30.01.1882–12.04.1945), американский государственный деятель. Сын землевладельца. Получил юридическое образование в Гарвардском и Колумбийском университетах. Состоял в Демократической партии. В 1910–1914 гг. член Сената штата Нью-Йорк. Несмотря на перенесённую болезнь полиомиелита и, как следствие, частичного паралича, смог занять в 1928–1933 гг. пост губернатора штата Нью-Йорк. В 1933–1945 гг. 32-й Президент США (единственный избранный четыре раза подряд). Предпринятые им меры

позволили вывести США из экономического кризиса 1920-х — 1930-х гг. В 1941 г. вступил во Вторую мировую войну на стороне антигитлеровской коалиции. Участник Тегеранской и Ялтинской конференций, определивших послевоенное устройство мира.

²⁹⁴ *Черчилль* Уинстон (полное имя — сэр Унстон Леонард Спенсер-Черчилль) (30.11.1874–24.01.1965), английский аристократ. Сын лорда. Окончил школу Хэрроу (1892) и Королевский военный колледж Сендхёрст (1893). С 1894 по 1899 гг. (с перерывами) в чине лейтенанта кавалерии находился на действительной военной службе. В качестве военного корреспондента побывал на Кубе, в Афганистане, Индии, Судане и Южной Африке. Был в плену у буров. В 1900–1904 гг. член Палаты общин от Консервативной партии. В 1904 г. перешёл в Либеральную партию. В 1904–1908 гг. зам. министра по делам колоний. В 1908–1910 гг. министр торговли и промышленности. В 1910–1911 гг. министр внутренних дел. В 1911–1915 гг. Первый лорд Адмиралтейства. В 1915 г. канцлер Герцогства Ланкастерского. В 1915–1916 гг. в чине полковника командовал 6-м батальоном Шотландских Королевских фузилеров на фронте во Франции. В 1917–1919 гг. министр вооружений. В 1919–1921 гг. военный министр и министр авиации. В 1921–1923 гг. министр по делам колоний. С 1924 г. и вплоть до кончины член Палаты общин. В 1925 г. вернулся в Консервативную партию. В 1924–1929 гг. канцлер Казначейства. В 1939–1940 гг. военный министр. В 1940–1945 и 1951–1955 гг. премьер-министр Великобритании. Британский лидер во время Второй мировой войны. Участник Тегеранской и Ялтинской конференций, определивших послевоенное устройство мира. Один из зачинателей «холодной войны» с советским блоком. Талантливый публицист, лауреат Нобелевской премии 1953 г. в области литературы.

²⁹⁵ *Вяткин* Фёдор Алексеевич (01.01.1864–03.02.1944), из дворян. Выпускник Морского корпуса. В службе с 1881 г., офицер с 1884 г. В 1911–1914 гг. начальник 1-го дивизиона эскадры минных крейсеров Балтийского флота. С 1915 г. контр-адмирал. В 1915–1917 гг. капитан над Кронштадтским портом. Во время Гражданской войны во ВСЮР и Русской армии. Вице-адмирал. В эмиграции жил в Югославии, где возглавлял Кружок питомцев Морского корпуса. Имел 4-х детей, среди которых сыновей: Фёдора (подпоручик, в 1940-х гг. служил в Германской армии) и Ивана (работал инженером в Германии).

²⁹⁶ Речь идёт об американском актёре и рок-певце *Элвисе Ароне Пресли* (*Presley*) (08.01.1935–16.08.1977).

²⁹⁷ Т.е. бакалейный магазин на Невском пр., 56, до революции принадлежавший торговому обществу «*Братья Елисеевы*» и не прекращавший свою работу в советское время.

²⁹⁸ *Рюеме* (Ryömä) Маури (30.10.1911–28.11.1958), финский левый политик. Доктор наук. С 1930 г. член Финской социал-демократической партии, а затем Финской коммунистической партии. Избирался в городской совет Хельсинки. Член Эдускунты в 1936–1937 и 1945–1958 гг., с 1954 г. председатель левой фракции.

²⁹⁹ *Кекконен* Урхо Калева (03.09.1900–31.08.1986), финский политик. До 1956 г. один из лидеров Аграрного союза. В 1930-е — 1950-е гг. неоднократно занимал различные министерские посты. В 1952–1953 гг. и 1954 г. министр иностранных дел Финляндии. В 1950–1953 и 1954–1956 гг. премьер-министр. В 1956–1981 гг. Президент Финляндии. Продолжал политику «активного нейтралитета» Ю.К. Паасикиви, ведя тесное экономическое сотрудничество с СССР и западными странами.

³⁰⁰ *Добровольский* (Доливо-Добровольский) Северин Цезарьевич (10.09.1881–26.01.1946), из дворян. Окончил Псковский кадетский корпус (1899), Константиновское артиллерийское училище (1902) и Александровскую Военно-юридическую академию. До 1914 г. служил в военно-окружных судах Российской Империи. В Первую мировую войну — военный прокурор 11-й армии. В годы Гражданской войны в белых частях Северного фронта. Генерал-майор, в 1919–1920 гг. полевой военный прокурор и начальник военно-судного отделения Северной области. В эмиграции в Финляндии, не принимал гражданства этой страны, как и многие другие эмигранты, жил с «Нансеновским паспортом». Известный эмигрантский правый общественно-политический деятель. Автор мемуаров, печатался в эмигрант-

ской прессе, выступал с лекциями. В нач. 1920-х гг. член Союза трудовой интеллигенции Выборгской губернии, член правления Выборгского Культурно-просветительного общества и секретарь Комитета русских организаций в Финляндии по оказанию помощи голодающим в России. Один из основателей Национальной организации русских фашистов. Активно взаимодействовал с БРП, РОВСом, НТСНП, РФП и др. антикоммунистическими организациями, хотя и не входил в их состав. В 1933–1939 гг. издатель и редактор русских фашистских журналов «Клич» и «Fascism». Сотрудничал с финскими и германскими спецслужбами. Во время Советско-финской войны сотрудник отдела пропаганды при Главной квартире финской армии. 21.04.1945 г. арестован и в числе 20 других «узников Лейно» выдан в СССР. Находился под следствием МГБ. 27.11.1945 г. Военным трибуналом Московского Военного округа приговорён к высшей мере наказания. От написания прошения о помиловании отказался. Расстрелян коммунистами.

³⁰¹ *Веригин* Игорь Михайлович (1907–1968), сын инженера. После 1918 г. вместе с семьёй эмигрировал в Финляндию, где жил по Нансеновскому паспорту. Инженер, служащий фирмы «Минерал». Участник любительских театральных постановок. Председатель Правления (до 1935 г. секретарь) Национального Союза Нового Поколения (НСНП) в Финляндии, после его запрета возглавлял Содружество «Звено». В 1945–1954 г. узник советских лагерей. Узнав о том, что его жена взяла развод, остался в СССР. Недолго жил в Москве, затем уехал в Магадан, где работал актёром в местном театре.

³⁰² *Буман* Унто Илмари (после 1944 г. носил фамилию Парвилахти) (28.09.1908–27.10.1970), сын финского коммуниста. Из-за несогласия с политическими взглядами отца, рано покинул родной дом. Работал фотографом. Лейтенант ВВС Финляндии. В 1940 г. кандидатом в члены Исполнительного совета шведского национал-социалистического Общества *Folkgemenskapin*. Во время Второй мировой войны служил офицером связи в финских добровольческих частях Войск СС. Принимал участие в боях на Восточном фронте в составе 5-й дивизии Войск СС «Викинг». После выхода Финляндии из войны вернулся на родину, где участвовал в работе подпольных прогерманских организаций. В 1945 г. был выдан в СССР. До 1954 г. находился в заключении. После возвращения в Финляндию, работал в рекламных агентствах и авиакомпаниях. Был близок к националистическим кругам. Опубликовал на английском и финском языках воспоминания «Сады Берии» (см. *Berijan tarhat. Havaintoja ja muistikuvia Neuvostoliiton vuosilta 1945–1954. – Helsinki, 1957*), где подробно описал свою жизнь в советских лагерях. В 1961 г. переехал на постоянное жительство в Испанию, где и скончался. Осенью 2001 г. реабилитирован Генеральной прокуратурой Российской Федерации.

³⁰³ *Нарбут* Юрий Антонинович (или Ардолионович) (1896–1951), из дворян. Поручик. Участник Белого движения. В 1922 г. получил 5-летний срок за участие в контрреволюционном подполье и шпионаже. Выдан в Финляндию, в 1929 г. принял гражданство этой страны. В 1920-х гг. состоял в Братстве Русской Правды (БРП), был агентом организации в Териоки. Монархист-легитимист, член Союза младороссов. Работал водителем грузовика. Во время Зимней войны 1939–1940 гг. служил в финских силах ПВО. В 1945 г. выдан в СССР. Умер во Владимирском центре

³⁰⁴ *Младороссы* — русская эмигрантская организация 1920-х — 1940-х гг. Основана в 1923 г. под названием «Союз Молодой России», в 1925 г. переименована в «Союз младороссов», с 1934 г. «Младоросская партия». Организация имела ярко выраженный легитимно-монархический характер и поддерживала Главу Российского Императорского дома, Императора в изгнании Кирилла Владимировича. Младороссы верили, что русский народ после своего освобождения выберет монархию как лучшее историческое воплощение единства России. Главой младороссов являлся А.Л. Казем-Бек (1902–1977), Председателем Главного совета Великий Князь Дмитрий Павлович (1892–1942). Сочетала в своей идеологии монархизм, антикоммунизм, идеи корпоративного общества, некоторые элементы славянофильства, почвенничества, сменовеховства и евразийства. Внешне подражая итальянским фашистам, младороссы, однако, резко выступали против нацизма и расовой теории. Младороссы были одной из самых крупных политических организаций Русского Зарубежья и насчитывали в своих рядах по разным оценкам от 2000 до 5000 чел., проживавших в различных странах мира. Помимо самого Союза существовали также специальные объединения — «Младоросский студенческий союз», «Казачий центр младороссов», «Молодёжный спортивный союз», «Женский союз содействия младоросскому движению», «Иногородская группа» и др. Считая, что русский народ сам изживёт большевизм благодаря своим внутренним силам, члены организации были противниками любых идей интервенции в Советскую Россию извне, что объяснялось ультраправой частью эмиграции

влиянием советской агентуры на членов партии. В 1941 г. руководство партии младороссов, чтобы «не мешать сражающемуся с неприятелем Отечеству», приняло решение о роспуске своей организации.

³⁰⁵ *Кирилл Владимирович* (30.09.1876–29.09.1938), Великий Князь. Внук Императора Александра II, сын генерала от инфантерии Великого Князя Владимира Александровича (1847–1909), двоюродный брат Императора Николая II. Выпускник Морского кадетского корпуса 1896 г. и военно-морского отделения Николаевской Морской академии 1912 г. Флигель-адъютант. Плавал на кораблях Балтийского, Черноморского и Тихоокеанского флотов. Участник Русско-японской войны. В 1905 г. был уволен со службы и покинул Россию в связи с вступлением в не разрешённый Императором брак с Великой Княгиней Викторией Фёдоровной (1876–1936), урождённой принцессой Великобританской и Саксен-Кобург-Готской, разведённой Великой герцогиней Гессенской и Рейнской. В 1907 г. после признания брака вернулся в Россию и был восстановлен на службе. С 1915 г. контр-адмирал, командир Гвардейского экипажа и начальник морских батальонов и флотилий в действующей армии. После Февральской революции вышел в отставку и уехал в Финляндию. Жил в эмиграции в Германии, затем во Франции. Глава Российского Императорского дома и лидер русской монархической (легитимистской) эмиграции. С 1922 г. местоблюститель Императорского престола, с 1924 г. Император Всероссийский в изгнании. С 1924 г. возглавитель Корпуса Императорской Армии и Флота, Августейший шеф и покровитель ряда воинских, общественных и благотворительных организаций Русского зарубежья.

³⁰⁶ *Бастамов* Владимир Владимирович (1902 (в др. источниках 1906 (возможно, путаница с кем-то из его 4-х братьев)) — 1982), сын офицера. В эмиграции в Финляндии жил по Нансеновскому паспорту. Подпоручик РОВС в кадрах Марковской артиллерийской бригады. В 1927–1928 гг. член Боевой организации генерала А. П. Кутепова. Активный сотрудник контрразведки РОВС в Финляндии. Во время Зимней войны 1939–1940 гг. мобилизован в Финскую армию. Один из создателей т. н. «Русской Народной армии», сформированной из советских военнопленных в составе финских войск. Участник «войны продолжения» 1941–1944 гг. В 1945–1955 гг. узник ГУЛАГа. По возвращении в Финляндию работал стенографистом, затем портье в гостинице.

³⁰⁷ *Быстреевский* Пётр Антонович (1904–12.1948), сын дьякона Финской православной церкви. Гражданин Финляндии. Сотрудник табачной фирмы «Fennia». Товарищ председателя Правления Содружества «Звено». Во время Советско-финской войны переводчик в Финской армии. С 1945 г. узник советских лагерей. Умер во Владимирском центре.

³⁰⁸ *Максимов* Василий Михайлович (1918–1997), сын русского эмигранта. Гражданин Финляндии. Выступал как певец. Во время войны с СССР рядовой Финской армии. Получил тяжелое ранение, после чего работал переводчиком в Министерстве иностранных дел. В 1945 г. был по ошибке арестован финской полицией и выдан в СССР. До 1955 г. узник советских лагерей. После освобождения и возвращения в Финляндию, получил степень по экономике и работал банковский служащий.

³⁰⁹ *Кузьмин-Караваев* Дмитрий Дмитриевич (27.12.1891/09.01.1892–03.05.1985), из дворян. Сын генерал-лейтенанта. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище в 1915 г. Ротмистр 6-го Глуховского драгунского Императрицы Екатерины II полка. В Гражданскую войну в Северо-Западной армии. С 1921 г. в эмиграции в Финляндии. Входил в финское отделение Высшего Монархического совета. Сторонник Великого Князя Николая Николаевича. Член РОВС. Работал на конфетной фабрике Фацер начальником отдела личного состава. С 1936–1944 гг. управделами Особого комитета русских в Финляндии. Заведующий клубом «Общества Русской колонии в Финляндии» в Гельсингфорсе, под прикрытием которого организовал нелегальный игорный дом. С 1939 г. гражданин Финляндии. В 1945–1955 г. узник советских лагерей. После освобождения работал журналистом, затем смотрителем в одном из финских заповедников. Возглавлял русский дом престарелых «Солнце». Оставил воспоминания: см. Кузьмин-Караваев, Д.Д. Из Хельсинки на Лубянку. Воспоминания монархиста-антибольшевика/публикация, предисловие Юрия Дойкова. — Архангельск, 2013

³¹⁰ *Поппер* Борис Владимирович (он же — Бату Берин-Бей) (1904 — ..02.2000), сын инженера. В эмиграции в Финляндии. Принял финское гражданство. В 1928–1938 гг. учился и работал в Бельгии. Инструктор Национальной Организации русских скаутов. Соратник Бельгийского отдела Российского Имперского Союза. После возвращения в Финляндию служил в торговой фирме. Во время Зимней войны и Второй мировой войны переводчик в Финской армии.

В 1945–1956 гг. узник советских лагерей. Подозревался в связях с НТС. После возвращения в Финляндию в память о своих персидских предках носил имя и фамилию Бату Берин-Бей.

³¹¹ *Попнер* Георгий (Георг) Владимирович (1917 —?), брат предыдущего. В эмиграции в Финляндии жил по Нансеновскому паспорту. Учился в Бельгии. Во время советско-финской войны 1939–1940 гг., был мобилизован в армию, где потерял ногу и стал протезным инвалидом. В 1945–1956 гг. узник советских лагерей. Не выдержав тяжелых условий, в конце срока находился в Казанской психиатрической больнице. Вернулся в Финляндию, где торговал на рынке.

³¹² *Пушкарёв* (после 1955 г. носил фамилию Корнелл) Кирилл Николаевич (29.07.1897–25.02.1984, Хельсинки), из дворян. Сын отставного генерала. Окончил 2-й кадетский Императора Петра Великого корпус и Михайловское артиллерийское училище. Службу начал во 2-м Финляндском стрелковом артиллерийском дивизионе. Участник Первой мировой войны. В 1918 г. мобилизован в РККА. В 1919 г. бежал и перешёл на службу в Северо-западную армию, а затем в Русскую армию генерала барона П. Н. Врангеля. Капитан. В эмиграции в Финляндии, где в 1929 г. принял гражданство. С 1920-х гг. штатный сотрудник Финской Государственной полиции ВАЛПО, одновременно работал агентом в коммерческих фирмах. Имел очень плохую репутацию среди русской довоенной общины в Финляндии. Глава Русской Освободительной Казны в память Царя-Мученика Николая II, собирающей средства в пользу Братства Русской правды в Финляндии. Сотрудник журнала «Часовой». Во время Второй мировой войны имел тесные контакты с германскими спецслужбами. Посещал оккупированные немцами территории под Ленинградом. В 1945 г. арестован и выдан в СССР. После возвращения в Финляндию в 1955 г. продолжил службу в финской полиции, но в 1961 г. был изобличен как советский агент и судим за государственную измену. Провёл 1,5 года в заключении.

³¹³ *Сумбаров* Андрей Ефимович (1906 —?), русский эмигрант. В Финляндии работал шофёром такси. Член Содружества «Звено». Во время «Войны продолжения» 1941–1944 г. служил в финской армии переводчиком, затем радио-пропагандистом. В 1945–1955 г. узник советских лагерей. После освобождения остался в СССР, где работал на заводе в Коми АССР.

³¹⁴ Барон *фон Лаудон* (Лоудон) Максимилиан Оттомарович (03.10.1889–18.01.1948), сын статского советника. Окончил Императорский Александровский Лицей (1911). Служил в Канцелярии Министерства Императорского Двора и в Крестьянском Поземельном банке. В эмиграции в Финляндии жил по Нансеновскому паспорту. Русский монархист-легитимист. Состоял членом Союза Младороссов. Секретарь финляндского отделения Объединения лицейстов. Работал шофёром в различных посольствах в Хельсинки. В 1945 г. арестован и вывезен в СССР. Умер в заключении от инсульта.

³¹⁵ *Кузнецов* Владимир Иванович (1894–1947), прапорщик Русской Императорской армии. В эмиграции в Финляндии. Принял в 1938 г. финское гражданство. Таможенный агент. В 1945 г. арестован и вывезен в СССР. Умер в заключении.

³¹⁶ *Пира* (Пирра) Фёдор Фёдорович (1909–2005), сын потомственного почётного гражданина. В эмиграции в Финляндии принял гражданство. Радиотехник. Член Правления Содружества «Звено». Один из организаторов русской театральной труппы в Хельсинки в 1930-е гг. В 1945–1956 гг. узник ГУЛАГа. После освобождения переехал из Финляндии в США, где и скончался.

³¹⁷ *Дараган* Дмитрий Дмитриевич (1907–1992), из дворян. Сын капитана 1-го ранга. В эмиграции в Финляндии, гражданства не принял. Инженер-судостроитель. Во время Советско-финской войны служил военным переводчиком. В 1945–1955 г. узник советских лагерей. После освобождения продолжил работать инженером на Судостроительном заводе. Умер в Финляндии.

³¹⁸ *Дамм* Рихард (1886–1956), немец, семья которого с 1900 г. постоянно проживала в Финляндии. Во время Первой мировой войны с 1915 г. сражался в рядах Прусского Королевского 27-го егерского батальона. С 1918 г. финский гражданин, участник Финской гражданской войны на стороне белых. Предприниматель. Во время Второй мировой войны служил военным переводчиком в немецкой комендатуре в Финляндии. В 1945–1950 г. узник советских лагерей. В 1950–1954 гг. находился в административной ссылке в Якутии. Умер вскоре после возвращения в Финляндию вследствие подорванного здоровья.

³¹⁹ *Петриченко (Петроченко, Петраченко, Петреченко)* Степан Максимович (1892–02.06.1947), из крестьян Калужской губернии. В 1914 г. призван на флот. В 1917 г. старший писарь линкора «Петропавловск». В декабре 1917 — феврале 1918 гг. председатель т. н. «Советской республики матросов и строителей» на о. Нарген (Найссаар). В 1919 г. член РКП (б). В 1921 г. председатель Кронштадтского Военно-революционного комитета и главный руководитель восстания против советской власти. После поражения Кронштадтского мятежа скрылся в Финляндии. Жил по Нансеновскому паспорту. Пытался вести работу по подготовке нового восстания в Кронштадте и Петрограде. В 1922 г. арестован финской полицией и недолго содержался в Выборгской тюрьме. В 1927 г. в Латвии завербован советской военной разведкой. Пытался внедриться в РОВС. Трудился рабочим на целлюлозном заводе. В 1941–1944 гг. в заключении в финской тюрьме. 17 сентября 1945 г. приговорён ОСО к 10 годам ИТЛ. Отбывал наказание в Соликамском лагере в Пермской области. Умер при этапировании из Соликамского лагеря во Владимирскую тюрьму.

³²⁰ Вместе с указанными лицами в СССР был выдан бывший военный служащий Красной армии *Александр Калашников*, попавший в плен во время Зимней войны 1939–1940 гг. и не пожелавший вернуться в СССР.

³²¹ Должно быть, имеется в виду река Индигирка в Якутии, на которой намывали золото.

³²² *Сихво (Sihvo)* Аарне (22.11.1889–12.06.1963), сын учителя. В 1910 г. окончил Гельсингфорский университет. Член финских националистических организаций. В 1915 г. поступил в финский егерский батальон, который участвовал в Первой мировой войне в составе Германской Императорской армии. В 1918 г. в чине капитана принят в Финскую армию. Участник Гражданской войны в Финляндии. В чине полковника, командир группы войск в Карелии. Генерал-майор, в 1924 г. начальник Финской Военной академии. В 1925 г. окончил Итальянскую Королевскую военную академию в Турине. В 1926–1933 гг. командующий силами обороны Финляндии. В 1933–1938 гг. генерал-инспектор сил обороны. В 1938–1941 и 1944–1946 гг. начальник гражданской обороны Министерства внутренних дел. В 1941–1944 гг. главнокомандующий ПВО Финляндии. С 1946 г. генерал пехоты, вновь стал Главнокомандующим силами обороны Финляндии. В 1953 г. вышел в отставку.

³²³ Мемуары Юрьё Лейно были изданы в Финляндии только в 1991 г. (см.: *Leino Y. Kommunisti sisäministerinä.* — Helsinki, 1991).

Составление комментариев С. А. Маньков

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АН — Академия наук
англ. — английский
АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика
БАМ — Байкало-Амурская магистраль
ББК — Беломорско-Балтийский канал
БРП — Братство русской правды
букв. — буквально
БУНД — Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России
БЦР — Белорусская Центральная Рада
в. — век
ВАЛПО (от нем. Valpo — Valtiollinen poliisi) — Государственная полиция Финляндии
вв. — века
ВВС — военно-воздушные силы
ВГИК — Всесоюзный государственный институт кинематографии
венгр. — венгерский
ВКП (б) — Всероссийская коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский Коммунистический союз молодежи
ВО — военный округ
ВПТ — Венгерская партия труда
ВС — вооруженные силы
ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
ВСЮР — Вооружённые силы Юга России
ВЦИК — Всероссийский (Всесоюзный) Центральный Исполнительный Комитет
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности
г. — год/город
ГВФ — Гражданский воздушный флот
гг. — годы
ГДР — Германская Демократическая Республика
ГПУ — Государственное политическое управление
Губ.ЧК — губернская чрезвычайная комиссия
ГУВД — Главное управление внутренних дел
ГУКР «СМЕРШ» — Главное управление контрразведки «СМЕРШ»
ГУЛАГ — Главное управление лагерей
ГУЛПС — Главное управление лагерей промышленного строительства
ГЭС — Гидроэлектростанция
д. — дом
ДК — дом культуры
др. — другой/другие
ЖЭК — Жилищно-эксплуатационная контора
зам. — заместитель
им. — имени
ИТК — Исправительно-трудовая колония/Исправительно-трудовые колонии
ИТЛ — Исправительно-трудовой лагерь/Исправительно-трудовые лагеря
кв. — квадратный

КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога
КГБ — Комитет государственной безопасности
км. — километр (ы)
Коминтерн — Коммунистический интернационал
КОНР — Комитет освобождения народов России
КП — Коммунистическая партия
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
КПЮ — Коммунистическая партия Югославии
Л. — Ленинград
л/п — лагерный пункт (лагпункт)
М. — Москва
мм. — миллиметры
МВД — Министерство внутренних дел
МГБ — Министерство государственной безопасности
наб. — набережная
Наркомвоенмор — Народный комиссариат по военным и морским делам
Наркомторг — Народный комиссариат торговли
наст. фам. — настоящая фамилия
нач. — начала
нем. — немецкий
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКВМФ — Народный комиссариат военно-морского флота
НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности
НКВД — Народный комиссариат иностранных дел
НКО — Народный комиссариат обороны
НРСМ — Национальный Союз Русской Молодёжи
НСДАП (от нем. NSDAP — National-Sozialistische Deutsche Arbeiterpartei) —
Национал-социалистическая рабочая партия Германии
НСНП — Национальный Союз нового поколения
НТС — Народно-Трудовой Союз российских солидаристов
НТСНП — Народно-Трудовой Союз нового поколения
о. — остров
обл. — область
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
ок. — около
ОЛП — объединённый лагерный пункт
ОСО — Особое совещание
ОУН — Организация украинских националистов
ПВО — противовоздушная оборона
Политбюро — Политическое бюро
пр. — проспект
р. — река
Реввоенсовет — Революционный военный совет
РККА — Рабоче-крестьянская красная армия
РККФ — Рабоче-крестьянский красный флот
РКП (б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
РОВС — Русский Обще-Воинский Союз
род. — родился

РПЦ МП — Русская Православная Церковь Московского патриархата
РСДРП (б) — Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)
РФ — Российская Федерация
РФП — Российская фашистская партия
Св. — святой
СДПФ — Социал-демократическая партия Финляндии
СКЮ — Союз коммунистов Югославии
СЛАГ — Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения
СЛОН — Соловецкие лагеря особого назначения
см. — смотри
СМЕРШ — см. ГУКР «СМЕРШ»
СНК — Совет Народных Комиссаров
СПб — Санкт-Петербург
СС (от нем. SS — Schutzstaffel) — охранные отряды НСДАП
ССП — Союз советских патриотов
ССР — Советская Социалистическая Республика
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ст. — статья
СФРЮ — Союзная федеративная республика Югославия
США — Соединённые Штаты Америки
ТАСС — Телеграфное агентство Советского Союза
т. д. — так далее
т. н. — так называемый (ая)
т. ч. — том числе
ТЭЦ — Теплоэлектроцентраль
УК — Уголовный кодекс
ул. — улица
УЛАГ — Управление лагерей
УЛЛП — Управление лагерей лесной промышленности
УПА — Украинская повстанческая армия
урожд. — урождённая
УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика
фин. — финский
фр. — французский
ФРГ — Федеративная Республика Германия
ФСБ — Федеральная служба безопасности
ЦК — Центральный комитет
ЦКП — Центральный комитет партии
чел. — человек
швед. — шведский
япон. — японский

ARA (от англ. American Relief Administration) — Американская администрация помощи
USSR (от англ. Union of Soviet Socialist Republics) — Союз Советских Социалистических Республик

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абакумов В. С..... 393, 394
Аденауэр К..... 360, 423
Айзлер..... 212
Александр II,
Император Всероссийский 427
Александр III,
Император Всероссийский 193, 410, 415
Александров 290
Александров Л. К. . 169, 177, 185, 186, 407
Алексей Алексеевич, царевич 392
Али-Баба 219
Алиев..... 109
Аллилуева С. И..... 210, 412
Алтухов А. З..... 230, 415
Альпар Г..... 147
Альпар (Калиш) Г..... 405
Амфлет..... 397
Андерс В..... 396
Антипов..... 248, 249, 250, 252, 262
Антонеску И..... 396
Антоний (Храповицкий), митрополит.. 390
Антонов, *см. Толь А. М.*
Астраханцев 299
Атрошенко..... 318, 319
Афанасьев 253
Ахундов..... 143, 144, 145, 146, 152

Б

Базанов П. Н. 390
Бакунин М. А..... 418
Баратов Н. Н. 397
Баринов..... 45, 251, 252, 253, 255, 256
Барон 372
Барский .. 149, 251, 252, 253, 273, 277, 303
Бастамов В. В..... 23, 381, 382, 427
Бастамов Д. В..... 22
Баумгартен Г.-Г..... 421
Беспалый И. Ф. 406
Белов 142
Белоголовый, *см. Вейскопф*
Беляев С..... 218, 219, 252
Берия Л. П. 94, 178, 182, 243, 278,
293, 323, 330, 382, 393, 396, 402, 417, 426
Бермондт-Авалов П. М., князь 412
Бертельс Н. О..... 211, 412
Бертельсон, баронесса, *см. Бертельс Н. О.*
Беспальчев (Безпальчев) К. А. 418
Богомолов А. Е. 250, 418
Богров Д. Г. 74, 399
Боричев А. И. 387
Боричева М. А., *см. Бьёркелунд (урожд. Боричева) М. А.*
Бородкин Л. И. 401
Бугаев..... 13, 14, 15, 16, 17, 48, 49, 52
Буда-Жемчужников А. М. 211, 212, 412
Бударин..... 289, 312
Бузова А. 98, 140
Букналл..... 200
Булак-Булахович С. Н. 390
Буман-Парвилахти У..... 23, 24, 67, 68, 69,
277, 381, 382, 391, 426
Бурмейстер К.-Х. 324, 421
Буровцев 183, 298
Бурцев В. Л. 409
Буш 95
Быстреевский П. А.... 24, 26, 224, 381, 382,
427
Быстров Н. В. 398
Быстровский, *см. Марсель П.*
Бьёркелунд В. Г..... 3
Бьёркелунд Г. П..... 3
Бьёркелунд Д. В..... 283, 419
Бьёркелунд И. Б..... 6, 11, 387
Бьёркелунд (урожд. Боричева) М.А..... 6,
229, 283, 387, 419
Бьёркелунд (урожд. Стенберг) В.И. 3

Бьёркелунд (урожд. фон Раупах) И.Р. 6, 8
Бьёрклунд Я. Г. 230, 233, 415

В

Ваденшерна А. К. 168, 169, 406
Ваденшерна К.-Т. К. 169, 406
Вайн У. 421
Валленберг Р. Г. 358, 423
Валлениус К. М. 12, 13, 389, 424
Васнецов В. М. 403
Вейскопф (Белоголовый) 199, 200
Веригин И. М. 24, 31, 32, 33,
35, 38, 39, 44, 45, 49, 50, 68, 71, 215, 226,
381, 382, 426
Виктория Фёдоровна, Великая
Княгиня, Императрица Всероссийская
(в изгнании) 427
Виноградов В. Н. 409
Владимир Александрович, Великий
Князь 427
Власов А. А. 86, 209, 389, 411, 420
Вовси М. С. 409
Воинов И. А. 159, 406
Володей Кузнецовым 24
Вольский (Хитлер, Гитлер) .. 133, 137, 404
Ворошилов К. Е. 64, 80, 397, 399
Вотинов А. И. 183, 307, 312, 318, 322, 327
Врангель П. Н., барон 12, 387, 428
Вреден И. Р. 150, 151, 405
Вреден Р. Р. 4, 405
Вуори Э. А. 334, 422
Вяткин В. М. 114, 120, 121, 122, 403
Вяткин Ф. А. 371, 425
Вяткин Ф. Ф. 371, 372

Г

Галоши 358
Гашек Я. 393
Гегелло А. И. 406
Гейдрих Р. 411
Георг VI, Король Великобритании,
Император Индии 241, 417
Георг V, Король Великобритании,
Император Индии 417
Герасимов. 47, 51, 52, 182
Герасимов В. А. 212, 368, 413

Гербач А. В. 151, 405
Гербач В. С. 405
Геринг А. А. 8
Гибсон А. Л. 424
Гирсом А. К. 4
Гитлер А. 248, 404, 413
Гиттис В. М. 169, 406
Главацкая (урожд. Ваденшерна) Н. К.
168, 406
Главацкий Б. Е. 168, 406
Глотковы. 283
Гоберидзе. 105
Голанков А. С. 113, 114, 116, 121, 123
Голенищев-Кутузов М. И. 57
Гордеев. 339
Горский. 140
Горький М. (Пешков А. М.) .. 181, 409, 418
Грегори П. 401
Гридюшко Л. У. 300, 303, 307, 312, 365
Гринштейн А. М. 409
Громов. 70
Гудериан Х. В. 211, 413
Гуревич А. М. 411
Гусев Я. 337, 338, 339, 340, 341
Гучков А. И. 5

Д

Давид. 271, 419
Давид Ж. 272
Дамм Р. 381, 384, 428
Дараган Д. Д. 381, 384, 428
Деникин А. И. 388
Деспотули В. М. 63, 80, 98, 110, 143, 152,
225, 397
Дзержинский Ф. Э. 36, 172, 393
Дизель Р. 421
Диль. 348, 359
Дмитрий Павлович, Великий Князь. 426
Добровольский (Доливо-Добровольский)
С. Ц. 24, 38, 39, 44, 46, 49, 50, 71, 232,
381, 382, 384, 388, 391, 393, 425
Дойков Ю. В. 427
Доне Г. А. 371, 424
Донской Л. Д. 398
Дубовский. 247, 248, 249, 250

Дудинцев В. Д. 343, 422

Е

Егоров А. А. 114, 116

Егоров П. И. 409

Ежов Н. И. 311, 421

Екатерина II Великая, Императрица

Всероссийская 427

Елисеевы 377

Еремеев К. С. 420

Ж

Жашков А. 183, 311

Жданов А. А. .. 25, 181, 182, 193, 385, 391,
409

Желтухин В. К. 214, 216, 414

Жемчужников А. М. 412

Жиленков Г. Н. 397

Жуков Г. К. 240, 417

Жуковский 176

З

Загорянский-Кисель В. В. 340, 422

Загорянский-Кисель Н. А. 340, 422

Задоевко 327

Зайцев 122, 123, 130

Зайцев 143, 145, 146

Зелингсон 341

Зиновьев (Радомысльский-Апфельбаум)

Г. Е

..... 180, 408

Зусманович 231, 232, 233, 234, 235, 262

И

Ибрагимов 139

Ивлев 299

Игнатъев А. А., граф 62, 396

Иешке 61

Иноземцев 212

Иоселиани Ш. К. 15, 49, 390

Ихок Д. А. 176, 182, 183, 311, 407

Ицигсон Л. М. 113, 133, 403

К

Кабанов 218, 219, 252

Казем-Бек А. Л. 426

Калашников А. 429

Каледин А. М. 388

Калинин М. И. 399

Калогеропулос (Калогеропуло) С. А... 28,
199, 200, 411

Кальман И. 402

Каменев (Розенфельд) Л. Б. 180, 408

Каплан Ф. Е. (Ройтблат Ф. Х.) 28, 392

Каплер А. Я. 210, 412

Карасик 262, 263, 269, 272, 275

Карге 331

Карл IX, Король Швеции 406

Карлсон 200

Катко 340

Каторгин 134, 135, 138, 139

Кекконен У. К. 380, 385, 425

Келлер П. Ф., граф 62, 214, 368, 397

Кемпа 411

Керенский А. Ф. 5, 390

Кирилл Владимирович, Великий Князь,
Император Всероссийский (в изгнании)

..... 68, 69, 381, 396, 398, 426, 427

Киров (Костриков) С. М. 182, 398, 410

Киселёв 216

Князев 150

Ковальчук Н. В. 397

Ковач 358

Коган 101

Коган Б. Б. 409

Коган М. Б. 409

Кодряну К. З. 396

Комаров В. И. 394

Коновалов 212, 213, 263, 287

Константин Константинович,
Великий Князь 423

Контан А. С. 387

Копалкин 291, 300

Корнилов Л. Г. 5

Королевский 276

Коростовцев М. А. 210, 211, 412

Коротков Ф. Ф. 240, 243, 416

Косола В. 424

Костюшко Т. 396

Краснов Н. Н. 59, 396

Краснов П. Н. 17, 59, 390, 396

Краснов С. Н. 396

Кречетов..... 45
 Кржеумов..... 300, 303
 Кристидес 199
 Кропоткин П. А., князь..... 262, 418
 Кузнецов В. И. 24, 32, 33, 34, 381, 384, 428
 Кузнецов В. А..... 44, 45, 46, 226, 227, 228, 229, 233, 242, 253, 394
 Кузьмин-Караваев Д. Д. 375, 381, 383, 386, 427
 Кулябко Н. Н..... 399
 Кумминг Е..... 397
 Курц..... 232
 Кутепов (Тимофеев) А. П..... 12, 13, 16, 388, 427
 Куусинен О. В..... 385, 392
 Куусинен Х..... 32, 385, 391, 392
 Кухтиков А. Д..... 93, 94, 110, 156, 321, 401

Л

Лаврентьев..... 209
 Ламтатидзе Е. А..... 222, 223
 Ланге 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356
 Лапин 315
 Ларионов В. А..... 13, 389
 Лаудон (Лоудон) М.О. фон, барон 65, 68, 381, 384, 428
 Лебедев..... 123, 129
 Лебедев..... 205, 206, 208
 Легар Ф..... 402
 Ледоховская, графиня..... 372
 Лейно Ю..... 7, 19, 385, 391, 392, 429
 Лейхтенбергский Г. Н., герцог..... 390
 Ленин (Ульянов) В. И..... 5, 28, 137, 181, 213, 392, 408, 409, 412, 415
 Леонов А. Г..... 45, 51, 394
 Ливен А. П., светлейший князь 390
 Линдстедт..... 230
 Линдстедт Б..... 229, 230
 Лозовский Г. И..... 113, 121
 Лозовский И. С..... 403
 Ломтатидзе В. Б..... 414
 Луи..... 211, 215, 216
 Луи Филипп, Король Франции..... 419

Лурье 147
 Львов В. П. 406
 Людовик XVI, Король Франции.. 233, 416
 Людовик XVII (дофин Луи-Шарль де Бурбон) 233, 416
 Людовик XVIII, Король Франции 233, 416
 Ляпидевский В. В..... 170
 Ляпидевский Е. В. 169, 170, 171, 176, 186, 187, 189, 191, 201, 202, 410
 Ляпкин..... 324

М

Майоров Г. И. 409
 Макаренко 113
 Макасей-Шибинский В. Г... 283, 284, 420
 Макасей-Шубинский В. Г..... 284
 Макдональд Ж..... 272, 419
 Максимов В. М..... 374, 377, 378, 381, 383, 427
 Маленков Г. М..... 182, 410
 Малько 213
 Мальмберг К. Л..... 6, 14, 389
 Мамаев..... 124, 127
 Маннергейм К. Г, барон..... 394
 Марков..... 69
 Марсель (Русаков, Иоселевич) П. А 93, 109, 402
 Марчук..... 301
 Марьяма (Марьянмаа)..... 370, 377
 Масловский 156
 Масловский Я. Е..... 405
 Матушкин..... 118
 Мейснер Д. А..... 368, 369, 424
 Мельников 97, 99
 Мендельсон М..... 414
 Микаэлис..... 61
 Миллер Е.-А. К..... 49, 388, 395
 Милюков П. Н. 5
 Михай I, Король Румынии..... 414
 Михельсон 392
 Мишин 275, 279, 336, 338
 Мишин..... 336, 338
 Молотов (Скрябин) В. М. 154, 260, 405
 Морозов 213

Морозов 374
Муравейко 24
Мухин..... 187, 410

Н

Надеждин..... 130
Назаров В., священник..... 311
Нарбут Ю. А..... 224, 381, 382, 426
Негро-Понти (Негропонте) Т., принц
214, 368, 414
Нейшеллер М. Л. 390
Нерусский..... 59
Нестор (Анисимов Н.А.), митрополит.....
413
Никифоров..... 369
Николай II Александрович, Император
Всероссийский 427, 428
Николай Николаевич (младший),
Великий Князь 427
Нилус С. А..... 181, 409
Нильсен..... 368
Нобель А. Э. 387
Нобель Л. Э. 387
Нобель Р. Э. 387
Новиков А. А..... 28, 392
Новосёлов..... 79, 80, 151, 196, 197, 198,
201, 202, 205, 238, 239, 242, 243, 244, 246,
248, 252, 253, 255, 303

О

Оболенский С. Д., князь 59, 396
Оглоблин..... 142
Однорог..... 122
Оль А. А..... 406
Орешникова Т., см. Павлова Т.
Островский Б. Г. 183, 311, 316, 340
Островский Р. К..... 423
Охотников 209, 213, 259

П

Паасикиви Ю. К. 331, 364, 425
Павлов 151, 152, 214
Павлова (урожд. Орешникова) Т..... 151,
243, 244, 405
Павлов В. И. 405
Павлов И. П..... 405

Панвиц (Паульсен) Х.. 198, 199, 200, 258,
259, 411

Паннвиц фон Х. 420
Парвиайнен В. 11, 168
Пашкевич Н..... 144, 146, 152
Пеккала М..... 325, 385, 421
Перминов..... 141, 142
Петр I Великий, Император
Всероссийский 416, 428
Пётр II Алексеевич, Император
Всероссийский 416
Петр III Фёдорович, Император
Всероссийский 233
Петриченко (Петроченко, Петраченко,
Петреченко) С. М. 79, 381, 384, 429
Печковский Н. К..... 65, 69, 71, 398
Пира (Пирра) Ф. Ф. 68, 216, 381, 384, 428
Платан (урожд. Фёдорова) Л. В..... 65, 398
Платонов О. А..... 410
Плевицкая Н. В..... 388
Попов Б. Х. 308, 309
Попович Т..... 419
Поппер Б. В. 381, 383, 427
Поппер Г. В..... 428
Постников С. П. 69, 70, 398
Пресли Э. А. 374, 425
Притыкин..... 266
Прокопенко С. Н. 134, 136, 140, 142
Прокофьева Л. И. 212, 414
Прокофьев С. С..... 414
Пушкарёв К. Н..... 22, 23,
190, 374, 375, 377, 381, 383, 393, 394, 428
Пятницкий Н. В..... 397

Р

Радищев А. Н..... 298, 420
Разин С. Т..... 28, 392
Ракоши (Розенфельд) М..... 232, 415
Раппопорт Я. Д. 83, 400
Раух фон Р. Р..... 391
Риекки Э..... 12, 389
Рогозников А. А..... 423
Родионов Д. Г..... 410
Родригец..... 367, 369
Рождественский..... 267

Розенберг А. 397
 Розинская А. Ф. 9
 Розинская Э. Н. 405
 Романов Б. 213
 Рот 340, 341
 Рузвельт Ф. Д. 371, 414, 418, 424
 Рыбаков 163, 164,
 165, 167, 170, 186, 187, 188, 190, 191
 Рюеме М. 380, 425
 Рюмин М. Д. 40, 41, 42, 43,
 45, 46, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 182, 196,
 197, 233, 254, 386, 393
 Рюрик, князь 412

С

Саблин (3-й) Н. В. 69, 398
 Саблин Е. В. 398
 Савинков Б. В. 390
 Савоненков Г. А. 391
 Садзыков 299, 333
 Саенко С. А. 119, 120, 403
 Самсонов 209, 217
 Самсонов 232
 Сандбанк Ю. И. 240, 241, 243, 417
 Сантпанк (Сандбанк) Й. Й. 416
 Святополк-Мирские, князья 211, 247,
 372, 412
 Сеггеркранц 372
 Семёнов 219
 Семёнова Е. Г. 422
 Семёнова Т. Г. 422
 Семёнов Г. М. 340, 422
 Семёнов М. Г. 422
 Сердюков И. А. 93, 402
 Серов 288
 Симаго 365
 Симонов 44
 Сихво А. 385, 429
 Скалозуб 275
 Скоблин Н. В. 12, 388
 Смирнов (5-й) Б. И. 214, 414
 Смородинов 116
 Соколов 305
 Соколов-Кречетов С. А. 390
 Солженицын А. И. 8

Солоневич И. Л. 8
 Сомов Б. А. 356, 371, 423
 Сталин (Джугашвили) И. В. 57, 62, 88, 91,
 95, 103, 174, 180, 182, 210, 232, 243, 288,
 289, 308, 318, 321, 323, 330, 333, 338, 361,
 362, 391, 395, 396, 397, 400, 405, 408, 409,
 412, 414, 419
 Станиславский К. С. 398
 Стенберг И. 3
 Стлука 411
 Столыпин П. А. 74, 399
 Суворов 212
 Суворов А. В. 57
 Сумбаров А. Е. 23, 381, 384, 428
 Сундстрём К. 130, 334, 404
 Суслов М. А. 408

Т

Таганцев В. Н. 390
 Тарасюк 273, 275
 Теревяйнен (Терявяйн) Я. И. 230, 415
 Тимашук Л. Ф. 409
 Тито И. Б. 240, 367, 417
 Толмачёв Н. Г. 231, 415
 Толстой А. К., граф 211, 412
 Толстой А. Н., граф 194
 Толь (Антонов-Дядик, он же Мельский,
 Золотарёв, Тёткин) А. Н. .. 16, 17, 52, 53,
 390
 Томишко А. О. 406
 Троцкий (Бронштейн) Л. Д. 180, 309, 408
 Троцкий Н. А. 406
 Трубецкой П. П., князь 410
 Трумэн Г. С. 245, 331, 418
 Труханова (урожд. Бастунова) Н. В. ... 397

У

Уразаев 92, 93, 100

Ф

Фабрицкий С. С. 170, 407
 Фавельский 258, 259
 Фацер К. 427
 Фельдман А. И. 409
 Фишзон 327, 329
 Франко Ф. 367, 413, 424

Фредерик VI, Король Дании..... 416
Фрейман Р. 327, 331
Фурино-Хатью О..... 368, 369

Х

Хайт Ю. А..... 419
Хегстрем..... 168
Хеккерт Г. Я. 6
Хеккерт Я. Г. 2+30, 415
Хлевнюк О. В. 401
Хонккала М..... 370
Хорват..... 303, 307, 312
Хорват Д. Л. 420
Хорьков П. И. 45, 46, 51, 394
Христиан VIII, Король Дании 416
Хрущёв Н. С. ... 182, 184, 296, 338, 360, 408,
410

Ц

Целлариус (Келлер) А..... 41, 393
Цинцадзе..... 105
Цурюпа А. Д..... 398

Ч

Чачаношвили А..... 105
Чернявский..... 215
Черчилль У. 214, 371, 414, 425

Четвериков Б. Д 278, 419
Четверухин Б. М. 284, 420
Чуловский 209, 210, 216, 412

Ш

Шабельский..... 234
Шаламов В. Т. 8
Шиврин В..... 132, 138, 139, 142, 144, 404
Шишкин И. И. 369, 424
Шкода 201
Шкуро А. Г. 423
Штакельберг фон Р. А., барон 33, 392
Штакельберг фон Т., барон 392
Шульгин В. В. 414
Шухов В. Г..... 387

Э

Эдисон Т. А..... 137, 405
Эдуард VIII, Король Великобритании,
Император Индии 417
Этингер Я. Г..... 409

Я

Якоби В..... 402
Яковенко 336
Ярославский 57, 62, 63

ИРИНА РОМАНОВНА БЬЁРКЕЛУНД РАССКАЗЫВАЕТ

*Из беседы Н.П. Рождественской и Д.Д. Ивашинцева
с Ириной Романовной Бьёркелунд в мае 2006 г.
Текст подготовлен Д.Д. Ивашиным*

... После школы я служила. Здесь было недалеко от Хельсинки место, санаторий не санаторий, больше для старых людей, и очень дорогое, там можно было ванны получать, массаж и всё такое. Я получила службу в конторе, мне было, по-моему, восемнадцать лет, и это было довольно трудно. Я должна была принимать гостей; в то время я уже говорила по-шведски (по-фински тогда никому не нужно было), и я говорила по-немецки и по-французски. Когда мы были девочками, у нас была няня, а потом бонна немка, а потом была французенка, но она с нами у же не жила, приходила. И моя мама хорошо говорила по-немецки и по-французски.

Там нужно было жить, у меня была комната, еда, и всё остальное. Я была очень молода, клиенты были пожилые, жёны с мужьями, и мужья, конечно, смотрели на меня... А потом я заболела аппендицитом, так что мне пришлось оттуда выкатиться.

После Борис не хотел чтобы я работала, но я и сама не рвалась, я очень хорошо чувствовала себя дома. Потом, когда Бориса забрали, надо было, конечно, работать.

Службы у Бориса не было, он был свободный художник, и он был старше меня на пятнадцать лет. Мои родители совсем не были от этого в восторге. Но я не слушала, мне самой уже было двадцать два года, я не была какая-нибудь семнадцатилетняя девушка. И мне всегда нравились только пожилые мужчины — к сожалению, они все были женаты.

Мы пошли в мэрию и расписались. Никакой свадьбы я не хотела, ничего этого, я вообще не люблю церемонии и театральности.

Потом родители увидели что у меня хороший муж, моя мама говорила мне: «Ты не понимаешь, какой у тебя хороший муж!»

Мы всегда жили летом на даче, хоть в собачьей будке. Борис страшно любил природу, и я тоже очень любила.

Когда Бориса забрали, я осталась одна в магазине, с его приятелем, который хорошо разбирался в вещах. В 45-м году, когда закончилась война, пришли сюда, в Хельсинки, первые советские, главным образом моряки. Дверь открыта была летом и слышно было — говорят по-русски, да и, наверное, они потом друг другу рассказывали. И все приходили и спрашивали одно и то же: ручку самопишущую и перстенёчек с красным камушком. Ручек тогда у нас никаких не было ещё, а перстенёчек бывал иногда случайно, а иногда и нет, но меня поражало что они все интересовались тем же самым.

Один раз было так. Двери открыты были и толпились люди, очень много эмигрантов тут было. И пришёл странный на вид человек, здесь таких не было тогда — на босу ногу сандалии, белые парусиновые грязные штаны, куртка, и заговорил на немножко ломаном, но всё же на русском. Зашёл и сказал что услышал как говорят по-русски. Это был первое судно из Америки, которое привезло сюда какое-то товар, коммерческое, а он был помощником капитана. Как оказалось, он был поляк, убежал из дома когда ему было 8 или 9 лет, страшно мечтал о путешествиях. Был он, кажется, из Одессы, спрятался на американском судне и вылез только когда его нашли. Так он уехал в Америку, и никогда уже не вернулся, он был старше меня года на три-четыре. Судно стояло здесь несколько дней, здесь тогда ничего не было, и на следующий день он пришёл с мешком, там было всё: и кофе, и сахар, и дамские чулки из нюлона. Потом на пароход нас пригласил, и так мы с ним подружились, я и Николай, с которым я работала. Через год он приехал обратно, и была страшная дружба. В третий раз он приехал с женой. Он был некрасивый, у него было очень много шарма, но ужасно некрасивый, а жена была как из восточной сказки. Она была армянского происхождения, такая экзотическая, очень милая, но по-русски не говорила. Я смотрела и не могла понять, как такая красивая женщина могла выйти за него. После этого его не было долго, и однажды я получила от неё сообщение что он неожиданно скончался.

Было очень интересно в этом магазине, но мне пришлось закончить с ним: антикварное дело такое, что нужны деньги, а денег у меня никаких не было.

Всё что у нас было, когда арестовали Бориса, они всё забрали, все деньги и драгоценности.

Во время войны одна дама прислала мне из Швеции щенка пуделя. У меня и раньше всегда были собаки, и всегда хорошие. Это ещё при Борисе было. И вот я сама стала стричь своего пуделя, и потом выставила собаку здесь на выставке. Сюда приехал из Швеции один еврей, беженец из Германии или Австрии, не знаю точно, он показал мне как стричь, и понемногу я научилась. Первый мой клиент был шведский амбассадор [посол]. Они приехали сюда, у них был пудель. Кто-то мне позвонил и пришла славная барышня, дочка амбассадора и сделала мне реверанс. Так я начала понемногу работать. Здесь после войны не было никакой аппаратуры, так что всё нужно было везти из Швеции, всё это было сложно, но понемногу пошло.

... Потом я уже не работала. Тогда у меня много собак было дома, я импортировала из Англии кобелей. Я не очень хотела этих щенят разводить, с ними страшно много работы, и потом это было трудно с моим мужем, он не позволял их продавать: «Ну этого мы оставим, светлого мы тоже оставим»...

И всё время были гости. Это было сорок километров от Хельсинки, и в то время многие люди были уже с автомобилями, и потом, кроме русских у меня появилось много шведских знакомых. И когда Борис вернулся, так он был персона, это было невероятно, все же знали. И всех, кто приехал за сорок километров — не могу же я дать им чашку чая — их же было нужно кормить всех. Привозить, таскать эту провизию. Дровяная плита, хотя она была восхитительная, но всё-таки это было довольно сложно, и потом посуду мыть, когда надо было воду из колодца привезти и потом вынести.

А Борис восседал, он обожал гостей. Когда он приехал, столько приезжали из газет, столько всяких интервью, фотографий. Я никогда не участвовала, я всего этого не любила.

Мне моя мама всегда говорила: «У меня такое чувство, что он всё-таки приедет обратно». И она была права. Потом, он приехал бы, а тут у него ничего нет, ни жены, ни дома. А так откуда его взяли, туда он и вернулся. Очень многие... правда, другие жёны, они были старше меня, почти все. Они же получили развод в один момент. Никто не верил что они вернуться. А мне казалось ужасным, что вдруг он действительно вернётся, тем более что через некоторое время я какой-то контакт в самом деле получила. Опять же, сама устроила, потому что никто не помогал, ни Красный Крест, никто вообще. Борис мне потом писал что «обратись в Красный Крест». Они ничего не сделали: «Мы ничего не можем, мы ничего не можем». Я всё-таки разузнала адрес, обратилась в посольство.

Они рассказали что я могу посылать, так что я и посылала то что можно, но, конечно, это месяцами шло.

А Борис в этом отношении, я думаю, пережил это так потому что ужасно любил людей. Он страшно любил говорить. Если ты говоришь, то кто-то должен быть слушателем. Там всегда были слушатели, и там были люди какие угодно, разных сословий, разных национальностей. У него был дар слова, он хорошо говорил по-русски, у него была хорошая дикция, и он там бог знает что им рассказывал, и все его слушали.

И потом он рисовал довольно хорошо. И там он старался рисовать, и когда эти, старшие, в тюрьмах и лагерях. обнаружили что он умеет, они стали давать ему рисовать, и потом себе забирали, конечно. И тогда он написал, что пришли мне какие-нибудь краски, какие можно. Масляные нельзя было посылать, потому что масло нужно иметь, и прочее. Пастель я ему посылала, она превращалась в порошок. Но есть такие карандаши, они называются «темпора», я посылала их ему. Тогда он стал больше им рисовать, и все эти начальники стали ему заказывать портреты детей, жены, и так далее, так что последнее время ему было всё-таки не так трудно.

Ирина Романовна Бьёркелунд на хельсинкском православном кладбище.

Фото Д. Д. Ивашинцова, 2006

Содержание

<i>Маньков С.А.</i> , БОРИС БЬЁРКЕЛУНД И ЕГО «ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ ВСЕВОЗМОЖНЫХ НЕВОЗМОЖНОСТЕЙ».....	3
ВСТУПЛЕНИЕ.....	9
Глава первая ПОЛЁТ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ	19
ВОЗВРАЩАЮСЬ К МОИМ ЛИЧНЫМ ПЕРЕЖИВАНИЯМ И ПРИКЛЮЧЕНИЯМ.....	31
Глава вторая ДОПРОС	40
Глава третья ОЖИДАНИЕ ПРИГОВОРА.....	57
Глава четвёртая КРАСНАЯ ПРЕСНЯ.....	72
ЭТАП	78
Глава пятая ЛАГЕРЬ	83
Глава шестая ОРГАНИЗАЦИЯ ЛАГЕРЯ И ТРУДА В НЕМ	88
Глава седьмая НА НОВОМ МЕСТЕ (18-Й ЛАГПУНКТ).....	113
Глава восьмая ЗАКОНЫ СОВЕТСКИЕ И ЗАКОНЫ ВОРОВСКИЕ. ВОРЫ И ИХ ОРГАНИЗАЦИИ.....	124
Глава девятая КАТАСТРОФА	129
Глава десятая АД.....	134
Глава одиннадцатая 15-Й ШТРАФНОЙ ЛАГПУНКТ	141
Глава двенадцатая СТАЦИОНАР	145
Глава тринадцатая В ПУТИ.....	153
Глава четырнадцатая БОЛЬШОЙ ДОМ В ЛЕНИНГРАДЕ.....	162
Глава пятнадцатая НОВЫЕ НЕОЖИДАННОСТИ	166
Глава шестнадцатая ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ СССР И МЕТОДЫ ЕЁ РАБОТЫ ...	172

Глава семнадцатая	
ПОСЛЕДНЯЯ УСТАНОВОЧНАЯ КАМПАНИЯ МГБ.....	178
Глава восемнадцатая	
НОВОЕ СЛЕДСТВИЕ НА НОВЫЙ ЛАД	185
Глава девятнадцатая	
ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО	196
Глава двадцатая	
ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ КОМИ	203
Глава двадцать первая	
ИНТИНСКИЙ ЛАГЕРЬ	206
Глава двадцать вторая	
ДОРОГА НАЗАД	218
Глава двадцать третья	
ВЛАДИМИРСКАЯ ТЮРЬМА.....	222
Глава двадцать четвёртая	
НОВОЕ СЛЕДСТВИЕ	225
Глава двадцать пятая	
НОВОЕ ЗНАКОМСТВО	231
Глава двадцать шестая	
СПЕЦОБЪЕКТ МГБ № 236	235
Глава двадцать седьмая	
ЧЕТВЁРТОЕ СВИДАНИЕ	238
Глава двадцать восьмая	
НА САНАТОРНОМ ПОЛОЖЕНИИ.....	240
Глава двадцать девятая	
ЛЕФОРТОВСКАЯ ТЮРЬМА В ЧЕТВЁРТЫЙ РАЗ.....	244
Глава тридцатая	
СПЕЦКОРПУС БУТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ	247
Глава тридцать первая	
О МАТЕРИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЯХ.....	254
Глава тридцать вторая	
ЛУБЯНСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ	257
Глава тридцать третья	
СЕДЬМОЙ ЭТАП	262
Глава тридцать четвёртая	
НОВОСИБИРСК.....	266
Глава тридцать пятая	
ОЗЕРЛАГ	270
Глава тридцать шестая	
БОЛЬШОЙ ДОМ В ЛЕНИНГРАДЕ ВО ВТОРОЙ РАЗ	282

Глава тридцать седьмая ДОРОГА НАЗАД	286
Глава тридцать восьмая Л/П 05. НА КАТОРЖНОМ ПОЛОЖЕНИИ.....	288
Глава тридцать девятая О «СОВЕТСКОЙ ЖИЗНИ» И «СОВЕТСКИХ ЛЮДЯХ»	293
Глава сороковая 043-Й ЛАГПУНКТ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ.....	298
Глава сорок первая СУЩЕСТВОВАНИЕ НА Л/П 043	308
Глава сорок вторая НОВЫЕ ВЕЯНИЯ.....	325
Глава сорок третья НАЧАЛО КОНЦА.....	330
Глава сорок четвёртая ПРИЕЗД.....	336
Глава сорок пятая ПУТЬ ДОМОЙ.....	343
Глава сорок шестая В РАЗРУШЕННОМ ЛАГПУНКТЕ.....	348
Глава сорок седьмая ЖИЗНЬ И СУДЬБА ЛАНГЕ	350
Глава сорок восьмая ЛЁД ТРОНУЛСЯ	356
Глава сорок девятая ДУБРОВЛАГ	364
Глава пятидесятая НА 11-М ЛАГПУНКТЕ	367
Глава пятьдесят первая «СЕЗАМ, ОТКРОЙСЯ»	371
Глава пятьдесят вторая ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП	375
ЭПИЛОГ	380
КОММЕНТАРИИ (<i>составитель Маньков С.А.</i>)	387
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	430
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	433
ИРИНА РОМАНОВНА БЬЁРКЕЛУНД РАССКАЗЫВАЕТ Из беседы Н. П. Рождественской и Д. Д. Ивашинцева с Ириной Романовной Бьёркелунд в мае 2006 г. <i>Текст подготовлен</i> <i>Д. Д. Ивашиным</i>	440

**Готовится к печати двухтомник известного русского поэта,
журналиста, участника французского Сопротивления
Кирилла Дмитриевича Померанцева**

К. Д. Померанцев родился в Москве в 1906 году, детство провёл в Полтаве. Покинул Россию со своими родителями в 1920. В Константинополе, где они обосновались, Кирилл закончил Британскую среднюю школу для русских мальчиков, в 1927 году перебрался из Константинополя во Францию. С 1927 года жил в Париже. Учился в Техническом училище. Работал на бензоколонке, на заводе грампластинок. С началом Второй мировой войны жил в Лионе, участвовал в Сопротивлении. После освобождения Парижа работал в мастерской по росписи шёлка. С 1947 сотрудник газеты «Русская мысль», с 1957 — в отделе политической информации, с 1958 — заместитель редактора. Выступал в периодических изданиях эмиграции как поэт, автор очерков, интервью, эссе о деятелях русской эмиграции. В 1960-е — 1970-е интервьюировал известных диссидентов. В 1965 выпустил книгу путевых очерков «Итальянские негативы», автор мемуаров «Сквозь смерть» (Лондон, 1986). В 1986 издал сборник «Стихи разных лет» (Париж). Скончался в Париже в ночь на 5 марта 1991 года. Урна с прахом захоронена в колумбарии кладбища Пер-Лашез под номером 14201.

Составителями двухтомника его произведений стали Александр Павлович Радашкевич — поэт, эссеист, переводчик, близко знавший Кирилла Дмитриевича, и известный французский учёный славист, собиратель коллекции произведений русского зарубежья Ренэ Герра.

Их общими усилиями собрана уникальная подборка текстов Померанцева, включающая полный корпус стихотворений, сборник эссе «Сквозь смерть», путевые заметки «Итальянские негативы», роман «Восьмой день», статьи, некрологи. В двухтомнике воспроизводятся фотографии и автографы из личного архива К. Д. Померанцева, архива Ренэ Герра, 12 иллюстраций Юрия Анненкова к повести «Итальянские негативы» и рисунки Ф. И. Шаляпина.

Кирилл Померанцев. 1940-е

Борис БЬЁРКЕЛУНД

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ ВСЕВОЗМОЖНЫХ НЕВОЗМОЖНОСТЕЙ

Главный редактор
Д. А. Ивашинцов

Редактор
С.А. Маньков

Художник
Д. Д. Ивашинцов

Вёрстка
В.Ф. Недвецкий

Корректор
М.Г. Крашенникова

Учредитель и издатель: НП «Русская культура»
195220, СПб., ул. Фаворского, дом 12, лит. В
Адрес редакции: 195220, СПб., Гражданский пр., д. 24, офис 11
Контактные телефоны: (812) 534-96-34; +7 (921) 368-07-57
E-mail: info@russkymir.org

Подписано в печать 08.04.2014г. Формат 70х100 1/16. Усл. печ. л. 28
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 208

Отпечатано с электронного оригинал-макета, предоставленного издательством,
в типографии ООО «Таро»
199106, Санкт-Петербург, В.О., 24 линия, д. 1
тел./факс: (812) 438-19-65 E-mail: tarospb@yandex.ru